СТАРООСВОЕННЫЕ РАЙОНЫ

В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва ❖ 2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РАН

СТАРООСВОЕННЫЕ РАЙОНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный редактор
Т.Г. Нефедова

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2021

УДК [332.122:338.45](470.3)
ББК 65.046.1(235)
С77

Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / [Аверкиева К.В. и др.] ; сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2021. – 379 с. – ISBN 978-5-907372-87-0.

I. Аверкиева, К.В.

II. Нефедова, Т. Г., сост.

Авторский коллектив:

Аверкиева К.В., Глезер О.Б., Гунько М.С., Денисов Е.А., Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г., Старикова А.В., Трейвиш А.И., Шелудков А.В.

Рецензенты:

А.А. Алексеев – доктор географических наук, профессор Географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В.Н. Стрелецкий – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Книга посвящена исследованию срединной полосы Европейской России от западных границ до Урала и Зауралья. Пласты освоения прошлых исторических периодов, накладываясь друг на друга, продолжают влиять на современную жизнь этой территории. Несмотря на сравнительно небольшую площадь, проблемы пространственной неравномерности развития здесь не менее остры, чем во многих северных и восточных районах России. Исследование ведется в разных масштабах: от показа места этих территорий в судьбе страны до подробного анализа двух групп старых промышленных районов – в Центре и на Урале с их спецификой исторического развития, современными социально-демографическими, хозяйственными, культурными особенностями и внутренним устройством. Приведенные примеры регионов, городов и сельских поселений позволяют глубже понять анализируемые процессы. Завершается книга выявлением современных пространственных социально-экономических контрастов староосвоенного ареала на муниципальном уровне с показом успешных и наиболее проблемных городов и районов, причин, которые привели их к современному состоянию, и последствий для экономики и жизни населения. Исследование опирается на подготовленную авторами статистическую базу данных по муниципальным образованиям, результаты дешифрирования космических снимков и полевые материалы, собранные в ключевых регионах. Оно сопровождается большим количеством карт, графиков и фотографий. Монография адресована не только профессионалам, занимающимся проблемами пространственного развития, но и широкому кругу читателей, интересующихся судьбой России.

Утверждено к печати Ученым советом Института географии РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-17-00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России» 2019–2021 гг., не подлежит продаже

ISBN 978-5-907372-87-0

© Коллектив авторов, текст, рисунки, 2021.
© ИГ РАН, 2021.
© ООО «КМК», издание, 2021.

Оглавление

Введение (*Т.Г. Нефедова*) 7

Часть 1. Районы старого освоения в условиях неравномерного развития 12

Глава 1.1. Староосвоенность как феномен пространственного развития (*А.И. Трейвиш*) 12
Глава 1.2. Пульс освоения: расширение и сжатие (*А.И. Трейвиш*) 19

Часть 2. Староосвоенные районы на фоне России 30

Глава 2.1. Уровни развития и структурные типы районов (*А.И. Трейвиш*) 30
Глава 2.2. Урбанизация и роль региональных центров (*Т.Г. Нефедова*) 38
Глава 2.3. Старые и новые сельские тренды (*Т.Г. Нефедова*) 46
Глава 2.4. Пространственная мобильность населения как ответ на социально-экономическую поляризацию (*Т.Г. Нефедова*) 59
Глава 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы (*А.И. Трейвиш, О.Б. Глезер, Т.Г. Нефедова*) 68

Часть 3. Районы Центральной России в условиях демографического и экономического сжатия 78

Глава 3.1. Освоение, заселение и города в Центре России (*Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш*) 78
Глава 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства (*Т.Г. Нефедова*) 93
Глава 3.3. Поля и фермы: вид из космоса (*А.А. Медведев*) 105
Глава 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам (*А.А. Медведев, Т.Г. Нефедова*) 119
Глава 3.5. Культурное наследие на фоне поляризации пространства (*Т.Г. Нефедова*) ... 126
Глава 3.6. Никто не виноват, но что же делать? (*Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш*) 136

Часть 4. Ареалы развития и упадка в историческом ядре России 140

Глава 4.1. Путешествие по избранным маршрутам (*Т.Г. Нефедова, А.Г. Махрова*) 140
Глава 4.2. Столичный регион: пример ускоренного развития (*А.Г. Махрова*) 167
Глава 4.3. На северо-восток от столичного ядра (*К.В. Аверкиева, Т.Г. Нефедова*) 193
Глава 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов (*К.В. Аверкиева, Т.Г. Нефедова*) 200
Глава 4.5. Мобильность населения во времени и пространстве: хроногеография и ночные спутниковые снимки (*А.В. Старикова, А.В. Шелудков*) 216
Глава 4.6. От Костромы до областных окраин (*Т.Г. Нефедова*) 224
Глава 4.7. В глубине пустеющей ойкумены: пример одного района (*Т.Г. Нефедова*) 236
Глава 4.8. Три города – три судьбы (*М.С. Гунько*) 250
Глава 4.9. Год COVIDa – миграционный разворот? (*А.Г. Махрова, Т.Г. Нефедова*) 262

Часть 5. Урал и Зауралье 273

Глава 5.1. Старые районы Урала (*Т.Г. Нефедова*) 273
Глава 5.2. Северный Урал: поиск новой ниши (*К.В. Аверкиева, Е.А. Денисов*) 277

Глава 5.3. Среднеуральский меридиан от Нижнего Тагила до Челябинска (*Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш*).....291
Глава 5.4. Южный Урал и Зауралье: наследуемые и новые пути развития (*А.В. Старикова, А.В. Шелудков*).....311

Часть 6. Пространственное неравенство староосвоенных районов 323
Глава 6.1. Методы анализа и типологии муниципальных образований (*Т.Г. Нефедова, А.В. Шелудков*).....323
Глава 6.2. Основные факторы пространственной дифференциации (*Т.Г. Нефедова, А.В. Шелудков*).....328
Глава 6.3. Диагностика социально-экономического состояния городов и районов (*Т.Г. Нефедова, А.В. Шелудков*).....335
Глава 6.4. Все ли объясняют природные и центро-периферийные различия? *(А.В. Шелудков*).....347

Заключение *(Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш*).....363

Список литературы.....363

Сведения об авторах.....379

OLD-DEVELOPED REGIONS IN THE SOCIOGEOGRAPHIC SPACE OF RUSSIA: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

The book is devoted to the study of the middle belt of European Russia, from the western borders to the Urals, where the layers of the past development, overlapping each other, continue to influence present life. Despite the relatively small territory, the problems of spatially uneven development are here no less acute than in other, most vast northern and eastern regions of Russia. The research featured in the book is conducted at different geographical scales: from showing the place of old-developed regions in the overall development of the country to a detailed analysis of the two old-industrial areas located in Central Russia and Urals, their specific historical trajectories of development, contemporary socio-demographic, economic, cultural features, and internal structure. The book concludes with the identification of contemporary spatial socioeconomic contrasts within the old-developed area at the municipal level, showing the successful and most deprived cities and districts, the reasons for their situation, and consequences for the economy and the life of people. The study is based on a wide range of data including official statistical accounts processed into a database by the authors, remote sensing data, and field research materials obtained in case study regions. The text is accompanied by a large number of maps, graphs, and photos. This book will be of interest to professionals dealing with issues of spatial development but also to a general public interested in contemporary Russia.

CONTENT

Introduction (*T.G. Nefedova*) 7

Part 1. Old-developed areas under conditions of uneven development 12
Chapter 1.1. Old-development as a phenomenon of spatial development (*A.I. Treivish*) 12
Chapter 1.2. The pulse of development: expansion and shrinkage *(A.I. Treivish)* *19*

Part 2. Old-developed areas against the background of Russia 30
Chapter 2.1. Levels of development and structural types of areas (*A.I. Treivish*) 30
Chapter 2.2. Urbanization and the role of regional centers (*T.G. Nefedova*) 38
Chapter 2.3. Old and new rural trends (*T.G. Nefedova*) 46
Chapter 2.4. Spatial population mobility as a response to socioeconomic polarization (*T.G. Nefedova*) 59
Chapter 2.5. Old-developed areas in the waves of municipal reform (*A.I. Treivish, O.B. Glezer, T.G. Nefedova*) 68

Part 3. Regions of Central Russia in the face of demographic and economic shrinkage 78
Chapter 3.1. Development, settlement, and cities in Central Russia (*T.G. Nefedova, A.I. Treivish)* *78*
Chapter 3.2. Contrasts between the rural settlement pattern and economy (*T.G. Nefedova*) 93
Chapter 3.3. Fields and farms: a view from space (*A.A. Medvedev*) 105
Chapter 3.4. Villages and summer houses according to statistics and satellite images (*A.A. Medvedev, T.G. Nefedova*) 119

Chapter 3.5. Cultural heritage against the background of spatial polarization (*T.G. Nefedova*)....126
Chapter 3.6. No one is to blame, but what should be done? (*T.G. Nefedova, A.I. Treivish*) 136

Part 4. Areas of development and decline in the historical core of Russia 140
Chapter 4.1. Travelling on selected routes *(T.G. Nefedova, A.G. Makhrova*) 140
Chapter 4.2. Metropolitan region: an example of accelerated development (*A.G. Makhrova*)....167
Chapter 4.3. To the northeast of the capital core (*K.V. Averkieva, T.G. Nefedova*) 193
Chapter 4.4. Yaroslavl oblast: the growth of internal contrasts (*K.V. Averkieva, T.G. Nefedova*) 200
Chapter 4.5. Population mobility in time and space: time geography and study of nighttime lights (*A.V. Starikova, A.V. Sheludkov*) 216
Chapter 4.6. From Kostroma to the regional margins (*T.G. Nefedova*)....224
Chapter 4.7. In the depths of the emptying ecumene: an example of one district (*T.G. Nefedova*)....236
Chapter 4.8. Three cities – three destinies (*M.S. Gunko*) 250
Chapter 4.9. A year of COVID – migration reversal? (*A.G. Makhrova, T.G. Nefedova*)....262

Part 5. The Urals and Trans-Urals 273
Chapter 5.1. Old-developed districts of the Urals (*T.G. Nefedova*)....273
Chapter 5.2. Northern Urals: search for a new niche (*K.V. Averkieva, E.A. Denisov*) 277
Chapter 5.3. The Middle Ural meridian from Nizhny Tagil to Chelyabinsk (*T.G. Nefedova, A.I. Treivish*) 291
Chapter 5.4. The Southern Urals and Trans-Urals: inherited and new development paths (*A.V. Starikova, A.V. Sheludkov*) 311

Part 6. The uneven development of old-developed areas 323
Chapter 6.1. Methods of analysis and typology of municipalities (*T.G. Nefedova, A.V. Sheludkov*) 323
Chapter 6.2. The main factors of spatial differentiation (*T.G. Nefedova, A.V. Sheludkov*)...328
Chapter 6.3. Diagnostics of the socioeconomic situation in cities and districts (*T.G. Nefedova, A.V. Sheludkov*)....335
Chapter 6.4. Can everything be explained by environmental and central-peripheral differences? *(A.V. Sheludkov*) 347

Conclusions *(T.G. Nefedova, A.I. Treivish*)....363
References....363
Information about the authors....379

ВВЕДЕНИЕ

При изучении России не обойтись без пространственного подхода, и не только потому, что физическое пространство страны огромно. Оно выступает и как внешний фактор развития общества, и как его имманентное свойство, поскольку формируется людьми и складывается из результатов их деятельности (Смирнягин, 2016).

Говоря о пространственном развитии России, часто сразу переходят к освоению Севера и Востока страны. Это отразилось и в Стратегии пространственного развития до 2025 года (Стратегия …, 2019). Речь заходит о геополитических задачах, освоении еще не тронутых природных богатств, новых городах, магистралях и т.п. Сказывается советский и досоветский «ура-освоенческий» стереотип. Для него в России еще хватает амбиций, но мало амуниции, в том числе человеческих ресурсов, а они сосредоточены в районах старого освоения и заселения.

Староосвоенные районы – это территории, где сохранились артефакты и ментифакты освоения прошлых исторических периодов. Их пласты накладывались друг на друга, но так, что накопленные достижения и проблемы заметны до сих пор. Они зачастую продолжают влиять и на современную жизнь в виде культурного наследия, сложившейся структуры расселения, местных традиций, накопленных основных фондов и т.д. При этом «старость» освоения – понятие условное. Возраст староосвоенных районов может составлять и десятки, и сотни, и тысячи лет. Знание их специфики особенно важно в больших странах с неравномерным во времени и в пространстве освоением – в отличие от многих европейских стран с плотным расселением и тысячелетней историей.

Н.Н. Баранский в 1946 г. писал: «…каждый исторически данный «рисунок» размещения хозяйства имеет внутренние ему присущие закономерности… При этом «узоры» хозяйственной географии любой страны или района вырисовываются на фоне не только определенного природного окружения, но и предшествующей хозяйственной географии, и этот второй фон во многих и многих случаях – особенно в странах и районах уже старых – нередко оказывается для понимания современной хозяйственной географии не менее важен, чем фон чисто природный» (Баранский, 1980). Следуя этой логике, авторы книги пытаются ответить на ряд вопросов. Как влияет длительность и характер освоения, смена его стадий на состояние городов и районов, культурных ландшафтов? В чем специфика современного периода? Почему социально-экономические контрасты в зоне старого освоения нарастают? В чем состоят ключевые проблемы их развития и как можно (или нельзя) их решать? Какие ареалы заслуживают более детального анализа?

Эта книга – о сравнительно небольшой территории староосвоенной России, где проблемы пространственной *неравномерности* развития не менее остры, чем во многих районах сравнительно нового освоения. Выделение ареала исследования во многом условно: он включает хотя и староосвоенные, но разновозрастные районы и всегда был заселен и развит неравномерно. В последнее время эта проблема обостряется. К более конкретным современным проблемам в этом контексте относят сильное межрегиональное неравенство, внутрирегиональное

экономическое расслоение, сжатие освоенного пространства к главным центрам, социальное опустошение давно заселенных районов. Это усиливает контрасты и отставание многих сельских территорий и малых городов по уровню и качеству жизни населения от крупных центров.

Книга посвящена староосвоенным районам, в основном в срединной части Европейской России от западных границ до Урала и Зауралья (рис. 1). Д.И. Менделеев в начале XX в. писал: «Отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет» (Менделеев, 1906, с. 143). Освоение смещалось со временем на восток, хотя распад СССР вызвал поворот миграций населения вспять – с востока на запад. Все это делает рубеж между европейской и азиатской частями страны довольно зыбким.

Тем не менее, именно ядро формирования великорусского народа, колыбель его государства, вместилище столиц, средоточие населения и деятельности, памятников и центров культуры стало главным объектом нашего изучения. Несмотря на то, что по объему валового регионального продукта Европейская Россия, особенно ее срединная часть, проигрывает многим странам зарубежной Европы и некоторым восточным районам самой России, концентрация в ней населения и капиталов определяет ее лидерство в потребительских и других секторах экономики. Тем более, что человеческий капитал, его количество и качество становятся в современном мире главным фактором развития.

Конфигурация ареала староосвоенных районов России – вопрос дискуссионный (Староосвоенные …, 2019). Исследуя избранный ареал в треугольнике

Рис. 1. Староосвоенные регионы России как объект исследования.

Санкт-Петербург – Белгород – Тюмень, авторы уделяют особое внимание двум группам старых промышленных районов: в историческом ядре, то есть в Центре страны, и на Урале (рис. 1). Главным в исследовании было выявление на историческом фоне современных трендов развития, пространственных социально-экономических контрастов, их причин и последствий. Поэтому завершается книга исследованием муниципальных образований во всем рассматриваемом ареале, с выявлением основных факторов, влияющих на социально-демографическую и экономическую дифференциацию городов и районов, успешных и наиболее проблемных территорий.

Экономическое состояние тех или иных территорий, жизнь людей на них можно изучать в разных масштабах и рамках. От контрастов внутри обжитой веками российской «ойкумены» до подробного исследования отдельных регионов, их внутреннего устройства, некоторых городов и сельских поселений.

Стремление глубже вникнуть в дифференциацию староосвоенных районов, ее причин и проблем заставило авторский коллектив сосредоточить внимание на небольших ареалах. Начальные главы все-таки включают более широкие обзоры и сравнения, призванные вписать информацию об исследуемом ареале староосвоенных регионов в общий географический и исторический контекст развития страны.

Работа опиралась на анализ статистических данных по регионам, городам, муниципальным районам, городским и муниципальным округам. Исследование дополнялось дешифрированием космических снимков, созданием и использованием карт на разные периоды времени. Это позволило местами скорректировать официальную статистику и увидеть реальные пространственные структуры жизни людей и последствий их деятельности. Использовались также справочно-правовые системы (СПС): СПС Консультант Бюджетные организации и СПС КонсультантПлюс: Сводное региональное законодательство.

Важной составляющей были полевые исследования в ключевых регионах Центра и Урала по тщательно разработанным маршрутам. Визуальное обследование подкреплялось беседами (интервью) с жителями и экспертами – руководителями муниципальных образований, предприятий и др.

Книга включает несколько крупных частей.

Первая часть, состоящая из двух глав, посвящена староосвоенности как феномену, специфике освоения России, восприятия староосвоенных районов в советское и постсоветское время, а также соотношению процессов (и понятий) неравномерности развития, его концентрации, поляризации, сжатия освоенного пространства, наиболее характерных для этих районов.

Вторая часть, включающая пять глав, рассматривает социально-экономические трансформации России в XX и XXI вв. и судьбу староосвоенных территорий в результате смены экономических эпох, волн индустриализации, стадий урбанизации. Исследуются также исторические сдвиги сельского расселения и географии хозяйства, колебания институциональных условий и такая реакция населения, как увеличение его пространственной мобильности.

Третья часть из шести глав посвящена центральным районам России. Наиболее подробно в ней исследуется нечерноземная часть Центрального

федерального округа вокруг Москвы, хотя для сравнения затрагиваются северо-западные и черноземные регионы. Показана специфика освоения этих территорий и формирования городов, трансформация сельской местности, контрасты их современного состояния. На основе муниципальной статистики и дробного картографирования по результатам дешифрирования космических снимков изучаются изменение расселения и последствия депопуляции сельского населения, выявляются ареалы заброшенных и обрабатываемых земель, а также постсоветские изменения в организации животноводства. Выявляются волны дачного освоения территории не только в пригородах, но и в удаленных районах на фоне социально-экономического опустынивания. Отдельная глава посвящена проблемам сохранения культурного наследия в условиях пространственной поляризации. В конце этой части авторы пытаются ответить на вопрос: что же делать?

Четвертая часть книги – самая обширная, она включает девять глав. Это углубленные исследования отдельных регионов, муниципальных районов и городов в Центре России с использованием дробной статистики и с опорой на полевые исследования. Открывает ее статистический анализ муниципальных образований по двум профилям, напоминающим на карте букву «икс»: первый – от Ленинградской области через Москву до юга Тульской области и второй – от Юга Калужской области через Москву и Ярославскую область к востоку Костромской. Такой подход позволил описать контрасты социально-экономического развития по самым разным показателям. Главный драйвер развития – Московский столичный регион – рассмотрен в специальной главе с учетом основных очагов экономического роста и специфики пульсации населения в Москве и Московской области. Для более подробного анализа, вплоть до городов, сельских поселений и предприятий, на основе маршрутных и полевых исследований выбран северо-восточный сектор Центра России. Его описание начинается еще в главе о Московской области от Мытищ до Сергиева Посада. В следующих главах рассматриваются подробно Ярославская и Костромская области, вплоть до отдельных предприятий и поселений. На примере Ярославской области показаны причины, направления и последствия разных видов мобильности населения и методы ее изучения. Полимасштабные исследования в Костромской области углубляются до уровня отдельных муниципальных образований и деревень. В специальной главе приводятся примеры малых городов, их экономические проблемы, связанные с монопрофильностью, и роль местных инициатив. Не обошли авторы и специфику последнего COVIDного года, его влияния на расселение и процессы дезурбанизации на основе обследования отдельных муниципальных образований.

Пятая часть, состоящая из четырех глав, раскрывает специфику староосвоенных регионов Урала с описанием истории освоения и современных проблем как макрорегиона в целом, так и отдельных его частей. Она также строится от общего к частному. Подробно рассмотрены города Северного Урала. Специальная глава охватывает территорию промышленного Среднего Урала от Нижнего Тагила до Челябинска. История и проблемы преимущественно равнинных территорий к юго-востоку от Челябинска и в Курганской области описаны в отдельной главе. Показаны особенности главных городских центров

и судьба малых промышленных городов-заводов, роль крупных корпораций в экономической и экологической поляризации пространства, особенности развития некоторых южных староземледельческих районов.

Завершает книгу в **шестой части** исследование всего ареала от западных границ через Центр к Уралу. Оно включает диагностику социально-экономического состояния городов, городских округов и муниципальных районов и анализ влияющих на него пространственно дифференцированных факторов, таких как природные условия, удаленность от региональных центров и их размер и др. Выявляются типы муниципальных образований по сочетанию ряда показателей. Анализ построен на основе официальной статистики Росстата по муниципальным образованиям с добавлением собственных расчетов и исследований. Подробное изучение исторической и современной специфики староосвоенных районов на конкретных примерах в предыдущих главах позволило авторам не только разработать методику, определить набор наиболее индикативных показателей и представить результаты анализа обширного региона картографически, но и попытаться объяснить полученные результаты.

В книге обобщены результаты многолетних исследований староосвоенных районов, в том числе полученные авторами в Институте географии РАН в 2019–2021 гг. при выполнении проекта Российского научного фонда № 19-17-00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России». Исходный статистический материал, в том числе по муниципальным образованиям, собран в специальную базу данных, на которую получен патент[2]. Результаты исследований в процессе выполнения проекта РНФ были в значительной части опубликованы в разных российских и зарубежных журналах. Тем не менее, собранные вместе, эти результаты дают разностороннее и комплексное представление об основных тенденциях и возможностях развития сложных и контрастных староосвоенных территорий России.

[1] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621439 «Староосвоенные районы Европейской России и Урала» / Нефедова Т.Г., Старикова А.В., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. Институт географии РАН, 2021.

ЧАСТЬ 1. РАЙОНЫ СТАРОГО ОСВОЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ

Глава 1.1. Староосвоенность как феномен пространственного развития

Фрагменты этой книги не раз проходили апробацию – докладывались и обсуждались на семинарах, совещаниях, конференциях. И нередко их участники, особенно не географы, спрашивали: «А что такое эти ваши старые районы, почему они вас интересуют?» Задача первой главы – дать ответы на эти вопросы, осветить их истоки, современный контекст и круг сопряженных проблем.

Начало и пауза

В 1988 г. в Твери прошла IV сессия Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС), вернее ее предтечи – совета «Региональные системы» при Президиуме АН СССР, – по староосвоенным районам. В стиле словаря тогдашней перестройки сессию назвали «Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах», как и сборник докладов (Географические ..., 1988). Вышли коллективные монографии (Грицай и др., 1991; Территориальная ..., 1995). Но позже изыскания в этом русле по разным причинам прервались. Возникла во многом вынужденная пауза.

Почему географы в 1980-х годах сочли, что староосвоенные, или районы старого освоения, требуют внимания? Повторим, то была пора горбачевских реформ. Никто не знал, куда они ведут, но лозунги перехода от экстенсивного развития к интенсивному, от расширения массы ресурсов к повышению отдачи от них должны были иметь свою территориальную проекцию, и, казалось, что именно староосвоенные районы накопили тот потенциал, который понадобится в первую очередь.

Сам термин – не новый, он давно применялся в широком смысле и в узких версиях в СССР (где исследователи чаще писали о старопромышленных районах) и на Западе (*old developed* или *early developed regions* в англоязычной литературе). У нас переориентация с освоения новых земель на использование и обихаживание старых потребовала усилий – слишком долго наука и практика отдавали приоритет первой задаче. Многие широко известные суждения ярко о том свидетельствуют: прогноз М.В. Ломоносова о прирастании могущества России Сибирью, позже – Д.И. Менделеева о движении центра ее населенности в сторону благодатного Юга и обильного землей Востока, взгляд на историю России как историю колонизуемой страны С.М. Соловьева и В.О. Ключевского и др.

Классики не игнорировали издержки освоения (внутренней колонизации). П.П. Семенов-Тян-Шанский (1892), вторя В.О. Ключевскому, писал, что русские земледельцы поплатились свободой за преждевременное стремление к колонизации, имея в виду их закрепощение в XVI–XVII вв. на фоне запустения ядра страны при массовом бегстве населения на новые окраины. Такие разные мыслители, как В.И. Ленин и Н.А. Бердяев, сошлись в том, что возможность развития

«вширь» на новой земле не только заменяет, но и замедляет развитие «вглубь» на старой (Ленин, 1899); что «русская душа ушиблена ширью», не видит границ, и это не освобождает, а порабощает ее (Бердяев, 1918). Еще раньше так думал и П.Я. Чаадаев. Впрочем, развития не бывает без издержек, а под развитием сплошь и рядом понимали тогда расширение и освоение территорий.

В советское время «ура-освоенческие» настроения (как их стали называть в 1980–90-х годах) крепли и регулярно подкреплялись рапортами о новостройках, новых центрах и районах там, где не ступала нога человека или он жил, как поколения предков. Успехи приукрашивались[2], но пропаганда влияла на умы. Еще в начале 1980-х годов географические журналы публиковали в 1,7 раза больше статей по Азиатской России, чем по Европейской, и только к концу 1990-х годов числа сравнялись (Зубаревич, Трейвиш, 2001). Одна ученая дама (опустим ее фамилию) всерьез утверждала, что новые районы на востоке и севере СССР выгодно отличает от старых то, что новые создают по науке, планово и комплексно, а старые складывались стихийно и несут на себе груз проклятого прошлого, его хаотических напластований. Все же изучались и эти районы, прежде всего промышленно-городские. А освоение и «освоенчество» породили неплохую научную школу В.В. Покшишевского, С.В. Славина, К.П. Космачева, Ю.С. Никульникова, в основном изучавшую пионерное освоение.

Освоенческий синдром в XX в. наблюдался во многих странах. Примеры есть в книге Дж. Скотта (Scott, 1998). Они негативные и часто связаны с освоением территорий в СССР, США, Латинской Америке, Африке, Азии. Корни неудач Скотт видел в неуемном административном рвении, слепой вере в прогресс («высокий модернизм»), авторитаризме и бессилии гражданского общества. Но проекты, названные в его книге, реализованы, а сколько осталось на бумаге! Нижне-Обская ГЭС, грозившая затопить нефтяные поля Западной Сибири, планы переброски на юг стока северных и сибирских рек, масштабного освоения пустынного Центра Австралии, Севера Канады и т.д. С последними воевал (и победил) географ Г. Тейлор, живший в обеих странах, но в 1928 г. из Австралии фактически изгнанный (Джеймс, Мартин, 1988).

Понятно желание больших малолюдных, но богатых природными ресурсами стран освоить у себя все еще не освоенное. Однако есть ограничения, налагаемые нехваткой людей, средств, да и самой природой. Как писал в 1951 г. Гриффит Тейлор, она говорит нам: «Этот участок слишком сух или слишком холоден, слишком влажен или пересечен» (Джеймс, Мартин, 1988, с. 369). Говорит ясно, тысячи лет. Например, в Египте, где размер и форма государственной территории так непохожи на параметры внутренней ойкумены. Ярко сказал о Египте Н.С. Гумилев: «А ведь знает и коршун бессонный: // Вся страна – это только река, // Окаймленная рамкой зеленой // И другой, золотой, из песка».

Это касается и России. Если брать не всю ее территорию, а удобную для обживания и освоения по природным условиям, заселенную де-факто (с плотностью от 1 чел./км²) или используемую в земледелии, то среди самых больших стран она окажется не на 1 месте, а на 3–5 (рис. 1.1.1). И это при том, что у нас, как и в Китае,

[2] Подробнее см. в Главе 1.2. Пульс освоения: расширение и сжатие.

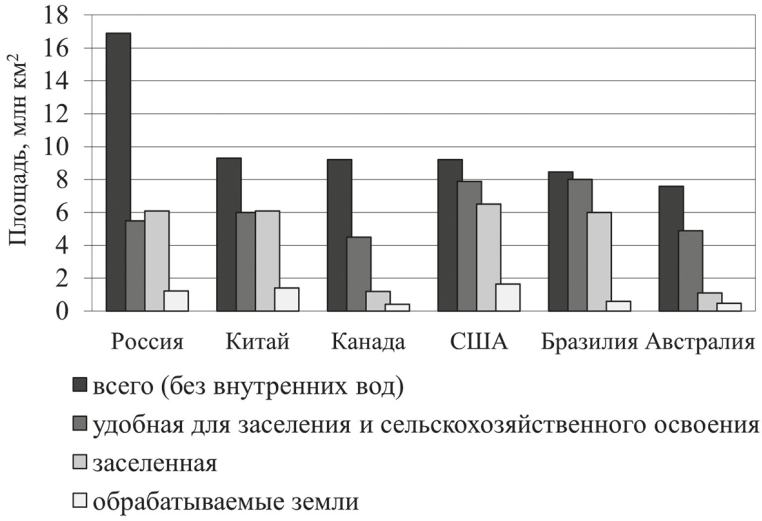

Рис. 1.1.1. Территории самых обширных стран мира с учетом их пригодности для заселения, освоения и уровня фактического использования. *Источник*: (Трейвиш, 2020).

в отличие от других гигантов, исторически заселена часть далеко не лучших для этого земель. Ведь районы с наиболее благоприятными природными условиями в России составляют всего 15% территории (Атлас …, 2020). В стране, в прошлом которой были популярны лозунги «Мы не можем ждать милостей от природы...» или «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики», осознание этих пропорций и пределов борьбы с ними приходило с трудом и поздно.

Вот почему к концу советской эпохи географы взялись изживать в самих себе и вокруг признаки того самого синдрома, с натугой поворачивая руль в сторону освоенных районов. Кратко укажем, что именно обсуждалось и утверждалось в отношении освоения и старых районов на том изломе истории.

1. Выделялись две стороны освоения: а) овладение землями и ресурсами, их эксплуатация; б) приспособление, обустройство, поддержание полезных свойств.

2. Освоение признавалось потенциально постоянным процессом, в ходе которого за пионерной волной (стадией) могут следовать другие, именуемые также развитием или преобразованием, трансформацией.

3. Различие районов нового и старого освоения виделось в присутствии у вторых заметных следов нескольких волн; динамика старых районов рисовалась по общей схеме «подъем – расцвет – упадок – (возрождение)», но была выражена в разной мере.

4. С этой мерой часто связывались характерные для староосвоенных районов контрасты, поскольку уже было ясно, что далеко не все они высокоразвитые и способные служить опорными базами интенсивного развития.

5. Назывались три признака «староосвоенности»: функционально-отраслевой тип, возраст и уровень. Рассмотрим каждый из них детальнее.

Главными типами считались староземледельческие и старопромышленные районы. Курортно-рекреационные – менее вездесущи и более молоды. Лесопромысло-

вые и кочевые животноводческие – неустойчивы, аккумулируют меньше мобильных ресурсов, в том числе людских. А старые торговые, военно-административные типы чаще порождали центры, чем районы (ареалы) в полном смысле слова.

Возраст, по тогдашним представлениям, как и нынешним, может иметь абсолютное измерение или относительное – по шкале тех или иных волн развития. При этом возникает ряд проблем: согласования характерных времен и шкал (производственных, транспортных, демографических, расселенческих), их индикативности и операциональности (например, можно ли измерить возраст района по наиболее доступному возрасту старейшего города), возрастного сдвига («стареют» ли на каждом новом витке районы прежних волн) и др.

Допускалось, что уровень освоенности в терминах заселенности, обустроенности, продуктивности территории, зрелости территориальной структуры (ее, конечно, выявить сложнее) может расти или убывать. Но предполагалось, возможно

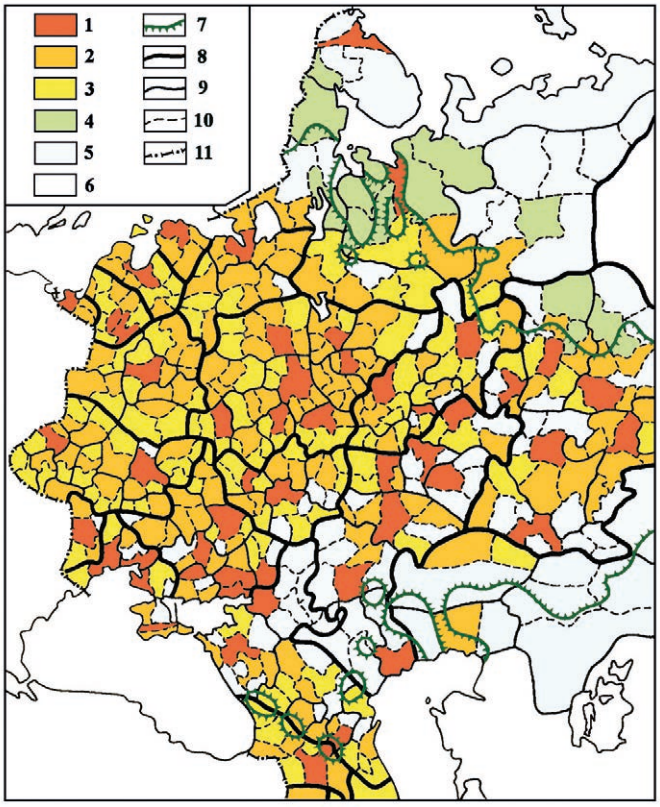

Рис. 1.1.2. Типы освоенности европейской части СССР на уровне внутриобластных районов (районов Е.Е. Лейзеровича) к 1990 г. по С.А. Тархову (с коррективами).
Источник: (Территориальная ..., 1995).
Районы старого освоения (обычно выделенные по возрасту старейшего города): *1* – концентрированного многофункционального, *2* – сравнительно равномерного, в основном индустриального, *3* – сравнительно равномерного, в основном аграрного, *4* – выборочного, в основном лесохозяйственного; *5* – *более позднего (условно нового) освоения*; *6* – *территории за рамкой анализа*. Границы: *7* – зоны сплошной освоенности (зубцы направлены внутрь зоны), *8* – основных экономических районов, *9* – регионов областного ранга, *10* – внутриобластных районов, *11* – СССР.

напрасно, что потери уровня на «худшей» стадии не таковы, чтобы вывести район из ряда освоенных. До сих пор неясно, какая глубина истощения, размывания, забвения позволит заявить, что района вообще, тем паче староосвоенного, больше нет. Или его бытие по двум другим признакам все же гарантировано, скажем, пока жива хотя бы память о нем?

Все это, конечно, не догмы, а некоторые посылки. Но, доведенные до методически приемлемых путем допущений и упрощений, они позволили выявить староосвоенные районы внутриобластного уровня в пределах европейской части СССР (рис. 1.1.2). Авторы схем из книги, на которую в подписи к рисунку дана ссылка (выпущена в 1995 г. едва дышавшим издательством «Наука» благодаря усилиям Г.А. Приваловской, а писалась раньше, по советским материалам), знали, что старые районы есть и на востоке СССР. Но ограничились европейской частью, то есть их основным вместилищем, где староосвоенные районы по принятой типологии и в указанном масштабе занимали до 3/5 территории, хотя их массив ожидаемо сужался к востоку, чередуясь с более «молодыми» районами уже в Урало-Поволжье (не говоря о Зауралье). В зоне сплошной освоенности доля старых районов достигала 4/5 ее площади. Они концентрировали львиную долю населения и экономики.

Сессию МАРС в 1988 г. завершал круглый стол с ключевым прикладным вопросом в духе времени: «староосвоенные районы – база или обуза перестройки?» Ответ вообще-то был очевиден: и то, и другое. Эстонский географ Х. Аасмяэ сказал тогда в Твери: «Старые районы – это милая обуза перестройки». Но ведь тут и урбанизированные ареалы, включая мощные столичные, и депрессивные, депопулирующие, явно слабые – в сельской глубинке. Кстати говоря, аббревиатура для староосвоенных районов не вводилась, поскольку звучала бы слишком красноречиво: СОР.

Возможность и даже факты депрессии старых промышленных районов, в отличие от аграрных, в СССР не признавались. Не было традиции диагностики их состояния, не ставилась задача поддержки. Индустриализация с урбанизацией одно время страховали их от кризисов, однако время шло, и все больше ареалов, особенно периферийных, ветшало. Ученые понимали, что развитие на каких-то стадиях поляризует пространство, но даже им мириться с этим было тяжело. На тверской сессии 1988 г. они предлагали ввести льготы и надбавки для жителей глубинки по типу северных. Но дальше разговоров дело не пошло и пойти не могло. Очень скоро всем стало вообще не до того.

Тридцать три года спустя: постсоветский контекст

За прошедшие десятилетия изменилось многое – сама страна (территория, границы, частично состав соседей), ее политика, экономика, население, культура. К этим переменам трудно подобрать один главный эпитет. Они и постсоветские, и постиндустриальные, и рыночные, и другие, случившиеся дружно, как-то разом, что, разумеется, не отменяет специфики каждого сдвига в отдельности.

Претерпели изменения внутрироссийские тренды пространственного развития (хотя далеко не все они принципиально новые), на которые так или иначе

реагировала наша наука. Подробный аналитический обзор ее реакций и постсоветских направлений содержит книга (Социально-экономическая ..., 2016). Остановимся только на том круге вопросов, который, как нам представляется, теснее всего связан с судьбой (и темой) районов старого освоения.

С 1990-х годов мы заметили и начали обсуждать эффекты поляризации и пульсации социально-экономического пространства, включая его сжатие (Пивоваров, 1995; Родоман, 1999; Сжатие ..., 2010; Трейвиш, 2016; и др.). Тут вполне уместно некое уточнение, вроде «постиндустриального сжатия»: его признаки вначале проявились в форме кризисной де-индустриализации, обнажив проблемы старопромышленных районов и центров – усталых, дряхлых, ржавых, как их звали тогда в СМИ. Потом ее сменила не радикальная и не повсеместная реиндустриализация. Изменения коснулись и агросектора, и третичной сферы торговли и рядовых услуг, и информационной четвертичной. А с ними – городов разного размера и статуса, их агломераций, сельской местности.

В любом случае ясно, что мы имеем дело с неравномерным развитием и смежными с ним явлениями и тенденциями, их причинами и результатами для районов старого освоения. При этом в России на первый план вышла неравномерность пространственного развития по линии (оси) центр – периферия, наблюдаемая в разных масштабах.

Попробуем уточнить соотношение понятий неравномерности, концентрации, поляризации и сжатия, упоминаемых в разных главах книги. По нашему мнению, это понятия одного ряда, но со своими нюансами.

Неравномерность тесно связана именно с развитием, всегда дифференцированным во времени и пространстве, что помогает развитию либо затрудняет его. Этой емкой темы касались многие, включая Э. Роджерса с его схемой инноваций (Rogers, 1962) и А. Оукена с идеей обратной связи равенства и эффективности (Okun, 1975). Но они уводят глубоко в дебри общественно-научной мысли. Нам важнее то, как текущая динамика влияет на контрасты социально-экономического пространства. А влияет она по-разному (Massey, 1984). Неровный рост или спад усилит контрасты, если повторит неровности исходного «рельефа» с его высотами (местами концентрации деятельности) и низинами, подчеркнет их. В противном случае он их сгладит.

С концентрацией – сосредоточением некого явления в некой области, в том числе в пространстве, – дело обстоит несколько проще. Основную проблему составляют формы и масштабы тех пространственных ячеек, в которых она проявляется и фиксируется. Но пока наряду с центрами, очагами концентрации, растут и развиваются, пусть даже медленнее, другие (периферийные) районы, это именно и только концентрация.

А вот при поляризации, присущей и отдельным явлениям, и всему пространству, где-то налицо рост и развитие, а где-то – уже убыль и упадок. Формируются два полюса; по крайней мере, так обычно считают регионалисты, иногда называя примерно то же самое (вслед за социологами) сегрегацией, расслоением пространства.

При сжатии все и вся тянется в одну сторону, обычно к центрам. Отсюда недалеко до фрагментации, дробления пространства на очаги жизни и выпадающие из

нее провалы. Это, во-первых, локационное, физически наглядное и сравнительно легко измеримое сжатие, причем отношение к нему обычно негативное, поскольку оно чревато потерей обжитых, освоенных, экономически активных земель.

Есть другое сжатие – коммуникационное, скорее виртуальное и воспринимаемое позитивно: сближение мест за счет новых средств транспорта и связи. П. Хаггет (1979, с. 382) назвал его имплозией (внутренним взрывом), когда большие «массы» типа крупных центров условно слипаются, а «мелочь» как бы разлетается в стороны, хотя физически все остаются на своих местах. В книге основное внимание уделено локационному сжатию. Вместе с коммуникационным оно обычно действует в пользу центров, а не периферии, усиливая поляризацию и нередко фрагментацию пространства.

За всем этим стоит, как минимум, еще один ключевой многогранный процесс – урбанизация. Как многие другие, влияющие на расселение и жизнь людей, он в книге рассматривается. Демографический контекст, наряду с другими, так или иначе тоже в ней присутствует.

В чем главное отличие старых районов от районов нового (пионерного) освоения? Пожалуй, в том, что здесь присутствует и влияет на современное развитие наследие его былых стадий (волн, слоев). Этот тезис требует пояснения. Ведь даже в России, при ее размерах, нет значительных территорий, где люди никогда не бывали и которые никак не использовали. Однако следов их деятельности часто не найти без специальной техники, многолетних усилий археологов.

В старых районах часть следов тоже стерта, но есть другие, очевидные и значимые. Особенно наглядны примеры с объектами Всемирного наследия, собирающими толпы туристов. Так, перуанские Анды непредставимы без Мачу-Пикчу, Ланкашир – без образа родины промышленного переворота и группы «Битлз», Италия и Греция – без античных памятников, Владимирщина – без шедевров русской архитектуры. Сегодня состояние этих и других староосвоенных районов бывает разным, а роднит их именно наличие патины времени, ландшафтов прошлого рядом с новыми или же ландшафтов-палимпсестов, «переписанных» историей, но сохранивших знаки и символы минувших эпох. И не только это. Итоги многолетних пластов расселения, накопленный (или утерянный) экономический потенциал, традиции и менталитет влияют и на современную жизнь.

Глава 1.2. Пульс освоения: расширение и сжатие

Расширение российского пространства: этапы, масштабы, главные центры

История и география наделили Россию громадным физическим пространством. Его колонизацию (в современных терминах – освоение) В.О. Ключевский назвал основным фактом русской истории, добавив, что область колонизации расширялась с территорией государства и что это движение шло в разных направлениях, то падая, то поднимаясь (Ключевский, 1993, с. 8). Оно нуждалось в опорных центрах, главным из которых бывала столица. Столица и граница страны задавали фокус и рамку процесса на каждом этапе. Не зря самим этапам часто дают имя столицы: киевский, московский, петербургский, а затем – вновь московские. Так можно назвать и волны расширения-освоения территории государства. Поясним характер ранних и бегло – поздних волн (подробнее см. (Трейвиш, 2020)).

Первые князья, как писали историки, жили войной и торговлей, без сел и пашен, как блуждающие кометы. Они везли «в греки» меха, мед, воск, собранные с лесных племен. В XII–XIII вв. крепло земледелие, росла сеть городов, а князья «приватизировали» свои уделы. Путь «из варяг в греки» хирел, Волго-Окское междуречье росло. В 1169 г. Андрей Боголюбский, первый великоросс по В.О. Ключевскому, после взятия Киева его войском, посадил там брата, а сам остался во Владимире. В раздробленной и затем в подчиненной Орде стране этот центр был номинальным. Митрополит из разоренного монголами Киева перебрался во Владимир в 1299 г., а в 1325 г. – уже в Москву.

Наши исторические столицы образуют треугольник: Киев – Владимир – Санкт-Петербург. Всего столиц было 4–5: с Новгородом и, возможно, Ладогой, куда вначале прибыл Рюрик. Наибольший «стаж» общерусской столицы имеет Москва, собравшая страну вновь. Тут пересеклись давняя ось освоения, нацеленная на северо-восток и восток, с новой – «из немцев в татары и персы». Равных Москве в допетровской России-Московии не было.

Две головы византийского орла тянули на восток и на запад, но осколки Орды на востоке давались легче. Величавая идея Третьего Рима (1523 г.) треснула к исходу XVI в. под грузом амбиций при нехватке амуниции. Еще до Смуты крестьяне бежали на окраины страны, и запустение ее ядра ускорило их закрепощение (Семенов-Тян-Шанский, 1892; и др.). Прорубив в XVIII в. окна в Европу, Россия повезла туда полотно, лес, железо, хлеб. Ради заморской роскоши дворяне нещадно тянули из поместий аграрную ренту. А внутренний рынок заложил трещину между северной промышленной и южной аграрной зонами экономического пространства. Реформы 1860-х годов умножили очаги развития, не устранив внутренних контрастов и технической зависимости от Запада. В XX в. СССР продолжал активно осваивать территорию, но рухнул в 1991 г. Восстановительный подъем не вылился во что-то большее и сегодня не вполне завершен.

Обобщая, можно сказать, что «останцы» прежних распадов страны копили нечто вроде энергии сжатой пружины. Распрямляясь, она расширяла рубежи – до нового срыва. Страна пульсировала в пространстве. И ключевым звеном процесса служило старое ядро, в чем, возможно, состояла его историческая миссия. Это

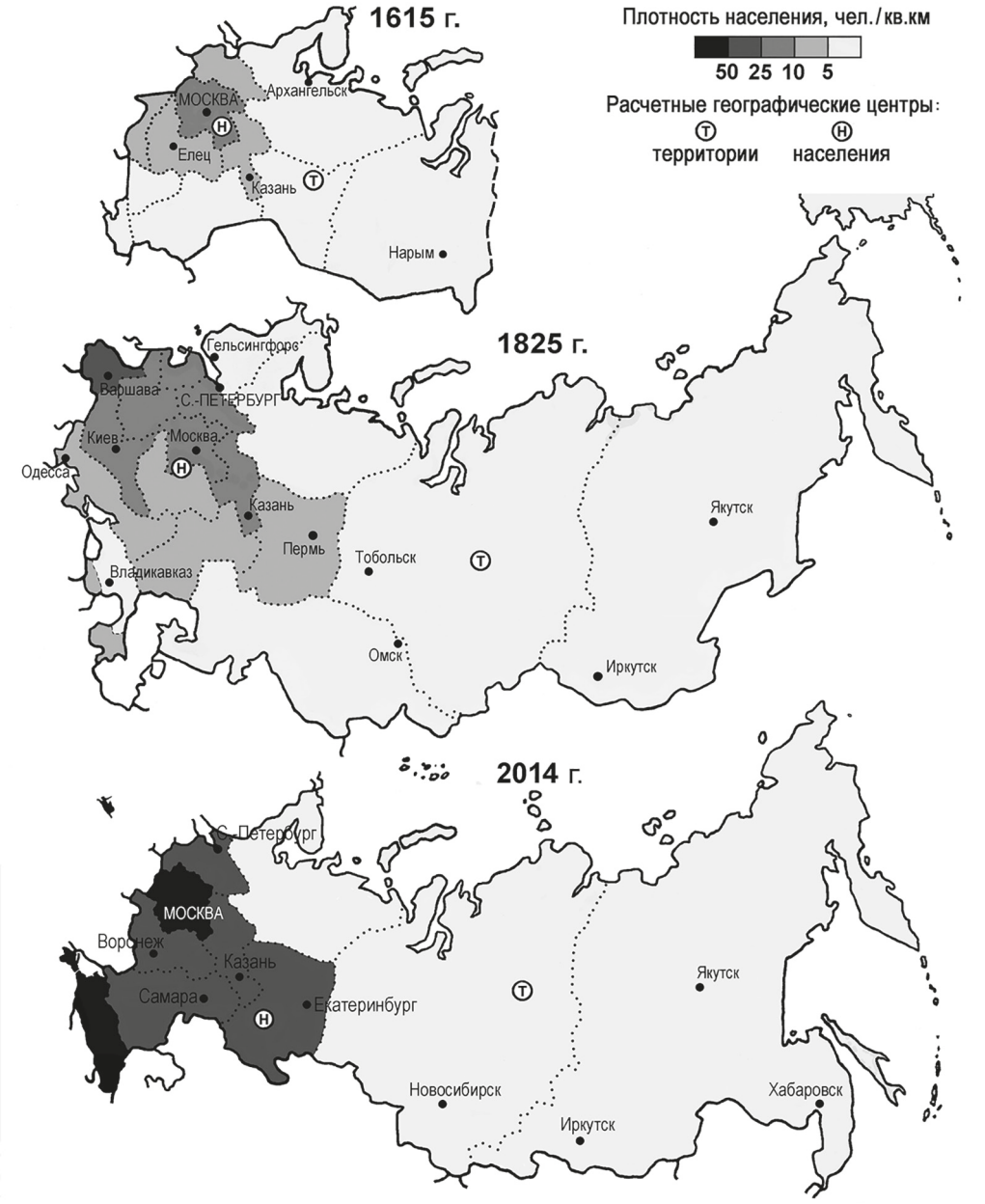

Рис. 1.2.1. Плотность населения крупных частей Русского государства и расчетные центры тяжести его территории и населения. *Источник*: (Трейвиш, 2020); составлено с использованием материалов Б.П. Вейнберга (1915).

ядро, «Россия-минимум», меньше, чем «Россия-максимум» в 50 раз. Первая, отстав от центров территории и населения, ушедших на восток (рис. 1.2.1), не утратила своей сердцевинной и командной роли по сей день.

Киевская Русь, Российская империя и СССР фактически имели по две столицы. Вторые – Новгород, Москва, Ленинград – уступали первой в людности до двух раз, а по правилу «ранг–размер» второй город должен быть вдвое меньше лидера. Сегодня Санкт-Петербург отстает от Москвы в 2,35 раза, а его агломерация – в 2,5–2,7 раза. Былая двустоличность страны тает на глазах.

Европейская территория Россия (ЕТР) сильна не только столицами. Почти 940 ее городов – это 80% всех российских, что близко к доле ЕТР в населении страны. Их больше всего (95) в Московском регионе, в Свердловской области – уже вдвое меньше. При этом 424 города, поселка или села ЕТР официально относятся к историческим, составляя 89% таких мест в России. В среднем они как минимум на 200 лет старше, чем за Уралом. Из 29 российских объектов Всемирного наследия (с Херсонесом Таврическим, который ЮНЕСКО числит за Украиной) 20 находятся на ЕТР. Кроме двух, они принадлежат к типу культурных, а все 9 объектов за Уралом – природные. Примерно так же размещены еще 29 кандидатов на роль объектов Всемирного наследия.

Освоенность ЕТР и Урала отражают протяженность и густота дорожной сети. На эти 25% территории России приходится половина железных дорог, 75% автодорог общего пользования (81% – с усовершенствованным покрытием). Их плотность на порядок выше, чем в Сибири, но ниже, чем в Зарубежной Европе, с которой сравнимы немногие южные регионы, Подмосковье и Калининградская область.

Экономические мотивы освоения пространства

Веками Россия делилась на освоенную «старую» и «новую», осваиваемую ради ее природных богатств: зверя, рыбы, солей, руд, плодородных земель. Каждая эпоха рождала свои районы, а старые могла довести до упадка, если не перекрывала новыми пластами.

Размеры и место России на карте мира определил «сибирский поход» за пушниной, одна из ярчайших глав нашей истории. За полвека с небольшим землепроходцы добрались от Урала до Тихого океана (Охотск основан на 56 лет раньше Петербурга). Путь через Канаду, не менее длинный и тоже по суровой земле, без попутных движению рек, занял в 3,5 раза больше времени. Два самых обширных государства современного мира возникли под влиянием глобального рынка пушнины, в погоне за сибирским соболем и канадским бобром (Савченко, Трейвиш, 2017; Трейвиш, 2020).

Плотность поселений в «морях» тайги – крайне низка, а некоторые из них вскоре исчезли, как пушная фактория Мангазея. Одну из проблем нашего Севера и Востока составляют долгие перерывы между волнами освоения, из-за чего одни и те же места часто приходится осваивать заново: старые базы утрачены. Впрочем, не застрахованы от этого и фрагменты старой, ойкуменной части страны, занимающей примерно треть ее территории. На этой трети следов прежнего освоения больше за счет староземледельческого слоя. Более трудоемкий, чем охотничье-промысловый, он чаще создавал зоны сплошного заселения. Новые промышленные пласты здесь давали кумулятивный эффект, каждый раз свой. Попробуем в этой связи привязать к территории К-циклы (К-волны) Н.Д. Кондратьева.

На «0-цикле» ремесла и мануфактуры тяготели к речным путям и зонам с избытком рабочих рук. Первые мануфактуры возникли в XVI в., Петр I вводил их массово. Самые крупные стояли на Урале, в Центре и на Северо-Западе. Промышленный ареал в XVII в. имел общий вид римской цифры V. Один конец упирался в Белое море, другой – в Урал, третий – в район Тулы. Такая форма сперва была у всей страны, но она росла, а промыслы уплотнялись внутри той же «фигуры». В XVIII в. ее острие достигло Воронежа, а Санкт-Петербург расширил ее на западе. Хлебный Юг отставал от Севера, где земля кормила хуже, зато были города, торговля и бойкий люд. Кустарные промыслы тянулись по рекам – Оке, Москве, Клязьме, Волге и рекам Севера. Индустрия малолюдного, но богатого сырьем Урала из Прикамья шагала за хребет, в 1723 г. были заложены заводы будущего Екатеринбурга. Через 20 лет Урал лил в 2,5 раза больше чугуна, чем Англия. Из Сибири пока везли пушнину, но она помогла купцам сколотить стартовый капитал.

Символы первой кондратьевской волны – станки и паровые машины. Первые с 1830-х годов сгущали фабричный Центр, кристаллизуя кустарный «субстрат» между Москвой и Нижним Новгородом. Очагов кристаллизации было много, но фабрики селились более кучно, чем ремесла, тяготея к крупным селам, городам и порождая последние (Иваново-Вознесенск и др.). Это признаки локального сжатия экономики на общем фоне расширения. Тогда же паровые машины появились на сахарных заводах и маслобойнях Черноземья. Разбросанные по его селам и городкам, они создали меньше крупных центров (и меньше истощили глубинку).

Вторая волна – угля и стали – поднялась в 1870–80-х годах. Возникли железные дороги, банки, акционерные общества. На юге, добивая старый Урал, рос Донбасс с транспортно-торговыми и машинно-техническими спутниками: Таганрогом, Харьковом, Ростовом-на-Дону – условными аналогами Бирмингема, Ливерпуля, Кёльна. На Кавказе появилась нефтедобыча, в столицах и немногих других местах – крупное машиностроение. В итоге 95% индустрии остались в европейской части, но она росла избирательно. Центр (от Тулы до Ярославля и Нижнего Новгорода), Санкт-Петербург и Средний Урал обеспечивали до 2/3 промышленной продукции страны.

К 1917 г. страна построила тысячи верст железных дорог и со своими 5% мировой промышленной продукции была пятой после США, Британии, Германии и Франции (Трейвиш, 2021). Но вся индустрия с кустарями занимала 1/10 часть работников, при этом она давала 1/4 дохода империи (Статистический …, 1995) и выглядела островами в аграрно-лесном море. Городского населения в Европейской России было около 14%, в странах Запада – не менее 1/3, в Великобритании – уже 3/4.

Картину не сразу изменила советская индустриализация, растившая отрасли третьего цикла: тяжелое (оборонное) машиностроение, электроэнергетику, нефтепереработку и др. Сначала – в старопромышленных районах (СПР), которыми считались Центр, район Ленинграда, Донбасс, Средний Урал. Они успешнее решали задачи первых пятилеток, чем ударно создаваемые новые базы. В 1930-х годах 63% новостроек тяжелой индустрии тяготели к СПР, еще 17% – к новым европейским (Тяжелая …, 1936; Планирование …, 1985). Смена отраслей и укрупнение предприятий вызвали рост скорее компактных промышленных узлов, чем районов, более характерных для предыдущих циклов (рис. 1.2.2).

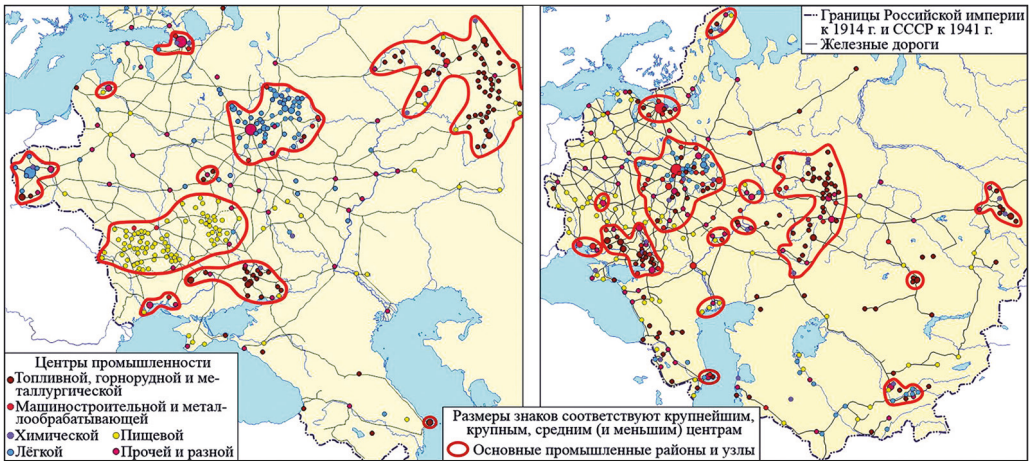

Рис. 1.2.2. Промышленность Российской империи и предвоенного СССР: основные базы. *Составлено* по (Трейвиш, 2020).

Динамика узлов зависела от их отраслевого профиля. В Омске, Новосибирске, Кузнецке крупная индустрия, по советской статистике, выросла в сотни раз. Москва, Горький, Казань, Куйбышев и другие узлы машиностроения показали 50–80-кратный рост, а текстильный Ивановский – лишь 6–7-кратный. У границ крупные заводы до войны не строили, до многих южных районов они тоже не добрались. Эти территории остались до поры «в резерве». Один Московский регион до войны давал больше продукции, чем вся Сибирь (Трейвиш, 2021).

Восточные районы очень помогли в годы Великой Отечественной войны – туда эвакуировали сотни заводов[3]. После войны СССР догонял и догнал США по чугуну, стали, нефти, газу, цементу, тракторам. Однако не хватало товаров народного потребления, электроэнергии. Все ГЭС, ТЭС и АЭС (в 1954 г. заработала первая в мире Обнинская АЭС в Калужской области) давали в 1,5–2 раза меньше американских. Три четверти продукции выпускали заводы-гиганты. Даже после войны СПР давали 2/3 промышленной продукции – больше, чем в 1925 г. Освоение новых земель, создание городов «на пустом месте», сдвиг на восток тогда преувеличивали (Минц, 1974). Вклад Зауралья в советское производство не превышал 20% из-за низких советских цен на сырье и топливо (табл. 1.2.1).

Четвертая волна (нефтехимия, электротехника и др.) накатила почти без паузы за третьей. С 1960-х годов обрабатывающая индустрия стала на время почти повсеместной в рамках освоенной территории, в том числе за счет размещения филиалов заводов-гигантов в малых городах. По оценкам, машиностроение было на 2/3 оборонным, а его доля по кадрам – выше, чем в ряде развитых стран. Но экспорт остался сырьевым. Ввозя зерно, «ширпотреб», технику, страна спешно осваивала ресурсные базы. Военно-промышленная гонка требовала концентрации ВПК в главных центрах, а рост внешних связей – развития регионов-ворот. Все это растягивало зоны развития. Паритет новых и старых районов отразило

[3] См. Главу 5.3. Среднеуральский меридиан от Нижнего Тагила до Челябинска.

Таблица 1.2.1. Динамика индустрии в XX в. на территории РСФСР/РФ

Год	1900	1925	1950	1975	2000	1900	1925	1950	1975	2000
Показатель	Число работников, млн чел.					Продукция в ценах 2000 г., млрд руб.				
	1,9	2,2	10,8	21,4	13,3	22	37	579	4705	4759
Районы	Доля работников, %					Доля в производстве продукции (в текущих ценах), %				
Старопромышленные*	64	61	42	40	33	60	65	67	42	32
Другие европейские	30	33	39	41	47	33	31	27	38	40
Азиатские (за Уралом)	6	6	19	19	20	7	4	6	20	28

Примечание: * Петербург–Ленинград с окружением, Промышленный Центр с Нижегородской областью, Средний Урал. *Источник*: (Трейвиш, 2020).

принятие в 1973–1974 гг. (с расчетом на нефтедоллары и конъюнктуру мирового энергокризиса) сверхдорогих программ строительства БАМа и подъема Нечерноземной зоны РСФСР (что, по сути, было признанием ее аграрной депрессии). Не касаясь их эффективности, отметим сам факт – символический и характерный для той поры.

Далеко не все, созданное и освоенное в СССР, пережило 1990-е годы. Еще раньше ветшали целые промышленные ареалы, но их проблемы маскировала гарантия сбыта любых товаров. Более того, правительство, как и на заре советской власти, думало, что индустрия и социализм сами собой страхуют страну и районы от острых кризисов. Поэтому широких программ помощи старопромышленным районам, в отличие от староземледельческих, оно не принимало. А потом стало просто не до них.

Постсоветский период освещен в книге далее. Пока же заметим, что рамки, возраст, жизненный цикл районов – сложные темы. По условной аналогии с тектоникой можно найти экономические платформы с основаниями в Центре и на Урале. Их структура и динамика – различны (Трейвиш, 2009, с. 179). Москва, снабжавшая Центр импульсами роста, повинна в резких перепадах от столичного пика к днищам глубинок. На полицентричном Урале больше вершин и «нагорий». Он испытал подъемы в XVIII и XX вв. с провалом между ними; отсюда – разные оценки его возраста. «Щиты» (Ивановский, Тагильский и др.) сложены одним циклом, а их соседи покрыты «чехлами» наслоений. Районы у стыков платформ активнее и моложе, но часто неустойчивы или эфемерны.

Годы и эволюция подходов расширяли круг старопромышленных районов. К ним давно относят креатуры первой и второй волн: текстильные, угольно- и рудно-металлургические или смешанные (как ареал Муром – Выкса – Кулебаки у Оки). Их индустриализация часто опережала урбанизацию, хотя они опирались на Москву, Нижний Новгород и Екатеринбург с «отложениями» ряда волн. Потом добавились очаги третьей волны, в Европе чаще приморские, у нас – глубинные: Тула–Новомосковск, Череповец, волжские, камские. А время бежит. Возможно, 30 лет, прошедшие после СССР, – достаточный срок, чтобы районы, рожденные советской четвертой волной, тоже отнести к старым. Но это спорный вопрос, требующий более детальной проработки.

Пульсации освоенного пространства, динамика населения и устойчивость расселения

Волны и типы освоения влияют на расселение людей, его формы, плотность, устойчивость. Почти сплошной распашке плодородных равнин сопутствует равномерное дисперсное расселение. В горах и в зонах с мозаикой лесных, болотных, луговых угодий распашка выборочна, и расселение вписано в мозаику ландшафтов. Освоение ресурсов недр зависит от их вида, запасов и положения, опираясь на малые и редкие или крупные, плотные формы расселения, городские агломерации так называемого бассейнового типа (Лаппо, 1978). Однако нам важнее не первичные процессы, а вторичные, когда новые волны, ложась на «оттиски» старых, усиливают одни звенья расселения и ослабляют или стирают другие, как палимпсест. Это ставит вопрос об устойчивости (изменчивости) расселения: позиционной и динамической, элементарной и системной (Трейвиш, 1989).

Позиционная устойчивость давно занимает географов. Свойствами географического положения они часто объясняют феномен «вечных» городов, таких как Рим и его древний соперник Карфаген–Тунис, а в России Дербент и Херсонес–Севастополь, Смоленск и Москва. История знает и города-эфемеры, падавшие после взлетов (Мангазея, Верхняя Губаха, Итиль, Старый Сарай и Новый Сарай, Лугань). Не всегда ясен возраст пункта: его археологический, летописный, административно-юридический признаки не совпадают. Подход к возрасту городов эклектичен: к старейшим, но дожившим до конца советской эпохи, – обычно источниковедческий (первое упоминание), к городам нового времени – юридический.

Позиционно-динамическую изменчивость можно оценить по разнице между годом появления старейшего города и средней датой для всех городов района. В Центре России три четверти районов с резкими возрастными контрастами городов находятся у границ областей, но иногда и внутри них, как в Череповецком, Ивановском, Новомосковском промышленных ареалах. Генетическая разнородность характерна и для южных окраин СССР и России, где новые большие города соседствуют с древнейшими (Трейвиш, 1989).

Динамика населения по республикам, краям, областям и большинству автономных округов, даже упраздненных в 2000-х годах[4], представлена на рис. 1.2.3.

Преобладают регионы с ростом населения, ведь за век с четвертью оно удвоилось в стране. Многократный рост показали столицы, крупногородские регионы, а также южные, северные и восточные; последние – благодаря «ударному» советскому освоению. Потери отличают субтаежную полосу, от Псковской области (46% населения от его численности в 1897 г.) до Кировской, и субчерноземную юго-восточнее Москвы, которую еще В.П. Семенов-Тян-Шанский (1910) называл самой «хворой». Все они попали в рамки ареала старого освоения, выбранного нами для детального изучения[5]. Но внутри него динамика получилась очень контрастная. Она различалась и во времени (рис. 1.2.4).

---

[4] Оценки численности населения на 1897 г. в границах регионов XXI в. выполнены нами ранее в (Трейвиш, 2011) и используются здесь с последними уточнениями.

[5] См. Введение.

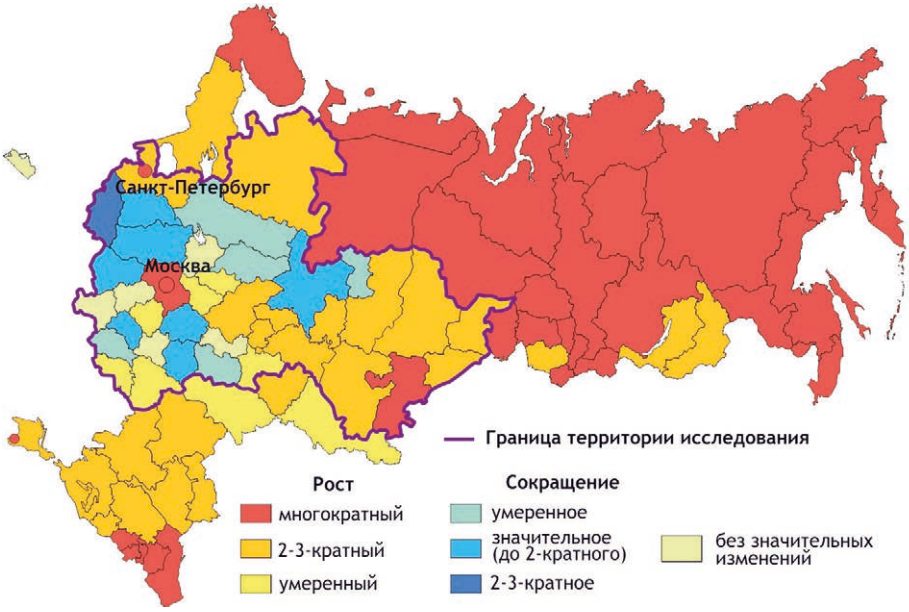

Рис. 1.2.3. Динамика населения регионов (в современных границах) за 1897–2021 гг.

Контрасты динамики в 1897–1926 гг. ограничены, в том числе в ареале исследования: почти везде население росло умеренными темпами. На следующем этапе контрасты резко усилили военные потери и миграции из сельских районов в города. Затем различия сгладились, но с сохранением негативной или слабо выраженной динамики в том же ареале и ярко позитивной – в нефтегазовых тюменских округах. На последнем, по сути постсоветском, отрезке убыль охватила большинство регионов, включая многие восточные, где население раньше росло. В изучаемом ареале исключением стали столичные регионы, Белгородская область, юг Тюменской области и несколько регионов Урало-Поволжья, таких как Татарстан и Башкортостан, но со скромными индексами роста.

Динамическую устойчивость можно выявить, сопоставив сумму перераспределений долей районов за ряд отрезков времени с их изменением между крайними датами, то есть одно- или разнонаправленность сдвигов. Чем больше разница, тем выше доля попятных (маятниковых) сдвигов, гасящих итоговые (Смирнягин, 1988). Когда-то мы подсчитали, что в СССР, как и в США, сдвиги между крупными частями на 72–73% следовали давнему тренду освоения территорий (Трейвиш, 1989). Перестановки районов по числу жителей были редкими: первые оставались первыми, а последние – последними. Но в XXI в. в Евразии после распада СССР Средняя Азия сменила в роли лидера Юго-Запад: Украину с Молдавией. Население явно смещалось на юго-восток, и доля попятных сдвигов снижалась.

В Европейской России дело обстоит иначе. Доля в ее населении многих взятых для оценки районов (близких к дореволюционным: пересчеты по ним вести сложнее) то росла, то падала, колебания стали заметнее. Их доля с 1870 по 1979 г. слегка превысила 1/3. Убрав не самый надежный отрезок 1880–1897 гг. и добавив

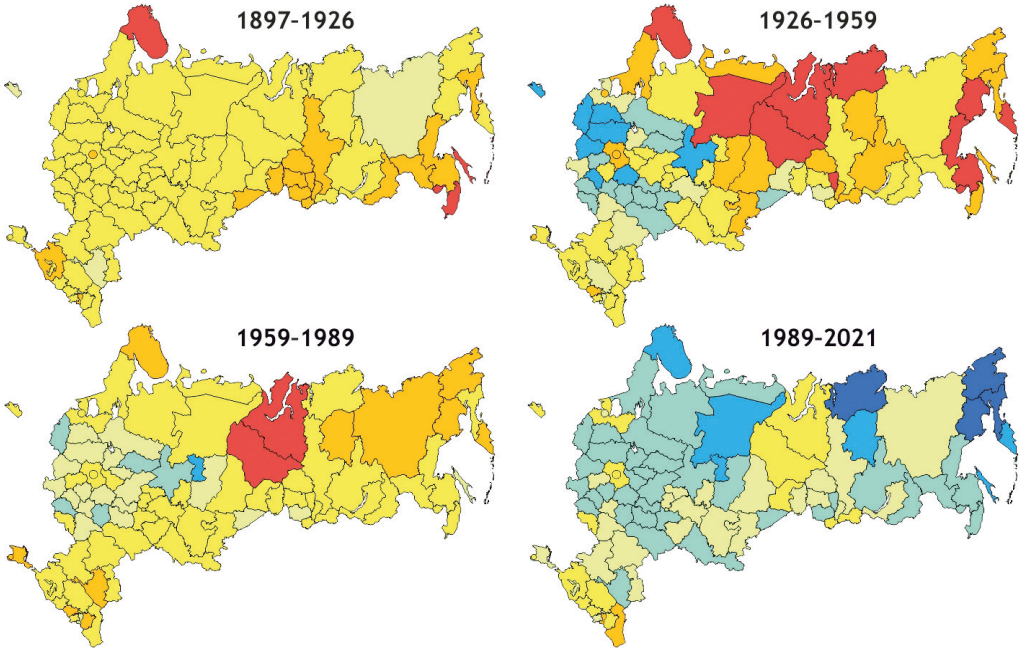

Рис. 1.2.4. Динамика населения регионов России (в современных границах) по тридцатилетним периодам. *Примечание*: легенду см. на рис. 1.2.3.

два новых, мы получили в итоге почти 38% попятных сдвигов (табл. 1.2.2). Маятниковый ритм отсутствовал в западных районах, терявших свои доли в населении обычно в пользу Юга России, ряда других районов, а в последние годы – Центра во главе с Московским регионом.

Схемы сдвигов на европейской территории СССР (ЕТС) по концентрическим и секторальным группам регионов приведены на рис. 1.2.5. За 124 года заметно нарастили население центр ЕТС и окраинное кольцо, а вокруг центра возникла воронка устойчивой убыли. Из секторов постоянным, хотя не очень быстрым ростом выделялся южный. И, разумеется, Московский регион, к секторам не отнесенный, население которого увеличилось более чем в 7 раз. Там же отмечен сильнейший размах колебаний роста за счет его невиданного ускорения в годы форсированной индустриализации и позднесоветского замедления. Но убыли ни на одном из отрезков не было, в отличие от всех секторов, кроме южного. Резкие перепады темпов сокращения населения имели место в западном секторе, понесшем в первой половине XX в. серьезные людские потери. В последние годы заметно после прибавки в 1926–1959 гг. усиливается отток населения из северного сектора.

Инерционная устойчивость концентрации (плотности) горожан отмечалась ранее у элементов схемы «сгущений городской жизни» В.П. Семенова-Тян-Шанского (1910). Ее проверка по данным за весь XX в. дала результаты, во многом аналогичные вышеизложенным (Город ..., 2001, с. 371).

Смена волн освоения и главных секторов экономики, а также стадий урбанизации (Gibbs, 1963; Зайончковская, 1985; Трейвиш, 2009; Нефедова, Трейвиш, 2017)

Таблица 1.2.2. Сдвиги населения в границах европейской части бывшего СССР и расчет попятных движений, 1897–2021 гг.

Период (даты)	Перераспределение долей районов*, процентные пункты	
	между датами	в среднем за год периода
1897–1926	11,4	0,44
1926–1940	5,3	0,18
1940–1959	8,6	0,45
1959–1979	4,9	0,25
1979–2002	4,9	0,21
2002–2021	6,5	0,34
Накоплено в сумме за 6 периодов	37,0	0,30
1897–2021	23,0	0,19
Попятные сдвиги, процентные пункты	14,0	0,11
Доля попятных сдвигов в накопленной сумме, %		37,9

Примечание: * Север; Центр и Запад; Прибалтика; Белоруссия; Центр и Запад Украины и Молдавия; Юг и Восток Украины; Поволжье; Предкавказье; Урал. Сдвиги в населении в 1897–1940 гг. даны на основе расчетов автора.

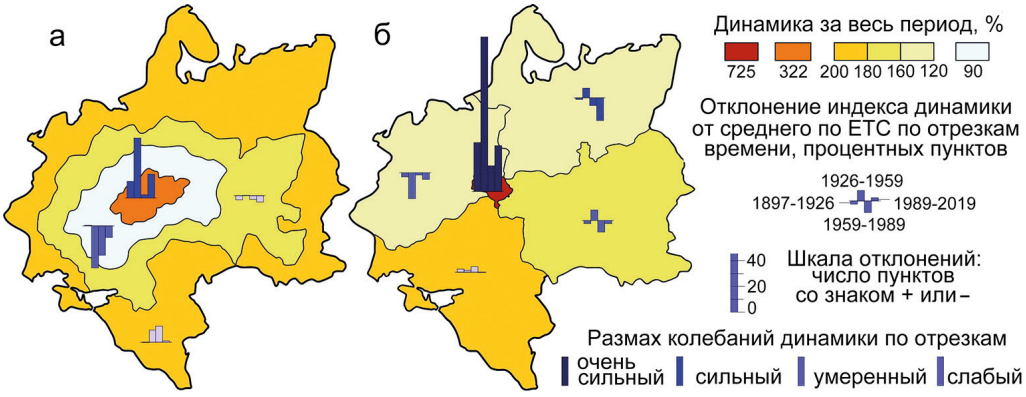

Рис. 1.2.5. Динамика населения европейской части бывшего СССР по концентрическим (а) и секторальным (б) группам регионов с 1897 по 2019 г.

снижает устойчивость населения и его динамики. Ее характер зависит от типа и этапа развития и различен от страны к стране, от места к месту. В России это ясно видно по противоположной динамике крупных городов и сельской местности. Однако рано или поздно расселение дестабилизируется и в урбанизированных районах, новых или старых, в том числе старопромышленных. Помешать этому трудно в силу мощи процессов, подобных в данном отношении климатическим и тектоническим.

Возникает вопрос: всегда ли устойчивость расселения благо, а изменчивость – зло для него самого и для социально-экономического развития? Однозначный

ответ вряд ли возможен. Главная ценность стабильного расселения связана с его ролью аккумулятора культуры, обеспечивающего преемственность территориального развития. Это важно для староосвоенных районов, где дестабилизация населения и хозяйства вызывает негативную реакцию общества. Борьба с ней тем менее эффективна, чем мощнее сами тренды, хотя они меняются. Для неравновесных систем «застыть» – значит, скорее, деградировать. Развитие часто выглядит как движение к убегающей точке гомеостаза. Ключевым остается вопрос о темпах сдвигов и возможности адаптации к ним. Население подвержено влиянию разных ритмических процессов: естественного и механического движения, от многолетнего до ежедневного. Эти процессы будут подробнее рассмотрены в следующих главах.

ЧАСТЬ 2. СТАРООСВОЕННЫЕ РАЙОНЫ НА ФОНЕ РОССИИ

Глава 2.1. Уровни развития и структурные типы районов

В XXI в. районы старого освоения сохраняют ведущее место в жизни страны, что говорит как об инерции ее пространственной структуры, так и о факторах, это место закрепляющих. Суммарно площадь всей совокупности рассматриваемых регионов скромная, а по населению, валовому региональному продукту, торговой, промышленной (не добывающей) активности вес более чем солидный: в России – 50–75%, на ЕТР – 70–85% (рис. 2.1.1). В таких сферах, как услуги, связанные с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), научные исследования и разработки (НИР), «культурные индустрии» (видео- и аудиотовары, индустрия развлечений, отдыха и т.п.) их вклад еще выше.

Этим староосвоенные районы обязаны в том числе и Московскому столичному региону, чья доля к тому же завышена статистикой. Ведь она зачастую фиксирует места не производства продуктов, а их официального оформления, адреса штаб-квартир крупных компаний. Это касается и роли регионов во внешних экономических связях. На Москву и Санкт-Петербург приходится 1/2 внешнеторгового оборота страны и до 2/3 экспорта топлива и энергии.

Вдобавок регионы внутри рассматриваемого широкого ареала сильно различаются. Разрыв между крайними значениями по размерам территории (если федеральные города брать вместе с областями) и населения превышает 20 раз, по отгруженной продукции обрабатывающей промышленности и торговому обороту он составляет 55–60 раз, по ВРП – 100 раз. А по ВРП на душу населения все они выглядят «бледно», если не считать Москвы, Санкт-Петербурга, Подмосковья и еще пары регионов на краях ареала (рис. 2.1.2).

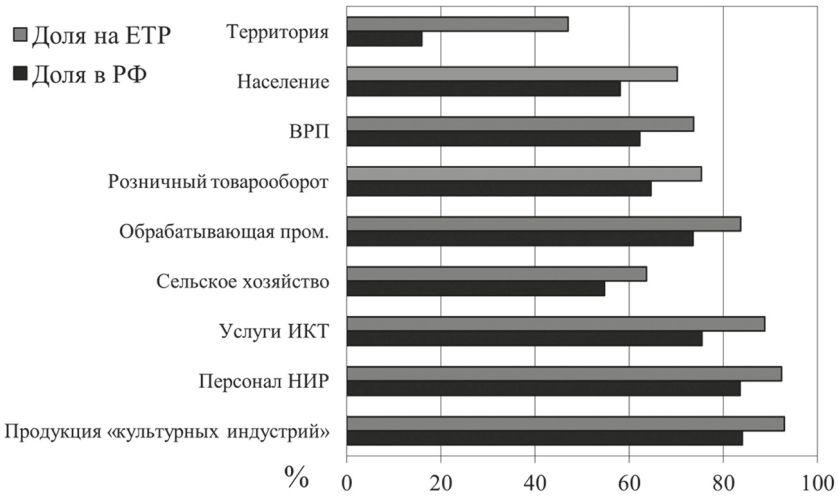

Рис. 2.1.1. Доля исследуемых регионов в России и ЕТР по избранным показателям в 2017–2019 гг., %. *Составлено* по данным (Регионы …, 2019; и др.).

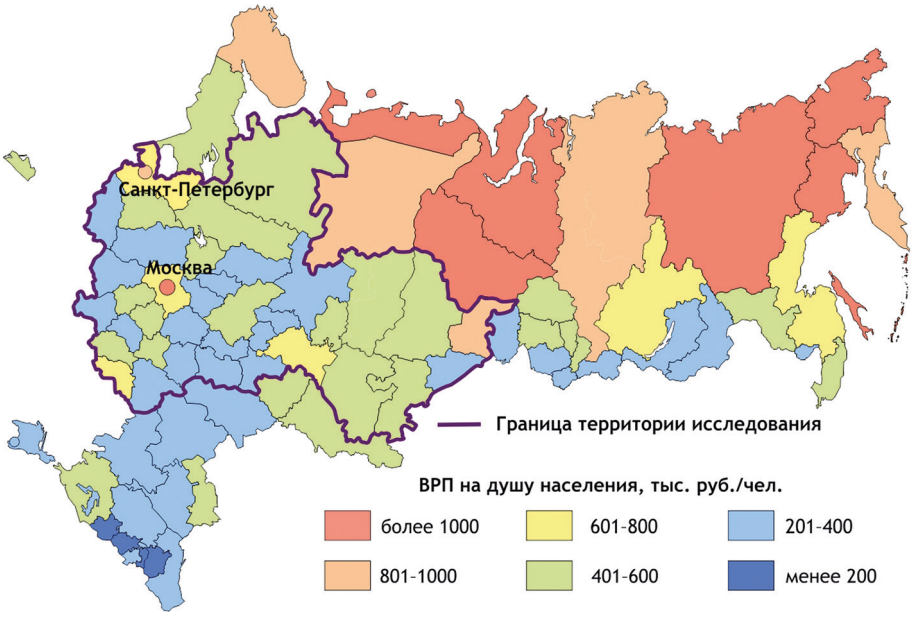

Рис. 2.1.2. Валовой региональный продукт на душу населения, 2019 г., тыс. руб./чел.
Источник: (Регионы …, 2020).

При этом за 20 лет картина существенно не менялась. Москва превышала среднероссийский ВРП на душу населения более чем в 3 раза, правда, с 2009 г. она теряла позиции, что говорило о межрегиональной конвергенции. Но она кончилась после 2014 г., когда контрасты вновь стали расти. Неизменно повышается показатель по Тюменской области. Иные регионы все же изменили траекторию. Белгородская область к 2000 г. достигла среднероссийского уровня. Вверх с того времени продвинулась Калужская область, а Липецкая и Вологодская – сдали, хотя на общем фоне пока выглядят лучше. В целом при выходе страны из кризиса 1990-х годов многие староосвоенные регионы сползали вниз, а с 2005 г. немного поднимались. Аутсайдером в нашем ареале долго оставалась Ивановская, Кировская и Псковская области, Чувашия и ряд других регионов опережали ее ненамного.

Глубину различий душевого ВРП отражает коэффициент вариации: отношение стандартного отклонения к среднему значению (рис. 2.1.3). Даже без Москвы, Санкт-Петербурга, Тюменской и Архангельской областей (чьи автономные округа не входят в изучаемый ареал) общий тренд сближения с 2005 по 2014 г. заметен, как и обратный в последние годы. Первый связан с диффузией инноваций от центров к периферии. А усиление дивергенции можно объяснить новой волной кризиса.

Своеобразная зона провала, воронка депрессии вокруг столичного ядра (между его агломерацией и другими, не столь мощными, но тоже крупными), хорошо видна и по динамике населения[6]. Это – не уникальная черта Центральной России. Примерно такой пояс с пониженными признаками уровня развития виден на кар-

[6] См. рис. 1.2.4 и 1.2.5 в Главе 1.2. Пульс освоения: расширение и сжатие.

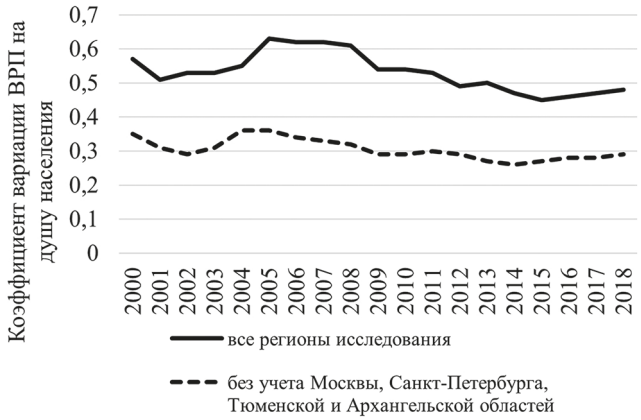

Рис. 2.1.3. Коэффициент вариации валового регионального продукта на душу населения в староосвоенных регионах с 2000 по 2018 г.

тах Франции вокруг Парижа. Наша специфика проявляется, во-первых, в очень крутых и растущих центро-периферийных градиентах социально-экономических индикаторов: производительности труда, состояния региональных и местных бюджетов, строительства жилья, уровней заработка, дохода, потребления. Другая особенность состоит в продолжении зоны депрессии далеко на юг – до кавказских республик, самых бедных в стране по данным официальной статистики.

Укрупненная структура экономики: различия и сдвиги

Уровень и состав хозяйства крупных районов Европейской России отражает ее структурный «разрез» по валовой продукции. На нем выделяются две вершины: старопромышленные Центр и Урал (рис. 2.1.4). Вершине первого района придают

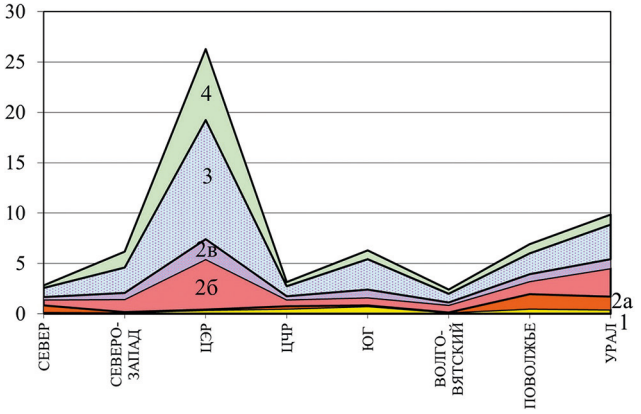

Рис. 2.1.4. Геостатистический профиль валовой продукции по крупным районам, 2018 г., трлн руб. Основные сектора по ОКВЭД: 1 – первичный: сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство; 2 – вторичный: 2а – добыча полезных ископаемых, 2б – обрабатывающие производства, 2в – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство; 3 – третичный сектор базовых платных и социальных услуг; 4 – четвертичный сектор электросвязи, инфорационно-коммуникационных, деловых, административных и профессионально-культурных услуг, науки, высшего образования. *Рассчитано* по (Регионы …, 2019).

остроту сервисные слои (по другим теперь он выделяется меньше), особенно за счет Московского региона. В южных регионах виден аграрный слой, почти незаметный в других районах, на севере и востоке – добывающий. Обрабатывающие производства, нигде не доминируя, относятся к рельефообразующим: генетически на них опираются не столько старейшие, сколько новые производства Центра и Урала.

Анализ структурных сдвигов осложняет смена классификатора отраслей и методологии счета. В 1990 г. данные по чистой продукции (О производстве …, 1991) отражали не всю сферу услуг, и ее пришлось расширить добавкой части национального дохода в науке, управлении и обслуживании населения. Но вторичный сектор все равно давал более 50% продукции к 1990 г., когда многие староосвоенные регионы относились к индустриальным и гипериндустриальным (рис. 2.1.5). Выделялись тогда и аграрные регионы, но исчезли из типологического ряда уже к концу 1990-х годов. Пионером перехода к сугубо сервисной экономике стала Москва. Таких регионов и теперь немного – меньше, чем индустриально-сервисных.

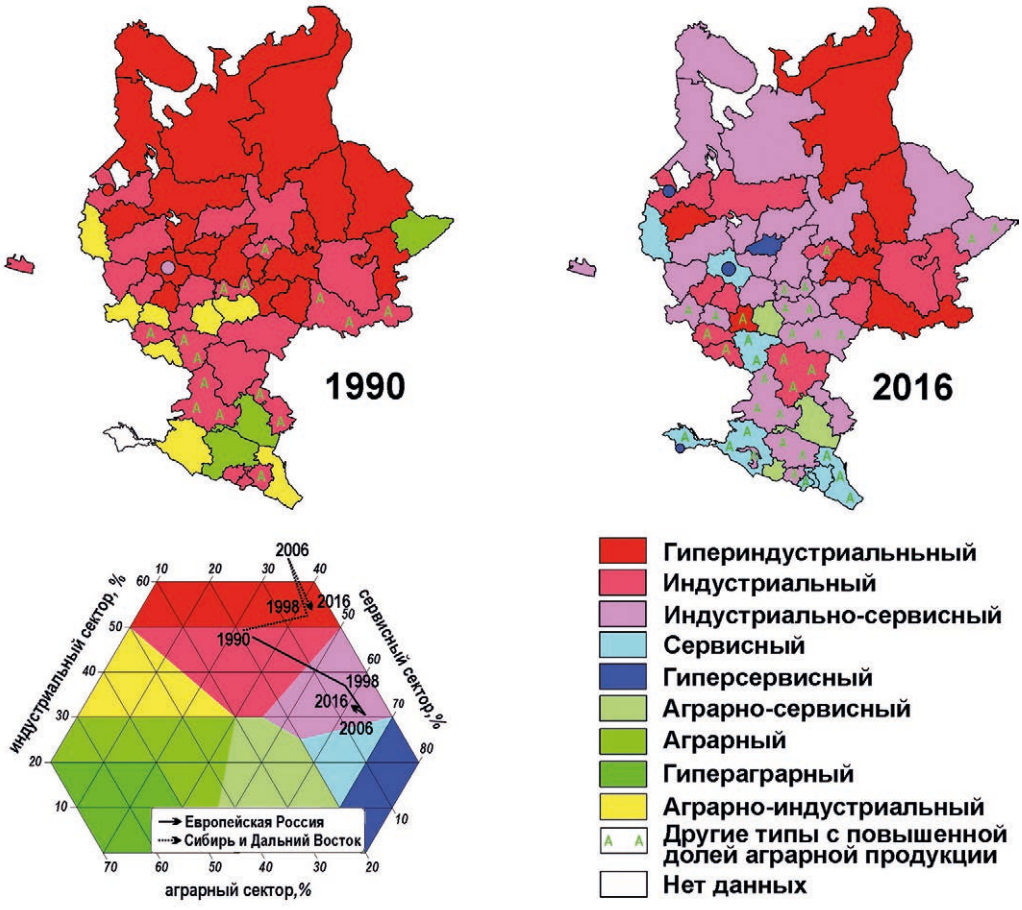

Рис. 2.1.5. Типы регионов Европейской России по структуре ВРП в 1990 и 2016 гг.
Источник: (Трейвиш, 2021).

Постиндустриальные сдвиги налицо, но они не всегда шли «нормально», часто лишь из-за кризиса прежних отраслей-лидеров.

При этом быстро сокращалось число занятых в индустрии и сельском хозяйстве. Поэтому сдвиги по составу занятых выглядят более радикальными (рис. 2.1.6). Большинство староосвоенных регионов испытали де-индустриализацию занятости. В 1990-х годах ее сопровождал отток промышленных кадров в торговлю, услуги и порой просто на огороды для самопрокорма. Доля занятых им выше на периферии, где кризис крупного сельского хозяйства был глубже. В 2000-х годах регионов сервисного типа стало больше, лидировали среди них Московский регион и Санкт-Петербург. Весь старопромышленный Центр быстро терял прежние позиции. Частичное восстановление индустрии все же оставило центральные регионы, как и многие уральские и средневолжские, в группе индустриально-сервисных.

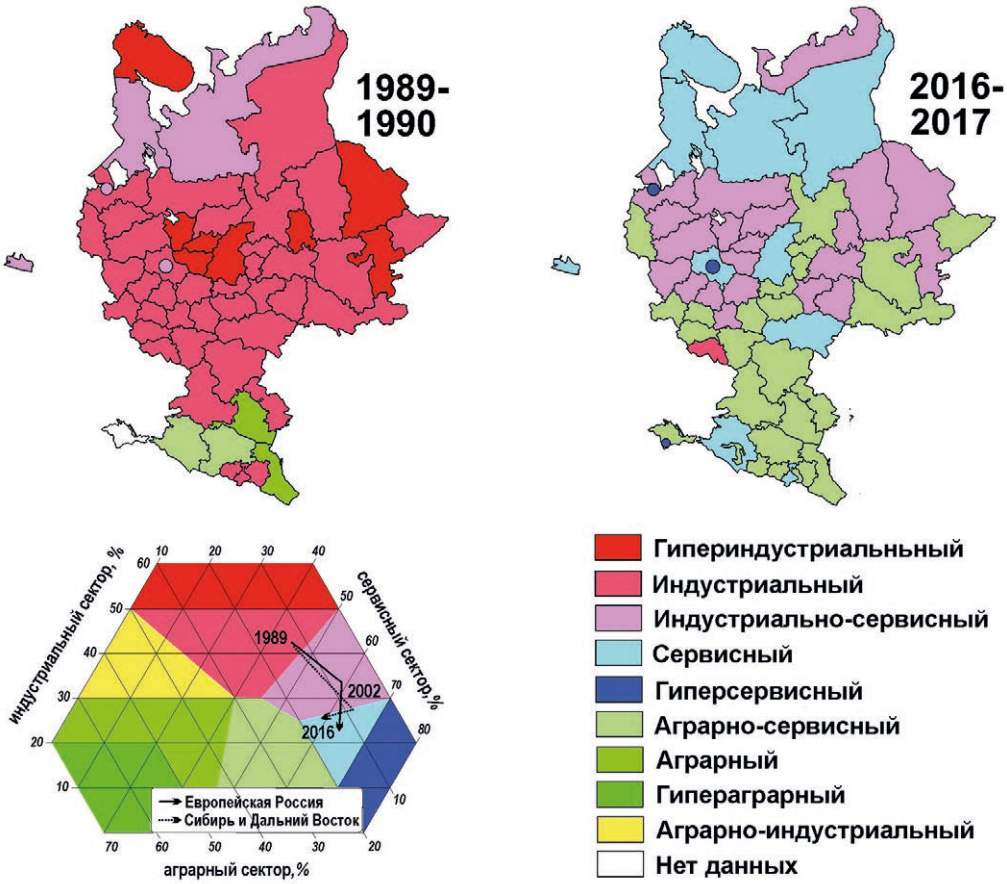

Рис. 2.1.6. Типы регионов Европейской России по структуре занятости в 1989–1990 и 2016–2017 гг.* *Источник:* (Трейвиш, 2021).

* Из-за проблем увязки отраслевых классификаторов (ОКОНХ, ОКВЭД-1, ОКВЭД-2) и вызванной этим трудоемкости региональных типологий здесь, а также на рис. 2.1.5 и 2.1.9 использованы выполненные ранее авторские разработки.

Большая индустриальная волна: подъем и спад

Чтобы лучше понять суть постсоветских сдвигов, отступим назад во времени и пространстве, рассмотрев ход индустриализации и де-индустриализации в долгосрочной ретроспективе, притом для начала во всероссийском масштабе.

График на рис. 2.1.7 убеждает в том, что мы имеем дело с исторической волной (макроциклом). Представленная в виде «армии» промышленного труда, разделенной на блоки, своего рода этажи индустрии, она долго нарастала, а с 1980-х годов быстро таяла. И подъем, и спад зависели в первую очередь от средних и верхних этажей, выпускающих различные материалы и химикаты, технику, товары повседневного конечного спроса. Базовые топливно-энергетические и сырьевые отрасли занимали меньше работников, а в фазе спада меньше их теряли, особенно до 2010 г. Россия в этом отношении не одинока. На всех стадиях индустриализации она заметно отставала от развитых стран, что тоже не редкость. Зато от пионеров и от стран еще более поздней индустриализации вроде Китая ее отличает именно крутой обвал, что вообще довольно типично для отечественной истории (Трейвиш, 2009, с. 91).

Остановимся на постсоветском сжатии индустриального здания, унаследованного Россией от СССР. Объем производства в сопоставимых ценах за 1990-е годы сократился наполовину. В Центре и на Северо-Западе спад был 3–4-кратным (Трейвиш, 2021). Кризис был и транзитным, и системным, и структурным. Успешнее выживали сырьевые экспортные отрасли, а некогда передовые предприятия старых районов пали жертвой конкуренции с открытием страны мировому рынку. Центральные районы «просели» уже к 1975 г., а уральские (в традиционном составе) после 1990 г. уступили западносибирским (рис. 2.1.8).

Пережив череду кризисов, часть регионов Центра, Северо-Запада и Предуралья смогли за счет модернизации к 2019 г. превысить массу производства 1990 г. Но большинство не достигли советского уровня, и некоторым для этого следовало увеличить выпуск как минимум вдвое. Кроме малых и «слабых», к ним относи-

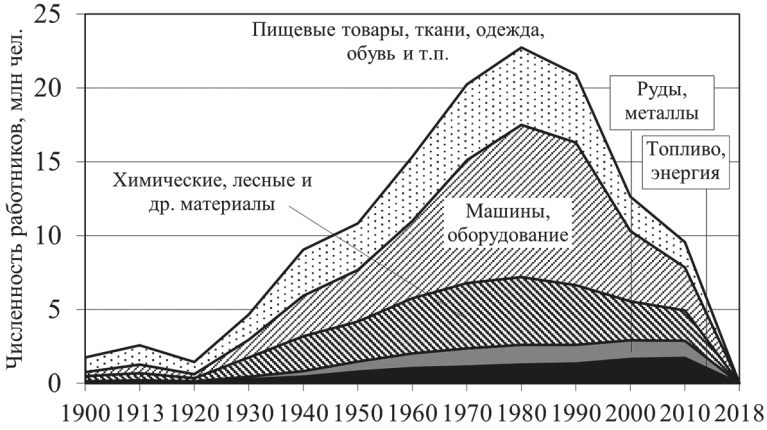

Рис. 2.1.7. Динамика численности работников промышленности России по отраслевым блокам в 1900–2018 гг., млн чел. *Составлено* по данным промышленной статистики разных лет.

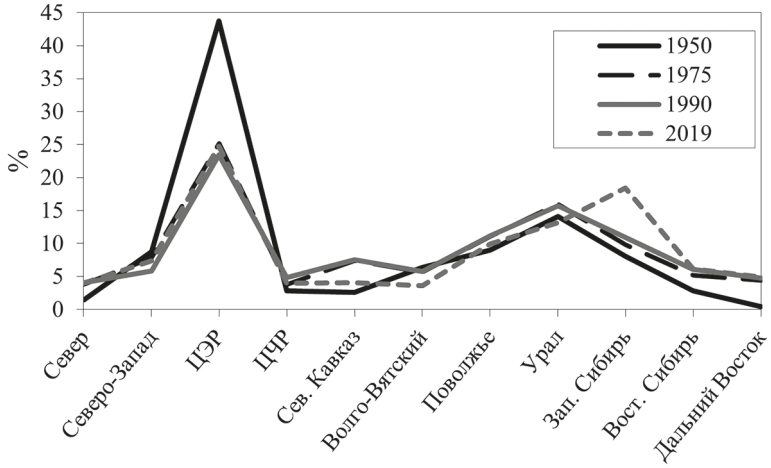

Рис. 2.1.8. Геостатистические профили промышленного производства по крупным экономическим районам в 1950–2019 гг., % к итогу по России. *Примечание*: без Крыма и Севастополя; в ценах и с использованием методологии соответствующих лет.

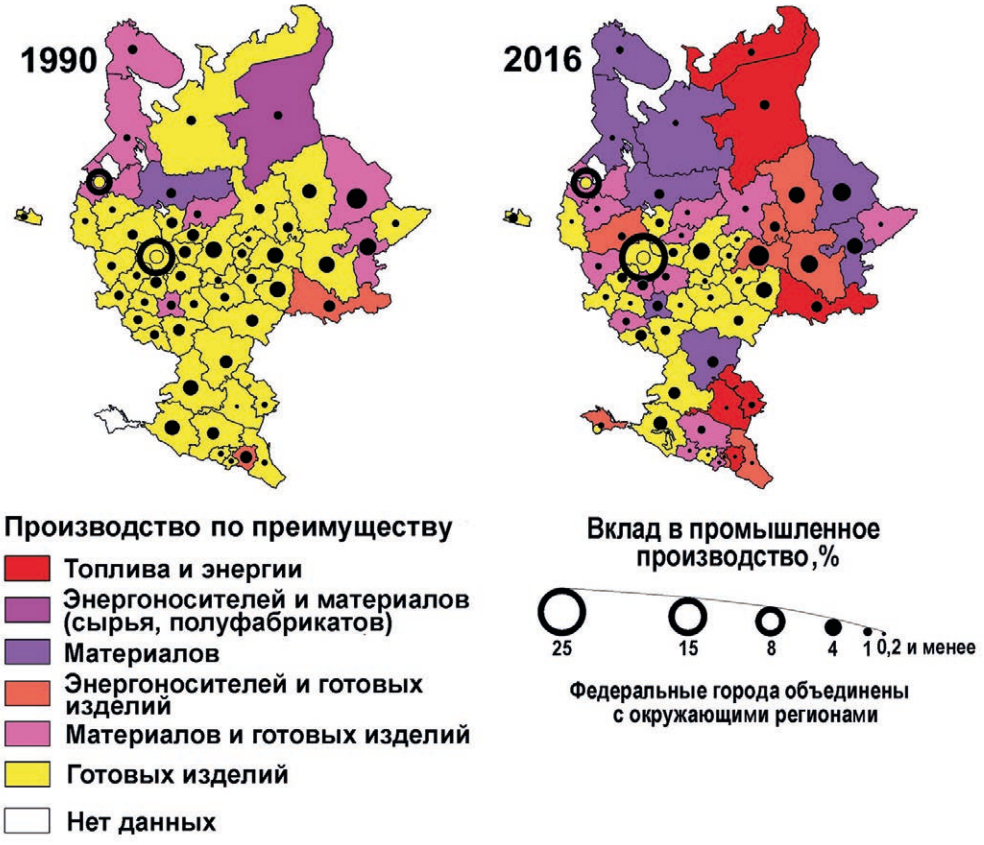

Рис. 2.1.9. Тип промышленного производства и вклад регионов в суммарную продукцию европейской части России в 1990 и 2016 гг. *Источник*: (Трейвиш, 2021).

лись регионы с крупным машиностроением: Удмуртия, Нижегородская область. Между тем в ряде ведущих регионов промышленный рост в середине 2010-х годов замедлился.

Но главное – промышленность стала другой. Отрасли с преобладанием конечных стадий производства из-за резкой перестройки цен и конкуренции зарубежных готовых товаров уступили место добывающим или связанным с первичной переработкой сырья (рис. 2.1.9). Основные сдвиги этого рода произошли еще в 1990-х годах. Позже местами вновь окрепли отрасли-финалисты, но вся картина уже менялась мало.

При этом территориальная концентрация возросла. В 2018 г. пять регионов-лидеров ЕТР производили 42% продукции, тогда как в 1990 г. – 29%. Десять регионов увеличили долю до 60% по сравнению с 45% в 1990 г. Общая доля столичных регионов выросла с 1/5 до более чем 1/3. А все регионы вокруг Московского, кроме Калужской области с ее автопромом, свой вклад снизили (Трейвиш, 2021).

* * *

При общем сжатии промышленного производства его концентрация на региональном уровне возросла. Несмотря на это, многие староосвоенные районы остаются промышленными, изменив свой профиль и место в рейтинге. Подробнее эти изменения рассмотрены далее на примере конкретных регионов. Пока добавим, что постиндустриальная экономика – не всегда безиндустриальная. Просто индустрия работает незаметнее и тратит меньше ресурсов, но при этом дает больше товаров. Ее полное восстановление до советского объема и структуры невозможно и не нужно, куда важнее переход к инновационному развитию и высоким технологиям. Вопрос в том, как его обеспечить: очередной мобилизацией или рыночным путем.

Глава 2.2. Урбанизация и роль региональных центров

Исторические города и российская урбанизация

Разнообразие социального пространства во многом связано с распределением сети городов и их разной ролью в организации территории. Забегая вперед, можно сказать, что даже в европейской части России городов, ни по количеству, ни по характеру размещения, не хватает для обслуживания обжитой территории.

С конца XVII в. урбанизация волнами сменялась дезурбанизацией. Причинами замедления роста городов назывались: превышение смертности в городах по сравнению с сельской местностью, слабая миграция в города крестьянства, для которого сельскохозяйственный промысел местами был выгоднее промышленного и торгового, колонизация окраин, запаздывание в России промышленной революции, сельская передельная община, гарантировавшая каждому работнику участок земли (Миронов, 2014, т. 1, с. 839–845). В 1861 г. размежевание между городом и деревней все же достигло своего апогея, но и тогда они не превратились в противоположности, и из-за разрушения сословной структуры и ряда ограничений стали проявляться интеграционные процессы. К XX в. 59% предприятий обрабатывающей промышленности, на которых было занято 61% рабочих, размещалось в сельской местности (Миронов, 2014, т. 1, с. 829, 860).

Тем не менее плотность официальных городов на рубеже XIX и XX в. была наивысшей именно в староосвоенных районах Центральной России (рис. 2.2.1). В.П. Семенов-Тян-Шанский (1910) попытался выявить поселения, не имеющие городского статуса, но с функциями, соответствующими городам. Он назвал их «истинными городами». Кроме людности он учитывал торгово-промышленную «бойкость», считая признаком города повышенную долю несельских занятий. При этом душевой торгово-промышленный оборот должен был превышать 100 руб. в год – среднюю покупательную способность домашней прислуги и рабочих. В результате число городов в европейской части России он увеличил с 323 до 709. К «истинным городам» были отнесены многие села, слободы, местечки, заводы, рудники и т.п. В то же время многие официальные города, не удовлетворявшие его критериям, были исключены из числа «истинных». При этом ярко проступали географические различия: больше всего «истинных» городов нашлось в быстроразвивающихся ареалах Центральной России, и меньше всего – в местах застойных и захолустных на окраинах губерний. Если российская перепись 1897 г. показывала 12 млн горожан, т.е. около 13% всего населения России, то города В.П. Семенова-Тян-Шанского (вместе с официальными) увеличивали городское население до 17% (Город …, 2001, с. 95–124).

Даже при росте населенного пункта он не получал статус города автоматически. Разница во времени между появлением крупного градообразующего предприятия и правительственным указом о статусе города достигала сотен лет, особенно в старопромышленных районах[7]. Получение статуса города приводило к увеличению местных налогов и переходу земли в собственность всего города.

[7] См. главы: 3.1. Освоение, заселение и города в Центре России; 5.3. Среднеуральский меридиан от Нижнего Тагила до Челябинска.

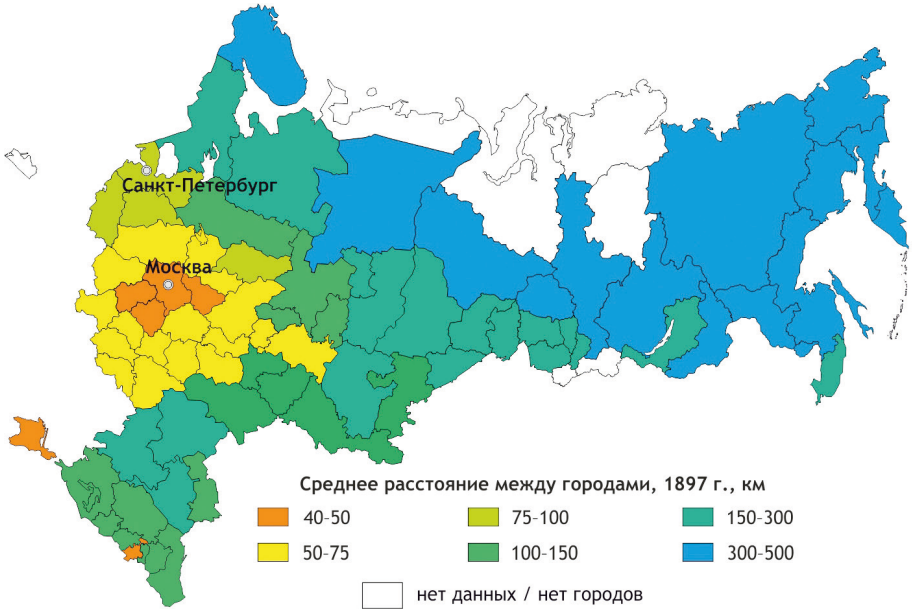

Рис. 2.2.1. Среднее расстояние между городами, 1897 г., км.

Даже крестьяне, постоянно живущие и работающие в городе, не спешили переходить в городское сословие. Масштабы скрытой и рассеянной урбанизации превосходили урбанизацию официальную. До сих пор остается неясным: сколько же горожан реально было в России на рубеже XIX и XX в.? Б.Н. Миронов считает, что если все поселения свыше 2 тыс. жителей считать городами (как во Франции), то в 1897 г. доля городского населения достигала 32,3% (Миронов, 2014, т. 1, с. 843).

XX в. стал веком бурной урбанизации, но и она перемежалась периодами дезурбанизации. Средний размер городов России рос: в XIX в. – с 5 до 21 тыс. чел., в XX в. – до 85–90 тыс. чел. Если использовать не только показатели роста численности городского населения, но основываться на теории дифференциальной урбанизации (Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer, Kontuly, 1993), то периоды концентрации и деконцентрации населения, чередуясь, наглядно дифференцируют рост поселений разного размера вверх или вниз по их иерархии. Можно выделить три основные стадии: (1) урбанизации (быстрый рост главных городов), (2) поляризационной реверсии (*polarization reversal*) или разворота (лидерство средних центров) и (3) контрурбанизации (рост населения малых городов и населения сельской местности); затем все возвращается к исходному порядку «большие–средние–малые», или к неоурбанизации.

В России первый переход от начальной крупногородской стадии к более зрелой фиксируется после реформ 1860-х годов. До этого росли в основном Москва и Санкт-Петербург и то неравномерно (Город …, 2001, с. 171–196). И все же до Первой мировой войны статистические данные показывали ускоренный рост больших и средних центров по сравнению с малыми городами и селами, хотя значительная часть их населения оставалась в крестьянском сословии. Урбаниза-

ция прерывалась в первой половине века дважды: в 1914–1922 гг., когда крупные центры потеряли до половины жителей, погибших или разъехавшихся по деревням от голода и разрухи, и во время Великой Отечественной войны (Нефедова, Трейвиш, 2017). В 1950-х годах страна в третий раз прошла начальную стадию урбанизации, а затем, в более спокойные позднесоветские годы, – стадию зрелой урбанизации с убылью сельского населения. К концу 1980-х годов, согласно общей эволюционной схеме городского развития, в России начался постепенный разворот к контрурбанизации. Она резко усилилась из-за кризиса начала 1990-х годов: население стало покидать крупные центры, а деревни и малые города в европейской части России стали временным пристанищем еще и для выходцев из бывших советских республик, а также жителей севера и востока страны. В 2000-х годах последовал откат – новый виток урбанизации, что показывает рост крупнейших центров и концентрация в них населения, а сельское население продолжает убывать, хотя и не такими темпами, как в советское время. Все это подтверждает незавершенность урбанизации в России и ее неготовность к классической дезурбанизации. Тем не менее, в разных регионах ситуация различна. Крупнейшие центры, особенно Москва и Санкт-Петербург, вполне готовы если не к дезурбанизации, то к субурбанизации в их ближайших пригородах.

Привлекательность крупнейших центров для населения в современных условиях связана с их экономическим состоянием, в том числе с возможностью заработать и потратить деньги, с перспективами профессионального роста, социальным обслуживанием и проведением досуга, бытовыми и прочими условиями жизни. Все эти показатели сильно зависят от местоположения, размера и статуса города, а также от агломерационного эффекта (Зубаревич, 2010; Нефедова, Трейвиш, 2010; Мкртчян, 2011).

Современные города

Староосвоенные регионы очень важны для исследования городов России. Здесь на 15% территории страны находится 58% всех ее городов и 60% малых городов (менее 50 тыс. жителей). При этом каждый пятый город расположен в Центре России в Московской области и окружающих ее областях (на 2,5% территории страны). Здесь плотность городов велика (5,4 города на 10000 км^2) и приближается к среднеевропейскому уровню, правда, за счет Московской области. Но и без нее этот показатель достигает 4 города на 10000 км^2. В целом в рассматриваемых староосвоенных регионах плотность городов составляет 2,5 города на 10000 км^2, в то время как по России – 0,7 города на 10000 км^2.

В России из 1115 городов всего 170 больших (с населением более 100 тыс. жителей) выполняют роль узлов опорного каркаса территории страны, хотя живет в них 74% городского населения. Из этих городов 91 расположен в рассматриваемых нами староосвоенных регионах Европейской России. Еще в советское время Ч. Харрис писал, что СССР – страна больших городов, имея в виду их число по сравнению с другими странами, в том числе с США (Harris, 1970). Современная Россия по числу больших городов отстает от крупных стран: не только от США, Китая, Индии, но и от Бразилии. В последние годы число и роль больших городов

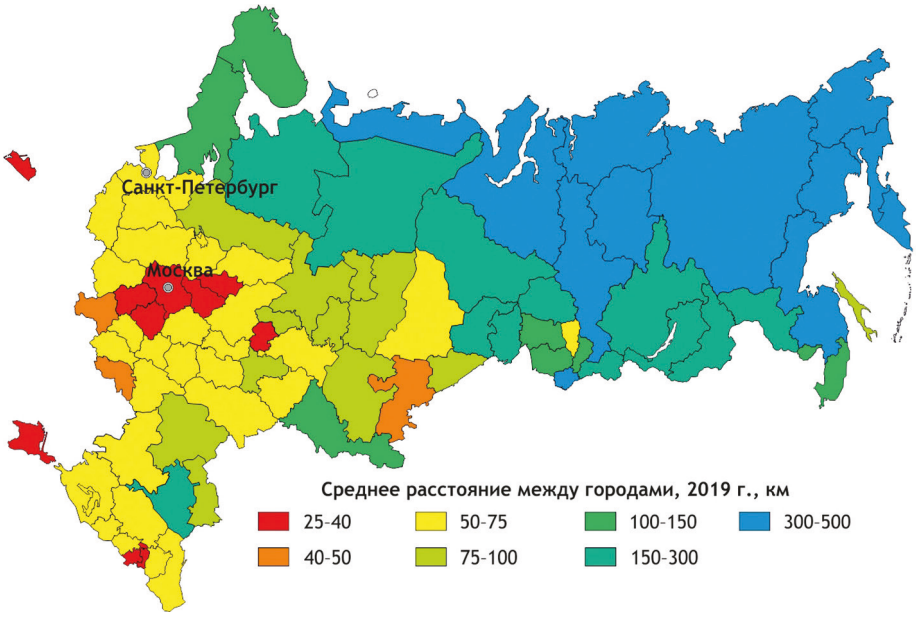

Рис. 2.2.2. Среднее расстояние между городами, 2019 г., км.

растут. А роль средних городов (50–100 тыс. жителей) по сравнению с США и европейскими странами мала. Их число уменьшается (с 157 в 2010 г. до 151 в 2019 г.), в них живет всего 10% городского населения. Это 14% от населения больших городов, в то время как в США и многих странах Европы эта доля составляет 38–39% (Трейвиш, 2009, с. 258).

Повышенная плотность городов в Центре России сохранилась и в настоящее время, однако они скучились вблизи Москвы. Среднее расстояние между городами уменьшилось (рис. 2.2.2). Центральные районы, кроме ближайшего окружения Москвы, уже не выделяются так явно, как век тому назад. Однако в староосвоенных регионах высокая плотность достигается благодаря малым – самым проблемным – городам. Доля городов с населением менее 50 тыс. чел. составляет в стране 71%, а в Центре России вокруг Московской области – 84% всех городов, и в них живет 30% городского населения. В некоторых областях (Калужской, Рязанской, Тверской, Костромской) доля малых городов превышает 90% всех городов (рис. 2.2.3). Доля средних городов, многие из которых при больших межгородских пространствах служат узлами развития второго порядка, в староосвоенных районах понижена (13%), а в регионах вокруг Московской области составляет всего 8%.

Несколько лучше городская структура на Урале, где в малых городах живет почти каждый пятый городской житель, а доля средних городов немного выше (табл. 2.2.1). Есть и совсем маленькие старинные городки с населением до 3 тыс. жителей (19 городов) и от 3 до 10 тыс. чел. (176 городов). Почти половина из них – тоже в центре и на северо-западе России. В Московской области самая высокая плотность городов (16 городов на 10000 км^2).

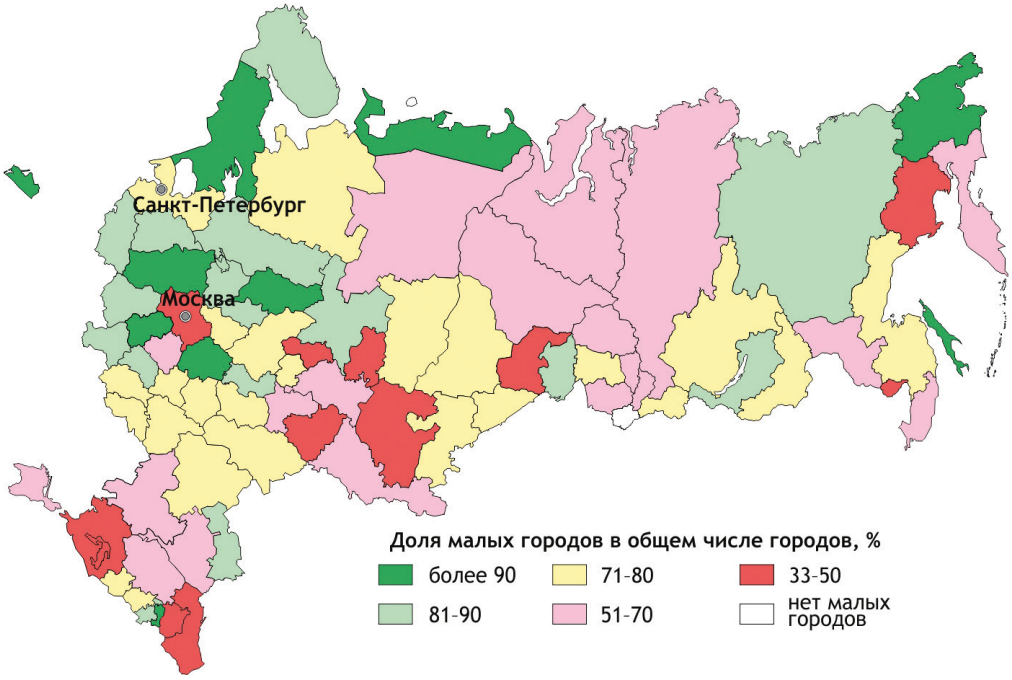

Рис. 2.2.3. Доля малых городов в общем числе городов региона, 2019, %.
Рассчитано по: (Численность …, 2019).

Таблица 2.2.1. Число и структура городов на 1 января 2019 г.

Территория	Число городов	Доля городов разного размера, %			Доля населения в городах разного размера, %		
		< 50 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	> 100 тыс. чел.	< 50 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	> 100 тыс. чел.
Россия	1115	71	14	15	16	10	74
Московская область	228	73	11	16	15	20	65
9 регионов, окружающих Московскую область	154	84	6	10	30	8	62
Урал (без автономных округов)	91	73	15	12	19	13	68

Источник: (Численность …, 2019).

Роль региональных центров в городском развитии

Исследование изменения роли региональных центров (РЦ) России проводилось на основе анализа динамики их населения и трех следующих за ними по населенности городов[8] (Трейвиш, Нефедова, 2021). В данном разделе покажем,

[8] Учитывались данные о численности населения именно городов – без поселков городского типа и сельского населения, включаемого в городские округа.

как выглядят староосвоенные районы на фоне остальных территорий страны по этому параметру. Расчеты проведены для четырех периодов: позднесоветского (между переписями 1979 и 1989 гг.), периода 1990-х годов, начала 2000-х годов и 2010–2019 гг.

В России РЦ[9] в целом были крупнее вторых городов регионов в 1979 г. в 5 раз, в 2019 г. – 5,6 раза. В среднем регионе, независимо от размеров его городов, превышение выросло с 6,5 до 7,2 раза. Если учитывать суммарное население трех следующих за РЦ городов, то среднее превышение РЦ над ними (показатель главенства) увеличилось с 2,9 до 3,4 раза. Увеличилось число регионов, где центр крупнее второго города более чем в 10 раз. Довольно много моноцентричных субъектов на востоке страны (Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Бурятия). Но и в староосвоенных регионах их число возрастает (рис. 2.2.4). В центральных районах России усиление роли РЦ наблюдалось уже в конце 1990-х годов. И хотя динамика РЦ в этот период была хуже, чем в позднесоветское время, упадок некоторых вторых/третьих/четвертых городов был сильнее. С 2000 г. доля РЦ почти везде росла, за исключением некоторых южных регионов. Заметный рывок «моноцентризма» наблюдался после 2010 г. и в центральных регионах. При этом надо учитывать, что малым городам с «низкой базой» достаточно и небольшой прибавки, чтобы показать рост в отличие от РЦ с их массой.

Особенно заметен рост отдельных малых городов в 1990-х годах при временной кризисной дезурбанизации. Статистика показывала отток населения даже из Москвы и Санкт-Петербурга. В центральных районах России в это время появилось несколько растущих малых городов: Тейково, Гаврилов-Посад, Кохма обгоняли по темпам роста Иваново; Таруса, Малоярославец, Балабаново и Кондрово – Калугу; Шарья и Буй – Кострому.

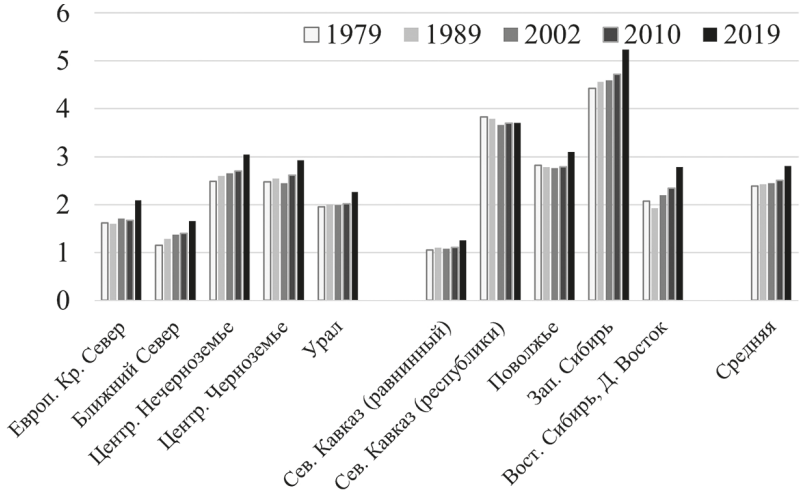

Рис. 2.2.4. Отношение численности населения региональных столиц к суммарному числу жителей трех последующих городов, число раз. *Рассчитано* на основе данных Росстата.

[9] Из расчетов исключены Грозный, Симферополь, а также центры автономных округов (т.к. в них городов слишком мало). Москва и Санкт-Петербург объединены соответственно с Московской и Ленинградской областями.

В 2000-х годах этот список поредел, хотя появились и новые, чей рост был связан с модернизацией промышленности и сельскохозяйственных районов, центрами которых были небольшие города, либо с субурбанизацией, расширявшей зону своего действия вокруг Москвы. Именно города староосвоенного Центра России попали «в тиски» двух противоположных явлений. С одной стороны, это положительное влияние Москвы с выплесками из нее инноваций, инвестиций и частично населения, а с другой – катастрофическое «обескровливание» окружающих регионов, поглощение Московской агломерацией трудовых ресурсов и вообще наиболее активной и образованной части населения.

После урбанизационной паузы 1990-х годов в стране и в подавляющем большинстве ее регионов быстрее всего росли Москва и региональные центры, которые вернулись к стадии активной урбанизации (Нефедова, Трейвиш, 2017). Они продолжают «вытягивать» население из малых и средних городов, большинство которых испытывает глубокий кризис. Неоднородность социально-экономического развития городов России в последние годы усиливается в связи с дефицитом человеческих и финансовых ресурсов. Главными факторами остаются размер города и его статус, однако все большую роль играют географическое положение, хозяйственный профиль, специфика региона, политика региональных и городских властей. Все вместе это определяет способность города привлекать капитал, а также его миграционную аттрактивность, что влияет и на динамику населения.

Например, различия между городами в регионах вокруг Московской области[10] частично связаны и с ролью региональных столиц, доля которых в городском населении меняется от 75% в Рязанской области до менее чем 40% во Владимирской. При преобладании малых городов конкурентов по численности населения мало. Так, РЦ в наиболее моноцентричных областях – Рязанской и Костромской, где нет даже средних городов, – еще сильнее увеличили в последние годы свое

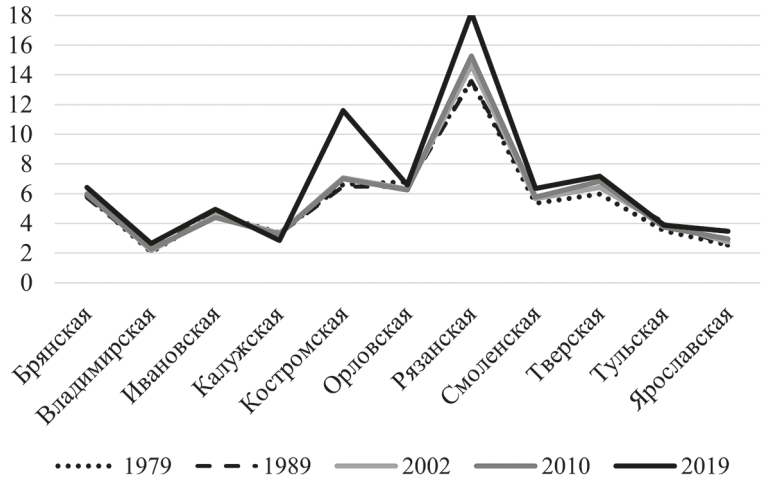

Рис. 2.2.5. Отношение численности населения региональных столиц к следующему по людности городу в позднесоветское и постсоветское время, число раз.

[10] См. Главу 3.1. Освоение, заселение и города в Центре России.

главенство. Менее централизованными остаются области с большими городами, дополняющими региональные центры: Владимирская (Ковров), Калужская (Обнинск) и Ярославская (Рыбинск) (рис. 2.2.5).

* * *

Все отмеченные тенденции снижают эффект повышенной густоты городов в староосвоенных регионах, особенно в Центре России. Восстановительный рост городов наблюдается в «столицах» регионов, которые вернулись к стадии активной урбанизации, продолжая «вытягивать» население из сельской местности, малых и средних городов, большинство которых испытывает глубокий кризис.

Глава 2.3. Старые и новые сельские тренды

Развитие сельской местности России до XX в. долгое время было экстенсивным, опиравшимся на рост сельского населения и освоение пространства. При этом наблюдалась явная асинхронность одних и тех же процессов в европейских странах и в России. А.И. Трейвиш, рассматривая временные лаги распространения социальных институтов села и агротехнологий, пришел к выводу, что аграрная Россия на протяжении своей истории отставала от Запада. Когда в Европе крепостное право сходило на нет, в России оно только возникало. Внедрение трехпольной системы земледелия отставало от Западной Европы на 500 лет, от Восточной – на 200 (Трейвиш, 2009, с. 91).

Кроме землевладельцев (помещиков, монастырей) податные крестьяне и посадские люди были закрепощены общиной, которая не допускала полного обнищания, но зато повязывала их круговой порукой за налоги и повинности. Все это формировало особенности крестьянского менталитета в России: привычку подчиняться, понимание свободы не как индивидуальной ответственности, а как ухода от всех обязательств и т.п. Даже казенные крестьяне, получив право приобретать землю в собственность в 1801 г., к середине XIX в. его почти не использовали, землю выкупили только 3% (Миронов, т. 2, 1999). И даже после 1861 г., когда крестьяне могли переходить в другие сословия, заниматься промыслом, торговлей, все это можно было с разрешения общины. Крестьянство как бы застряло в XVI в., в то время как часть дворянства в XVIII–XIX вв. активно включалась в мировые процессы (Нефедова, 2018).

Б.Н. Миронов считает вторым раскрепощением крестьян Столыпинскую аграрную реформу 1906 г., поскольку она разрешила крестьянину выделиться из общины при ее несогласии (1999, т. 1, с. 391). Но и тогда этим воспользовались лишь 29% крестьян. Хотя рынок уже внедрялся в деревню, прежде всего в южных помещичьих хозяйствах, в староосвоенных центральных районах крестьяне работали на удовлетворение своих минимальных потребностей. Так, А.В. Чаянов считал, что для крестьян Центральной России важны были не производительность индивидуального труда, а общий доход семьи и занятость всех ее членов (1989). Именно поэтому в староосвоенных нечерноземных районах их устраивал трудоемкий лен, и в отдельных очагах – тоже трудоемкое огородничество.

Динамика сельского населения и трансформация расселения

Отставание в уровне урбанизации и в сроках демографического перехода способствовало на рубеже XIX и XX в. аграрному перенаселению в Центре России, особенно к югу от Москвы (рис. 2.3.1, 2.3.2). Но и к северу от нее, например, в Ярославской губернии, по оценкам А.В. Чаянова, «лишние руки» достигали 30% трудоспособного населения (1989).

В XVII–XVIII вв. крестьяне составляли 89% населения России, в 1913 г. – 80% (Миронов, 2014, с. 445). Через сто лет перепись 2010 г. зафиксировала 26% сельского населения. Совпали демографический переход, индустриализация, коллективизация и сталинские репрессии, добавились и военные потери.

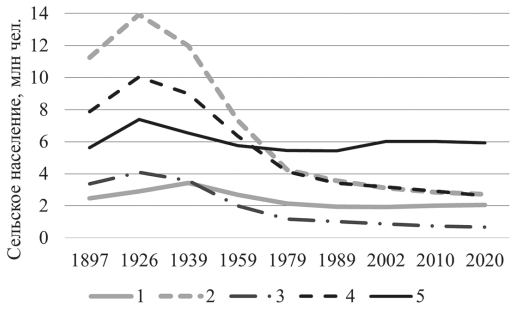

Рис. 2.3.1. Сельское население в 1897–2020 гг., млн чел. *Примечание*: *1* – Московская и Ленинградская области; *2* – регионы вокруг Московской области; *3* – регионы между Московской и Ленинградской областями; *4* – центрально-черноземные регионы; *5* – южные равнинные регионы европейской части России.

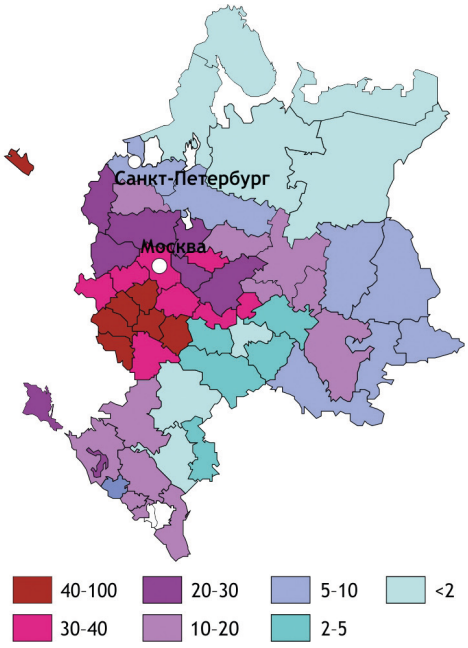

Рис. 2.3.2. Плотность сельского населения, 1897 г., чел./км^2.

Численность сельского населения сильнее всего сократилась именно в староосвоенных нечерноземных регионах, причем в советское время (рис. 2.3.1). К 2020 г. в регионах вокруг Московской области осталось 20% населения от уровня 1926 г., между Московской и Ленинградской областями – 16%. Уменьшилось население в центрально-черноземных областях. На Юге, как и в Московской и Ленинградской областях сокращение было незначительным, а в постсоветские годы численность сельских жителей даже немного возросла.

В результате пространственной неравномерности изменений естественного прироста/убыли населения, а также разнонаправленности миграций, в разных частях Европейской России происходили диаметрально противоположные процессы, которые привели к перераспределению населения. Площади слабозаселенных территорий заметно возросли (табл. 2.3.1).

Одним из важных факторов, усиливших убыль сельского населения в староосвоенных нечерноземных регионах, была мелкоселенность, заданная спецификой освоения лесных территорий (Ковалев 1963, 1980; Алексеев, 1990; и др.). Главный тренд, обозначившийся еще в советское время, – поляризация расселения, рост доли малых деревень (за счет перехода в эту группу средних) и концентрация населения в крупных селах (Лухманов, 2001; Глезер, Вайнберг, 2013; Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015; Нефедова, 2018). Деревни с населением менее 50 чел., наиболее уязвимые, не имеющие, как правило, социальной инфраструктуры и особенно быстро теряющие население, характерны именно для староосвоенных центральных и северо-западных районов (рис. 2.3.3). К северу от Московской области больше всего умирающих (менее 10 жителей) и заброшенных деревень.

Этим расселение в Центре и на Северо-Западе России отличается от других староосвоенных регионов к востоку, в том числе на Урале, где преобладают более

Таблица 2.3.1. Сельская местность разной степени заселенности в Европейской России с 1897 по 1989 г.

Тип территории	Плотность населения, чел./км^2	Доля сельской местности, %			Изменение площади сельской местности, 1897–1989 гг., тыс. км^2
		1897	1959	1989	
Незаселенная	Менее 1	22,6	17,9	18,2	–174
Очень слабо заселенная	1–5	17,4	22,6	34,3	+697
Слабо заселенная	5–10	11,3	19,2	23,2	+488
Средне заселенная	10–25	27,5	27,6	19,8	–319
Густо заселенная	25–50	20,5	11,4	3,9	–686
Очень густо заселенная	Более 50	0,7	1,3	0,6	–6
Всего		100	100	100	0
в том числе Нечерноземье					
Незаселенная	Менее 1	1,9	2,2	6,9	+61
Очень слабо заселенная	1–5	14,6	17,4	41,3	+358
Слабо заселенная	5–10	18,3	24,8	30,6	+165
Средне заселенная	10–25	34,1	41,4	19,4	–194
Густо заселенная	25–50	30,5	13,7	1,8	–382
Очень густо заселенная	Более 50	0,6	0,5	0,3	–8
Всего		100	100	100	0

Источник: (Город …, 2001, с. 285–316).

крупные сельские населенные пункты, хотя и в них степень депопуляции велика (рис. 2.3.4).

В позднесоветское и постсоветское время в связи с кризисом сельского хозяйства и оттоком населения прежние центры сельскохозяйственных предприятий численностью 200–500 чел. стали терять «местообразующую» функцию. Ее сохраняли крупные населенные пункты (1000 и более чел.), которые концентрировали и население, и необходимый набор социальных услуг (рис. 2.3.4а). На Урале при более разреженном расселении и в советское время были более крупные населенные пункты, а в постсоветское наиболее устойчивыми оказались имеющие более 2000 и особенно – свыше 5000 жителей (рис. 2.3.4б).

Длительный отток наиболее активной части сельских жителей привел в староосвоенных регионах к демографическому перекосу в сторону старших возрастов при преобладании пожилых женщин и повышенной смертности мужчин в трудоспособном возрасте, в том числе от последствий алкоголизма. Это хорошо отражает карта сравнительной оценки степени трезвости населения[11] (рис. 2.3.5). На ней

[11] Оценка степени трезвости населения ежегодно проводится по ряду показателей: 1) числу умерших по отдельным причинам смерти (отравления алкоголем), 2) численности состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, 3) числу преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, 4) объему проданной алкогольной продукции, 5) числу правонарушений, связанных с незаконным производством и оборотом спирта и алкогольной продукции, 6) распространенности мер временного запрета продажи алкоголя (Национальный …, 2019, 2020).

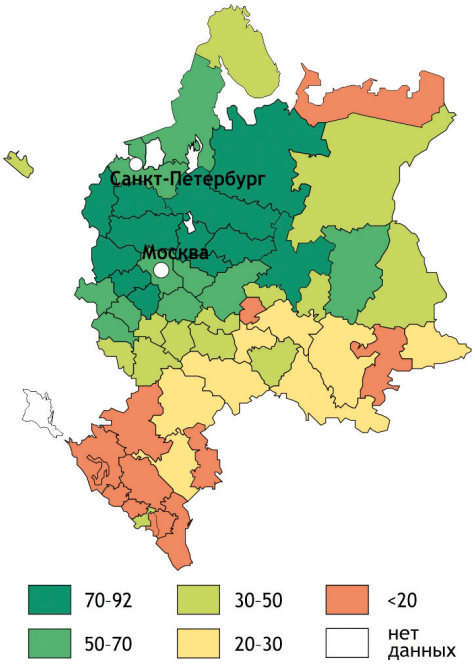

Рис. 2.3.3. Доля населенных пунктов с населением менее 50 чел., %. *Рассчитано* по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

помимо некоторых северных и восточных регионов России выделяются нечерноземные области. Все это привело к повышенной убыли сельского населения именно в староосвоенных центральных районах (рис. 2.3.6) и продолжает способствовать деструктивным процессам в расселении.

Необустроенность сельской местности также влияла на устойчивость сети расселения. Согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. (ВСП-2016) (Всероссийская …, 2017), только 41% сельских домохозяйств подключены к сетям газоснабжения, 45% – к сетям водоснабжения[12]. При этом самыми запущенными остаются староосвоенные районы к северу от Московской области (рис. 2.3.7). К мобильной сотовой связи подключены 76% сельских домохозяйств, а к интернету к моменту переписи – лишь 24% (Всероссийская …, 2017). Значение перечисленных факторов быстро растет, особенно для молодежи.

В России каждый третий сельский населенный пункт не имеет связи с центром поселения по дорогам с твердым покрытием (Овчинцева, 2015). Плотность автодорог, как и плотность сельского населения, уменьшается с юга на север, с запада на восток и от пригорода к периферии и тесно связана с особенностями расселения. Хотя плотность проезжих автодорог увеличилась с 2005 по 2016 гг. почти вдвое, в ЦФО она составляет в среднем около 300 км на 10 тыс. км^2, между Москвой и Санкт-Петербургом и в ряде регионов Урала – 200 км, что в пять раз ниже среднеевропейского уровня. При этом лишь 60% сельских населенных пунктов обслуживаются общественным транспортом (Овчинцева, 2015). Даже в ЦФО огромные пространства оказываются за пределами 5-километровой доступности от дорог с твердым покрытием (Гунько, Глезер, 2015). При этом в регионах Нечерноземья при съезде с федеральных трасс внутри поселений и тем более деревень значительную часть года трудно проехать даже на личном транспорте.

[12] По данным Министерства сельского хозяйства РФ уровень газификации сетевым газом населенных пунктов в сельской местности (включая многоэтажные дома) на 01.01.2017 г. составлял 59%, а обеспеченность питьевой водой (включая локальные водопроводы) – 64%. В 2021 г. подписан закон о бесплатном проведении газопровода до границ земельного участка домовладений с постоянным проживанием граждан. Однако бесплатно – только до границ участков и только там, где к поселку подведена газовая труба, а расстояние от участка до газораспределительной сети не превышает 200 м (ФЗ о внесении изменений в ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», июнь 2021, publication.pravo.gov.ru). Газификация дома все равно потребует от домовладельца порядка 200–300 тыс. руб., что не по силам большинству сельских жителей. Это не касается и дачников с их временным проживанием.

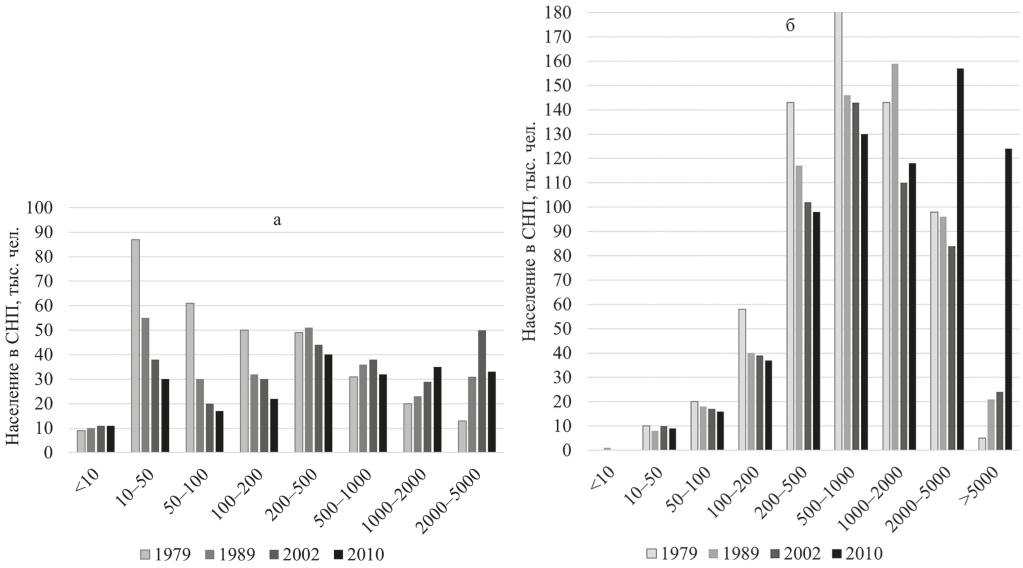

Рис. 2.3.4. Численность населения, проживавшего в сельских населенных пунктах разного размера в Ярославской (а) и Свердловской (б) областях, тыс. чел.
Составлено по данным переписей населения.

Сильное влияние на обустроенность сельской местности оказывает размер ближайшего города и расстояние до него. Любой город служит центром предоставления услуг для сельской местности (Лейзерович, 2004; Гунько, 2015;

Рис. 2.3.5. Рейтинг трезвости населения в среднем в 2019–2020 гг.
Источник: (Национальный …, 2019, 2020).

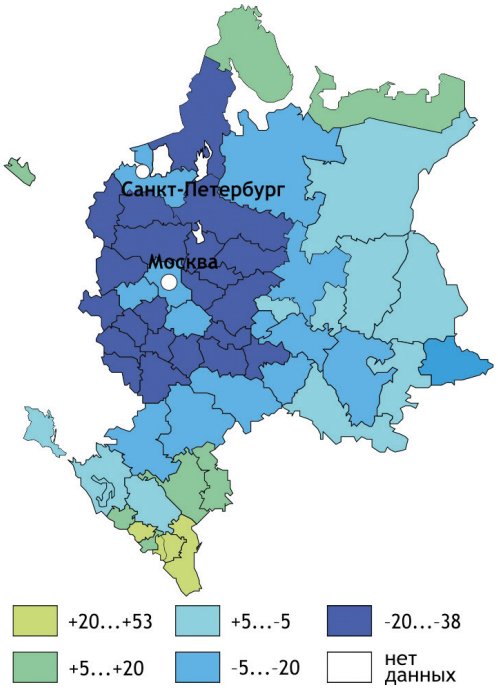

Рис. 2.3.6. Естественный прирост сельского населения в среднем за 2014–2016 гг. , чел. на 1000 сельских жителей.
Источник: данные Росстата.

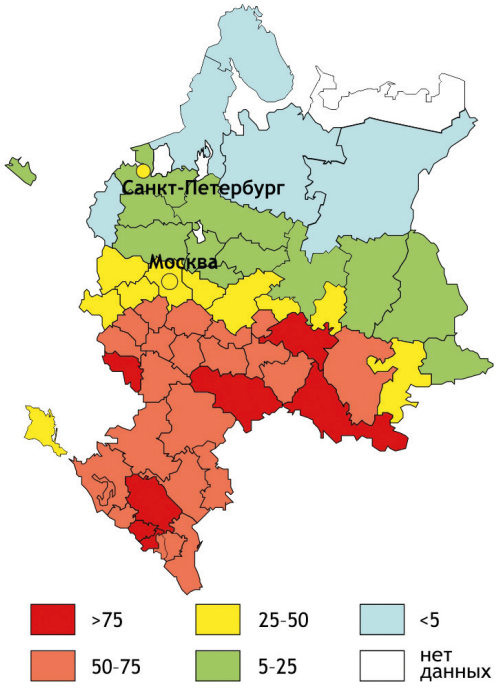

Рис. 2.3.7. Подключение сельских домохозяйств к сетям газоснабжения, %.
Источник: (Всероссийская …, 2017).

и др.), однако наибольшее влияние на ее развитие оказывают большие города людностью 100 тыс. жителей и более, сеть которых также редка (Нефедова, 2013а).

Трансформация сельского хозяйства

Сельское расселение и хозяйство тесно взаимосвязаны, причем их роли и влияние друг на друга в разные исторические периоды менялись. В России по сравнению с другими северными странами (скандинавскими, Канадой) сельскохозяйственное освоение сдвинуто к северу на территории с более суровыми природными условиями. Это имело и исторические причины: длительная монголо-татарская угроза степным и лесостепным зонам, «лесная ось» русской колонизации (Стрелецкий, 1999). В советские годы сельское хозяйство в районах со сложными природными условиями активно поддерживалось государством.

В начале XX в. была ярко выражена специализация сельского хозяйства, связанная с природными условиями и географическим разделением труда. Выделялись нечерноземная зона в староосвоенных регионах Центра России с производством льна, недостатком зерна и развивающейся промышленностью и южная черноземная зерновая товарная зона, в том числе экспортная (Экономическая …, 1929, с. 359).

Более 100 лет тому назад на Россию приходилось 80% мировых посевов льна. Этот расцвет сельского хозяйства был возможен только при избыточном сельском населении, большой доле ручного труда и его дешевизне. Доходность льна была высока из-за его востребованности в Европе и важна для крестьян при недостатке хлеба, а трудозатраты, при необходимости занять членов больших семей, их не заботили. После советской коллективизации и применения машин трудоемкость выращивания льна уменьшилась, но не исчезла, а качество волокна резко ухудшилось. В постсоветские годы без крупных государственных дотаций посевы льна резко сократились. Если в 1985 г. в Центре России засевали 339,2 тыс. га, а на Северо-Западе – 80,3 тыс. га, то в 2018 г. площади посевов составляли соответственно 14,9 и 6,2 тыс. га (Регионы …, 1999, 2019). Потеря льна – до сих пор болезненная тема в Нечерноземье, в том числе и для оставшихся стариков, которые ностальгируют по голубеющим полям вокруг деревень. Большая часть льнозаводов встала. Льнокомбинаты в городах также испытывают трудности и не только из-за сырья. Потолок платежеспособного спроса населения тормозит подъем цен по всей цепочке.

Коллективизация дала первый мощный толчок к сселению и забрасыванию мелких деревень, столь характерных для староосвоенных регионов, поскольку колхозному начальству было удобнее контролировать компактное, а не дисперсное расселение (Иоффе, 1990). При низкой производительности труда и расслоении коллективных хозяйств на более и менее благополучные выход виделся в централизации управления и укрупнении хозяйств. Однако из «неперспективных» деревень люди переезжали не только в села, где располагались центральные усадьбы объединенных колхозов, но и в города. Только за 1959–1970 гг. число сельских населенных пунктов сократилось в староосвоенных районах более чем на 20%.

Колхозы, призванные покончить с патриархальным крестьянством, создали не только новую сельскую экономику, но и новую общность, сочетающую общинные принципы с советским крепостничеством (паспорта колхозники начали получать только в конце 1960-х годов). Уже к 1940 г. колхозы контролировали 86% посевных площадей, совхозы – еще 10%. При этом, 83% своего рабочего времени крестьяне отдавали общественному хозяйству, от которого получали лишь 20% суммарного дохода. Кормились в значительной степени со своих крохотных участков (Никонов, 1995). Валовая продукция сельского хозяйства за 1913–1960 гг. выросла лишь вдвое, при росте промышленной продукции в 40 раз (Народное …, 1988, с. 7).

Освоение целины бумерангом ударило по староосвоенным районам. К 1960 г. в юго-восточных регионах страны было освоено 45 млн га целины, а в нечерноземных районах Европейской России заброшено 13 млн га земель (Никонов, 1995, с. 311). Накачивание средств в сельское хозяйство Нечерноземья по программе его интенсификации увеличило в 1960–1980 гг. фондовооруженность работников в 5 раз, но привело к росту продуктивности в натуральном выражении на 35–45% (Народное …, 1988). Власти стремились сдержать сокращение сельскохозяйственных угодий, особенно пашни, а сельское население продолжало убывать особенно сильно в староосвоенных районах (табл. 2.3.2).

Причины и ход кризиса первых постсоветских лет описывались неоднократно. Перелом в состоянии сельского хозяйства в лучшую сторону наступил лишь

Таблица 2.3.2. Сельскохозяйственные угодья и сельское население в 1960–1989 гг.

Район, область	Площадь сельскохозяйственных угодий, 1989 к 1960, %	Пашня, 1989 к 1960, %	Сельское население, 1989 к 1959, %	Все население, 1989 к 1959, %
Северный	54	77	69	133
Северо-Западный	77	95	63	132
Центральный, в том числе:	85	94	51	118
Московская область	90	98	66	139
Ивановская область	90	98	55	101
Калужская область	99	98	56	113
Тверская область	68	93	47	92
Ярославская область	75	95	46	105
Волго-Вятский	90	94	52	102
Центрально-Черноземный	97	95	54	97
Поволжье	102	102	67	130
Северный Кавказ	93	101	108	144
Урал	97	100	69	116

Рассчитано по (Земельный ..., 1961, 1990; Демографический ..., 1996).

в конце 1990-х годов. Это произошло в том числе благодаря росту курса доллара, сделавшего импорт менее выгодным, а вложения в российское сельское хозяйство, особенно в растениеводство в южных регионах с его относительно коротким оборотом средств и экспортной направленностью, выгодными (Нефедова, 2013а). Сельское хозяйство стало выходить из кризиса, попутно меняя специализацию и организационные формы.

Несмотря на то, что на начальных этапах приватизация в сельском хозяйстве считалась «справедливой» (Шагайда, Узун, 2019), так как имущество и земля делились между членами трудового коллектива и пенсионерами, последующие скупка и перераспределение паев привели к их концентрации в руках небольшого числа собственников. Это резко разошлось с целями реформы 1990-х годов, направленной на формирование массы мелких хозяев. Однако причины были не только в активности новых владельцев, скупающих паи, но и в пассивности населения. Через 10 лет после начала реформ опросы показывали, что после длительной в течение нескольких поколений борьбы с частным сельским хозяйством 80% работников предпочитали наемный труд (Калугина, 2001, с. 57), сочетая, как и раньше, работу на сельскохозяйственном предприятии с небольшим личным подворьем.

При этом кризис многих предприятий и модернизация выживших привели в сельской местности к сокращению занятости в традиционных отраслях. В сельском и лесном хозяйстве в 2018 г. было занято лишь 19,7% сельского населения в трудоспособном возрасте. При сокращении бюджетной сферы в ходе кампании объединения поселений и неразвитости сектора услуг безработица и низкие зар-

платы стали бичом сельской местности, стимулируя отток населения и трудовые миграции в города.

Количество фермеров, олицетворявших новый тип постсоветского хозяйствования, достигло максимума в 1995 г. (280 тыс.) и с тех пор уменьшалось. В 2016 г. на всю Россию было 137 тыс. фермерских хозяйств, причем реально работали на земле только 2/3 (Всероссийская …, 2017, т. 1). На фоне 17,5 млн подсобных хозяйств населения, далеко не всегда товарных, – это очень мало. Тем не менее, производство продукции фермерами и индивидуальными предпринимателями в 2000-х годах росло, особенно – производство зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, овощей, что говорит о том, что большая часть фермеров создали относительно крупные хозяйства в южных регионах с лучшими природными условиями. В нечерноземных регионах при отсутствии государственных дотаций и дефиците надежных работников значительная часть бывших колхозов и совхозов находится в кризисе или исчезла, а фермеров гораздо меньше.

С 2000-х годов производство все больше концентрируется в крупных сельскохозяйственных структурах (Барсукова, 2016). Агропромышленные холдинги в последние годы производили до половины продукции сельскохозяйственных организаций (Шагайда, Узун, 2019). Определить реальную долю агрохолдингов в регионах сложно, так как это часто межрегиональные компании, а статистика оперирует показателями их низовых звеньев, разбросанных по разным регионам. Но в целом усиливающаяся роль крупных компаний говорит о структурной поляризации в отрасли и смене парадигмы развития сельского хозяйства. В староосвоенных нечерноземных областях новые агрохолдинги и по технологиям, и по результатам, и по внешнему виду часто составляют резкий контраст даже работающим предприятиям, а два-три холдинга могут давать половину и более продукции нескольких десятков сельскохозяйственных организаций. Холдинги, занимающиеся птицеводством и свиноводством, часто сознательно вытесняют не только малых, но и производителей среднего звена, захватывая их земли, и, главное, обычно не взаимодействуют с ними. Этим российское сельское хозяйство отличается от западного, где фермеры часто встроены в работу агрохолдингов (Наумов, 2014; Барсукова, 2016).

Роль природных различий в постсоветское время усилилась. Мелкоконтурные малоплодородные угодья в староосвоенных центральных и северо-западных регионах, вписанные в мозаику природных ландшафтов, подходили старому крестьянскому хозяйству, но при низких урожаях удорожали продукцию коллективных хозяйств. В постсоветское время эти регионы испытали наиболее глубокий аграрный кризис по сравнению с более благополучными южными регионами (рис. 2.3.8). В связи с внедрением рыночных условий и отказом от советского стремления к самообеспечению регионов, производство зерна особенно резко сократилось именно в них и сместилось в районы с лучшими природными предпосылками, где его производство выгодно (рис. 2.3.9).

Расслоение производителей на более и менее успешных и сжатие посевов, особенно в Центре и на Северо-Западе России (рис. 2.3.10), привело к появлению в староосвоенных регионах больших площадей заброшенных земель. Это вызывает неоднозначные оценки общества и властей, особенно в сравнении с более

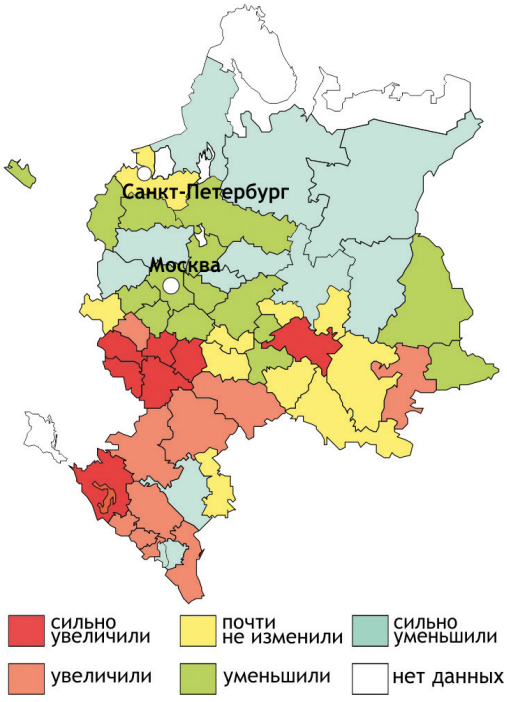

Рис. 2.3.8. Изменение вклада регионов в сельскохозяйственное производство Европейской России, 2017 к 1990 г. *Источник*: данные Росстата.

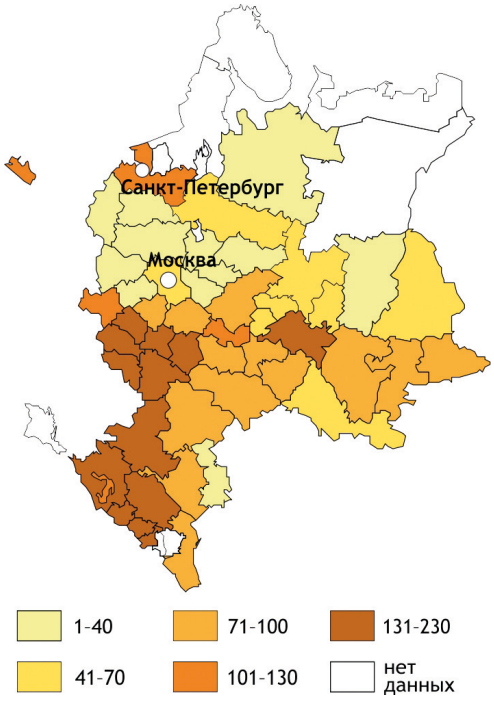

Рис. 2.3.9. Динамика производства зерна, в среднем за 2014–2018 гг. к 1986–1990 гг., %. *Источник*: данные Госкомстата и Росстата.

южными регионами, где после кризиса 1990-х годов посевные площади практически восстановились и зерновые стали предметом сельскохозяйственного экспорта при сокращении посевов многих кормовых культур (Аверкиева и др., 2016).

Во многих развитых странах сокращение посевных площадей также имело место, но происходило гораздо раньше. Главных причин две: экономия затрат при концентрации производства там, где оно дает наибольшую прибыль, и рост производительности труда. В США за вторую половину XX в. было постепенно выведено из обращения 356 тыс. км^2 сельскохозяйственных земель (Люри и др., 2010), немногим меньше, чем в постсоветской России. Тем же путем идут бывшие социалистические страны Восточной Европы. Россия встала на этот путь с опозданием, большими потерями и более глубоким кризисом сельского хозяйства[13].

Демографические потери и кризис сельского хозяйства особенно пагубно отразились на животноводстве. Поголовье крупного рогатого скота в советское время находилось под строгим контролем партийных органов и на огромных дотациях, даже если некому было работать и надои молока не превышали 2 т в год.

[13] Возможно, если бы институциональные изменения произошли лет на 30 раньше, когда уже обозначились проблемы сельского хозяйства, а депопуляция Нечерноземья не зашла так далеко, сельское хозяйство имело бы шанс укрепиться в новом качестве на основе небольших хозяйств и социального обустройства сельской местности, сохранив тем самым часть сельского населения.

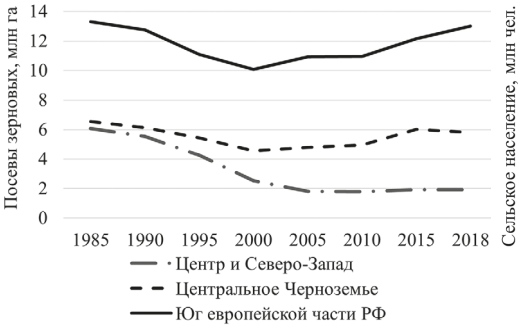

Рис. 2.3.10. Посевная площадь зерновых в основных зонах европейской части России, млн га. *Источник*: данные Росстата.

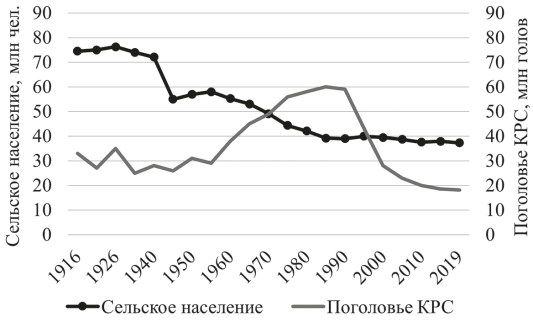

Рис. 2.3.11. Численность сельского населения (млн чел.) и поголовье крупного рогатого скота в России (млн голов) в советское и постсоветское время. *Источник*: (Нефедова, 2013а; Регионы …, 2020).

В результате в 1990-х годах в России произошло его катастрофическое падение (рис. 2.3.11).

Особенно сильно животноводство пострадало в староосвоенных регионах Центра и Северо-Запада. И это несмотря на обилие лугов и пастбищ, в том числе на заброшенных полях. В Нечерноземье сохранились лишь отдельные очаги молочного и мясного скотоводства благодаря новым инвестициям и чаще в крупных агрохолдингах, что усилило пространственную поляризацию сельского хозяйства[14]. Особенно это касается свиноводства и птицеводства.

При низких зарплатах и повышенной сельской безработице самообеспечение молоком и мясом в личных приусадебных хозяйствах, казалось бы, должно играть существенную роль именно в нечерноземных районах, где уменьшилось число работодателей и много заброшенных полей. Однако от животноводства отказывается и население, что отчасти связано со сложившимся в советское время симбиозом колхозов и личных хозяйств населения по обеспечению кормами, ветеринарными услугами, сбыту продукции и т.п. (Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, Николаева, 2019). Но главное – пониженная активность объясняется постарением населения и отрицательным социальным отбором в результате длительного миграционного оттока молодой и активной его части. Недаром частное животноводство характерно для южных регионов, где активно работают зерновые предприятия и отток населения был меньше (рис. 2.3.12). Препятствием на пути развития товарности мелких хозяйств служат сложности сбыта продукции при разрушении былой потребительской кооперации, практики сдачи продукции местным пищевым предприятиям и распространении сетевой торговли.

После попыток «самоограживания» регионов в начале 1990-х годов к концу десятилетия экономическое пространство стало проницаемым. На первый план вышли такие стимулы производства продовольствия, как его эффективность и городской спрос. Агрохолдинги молочной специализации, а также свиноводческие и птицеводческие, располагаются не слишком далеко от крупных центров,

[14] См. главы: 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства; 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

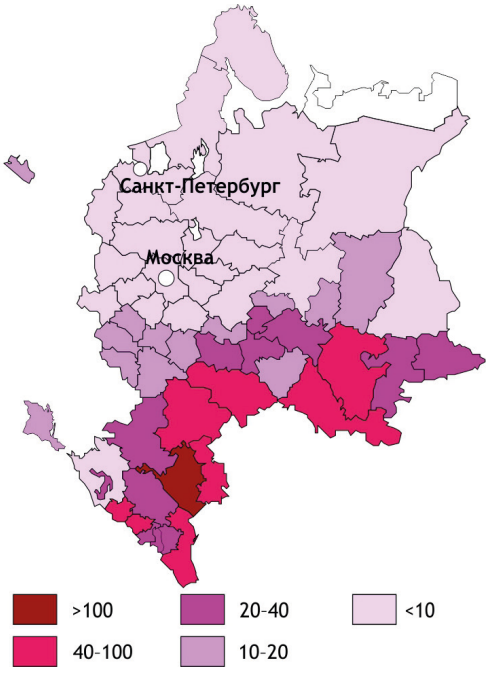

Рис. 2.3.12. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, 1.01.2017 г. *Рассчитано* по данным Росстата.

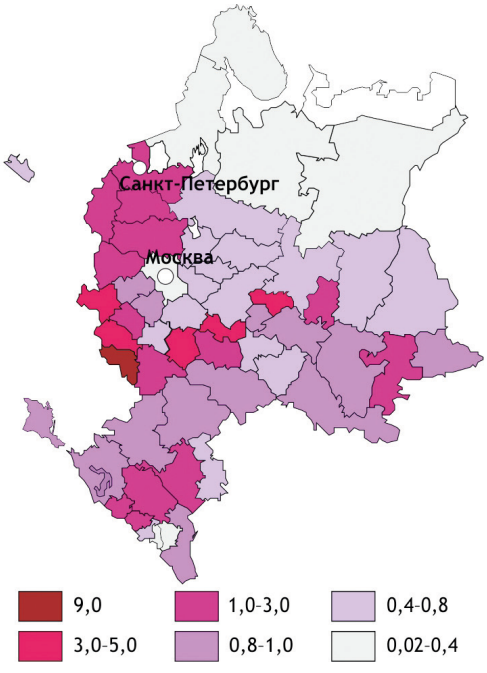

Рис. 2.3.13. Отношение производства мяса к его потреблению в регионах, 2017 г., число раз. *Рассчитано* по данным Росстата.

хотя значительную часть кормов производят в своих же подразделениях на юге европейской части России. К ним в последние годы добавляется расширяющееся мясное пастбищное скотоводство с обновлением породного состава и полной механизацией. Сопоставление производства мяса и его потребления выявляет полукольцо товарных производителей, нацеленных на потребительский рынок крупных городов, немного южнее Московской области, а также между Москвой и Санкт-Петербургом (рис. 2.3.13).

При новых технологиях предприятиям требуется гораздо меньше работников, чем советским колхозам и совхозам. Помимо специалистов из городов, они часто привлекают мигрантов из ближнего зарубежья на черновые работы. Поэтому восстановление производства в староосвоенных районах не означает сохранения занятости местного населения. Особенно это касается крупных агрохолдингов, руководство которых, как правило, находится в городах и, в отличие от руководителей бывших колхозов и совхозов, мало заботится об окружающей местности и населении. Более того, с крупными предприятиями часто оказываются не способны конкурировать и современные сельскохозяйственные кооперативы, что ведет к их банкротству и переходу земель к агрокомплексам. Все это уменьшает вариативность сельского хозяйства. Поэтому его восстановление не способствует уменьшению безработицы. Миграции населения в города и депопуляция сельской местности за пределами пригородов продолжаются.

* * *

Для староосвоенных районов при высокой плотности сельского населения в XIX в. было характерно расширение несельскохозяйственных занятий крестьян (промыслов и отходничества), связанное с невозможностью прокормить большие семьи. Это задало старт активной урбанизации. Бурная индустриализация XX в. лишь усилила отток из деревни, сделав неизбежной сильную сельскую депопуляцию.

Могло ли сельское хозяйство в XX в. развиваться иначе, учитывая повышенную в начале века плотность сельского населения, его навыки и готовность заниматься сельскохозяйственным трудом? Наверное, да, хотя история не знает сослагательного наклонения. Многие ученые и русские писатели того времени видели другой путь развития деревни, основанный на небольших товарных хозяйствах с применением к ним прогрессивных для того времени методов организации (Чаянов, 1924, 1991; Куприна, 1988; Фет, 2001; и др.). Но страна проигрывала в индустриальной гонке, средства для стимулирования которой новое советское правительство видело только в быстром ограблении деревни и создании контролируемых правительством сельскохозяйственных предприятий. Эта стратегия, хотя и с большими жертвами, сработала в начале и в середине XX в., но стала давать сбои в его второй половине.

Несмотря на то, что процесс пространственного сжатия сельского хозяйства в староосвоенных регионах активизировался в 1990-х годах, во многом это стало реакцией на действия советских властей, не учитывавших при плановом расширении сельскохозяйственных земель объективные природные, социальные и экономические ограничения. Достигнутые в советское время производственные результаты без комплексного социально-экономического развития сельских территорий при уменьшении мощной финансовой поддержки сельского хозяйства оказались недолговечны.

Сдвиг постсоветского производства в районы с лучшими природными условиями и увеличение его эффективности указывают на то, что Россия с некоторым опозданием проходит тот же путь, которым шли многие страны с развитым агропромышленным комплексом во второй половине XX в.

Резонансные эффекты постсоветских трансформаций заметно повлияли на сельскую местность. Новая технологическая парадигма организации сельского хозяйства в виде крупных модернизированных агро-индустриальных комплексов привела к сжатию среднего звена предприятий, особенно в староосвоенных районах. Это позволило повысить производительность труда и продуктивность, в значительной степени решить проблемы продовольственного обеспечения городов, но резко усилило институциональные и пространственные контрасты. В центре и на северо-западе страны производство стало выборочно-очаговым при неразвитости малых товарных хозяйств. Это привело к подрыву экономической базы многих сельских поселений, резкому сокращению занятости и сжатию землепользования. С другой стороны, именно здесь накопленные итоги депопуляции все больше становятся тормозом экономического развития сельской местности.

Глава 2.4. Пространственная мобильность населения как ответ на социально-экономическую поляризацию

Конец XX – начало XXI в. характеризуется заметным ростом мобильности населения в мире. Она воплощается в усилении как вертикальной мобильности индивидов со сменой статуса, социального слоя, так и горизонтальной, в том числе пространственной мобильности. Рост пространственной мобильности населения связан с информационным бумом, глобализацией, расширением виртуального и реального доступа к массе мест (Нефедова и др., 2015). Это требует особого внимания к миграциям и пространственным сетям при изучении общества (Zelinsky, 1971; Урри, 2012).

При огромных размерах нашей страны и существенных контрастах уровня жизни населения вертикальная мобильность часто перерастает в горизонтальную, как переселенческую на постоянное место жительства, так и возвратную с постоянными перемещениями с разными временными интервалами между регионами, городами разного размера и сельской местностью с трудовыми или рекреационными целями.

Интенсивность переселенческих миграций в России ниже, чем во многих западных странах, что связано с сильными перепадами цен на рынке жилья и привычкой к «своему» дому/квартире. Например, между регионами в США в середине 2000-х годов переселялось 26 чел. на 1000 жителей, в Великобритании, Японии, Швеции – 20, в Австралии – 17, в Германии – 13–14; в России же – только 6 чел. на 1000 жителей (Мкртчян, 2009). Миграции на постоянное место жительства обычно усиливаются в периоды политических и экономических кризисов или, наоборот, подъемов экономики с воплощением освоенческих идей. Возвратные циклические миграции – трудовые и дачные – значительно превышают переселенческие.

Возвратные трудовые миграции

Эволюция отходничества, возникшего в Российской империи как временная работа крестьян вне места постоянного жительства, подробно рассмотрена в книге «Между домом и … домом» (2016). Напомним лишь основные этапы, характерные именно для староосвоенных районов, в которых отходничество получило наибольшее распространение. Оно стимулировалось как невозможностью прокормить большие семьи крестьян из-за недостаточного плодородия почв, так и огромной потребностью Москвы и Санкт-Петербурга в работниках. Для регионов, окружающих Москву, расширение отходничества фиксируется с первой половины XIX в. Однако пик его был связан с освобождением крестьян, когда число безземельных крестьян увеличилось, а в крупных центрах активно формировался городской рынок труда. В регионах, окружающих современную Московскую область, более 20% мужского трудоспособного населения имели паспорта отходников, разрешающие им отлучаться из деревень на заработки в города (Рыбников, 1928). По некоторым оценкам, численность отходников в России составляла в начале XX в. 5–6 млн чел., из них около половины направлялись в города, остальные

– на юг и восток Европейской России (Короленко, 1892). В Московской, Ярославской, Смоленской губерниях доля лиц мужского пола, покидающих на время деревни, составляла от 10 до 40 % (Брокгауз и Ефрон, 1897). Важным приработком было огородничество, особенно вокруг Москвы и в соседних с Московской губернией уездах. Отходничество служило мотором урбанизации, многие крестьяне подолгу жили в городах, забрасывая свое хозяйство и переселяя в города семьи. Москву и Санкт-Петербург в начале XX в. называли крестьянскими городами: здесь удельный вес деревенского населения, проживавшего в городе от 1 года до 20 лет, составлял по разным оценкам от 40 до 70% (Янсон, 1881; Данилов, 1974; Миронов, 1999; Курцев, 2007). Отходники в центре России, даже если они периодически возвращались в родную деревню, составляли ее элиту, были грамотными, привносили городские элементы в быт.

В первые годы советской власти отход в города сохранялся, а в связи с высокой потребностью крупных городов в рабочих руках в 1920-е годы даже усилился. Однако коллективизация резко изменила отношение к отходникам. В начале 1930-х годов была введена «прописка по месту жительства», и всем, кто имел временные работы, в получении паспортов было отказано. Без прописки жить в городе было нельзя, и крестьяне вернулись в деревню. Индивидуальное отходничество было заменено официальным набором колхозников на заводы и строительство. Однако практиковался неофициальный трудовой отход, в том числе и женщин (домработницами, сиделками, няньками), и жизнь в городах «на птичьих правах» с надеждой так или иначе получить прописку. Политика зажима приусадебных хозяйств во времена Н. Хрущева и высокая потребность городов в рабочих руках усиливали стремление сельского населения в города. Отъезд сельского населения из староосвоенных районов, в том числе для вахтовых работ, провоцировала также колонизация восточных районов. Если учесть необустроенность деревень, низкие зарплаты в колхозах и то, что пенсии колхозникам, введенные только в 1964 г., составляли 30% от городских, то стимулов для отъезда молодежи и среднего поколения на заработки было достаточно.

Свободное отходничество (в том числе бригады шабашников) возродилось в 1960-х годах, а расцвело в 1970–1980-х годах, хотя оно больше затрагивало горожан, временно зарабатывавших на стройках на востоке страны. Расширилась и вахтовая работа. Несмотря на то, что официально по Трудовому кодексу вахтой считается работа на значительном удалении от места постоянного проживания в течение длительного срока, советский термин «вахтовики» весьма устойчив и сегодня часто применяется в отношении любой работы вне места жительства. Только в последние годы он стал заменяться другими понятиями: дореволюционным термином «отходники» (Плюснин и др., 2013), возвратные трудовые мигранты (Нефедова, 2015а; Флоринская и др., 2015; Между домом …, 2016), маятниковые мигранты (хотя последнее чаще применяется при исследовании ежедневных поездок на работу в другой населенный пункт).

В 1990-х годах в связи с закрытием предприятий в малых и средних городах и кризисом колхозов и совхозов появился резерв незанятой рабочей силы. В то же время экономика крупных центров восстанавливалась, причем во многом за счет постиндустриального сектора. Требовались охранники, строители, продавцы, во-

дители, медработники и т.п. Это подняло новую волну трудовых возвратных миграций. При этом отличие современного отходничества в том, что оно касается не только сельского населения, как в начале XX в., но и населения малых, средних и даже некоторых больших городов. В отличие от нефтяных вахт в северных и восточных районах, для трудовых мигрантов староосвоенных регионов характерны короткие ритмы с графиком: неделя или две на работе, столько же – дома; 20 дней на работе, 20 – дома; один–два месяца на работе, столько же – дома. В ближайших к Московской области регионах практикуется режим работы в течение суток с тремя выходными или отход на рабочие дни недели с выходными дома. Подобные формы «ближнего» отхода существуют и в периферийных районах областей при работе в их административных центрах.

Данные выборочного обследования рабочей силы позволяют увидеть масштабы и направления возвратных передвижений населения с трудовыми целями. В 2018 г. 62% всех трудовых мигрантов России направлялось в Центральный федеральный округ, в том числе 53% (1,5 млн чел.) – в Москву, что формировало пятую часть всей рабочей силы столицы. Еще 6% поглощала Московская область. Санкт-Петербург привлекал около 8% российских трудовых мигрантов. С ними могла конкурировать только Тюменская область с округами (12,2%), да и то благодаря вахтовикам Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Сама Тюменская область привлекала лишь около 2% российских трудовых мигрантов, т.е. около 7% ее рабочей силы.

Наибольшие потери несли Московская и Ленинградская области, отдававшие до 20% собственных трудовых ресурсов Москве и Санкт-Петербургу, хотя частично они восполняли рабочую силу за счет окружающих регионов. Почти все староосвоенные области Центра России вокруг Московского столичного региона испытывали значительные потери работников (рис. 2.4.1). При этом напряженность на рынках труда в них хотя и была повышена (Антонов, 2019, 2020), особенно в северо-восточном и юго-восточном направлении от Московской области, но по официальным данным все же ниже, чем, например, у северокавказских республик. Главным фактором была близость к столице, возможности выбора занятости и градиенты оплаты труда в столице и ее окружении[15]. Повышенную долю отходников из сельской местности в староосвоенных регионах Центра давала и Всероссийская перепись населения 2010 г. (ВПН-2010) (рис. 2.4.2).

В целом староосвоенные регионы, примыкающие к Московской области, поставляли в 2010-х годах около трети всех отходников, работающих в Московском столичном регионе (МСР) (Между домом …, 2016), в то время как в самих окружающих его регионах с трудом удавалось заполнять даже имеющиеся вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве (табл. 2.4.1).

Современное отходничество стало единственной возможностью сохранения приемлемого образа жизни для огромной массы людей, живущих вне больших городов. Распространение отходничества, замещающего миграции на постоянное место жительства, показывает специфику и противоречивость современного рынка труда в России. Хотя отходники и служат проводниками крупногородских

[15] См. Главу 4.1. Путешествие по избранным маршрутам.

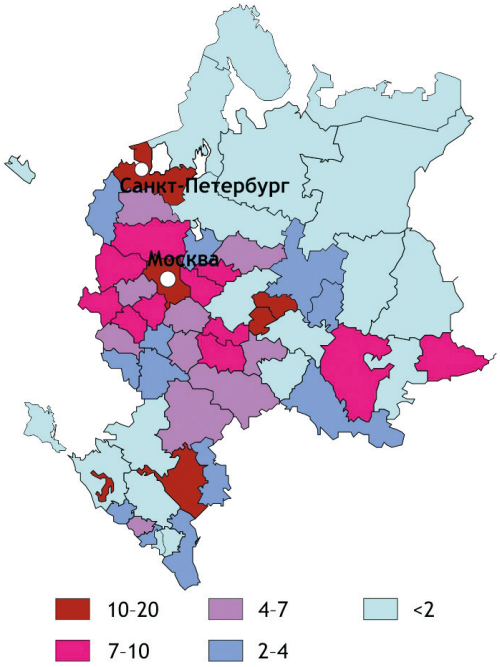

Рис. 2.4.1. Доля населения, выезжающего на работу в другие регионы, от численности рабочей силы в возрасте от 15 до 72 лет, %.
Рассчитано по (Итоги …, 2019).

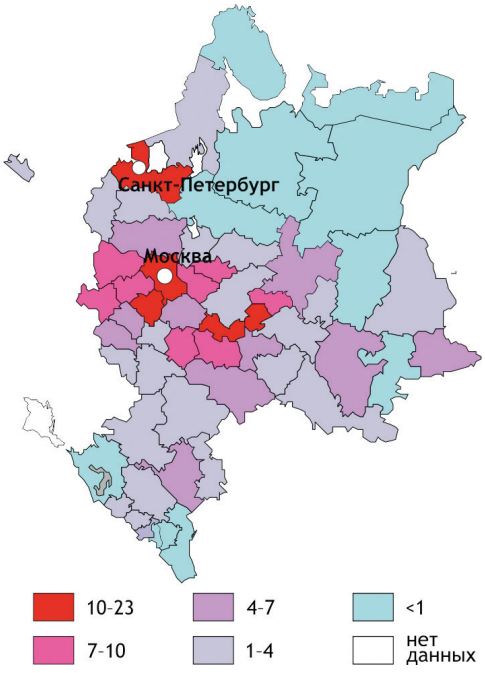

Рис. 2.4.2. Доля сельского населения, работающего в другом регионе, к численности сельского населения в трудоспособном возрасте, %.
Рассчитано по данным ВПН-2010.

Таблица 2.4.1. Потери и добавки трудовых ресурсов в результате межрегиональных трудовых миграций в Центре России, 2017 г., %

Территория	Потери	Добавки
Москва	0,3	21,9
Московская область (МО)	20,6	5,5
Регионы в окружении МО	7,4	0,8

Составлено по данным выборочного обследования рабочей силы Росстата.

ценностей в деревнях и малых городах, сами они, находясь «ни в селе, ни в городе», часто выпадают из социальной жизни и дома, и в месте, где они работают. К наполовину вольному образу жизни (две недели или месяц отработал, столько же свободен) привыкают, возвращаться к ежедневной рутинной работе отходникам трудно, даже если появляются вакансии в месте жительства. Временная трудовая миграция становится своеобразной ловушкой («капканом»), не дающей возможности осуществить устойчивую социально-экономическую жизненную стратегию (Моисеенко, 2004; Между домом …, 2016, с. 100).

Особую роль среди трудовых мигрантов играют выходцы из стран, входивших в СССР. В последние годы они составляли 80–90% всех въехавших на работу в

Таблица 2.4.2. Доля въезжающих с разными целями среди первично зарегистрированных международных мигрантов в среднем за 2017–2019 гг., %

Территория	Работа	Частные цели	Туризм	Учеба	Прочее
Москва	63	18	13	4	2
Московская область (МО)	53	39	4	2	2
Окружение МО	46	24	18	4	8

Источник: (Нефедова, Старикова, 2020).

Россию (по данным МВД[16]). В 2017–2019 гг. в окружающих МСР областях в год становилось на миграционный учет около 1 млн международных мигрантов. Это немногим меньше, чем в Московской области (1,4–1,7 млн чел.), но значительно меньше, чем в Москве (3–4,5 млн чел.). Более половины таких мигрантов находятся по месту пребывания 2 года и более (Щербакова, 2019). Основные цели приезда среди всех первично зарегистрированных составляла работа (табл. 2.4.2). Члены семей мигрантов часто въезжают с частными целями, хотя многие из них работают нелегально.

Численность ежегодно приезжающих иностранных трудовых мигрантов, переходящих с получением вида на жительство или гражданства РФ в категорию населения с долговременным или постоянным проживанием, за пределами МСР невелика (за исключением Калужской и Тульской областей) и уменьшается, т.к. меняется состав мигрантов. Новое поколение, выросшее в постсоветское время, хуже знает русский язык и в большей степени укоренено в своих странах, а гражданство РФ просто облегчает им возможности заработков в России (Poletaev, 2020).

Часть российских трудовых миграций, в том числе из староосвоенных регионов, заканчивается переселением в Москву и Московскую область, из-за чего окружающие регионы продолжают терять постоянное население, хотя в них про-

Таблица 2.4.3. Миграционный прирост (убыль) населения на постоянное место жительства в Москве, Московской области и окружающих областях в год в среднем за 2014–2018 гг.

Территория	Миграционный прирост (убыль)					
	тыс. чел.		тыс. чел. на 10000 населения		чел. на 100 км^2	
	межрегиональные миграции	международные миграции	межрегиональные миграции	международные миграции	межрегиональные миграции	международные миграции
Москва	79,3	12,2	64	10	3050	471
Московская область (МО)	73,1	16,8	100	23	165	38
Регионы, окружающие МО	–22,1	25,9	–22	25	–6	7

Источник: (Нефедова, Старикова, 2020).

[16] https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/ (дата обращения 14.04.2020).

писываются международные мигранты. Эти изменения особенно наглядны, если их пересчитать на площадь территории (табл. 2.4.3). В последние годы на каждые 10 × 10 км в Москве ежегодно приходилось более 3 тыс. чел. из других регионов России и около 500 международных мигрантов, переселившихся на постоянное место жительства. Для Московской области эти показатели составили 165 и 38 чел. соответственно.

Дачные возвратные миграции населения

Миграции из города в сельскую местность могут рассматриваться с двух позиций: как переезд горожан в пригороды и приближение в них условий жизни и возможностей работы к городским (субурбанизация), и как миграция городских жителей в деревни, порой удаленные от городов (Нефедова, 2015б; Между домом …, 2016; Нефедова, Старикова, 2020). В первом случае и городские, и сельские сообщества включаются в универсальные процессы массового потребления, что ведет к нивелированию различий между ними. Во втором случае это осознанная смена образа жизни. Если первое развивается в России в ближайших зонах за городской чертой[17], то желание переехать в более удаленную сельскую местность (в том числе необустроенную элементарной инфраструктурой) на постоянное место жительства гораздо чаще встречается в социальных сетях, чем в жизни. Оно характерно для единичных энтузиастов и пенсионеров. Гораздо типичнее для России дачное использование горожанами сельской местности. Правда, в периоды экономических и эпидемиологических кризисов (в том числе в связи с пандемией коронавируса в России в 2020 г.) временное бегство из городов, особенно из Москвы и Санкт-Петербурга, усиливается, в том числе на дачи[18].

Дача для россиян – это и жизнь на два дома (в городе и пригороде), и отдых горожан с ностальгией по природе и своему саду, и вложение капитала с большей свободой обустройства, и специфическая сельскохозяйственная деятельность для самообеспечения овощами и ягодами. И все же это единый феномен, для которого нет другого термина, хотя в официальных документах слово «дача», как правило, отсутствует. Для исследователей дачная тема становится все более важной (Трейвиш, 2014; Нефедова, 2015б; Горожане …, 2016; Между домом …, 2016; и др.).

Прототипом дач можно считать дворянские усадьбы, в которых хозяева жили в летние месяцы, проводя зиму в Петербурге или Москве. Но к началу XX в. выезд на дачи становился все более массовым явлением. Накануне 1917 г. общее число подмосковных дач достигло 20 тысяч (Хауке, 1960). После типичной для начала–середины XX в. летней аренды дач, с 1950-х годов началась ограниченная раздача земли под частные дачи и массовая – под коллективные сады и огороды с участками 4–6 соток. Вторая волна распространения занятия садоводством среди горожан характерна для 1970–1980-х годов. Обе волны были связаны с обострением продовольственной проблемы в стране. Частная собственность на дачные дома, но с продолжением их сезонного использования, постепенно заменяла распространенную прежде аренду дач. Больше всего в советское время садовых то-

[17] См. Главу 4.2. Столичный регион: пример ускоренного развития.
[18] См. Главу 4.9. Год COVIDa – миграционный разворот?

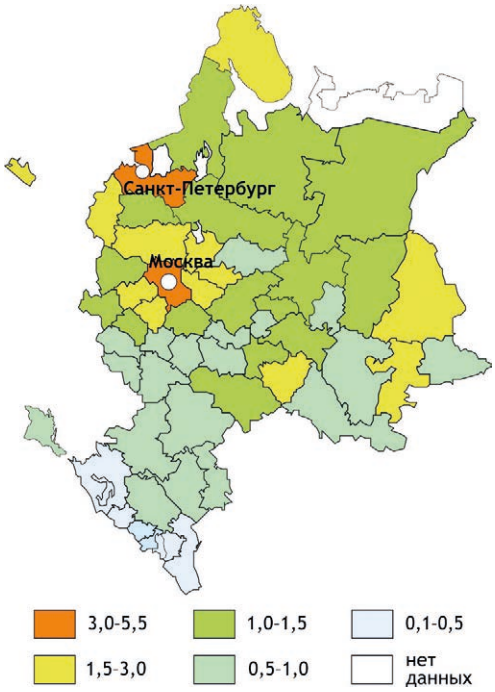

Рис. 2.4.3. Отношение числа дачных домохозяйств горожан в организованных садовых и дачных поселках к числу домохозяйств сельских жителей, число раз.
Составлено по данным ВСП-2016.

Рис. 2.4.4. Численность дачников-горожан в садовых и дачных поселках и в сельских поселениях в областях Центра России (а), в Московской области и ее окружении (б). *Рассчитано* по данным ВСП-2016 с допущением, что минимальное число дачников в летний сезон на участке – 1 чел., максимальное в выходные – 3 чел.

вариществ было в Московской области, где они концентрировались вдоль расходящихся от столицы основных транспортных магистралей (Московский …, 1988, с. 180). С учетом садово-дачного расселения неоднократно предпринимались и попытки выявления пульсации границ Московской агломерации и ее населения (Пространственно-временной …, 1988, с. 160–167; Махрова и др., 2012). С 1970–80-х годов все более популярной становится покупка жителями больших городов домов в деревнях, которая выросла на основе расширяющегося наследования деревенских домов детьми, переехавшими в города. Горожане ринулись за дачной собственностью для временного летнего проживания в удаленные районы Центра и Северо-Запада России.

Массовое распространение дач в советское и постсоветское время во многом затормозило в России классическую дезурбанизацию со сменой места жительства (Между домом …, 2016). Наличие дачи в пригороде позволяет совмещать достоинства жизни в городе и на природе в своем доме, но требует активных перемещений между ними. К пригородным традиционным дачам, советским и постсоветским садовым и дачным товариществам добавились коттеджные поселки, значительная часть домов в которых тоже используется сезонно. Больше всего дач вокруг крупнейших центров – Москвы и Санкт-Петербурга. Дачные и садовые поселки москвичей давно уже вышли за границу Московской области на удаление

до 250–300 км (Махрова и др., 2016). Покупка деревенских домов с использованием их в летний сезон раздвигает дачные зоны москвичей на расстояние до 500–600 км от столицы (Аверкиева, Нефедова, 2016). Не только в Московской области, но и в окружающих ее староосвоенных областях Центра России, число горожан летом на дачах становится сопоставимым с численностью сельского населения, а местами даже превышает ее, а садовые и дачные поселки становятся важным фактором реального, хотя и сезонного расселения (рис. 2.4.3 и 2.4.4).

Масштабы возвратных дачных миграций, особенно вокруг крупных городских центров, превышают все остальные виды миграций населения. Для наиболее привлекательных для горожан староосвоенных регионов Центра России была сделана попытка сопоставления дачных миграций (той их части, которая касается садовых и дачных товариществ) с миграциями на постоянное место жительства и возвратными трудовыми. Для этого использовались данные Росстата, а также данные по числу участков в садовых и дачных товариществах и их использованию, полученные в результате дешифрирования космических снимков (Махрова и др., 2016) (табл. 2.4.4).

* * *

Для всех староосвоенных регионов, окружающих Московскую область характерно отрицательное сальдо межрегиональных миграций на постоянное место жительства и трудовых миграций (в основном – в Москву и Московскую область), а небольшие прибавки населения связаны лишь с международными миграциями,

Таблица 2.4.4. Сальдо миграций на постоянное место жительства (ПМЖ) и масштабы трудовых и дачных миграций в среднем в год в 2017–2018 гг.

Территория	Миграционный прирост (убыль) в результате миграций на ПМЖ		Возвратные миграции			
			с целью работы		дачные (внутри- и межрегиональные)	
	межрегиональные миграции	международные миграции	межрегиональные миграции	международные миграции	минимум дачников в сезон	максимум дачников в летний выходной
всего, тыс. чел.						
Москва	96,1	13,9	1467,4	2723,5	–	–
Московская область (МО)	64,3	15,8	–562,1	646,0	1381,5	4144,6
Окружение МО	–22,8	28,7	–313,6	322,2	108,2	324,6
чел. на 1000 жителей						
Москва	8	1	119	221	–	–
Московская область (МО)	9	2	–77	88	189	566
Окружение МО	–2	3	–31	32	11	32

Источник: (Нефедова, Старикова, 2020).

хотя внутри регионов направления потоков могут различаться[19]. Тем не менее, именно в староосвоенных регионах Центра существует самый мощный обратный поток дачников из городов, поддерживающий систему расселения в сельской местности и отчасти в малых городах. Он создает параллельную, не учитываемая статистикой и не показанную на картах, сеть пульсирующего расселения в виде второго дачного жилья горожан как в садовых и дачных поселках, так и в малых городах и деревнях. Эта сеть стимулирует создание неформальных рабочих мест для российских граждан, а также иностранных трудовых мигрантов и развитие малого бизнеса. В данной книге она рассматривается на отдельных примерах староосвоенных районов.

[19] См. Главу 4.1. Путешествие по избранным маршрутам.

Глава 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы

Вопрос о местном самоуправлении в России далеко не прост. По мнению ряда историков, домонгольскую Русь отличало двоевластие князей и народных вече. До XVI в. оно держалось в Пскове, Новгороде, некоторых освоенных новгородцами землях и пало под ударами московских государей. Этот институт возрождался на переломных этапах развития: в Смутное время, в период реформ Петра I (местные выборные дворянские советы, городские магистраты), Александра II (земства, городские думы и управы). Одни муниципальные органы стали долгожителями, другие нет, а со временем все ослаблялись новыми волнами централизации власти.

Так произошло и с органами народовластия в СССР и РСФСР, где советы были звеньями государственного управления с подчинением по вертикали и партийным контролем. Однако объекты локальной инфраструктуры и производства де-факто нередко имели двойное и тройное подчинение: профильному союзному или республиканскому министерству, местному совету народных депутатов и комитету КПСС. Их действия могли не совпадать, но координации помогало общение номенклатурных работников на бюро райкома или горкома, других встречах «партхозактива».

Институт местного самоуправления в постсоветской России формировался с начала 1990-х годов, был закреплен Конституцией 1993 г., а с 2003 г. трансформировался согласно Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Весь процесс с тех пор называют муниципальной реформой, или реформой местного самоуправления. Она затрагивает все стороны жизни общества, но далее мы обратим особое внимание на территориальные рамки муниципальных образований (МО), от которых в нашей обширной и неоднородной стране, в том числе в ее «старых» районах, зависит многое. Анализ опирается на данные Росстата по административным и муниципальным территориальным образованиям, а также справочно-правовых систем (СПС): СПС Консультант Бюджетные организации и СПС КонсультантПлюс: Сводное региональное законодательство[20].

Основные этапы, направления и последствия реформы

Первые МО появились на базе законов о местном самоуправлении 1990 и 1995 гг. (от 06.07.1991 г. № 1550-1 и от 28.08.1995 г. №154-ФЗ), позволявших субъектам РФ с учетом их специфики определять списки и границы МО пяти видов: районов, городов, районов в городах, поселков и сельских округов. Их полномочия зависели также от региона, что порождало разнообразие муниципальных схем.

Параллельно сохранялось административно-территориальное деление (АТД) советского образца. К 2002 г. Росстат фиксировал в стране 1864 района, включав-

[20] Авторы благодарны студентам географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которые под руководством О.Б. Глезер и А.Г. Махровой подготовили часть материалов из СПС Консультант Бюджетные организации и СПС КонсультантПлюс: Сводное региональное законодательство, использованных в главе.

ших в себя около 446 городов районного подчинения, 1850 поселков городского типа (пгт; их число заметно уменьшилось в 1990-х годах из-за стремления обрести сельские коммунальные и другие льготы) и 24,4 тыс. сельских администраций (обычно наследников сельсоветов), а также 650 городов прямого регионального (республиканского, краевого, областного или окружного) подчинения, часто делившихся на внутригородские районы. Из 2,5 тыс. единиц внутрирегионального АТД 1-го уровня – районов и не подчиненных им городов – более половины концентрировали староосвоенные территории выделенного нами ареала.

При этом уже возникло 11–12 тыс. муниципальных районов, хотя органы каждого второго были сформированы и финансировались сверху. Минфин РФ насчитывал в стране только 5,5 тыс. местных бюджетов (Бухвальд, 2013). Сведения о населении территорий в разрезе МО Росстат систематически дает только с 2010 г. (Численность ..., 2012). АТД и сам характер расселения в стране поныне отражает такая категория, как населенный пункт.

Формально первый, как бы пробный, этап введения в постсоветской России местного самоуправления завершило принятие ключевого федерального закона № 131-ФЗ. Он вступал в силу с 2006 г., потом переходный период продлили до 2009 г., но законы субъектов РФ с 2004–2005 гг. уже опирались на единую модель МО двух уровней: верхний – муниципальные районы и городские округа, нижний – городские и сельские поселения. Ее дополняли поправки о новых видах МО: внутригородских в Москве и Санкт-Петербурге (ноябрь 2011 г.), где они существовали с 2006 г., внутригородских районов в городских округах с внутренним муниципальным делением (май 2014 г.) и муниципальных округах, где горожан не более 2/3 (май 2019 г.). В идеале они должны были заместить к 2025 г. городские округа со слабыми центрами, но фактически ими делают муниципальные районы, как, например, в Удмуртии, которая первой заменила муниципальными округами все 25 своих районов. Тогда же вводилась категория межселенных территорий – малонаселенных участков МО, ранее именовавшихся территориями вне границ поселений[21].

Таким образом, реформа растянулась на десятилетия и еще не завершена, причем федеральное законодательство часто отставало от региональной практики. Задержки в реализации 131-ФЗ были вызваны сопротивлением на местах вплоть до конфликтов, изъянами самого закона, трактовкой его положений в регионах, политической культурой их населения и руководства (Глезер, 2016). Масштабная работа по унификации видов и критериев МО не устранила нарушений закона, резких различий между муниципальными структурами, казалось бы, похожих смежных регионов. Несмотря на это, главные тренды можно выявить и объяснить.

Виды МО множились, а их общее число со второй половины 2000-х годов в основном убывало. Их укрупняли (объединяли), централизуя местное самоуправ-

[21] По закону, муниципальное образование – населенная территория, а межселенная не должна создаваться в регионах и МО с плотностью сельских жителей ниже средней по России в 3 раза и более: видимо, законодатель пытался избежать введения муниципальных образований в неосвоенных зонах «ресурсного резерва» (даже для ведения сугубо местных дел). На практике межселенные территории созданы в 142 МО 25 регионов, от Мурманской области до Якутии и Чукотки, где сельское население порой на порядок реже среднего или отсутствует. На юге страны в горных регионах эти территории частью преобразованы в сопредельные, которых нет в муниципальном праве.

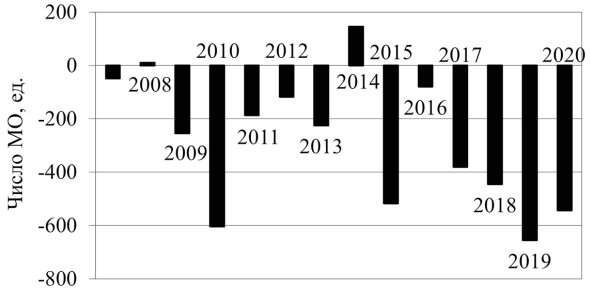

Рис. 2.5.1. Ежегодное изменение общего числа муниципальных образований в России, 2007–2020 гг. *Источник*: данные Росстата и расчеты авторов.

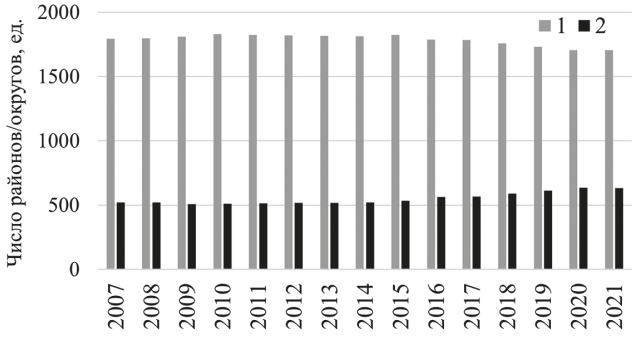

Рис. 2.5.2. Динамика числа (1) муниципальных районов/округов и (2) городских округов в России, 2007–2021 гг. *Источник*: данные Росстата и расчеты авторов.

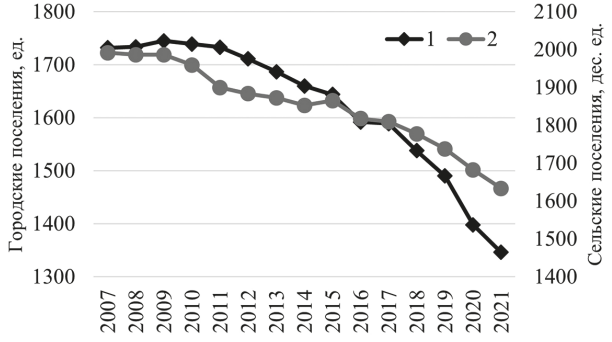

Рис. 2.5.3. Динамика числа (1) городских (ед.) и (2) сельских (дес. ед.) поселений в России, 2007–2021 гг. *Источник*: данные Росстата и расчеты авторов.

ление[22]. На графике (рис. 2.5.1) заметны две волны сокращения с пиками в 2010 и 2019 г., когда число всех МО снизилось на 600 и более единиц. Это происходило в первую очередь за счет нижнего этажа многочисленных городских и сельских поселений. На верхнем этаже муниципальных районов, городских и муниципальных

[22] Были попытки укрупнения и субъектов РФ за счет автономных округов, прерванные из-за сопротивления тех из них, которые были «богатыми» и самостоятельными.

округов динамика неоднозначна (рис. 2.5.2). Количество городских (а с 2019 г. и муниципальных) округов росло, а муниципальных районов сокращалось. Обе тенденции усилились с 2017 г., как и убыль числа МО нижнего уровня[23] (рис. 2.5.3).

Муниципальная реформа и динамика населения

Долговременный тренд трансформации расселения на местном уровне, в том числе в староосвоенных районах, – депопуляция. Она же – один из главных мотивов укрупнения МО, особенно на нижнем этаже. Но насколько эта объективная причина объясняет темпы их сокращения? Демографические потери сильнее всего касаются сельской местности. В 2007 г. число сельских администраций в России составляло 22,9 тыс. единиц, а сельских поселений к 2021 г. – 16,3 тыс. Даже с сотней недавних муниципальных округов, где повышена доля сельского населения, это на 28% меньше. Сельское население страны за это время уменьшилось лишь на 4%. Сравнение не вполне корректно, так как сельские жители есть и в городских округах, но там у них нет «своих» органов самоуправления. Кроме того, это расчет в целом по России, а депопуляция и динамика числа МО, особенно сельских поселений, регионально дифференцированы. Так или иначе, очевидно, что в данном случае муниципальная реформа опережала естественный ход событий (рис. 2.5.4).

По логике вещей, главными предтечами городских округов нужно считать города прямого регионального подчинения, тем более что на пороге XXI в. их было немногим больше, чем сегодня городских округов. Это и впрямь массовый вариант: 58,6% нынешних округов (рис. 2.5.5). Но не единственный, да и численная близость двух сравниваемых групп обманчива. Еще 30% городских округов были административными (муниципальными) районами во главе с городом районного значения, пгт, села либо скроены из территорий города регионального значения и окружающего района. В обоих случаях городские по статусу муниципальные об-

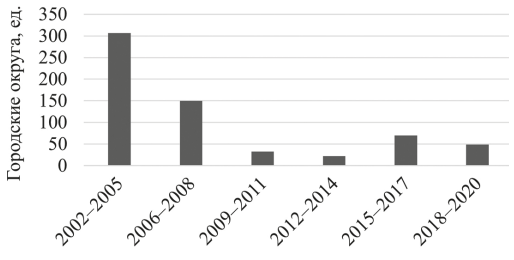

Рис. 2.5.4. Число городских округов, созданных в разные периоды*.

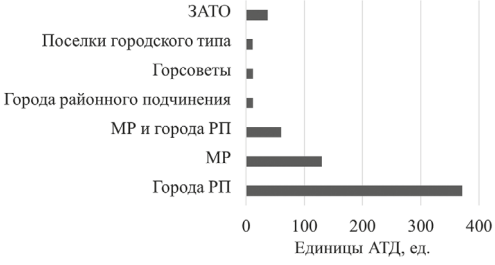

Рис. 2.5.5. Единицы АТД, на базе которых созданы современные городские округа РФ*.

* Графики построены на основе данных: Зырянов Г.А., Макушин М.А., Маркин А.И., Радикевич А.В., Шампуров И.А., Широкова П.А., Шмыд П.Я. Трансформация городских округов. Работа студентов Кафедры экономической и социальной географии России Географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / под рук. О.Б. Глезер, А.Г. Махровой. М., 2020 (рукопись).

[23] В 2014 г. с принятием очередных поправок к 131-ФЗ (в виде законов № 136-ФЗ и № 165-ФЗ) начался новый этап реформы, в том числе в отношении территориальных основ местного самоуправления. О его важности для федерального центра говорит скорость продвижения: поправки вступили в силу со дня официального опубликования, а публиковались в день подписания Президентом РФ (Глезер, 2016).

разования избыточно обширны, включая сельские по всем признакам местности и населенные пункты. Около 6% городских округов согласно 131-ФЗ создано в границах закрытых городов (ЗАТО), сохраняющих этот статус в рамках АТД. По 1,7–1,9% добавляют меньшие группы. Для округов на базе городов районного значения и пгт это явный статусный рост. Горсоветы как советское наследие сохраняла Украина, и 11 из 12 городских округов на их основе дал после 2014 г. Крым.

В некоторых регионах часто доминирует один генетический тип городского округа. А есть такие, где их создавали из разных единиц АТД. Таковы, в частности, Белгородская, Московская, Тверская области. Практически все типы можно найти и на Урале.

Описывать пропорции и истории прочих видов МО, приводить их примеры мы не будем. В общероссийском масштабе это делалось в прежних публикациях (Глезер и др., 2008, 2011; Глезер, 2013, 2016; и др.), а для избранных староосвоенных регионов будет представлено в последнем разделе главы. Здесь же остановимся на другом факторе укрупнения большинства видов МО, не менее важном, чем демографическое сжатие. Это их бюджетное и, шире, экономическое состояние.

Муниципальная реформа и ее финансово-экономические мотивы

Экономика в большинстве регионов России, как известно, оставляет желать лучшего и постоянно провоцирует политику концентрации финансовых ресурсов.

Территориальное неравенство изучалось с разных сторон: социальной (Yemtsov, 2003; Овчарова, 2009; Зубаревич, Сафронов, 2014; Зубаревич, 2019), структурно-экономической (Гранберг, 2000; Трейвиш, 2009; Михеева, 2013; Пилясов, Замятина, 2015), институционально-управленческой (Лексин и др., 2006; Кузнецова, 2013; Швецов, 2016), циклической в ходе подъемов и кризисов вплоть до пандемийного (Нефедова, Трейвиш, 2009; Зубаревич, 2012а, 2021; Кузнецова, 2020). Общим итогом можно считать признание устойчивости меж- и внутрирегиональных различий, в первую очередь по вездесущей оси центр–периферия, несмотря на все колебания.

Для муниципальной реформы ключевую роль играла параллельная ей реформа межбюджетных отношений, вехами которой были: принятие Бюджетного кодекса Российской Федерации (от 31.07.1998 № 145-ФЗ) с десятками вносимых ежегодно изменений[24], общей концепции реформы в 2001 г., закона 2005 г. об изменениях в связи с разграничением полномочий, концепции повышения эффективности межбюджетных отношений в 2006 г. и т.д. Цели, разумеется, были благие: финансовая безопасность и сбалансированность, выравнивание, обеспечение бюджетных обязательств. Анализ их достижения затрудняет, например, непрозрачность средств, поступающих из федерального бюджета или от госкорпораций получателям в регионе, минуя его бюджет (Печенская, 2015; Кузнецова, 2018; и др.).

Результатом стал рост бюджетной централизации. Спектр налоговых доходов и нормативы их расщепления в пользу бюджетов МО зависят от их статуса и в целом сокращаются вниз по иерархии. Если принять собственные подушевые доходы всех региональных бюджетов в 2019 г. за 100, то у муниципальных районов они составят

[24] Проанализированы с использованием СПС Консультант.

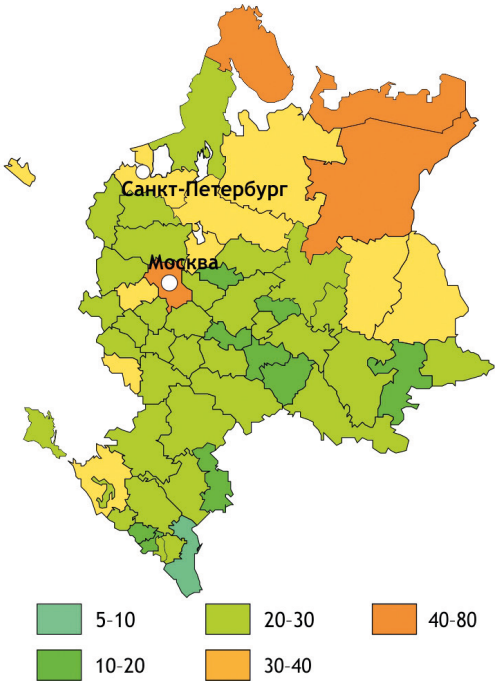

Рис. 2.5.6. Доходы бюджетов городских округов в регионах на 1 жителя округа, в среднем за 2019 г., тыс. руб. *Составлено* по данным Федерального казначейства.

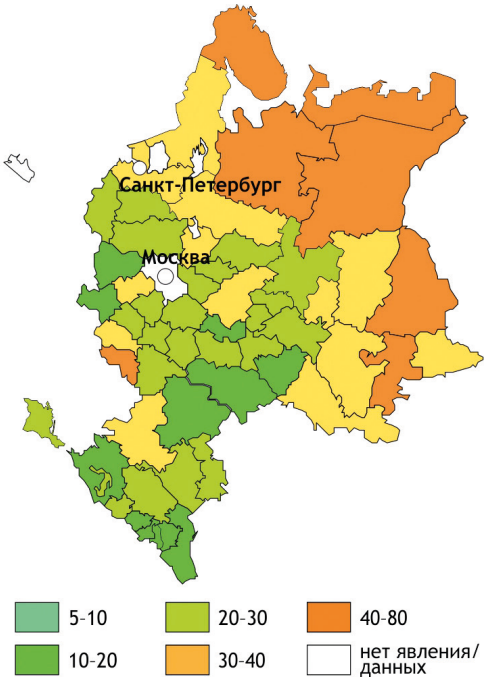

Рис. 2.5.7. Доходы бюджетов муниципальных районов в регионах на 1 жителя района, в среднем за 2019 г., тыс. руб. *Составлено* по данным Федерального казначейства.

41,4% от этой суммы, у городских округов – 39,6%, у городских поселений – 8,6%, у сельских – 7,1%. Общая доля местных бюджетов в консолидированном региональном варьировала от 12% (Ингушетия) до 80% (Кемеровская область).

Зависимость нижестоящих бюджетов от вышестоящих колеблется по годам, но в целом нарастает. Дотации регионам из центра в 2018 г. превысили 1 трлн. руб. В 2020 г., как и ранее, Минфин признал дотационными 72 субъекта РФ. Размеры региональных бюджетов на душу населения в 2020 г. различались в 20 раз – между северными автономными округами с добычей ценного сырья, но дорогим жизнеобеспечением и республиками Юга России. По местным бюджетам разрыв летом 2021 г. был примерно 55-кратным (Чукотка – Ингушетия)[25].

Это заметно и по доходам бюджетов муниципальных образований. Даже в европейской части России бюджеты и городских округов, и муниципальных районов на одного жителя соответствующих МО различаются в 10 раз между ее северными и южными регионами (рис. 2.5.6, 2.5.7)[26]. С первыми могут соперничать лишь бюджеты МО Московской области[27], Урала и Белгородской области.

[25] См.: Бюджеты субъектов РФ в цифрах / Бюджет.ru. 10 января 2020. https://bujet.ru/article/396309.php.

[26] Рис. 2.5.6–2.5.9 составлены на основе данных Федерального казначейства об исполнении консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации и бюджетов территориального государственного внебюджетного фонда (в разрезе субъектов Российской Федерации) (выборка из формы отчетности на период 01.01.2020. https://roskazna.gov.ru/).

[27] Муниципальных районов в 2021 г. в Московской области не осталось.

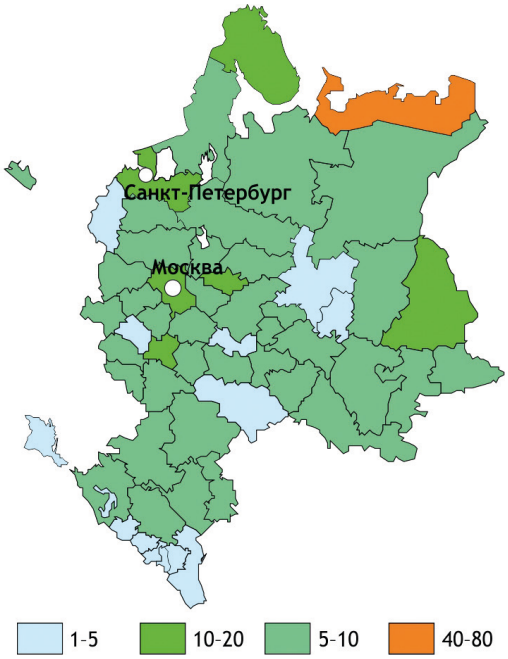

Рис. 2.5.8. Доходы бюджетов городских поселений в регионах на 1 жителя поселения, в среднем за 2019 г., тыс. руб. *Составлено* по данным Федерального казначейства.

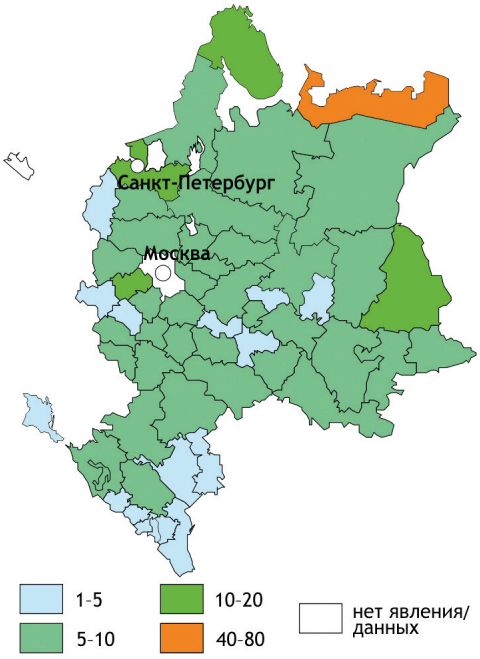

Рис. 2.5.9. Доходы бюджетов сельских поселений в регионах на 1 жителя поселения, в среднем за 2019 г., тыс. руб. *Составлено* по данным Федерального казначейства.

Бюджетная обеспеченность низового звена МО – городских и сельских поселений – представляет собой печальную картину и в подавляющей части регионов Европейской России не превышает 10 тыс. руб. в год на одного жителя поселения, а в некоторых окраинных регионах – менее 5 тыс. руб. (рис. 2.5.8, 2.5.9).

Все это стимулировало перераспределение полномочий между видами МО. Верхний этаж городских округов и муниципальных районов отвечает за более широкий круг задач. Ему, в отличие от нижнего, может делегироваться некоторая часть государственных полномочий (подробно тема освещена в документах и комментариях СПС КонсультантПлюс). Зато в их представительных органах допускается участие федеральных партий. Этот политический фактор имеет самостоятельное значение и отчасти объясняет ту сравнительную легкость, с которой шло расширение числа городских округов. С другой стороны, нечеткость федерального закона № 131-ФЗ позволяла назначить городским округом чуть ли не любую территорию. Так и поступали в ряде регионов под лозунгом экономии бюджетных средств. Создавая городские, а позже – муниципальные округа из районов, власти избавлялись от поселенческого уровня МО.

Итоги бывали удручающими: сжатие инфраструктуры, особенно на фоне укрупнения поселений или образования городских округов (закрытие в сельской местности, где это крайне необходимо населению, школ, больниц, клубов, магазинов), непроезжие дороги и отмена маршрутов общественного транспорта, со-

кращение рабочих мест в бюджетной сфере, безденежье и запустение, разрушение зданий, отток молодежи, депопуляция и экономическая депрессия, ощущение безнадежности, ненужности. Оценка этих явлений, их истоков и последствий различна. Порой они кажутся неизбежными и необратимыми. Но их независимость от субъективных факторов, как минимум, сомнительна. Далеко не очевидно и отсутствие шансов на поворот событий вспять. По крайней мере, в районах старого освоения с их еще не утраченным богатым наследием, притоком временного населения (дачников, туристов), не говоря уже о родной большинству россиян природе «средней полосы» страны[28].

Муниципальная реформа в избранных староосвоенных районах

Последствия фактической замены административно-территориального деления муниципальным можно проследить на примере более подробно исследуемых в книге регионов Центра и Урала. Наиболее радикальны перемены в Московской области, где 39 бывших районов и 56 городов регионального подчинения ныне преобразованы в городские округа, при этом общее число единиц верхнего уровня сократилось до 63, а муниципальных районов в 2021 г. не осталось (рис. 2.5.10). Расширение границ Москвы в 2012 г. повлияло на это отчасти: ей отошли только два городских округа и 19 поселений трех тогдашних районов Подмосковья. Свердловская область тоже пошла по пути создания городских округов на месте муниципальных районов, городов областного подчинения, ЗАТО и других единиц. Там осталось 5 муниципальных районов из 30 административных в 2000 г. В прочих рассматриваемых нами регионах старого освоения преобладало сокращение прежних единиц АТД, но не столь резкое, как под Москвой.

Количество муниципальных образований верхнего уровня выросло в тех же Московской и Свердловской областях, где городские округа формировались не только на базе центров областного значения (рис. 2.5.11). Число этих единиц вы-

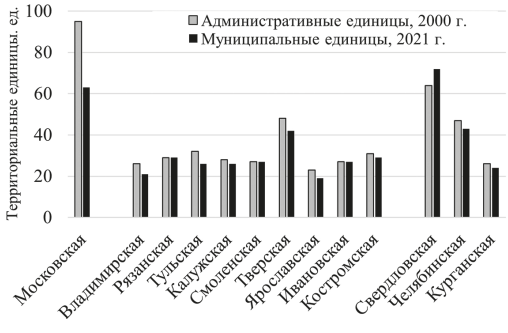

Рис. 2.5.10. Число территориальных единиц управления верхнего уровня в 2000 и 2021 г. (преобразование муниципальных районов и городов регионального подчинения в городские и муниципальные округа).
Источник: (Численность …, 2000, 2021).

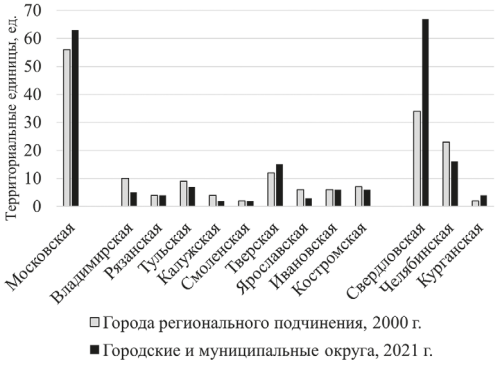

Рис. 2.5.11. Число городов регионального подчинения в 2000 г., городских и муниципальных округов в 2021 г. *Источник*: (Численность …, 2000, 2021).

[28] Подробнее см. в Главе 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам.

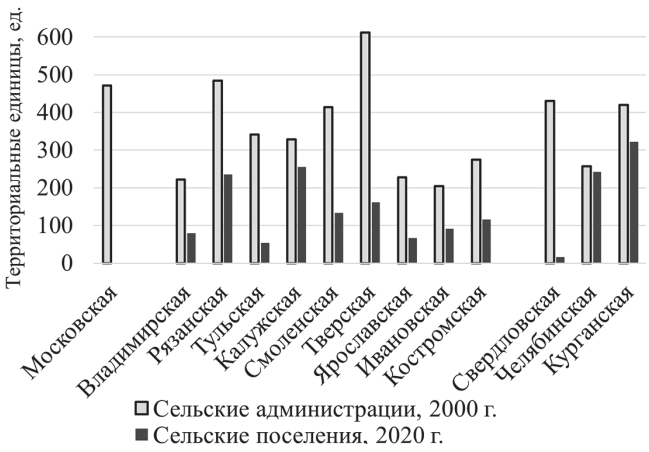

Рис. 2.5.12. Изменение числа сельских территориальных единиц управления в регионах Центра и Урала, 2000–2020 гг. *Источник*: (Численность …, 2001, 2020).

росло еще в двух регионах за счет создания внутренне неделимых муниципальных округов (9 в Тверской и 2 в Курганской областях) на базе бывших районов во главе с небольшими городами районного подчинения. Вероятно, их пытались повысить «в звании» и правах, но ценой ликвидации нижнего этажа МО – поселений. В остальных регионах произошло небольшое количественное сокращение и укрупнение верхнего городского звена.

Еще большее сжатие отличает низовые сельские единицы (рис. 2.5.12). В Московской области сельских поселений не осталось, к этому движется и Свердловская. В Центре за рамками Подмосковья число единиц снизилось в 2,6 раза, но по-разному. «Передовиком» стала Тульская область, предпринявшая массовое объединение сельских поселений, что привело к сокращению ячеек в 6 с лишним раз. А в соседней Калужской области их стало меньше всего в 1,3 раза. В итоге средний размер сельского поселения в Тульской области достиг 6,8 тыс. чел., а в Калужской – 950 чел. Можно догадаться, что многое зависит от позиции региональной власти. И не только региональной[29].

Изменения в территориальном устройстве сильно осложняют понимание реальных процессов, влияя и на статистику. Например, за 20 последних лет сельское население продолжало наиболее быстро убывать на Севере, окраинах Нечерноземья (Псковская, Костромская, Кировская области). Даже вблизи столичного региона потери могли достигать 20–30% (рис. 2.5.13). Тем удивительнее феномен Тульской области, где численность сельских жителей вдруг резко «выросла» (рис. 2.5.14). На самом деле они продолжают уезжать в города области и за ее пределы, причем на фоне естественной убыли. Зато быстро исчезают поселки городского типа, включаемые в состав городов или преобразу-

[29] Например, Костромская область, где велики потери сельского населения, создавать округа не спешила. В 2019 г. глава Мантуровского района (сейчас смещенный) первым преобразовал его в городской округ. В области есть центры посильнее и послабее с разной долей в населении своих районов, которые все же преобладают. Но с 2021 г. начался их перевод в муниципальные округа с ликвидацией сельских поселений, чреватой запустением сельских территорий.

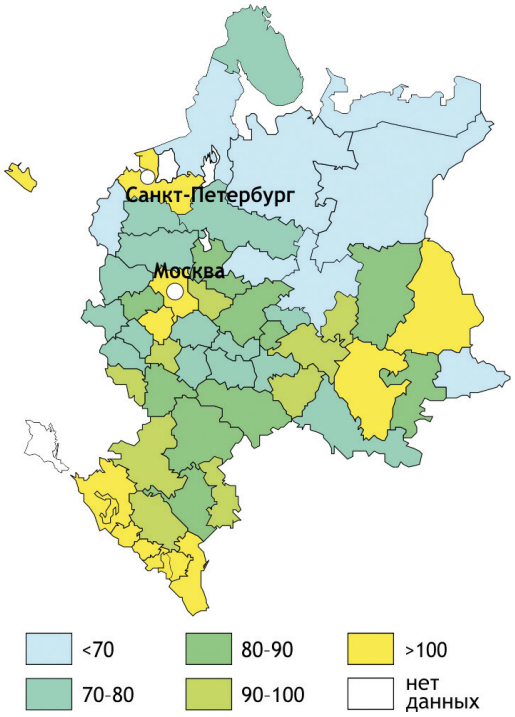

Рис. 2.5.13. Динамика сельского населения в регионах Европейской России, 2021 к 2001 г., %. *Источник*: (Численность ..., 2001, 2021).

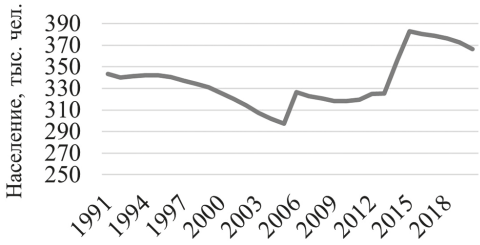

Рис. 2.5.14. Влияние муниципальных преобразований на динамику сельского населения в Тульской области, тыс. чел. *Составлено* по данным Госкомстата и Росстата.

емые в сельские пункты. В 2006 г. и 2014–2015 гг. активное объединение сельских поселений сопровождалось добавкой к ним пгт уже в сельском статусе, что и вызвало видимый прирост сельского населения на тысячи человек (Численность …, 2006, 2015).

* * *

Муниципальной реформе с ее волнами не видно конца. Ее лишь отчасти определяет местная демография, чаще – фискальная политика или политика мнимого упрощения системы управления. Один из главных результатов – централизация во всех ее аспектах – особенно болезненна для низовых муниципальных структур, то есть уровня, ближайшего к гражданам. Укрупнение муниципальных образований и отказ от поселений как муниципалитетов снижает потенциал их развития и ослабляет связь местной власти с населением, затрудняя людям доступ ко всем видам услуг и возможности ухода за территорией. В плотно заселенных местах это нарушает сложившиеся локальные системы расселения, а новые центры муниципальных образований вряд ли способны формировать вокруг себя новые системы. В итоге нарушается преемственность территориального развития и управления, нарастает административный хаос, подрубаются корни местного самоуправления и уменьшаются институциональные предпосылки самоорганизации жителей.

ЧАСТЬ 3. РАЙОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЖАТИЯ

Глава 3.1. Освоение, заселение и города в Центре России

Нарастание контрастов между центрами и периферией – историческая особенность России, усилившаяся в условиях постиндустриальной рыночной экономики. Особенно ярко это выражено в Центре России, что можно рассматривать как итог социально-экономического уплотнения территории ближе к Москве.

Территория Центральной России описывалась неоднократно (Рыбников, 1929; Московский …, 1983, 1988; Родоман, Сигалов, 2007; Махрова и др., 2008, 2016; Российская …, 2012; Трейвиш, 2013; Староосвоенные …, 2019; и др.). Окружение Москвы наряду с самой столицей всегда играло очень важную роль в развитии страны и привлекало внимание исследователей. В описаниях подчеркивались положение Центра России на контакте лесной и лесостепной природных зон, эксцентричное положение в стране, узость сырьевой базы, восполняемая эксплуатацией столичной ренты, моноцентризм. Это территория пересечения двух колонизационных осей (Трейвиш, 2013). Первая ось шла с юго-запада «от греков» на восток и за Урал. Вторая тянула Русь на северо-запад – «к варягам» и на юго-восток – в Дикое поле (рис. 3.1.1). Это обусловило преимущества Москвы по сравнению со «строптивой» Тверью и более восточными Суздальским опольем и Рязанью и давало московским князьям возможность маневрировать, сменяя проордынскую политику на монголоборческую, что и способствовало их укреплению, а затем – воцарению (Московский …, 1988, с. 50).

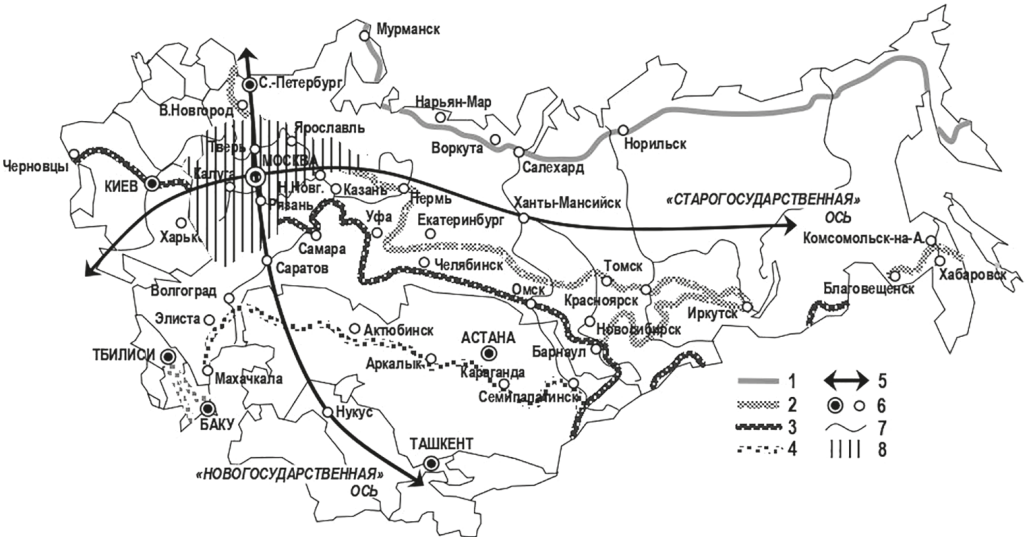

Рис. 3.1.1. Природные линии, города и исторические оси расширения пространства страны от Центра России. Границы: *1* – таежных лесов и редколесий, *2* – широколиственных и смешанных лесов, *3* – степей, *4* – пустынь; *5* – колонизационные оси; *6* – современные города на осях или вблизи них; *7* – основные реки; *8* – территория ЦФО. *Источник*: (Трейвиш, 2013).

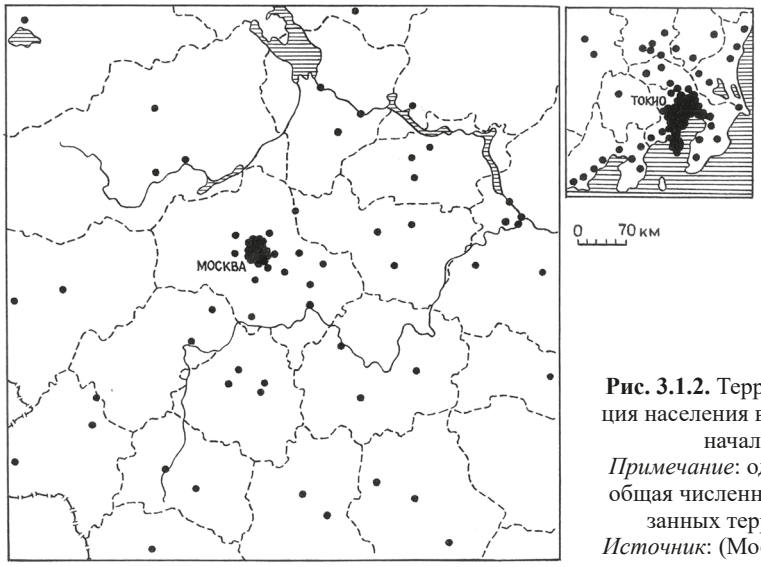

Рис. 3.1.2. Территориальная концентрация населения вокруг Москвы и Токио в начале 2000-х годов.
Примечание: одна точка – 0,5 млн чел.; общая численность населения на показанных территориях одинакова.
Источник: (Московский …, 1988, с. 16).

Эти районы старого заселения и длительного освоения характеризуются повышенной плотностью городов с сильным разнообразием траекторий их развития и накопленных проблем. Центр в широком смысле часто является лидером развития, репродукции, аккумуляции новых свойств, связанных с изменением функций и характера использования природной среды. На фоне остальных регионов России ее Центр производит впечатление значительной концентрации населения, однако это касается только Москвы и ее ближайших пригородов. В сравнении с другими мировыми пристоличными мегарегионами это далеко не так (рис. 3.1.2).

Центральные регионы России – это территории наибольших контрастов между крупными городами с их пригородами и внутренней периферией, глубинкой, расположенной между ними (Каганский, 2001; Родоман, 2012; Нефедова, 2013а). Усиливающаяся централизация государственной власти в сочетании с концентрацией финансов и бизнеса в столице привели к поляризации социально-экономического пространства и формированию в Центре России мегарегиона с очень сложной структурой.

Эволюция расселения Центра России и его состав

Эволюция расселения в Центральной России и постепенная концентрация городов в Московской области и ближе к ней показаны на рис. 3.1.3. В XVI в. основные поселения и хозяйственные центры еще вписывались в земледельческие ареалы и окружали Москву на значительном удалении, прикрывая опасные направления. По направлениям к столице формировались транзитные коридоры для торговли, на которых и вырастали города. К XIX в. города примыкали к Москве все плотнее, больше к востоку от нее и расходились по основным транспортным магистралям. Промышленный переворот 1830–1840-х годов обусловил превращение Москвы в один из крупнейших центров мануфактурной промышленности

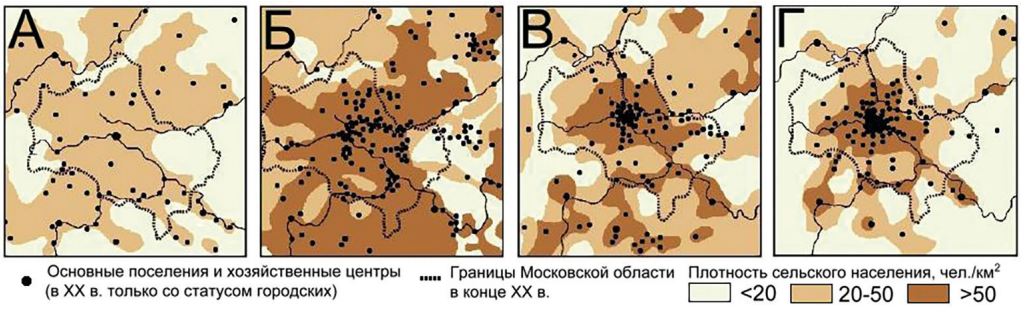

Рис. 3.1.3. Расселение на территории Московского региона на исторических этапах его формирования: как ядра централизованного государства (XIV–XVI вв.) (А), ведущего экономического района (XVII – начало XX вв.) (Б), базы социалистической индустриализации (1930–1950 гг.) (В) и научно-технического прогресса (с 1960 г.) (Г). *Составлено по*: (Трейвиш, 2009, с. 154).

России, окруженный «кустами» сельских промыслов (Трейвиш, 2009). С середины XIX в. население еще больше стягивается к Москве. В 1912 г. Москва уже входила в десятку крупнейших городов мира, а ее пригороды включали промышленные предприятия, жилые кварталы и дачи, формировалась Московская агломерация с тем же восточным креном. В 1959 г. население Москвы уже превышало 5 млн чел., а всей агломерации – 9 млн чел. (Трейвиш, 2009).

А.И. Трейвишем (2013) показано, что не столько природные и культурные границы, сколько собирание Руси Москвой в разные эпохи формировало политические и экономические очертания Центрального экономического района. При Петре I Московская губерния тянулась от Калуги до Костромы. В XIX в. Центр включал губернии от Смоленска до Нижнего Новгорода и от Костромы до Воронежа, однако ядро, образованное совпадением нескольких сеток районирования (К.И. Арсеньева, Д.И. Меделеева, П.П. Семенова-Тян-Шанского и других), было сдвинуто к востоку от Москвы (рис. 3.1.4)[30]. Схема комиссии ГОЭЛРО в 1920 г. включала 18 губерний от Минска до Кирова и от Вологды до Пензы и Белгорода. Это было продиктовано опорой на торф Мещёры, угли Мосбасса и гидроресурсы Верхней Волги, а также продовольственным обеспечением Москвы. Ее повторил и совнархоз в 1960-х годах. Были попытки выделения новых регионов, например, Среднерусского (Среднерусский …, 1995). Ядро, выявляемое при совпадении советских сеток районирования, растянулось с северо-запада на юго-восток, хотя оно и меньше максимальной площади Центра в 31 раз (Трейвиш, 2013). Современная сетка сведена к ЦФО, хотя ее и сейчас многие видят в рамках Центрального экономического района без пяти черноземных регионов.

Несмотря на то, что Москва влияет на всю территорию страны, привлекая население и финансы из разных регионов (Зубаревич, 2012б), под наиболее мощным воздействием оказывается Московская область, особенно ближайшие пригороды столицы (Argenbright, 2013; Махрова и др., 2016; Makhrova et al., 2017). Однако сильное влияние Москвы испытывают не только они, но и регионы вокруг Московской области. С одной стороны, из столичного региона в них направляются пото-

[30] См. также культурологическое восприятие центра и глуши (по С.В. Рогачеву) в Главе 3.5. Культурное наследие на фоне поляризации пространства.

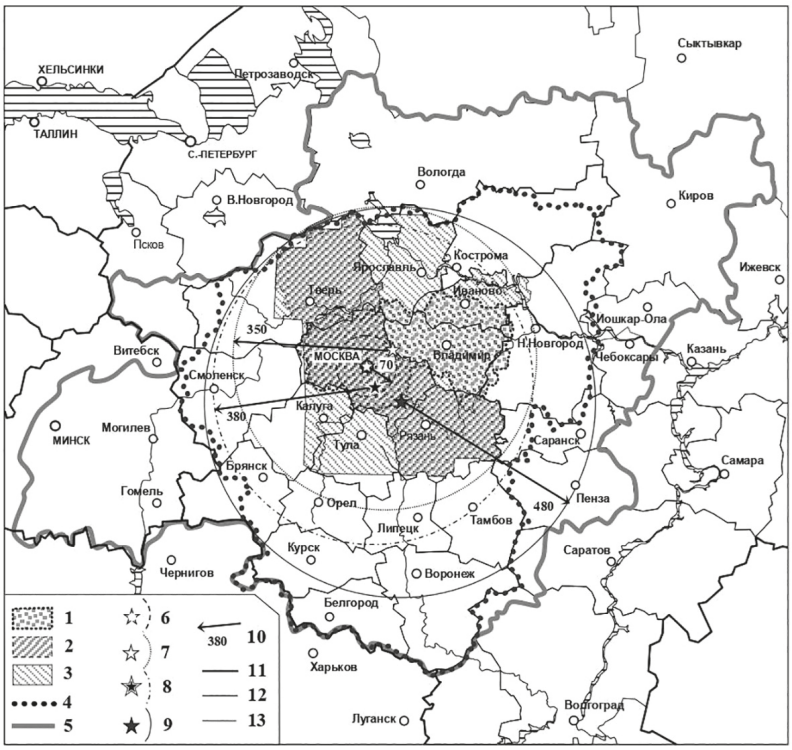

Рис. 3.1.4. Минимальный и максимальный размер Центра России за последние 200 лет. Ядро: зона совпадения десяти сеток: *1* – дореволюционных экономико-статистических районов; *2* – советских крупных экономических и административно-экономических районов; *3* – советских крупных экономических районов. Совмещенный внешний контур Центра: *4* – досоветский; *5* – советский. Окружности и их центры: *6* – вписанная в общее ядро всех сеток; *7* – описывающая совмещенный контур трех ядер; *8* – вписанная в совмещенный контур досоветских сеток; *9* – вписанная в совмещенный контур советских сеток; *10* – радиусы окружностей и их длина, км. Современные границы: *11* – государств; *12* – ЦФО; *13* – субъектов РФ. *Источник*: (Трейвиш, 2013).

ки инвестиций, а с другой – Москва не только выплескивает, но и перехватывает их, вытягивает трудовые ресурсы из городов и сельской местности ближайших регионов, привлекает международных мигрантов, которые часто селятся в ее ближайшем окружении из-за дороговизны московского жилья. Это способствует как развитию в окружающих Московскую область регионах отдельных ареалов развития, так и усилению процессов периферизации и социального опустынивания. В результате они отстают не только от показателей столичного региона, но и от среднероссийских (табл. 3.1.1), быстро теряя население. Рост градиента между Московским столичным регионом и остальными областями Центра наглядно показывают анаморфозы (рис. 3.1.5), где площади регионов отражают их людность. Ядро (Москва и Московская область), набухая, все сильнее давит на края (Трейвиш, 2013). Еще более ярко эти контрасты выражены по показателям ВРП, хотя к Московскому региону порой приписаны компании, создающие продукт на других территориях.

Таким образом, если контуры Центра России расплывчаты и нестабильны, то стягивание его демо-экономического потенциала к Москве очевидно и устойчиво.

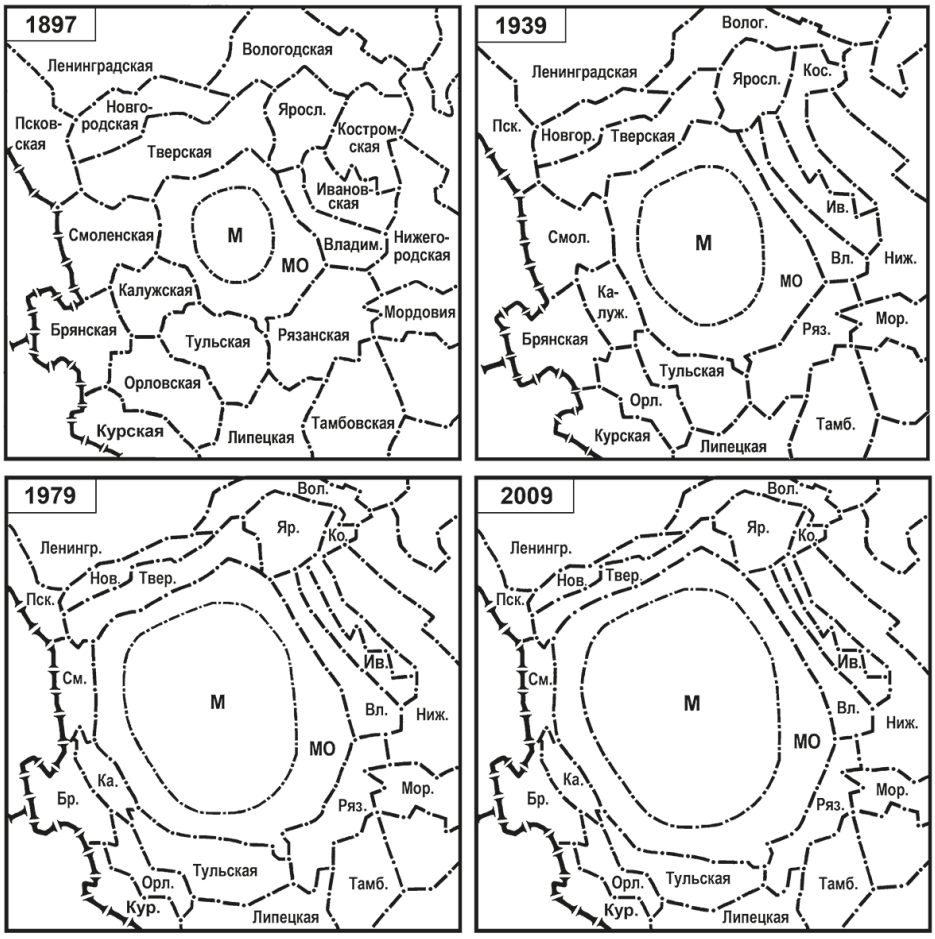

Рис. 3.1.5. Соотношение населенности регионов Центральной России постоянного состава в динамике, 1897–2006 гг. Картосхема-анаморфоза: площадь регионов пропорциональна их доле в населении территории. *Источник*: (Трейвиш, 2013).

Таблица 3.1.1. Некоторые характеристики Московского столичного региона и соседних регионов 1-го и 2-го порядка, 2019 г.

	Доля в Российской Федерации, %				Плотность населения, чел./км^2		Плотность ВРП, млн руб./км^2
	в площади	в населении	в ВРП	в инвестициях	все население	сельское население	
Москва и Московская область	0,3	13,8	26,1	18,9	431,0	51,6	555,7
Соседи 1 порядка	1,7	5,7	3,9	3,3	28,7	8,1	13,3
Соседи 2 порядка	3,5	9,2	5,9	5,8	22,4	7,8	9,9

Источник: (Регионы …, 2020).

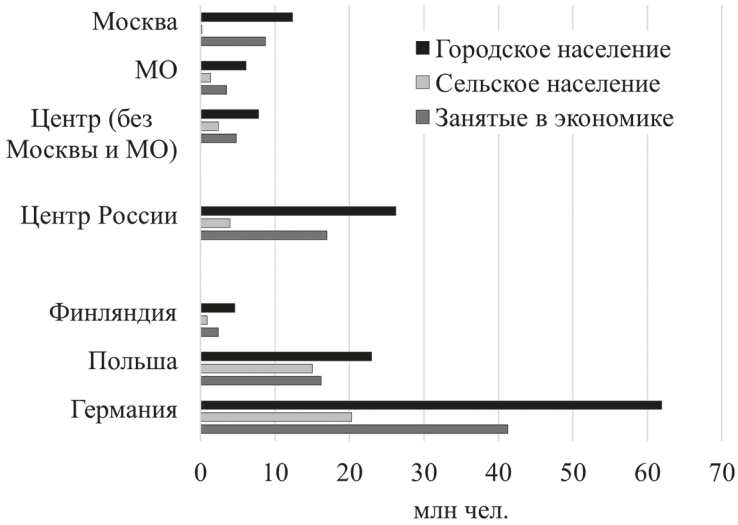

Рис. 3.1.6. Городское и сельское население и занятые в экономике нечерноземных регионов в Центре России и некоторых европейских странах, 2016 г., млн чел. *Источник*: (Россия …, 2018).

Наиболее подробно в этой части книги рассмотрена группа областей, расположенных в северной половине ЦФО вокруг Москвы – Московская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Ивановская и Костромская области, хотя для сравнения иногда привлекались данные по северо-западным и южным соседним регионам. Однако даже на такой сравнительно небольшой в масштабах всей страны территории, природные, демографические и экономические различия велики. По площади этот ареал сравним с Германией, Польшей или Финляндией, хотя Германия далеко впереди по демо-экономическому потенциалу (рис. 3.1.6). В полном составе по площади он ближе к Польше или Финляндии, но в последней обширные пространства, особенно северные, похожи не столько на Центр, сколько на северные регионы Европейской России.

Пространственное освоение и исторические судьбы городов

Центр Европейской России – ядро славянской колонизации Волжско-Окского междуречья с древними поселениями. Отразить давность освоения территории на уровне современных муниципальных районов помогают сведения о первом упоминании поселения на ней. Данные о получении поселением городского статуса редко совпадают с первым упоминанием, обычно это относится к древнейшим городам. Разрыв между первым упоминанием и административным признанием города может быть от нескольких десятилетий до столетий.

Первая волна возникновения поселений в Центре России характерна для феодальной раздробленности X–XIII вв. (рис. 3.1.7). Города служили опорой княжеской власти, центрами ремесленного производства. Многие из них сохранили фрагменты кремля и остатки окружавших его валов. Самые старые поселения и древнейшие города располагались на торговых путях и важных оборонных на-

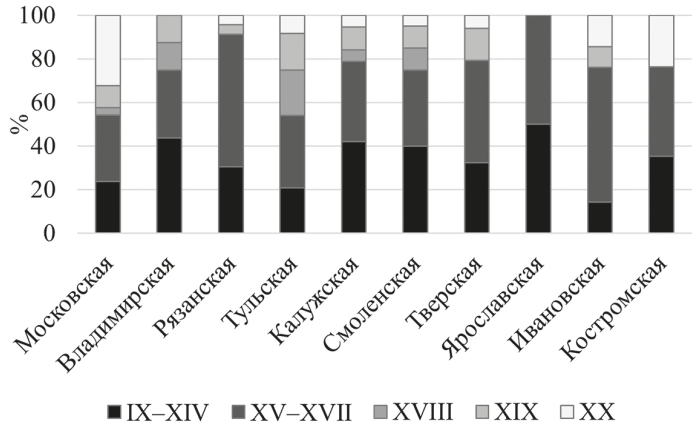

Рис. 3.1.7. Доля современных муниципальных образований, в которых первое упоминание их городов и поселков городского типа в разных источниках относится к определенным историческим периодам, % от общего числа.

правлениях (Смоленск впервые упомянут в 863 г.) или тяготели к Суздальскому ополью (Муром – 862 г., Владимир – 990 г., Суздаль – 999 г.) с лучше дренируемыми в условиях Нечерноземья и более плодородными почвами; важное значение для возникновения и развития поселений имели и другие природные факторы, например, запасы сапропеля оз. Неро (Ростов – 862 г.).

Совсем иная ситуация с официальным градообразованием, для которого характерны волны получения соответствующего статуса, связанные с политикой государства. Первая волна возникновения городов, служивших опорой княжеской власти и центрами ремесла и торговли, характерна для феодальной раздробленности X–XIII вв. (рис. 3.1.8), вторая волна связана с губернской реформой Екатерины II в XVIII в.

Подъем Москвы способствовал формированию вокруг нее транзитных торговых коридоров, в пределах которых вырастали и развивались города. Крестьяне при высокой плотности сельского населения на малоплодородных угодьях занимались не только сельским хозяйством, но и кустарными промыслами. Именно здесь на базе промыслов и с привлечением купеческих капиталов зарождалась российская промышленность. Она активно развивалась благодаря близости к Москве: текстильная – в Ивановской и Костромской областях, стекольная – в Тверской и Владимирской, буроугольная и оружейная – в Тульской. Очередная волна образования новых городов характерна для периода бурной урбанизации и индустриализации XX в. (рис. 3.1.8). В окружении Москвы возникали электроэнергетика, металлургия, химия.

Наиболее заметный рост числа городов в XX в. характерен именно для Московской области (рис. 3.1.9 и 3.1.10). Длительность и плотность освоения существенно влияла на изменчивость градообразования. Например, в Московской области в большинстве случаев новые города возникали на базе больших сел, массивов дачной застройки, отдельных районов старых городов, а упраздненные населенные пункты вливались в состав растущих больших городов (Трейвиш, 1989, с. 28).

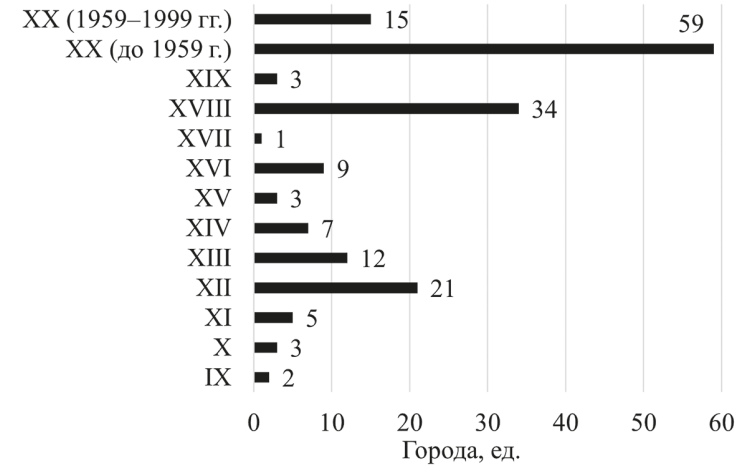

Рис. 3.1.8. Волны возникновения городов в регионах вокруг Московской области: число современных городов, получивших статус города в разное время, ед.

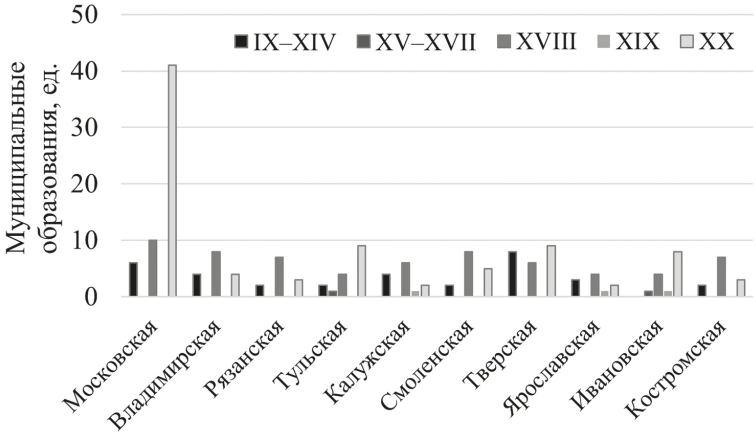

Рис. 3.1.9. Число современных муниципальных образований в регионах Центра России, в которых поселения впервые получили административный статус города в разные исторические периоды, ед.

Для понимания эволюции городского расселения в Центре России обратимся вновь[31] к истинным городам В.П. Семенова-Тян-Шанского (1910), т.е. к крупным селам, заводам и т.п., фактически выполнявшим в начале XX в. городские функции, но не имевшим официального статуса. Попробуем разобраться, в каких регионах истинные города все-таки получили формальный статус, а где значительная их часть так и осталась селами.

В среднем в начале XX в. в рассматриваемых областях превышение числа истинных городов (ИГ) над официальными составляло 1,8 раза. Наибольший потенциал городского развития Семенов-Тян-Шанский видел на территория Московской области (в современных границах) – превышение в 2,6 раза, но также в Ивановской (2,9 раза), Владимирской и Ярославской (в обоих случаях – в 2,1 раза) областях (табл. 3.1.2).

[31] См. Главу 2.2. Урбанизация и роль региональных центров.

Таблица 3.1.2. Судьба истинных городов В.П. Семенова-Тян-Шанского 1910 г. к началу XX в.

Область	Официальные города 1897 г., ед.	Истинные города, ед.				Новые города XX в., ед.
		всего	сохранившие статус города	получившие статус города в XX в.	не ставшие городами	
Московская	17	45	11	16	18	45
Владимирская	13	27	11	6	10	4
Рязанская	10	15	5	3	7	3
Тульская	11	13	7	1	5	11
Калужская	14	19	10	5	8	5
Смоленская	11	16	10	2	4	3
Тверская	15	23	13	2	8	6
Ярославская	12	25	10	1	13	0
Ивановская	8	23	7	7	9	3
Костромская	11	12	9	0	3	4

Рассчитано по (Город …, 2001).

Однако точность прогнозов Семенова-Тян-Шанского (если не считать Московской области) оказалась невелика. В рассмотренных регионах от трети до половины населенных пунктов, которые Семенова-Тян-Шанский считал перспективными, городами не стали: в Ярославской области из 14 истинных городов официальный статус получил всего один, во Владимирской городами стали 6 истинных городов и не стали 10. С другой стороны, в Тульской области, которая казалась в то время неперспективной для образования новых городов, возникло 11 новых городов помимо истинных. Накопленный к XX в. промышленный потенциал и полицентричность оказались важными факторами дальнейшего развития городов. В рассматриваемых регионах 22 города лишились своего статуса в XX в. в основном в 1924–1926 гг. Наиболее устойчивая система городов оказалась в Ярославской области (рис. 3.1.10). Несмотря на то, что область была известна «бойкостью» своего населения[32], индустриальный путь развития не способствовал превращению торговых сел в города. Индустриализация в области опиралась на уездные города, прежде всего на Ярославль и Рыбинск. В Рязанской и Костромской областях незначительные итоговые изменения связаны с изменением географии городов, в то время как число новых городов, возникавших вдоль железных дорог, и потерявших статус старых городов были примерно равны.

В XX в. в целом быстрее увеличивалось городское население в старопромышленных регионах к северу и востоку от Московской области. Однако этот рост обеспечивался в основном благодаря большим и средним городам (рис. 3.1.11). В областях, расположенных к югу от Москвы, более благоприятные условия для сельского хозяйства отчасти сдерживали связанный с промышленностью рост городов (кроме Тульской области), относительно быстро росли лишь центры реги-

[32] См. Главу 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

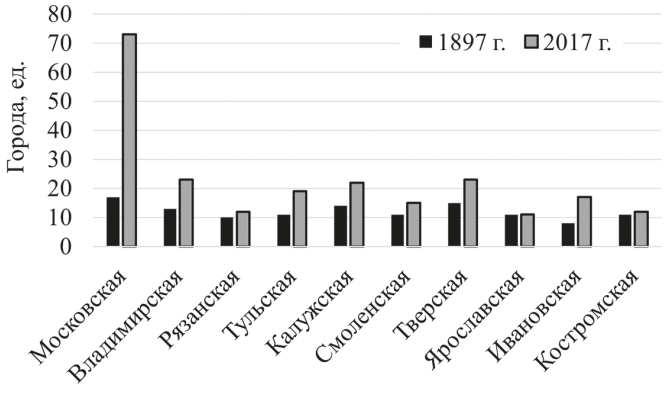

Рис. 3.1.10. Число официальных городов в границах современных областей Центра России в 1897 и 2017 гг., ед.

онов, хотя и с некоторым опозданием по сравнению с северными и восточными областями (рис. 3.1.12).

В 1990–2000-х годах постсоветские московские и зарубежные инвестиции стимулировали развитие новых пищевых и автомобильных производств, деревообработки, стройиндустрии. Предприятия, работающие на Москву или на всю страну, из-за дороговизны московской земли выгоднее было размещать недалеко от границ Московской области – в соседних регионах. При этом многие старые предприятия (текстильные, стекольные, машиностроительные) испытывали депрессию. Рост городов, кроме некоторых столиц регионов, прекратился. В целом для регионов вокруг Московской области характерна сильная контрастность экономического состояния и траекторий развития городов. Многие малые города, в которых закрылись промышленные предприятия, стремительно теряют население в результате миграционного оттока и естественной убыли стареющего населения.

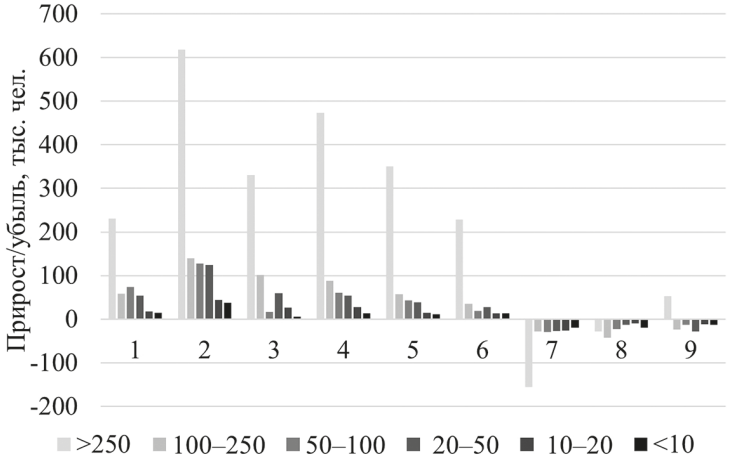

Рис. 3.1.11. Прирост/убыль населения (тыс. чел.) между переписями в городах разного размера (тыс. чел.) в XX–XXI вв. в регионах к северу и востоку от Московской области. Цифрами обозначены периоды: *1* – 1897–1926 гг., *2* – 1926–1939 гг., *3* – 1939–1959 гг., *4* – 1959–1970 гг., *5* – 1970–1979 гг., *6* – 1979–1989 гг., *7* – 1989–2002 гг., *8* – 2002–2010 гг., *9* – 2010–2017 гг.

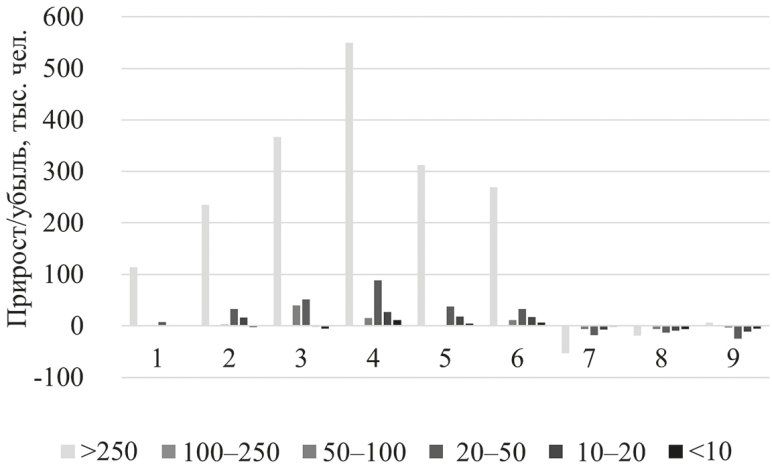

Рис. 3.1.12. Прирост/убыль населения (тыс. чел.) между переписями населения в городах разного размера (тыс. чел.) в XX–XXI вв. в регионах к югу и юго-западу от Московской области. Цифрами обозначены периоды: *1* – 1897–1926 гг., *2* – 1926–1939 гг., *3* – 1939–1959 гг., *4* – 1959–1970 гг., *5* – 1970–1979 гг., *6* – 1979–1989 гг., *7* – 1989–2002 гг., *8* – 2002–2010 гг., *9* – 2010–2017 гг.

Современные города

Всего в рассматриваемых регионах Центра России 227 городов, из них треть – в Московской области. Малые города (с населением менее 50 тыс. жителей) составляют три четверти всех городов, но в них живет четверть городского населения, что тоже немало (рис. 3.1.13). Меньше всего малых городов в Московской области.

В целом роль крупных центров при их небольшом числе велика, что говорит о сильной поляризации городского расселения за пределами столичного региона. Наиболее сильно поляризованы Ярославская (81% населения в двух больших городах, в том числе 60% горожан в Ярославле) и Рязанская (75% в одном городе) области (табл. 3.1.3).

Московской области посвящен специальный раздел в следующей части книги. Здесь рассмотрим ее окружение – регионы, на которые Москва и Московская агломерация оказывают наибольшее влияние. Оценки современного экономического состояния городов проводились по ряду индикаторов (доле незанятого населения в экономически активном, уровню заработной платы к средней по стране, инвестициям, вводу жилья, обороту розничной торговли на душу населения, обустроенности жилого фонда сетевой канализацией[33]) и показали существенные различия между областями (рис. 3.1.14). В самом сложном положении находятся небольшие города северо-восточных и северо-западного старопромышленных регионов – Ивановской, Костромской, Тверской областей (где оценки состояния малых и средних городов – наихудшие).

Коэффициент корреляции экономического состояния городов и численности их населения составил 0,57, что соответствует общероссийским тенденциям (Зу-

[33] Значения индикаторов переводились в безразмерные величины, суммировались и распределялись на 5 групп. См. методику в (Нефедова, Трейвиш, 2010).

Таблица 3.1.3. Распределение городов разной людности и численность населения в них по регионам Центра России

Область	Города (ед.) людностью (тыс. чел.):				Население (тыс. чел.), проживающее в городах людностью (тыс. чел.):			
	<20	20–50	50–100	>100	<20	20–50	50–100	>100
Московская	9	27	17	20	113	744	1206	3353
Владимирская	15	3	2	3	203	107	115	605
Рязанская	7	4	0	1	76	104	0	538
Тульская	9	4	4	2	103	118	232	611
Калужская	16	4	0	2	153	123	0	456
Смоленская	8	4	2	1	63	145	104	330
Тверская	14	7	1	1	141	250	60	419
Ярославская	5	4	0	2	49	143	0	799
Ивановская	9	5	2	1	80	157	143	407
Костромская	8	3	0	1	79	69	0	278
Всего	100	65	28	34	1060	1961	1859	7794
Область	Доля городов (%) людностью (тыс. чел.):				Доля населения (%), проживающего в городах людностью (тыс. чел.):			
	<20	20–50	50–100	>100	<20	20–50	50–100	>100
Московская	12	37	23	27	2	14	22	62
Владимирская	65	13	9	13	20	10	11	59
Рязанская	58	33	0	8	11	15	0	75
Тульская	47	21	21	11	10	11	22	57
Калужская	73	18	0	9	21	17	0	62
Смоленская	53	27	13	7	10	23	16	51
Тверская	61	30	4	4	16	29	7	48
Ярославская	45	36	0	18	5	14	0	81
Ивановская	53	29	12	6	10	20	18	52
Костромская	67	25	0	8	19	16	0	65

Источник: (Численность …, 2018).

баревич, 2012). Особенно выигрывают столицы регионов благодаря восстановлению промышленности и развитию сервисных отраслей с более высоким уровнем оплаты труда, что усиливает разрыв в уровне жизни населения между крупными центрами и остальной территорией (рис. 3.1.15).

Помимо размера на состояние городов влияет их специализация. В лучшем положении – малые города при атомных и электростанциях (Удомля, Десногорск, Суворов, Волгореченск), известные туристические центры (Суздаль). Сильное влияние на повышение оценки состояния города по сравнению со средними для его размера в регионе оказывает его положение рядом с границей Московской области. Во Владимирской области выделяются Покров, Петушки, Александров, в Рязанской – Рыбное, Новомичуринск, в Смоленской – Гагарин, в Калужской – Обнинск, Жуков, Малоярославец, Балабаново.

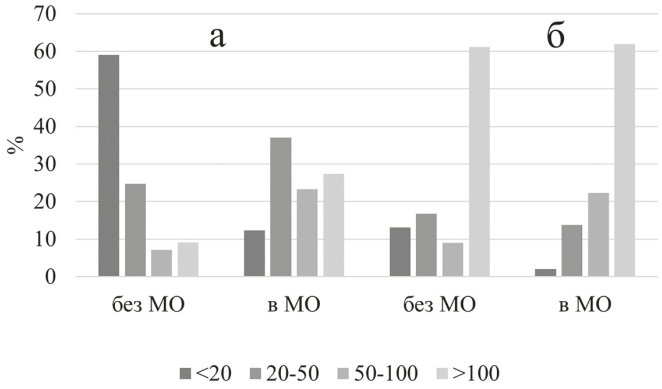

Рис. 3.1.13. Доля современных городов разного размера (а) и распределение населения по городам разного размера (б) в Московской области (МО) и регионах вокруг нее, 2018 г., %.

Особенно это касается Калужской области, где с 2012 г. после расширения территории Москвы на юго-запад Калуга оказалась в 80 км от границы Новой Москвы. Не только города, но и сельские районы между областным центром и Новой Москвой стали зоной мощного ускоренного развития, их отрыв от остальной территории области увеличивается. При этом вне этой зоны 16 малых старинных городов с населением от 4 до 15 тыс. чел. испытывают признаки социально-экономической депрессии.

Неблагополучие малых городов с отсутствием занятости, низкими зарплатами, сложными условиями жизни в областях, окружающих столичный регион, стимулирует отъезд населения на заработки или на постоянное место жительства в столицу или ближе к ней. На масштаб проблемы указывает численность населения, живущего в наиболее неблагополучных городах (с оценками 1 и 2 балла) – свыше 1 млн чел. и в городах с пониженными оценками (3 балла) – 1,5 млн чел.

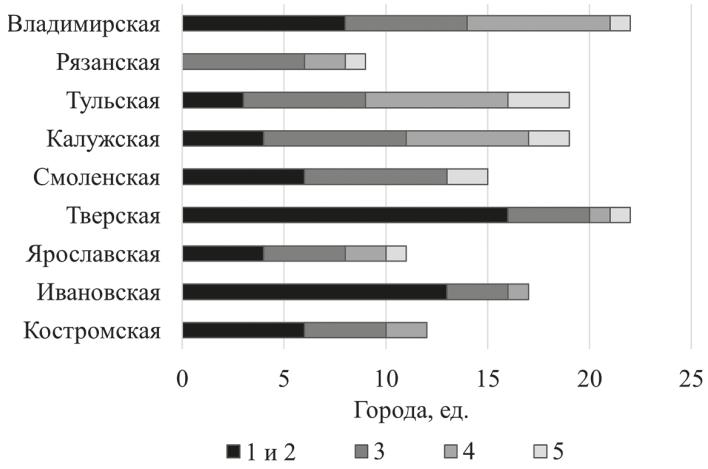

Рис. 3.1.14. Число городов с разными относительными оценками экономического состояния в регионах вокруг Московской области, единиц. *Примечание*: от 1 и 2 (наихудшие) до 5 (наилучшие).

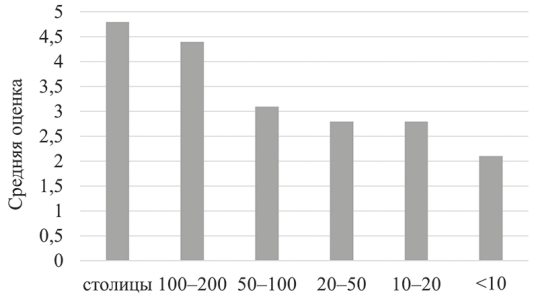

Рис. 3.1.15. Средняя оценка экономического состояния региональных столиц и городов разной людности (тыс. чел.).

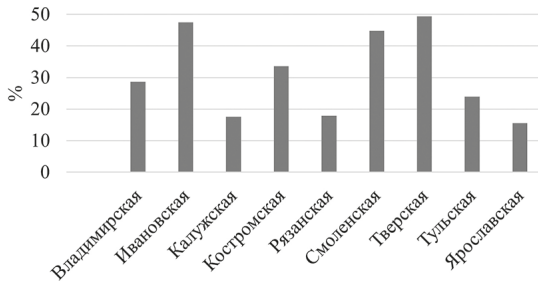

Рис. 3.1.16. Доля населения, проживающего в городах с пониженными оценками экономического состояния (относительно неблагополучных), % к городскому населению области. *Рассчитано* по данным Росстата.

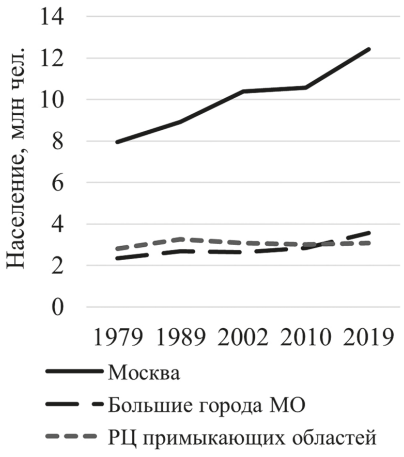

Рис. 3.1.17. Динамика населения Москвы, больших городов (>100 тыс. жителей) Московской области (МО) и региональных центров (РЦ) областей, примыкающих к столичному региону.
Источник: (Трейвиш, Нефедова, 2021).

(рис. 3.1.16). В сумме это немногим менее четверти населения Москвы. Больше всего населения живет в проблемных городах в Ивановской и Тверской областях. В относительно благополучных городах (с оценкой 4 и 5 баллов) живет 5 млн чел.

Еще в советской России, особенно в ее староосвоенном центре, сложились резкие различия в возможностях заработка, обучения, профессионального роста и развлечений между Москвой, ее ближайшим окружением и остальными регионами. Именно эти контрасты способствовали стягиванию населения в Москву. Вместе с тем все более аттрактивными для мигрантов, инвестиций и т.д. становятся города Подмосковья, особенно большие (от 100 тыс. жителей), население которых превысило 3,5 млн чел., обогнав суммарное население региональных центров смежных регионов (рис. 3.1.17, табл. 3.1.4). Подмосковные города стягивали население как самой пристоличной области, так и других регионов, особенно окружающих столичный. Привлекательность средних городов Московской области также усилилась, а у малых городов зависела от их близости к Москве, так как многие стали пристанищем для российских и международных мигрантов: их интересует столичный рынок труда, но отталкивают цена жилья и его аренды в Москве и больших городах агломерации.

Таблица 3.1.4. Превышение населением Москвы суммарного числа жителей больших городов Московской области (МО), региональных центров (РЦ) примыкающих к ней регионов и Санкт-Петербурга

Территория	1979	1989	2002	2010	2019
Москва / большие города МО	3,4	3,3	3,9	3,7	3,5
Москва / РЦ примыкающих областей	2,8	2,7	3,4	3,5	4,0
Москва / Санкт-Петербург	1,7	1,9	2,2	2,3	2,3
Большие города МО / РЦ примыкающих к ней областей	0,8	0,8	0,9	0,9	1,2

* * *

В целом для регионов вокруг Московской области характерна сильная контрастность экономического состояния и траекторий развития городов. Тем не менее, регионы Центра в целом сохраняют унаследованную структуру промышленного развития. При этом степень поляризации производства усилилась. Несмотря на активное развитие третичного сектора в Москве, более 2/3 промышленной продукции дает Московская агломерация, а вместе с Калужской, Тульской, Владимирской и Брянской областями – это 90% отгруженной продукции (Горячко, 2021). В самом сложном положении оказались небольшие города северных и северо-восточных старопромышленных регионов: Ивановской, Костромской, Тверской областей. Выигрывают столицы регионов благодаря диверсификации экономики, восстановлению промышленности, развитию сервисных отраслей с более высокой оплатой труда, а также муниципальные образования в Московской области и примыкающие к ней с внешней стороны. Все это усиливает разрыв в уровне жизни населения не только между Московской агломерацией и окружением, но и между крупными центрами и остальной территорией, стимулируя отток ее населения. Тем не менее, и для окружающих столичный регион городов характерна резкая контрастность динамики. Как малые, так и средние города, где закрылись промышленные предприятия, быстро теряют население, особенно молодежь (Мкртчян, 2018). Убыль и старение населения усиливают экономическую деградацию, возникает замкнутый круг, блокирующий развитие. При этом наиболее крупные города, включая столицы регионов, за пределами Московской области не формируют равномерной сети полюсов роста и часто смещены к границам своих регионов или сдвинуты к границам Московской области (Тверь, Калуга, Рязань). Между группами сближенных городов остаются обширные пространства периферии со средними и малыми городами, которые еще быстрее теряют население и былой экономический потенциал.

Глава 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства

Спад аграрного производства в большинстве нечерноземных регионов постсоветской России при имеющихся технологиях был, фактически, подготовлен депопуляцией сельских территорий в предшествующий период. В середине XX в. уже шли процессы стягивания сельского населения к Москве и к пригородам региональных центров (рис. 3.2.1). Исследования соотношения динамики использования земель и сельского расселения в европейской части России показывали их тесную связь (Люри и др., 2010). Сказались и слишком высокие издержки советской модели сельского хозяйства в этих районах (Московский …, 1988; Иоффе, Нефедова, 2001; Нефедова, 2013а).

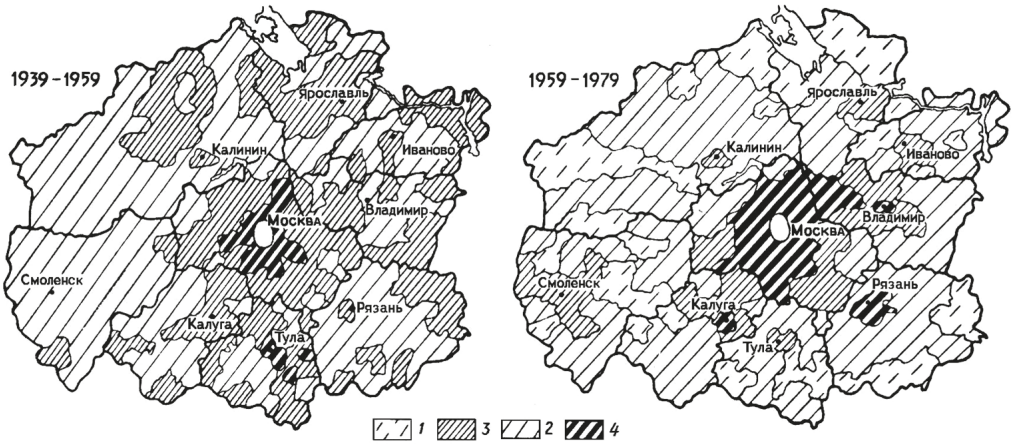

Рис. 3.2.1. Изменение численности сельского населения Московской и окружающих ее областей в 1939–1979 гг.: *1* – очень значительное сокращение, *2* – значительное сокращение, *3* – незначительное сокращение, *4* – стабилизация и небольшое увеличение. *Источник*: (Московский …, 1988, с. 151).

Динамика сельского населения и землепользования

При уменьшении за последние 30 лет существования СССР сельского населения вдвое, посевная площадь сохранялась (табл. 3.2.1, рис. 3.2.2, 3.2.3), хотя площади возделывания маргинальных «холодных» земель значительно превышали и до сих пор превышают, хотя и не столь сильно, разумные нормы (Глобальный …, 2019). С 1990 по 2010 г. соотношение трендов динамики посевных площадей и сельского населения изменилось. Потери земель стали опережать потери сельского населения, особенно в регионах, расположенных к северу от Московской области (Нефедова, Медведев, 2020).

Трансформация сельской экономики в конце XX в. в совокупности с тающим населением сильно ударили по советским сельскохозяйственным предприятиям, вызвав большие потери сельскохозяйственных земель.

В результате регионы к северу от Московской области за период чуть более полувека потеряли 60% сельского населения (в основном в позднесоветское время) и 2/3 посевных площадей (в основном после 1990 г.). В регионах, расположенных южнее, потери населения были столь же велики, однако сокращение посевных

Таблица 3.2.1. Динамика посевных площадей и сельского населения в регионах вокруг Москвы с 1960 по 1990 (1989) г. и с 1990 (1989) по 2018 г., %

Территория	Динамика посевной площади		Динамика сельского населения	
	1990 к 1960	2018 к 1990	1989 к 1959	2018 к 1989
Московская область (МО)	105,6	47,3	66,3	101,8
Северо-запад и северо-восток от МО	104,6	32,9	47,8	73,0
Юг и юго-восток от МО	103,2	50,7	50,3	82,4

Рассчитано по данным переписей и текущего учета населения.

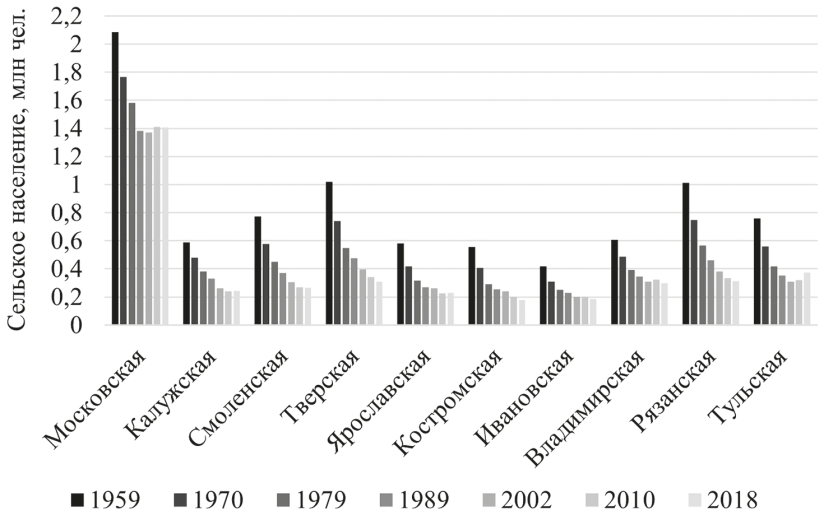

Рис. 3.2.2. Численность сельского населения с 1959 по 2018 г. в Московской области и регионах вокруг нее. *Источник*: данные переписей и текущего учета населения.

площадей оказалось меньше, особенно в Рязанской и Тульской областях. С ними сопоставима динамика использования земель в Московской области, несмотря на активно наступающую на сельскохозяйственные земли застройку и увеличение численности населения.

Однако в последние годы в процессах сжатия освоенного пространства наметились изменения. Они особенно заметны в регионах Центральной России[34], для которых характерна сильная и неоднозначная трансформация сельского хозяйства и сельской местности. При сильном сжатии сельского расселения и сельскохозяйственного землепользования, здесь наиболее активно происходила модернизация сельского хозяйства и его концентрация в отдельных очагах и ареалах (Нефедова, Медведев, 2020).

Главный фактор пространственной организации сельской местности в Центре России и в советское, и в постсоветское время – пригородно-периферийные раз-

[34] Рассматривались 10 регионов ЦФО, испытывающие сильное влияние Москвы и трансформацию расселения и использования земель: Московская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Ивановская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская области.

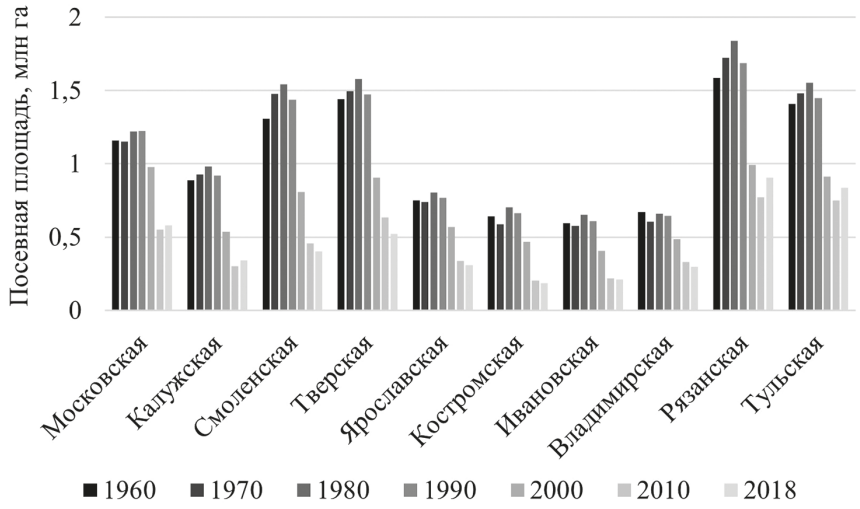

Рис. 3.2.3. Посевная площадь с 1960 по 2018 г. в Московской области и регионах вокруг нее, млн га. *Источник*: данные Росстата.

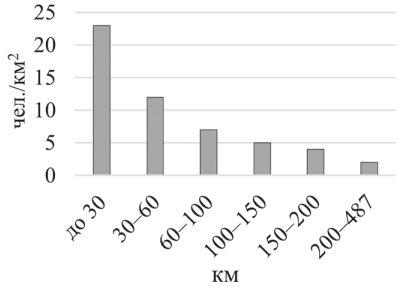

Рис. 3.2.4. Плотность сельского населения в муниципальных районах по мере удаления (км) от областного центра в регионах, окружающих Московскую область, 2017 г., чел./км^2. *Рассчитано* по данным Росстата.

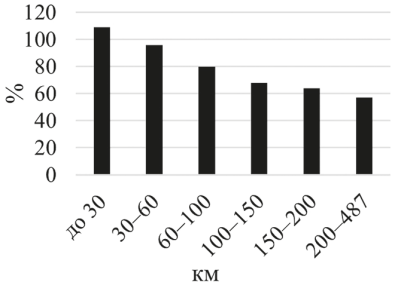

Рис. 3.2.5. Динамика сельского населения в муниципальных районах по мере удаления (км) от областного центра в регионах, окружающих Московскую область, 2017 к 1990 г., %. *Рассчитано* по данным Росстата.

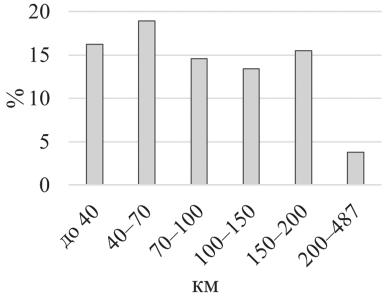

Рис. 3.2.6. Доля посевной площади в территории муниципальных районов по мере удаления (км) от областного центра, 2017 г., %. *Рассчитано* по данным Росстата.

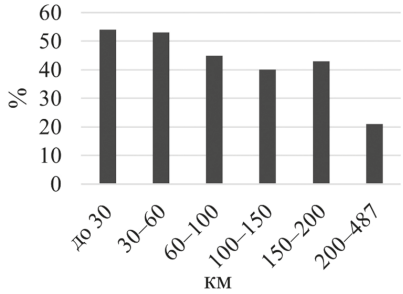

Рис. 3.2.7. Динамика посевной площади по мере удаления (км) района от областного центра, 2017 г. к 1990 г., %. *Рассчитано* по данным Росстата.

личия, особенно по показателю плотности сельского населения. При этом степень контрастности расселения продолжает увеличиваться (см. рис. 3.2.4 и 3.2.5).

В результате сжатия землепользования на разном удалении от областных центров сохранилось от 20 до 50% посевных площадей от уровня 1990 г. Наибольшие потери характерны для удаленных районов (рис. 3.2.6 и 3.2.7). Однако в отличие от плотности населения современное распределение посевной площади и ее доля в территории муниципальных районов не имеют, кроме окраин, столь ярко выраженных пригородно-периферийных различий.

Для объяснения распределения и динамики посевных площадей в разные отрезки постсоветского периода были рассчитаны корреляционные зависимости показателя с рядом факторов (табл. 3.2.2).

Анализ табл. 3.2.2 позволяет сделать вывод о росте в последние годы значимости природных предпосылок в процессе трансформации использования земель. Если в период кризиса 1990-х и в начале 2000-х годов выживаемость предприятий во многом зависела от экономических перемен, то в последние годы стала возрастать роль географических факторов. Как заселение этих староосвоенных территорий шло от ополий, в широком понимании, как локальных очагов с лучшими условиями дренированности, качеством почв, меньшей мелкоконтурностью угодий, с последующим расширением в менее благоприятные районы, так и сжатие землепользования идет теми же путями, но с обратным знаком, стягиваясь к ополью. Экспедиционные исследования ряда регионов показали, что торможение сжатия и даже сельскохозяйственное реосвоение земель происходит либо ближе к

Таблица 3.2.2. Корреляционные зависимости изменения посевных площадей с разными факторами в муниципальных районах областей, окружающих Московскую область*

Показатель	Динамика посевных площадей			Доля посевной площади в территории района	Доля зерновых культур в посевной площади
	1990–2000	2000–2010	2010–2017	2017	2017
Биоклиматический потенциал**	–0,11	0,13	**0,39**	**0,61**	**0,68**
Доля лесов и болот в территории района	0,06	–0,31	**–0,44**	**–0,85**	**–0,78**
Расстояние до центра области	–0,16	–0,14	–0,23	–0,29	–0,15
Плотность сельского населения	0,27	0,29	0,14	**0,37**	0,27
Динамика сельского населения в соответствующий период	0,16	0,19	0,19		

Примечание: * рассчитано по данным Росстата по 327 муниципальным районам; ** биоклиматический потенциал определяется как соотношение увлажнения (разницы между суммой осадков и испарением) и суммой температур выше +10°С. *Источник*: (Нефедова, Медведев, 2020).

областным центрам и большим городам, либо – в очагах с лучшими природными предпосылками. Чаще восстановление связано с животноводством для снабжения молоком и мясом Москвы и других городов, в том числе в агрохолдингах, но с расширением собственной кормовой базы на месте. При этом многое зависит от размеров этих очагов, их соотношения, транспортной доступности, включения предприятий в агрохолдинги и даже от личности руководителя. Часть крупных агрохолдингов вокруг Московского региона имеет филиалы в южных регионах Европейской России для производства кормов, но и для рассматриваемых староосвоенных регионов характерно возвращение в оборот части заброшенных земель, особенно в областях, примыкающих к Московскому региону с юга. В более северных регионах чаще пригородные сельскохозяйственные предприятия продолжают использовать накопленный в советское время инвестиционный потенциал, лучшую инфраструктурную обустроенность и качество человеческих ресурсов.

Трансформация животноводства

Для выявления контрастов влияния рыночных условий на организацию животноводства рассматривались не только нечерноземные, но и черноземные регионы ЦФО. Восстановление животноводства здесь стимулировалось как близостью к Москве и крупным центрам потребления, так и возможностью выращивания собственных кормов. При этом многие крупные предприятия в Нечерноземье имели свои филиалы в черноземных регионах.

Закрытие или распад на мелкие хозяйства многих бывших колхозов и совхозов сопровождались появлением новых производителей и модернизацией дееспособных предприятий, особенно ближе к Москве с ее инвестициями в сельское хозяйство и с огромным потребительским рынком. Это способствовало развитию в областях со сложными природными условиями, окружающих Москву, технологически иного хозяйства. Животноводство здесь постепенно восстанавливается: выборочно и на других принципах без привычного массового выпаса скота. При этом доля неиспользуемых лугов и пастбищ выросла, зеркально отражая сжатие полеводства.

В большинстве областей, в том числе и в Московской, несмотря на конкуренцию других видов землепользования, это привело к восстановлению производства мяса (Медведев, Нефедова, 2021). В ЦФО безусловными лидерами стали южные черноземные регионы (рис. 3.2.8), особенно Белгородская область (18% общероссийского поголовья свиней). При этом 99% мяса в области производят крупные компании. С черноземными регионами помимо Московской области может конкурировать лишь Брянская, однако там иная специализация и иные технологии.

Производство молока уменьшилось существенно и повсеместно. Восстановление идет гораздо медленнее и лишь в избранных нечерноземных областях (Ярославской, Владимирской, Рязанской, Калужской), а также в Белгородской и Воронежской (рис. 3.2.9).

Несмотря на восстановительные процессы сельские территории за пределами Московской области остаются весьма проблемными. Техническое оснащение агрохолдингов повышает продуктивность скота, производительность труда, по-

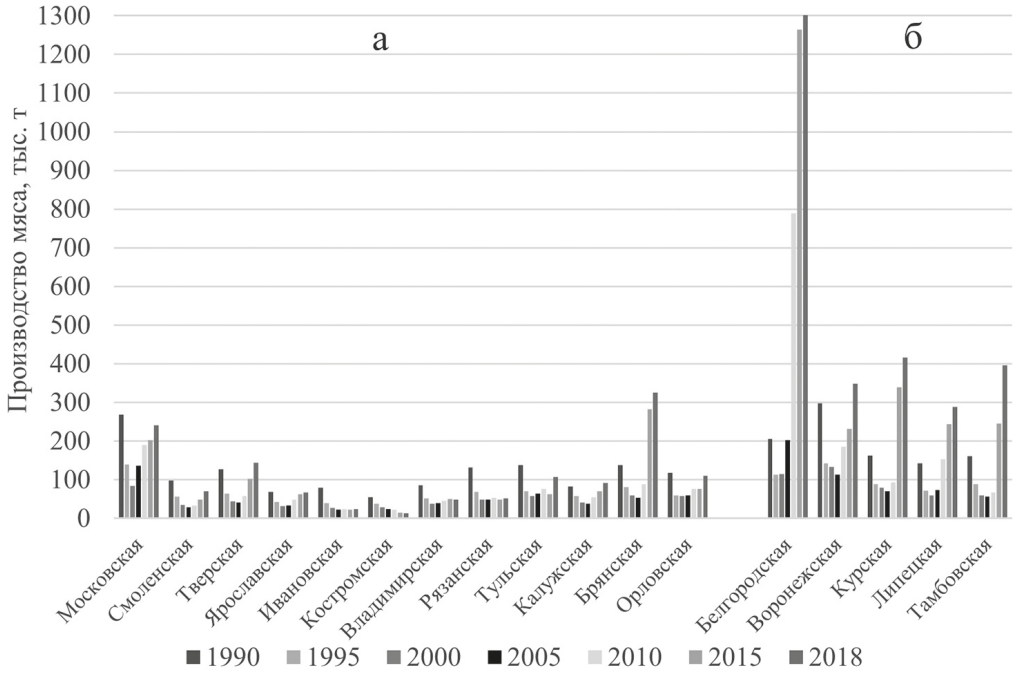

Рис. 3.2.8. Динамика производства мяса скота и птицы на убой в 1990–2018 гг. в ЦФО, тыс. т: (а) нечерноземные и (б) черноземные регионы.

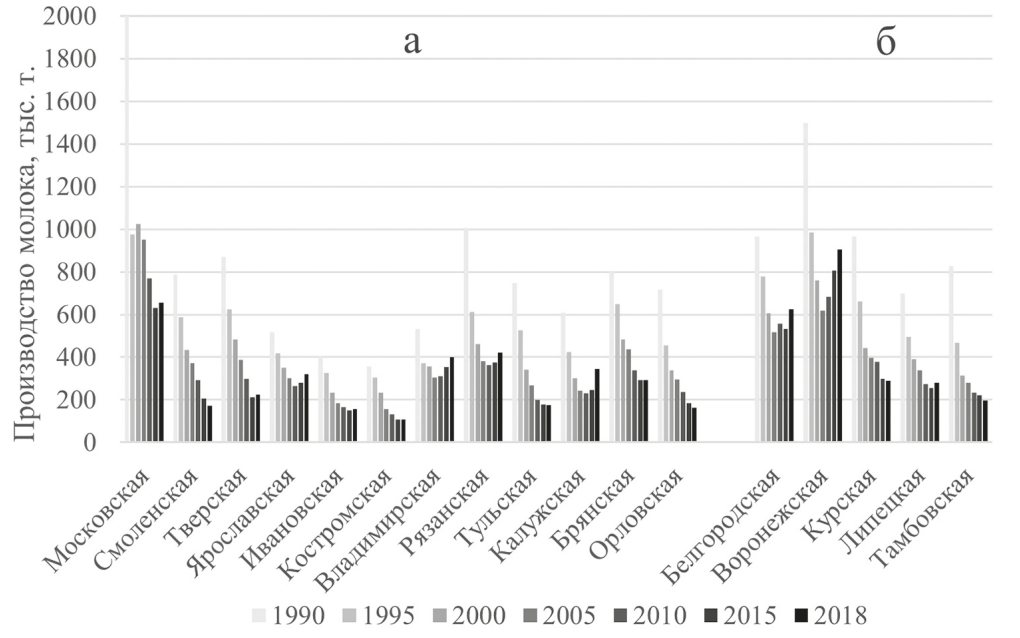

Рис. 3.2.9. Динамика производства молока в 1990–2018 гг. в ЦФО, тыс. т: (а) нечерноземные и (б) черноземные регионы.

зволяет вернуть в оборот часть заброшенных земель. Новые предприятия создают рабочие места, производство в них становится индустриальным с типичным наемным трудом, но им нужно куда меньше работников, чем былым колхозам. При неразвитости малого бизнеса это обостряет проблемы сельской безработицы даже в районах, потерявших в XX в. большую часть населения, и пролонгирует миграции сельского населения в региональные центры и ближе к Москве. Все это требует, наряду с исследованием собственно сельского хозяйства, выявления связей трансформации отрасли с изменением динамики населения, что позволит понять, может ли животноводство на этой территории служить одним из возможных локомотивов развития сельской местности. Особенно это касается областей, расположенных к северу, северо-западу и северо-востоку от Московской области.

Пригороды и полупригороды (30–60 км от центров регионов) за пределами Московской области к концу советского времени на сравнительно небольшой территории концентрировали около половины поголовья КРС и треть свиней (Медведев, Нефедова, 2021). Сейчас их экономическое доминирование не столь велико (рис. 3.2.10). Они все больше проигрывают муниципальным районам, примыкающим с внешней стороны к Московскому региону, или районам, расположенным в более благоприятных природных условиях. Кроме того, при принятии решений инвесторами о модернизации или создании новых предприятий большую роль при современных технологиях играет качество дорог.

Это не означает, что размещение животноводческих предприятий стало более равномерным. Степень концентрации производства возросла (рис. 3.2.11). Если в начале 1990-х годов 3 района-лидера внутри регионов (в среднем это около 10% муниципальных районов) концентрировали от 13 до 25% поголовья КРС, то в 2017 г. – 30–40%. Еще больше концентрация в свиноводстве: от 20–40% в 1991 г. до 45–90% в 2017 г., хотя и менее стабильная (Медведев, Нефедова, 2021). В некоторых из них абсолютно доминируют 2–3 крупных свиноводческих комплекса. Например, под Владимиром сосредоточено 85% поголовья свиней всей области, в пригороде Костромы – 71%, в Рязанской области 67% областного поголовья кон-

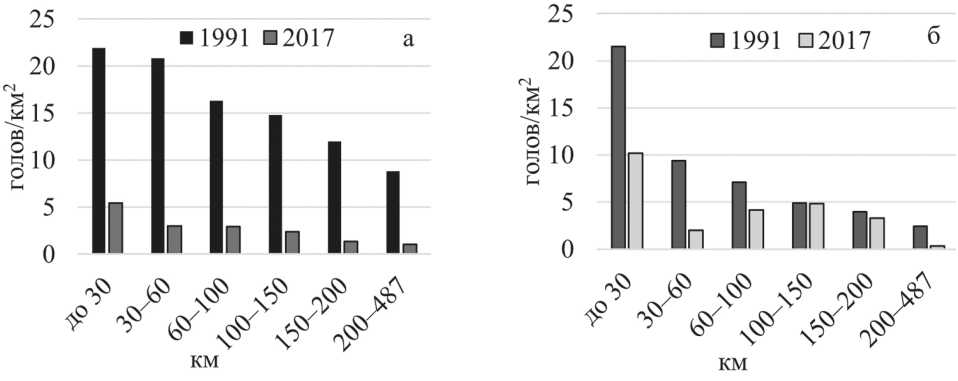

Рис. 3.2.10. Плотность поголовья КРС (а) и свиней (б) в 1991 и 2017 гг. в хозяйствах всех категорий (голов/км^2) в муниципальных районах регионов Центральной России, окружающих Московскую область, по мере удаления (км) от областных центров. *Источник*: данные Росстата.

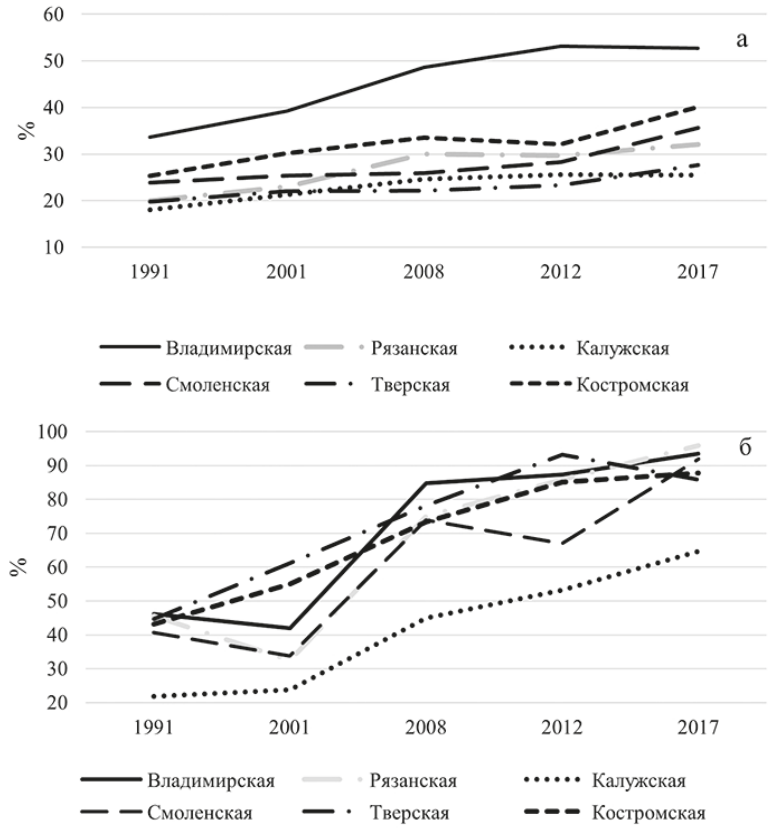

Рис. 3.2.11. Изменение степени концентрации поголовья КРС (а) и свиней (б) с 1991 по 2017 г. в хозяйствах всех категорий в трех первых по количеству поголовья муниципальных районах в регионах Центральной России, окружающих Московскую область, %. *Источник*: данные Росстата.

центрируется в Сараевском районе, в Смоленской – 62% в Починковском районе (вместе с Вяземским и Руднянским – 92%).

Таким образом несмотря на то, что пригороды остаются более привлекательными для инвесторов, современные технологии и усиление концентрации скота и птицы на крупных предприятиях способствуют очаговости и порой непредсказуемости внутрирегионального сельскохозяйственного бизнеса. Факторы размещения связаны, помимо возможностей сбыта и обеспеченности трудовыми ресурсами, и с отношениями с региональными и муниципальными властями. Хотя животноводческие комплексы частично восстанавливают и растениеводство для улучшения кормовой базы, в том числе и в периферийных районах, крупные агрохолдинги основную массу кормов, как правило, получают из южных регионов, часто производя их в своих филиалах, где растениеводство более выгодно. Работников, включая мигрантов из стран СНГ, они тоже завозят из других поселений автобусами. В староосвоенных районах Центра их новенькие корпуса часто остаются «соборами в пустыне» с руководителями в городах при преобладании вокруг заброшенных и зарастающих лесом полей.

Важным фактором стало усиление влияния менеджмента на низовом уровне, что обычно характерно для периодов перемен. Лишь отдельные немногочисленные руководители бывших колхозов и совхозов смогли относительно успешно пережить сложный переходный период и сохранить самостоятельность и поголовье скота, вписавшись в новые условия, благодаря энтузиазму, жестким методам руководства и часто бывшим связям с районными и областными администрациями. Обычно, это два-три предприятия в муниципальных районах из прежних 15-20 колхозов и совхозов. Такие предприятия, помимо агрохолдингов, формируют основной «костяк» современного сельского хозяйства. Их руководители – надежда и опора сельской местности, но отъезд молодежи и предпенсионный или пенсионный возраст современных руководителей хозяйств не позволяют надеяться на пролонгирование такого развития. Остальные предприятия нечерноземных центральных регионов, не включенные в структуры агрохолдингов и не имеющие сильных руководителей, как правило, находятся в сложном положении: поголовье скота сокращается, его продуктивность низка, фермы в полуразрушенном состоянии, занятость уменьшается, зарплаты минимальны.

Фермеры и индивидуальные предприниматели в удаленных муниципальных районах Центра содержат от 9 до 18% поголовья КРС. В пригородах, несмотря на близкий рынок сбыта, им трудно конкурировать с крупными предприятиями, хотя их численно больше, чем на периферии. Их участие ограничивается 4,5% поголовья КРС. Количество скота в таких небольших товарных хозяйствах колеблется от одной до 7 коров на 100 сельских жителей района. Но они, наряду с сохранившимися сельскохозяйственными организациями заметны и в сельской местности, и в малых городах, где в небольших магазинах продают сыры, молочные продукты местного производства, птицу.

Во многих западных странах в таких районах велика роль органического сельского хозяйства в малом бизнесе (Грачева, Шелудков, 2021). Однако в России, помимо недостаточного развития малого бизнеса в животноводстве, особенно в производстве молока, развитие органического сельского хозяйства сдерживается низкой платежеспособностью населения. А если оно и появляется, то чаще тоже на относительно крупных модернизированных предприятиях[35].

В последние годы все большую популярность у туристов и городских дачников приобретают пока еще единичные фермы, имеющие полурекреационное значение, с производством небольших партий свежей продукции и возможностью для туристов посмотреть на сельскохозяйственных животных.

Доля скота и свиней в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) населения Центральной России из-за сильных потерь трудоспособного населения катастрофически сокращается даже в тех районах, где почти не осталось агропредприятий. В пригородах в ЛПХ на 100 сельских жителей приходится всего 2 коровы, на периферии регионов – 6, свиней – 1 и 3 соответственно. Это не помогает выживанию в сельской местности при отсутствии работы. Многие пользуются возможностью заработков в соседней Московской агломерации, часто неофициальных, или у дачников, которые становятся новыми работодателями и за пределами Московской области (Между домом …, 2016).

[35] См. пример «АгриВолги» в Угличском районе Ярославской области в Главе 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

Использование лесных ресурсов

В нечерноземных староосвоенных районах выживание в сельской местности исторически опиралось на сочетание сельского и лесного хозяйства. Они, с одной стороны, дополняли друг друга, расширяя варианты занятости населения, а с другой стороны, ряд их общих черт усиливал проблемы сельской местности: это и рассредоточенность ресурсов, и цикличность работ в течение года, и зависимость от потребителей сырья (Кузьминов, Нефедова, 2012).

Несмотря на то, что большая часть лесных ресурсов сконцентрирована в восточных районах, на староосвоенных территориях европейской части страны заготавливается 57% необработанной древесины России (Регионы …, 2019). Даже в регионах Центра России лесистость, за исключением расположенных к юго-востоку от Московской области, колеблется от 42 до 74%. В 1990-х годах лесозаготовительные предприятия также испытали сильный кризис, однако восстановление отрасли шло медленнее, чем сельского хозяйства. В областях Центра России до сих пор убыточны от 25% (во Владимирской области) до 67% (в Костромской области) лесозаготовительных предприятий. Как и в сельском хозяйстве произошла поляризация предприятий лесного комплекса, а ядрами концентрации и драйверами развития в лесных регионах стали лесоперерабатывающие заводы[36].

Сократилась и занятость сельского населения в лесном секторе. Тем не менее, вокруг Московской области лесозаготовками занято более 5,5 тыс. чел. (не считая теневого бизнеса). Поскольку лесное хозяйство тяготеет к малонаселенным территориям, монопрофильные лесные населенные пункты оказались самыми уязвимыми. Их население быстро уменьшается и маргинализируется, однако они все еще слишком велики для ликвидации и переселения, но при этом удалены и недостаточно велики для развития иных видов занятости.

В 1990-х годах леспромхозы были лишены преимущественного права на сырьевые базы долгосрочного пользования. Резко увеличились лесозаготовка частными лицами и отдельными группами. Однако, если та или иная фирма арендовала участки леса для лесозаготовок, она обязана была по договору привести вырубки в порядок в санитарном и пожарном отношении. Однако в лесных, удаленных районах этого часто не происходит даже при официальной аренде, не говоря уже о субарендаторах и «черных лесорубах». Лесопосадки и уход за лесами, с одной стороны, и их заготовка с переработкой – с другой, по новому Лесному кодексу разделены между различными ведомствами. Лесхозы упразднены, штат лесников и инспекторов резко сократился, их полномочия уменьшились. Местные власти тоже не имеют права вмешиваться в работу арендаторов. В результате контроль за лесопользованием со стороны резко уменьшился и был возложен на самих арендаторов. Однако новые предприятия обещанные расходы на строительство и ремонт лесовозных дорог, уборку вырубок, лесовосстановление сводят к минимуму. В результате после них остаются свалки сучьев и мусора, поваленные деревья, разбитые дороги. Резко увеличилась пожароопасность.

Постсоветские изменения в лесном комплексе повлияли и на сельское хозяйство. Получая в пользование так называемые колхозные леса, колхозы раньше ис-

[36] См. подробнее Главу 4.6. От Костромы до областных окраин.

пользовали лес для своих нужд, снабжали население дровами, многие ставили пилорамы и продавали древесину. Доходы от продажи леса отчасти помогали держать сельскохозяйственные предприятия «на плаву». Ликвидация категории «колхозные леса» и приравнивание по новому Лесному кодексу сельскохозяйственных производителей к остальным пользователям лесов на правах аренды ускорили деградацию многих агропредприятий в староосвоенных районах.

* * *

Таким образом, в нечерноземной части центральных районов России особенно остро проявляется сжатие освоенного пространства и преобразование крупноареальной системы расселения и землепользования в очаговую. В связи с этим важным становится понимание, какие очаги могут стать драйверами развития, какая экономика может в них развиваться, и что может быть на тех территориях, откуда уходит население и сельское хозяйство.

Наиболее активно восстановление сельского хозяйства идет в южной части ЦФО. При этом население при неблагоприятных на периферии регионов социально-экономических условиях продолжает концентрироваться в крупных городах и пригородах. Инварианты пространственного развития России по осям «север–юг» и «пригород–периферия» выявились здесь особенно ярко. Это привело к сильной поляризации, фрагментации сельского пространства центральных регионов. Развитию инновационных очагов сопутствовало расширение экономически депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей, даже не очень далеко от Московской области. Но и при потере привычных источников в таких районах не наблюдается активизации мелких частных товарных хозяйств. Не столько фермерство, сколько теневая самозанятость, включая отходничество, стимулируемое относительной близостью к Москве, характерно для этих регионов. Тот факт, что пригородно-периферийная организация не только расселения, но и экономики, сложившаяся еще в советское время, воспроизводится в принципиально иных институциональных и экономических условиях, свидетельствует о неких инвариантах организации российского сельского пространства.

Остановить отток населения в крупные города и тем более повернуть его вспять в староосвоенных районах вряд ли удастся, но затормозить возможно. Учитывая изменение организации сельского и лесного хозяйства, важна поддержка любых форм среднего и малого бизнеса в сельской местности и сохранение транспортной и социальной инфраструктуры с рабочими местами хотя бы там, где еще есть население. Тем не менее, политика объединения сельских поселений и включения обширных сельских районов в городские округа, сокращение бюджетной сферы на практике ведут к увеличению оттока населения и усилению поляризации сельского пространства.

В староосвоенных регионах в центре и на северо-западе России особенно явно проявляются результаты структурной перестройки сельского хозяйства, сопровождающиеся частичным возвращением земель в оборот, причем не только в пригородах. Сжатие сельскохозяйственного землепользования все больше соответствует той схеме, по которой оно расширялось в советское время (от старо-

своенных очагов с более благоприятными природными предпосылками), только теперь с обратным знаком, сжимаясь к этим очагам. Все эти процессы хорошо прослеживаются по результатам дешифрирования космических снимков, о которых пойдет речь в следующей главе.

Глава 3.3. Поля и фермы: вид из космоса[37]

Изучение и картографирование изменения землепользования

Статистические показатели по муниципальным районам, городским округам и тем более по регионам РФ не дают представления о реальной географии изменения использования земель. Гораздо более точную картину дает использование данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) (Kamp, 2014; Медведев и др., 2019). Существующие методики картографирования растениеводства по данным космических снимков опираются на различия между внутригодовыми и межгодовыми изменениями спектрального отражения возделываемых в сельском хозяйстве земель и соответствующими изменениями для других типов почвенно-растительного покрова на основе многолетних временных рядов данных (Schepaschenko, 2011; Alcantara et al., 2013; Potapov et al., 2014, p. 43; Bartalev, 2016; Lesiv et al., 2018; Буланов и др., 2019).

Для дифференциации использования земель по сезонам года использовались серии весенних, летних и осенних безоблачных снимков Landsat[38]. Сопоставление снимков позволяет разделить возделываемые участки и длительно неиспользуемые залежи. Серия карт в разных масштабах, составленная на основе дешифрирования космических снимков на середину 2010-х годов с показом реальных контуров угодий, в целом подтверждает выявленные в Главе 3.2 статистические параметры использования земель. В ЦФО видны существенные различия между нечерноземными и южными черноземными регионами. Последние характеризуются гораздо более устойчивым землепользованием (рис. 3.3.1). Для выявления географической картины забрасывания земель более подробно проведен визуальный анализ его приуроченности к типам ландшафтов и удаленности от больших городов в Московской и окружающих ее областях (рис. 3.3.2).

Наибольшие площади заброшенных сельскохозяйственных земель характерны для удаленных окраинных территорий регионов Нечерноземья, а относительно крупные ареалы засеваемых земель – это, помимо Центрального Черноземья, южные районы в Тульской, Рязанской и Калужской областях. В более крупном масштабе (рис. 3.3.2) хорошо видно Суздальское ополье, заходящее на юго-восток Ярославской и юго-запад Ивановской областей, хотя и для него характерна высокая вторичная дробность угодий с мелкими заброшенными участками. Видны очаги и в старых ареалах освоения вокруг Ярославля, Костромы, Ростова, Мурома.

Масштабы реальных потерь сельскохозяйственных угодий и распределение используемых пахотных земель видны на картах (рис. 3.3.3), составленных на основе обобщения данных дешифрирования космических снимков по муниципальным районам регионов, окружающих Московскую область.

Меньше всего доля сельскохозяйственных земель и больше доля лесов на северо-западе и северо-востоке рассматриваемого региона. Именно для этих районов характерно наиболее быстрое зарастание залежей лесом. Несмотря на расширяющуюся жилую и дачную застройку и «простаивание» части сельскохо-

[37] Все карты в Главе 3.3 составлены А.А. Медведевым.

[38] Архив Геологической службы США – USGS (http://earthexplorer.usgs.gov/) за период с 2000 по 2014 г.

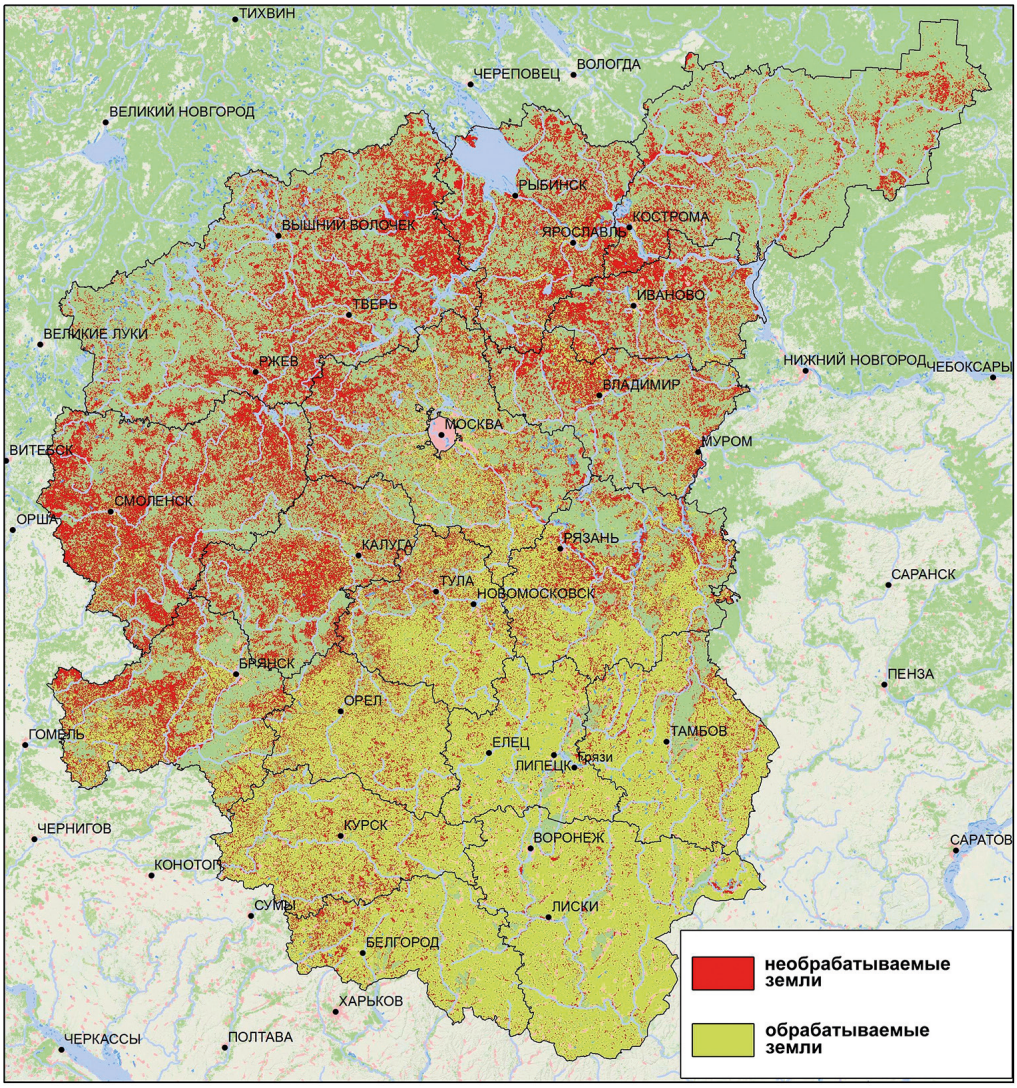

Рис. 3.3.1. Обрабатываемые и длительно необрабатываемые (залежные) земли в Центральном федеральном округе. *Составлено* на основе дешифрирования космических снимков.

зяйственных земель, накопленный экономический потенциал в пригородах региональных центров, инвестиции из городов и огромный спрос делают их самыми динамичными, в том числе и для развития сельского хозяйства. На удаленных территориях, особенно к северу от Москвы, учитывая степень зарастания залежей лесом, надеяться на возвращение земель в оборот не стоит.

Крупномасштабные карты, составленные на основе дешифрирования космических снимков, раскрывают специфические черты современного землепользования разных районов в зависимости от характера ландшафтов, типа освоения и удаленности от больших городов (рис. 3.3.4, 3.3.5), подтверждая выявленные в предыдущем разделе особенности сжатия освоенных земель. На западе Костром-

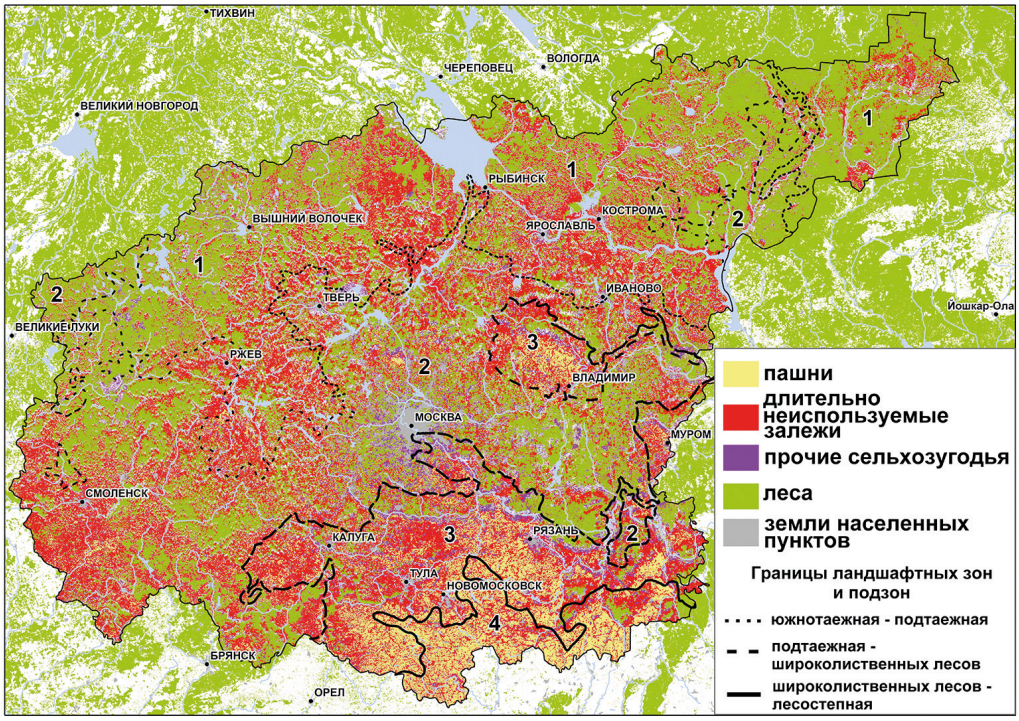

Рис. 3.3.2. Используемые и длительно неиспользуемые (залежные) земли в Центре России с учетом типов ландшафтов. Цифрами обозначены ландшафтные зоны и подзоны: *1* – подзона южной тайги, *2* – зона смешанных и широколиственных лесов (подтаежная), *3* – зона широколиственных лесов, *4* – лесостепная зона. *Составлено* на основе дешифрирования космических снимков.

ской области (рис. 3.3.4) сельскохозяйственное освоение[39] среди тайги сжимается, используемые прежде угодья зарастают лесом, остаются лишь небольшие очаги вокруг городов.

Иная ситуация на юге и юго-западе Московской области (и даже в Новой Москве), а также на севере Калужской области, где обилие лесов перемежается с островами рекреационного и сельскохозяйственного использования земель (рис. 3.3.6). В Тульской области распаханность выше, особенно в центре и на юге благодаря сельскохозяйственному реосвоению земель, заброшенных в 1990-х – нач. 2000-х годов, и использованию их под зерновые культуры и сады. При этом за пределами пригородных зон областей много заброшенных населенных пунктов и сельскохозяйственных земель. Последние характерны и для пригорода Тулы и Щекино, где бывшие сельскохозяйственные земли все больше приобретают дачно-рекреационное значение.

В еще более крупном масштабе можно по состоянию вторичной растительности определить и время забрасывания угодий: менее 10 лет, до 20 лет, более 20 лет или 30 лет (рис. 3.3.3). Идентифицируются также свежие и заросшие вырубки.

[39] См. Главу 4.6. От Костромы до областных окраин.

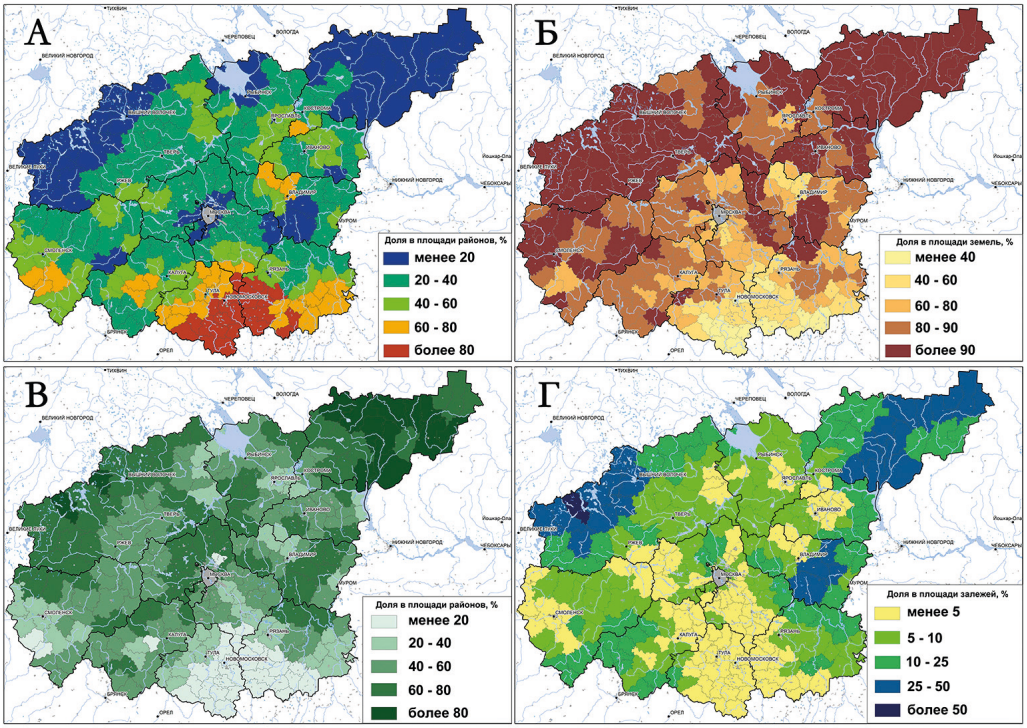

Рис. 3.3.3. Современное использование земель по муниципальным районам в Московской области и окружающих ее регионах: А – доля сельскохозяйственных земель в площади районов, %; Б – доля неиспользуемых угодий в общей площади сельскохозяйственных земель, %; В – доля лесов в площади районов, %; Г – доля земель, заросших древесно-кустарниковой растительностью, в площади залежей, %. *Рассчитано* А.А. Медведевым на основе карт, составленных в результате дешифрирования космических снимков.

Результаты дистанционного зондирования позволили в ряде случаев скорректировать официальные статистические данные использования земель. Последние часто завышают площади пашни и естественных кормовых угодий и занижают площади лесных угодий, которые увеличиваются в последние десятилетия из-за зарастания древесной растительностью заброшенных сельскохозяйственных земель (Медведев и др., 2019). Это подтверждают и другие исследования (Hansen et al.., 2013). Более того, фактически используемые и культивируемые земли меньше не только площади пашни, показываемой статистическими данными, но и на 10–40% меньше официальных данных о посевных площадях. Особенно это характерно для лесных регионов (Костромской, Ивановской, Тверской областей)[40]. В южных районах Тульской и Рязанской областей в отчетах, наоборот, наблюдается небольшое (до 10%) занижение реально культивируемых земель. Отчасти это может быть связано с техническими погрешностями, но имеет и свое объяс-

[40] Особый вопрос – многолетние травы, которые в нашем исследовании отнесены к залежам, так как на полях не ведется активное хозяйство. Наблюдения в Костромской, Ярославской и Тульской областях показали, что в районах с большим количеством заброшенных земель такие поля на второй-третий год мало отличаются от окружающих залежей.

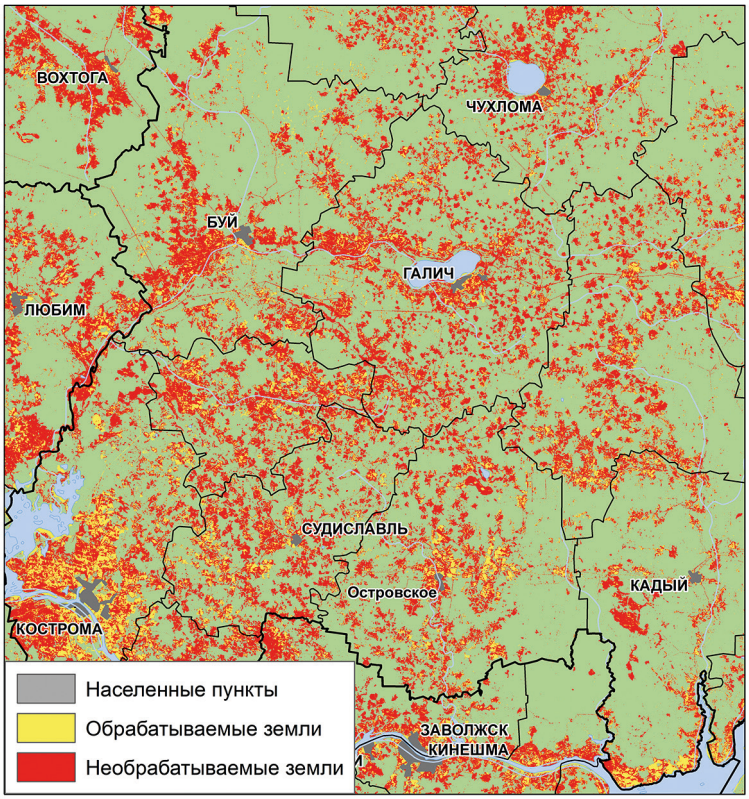

Рис. 3.3.4. Обрабатываемые и необрабатываемые земли среди лесной и кустарниковой растительности в западной части Костромской области.

нение. Занижение реально используемых площадей может быть выгодно агрохолдингам для снижения налогов. И все же наиболее характерно завышение отчетных показателей для большинства регионов[41] в результате отсутствия реальных данных или приписок. На это указывали и другие исследователи, сравнивая данные Росреестра и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. (Узун, 2017). В отличие от советского периода, когда приписки используемых площадей были связаны с требованиями выполнения плановых заданий, сейчас это может объясняться стремлением получить дотации или сохранить видимость сельскохозяйственного использования с тем, чтобы потом переоформить эти земли под застройку или дачи. Последнее особенно характерно для пригородов. Недаром большая доля залежей, выявляемых именно с помощью космических снимков и

[41] Федеральные информационные системы (Публичная кадастровая карта Росреестра (https://pkk.rosreestr.ru/) и Информационная система Минсельхоза (ЕФИС ЗСН) (http://efis.mcx.ru/)) включают сотни и тысячи ошибок. Росстат периодически заказывает исследования у Института космических исследований РАН для верификации отчетной информации. При Минсельхозе также существует группа, которая занимается проверкой подаваемых региональных данных с использованием космической съемки. Все эти исследования отмечают расхождения с официальной статистикой.

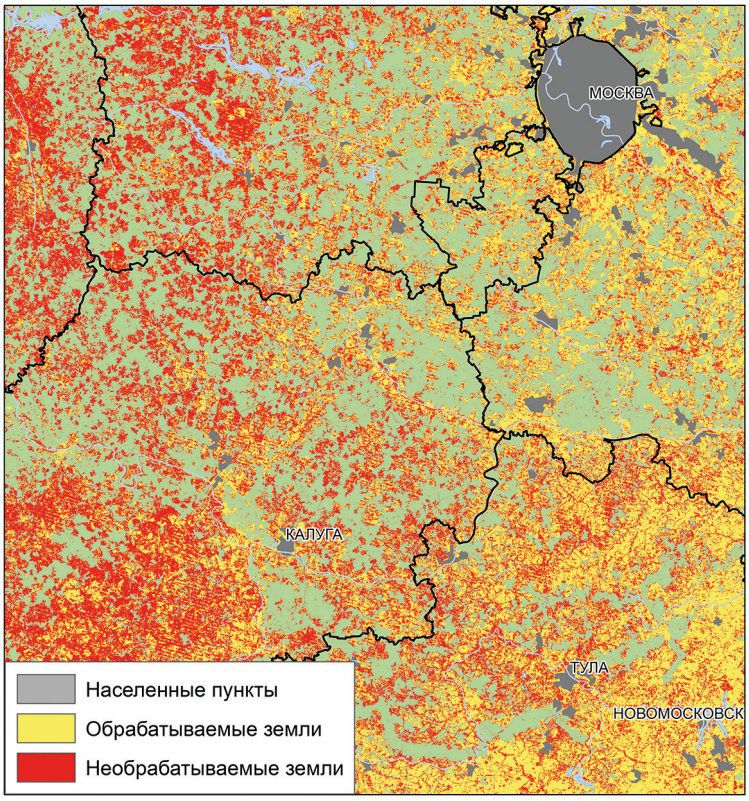

Рис. 3.3.5. Обрабатываемые и необрабатываемые земли среди лесной и кустарниковой растительности на юго-западе Московской, севере Калужской и Тульской областей.

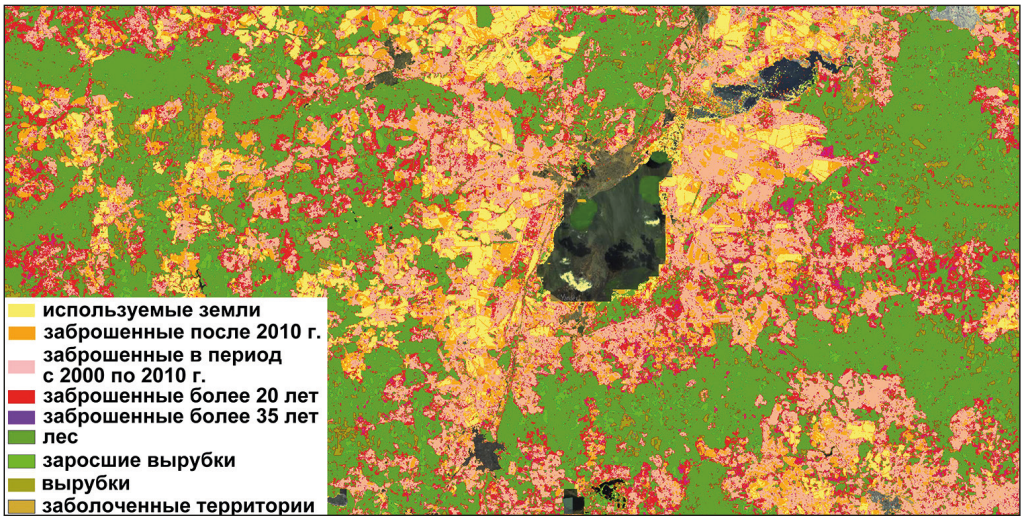

Рис. 3.3.6. Характер использования земель и длительность забрасывания сельскохозяйственных угодий в Ростовском районе Ярославской области (предварительная схема дешифрирования за последние 50 лет).

оформленных как используемые в растениеводстве территории, характерна для ближайших пригородов (до 30 км)[42].

Идентификация животноводческой деятельности с помощью дистанционного зондирования

Анализ с помощью космических снимков трансформации животноводства сопряжен с проблемами, так как сам объект – скот – практически невозможно увидеть на снимках. Поэтому методика исследования основана на выявлении действующий инфраструктуры.

Животноводство в сельской местности, не считая крупных современных агрохолдингов без пастбищного выпаса скота, о которых пойдет речь дальше, и личного подсобного хозяйства населения, это прежде всего фермы предприятий, которые территориально привязаны к крупным селам и деревням. Скот выпасают, как правило, недалеко, в нескольких километрах от фермы, которая имеет типичную инфраструктуру: коровники, скотные дворы, силосные ямы, загоны для скота, водонапорные башни, мастерские для сельхозтехники. Основные объекты инфраструктуры животноводства обычно показывают на крупномасштабных топографических картах. Наше исследование базировалось на обработке данных дистанционного зондирования сверхвысокого разрешения на основе визуального дешифрирования бесшовных мозаик космических снимков веб-сервисов Яндекс.Карты, GoogleMaps, BingMaps (Microsoft), ArcGIS.Imagery (ESRI). Использовались прямые (геометрические, яркостные и структурные) и косвенные дешифровочные признаки. Например, фермы имеют форму прямоугольника, а группа из нескольких строений образует серию прямоугольных блоков. Размер, форма и расположение четко выделяет их из остальной застройки населенного пункта. Такие крупные строения детектируются на космических снимках даже 10-метрового пространственного разрешения. В некоторых случаях по рисунку изображения можно определить специализацию животноводческого хозяйства.

Наличие хозяйственной деятельности на фермах, в отличие от инфраструктуры и самих объектов застройки, дешифрировались по косвенным признакам (Zhang et al., 2014; Li et al., 2017; Shi et al., 2018; Paudel et al., 2020). Снимки сверхвысокого пространственного разрешения дают возможность определить загоны для скота, выгребные и силосные ямы, наличие сельхозтехники (Taylor et al., 2012). Косвенным признаком деятельности служит состояние объектов. Например, тип растительности выгребных ям наиболее достоверно детектирует их состояние. Продукты жизнедеятельности КРС на работающих фермах угнетают растительность. Если деятельность прекращена, то выгребные ямы быстро зарастают обильной растительностью. Яркостные характеристики и вегетационные индексы такой растительности значительно отличаются от используемых выгребных ям. Силосные ямы при отсутствии деятельности также быстро зарастают рас-

[42] Часть сельскохозяйственных земель в пригородах крупных городов имеют характерный вид – редкая вспашка (1 раз в несколько лет), наличие гетерогенной структуры растительности, периодическое кошение. Данный набор признаков прежде всего связан с тем, что собственники во избежание штрафов за неиспользование сельскохозяйственных земель проводят периодически агромероприятия, но фактически не используют земли по прямому назначению.

тительностью. Отсутствие растительности в загонах для скота и четкие признаки перевыпаса скота могут говорить об активной животноводческой деятельности. Сельхозтехника, действующие объекты водообеспечения – хорошие признаки деятельности, то есть наличия скота.

Так как топографические карты, используемые в исследовании, создавались в 1990-х годах, их источником была аэрофотосъемка местности конца 1980-х – начала 1990-х годов. При сопоставлении их с современными данными дистанционного зондирования можно провести анализ почти 30-летней динамики числа и состояния ферм. Некоторые животноводческие фермы не детектируются по космическим снимкам, но еще пару десятилетий назад существовали и попали на топографическую карту. Эта картина более типична для нечерноземных регионов. Для южных регионов ЦФО характерна обратная ситуация, при которой в постсоветское время появились новые предприятия, не отмеченные на топографических картах.

Картографирование состояния животноводства на сельскохозяйственных предприятиях проводилось на всей территории ЦФО для сравнения южных черноземных и нечерноземных регионов (Медведев, Нефедова, 2021). На основе дешифрирования данных дистанционного зондирования (рис. 3.3.7) и оцифровки топографических карт был создан геоинформационный слой с местами размещения современных и советских животноводческих ферм.

На период 2016–2018 гг. по космическим снимкам в ЦФО выявлено 9717 объектов, а топографические карты показывали 10356 объектов. Казалось бы, что это уменьшение инфраструктуры – небольшое, несмотря на катастрофическое уменьшение поголовья скота в постсоветское время. Однако полуавтоматизированное сопоставление результатов дешифрирования и оцифровки топокарт показало, что локализация только 6658 объектов на снимках совпадает с объектами на топокартах. Почти 4,5 тыс. объектов с топокарт никак не идентифицируются на снимках. Это связано с тем, что эти объекты разрушены и заросли растительностью, включая древесную.

Все приведенные данные расходятся со Всероссийской сельскохозяйственной переписью, которая фиксировала в ЦФО в 2016 г. 2375 сельскохозяйственных организаций, содержащих КРС, и 363 предприятия, содержащих свиней (Всероссийская …, 2017). Это расхождение с официальными данными связано с тем, что при оцифровке топографических карт и дешифрировании космических снимков отмечались не предприятия в целом, а конкретные места локализации ферм или их групп. При этом в разных деревнях и в разных частях крупного населенного пункта может быть несколько ферм, хотя юридически (особенно после объединения) они представляют одно животноводческое предприятие.

Распределение предприятий по количеству скота приводится в табл. 3.3.1. На крупных предприятиях с более чем 3000 голов КРС содержится 40% поголовья. Еще треть КРС концентрируют предприятия с поголовьем от 1000 до 3000 голов на каждом. Такие хозяйства могут иметь несколько ферм. Особенно велика концентрация поголовья в крупнейших агрохолдингах, имеющих несколько ферм, как территориально сближенных, имеющих общую инфраструктуру, так и удаленных друг от друга, причем расположенных не только в данном муниципальном районе, но и в других районах и регионах. Кроме сельскохозяйственных органи-

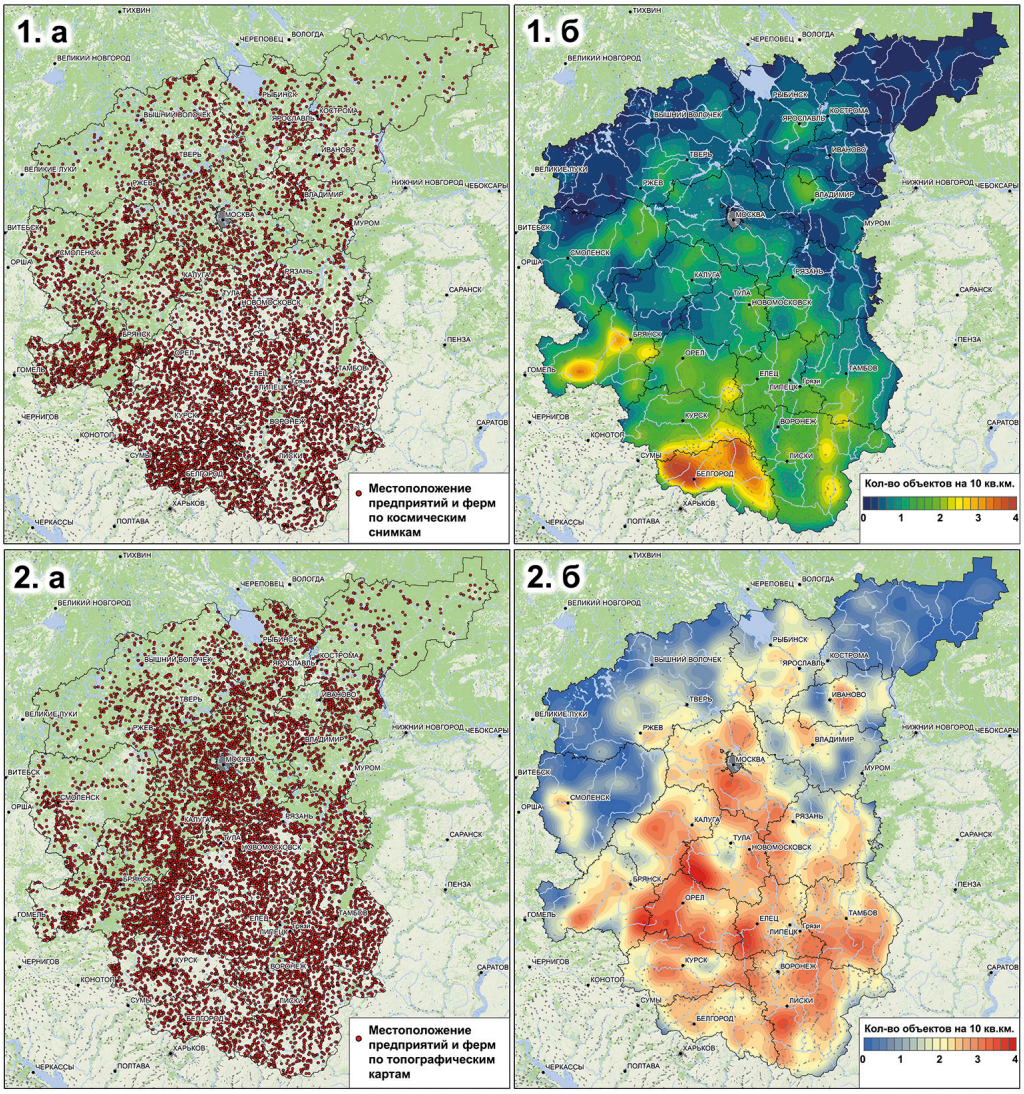

Рис. 3.3.7. Размещение животноводческих предприятий и ферм в Центральном федеральном округе: местоположение (1.а) и плотность (ед./10 км^2) (1.б) по результатам дешифрирования космических снимков на 2016–2018 гг.; местоположение (2.а) и плотность (ед./10 км^2) (2.б) по результатам оцифровки топографических карт конца 1980-х – начала 1990-х годов.

заций, 3748 индивидуальных предпринимателей и фермеров, содержащих КРС и свиней, могут использовать фермы, бывшие колхозные или новые. Более того, экспедиционные обследования некоторых районов показали, что ремонтировать полуразрушенные фермы часто сложнее, чем построить небольшие новые рядом или в другом месте. Все это ведет к визуальному умножению объектов инфраструктуры, хотя частично не действующей, при уменьшении поголовья скота.

Тем не менее, при всех возможных искажениях, сравнение современной ситуации с 1980-ми годами показало, что количество ферм для скота сохранилось

Таблица 3.3.1. Распределение сельскохозяйственных организаций в ЦФО по численности поголовья крупного рогатого скота и свиней

КРС			Свиньи		
Поголовье в одной организации, тыс. голов	Число организаций	Доля в поголовье КРС ЦФО, %	Поголовье в одной организации, тыс. голов	Число организаций	Доля в поголовье свиней ЦФО, %
0	3468	0	0	5480	0
0–0,3	1034	4,8	0–0,5	190	0,2
0,3–1	752	20,4	0,5–1	16	0,1
1–3	270	34,4	1–10	45	1,8
3–5	65	11,1	10–25	28	4,8
>5	54	29,3	>25	84	93,0
Всего организаций с поголовьем	2375	100,0	Всего	363	100,00

Источник: (Всероссийская …, 2017).

или увеличилось только в южных черноземных регионах ЦФО и в Брянской области. В остальных регионах, включая Московскую область, их стало меньше на 20–60%, особенно в удаленных периферийных районах, а также наиболее дачных в Московской области и в ряде муниципальных районов, примыкающих к ней.

Для оценки состояния и детектирования хозяйственной деятельности выявленные по космическим снимкам и топокартам объекты были классифицированы и каждому классу присвоен набор дешифровочных признаков (Медведев, Нефедова, 2021). При распознавании объектов они были поделены на 5 классов: 1 – полностью заброшенные с остовами зданий, заросшими выгребными ямами и угодьями; 2 – частично заброшенные с разрушенными крышами, заросшими выгонами для КРС; 3 – работающие фермы с целыми крышами, загонами для скота и действующими выгребными ямами, на которых нет растительности; 4 – фермы перестроенные и обновленные (новая крыша, забор, техника, обустройство); 5 – современные агрокомплексы (рис. 3.3.8).

Результаты классификации были разделены на отдельные геоинформационные слои для последующего пространственного анализа в разрезе регионов и муниципальных образований. Полное и частичное забрасывание ферм наблюдается не только в Нечерноземье, но и в южных регионах ЦФО – как в отдаленных районах областей, так и ближе к пригородам. Это говорит не только об уходе животноводства из районов с низкой плотностью населения, но и об активном обновлении инфраструктуры сохранившихся предприятий, порой со сменой локализации. Работающие фермы бывших советских колхозов чаще находятся вблизи городов, на заселенных территориях с развитой дорожной инфраструктурой. Современные модернизированные предприятия и агрокомплексы помимо Московской области и некоторых пригородов областных центров (Твери, Костромы, Владимира, Белгорода, Липецка) часто локализованы и в районах второго и третьего порядка соседства с областными центрами. Также число действующих ферм повышено

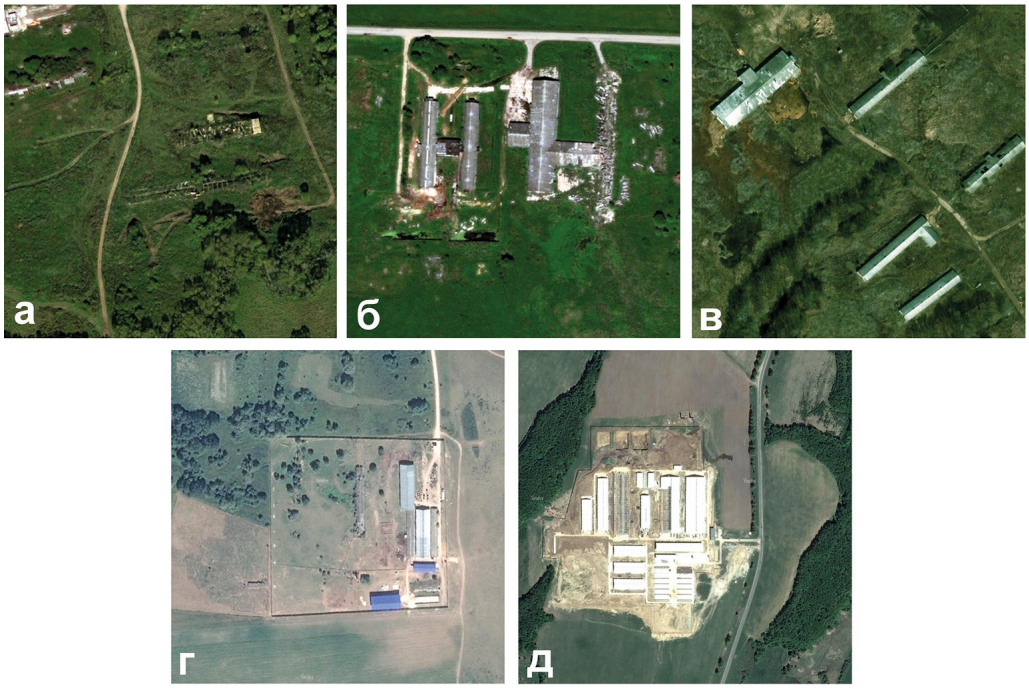

Рис. 3.3.8. Эталоны дешифрирования для классификации животноводческих предприятий. Класс объекта (дешифровочные признаки): (а) полностью заброшенные (полностью заросшие растительностью (включая древесную), отсутствие транспортных путей); (б) частично заброшенные (частично разрушенная крыша, заросшие стойла и выгоны для скота, заросшие выгребные ямы); (в) действующие (наличие крыши, действующие транспортные пути и выгребные ямы, сельскохозяйственная техника); (г) действующие, модернизированные (модернизированные постройки, действующие транспортные пути, сельскохозяйственная техника, ограждения по периметру); (д) агрокомплексы (комплекс зданий с развитой инфраструктурой, сельскохозяйственная техника, наличие автономного водо- и электроснабжения).

в районах, удаленных от областных центров, но приближенных к границам Московской области или недалеко от основных трасс.

Крупные агропромышленные холдинги (АХ), ставшие в 2000-х годах драйверами подъема сельскохозяйственного производства, в том числе животноводства, заслуживают отдельного рассмотрения. Современная статистика не отражает реальную картину распространения и роли агропромышленных компаний, поскольку оперирует показателями низовых звеньев, сельскохозяйственных организаций в разрезе регионов. При этом главное в АХ – это объединение по вертикали в межрегиональные структуры крупных собственников, использующих земли часто в разных регионах. Это сильно затрудняет изучение реального распределения их деятельности. Информации о точном количестве животноводческих ферм крупных АХ в открытом доступе также нет. На официальных сайтах компаний данные отсутствуют или представлены в общем виде, что не позволяет осуществить точную локализацию предприятий.

Использование данных дистанционного зондирования при картографировании АХ дает возможность не только определить локализацию, но и по набору

дешифровочных признаков выявить специализацию того или иного комплекса. Дешифрировать по космическим снимкам крупные АХ даже проще, чем животноводческие предприятия, которые располагаются в фермах бывших колхозов и совхозов, так как подразделения АХ представляют собой достаточно большие объекты с абсолютно автономной инфраструктурой. Хотя для более четкого определения специализации требуются данные космической съемки сверхвысокого разрешения, большую часть АХ можно распознать по снимкам высокого и среднего пространственного разрешения.

Отдельно стоит отметить еще один типичный признак подразделений АХ, который хорошо распознается на снимках – собственная транспортная инфраструктура и логистическая модель расположения предприятий. Все они находятся вблизи или на небольшом удалении от федеральных и региональных трасс. Чаще всего подразделения развивают в районе собственную транспортную сеть, которая имеет связь со всеми используемыми землями и обязательно примыкает к дорогам общего назначения.

Приведем пример анализа размещения предприятий агрохолдингов «Авангард-Агро» и «Мираторг» (рис. 3.3.9). Эти компании уже много лет осуществляют экспансию в староосвоенные нечерноземные регионы. При этом наблюдается изменение специализации предприятий при смене физико-географических условий – от растениеводства и свиноводства в южных регионах ЦФО до ферм КРС с небольшими кормовыми угодьями в Нечерноземье.

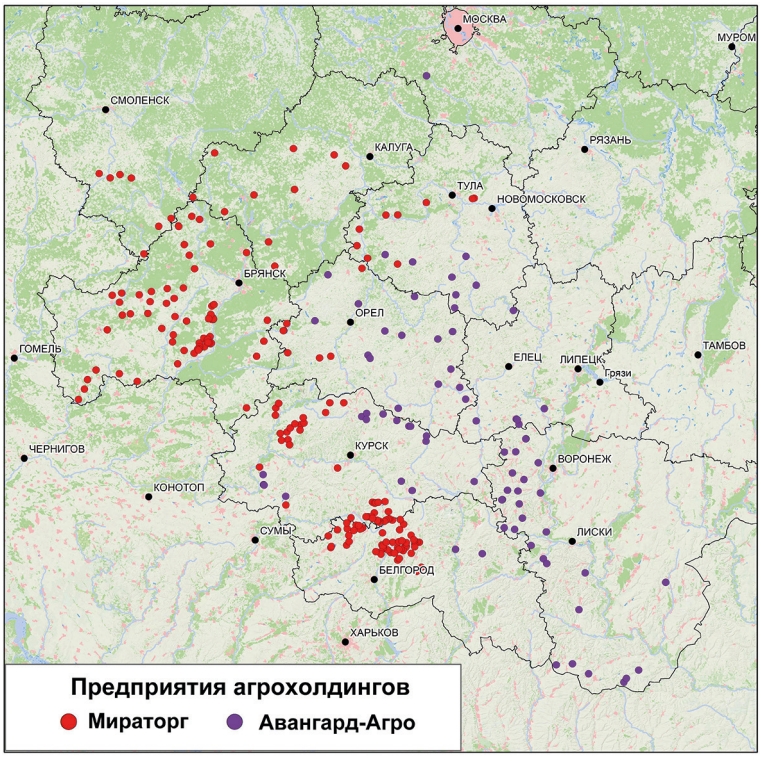

Рис. 3.3.9. Локализация подразделений агрохолдингов «Мираторг» и «Авангард-Агро».

«Авангард-Агро» имеет более 450 тыс. га земли (в том числе 365 тыс. га в собственности) в Воронежской, Орловской, Курской, Тульской, Липецкой и Белгородской областях. Он включает 51 предприятие, на котором работает около 5 тыс. чел. Главное направление его деятельности – растениеводческое. Однако посевы пшеницы, ячменя, кукурузы на 250 тыс. га дают возможность заниматься и животноводством с производством молока, бычков на убой. Более известен «Мираторг» как ведущий производитель мяса на российском рынке (в 2018 г. – 423 тыс. т свинины, более 108 тыс. т говядины и 113 тыс. т птицы). Основные предприятия по производству собственных кормов расположены в Белгородской и Брянской областях. Крупнейшее в мире поголовье КРС мясной породы Блэк Ангус содержится в Брянской, Калининградской, Смоленской, Калужской, Орловской и Тульской областях. Свиноводческие фермы с поголовьем 3,4 млн голов расположены в Белгородской и Курской областях, птицефермы – в Брянской области. Агрохолдинг включает крупнейший в России завод по глубокой переработке мяса в Брянской области, завод по переработке свинины в Белгородской области, распределительные и торговые предприятия.

Ключевые предприятия меньших агрохолдингов больше тяготеют к пригородам крупных городов, особенно в Московской области, хотя их подразделения могут располагаться и в более удаленных районах. В последние годы крупные агрохолдинги стали характерны и для Нечерноземья. Главное, чтобы была надежная транспортная связь с большими городами. Почти все современные АХ строят новые фермы и развивают собственную инфраструктуру, а не используют ресурсы бывших колхозов и совхозов, как это делают небольшие производители. Поэтому даже в Московской области новейшие корпуса агрокомплексов за высокими заборами находятся недалеко от полуразрушенных старых ферм, используемых частными предпринимателями. И в более удаленных районах приобретение московским или региональным агрохолдингом местного предприятия, как правило, сопровождается постройкой или кардинальной модернизацией одного-двух зданий и забрасыванием остальных ферм, расположенных в разных деревнях.

* * *

Отсутствие информации о реальном землепользовании и развитии животноводства делает особенно важным использование, помимо привычных данных региональной и муниципальной статистики, топографических карт и космических снимков для выявления степени сельскохозяйственной освоенности территории. Более того, полимасштабный анализ специфики сжатия сельскохозяйственных земель позволил выявить недостоверность ряда статистических данных и показать на картах перспективы пространственного развития сельского хозяйства староосвоенных районов.

Наиболее активно восстановление землепользования и животноводства идет в южных регионах ЦФО. В северных нечерноземных регионах в целом сохраняется пригородная локализация животноводческих комплексов. Однако новые крупные модернизированные предприятия и подразделения функционирующих агрохолдингов постепенно оккупируют земли и в более удаленных районах, дистанциру-

ясь от плотно заселенных и рекреационных территорий вблизи больших городов. При этом они используют преимущества современных технологий производства и организации труда и ориентируются на транспортную инфраструктуру.

Несмотря на то, что агрохолдингам и другим модернизированным предприятиям во многом удалось решить проблемы снабжения городов продовольствием, их воздействие на сельскую территорию неоднозначно и часто ограничивается небольшими очагами. Сравнение данных топографических карт конца 1980-х годов и современных космических снимков показало, что в регионах ЦФО заброшено более 4 тыс. ферм. Новые корпуса крупных предприятий, особенно в северной нечерноземной части ЦФО, стоят окруженные заброшенными фермами и полями, постепенно зарастающими лесом.

Глава 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам[43]

Главный тренд в структуре расселения советской и постсоветской России – усиление поляризации сельских населенных пунктов (СНП)[44] и концентрация населения в крупных селах (Лухманов, 2001; Вайберг, Глезер, 2013; Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015). При этом число средних СНП уменьшалось быстрее всего, в основном за счет их перехода в группу малых. Последние все чаще переходили в разряд необитаемых.

Анализ заселенности сельской местности также осложняется отсутствием реальных данных о наличном населении в разные периоды. Показатели численности постоянного населения в сельской местности, публикуемые статистическими службами, включают население, которое по нескольку месяцев живет в городах, и не учитывают городских дачников, увеличивающих население в сельской местности в летний сезон в несколько раз (Между домом …, 2016; Алексеев, Воробьев, 2018).

Специфика расселения в староосвоенных регионах, в том числе распределение малых и заброшенных деревень, неоднократно рассматривалась рядом авторов на примере отдельных территорий, включая и те, которые попадают в орбиту нашего исследования (Егорова, 2018; Румянцев и др., 2019; Ткаченко и др., 2019). Материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. показывают, что староосвоенные регионы вокруг Московской области характеризуются особенно большим количеством деревень людностью менее 100 зарегистрированных жителей и без постоянного населения (рис. 3.4.1). Именно в районах их концентрации – наиболее сильный кризис сельскохозяйственных предприятий, резкое умньшение посевных площадей[45] и общее сжатие освоенного пространства. При транспортной доступности такие деревни становятся привлекательными для дачников.

Для определения реального сельского расселения, в том числе выявления населенных пунктов без населения, также использовались космические снимки, на которых анализировалось состояние сельских домов и окружающей территории. Прямыми и косвенными признаками отсутствия постоянного населения служили заброшенные и зарастающие земли вокруг домов и деревень, а непригодности домов для проживания – разрушенные крыши и строения (Медведев, Гунько, 2016). Помимо космических снимков сверхвысокого пространственного разрешения использовались статистические и картографические данные (топографические карты масштаба 1 : 100 000 и 1 : 200 000, а также материалы публичной кадастровой карты Росреестра, в том числе перечень населенных пунктов). Их совместное использование позволило выявить и показать на картах размещение заброшенных населенных пунктов, а также деревень без постоянного населения, дома в которых используются только сезонно дачниками (рис. 3.4.2).

В последнее время все больше внимания обращают на отдельные примеры переселения горожан в сельскую местность и организацию там малого бизнеса, в том числе сельскохозяйственного. Они активно обсуждаются в интернете, создавая ложное впечатление массовой дезурбанизации. Однако на фоне оттока насе-

[43] Все карты в Главе 3.4 составлены А.А. Медведевым.

[44] См. Главу 2.3. Старые и новые сельские тренды.

[45] См. Главу 3.3. Поля и фермы: вид из космоса.

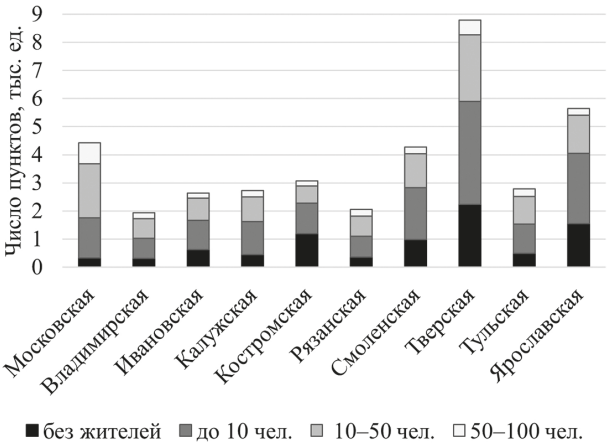

Рис. 3.4.1. Населенные пункты без жителей и с населением менее 100 чел. в регионах ЦФО. *Рассчитано* по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

ления из сел и деревень, особенно в нечерноземных староосвоенных районах, это капли в море. С масштабами сельской депопуляции в ряде районов сравним лишь поток горожан в сельскую местность не на постоянное место жительства, а для

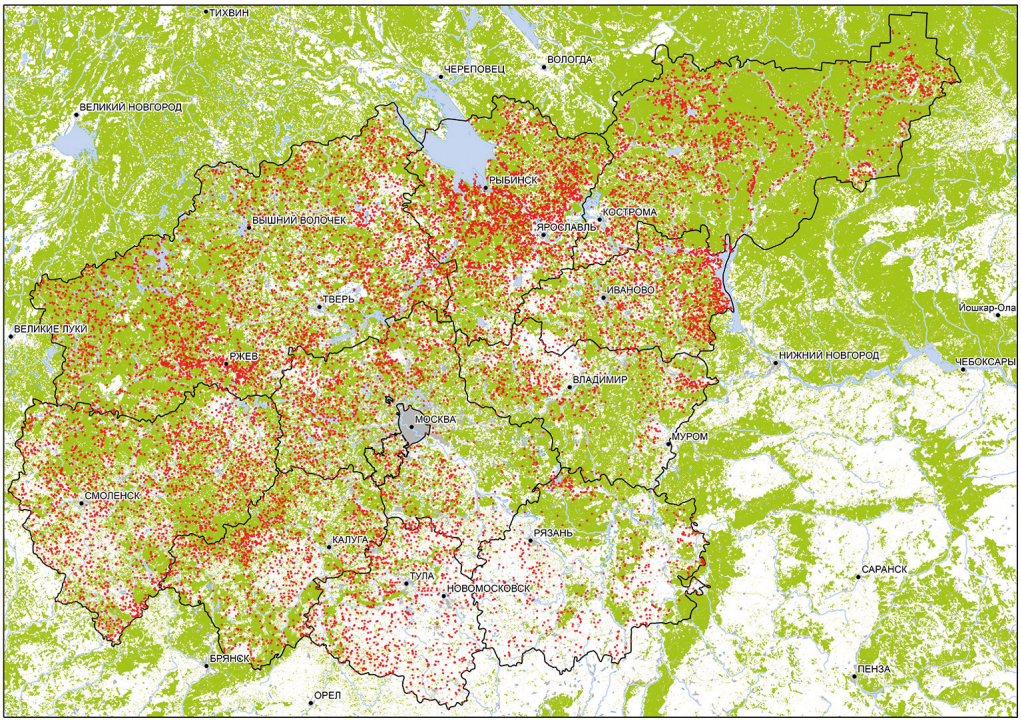

Рис. 3.4.2. Нежилые населенные пункты и пункты с отсутствующим постоянным населением в Центре России. *Составлено* по материалам Росстата, Росреестра и результатам дешифрирования космических снимков.

сезонного отдыха на дачах, в том числе в деревнях[46]. Процессы дачного реосвоения территорий со сжимающимся сельским хозяйством характерны не только для России, но и для европейских стран (Second ..., 2013; Hall and Muller, 2018), особенно для стран с похожими на Нечерноземье природными условиями, например, Финляндии (Second …, 2015).

Самым мощным фактором реосвоения и развития сельской местности стало распространение садово-дачных и коттеджных поселков. Они концентрируются вокруг городов, формируя плотную, не учитываемую официальной статистикой, сеть расселения (Махрова и др., 2016). Их вклад в занятость местного населения и развитие экономики пригородов довольно существенен. Часто отдельные садовые и дачные поселки собраны в конгломераты разной мощности с населением в летний сезон от нескольких сотен до десятков тысяч человек (Щепеткова, 2018).

Больше всего их в Московской области, где на смену распространенной в первой половине XX в. аренде дач в дачных поселках стали приходить сначала единичные, а потом все более массовые садовые и дачные поселки, которые дополнялись другими рекреационными предприятиями (домами отдыха, пионерскими лагерями). Они постепенно расширялись на север и запад от столицы (Московский …, 1988), однако их плотность в Московской области заметно падала при удалении от границ Москвы. Но уже тогда садовые и дачные поселки сформировали полосы вдоль железных и автомобильных дорог, расходящихся от Москвы, промежутки между которыми также со временем заполняются дачами (рис. 3.4.3).

К концу XX в. садово-дачные поселения москвичей и жителей городов Подмосковья «выплеснулись» за пределы Московской области. В окружающих регионах помимо пригородов региональных центров от 30 до 50% всех садово-дачных товариществ концентрируется в муниципальных районах, примыкающих к Московской области с внешней стороны (Между домом…, 2016). Большая часть таких организованных рекреационных поселков (от 50 до 70%) занимает бывшие сельскохозяйственные земли. К северу от Москвы они больше тяготеют к окраинам лесов. Из остальных факторов размещения наиболее важно наличие водоемов и/или близость к железным и автомобильным дорогам (Нефедова, Медведев, 2020).

Популярность дач в деревнях (наследных или специально купленных горожанами для летнего отдыха сельских домов с участками) в последние годы возрастает. Встречаются «дачники-отшельники», выбирающие покинутые местными жителями деревни. Однако обследование многих муниципальных районов в регионах Нечерноземья показало, что горожане приобретают дома для сезонного отдыха не в заброшенных, а в «живых» деревнях, среди которых наиболее популярны небольшие деревни с населением менее 100 человек. Такие деревни массово концентрируются в полукольце от юго-запада к северо-востоку от Москвы (рис. 3.4.4).

Подробное исследование некоторых удаленных от больших городов нечерноземных районов позволило выделить несколько волн расширения дачного использования деревень горожанами, в том числе москвичами на расстоянии до 500 км от столицы (Аверкиева, Нефедова, 2016). Первая «романтическая» волна началась

[46] См. Главу 4.7. В глубине пустеющей ойкумены: пример одного района.

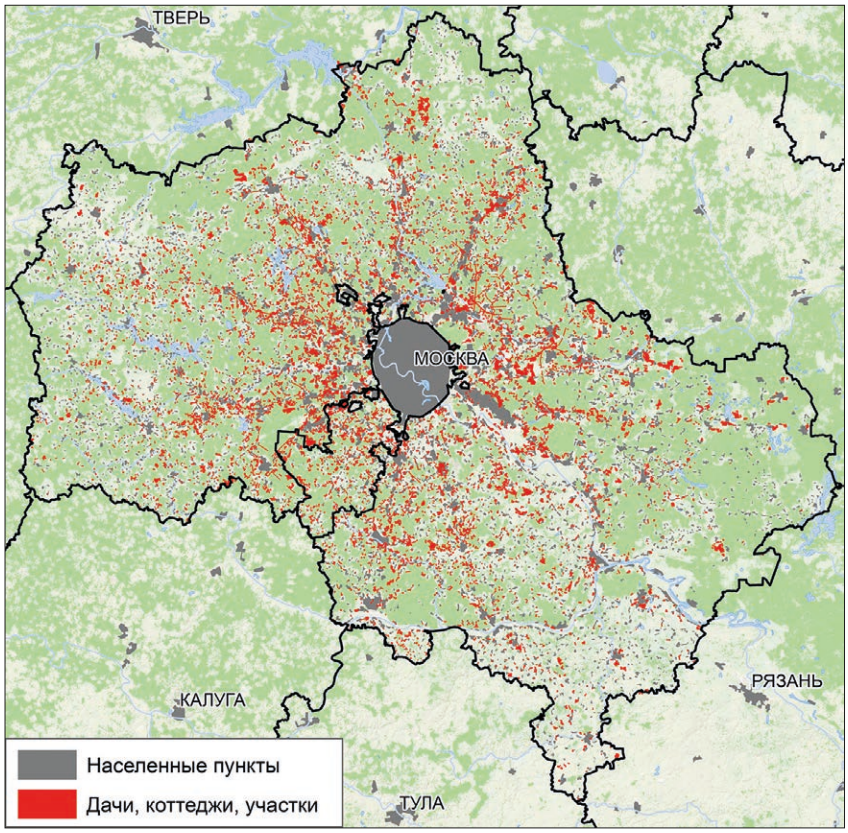

Рис. 3.4.3. Современные населенные пункты, садово-дачные и коттеджные поселки в Московской области по данным космических снимков.

в позднесоветское время, когда в деревнях еще присутствовала молодежь и немногочисленные горожане органично вписывались в сельскую жизнь на короткий период отпуска. Вторая – «прагматичная» – волна характерна для начала 1990-х годов, когда горожане пытались спасти деревню. Некоторые приобретали землю и даже заводили скот. Однако они были далеки от понимания специфики местной жизни, и мало кто добился успеха и задержался надолго. В некоторых местах эта волна сменилась на научно-познавательное отношение горожан к сельской жизни (Покровский, Нефедова, 2013; Потенциал …, 2014). Однако в последние годы наиболее характерна расширяющаяся рекреационная волна реосвоения с проживанием в деревне от месяца до полугода (пенсионеры), в последнем варианте с небольшим огородом, сбором грибов, ягод, купанием, прогулками в лес и т.п. Круглогодичное проживание встречается очень редко и характерно в основном для людей, вынужденных оставить квартиру детям или живущих на доходы от сдачи в аренду городской квартиры. И только единицы пытаются заниматься сельским хозяйством или создавать гостевые дома, что требует энтузиазма и, как правило, дополнительных городских профессиональных доходов.

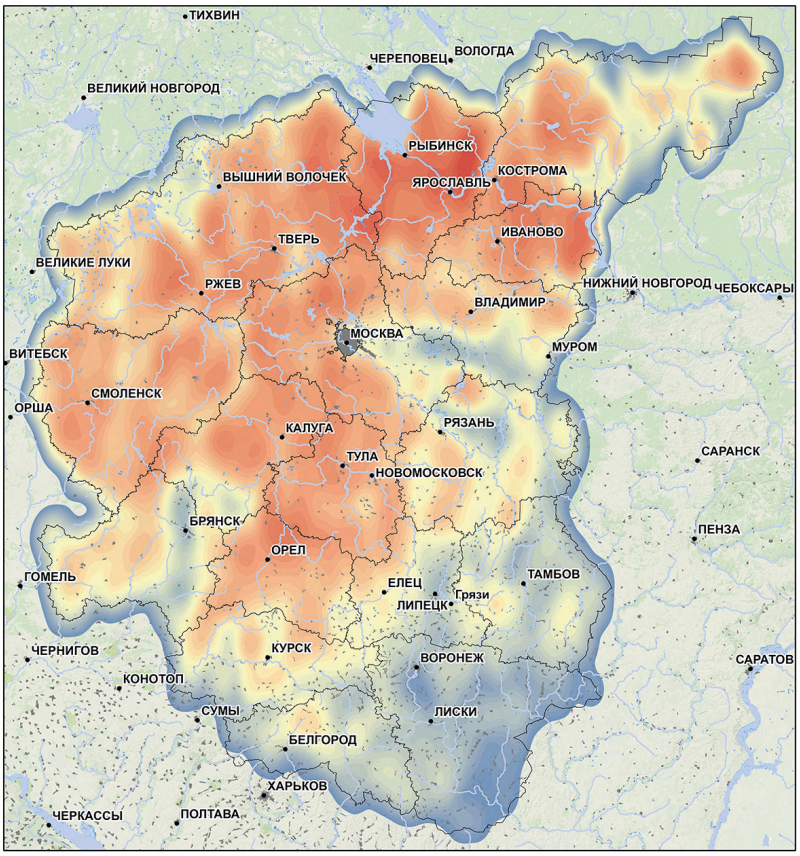

Рис. 3.4.4. Зоны повышенной плотности сельских населенных пунктов с численностью населения менее 100 чел., популярных у городских дачников.

Несмотря на то, что горожане в деревнях редко занимаются сельским хозяйством, они становятся заметными землепользователями, так как приобретают в собственность вместе с домами значительные участки бывших огородов, окружающих деревни, и даже берут дополнительно сельскохозяйственные земли в аренду, отгораживаясь не столько заборами, как в пригородах, сколько пространством. Они пытаются облагораживать эти зарастающие земли, регулярно косят траву, в том числе и для уменьшения пожароопасности. Велико и социальное влияние дачного сообщества на сельскую жизнь. Несмотря на сезонность и относительную кратковременность пребывания, дачники остро нуждаются в рабочей силе для ремонта и обустройства домов, ухода за участками. Они покупают у населения грибы, ягоды, рыбу, молоко. Все это стимулирует новые виды занятости в деревнях и задерживает население. При преобладании в малых деревнях пожилого населения именно горожане-дачники становятся наиболее активной и инициативной группой, заботящейся о сохранении жизнеспособности сельских поселений.

Горожане и в организованных поселках, и в деревнях тяготеют к тем же аттракторам, что и сельские жители: городам, хотя бы малым, проезжим дорогам,

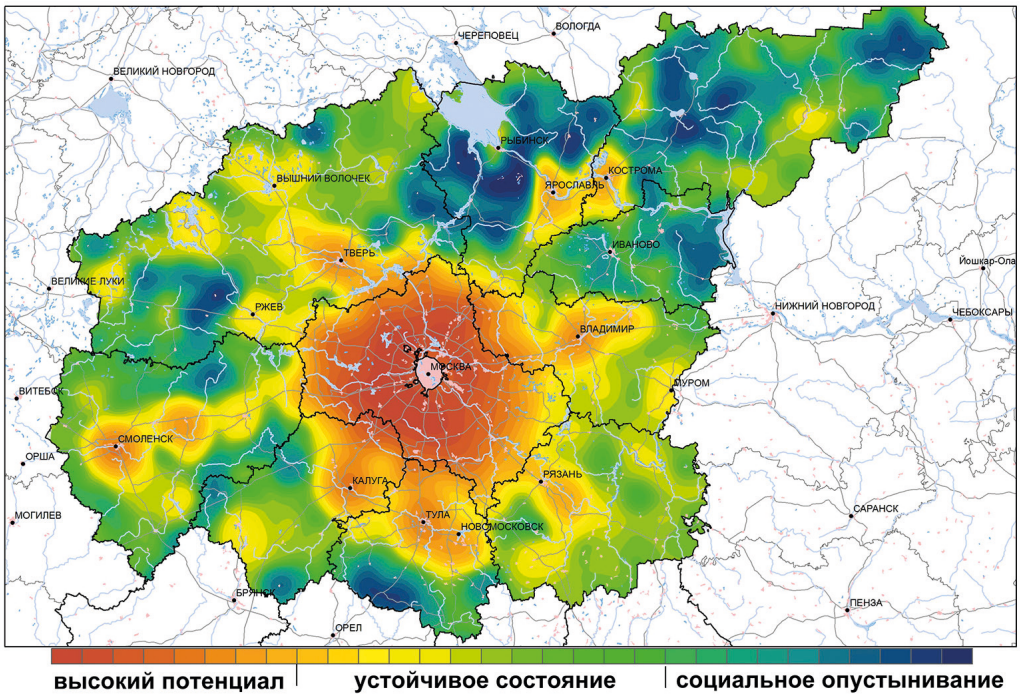

Рис. 3.4.5. Зоны потенциального освоения сельской местности горожанами-дачниками и зоны ее возможного социального опустынивания в Центре России. *Источник*: (Нефедова, Медведев, 2020).

водоемам, опушкам леса. Но есть разница – они, в отличие от местных, готовы и даже предпочитают жить в небольших деревнях, сохраняя тем самым сеть расселения. Такие деревни важно поддерживать региональным и муниципальным властям, даже если там мало постоянного населения. Даже на значительном удалении от городов они должны быть транспортно доступны, важно также сохранение элементарной социальной инфраструктуры в ближайших селах.

«Перспективные» и «неперспективные» зоны для вторичного рекреационного освоения горожанами территории вокруг Москвы показаны на рис. 3.4.5. Они выявлены на основе данных космических снимков о локализации садово-дачных и коттеджных поселков и сведений о малых деревнях, потенциально привлекательных для дачников. С помощью регрессионного анализа учитывались несколько независимых переменных, таких как удаленность от транспортных магистралей, региональных и муниципальных центров, привлекательность природных ландшафтов (наличие рек, озер, лесных массивов и т.п.), а также плотность населенных пунктов разного размера[47].

В менее перспективных зонах к северу, северо-востоку и западу от Московской области есть определенные трудности, связанные с удаленностью, острым

[47] Основная проблема, которая возникала при использовании регрессионного анализа в исследованиях с пространственными данными, – это стационарность регрессионной модели, которая сопровождается наличием ряда проблем, таких как неустойчивость коэффициентов модели, неправильно вычисленные стандартные ошибки коэффициентов и т.д. (Балаш и др., 2008).

недостатком социальной и дорожной инфраструктуры, множеством полностью заброшенных деревень. На границе Тульской и Орловской областей «неперспективная» зона обусловлена радиационным загрязнением в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

На рис. 3.4.5. перспективные зоны дачного освоения гораздо больше пригородов Москвы и крупных городов. Дачники в деревнях, в отличие от пригородных владельцев садовых и коттеджных домов, ищут уединения на природе, иногда – культурной экзотики. При опросах главными аттракторами они называют природу, простор, тишину и, шире, – экологию. Ради них они готовы мириться с бытовыми неудобствами. Их привлекают небольшие, но еще живые деревни, пустеющие сельские ландшафты – все то, от чего бежит в города современная сельская молодежь. Дачное освоение вдали от городских центров не так устойчиво, как вблизи городов, тем более что на дачи в деревни чаще стремятся средневозрастные и пожилые люди. Это, помимо транспортной доступности, предполагает получение медицинской помощи, сельская сеть которой при современной политике объединения поселений исчезает. К сожалению, понимания важности этой дачной волны горожан для сохранения освоенности территории недостаточно. Основная ставка властей всех уровней делается на переселение горожан в удаленную сельскую местность, к чему наше население пока не готово, в том числе из-за отсутствия достойно оплачиваемых рабочих мест и исчезающей инфраструктуры.

* * *

При общем сжатии освоенного пространства в регионах вокруг Московской области и сохранении в них экономической активности в отдельных очагах, перспективы сельской местности могут быть связаны с рекреационно-дачным освоением не только пригородов, но и удаленных небольших деревень. Это сезонное городское население играет важную роль в сохранении сети сельского расселения и освоенности территории.

Отсутствие информации о реальном населении с учетом его пространственной возвратной мобильности между городами и сельской местностью, делает особенно важным применение разнообразных методов исследования, в том числе дешифрирования космических снимков, для выявления реальной обитаемости сельских домов и «обжитости» территории. Анализ результатов длительной депопуляции сельского населения и сжатия расселения, с одной стороны, и пространственного размещения факторов, способствующих привлекательности сельской местности для ее рекреационно-дачного реосвоения горожанами, с другой, позволяет выявить и показать на картах возможные перспективы ее развития. С другой стороны, именно дачная традиция, жизнь на два дома, тормозит у нас дезурбанизацию западного образца, скрывая невидимый, хотя и сезонный, контрпроцесс. Учитывать эту специфику России важно. Необходимо выявлять территории, перспективные для сохранения деревень и в целом сельских ландшафтов благодаря экспансии горожан на дачи и поддерживать на них транспортную и элементарную социальную инфраструктуру.

Глава 3.5. Культурное наследие на фоне поляризации пространства

Смена столиц в российской истории влияла на них как на центры культурного развития и сохранения традиций. Если не рассматривать более древнюю историю, то более двух веков «двустоличность» – вопреки имперскому централизму – была важным свойством страны (Нефедова, Трейвиш, 2013; Путешествие …, 2015, т. 1). В XVIII и XIX вв. Москва и Петербург дополняли друг друга. Европейскость и окраинность инновационного, переимчивого Петербурга уравновешивала традиционность, русскость и срединность Москвы, хотя и в это время Москва уже имела значительный отрыв от окружающих территорий. С переносом столицы в Москву численность ее населения стала быстро обгонять население питерское, несмотря на жесткий режим прописки в советское время. В постсоветские годы именно к Москве перешла роль инновационной столицы: она стала более деловой, суетной, формальной. На ее фоне Петербург часто называют культурной столицей.

Экономический и ментальный отрыв Москвы от окружающих территорий, усиливающий депопуляцию малых городов и сельской местности вокруг Московского столичного региона, способствуют тому, что все чаще поднимается вопрос о сохранении культурного наследия в Центре России. Авторы книги лишь отчасти касаются культурно-исторической общности рассматриваемых территорий, как сложного взаимодействия специфических природных и культурных ландшафтов (Каганский, 2001; Веденин, 2004), традиций, норм и ценностных установок населения (Манаков, 2002; Замятин, 2006).

Наследие понимается не только как отдельные памятники истории и культуры, но и как живая культура, ремесла и промыслы, традиционные технологии и формы природопользования, этнокультурная среда и в целом культурный ландшафт (Культурный ..., 2004). Это системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды. Поэтому объектом охраны становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами культурной и хозяйственной деятельности (Сельские ..., 2013).

Сжатие культурного пространства в центральных и северо-западных районах России долго не осознавалось властями. И только в 1990-х годах резкая экономическая поляризация заставила говорить не только об экономических и демографических последствиях сжатия освоенных земель, но и о потерях культурного ландшафта и восприятия культурного наследия.

Территория Центра Европейской России – ядро славянской колонизации Волжско-Окского междуречья с множеством древних городов и их неповторимой аурой. Для современных жителей значение старых городов прежде всего в сохранении множества ценнейших памятников архитектуры. Всем им посвящены горы литературы. Один из самых известных ареалов концентрации – Золотое кольцо России, охватывающее северо-восточную часть макрорегиона с центром в Суздальском ополье. В последние годы это были самые посещаемые регионы России после Краснодарского края, Московской области и Крыма.

В Ярославской области Ростов Великий – старейший город (впервые упоминается в 862 г.). Память о его расцвете хранят многочисленные монастыри, торговые ряды, палаты и особняки. Соседний с Московской областью Переславль-Залесский с его уникальным Спасо-Преображенским собором XII в. и Плещеевым озером, где Петр I строил «потешную флотилию» – прообраз российского флота, как и Ростов, не дотягивает до 40 тыс. жителей. Ярославлю тоже более 1000 лет. Активный рост (по численности населения он обогнал все региональные столицы вокруг Москвы) и бурное развитие промышленности сочетаются с уникальностью его исторического центра, который находится в списке Всемирного наследия. Маршрут Золотого кольца включает множество ответвлений в старинные города области: Тутаев (до 1918 г. – Романов-Борисоглебск), Рыбинск, Углич, каждый из которых связан с важными для России историческими событиями.

Костромская область, как наиболее удаленная, захватывается туристическим маршрутом Золотого кольца только на юго-западе вдоль Волги и в самой Костроме – ровеснице Москвы – с ее Ипатьевским монастырем XIV в. (вотчиной Романовых), памятником Ивану Сусанину, старыми текстильными предприятиями. Ивановская область сохранила историю кустарных промыслов, льняных и хлопчатобумажных фабрик. Туристический потенциал обеих областей явно недоиспользуется. Здесь интересны малые города и села, сохраняющие либо особую атмосферу бывших уездных центров, либо характерные ремесла, либо уютное спокойствие полусельской среды: Галич, Солигалич, Чухлома в Костромской области; Плёс, Юрьевец, Шуя, Палех, Холуй и другие – в Ивановской.

Владимирская область – это, прежде всего, сам Владимир, где сохранились уникальные образцы древнерусской архитектуры, которые вместе с соборами и монастырями Суздаля, Кидекши, Боголюбова вошли в список белокаменных памятников Всемирного наследия. Даже после объединения с Московским княжеством Владимир долго оставался культурно-символическим центром: здесь венчались на царство великие московские князья и цари. Некоторые едут во Владимирскую область исключительно ради одного уникального объекта – церкви Покрова на Нерли вблизи Боголюбова – жемчужины древнерусского зодчества.

Общая площадь, охватываемая Золотым кольцом, аналогична площади целых стран, например, Венгрии или Португалии. Однако, несмотря на потоки туристов, перемещающихся от объекта к объекту, на развитие территории в целом это не оказывает существенного влияния, стимулируя сервис преимущественно в туристических центрах.

Многие памятники в верховьях Волги и Днепра на северо-западе, в том числе в Смоленске и Твери, были утрачены во время Великой Отечественной войны. Смоленск, стоящий на пути «из варяг в греки» и из Европы в Россию, также входит в число древнейших городов, возникших в IX в. На Старой Смоленской дороге располагаются древние города Вязьма и Дорогобуж. Тверь интересна как соперница Москвы в века раздробленности княжеств. Оказавшись в «тени» Москвы, Тверь не утратила самобытности, которую можно почувствовать и на набережных Степана Разина и Афанасия Никитина, и на Соборной площади с роскошным путевым дворцом, и на пешеходной Трёхсвятской улице (тверском Арбате) и

даже в бывшем промышленном районе – Морозовском городке. Вышний Волочёк – «русская Венеция» со старинными каналами и шлюзами, Ванчаковой линией, напоминающей Петербург, памятниками правителям России. Интересна россыпь старинных городков, возникших в XI–XIII вв. (Торопец, Торжок, Бежецк, Ржев, Кашин, Старица и др.).

Регионы южного полукольца породили много известных писателей и художников. Усадьба И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове Орловской области, дом-музей К.Г. Паустовского в Тарусе в Калужской области, усадьбы Поленово и Ясная Поляна в Тульской области, Константиново – в Рязанской. Они позволяют погрузиться в очарование среднерусской природы. Не менее привлекательны и маленькие уютные городки, похожие на естественные музеи прошлого, в которых живут современные люди. Их много в Калужской (Козельск, Мосальск, Мещовск, Таруса) и Рязанской (Касимов, Михайлов) областях. Здесь сохранилось множество монастырей, интересны места, связанные с переломными историческими событиями – Стоянием на Угре 1480 г. в Калужской области, Куликовской битвой 1380 г. в Тульской области, археологические памятники (например, остатки древнерусского г. Рязань близ с. Старая Рязань) и др. Многочисленные музеи рассказывают о становлении ремесел, сохранившихся традициях.

Важно влияние поляризации пространства не только на материальную, но и на ментальную культуру. Пространство в российской ментальности всегда имело огромное значение. В этой связи очень интересны попытки С.В. Рогачева выявить некие пределы в восприятии русских литераторов, за которыми территория перестает восприниматься ими как продолжение Центра и начинает восприниматься как «глушь» (Рогачев, 2020). Он отмечает множество примеров такой идентификации в литературных произведениях. Например, Пошехонье на севере Ярославской области стало символом неразвитости с конца XVIII в., костромская Чухлома многими писателями воспринималась как карьерная и географическая крайность. Снисходительная пренебрежительность касалась Кологрива и Мантурово в Костромской области. Шарья на востоке той же области воспринималась, как «край земли». Интересно, что на приводимой С.В. Рогачевым карте (рис. 3.5.1) Центр находится в Суздальском ополье, хотя и захватывает Московскую, Ярославскую, Ивановскую и Рязанскую области. Центр сдвинут к востоку – северо-востоку, а на западе «глушь» почти совпадает с границами Московской области. Автор объясняет это ландшафтными особенностями, экранирующим влиянием Смоленско-Московской возвышенности, не пускающей москвичей к тверскому Заволжью, в то время как водные пути на восток и северо-восток продвигали влияние Москвы. Но ведь это касалось только более ранних веков до постройки железных дорог, в том числе дороги Москва – Петербург. Главным все-таки было восприятие до XX в. Центра России не только как Москвы и ее ближайшего окружения, а вместе с Волго-Окским междуречьем. Это отражает и популярность у населения Золотого кольца России.

В целом, регионы, окружающие Московскую область, обладают огромным потенциалом культурного наследия. Его сохранение связано не только с государственными инвестициями, но и с развитием туристического бизнеса, а также с инициативами отдельных людей. Ограничивает потенциал неразвитая дорожная инфраструктура, особенно на удаленных от больших городов территориях, а так-

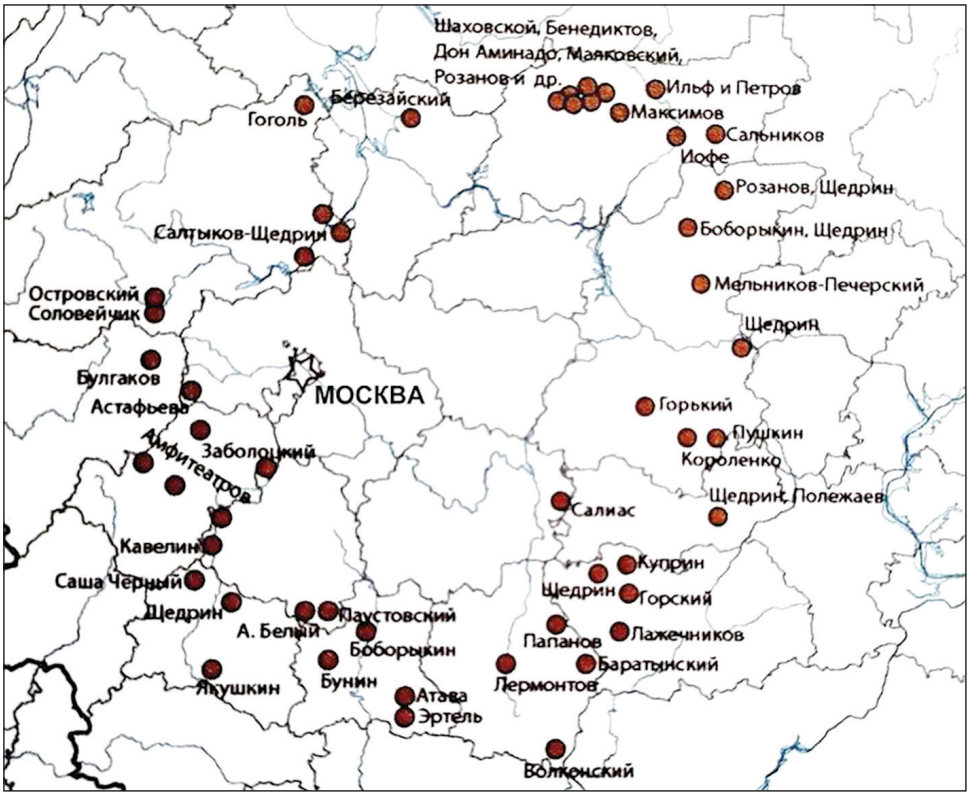

Рис. 3.5.1. Пространственная диагностика глуши. Отмечены ближайшие к Москве местности, характеризуемые русскими литераторами как глушь, захолустье (подписаны фамилии «диагностов»). *Источник*: (Рогачев, 2020, с. 39).

же часто недостаточная активность региональных и местных властей по популяризации малоизвестных, но важных памятников, особенно тех, которые требуют специальных разрешений по созданию достопримечательных мест или поддержки отдельных энтузиастов.

Примеров малоизвестных памятников истории и культуры, интересных туристам, которые могут к тому же вносить определенный вклад в популяризацию муниципальных районов и даже в их бюджет, множество. Приведем лишь один пример в Мантуровском районе на востоке Костромской области. Здесь на берегу р. Унжи, недалеко от деревни Давыдово располагалась усадьба Апухтиных, где Наталья Апухтина, входившая впоследствии в круг общения А.С. Пушкина, проводила летом свои детские и юношеские годы. По одной из версий она послужила прообразом Татьяны Лариной, увлекшись сначала «молодым повесой» и выйдя потом замуж за генерала Фонвизина, намного старше ее. Венчание проходило недалеко от усадьбы в Угорской церкви. Фонвизина за связь с декабристами сослали в Сибирь, и по злой иронии судьбы он в кандалах шел мимо той же церкви в Угорах по Вятскому тракту. Усадьба не сохранилась, от нее остался только парк на высоком берегу реки и наброски дома в краеведческом музее в Мантурово, а церковь сохранилась и отремонтирована.

Сохранение сельского традиционного ландшафта и культурных традиций в удаленных районах

При сжатии освоенного пространства сохранение как материальных памятников, так и местных традиций[48] становится гораздо сложнее, особенно в удаленных районах, в той самой глуши, о которой писали русские литераторы. Это связано не только с экономическим «опустыниванием», отсутствием средств у населения и муниципалитетов, если памятник не входит в федеральный реестр, но и с «уходом» носителей традиций, депопуляцией населения. Отсюда несколько важных вопросов (Нефедова, 2017б):

– Что собой представляют сейчас сельский традиционный ландшафт в Центре России?

– Какой исторический пласт сельских традиций можно и нужно сохранять?

– Кто может сохранить сельские традиции?

– Кому это нужно?

Начнем с жилых и хозяйственных построек, которые при движении от Московской области на север и северо-восток заметно меняются. Для Ярославской и Ивановской областей характерны сравнительно небольшие деревянные избы (за исключением очагов с наиболее активным населением, как, например, вдоль трассы на Архангельск или у оз. Неро[49]). При приближении к границе таежной зоны и тем более в Костромской области они меняются на большие северные бревенчатые дома с высокой подклетью под жилой частью, которая объединена под одной крышей с двухэтажной хозяйственной частью (внизу – скотный двор, вверху – сеновал), общей площадью до 150 м^2 (рис. 3.5.2[50]).

Практиковавшийся здесь веками способ строительства и реставрации домов традиционно опирался на обилие леса и населения: подгнили венцы – раскатали дом, заменили бревна и всей деревней собрали. На следующий год – то же с другим домом. Теперь такой способ могут заменить только немалые деньги, которых у местных жителей нет. Возникает вопрос: кто может сохранить разрушающиеся северные дома и целые деревни при сильном не только количественном, но и качественном (в результате длительного отрицательного социального отбора) истощении населения? Исследование деревень разного размера показало, что доля носителей традиций зависит от размера поселения (Нефедова, 2017б). В центрах сельских поселений (если они еще сохранились после кампании объединения) их меньше, поскольку туда съезжались разные люди. В таких селах относительно промывной режим, а отсюда – постоянные нарушения традиционной архитектуры, включая обшивку домов сайдингом и т.п. В самых малых деревнях (менее 10 человек) остались только старики – носители традиций, но передавать их уже некому. А в сельских пунктах среднего размера (20–50 человек) население самое

[48] Под традициями понимаются элементы культуры, которые первоначально всегда возникали как инновации (в форме адаптации к среде или навязывались извне). Но если каким-то поколением они начинали восприниматься как норма, и этот опыт передавался и, главное, воспринимался следующими поколениями, они постепенно становились традициями. Поэтому существует несколько пластов традиций, и они могут меняться.

[49] См. Главу 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

[50] В Главе 3.5 использованы фотографии Т.Г. Нефедовой.

Рис. 3.5.2. Типичный деревенский дом в Костромской области из двух состыкованных срубов: жилой и хозяйственной зоны (в широкие ворота сарая по пандусу на второй этаж въезжали телеги с сеном). Ныне используется московскими дачниками.

традиционное. Но если посмотреть на возрастной состав населения, то очевидно, что через пару десятков лет старики – главные хранители традиций, которые составляют в деревнях более половины населения, уйдут, немногочисленная молодежь уедет. А для среднего ныне поколения, озабоченного выживанием при отсутствии работы на месте, традиции давно ушли на задний план. Отсюда – вопрос: кто сохранит традиции?

Многие культурологи считают, что именно в местах, удаленных от административно-хозяйственных центров, сохраняется традиционный сельский уклад и ландшафт. Однако периферийность имеет своим следствием не только уменьшение числа носителей традиций и тех, кто готов их воспринимать, но и разрушает саму экономическую и ландшафтную среду их проживания. Число умерших малых деревень растет, а бывшие средние населенные пункты, в которых доживают свой век преимущественно старики, стремительно деградируют, превращаясь в малые с печальными перспективами, если туда не приедут мигранты или дачники. Резко переломить демографическую и миграционную ситуацию в настоящее время не представляется возможным. Сделать удаленную деревню привлекательнее большого города на данном этапе можно только для городских дачников.

Можно ли сохранить в таких условиях образ жизни сельского населения? Если спросить местных жителей, хотят ли они сохранить свой образ жизни в старых избах без газа, водопровода, с плохими дорогами, с мизерной зарплатой, а то и без работы, положительно ответят разве что закоренелые алкоголики. А это не то культурное наследие, которое надо беречь.

Можно ли сохранить традиционную материальную культуру и архитектурные ценности? Это возможно выборочно с помощью внешних импульсов при определенной консервации хозяйственной жизни на территории.

А отсюда – можно ли сохранить природно-хозяйственный ландшафт, который напрямую связан с традиционными видами деятельности? Как уже было показано в предыдущих главах, в Нечерноземье различия в землепользовании во многом связаны с удаленностью от городов и разницей в количестве и качестве населения. Пригород – это меняющийся природно-хозяйственный ландшафт, сохранивший сельскохозяйственное производство и быстро насыщаемый новыми постройками дачников. Периферия – стагнирующий и сжимающийся традиционный природно-хозяйственный ландшафт с депрессивным сельским хозяйством, разрушающимися деревнями. И там, и там меняются сельские традиции и ландшафт, но по разным причинам. В пригородах есть, кому их менять, на периферии – некому сохранять.

Судьбы сельской нечерноземной периферии и ее населения долгие годы были тесно связаны с сельским и лесным хозяйством, как основными работодателями (Потенциал …, 2014; Ойкумена …, 2016; Аверкиева, 2017). В последние тридцать лет хозяйственная деятельность в таких районах свертывается, все больше соответствуя наличию природного и человеческого потенциалов, география которых в советское время зачастую игнорировалась. Привычный населению колхозный пласт уходит, полностью меняя ландшафт. Потенциал развития традиционного личного подсобного хозяйства местных жителей очень низок. Проблема сохранения сельских традиций упирается в главный вопрос – кто приходит на смену? В таких районах фермерством чаще занимаются приезжие: горожане, бывшие военные или выходцы из Средней Азии. Это надежда для таких районов – если их не вытолкнет среда. Но их мало, и они вряд ли сохранят местные традиции ведения хозяйства.

Стимулом к восстановлению (реконструкции) полуутерянных традиций зачастую становятся внешние импульсы, особенно туристический спрос. Например, в Каргопольском районе Архангельской области из-за привлекательности самого Каргополя и деревянных церквей вокруг туристический бизнес стимулирует частичное сохранение материально-хозяйственной культуры и восстановление ремесел (хотя при повышенном спросе легко перейти ни китч).

Еще один внешний импульс сохранения традиций – дачники. В удаленных районах это чаще интеллигенция среднего и пожилого возраста и среднего достатка, купившая дома в деревнях для летнего отдыха. Они поддерживают старые дома, летом оживляя деревни, но не сельское хозяйство. Дети местных бабушек, живущие в городах, тоже приезжают на лето в деревню, со временем унаследуют дома и станут дачниками, если не продадут их. Но это поколение тоже мало заинтересовано в традиционном сельском хозяйстве, разве только картошку на зиму заготовить.

Подавляющее большинство дачников не хочет жить рядом с крупным производством: промышленным или сельскохозяйственным. Зато многие (за исключением отшельников) не против, если бы кто-то занимался в таких местах фермерством, лесопереработкой на небольших предприятиях, заготовкой грибов и ягод. А местные жители почти все ностальгируют по уходу колхозных традиций, когда

Рис. 3.5.3. Типичный музей местной бытовой культуры на бывшем сеновале сельского дачного дома москвичей в деревне в Костромской области.

была работа, когда все делали вместе, когда поля были засеяны льном и гуляли стада скота. Для местных жителей последний колхозный пласт традиций зачастую важнее предыдущих. В отличие от них, дачники покупают дома в деревнях и живут в них по несколько месяцев не только ради природы, но отчасти из-за ауры самих старых деревенских домов, частично реконструируя их только внутри. Для них важен более древний пласт традиций. Под традициями они понимают сохранение типичной для этих мест архитектуры изб, местные праздники, песни, отношение к природе, сбор ее даров, а также бережное отношение к предметам деревянной дореволюционной материальной культуры. Именно дачники и школы (если сохранились) пытаются создавать музеи деревянной материальной культуры начала XX в. даже в своих избах (рис. 3.5.3).

Из всех приведенных примеров видно, что прежде, чем отвечать на вопрос, можно ли сохранить сельские традиции, надо понять: кому это нужно? Субъектов множество: местное население (причем у разных поколений разная способность воспринимать и сохранять традиции), мигранты, городские дачники, туристы, бизнес, местные власти, государство, и, наконец, ученые.

Самым заинтересованными в культурных традициях остаются все-таки местные бабушки. Но времени для передачи традиций у них осталось мало, да часто и некому. Среднее поколение отчасти перенимает традиции, а молодежь – нет. По заинтересованности в сохранении сельских традиций к средневозрастному местному поколению близки и даже его превосходят, дачники в деревнях, которые тоже в основном среднего и пожилого возраста. Но набор интересующих их сельских традиций иной. Ученые, конечно, тоже заинтересованы в сохранении традиций, но со стороны. На другом конце – туристы, проезжающие или проплывающие по реке мимо. Они меньше интересуются традициями, им важна природа,

история. Экскурсанты едут от объекта к объекту, а между ними спят в автобусе, разве что купят что-то на память. Поэтому для них еще могут сохраняться ремесла, но чаще – «лубок». У региональных властей заинтересованности мало. Они хотят сохранить и восстановить сельское хозяйство, желательно – колхозы, да еще порой отдельные архитектурные памятники. А мигранты и бизнесмены озабочены своим хозяйством и плохо вписываются в местную среду.

Способны ли вкрапления горожан сохранить то, что не удается местному населению? Дачники отчасти спасают деревни, их обустройство, отдельные дома, но не сельское сообщество и не сельское хозяйство. Более того, по мере исчезновения в некоторых деревнях местного населения жизнь городских дачников тоже может стать проблематичной. Поскольку дачное население, несмотря на многочисленность, не учитывается статистикой, финансы муниципалитетам выделяют только из расчета численности постоянно зарегистрированного населения. Поэтому местные власти не заинтересованы в сохранении дорогой инфраструктуры ради сезонного населения. Да и психологически власти рассматривают горожан не как свое население, о котором надо заботиться. Причины этого отчасти связаны и с сомнениями в стабильности наблюдаемого в последние годы процесса сезонного дачного заселения деревень. Ведь в них стремится определенная прослойка интеллигенции среднего и малого достатка, чаще всего среднего и пожилого возраста. Столичная молодежь явно имеет другие ориентиры, предпочитая жить на благоустроенных подмосковных дачах или ездить за границу. Так что смены поколений может не произойти. Но главное, активные образованные горожане неудобны местным властям. Опросы в удаленных деревнях показывали гораздо более активную позицию дачников в отношении условий жизни. Более того, сельские традиции для дачников, приехавших в такую даль в том числе и ради некоторых из них, оказались важнее, чем для местных жителей. Это противоречит одному из главных тезисов чиновников, объясняющих свою нелюбовь к дачникам тем, что они разрушают сельские традиции (рис. 3.5.4).

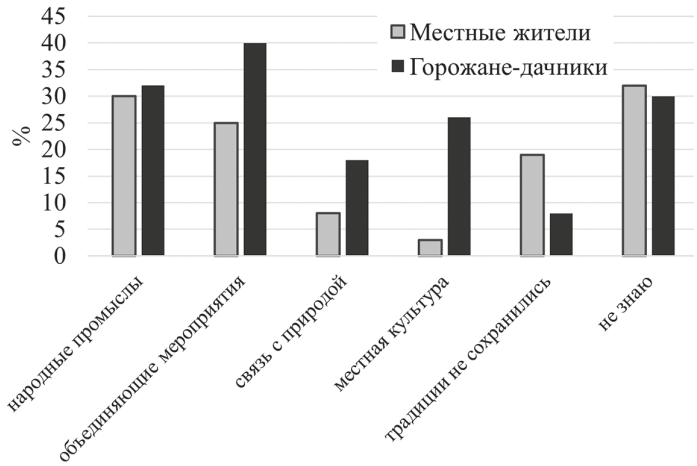

Рис. 3.5.4. Ответы респондентов на вопрос: «Какие местные сельские традиции надо сохранять?», % от числа опрошенных. *Источник*: (Нефедова, 2008а).

* * *

В российской ментальности понимание культурного центра страны и периферии менялось. Это нашло отражение и в подходах к сохранению культурных традиций. Перемены столичных ролей Москвы и Петербурга до сих пор находят отражение в восприятии и сохранении их исторического и культурного наследия. Очагом концентрации материальной культуры за их пределами и прежде, и теперь считаются староосвоенные территории Суздальского ополья и вокруг него, что отражает популярность Золотого кольца России к северо-востоку от Москвы. Что касается культурного ландшафта, традиций и ментальной культуры, то многое зависит от локального местоположения и степени депопуляции городов и сельской местности. Усиление поляризации пространства «придвинуло» периферию ближе к историческим центрам развития, некоторые из которых сами становятся периферией.

В сельских районах Центральной России вне официального реестра памятников истории и культуры ситуация наиболее сложная. По соотношению возможностей и желаний разных групп населения, можно выделить четыре предполагаемых варианта сохранения культурного ландшафта и наследия в сельских районах (Нефедова, 2017б):

1. Местные жители хотят, традиции можно сохранить (тип хозяйства, жилища, промыслы, обычаи). Это оптимальный вариант, характерный для не сильно удаленных от больших городов мест, где еще сохранилось население, но в районах, где осталось преимущественно старшее поколение, он вряд ли возможен.

2. Местным жителям все равно, но можно сохранить тип застройки, усадьбы и т.п. Здесь работают внешние импульсы (в том числе бизнес, власти, дачники), хотя есть опасность рьяной, далекой от традиций, реконструкции.

3. Местные жители хотят, но сохранить нельзя (уход традиционных видов деятельности, потеря трансляции духовного и материального наследия из поколения в поколение).

4. Оставшиеся немногие местные жители уже не хотят, и сохранить нельзя (в районах наиболее сильной депопуляции или притока мигрантов).

Всегда есть конфликт внутренних и внешних интересов и конфликт между интересами разных социальных групп. Дело не только в сохранении культурных ландшафтов и традиций, жизнь должна меняться. Инновации не противоречат традициям. Главное, чтобы инновации хотя бы частично укладывались в оболочку традиций или не отвергали традиции конкретного места.

Глава 3.6. Вопросы и предварительные выводы

Пора приподняться над фактами поляризации, сжатия освоенного пространства и его демографического запустения и поставить вопросы научно-практического характера. Ответы совсем не очевидны, в том числе для авторов.

Что же делать?

Попробуем выяснить, как можно или нужно отнестись к поляризации и сжатию в рамках обычного российского вопроса – «Что делать?», вскользь затронув другой: «Кто виноват?» Надо ли что-то предпринимать?

Негативное отношение к названным процессам есть на обоих полюсах. Теряющая население, земли, деньги периферия видит в этом катастрофу социального опустынивания и забвения («нас бросили», «Москве не до нас»), потерю наследия в его самом широком смысле –демографическом, хозяйственном, культурном. Отсюда призывы в некоторых СМИ к «размосквичиванию» России, ведь страна куда больше и важнее столицы. Центрам тоже несладко, там сжатие воспринимается как перегрузка, переуплотнение (сколько может расти Москва?), как «понаехали тут» и т.п. В этой связи кому-то нравится другой лозунг: «расстоличивания Москвы», за которым скрыта надежда, что без столичных функций она перестанет «пухнуть». У экспертов и чиновников, в отличие от широкой публики, мнения бывают другие и самые разные.

Можно выделить четыре основных варианта оценки ситуации (а также сценария событий) и соответствующей политики (Нефедова, Трейвиш, 2020).

Первый: не делать ничего. По-французски, laissez-faire – пустить на самотек, а жизнь разберется, и, быть может, повернет вспять. Мы ведь знаем, что урбанистические тела расширяются: город вырастает в агломерацию, а она – в более сложное образование типа мегалополиса (Махрова и др., 2016; Трейвиш, 2021). С другой стороны, при дефиците демографических ресурсов, росте доступности территорий и выравнивании условий жизни урбанизация рано или поздно затухает, переходя в свою противоположность – дезурбанизацию. Вот и подождем, пока то, другое или все вместе не произойдет само собой.

Проблема в том, что сеть больших городов в России редкая. Расчетное среднее расстояние ближайшего соседства превышает 300 км. Даже в ЦФО – более 100 км. Без Московской области (с ее 44% городов округа) – это 160 км. В ядре Евросоюза вдвое меньше: 80 км, от 45 км в Нидерландах до 115 км во Франции. Какая разница, 80 или 160 км? Немалая! Радиус пригородов составляет около 30 км, полупригородов, также испытывающих влияние города, – 60 км, в среднем примерно 40 км. Поэтому в зарубежной Европе они сомкнутся на прямой линии между городами-ядрами. В центре России половина пути в 160 км остается вне очагов концентрации населения и развития, а люди в этих промежутках живут. Так, в Центральном районе вне Московской области, с учетом зон влияния на окружающую территорию, не хватает, как минимум, 10 больших городов, а в освоенной части всей Европейской России – 64 городов (Нефедова, 2013а). Можно спросить: как же США, Китай, другие обширные страны, где большие города

разделяют не менее 100–150 км? Тут очень важен транспорт. Высокоскоростное наземное движение у нас есть между Москвой и Санкт-Петербургом и мало где еще. Скоростных дорог недостаточно, должны быть доступные подъезды к ним и вообще хорошие дороги между всеми населенными пунктами, чего о России, даже в Центральном районе, не скажешь. Воздушное сообщение с 1990 г. тоже сжалось к столичному узлу (Тархов, 2018). Так что первая причина, требующая неотложных действий, – не просто разреженность городского социально-экономического пространства, но и его слабая связность.

Вторая причина – централизация управления, о которой уже шла речь, а также особая роль административной и столичной ренты, как следствие концентрации элит и выгод для бизнеса, политических, творческих и прочих карьер. Даже рядовая жизнь может быть связанна с близостью к центрам принятия решений (Зубаревич, 2012) и обслуживания. Пока это продолжается, в регионах будут расти в основном их центры, а в стране в целом – Московский столичный регион.

Третья причина в том, что с некоторых пор Россия не совсем повторяет западные стадии урбанизации и может не дождаться ее разворота. Массовая дезурбанизация наряду со стягиванием в города постоянных жителей у нас давно идет в особом дачном виде или, как говорят западные коллеги, на базе второго дома (Second …, 2013; Между …, 2016; и др.). Это связано с сезонностью климата, глубиной дачной традиции, теснотой городских квартир и широтой функций наших дач, включая чуждую западным странам подсобно-аграрную для самоснабжения, если продукты дефицитны или резко дорожают. Дача – это жилая и земельная недвижимость, то есть собственность, отдых с близостью к природе, место для основных или альтернативных занятий (хобби) в иной среде, убежище от суеты, ритмов и рисков мегаполиса, что наглядно подтверждают факты временной самоизоляции городских семей именно на дачах в весенне-летне-осенний период пандемии COVID-19[51].

Второй вариант, еще более радикальный в отношении слабеющей периферии, – ускорение сжатия хотя бы ради экономии бюджетных средств. Разновидность этой линии – ставка на развитие только крупных агломераций, «ведь периферия-то безнадежна и никому не нужна». В теоретическом плане это воплощается в концепции поляризованной биосферы (Родоман, 1974, 2004), в которой внутренняя периферия между большими городами представляет собой природные ландшафты с увеличением доли естественной растительности на границах муниципальных районов. В кабинетах тоже могут так думать и уже начинают говорить, и это, как ни странно, роднит их обитателей с «зелеными» экстремистами. Пусть уж лучше на периферию вернется дикая природа, создадим особо охраняемые территории, они усилят позиции России как великой экологической державы, донора всей планеты. Хотя этот актив слабо капитализирован, экономически малозначим, что-то меняется (начиная с Киотского протокола), и дело, видимо, идет к тому, что на природном капитале и экоуслугах можно будет зарабатывать.

На практике в последние годы по сути реализуется этот вариант. Укрупняются сельские поселения, создаются городские и муниципальные округа, что ведет к

[51] См. Главу 4.9. Год COVIDa – миграционный разворот?

ликвидации части социальной инфраструктуры: малых школ, больниц, клубов. Более того, к северу от Московской области, где много леса, местное начальство порой действует так, будто населения уже не осталось. На зарплату 25–30 тыс. руб. даже главе типового сельского поселения с семьей не прожить, и он подрабатывает лесом и промыслами: организует лесозаготовки, элитную охоту, рыбалку и т.п. Много людей для этого не требуется.

Конечно, этот сценарий встречает критику, и оппоненты говорят: ненужных земель у страны нет и быть не может. Мы просто не знаем, когда и кому они понадобятся. Это же не просто территории, а носители культуры и традиций, когда-то, между прочим, бывшие новациями, прославившими города, районы, всю страну. Среди этих земель сохранились исторические малые города. Миллионы там пока что живут, и лучше их удерживать, потому что руины и пустыри без социального контроля дичают, притом дичают опасно, особенно рядом с еще обитаемым жильем. Они надолго остаются уже не культурными элементами ландшафта, но еще и не природными, приютом маргиналов, бомжей (и людей, и зверья), уродливыми, часть из них сгорит. Скорее это ландшафты пустырные или мусорные.

Третий вариант: раз такое запустение нехорошо, надо его тормозить, както сдерживать, смягчать его издержки, а не «бежать впереди паровоза». Инструменты для этого, в общем, есть. Они могут быть затратными, как введение периферийных льгот и надбавок по типу северных, придуманных в СССР, чтобы население не только ехало на Север подработать, но там и оставалось. Так же можно ввести периферийные льготы, потому что в глубинке жить тоже тяжело, а надо, чтобы там кто-то жил. Ведь всего в 100–150 км от Москвы можно найти участки настоящей глухомани. Но это немалые деньги.

Есть экономные средства, в том числе для сохранения социальной сферы. Опыт последних лет показал, что укрупнение школ, больниц и т.п. при объединении поселений и создании городских округов не решает проблемы местных жителей при российских расстояниях между населенными пунктами, плохих дорогах, часто недоступности интернета и т.п. Родители не готовы отправлять маленьких детей на школьном автобусе, который к тому же часто и главное средство передвижения для всех, за 20–30 км. К тому же младшие классы часто вынуждены ждать окончания уроков старшеклассников, чтобы вернуться домой. Такая усталость и для взрослого тяжела. А в деревнях, где была школа, часто живут учителя на пенсии, готовые за минимальную прибавку к ней научить детей читать, писать и считать не хуже, а то и лучше, чем школа. Пешком до ближней деревни – и то ближе, чем автобусом до центральной. С машиной, мотоциклом у родителя – считанные минуты. Такое применяется местами, например, в Татарстане, но в большинстве регионов нет. Проверять же знания можно в школе, как при экстернате.

Четвертый вариант: искать и поддерживать любую возвратную волну. Вряд ли дальние сельские районы Нечерноземья станут заметными очагами роста экономики. Но дачное освоение, своего рода реконкиста пустеющей глубинки горожанами, не позволяет списать их со счетов и доказывает наличие спроса на такие территории, особенно с привлекательными для горожан ландшафтами или историческими памятниками. Не повторяя былых аграрных и промышленных волн, эта дачная волна достигает мест удаленных и пока действительно мало

кому интересных, кроме самих дачников. Здесь важно, что дачи доступны разным слоям россиян при обилии их типов, местоположений и цен на них. Тут тоже не нужны особые затраты государства: люди их несут сами, а дорожную и другую инфраструктуру вообще-то надо развивать и так, с дачниками или без них. Тем не менее сезонное население необходимо знать и учитывать при планировании инфраструктуры. У дачного бума, как любого, есть теневые стороны, о которых нужно говорить отдельно, но это не повод его замалчивать. Между тем его фактически игнорируют стратегии и программы развития разного уровня, особенно федерального, да и регионального. В них много пишут о туризме, а о дачах, как правило, ничего. К ним вообще отношение легкое. Второй дом – он же не первый, что-то необязательное, подсобное. А ведь там, где есть население и спрос, хотя и сезонные, появляется бизнес, в том числе малый: торговля и услуги, строительство и ремонт. За ними в малые города – центры дачных районов – приходят крупные сети. Вместе с очагами модернизированного сельского хозяйства единичных горожан, готовых жить в деревне круглый год, с энтузиастами-фермерами, лесными промыслами все это новая постсоветская экономика. Она способствует и развитию туризма, особенно в местах с богатым культурным наследием, часто в виде инициатив местных жителей и горожан-дачников по созданию музеев, оформлению достопримечательных мест, организации экскурсий по памятным местам и т.п. Они могут удержать часть среднего и молодого поколения и привлечь горожан на более длительное проживание. А надолго ли – во многом зависит от политики федеральных и региональных властей.

В следующей части книги попытаемся показать в конкретных регионах, городах, муниципальных районах и даже в сельских поселениях, каковы последствия поляризации социально-экономического пространства староосвоенных регионов Центра России и какие сценарии в них реально реализуются.

ЧАСТЬ 4. АРЕАЛЫ РАЗВИТИЯ И УПАДКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ЯДРЕ РОССИИ

Глава 4.1. Путешествие по избранным маршрутам

Для более наглядного показа степени современной контрастности территориального развития в Центре России в данной главе применен особый подход к анализу информации на основе «хирургических разрезов» через Москву по муниципальным образованиям (Нефедова, 2020). Это старый, но сейчас нечасто применяемый прием (Махрова и др., 2008; Путешествие …, 2015, т. 1, 2; и др.). Первый профиль включает маршрут от Санкт-Петербурга до Москвы и далее до южной границы Тульской области. К нему добавлен профиль вдоль основных транспортных магистралей от юга Калужской области до северо-восточных окраин Костромской области. Оба маршрута вместе напоминают на карте лучи в виде буквы «икс» и достаточно репрезентативны для выявления пространственных контрастов. Некоторое искривление конфигурации профилей обусловлено стремлением включить в анализ территории, которые в течение длительного времени были полигонами полевых исследований и натурных наблюдений. Профили укорочены на юге и удлинены на севере, так что включают территории, относящиеся в основном к нечерноземным староосвоенным регионам с характерным комплексом проблем.

Исследование основывалось на материалах переписей населения, статистики позднесоветского периода, данных сельскохозяйственных переписей 2002 и 2016 гг., а также данных Росстата по муниципальным образованиям за 2012–2017 гг. Объяснение статистических результатов опирается на знание конкретных территорий, полученное из полевых экспедиционных исследований и литературных источников.

Миграции населения как следствие и причина поляризации социально-экономического пространства

Современные миграции на постоянное место жительства отражают реакцию населения на социально-экономические контрасты (Нефедова, 2020). Они демонстрируют максимальную привлекательность Москвы для россиян (рис. 4.1.1). Вместе с международными мигрантами россияне в 2012–2017 гг. в среднем добавляли городу 95 тыс. чел. в год. Немного меньше (65 тыс. чел. в год) миграционная прибавка в Санкт-Петербурге.

Если рассчитать удельную прибавку населения в каждом месте на 10000 жителей, то максимальный прирост постоянного населения, в основном за счет выходцев из других регионов и отчасти за счет международных мигрантов, наблюдается в ближайшем Подмосковье от Солнечногорска до Подольска (рис. 4.1.2). Население отдают как сельская местность и малые города, так и крупные региональные центры (Тула, Тверь, Новгород). Зато они собирают выходцев из стран СНГ, а также из малых городов и деревень своих регионов. В остальных районах и городских округах вдоль профиля от Новгородской области до юга Тульской население вне главных городов и пригородов пополняют только международные мигранты.

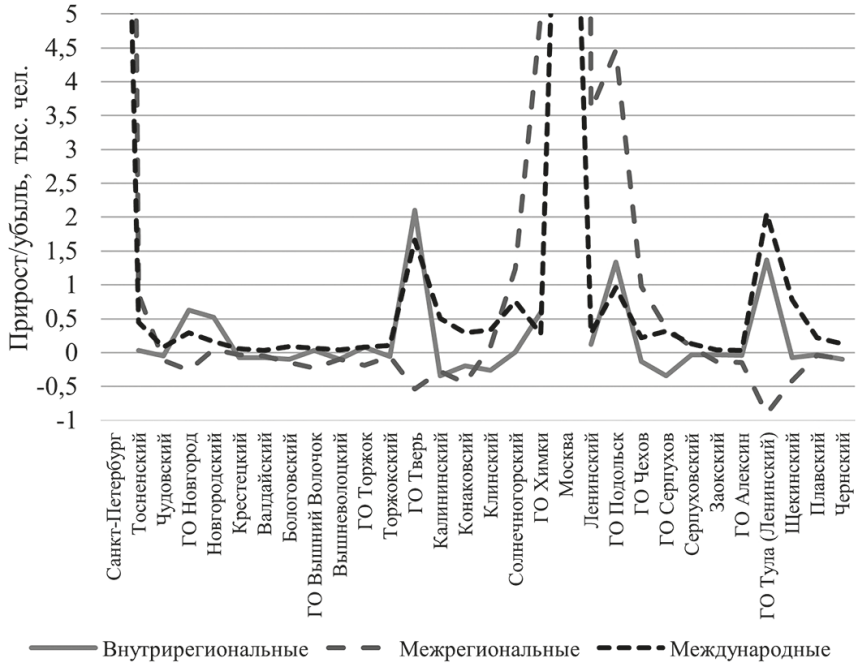

Рис. 4.1.1. Профиль 1. Миграционный прирост (убыль) населения в муниципалитетах в среднем за 2012–2017 гг., тыс. чел. *Составлено* по: (Нефедова, 2020).

Еще контрастнее картина вдоль второго разреза от Калужской области через Москву к Ярославской и Костромской областям. Отток местного населения из южных районов Калужской области перекрывает приток международных мигрантов (рис. 4.1.3). Калуга и Обнинск наиболее аттрактивны как для международных мигрантов, так и для жителей своего региона. При этом миграционный баланс Калуги отрицательный, в том числе в пользу Москвы и Подмосковья. Кострома «держится» за счет мигрантов из своего региона и международных. От других региональных столиц отличается Ярославль – крупнейший город в окружении Москвы, который притягивает мигрантов из соседних регионов, являясь по существу межрегиональным центром.

Наибольшие удельные прибавки мигрантов из своего региона на 10000 жителей на профиле 2 также характерны не столько для региональных центров, сколько для их пригородов (рис. 4.1.4). В отличие от территории между Москвой и Санкт-Петербургом, где небольшие города вдоль автотрассы (Вышний Волочок, Торжок) остаются привлекательными хотя бы для местных сельских жителей, их аналоги на втором разрезе потеряли привлекательность для населения. Это касается Калужской области, кроме ее северной части между Калугой и Москвой, и особенно Костромской. Для последней характерны самые сильные миграционные потери (при еще большей естественной убыли стареющего населения) восточнее Судиславля. Только Шарья при сильной удаленности (664 км от Москвы и 350 км от Костромы) и западном эксцентриситете областной столицы не очень успешно пытается играть роль второго центра на востоке области.

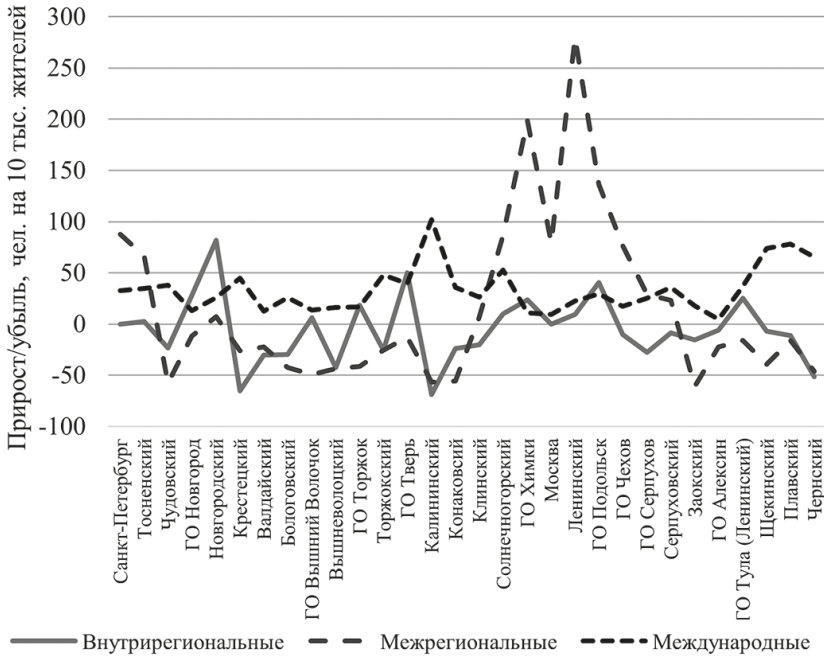

Рис. 4.1.2. Профиль 1. Миграционный прирост (убыль) населения в муниципалитетах в среднем за 2012–2017 гг., чел. на 10000 жителей. *Составлено* по: (Нефедова, 2020).

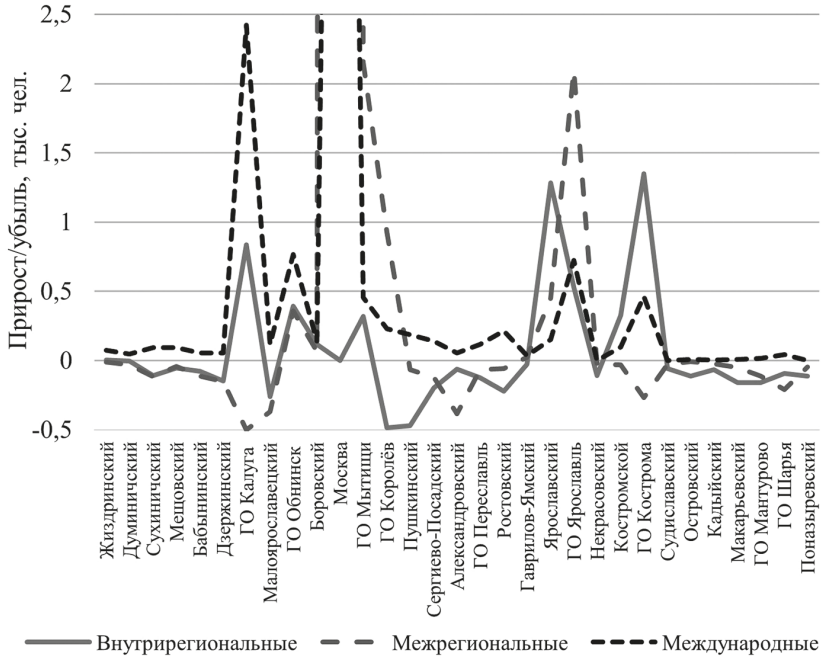

Рис. 4.1.3. Профиль 2. Миграционный прирост (убыль) населения в муниципалитетах в среднем за 2012–2017 гг., тыс. чел. *Составлено* по: (Нефедова, 2020).

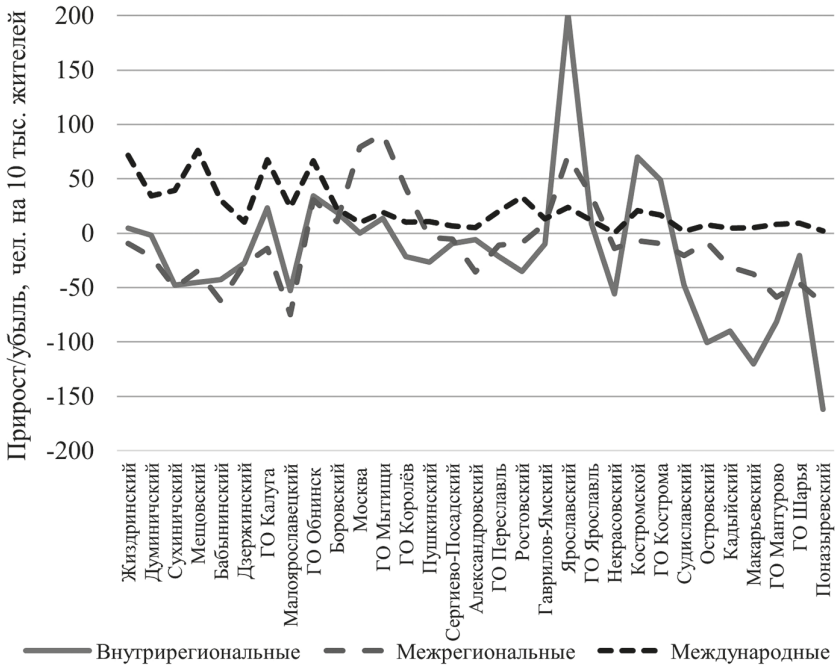

Рис. 4.1.4. Профиль 2. Миграционный прирост (убыль) населения в муниципалитетах в среднем за 2012–2017 гг., чел. на 10000 жителей. *Составлено* по: (Нефедова, 2020).

Таблица 4.1.1. Временные трудовые миграции и занятость населения в Центре России, 2017 г.

Регион	Занятые в возрасте >15 лет, тыс. чел.	Отношение числа трудовых мигрантов из других регионов к численности занятых, %	Отношение числа трудовых мигрантов, уезжающих в другие регионы, к численности занятых, %
Москва	7095	20,9	0,3
Санкт-Петербург	2998	8,4	0,2
Профиль 1			
Ленинградская область	945	2,1	20,8
Новгородская область	301	1,1	5,0
Тверская область	657	0,7	7,5
Московская область	3966	5,1	19,3
Тульская область	761	0,6	9,5
Профиль 2			
Калужская область	517	1,0	5,2
Московская область	3966	5,1	19,3
Ярославская область	627	1,1	2,6
Костромская область	310	0,8	4,8

Источник: (Итоги …, 2019).

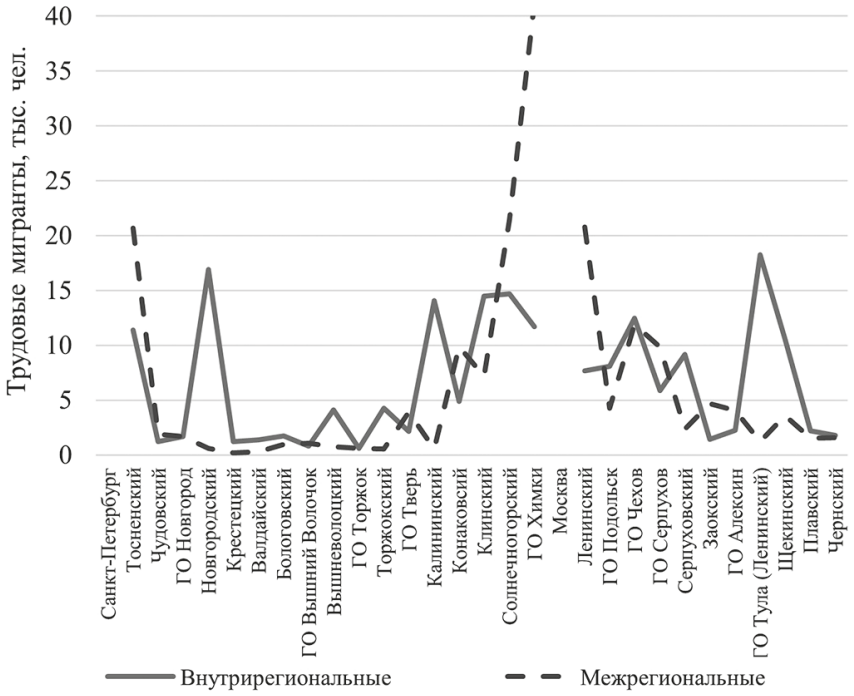

Рис. 4.1.5. Профиль 1. Численность российских трудовых мигрантов (без Москвы и Санкт-Петербурга), работающих вне места проживания, тыс. чел. в год. *Составлено по*: ВПН-2010.

Трудовые миграции были типичны для Центра России еще в XIX – начале XX вв.[52] Главное отличие современного отходничества в том, что оно охватывает как сельское население, так и жителей малых и средних городов. Изучение таких миграций затруднено из-за отсутствия их официального учета по дробным муниципальным единицам. Росстат дает такие оценки в разрезе регионов. По этим данным можно представить в регионах вдоль рассматриваемых профилей относительные потери и прибавку рабочей силы (табл. 4.1.1).

Попытки распространить выборочные исследования на всю страну давали большой разнобой оценок (Великий, 2010; Гуриев, 2010; Плюснин и др., 2013). По нашим данным в сельских районах Костромской, Ярославской, Новгородской областей доля отходников колебалась от 5 до 30% населения в трудоспособном возрасте и зависела от близости района к крупному центру, транспортной доступности, возраста жителей, состояния местной экономики (Путешествие …, 2015; Между домом …, 2016).

Пространственное распределение общей численности возвратных трудовых миграций вдоль обоих профилей по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в целом повторяет распределение миграций на постоянное место жительство, только цифры на порядок больше (рис. 4.1.5).

Помимо Москвы, привлекающей ежегодно 1,5 млн чел., Санкт-Петербурга (250 тыс. чел.) и ближайшего Подмосковья движение трудовых мигрантов внутри

[52] См. Главу 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы.

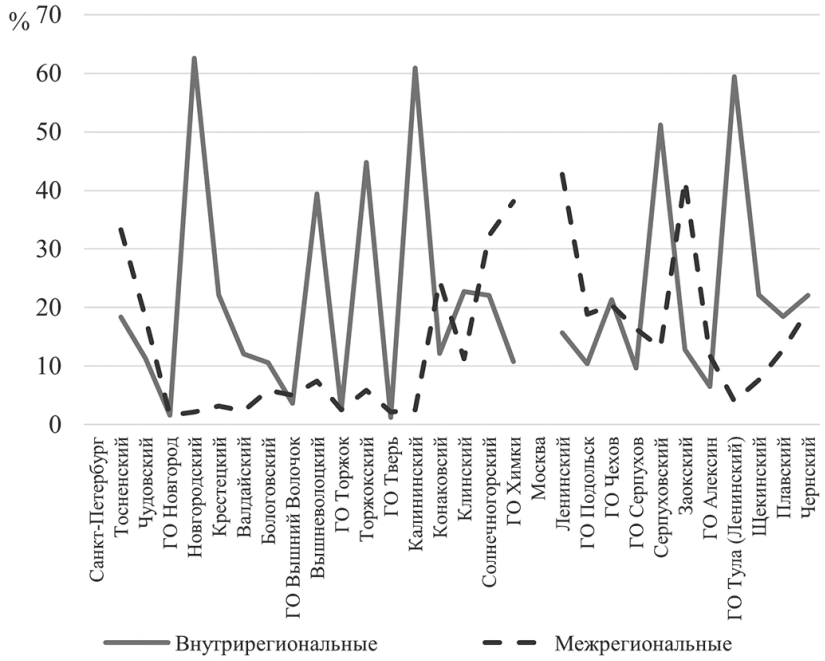

Рис. 4.1.6. Профиль 1. Отношение численности трудовых мигрантов, работающих вне места проживания, к числу занятых, %. *Составлено по*: (Нефедова, 2020).

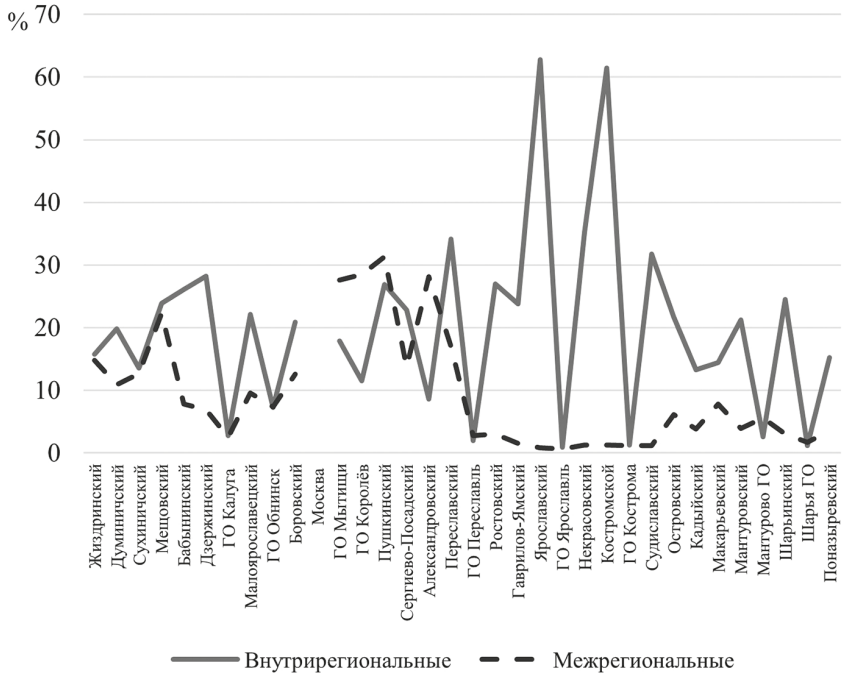

Рис. 4.1.7. Профиль 2. Отношение численности трудовых мигрантов, работающих вне места проживания, к числу занятых, %. *Составлено по*: (Нефедова, 2020).

регионов направлено, как и миграции на постоянное место жительства, в пригороды областных центров, в том числе благодаря более низким, чем в городе, ценам на жилье, хотя значительная часть и тех, и других работает в городах-центрах. При этом потоки мигрантов на работу в Московскую область и Москву нарастают при приближении к ним. Те же закономерности характерны и для муниципалитетов по профилю 2. Расчеты отношения численности трудовых мигрантов к числу занятых в месте работы показали, что на межагломерационных отрезках небольшие города отчасти сохранили роль работодателей (рис. 4.1.6, 4.1.7**)**, а в сельской местности ситуация почти катастрофическая: половина населения и более работает вне места проживания, хотя и в своем регионе.

Направления миграций связаны с разными периодами в жизни людей (Между домом …, 2016). Городских детей на лето часто отправляют на природу на дачи или к бабушкам. Подростков родители из глубинки нацеливают на учебу в городе. Молодежь ориентирована на крупные города (Карачурина, Мкртчян, 2016; Мкртчян, 2018). Среднее поколение готово жить в деревне или небольшом городе, если есть работа и достойная зарплата: это опора периферийных районов, но смены ему пока нет. В качестве жителей, а иногда и работников, перспективны молодые пенсионеры, в том числе городские, особенно те, что готовы вернуться в места своего детства или устали от города. Однако в более преклонном возрасте они возвращаются в городские квартиры из-за слабости медицинского обслуживания, дополнительно разрушенного кампанией по объединению поселений, и бытового неустройства в сельской местности.

Экономические изменения и поляризация пространства

Профиль 1: *от Тосненского района Ленинградской области до Чернского района Тульской области.* Главное отличие северо-западного сектора в том, что он не уходит к краю «ойкумены» староосвоенного Центра, как другие северные и северо-восточные сектора, а упирается во второй по численности населения центр России – Санкт-Петербург, на протяжении значительных исторических этапов игравший роль главного города страны. Во многом это определяло судьбу территории между двумя столицами.

Ограничения размещения в XVII в. энергоемких производств вблизи обеих столиц способствовали концентрации между Москвой и Петербургом стекольных, фарфоровых, железоделательных производств (Путешествие …, 2015, т. 1, с. 147). В XIX в. в Твери и Вышнем Волочке строились текстильные предприятия, использовавшие местный лен. Они обеспечивали занятость не только городским жителям, но и сельским надомникам и отходникам, несколько сглаживая социально-экономические контрасты. В XX в. к ним добавились машиностроительные и химические заводы, а с 1980-х годов – предприятия электронной, в том числе оборонной промышленности, вызвавшие бурный рост областных центров (рис. 4.1.8). И сейчас Новгород концентрирует 52% населения своей области, а Тверь – 44 %.

Расстояние между двумя столицами во многом повлияло на судьбу регионов между ними в XX в.: Москва и Санкт-Петербург расположены слишком далеко друг от друга (635 км по прямой и 712 по автотрассе), чтобы влиять на всю межстоличную

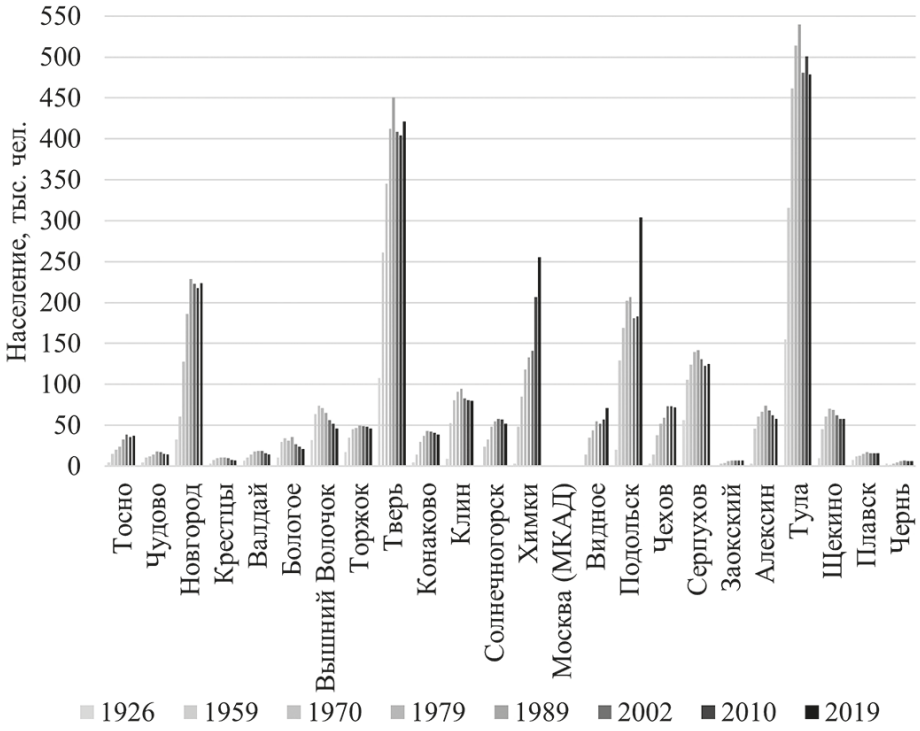

Рис. 4.1.8. Профиль 1. Изменение численности населения в районных и областных центрах с 1926 по 2019 гг., тыс. чел. *Источник*: (Нефедова, 2020).

территорию, но слишком близко, чтобы вытянуть из нее население за пределами пригородных Московской и Ленинградской областей (Путешествие …, 2015, т. 1).

Тверская и Новгородская области представляют собой классический пример внутренней периферии (Каганский, 2001; Родоман, 2012; Нефедова, 2013а), причем – полимасштабной. Помимо пригородов Москвы и Санкт-Петербурга, в каждой из этих областей есть свой пригород, который вместе с региональным центром собирает остатки населения, не уехавшего в столицы. При этом скоростной транспорт, первый в стране, связывая крупнейшие центры, мало доступен местным жителям с учетом редких остановок, часто – из-за отсутствия подъезда к ним и особенно из-за низких доходов населения. Более того, введение скоростного сообщения между столицами ухудшило местное транспортное обслуживание.

Важной особенностью межстоличной территории стало то, что помимо центров регионов, между Москвой и Санкт-Петербургом нет большого города: вместо него существует россыпь малых городов, население которых постоянно уменьшается. Они окружают национальный парк Валдайский с определенными ограничениями развития поселений, что только усугубляет их глубинность. Тем не менее это одна из наиболее экологически привлекательных территорий Нечерноземья.

1990-е годы сделали многие фабричные районы и целые поселки к северо-западу от Московской области зонами бедствия. В крупных городах удавалось пре-

вращать отдельные старые промышленные корпуса в торговые центры, что отчасти решало проблемы с занятостью населения, но большая их часть осталась в руинах. Некоторые старейшие предприятия после ряда банкротств пытались менять ассортимент продукции (Вышневолоцкий хлопчатобумажный комбинат и др.). Частично сохранились и модернизировались стекольные предприятия, хотя от многих остались лишь уникальные музеи. Гораздо хуже положение тех предприятий, что производили электронику. В результате значительная часть местного населения лишилась работы.

Новые предприятия, появление которых связано с приходом иностранных инвестиций, вдоль северо-западного луча ориентированы на высокотехнологичное использование древесных ресурсов (Чудово, Торжок, Новгород) с небольшим количеством занятых и их жестким отбором. В наибольшей степени инвестиции тяготели к центрам регионов и их пригородам. Возникали новые пищевые предприятия, использующие преимущества положения между столицами. Благодаря иностранным инвестициям появились новые заводы строительной техники, а в Клинском и Солнечногорском районах под Москвой – заводы строительного стекла. Это стягивало в них население. Но особенно быстрый его рост, сопровождавшийся строительным бумом, происходил в городах Московской области на северо-западе и на юге (рис. 4.1.8).

Бурный рост численности населения и новейшие виды освоения территории характерны для Твери и территории между этой региональной столицей и Москвой, чему способствовала относительная близость Твери к Московской области (60 км). Конкретным воплощением этой тенденции стало с. Завидово в Конаковском районе на границе с Московской областью, где на берегу Волги создана разнообразная среда притяжения для бизнеса, отдыха, спорта, развлечений с жилым комплексом. По сути, создается малый город новейшего типа с расчетным населением около 30 тыс. жителей (Путешествие …, 2015, т. 2, с. 244–246).

Пересечение границы Московской области вдоль северо-западного шоссе ощущается визуально и по резко усилившемуся трафику, и по насыщенности промышленными объектами. Клинский район – один из самых развитых в Московской области, хотя сюда заходит краем национальный парк «Завидово». После Клина вплоть до Москвы тянется зона почти сплошного промышленно-сельскохозяйственного и далее жилищно-дачного освоения, переходящая в районе Зеленограда и Химок в почти сплошную городскую застройку.

Южная часть профиля в Тульской области с XVII в. выделялась железоделательными заводами и оружейными мастерскими. В XX в. здесь развертывается масштабная добыча угля, достигшая максимума в 1960-х годах, что дало стимулы резкому росту индустриальной Тулы (рис. 4.1.8) и ее окрестностей. В постсоветский период болезненная трансформация тяжелой промышленности при ликвидации добычи угля (последняя шахта затоплена в 2010 г.) стимулировала отток населения даже из самой Тулы, хотя она и остается крупнейшим металлургическим и машиностроительным центром области, концентрируя 43% ее городского населения.

Специфика сельской местности вдоль всего профиля, кроме южных лесостепных районов, исторически связана с мелкими хозяйствами и низкими урожаями на

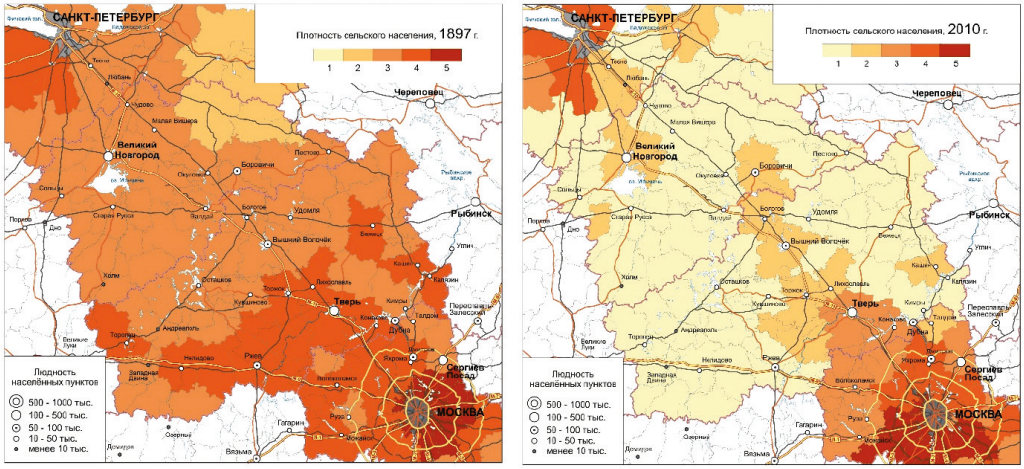

Рис. 4.1.9. Плотность сельского населения в административных районах, пересекаемых автомобильной и железной дорогами в 1897 и 2010 гг. по материалам переписей населения.
Источник: (Путешествие …, 2015, т. 1, с. 124–125).

скудных подзолах. В начале XX в. на северо-западе до трети крестьянских наделов занимал лен, который из-за трудоемкости обеспечивал круглогодичную занятость крестьян. При этом небольшие городки Вышний Волочок и Торжок выполняли роль организаторов довольно плотно заселенной территории (до 30 чел./км^2) (Путешествие …, 2015, т. 1, 2,). В XXI в. к северо-западу от Москвы осталось менее 15–20% сельского населения начала XX в., при этом оно сгруппировалось ближе к Москве и Санкт-Петербургу. Более половины деревень здесь имеют менее 10 жителей или покинуты постоянным населением. Во внутренней периферии между столицами возник очаг очень сильной сельской депопуляции и демо-экономического опустынивания (рис. 4.1.9).

При общем сокращении агропроизводства ситуация благодаря животноводству благополучнее в Ленинградской и Московской областях, а также в пригородах Новгорода и Твери. Производство мяса по сравнению с 1990 г. увеличилось (рис. 4.1.10) именно в северной части профиля, ориентируясь на мощные рынки обеих столиц, правда, в основном за счет свинины и птицы. Благодаря агрохолдингам сельское хозяйство восстанавливается и в глубинке. Например, экономическую ситуацию в Крестецком районе Новгородской области заметно улучшило строительство двух крупных комплексов: птицеводческого (инвестиции из Белгородской области) и свиноводческого (инвестиции из Санкт-Петербурга) (Путешествие …, 2015, т. 2, с. 108–110). В межстоличной зоне наиболее ярко выражены тенденция концентрации агропроизводства, поскольку местное население не очень склонно к коммерческому сельскому хозяйству, а столицам с их огромным спросом и повышенной платежеспособностью требуется много продовольствия. Это и стимулировало инвестиции в сельское хозяйство. Например, районы, пересекаемые автотрассой и железной дорогой Москва – Санкт-Петербург в Тверской области, занимая 20% территории, концентрируют 41% сельского населения и производят 61% мяса и 33% молока (Путешествие …, 2015, т. 1, с. 140). Правда, в

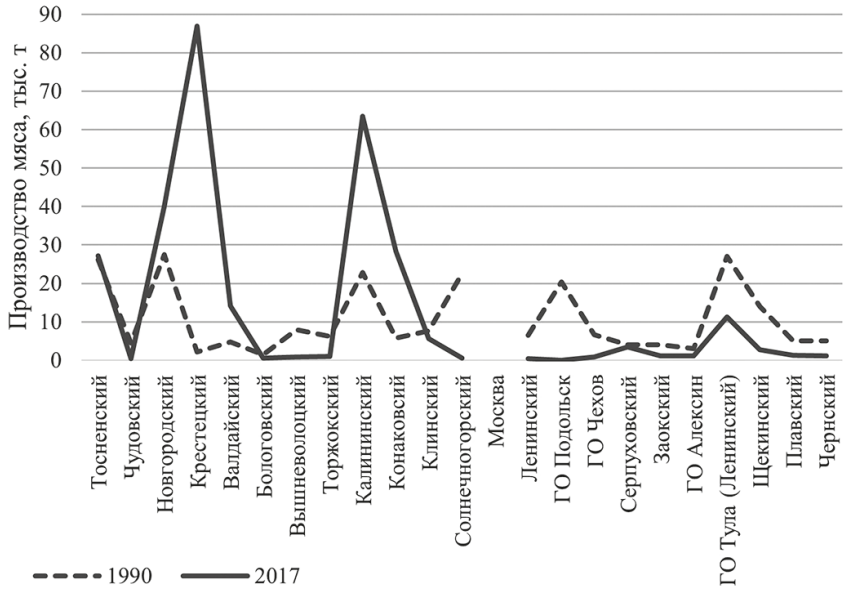

Рис. 4.1.10. Профиль 1. Производство мяса в 1990 и 2017 гг., тыс. т. *Источник*: (Нефедова, 2020).

значительной степени это происходит за счет пригородного Калининского и Конаковского районов, примыкающих к Московской области. При сокращении производства молока основными поставщиками также стали агрохолдинги с особыми технологиями, часто – без пастбищного выпаса скота. Вдоль всего профиля, как к северу от Москвы, так и к югу, в том числе на севере Тульской области, почти невозможно встретить пасущихся коров.

Типичный для этой территории лен также исчезает. Еще в 1990 г. из 418 тыс. га, занятых в России льном, на Тверскую область приходилась четверть, в 2018 г. из оставшихся 45 лишь 4,7 тыс. га, при этом около 2/3 льноволокна давал один Бежецкий район. Еще около 1,5 тыс. га в 2018 г. было засеяно льном в Новгородской области.

В 1990-е годы при сжатии вдоль рассматриваемого профиля растениеводства, производство зерна увеличилось лишь на его южном фланге в Тульской области в лесостепных Щекинском, Чернском и Плавском районах (рис. 4.1.11). Это отражает общую для Европейской России картину сдвига зернового хозяйства из лесных районов в более южные[53].

В отличие от юга Тульской области, где роль сельского хозяйства усилилась, в ее северной части (в Заокском и Алексинском районах) предприятия оказались в сложной ситуации. Концентрация инвестиций в Московской агломерации, и в меньшей степени в Туле, удаленной от Москвы на 180 км, создало между ними не полосу интенсивного развития, а своеобразную «дыру», откуда население уезжает в обе агломерации. В этих двух районах все острее проступают проблемы неукомплектованности рабочих мест, как в промышленности и сельском хозяйстве, так

[53] См. главы: 2.3. Старые и новые сельские тренды; 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства.

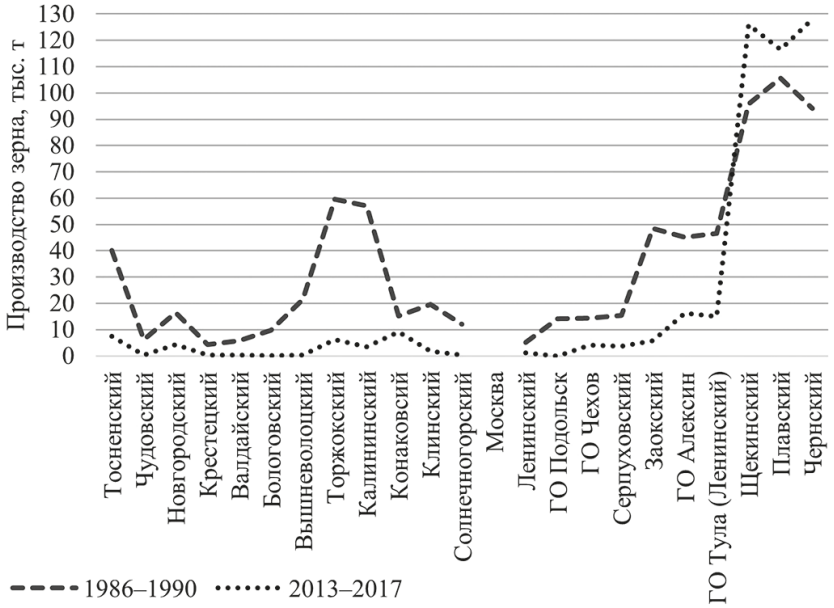

Рис. 4.1.11. Профиль 1. Производство зерна в среднем в 1986–1990 и 2013–2017 гг., тыс. т.
Источник: (Нефедова, 2020).

и в бюджетной сфере: врачи, медсестры, учителя едут в Московский столичный регион из-за того, что зарплата там в 2 и более раз выше (рис. 4.1.12). Подмосковные стройки, торговля, предприятия «Данон», «Ролтон» и другие на юге Подмосковья в последние годы держались на трудовых мигрантах из Тульской области, часть которых работает в маятниковом ежедневном режиме (из Заокского района до Серпухова – 30–40 мин на автобусе). По оценкам сельских администраций Заокского района, предприятия Московской области привлекают на работу 30–45% его экономически активного местного населения.

При этом, располагаясь вдоль р. Оки, оба района на севере Тульской области все больше превращаются в удаленные дачные пригороды Москвы. Оценки на основе роста товарооборота и удаления мусора показывают рост населения в сельской местности летом в несколько раз (Между домом …, 2016, с. 370). Значительную часть дачников не только в садовых товариществах и коттеджных поселках, но и в деревнях составляют москвичи, но только 3% из них живут в сельской местности круглый год.

Такая же интенсивность возвратных трудовых и дачных миграций характерна для северо-западной части профиля. Раздел влияния Москвы и Санкт-Петербурга проходит по Валдаю. В Конаковском, Торжокском и Вышневолоцком районах даже при появлении новых вакансий трудно найти работников, потому что значительная часть их населения при интенсивном транспортном сообщении трудится на отходе в Московской агломерации (Путешествие …, 2015, т. 1, с. 87–112). При этом значительная часть неформальной занятости как местного населения, так и международных мигрантов связана с обслуживанием дачников.

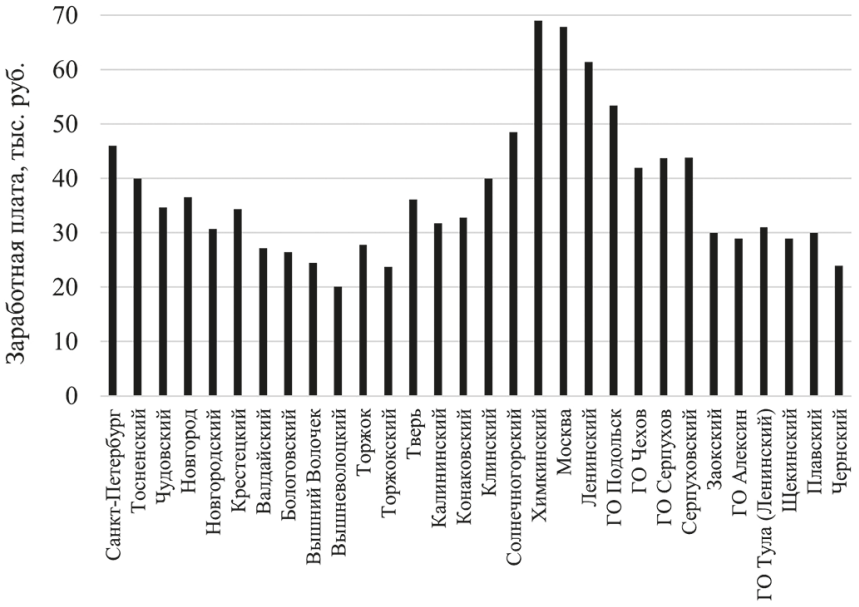

Рис. 4.1.12. Профиль 1. Уровень заработной платы в муниципальных образованиях, 2017 г., тыс. руб. *Источник*: (Нефедова, 2020).

Профиль 2: *от Жиздринского района Калужской* области до восточных окраин Костромской области. Социально-экономическая неоднородность территории Калужской области гораздо больше по сравнению с другими регионами связана с влиянием Москвы. Еще в советские годы в Калуге висел плакат, призывавший превратить ее в образцовый город Подмосковья. И ныне северная часть области в экономическом и рекреационно-дачном отношении представляет собой продолжение московского пригорода.

Дальние южные районы области, с которых начинается профиль, возглавляют малые города с населением от 4 до 15 тыс. жителей **(**рис. 4.1.13). Различие в выпуске подушевой промышленной продукции между, например, Боровским муниципальным районом на севере и любым районом вдоль этого профиля на юге достигает сотни раз, оборот розничной торговли и платных услуг населению различается в 3–10 раз[54].

Для Калуги характерен несколько запаздывающий по сравнению с другими региональными столицами рост (рис. 4.1.13), хотя еще в годы довоенных пятилеток здесь разместили машиностроительный, электромеханический, фанерный заводы, спичечную и швейную фабрики. После Великой Отечественной войны к ним добавился крупный турбинный завод и предприятия оборонной промышленности.

[54] Здесь не рассматривается южный промышленный Кировско-Людиновский район Калужской области – продолжение Брянского старопромышленного ареала, который находится в стороне от маршрута выбранной нами трассы. В начале XX в. там работали стекольные и фаянсовые предприятия, паровозостроительный завод. В советские годы на этой базе выросли машиностроительные предприятия, часть которых сохранилась до настоящего времени. Но население обоих городов, не дотягивающее до 40 тыс. жителей, продолжает сокращаться.

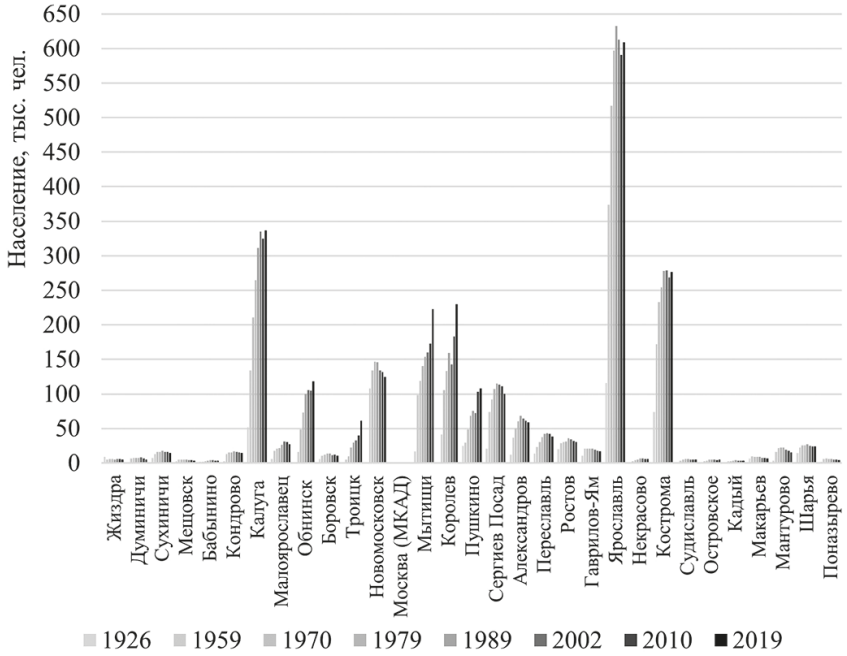

Рис. 4.1.13. Профиль 2. Изменение численности населения в административных центрах районов и областей с 1926 по 2019 г., тыс. чел. *Источник*: (Нефедова, 2020).

С 2000-х годов Калуга, Обнинск и районы между областным центром и Москвой, в отличие от севера Тульской области, стали зоной ускоренного развития, в том числе промышленного. Их отрыв от остальной территории области увеличился после расширения границ Москвы в сторону Калуги, которая оказалась всего в 80 км от нового порога столицы. В этой северной части области живет 75% ее населения (в том числе 44% в Калуге) и производится более 90% промышленной продукции. Именно эти районы сумели совершить рывок благодаря зарубежным инвестициям и во многом благодаря областной администрации, которая, в отличие от руководителей других регионов, сумела вовремя использовать выгоды географического положения рядом с емким московским рынком. На окраинах Калуги находятся три крупных индустриальных парка с более чем 10 тыс. рабочих мест (производство автомобилей и автокомпонентов, фармацевтика, транспортно-логистические центры). В Боровском районе у границы с Новой Москвой создан промышленный парк «Ворсино» с крупнейшим в ЦФО электрометаллургическим заводом нового поколения, предприятиями «Самсунг Электроникс» и др. Все это создает неожиданный эффект новейшей постсоветской индустриализации при выезде в Калужскую область из Троицкого округа Новой Москвы с его сельскими ландшафтами и лесами. Именно северные территории области стали главными аттракторами для российских и международных мигрантов (рис. 4.1.3). Они служат и промежуточной площадкой для мигрантов, стремящихся в Москву.

Малоярославецкий и Боровский районы, наряду с пригородным Дзержинским, стали и лидерами в производстве молока и мяса (рис. 4.1.14). Это не мешает

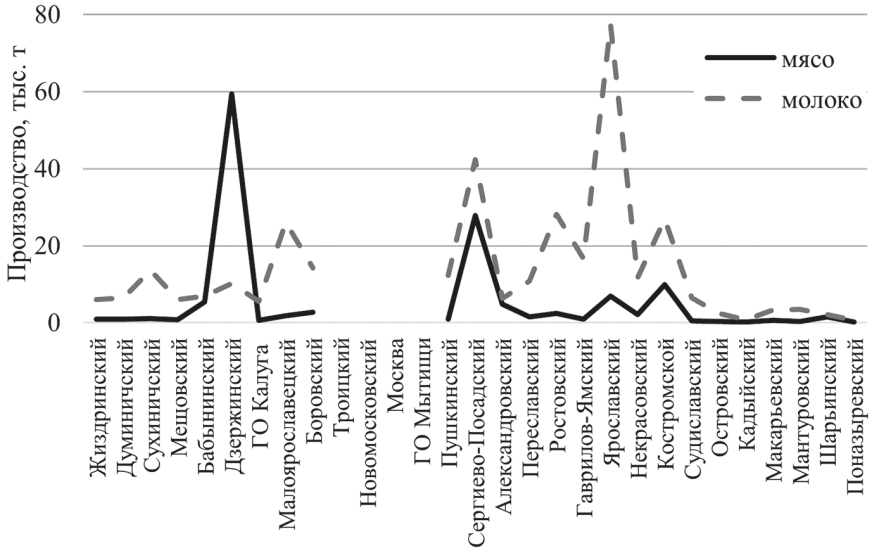

Рис. 4.1.14. Профиль 2. Производство мяса и молока, 2017 г., тыс. т. *Источник*: (Нефедова, 2020).

им оставаться весьма популярными у московских дачников, причем москвичей привлекает не только сельская местность, но и города: Боровск, Малоярославец, а на Оке – исторически дачная Таруса.

Районы в южной части второго профиля несмотря на то, что они характеризуются сравнительно неплохими природными условиями для ведения сельского хозяйства, испытали сильный кризис растениеводства (рис. 4.1.15). Доля посевной площади уменьшилась с 30–40 до 8–17%. В небольших старинных городках (Мещовск, Думиничи, Жиздра) центральные безлюдные площади с двух-трехэтажными каменными домами переходят в типичную сельскую застройку с огородами и колонками на пыльных улицах. И даже Сухиничи, как железнодорожный узел, не выделяется на этом сонном фоне.

К северу от Москвы профиль пересекает мощную агломерацию второго порядка, включающую почти слившиеся города: Мытищи, Королёв, Пушкино, Ивантеевку, Щёлково[55]. Вместе с Сергиевым Посадом она концентрирует 950 тыс. чел. или 15% городского населения Московской области. Вдоль шоссе это зона почти сплошной городской и дачной застройки с мощным промышленным потенциалом, особенно в Мытищах и Королёве, и с отдельными островками лесов и полей.

Пересекая северо-западный почти сплошь дачный угол Александровского района Владимирской области, профиль уходит в Ярославскую область. Река Волга, связи с Москвой и Санкт-Петербургом и обилие рабочих рук способствовали развитию здесь в советские годы промышленности (текстильной, химической, нефтеперерабатывающей, машиностроения), предприятия которой определили специализацию Ярославля[56]. В постсоветские годы при кризисе многих градо-

[55] См. Главу 4.2. Столичный регион: пример ускоренного развития.

[56] См. подробно в Главе 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

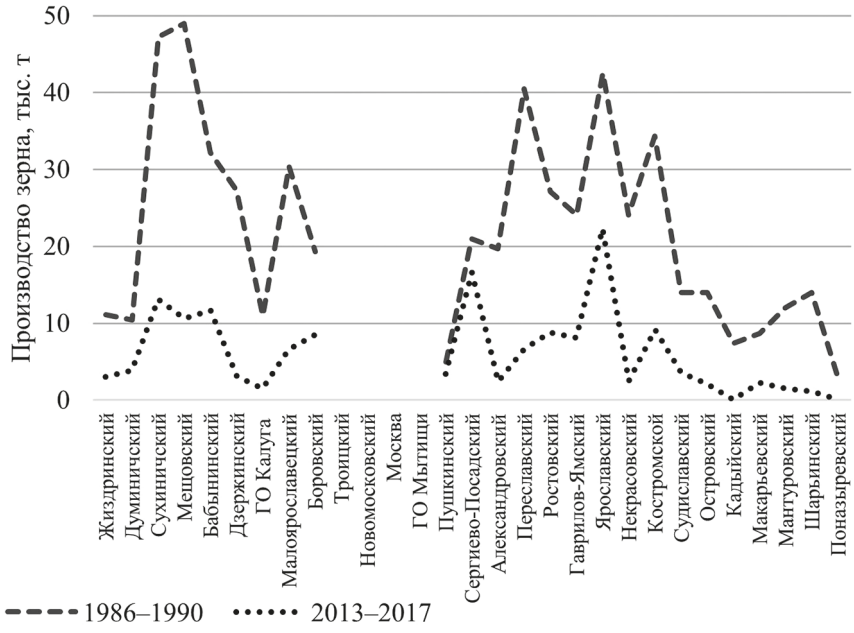

Рис. 4.1.15. Профиль 2. Производство зерна в советское и постсоветское время, тыс. т. *Источник*: (Нефедова, 2020).

образующих предприятий в малых городах Ярославль оказался в лучшем положении благодаря диверсифицированной экономике и административному статусу (рис. 4.1.13). Концентрируя 60% городского населения области, он остается единственным региональным центром в окружении Москвы с положительным сальдо не только внутрирегиональных, но и межрегиональных миграций российских жителей, как на ПМЖ, так и трудовых. При этом малые города вдоль профиля (Переславль-Залесский, Ростов, Гаврилов-Ям) теряют жителей. Тем не менее, исторически сложившаяся повышенная предприимчивость местного населения, попытки использования мощного исторического наследия по маршруту Золотого кольца России и обилие дачников способствуют развитию малого бизнеса, в том числе организуемого москвичами.

Костромская область – самая малолюдная и контрастная, примеру ее развития посвящена отдельная глава[57]. В Костроме текстильная промышленность была разбавлена во второй половине XX в. машиностроительными предприятиями. Обе отрасли оказались в тяжелом кризисе. За Судиславлем вдоль трассы Кострома – Киров малые города разделены десятками километров лесов. Лишь деревообработка, отдельные пищевые предприятия и социальная сфера частично поддерживают занятость в районных центрах.

Кризис сельского хозяйства в Ярославской и Костромской областях обозначился с 1970-х годах сокращением производства, сжатием землепользования вне пригородов и сильным сокращением сельского населения (Иоффе, 1990). Все муниципальные районы за пределами пригородов региональных центров продолжа-

[57] См. Главу 4.6. От Костромы до областных окраин.

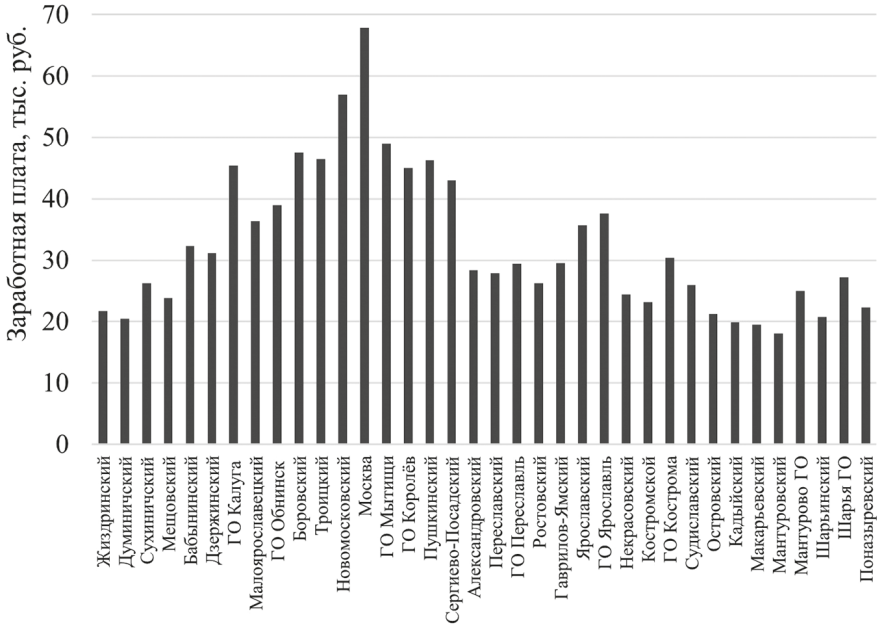

Рис. 4.1.16. Профиль 2. Уровень заработной платы в муниципальных образованиях, 2017 г., тыс. руб. *Источник*: (Нефедова, 2020).

ют терять сельское население, хотя и не такими темпами, как в советское время. Приток в сельскую местность и малые города обеспечивают лишь международные мигранты (рис. 4.1.3), причем, чем ближе к Московской агломерации или к крупным городам, тем их больше.

Современная трансформация сельского хозяйства во многом похожа на таковую в нечерноземных районах первого профиля. Выжили, в основном, хозяйства двух типов: получившие инвестиции из крупных городов, в основном из Москвы, что позволило им модернизировать производство, хотя и сократить занятость, и те немногие, руководители которых сумели приспособиться к новым условиям. При исчезновении традиционного льноводства и упадке производства зерна выросло производство мяса на крупных агрокомплексах также, как и производство молока (рис. 4.1.14, 4.1.15).

Вдоль второго профиля, также, как и вдоль первого, различия в предложении рабочих мест и контрасты в уровне средних зарплат между Москвой, Подмосковьем и крупными городами с одной стороны, и прочими муниципальным образованиям, с другой, достигают 3 и более раз (рис. 4.1.16). Объективная картина различий вдоль обоих профилей говорит о том, что это не чья-то злая воля. При стагнации экономики, отсутствии выбора при недостаточности рабочих мест и сложностях организации малого бизнеса (часто и неготовности к нему), люди вынуждены соглашаться на мизерные зарплаты. Альтернативой служат только миграции в крупные города.

Помимо занятости и зарплат немаловажную роль играет инфраструктурная обустроенность территории. Доля сельских населенных пунктов, к которым под-

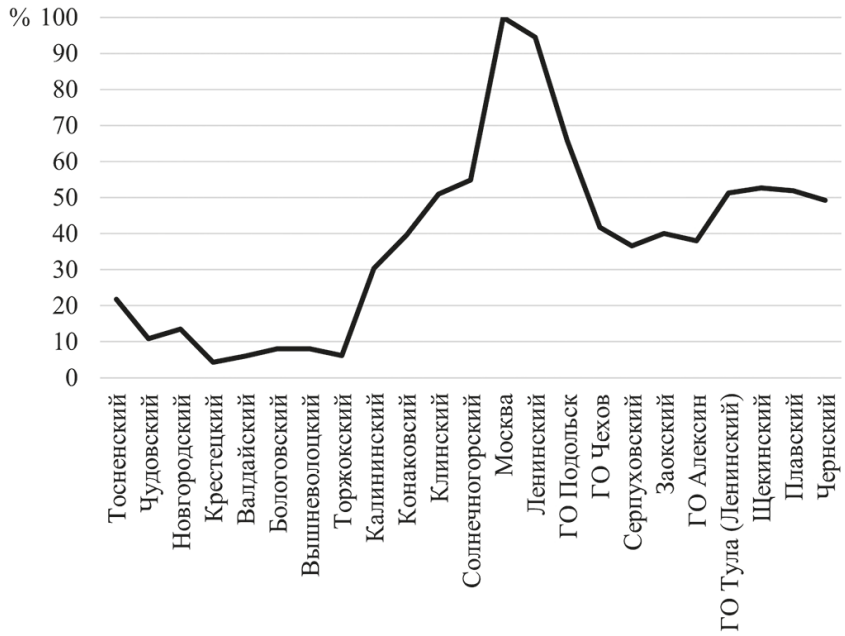

Рис. 4.1.17. Профиль 1. Доля населенных пунктов, к которым подведен сетевой газ, 2017 г., %. *Источник*: (Нефедова, 2020).

веден сетевой газ, вдоль обоих разрезов даже вблизи больших городов к северу от Московской области составляет 5–20%. К югу от Москвы при более крупноселенной сети уровень газификации населенных пунктов поднимается до 20–50% (рис. 4.1.17, 4.1.18). Почти такие же контрасты – в уровне обеспеченности сетевым водопроводом и канализацией. Не обеспечены инфраструктурой не только удаленные умирающие деревни, но часто и более крупные (от 100–200 жителей), в том числе современные или бывшие (до укрупнения) центры поселений. В Московской области ситуация лучше, но около половины населенных пунктов также не подключены к сетевому газу. Самостоятельное обустройство дома, даже если к населенному пункту подведена «труба», характерно лишь для отдельных домовладельцев, имеющих сравнительно высокие доходы. Чаще это горожане, купившие дома в деревнях как дачи, а также дачники в садовых товариществах, расположенных в пригородах. Отопление дровами и холодные туалеты в XXI в. при доступности интернета становятся неприемлемыми для сельской молодежи, что усиливает ее отток в города.

Сравнение обоих профилей показывает, что, несмотря на то что Тверь, Тула и Калуга расположены примерно на одинаковом расстоянии от столицы (около 180–190 км), пути их эволюции и постсоветской трансформации социально-экономического пространства между ними и Москвой различались. Путь к Санкт-Петербургу, на котором стоит Тверь, способствовал «заполнению» территории и слиянию Московской и Тверской агломераций. Тула (вместе с Новомосковском) была в советское время сильна и независима, стягивая на себя население и инвестиции,

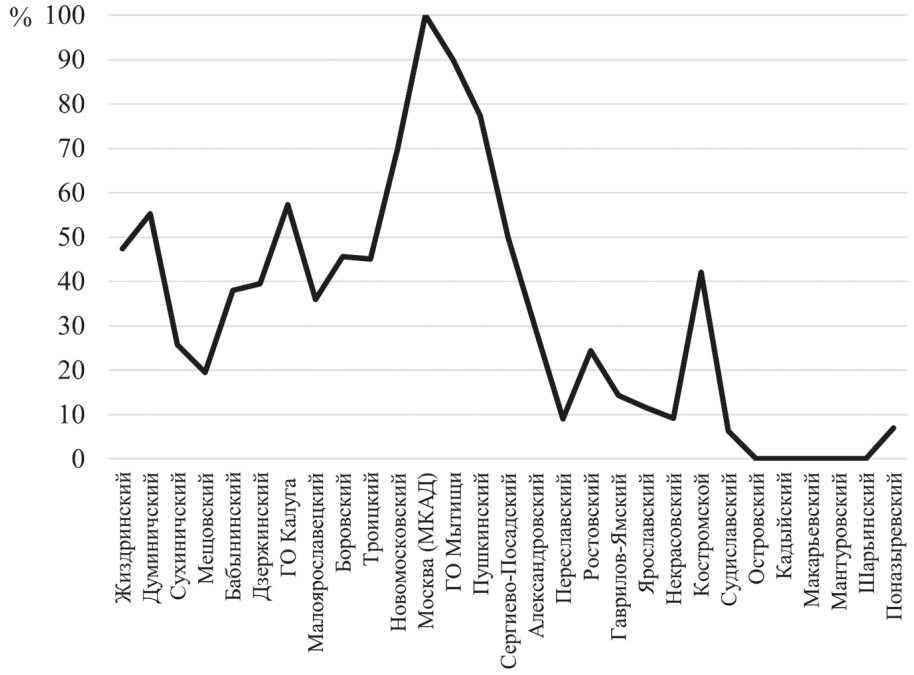

Рис. 4.1.18. Профиль 2. Доля населенных пунктов, к которым подведен сетевой газ, 2017 г., %.
Источник: (Нефедова, 2020).

пока ее угольно-металлургическая специализация не потеряла былую востребованность. Образовавшуюся социальную полупустыню между Тулой и Московской областью сейчас заполняют дачники. Успехи Калуги во многом связаны с гибкой и активной политикой региональной администрации, сумевшей вовремя привлечь иностранные инвестиции в наиболее востребованные производства и создать новые промышленные площадки у границы с Московской областью. Но лишь Ярославль, более удаленный от Москвы, как форпост на север, берет на себя роль межрегионального центра[58].

По обоим профилям ярко проявляются парадоксы сжатия пространства – коммуникационного и позиционного[59]: столицы регионов благодаря развитию транспорта и связи «сближаются» с Москвой, а глубинка между ними депопулирует, деградирует и территориально расширяется, приближаясь к крупным центрам. Влияние Москвы вместе с Санкт-Петербургом и региональными столицами, как опустошителей расположенной между ними территории, нарастает. Однако здесь есть мощный природный и культурный потенциал, востребованный бизнесом и миллионами жителей, в том числе имеющих дачи, о которых пойдет речь в следующем разделе.

[58] См. Главу 4.3. На северо-восток от столичного ядра.
[59] См. Главу 1.1. Староосвоенность как феномен пространственного развития.

Динамика сети садово-дачных поселков вдоль профилей

Показать распределение всех дачников в Центре России, включая обитателей организованных садово-дачных и коттеджных поселков, а также покупающих дома в деревнях для сезонного отдыха, не представляется возможным из-за недоступности данных их учета. Всероссийские сельскохозяйственные переписи 2006 и 2016 гг. предоставляют данные о числе владельцев и использовании участков только в садово-дачных товариществах, больше характерных для пригородов. Об этой части дачников и пойдет речь.

В начале 1990-х годов, практически одновременно с переходом к рынку, по всей стране произошло последнее масштабное предоставление населению дачных участков. По сравнению с 2006 г. к 2016 г. в целом сложившаяся сеть дачного расселения изменилась незначительно (Махрова, 2020). Однако при сокращении числа огороднических товариществ и росте количества дачных поселков (как правило, за счет новых коттеджных поселков, получающих преимущественно статус дачных) динамика этого процесса в территориальном плане была сильно дифференцирована и разнонаправленна (рис. 4.1.19, 4.1.20), что хорошо показывает пример муниципалитетов по рассматриваемым лучам.

Сильное влияние на дачное расселение Подмосковья оказала аннексия Москвой в 2012 г. значительной части Московской области, которая представляла собой слабо урбанизированные территории с мощной сетью дачного расселения. Это привело к взрывному росту числа поселков в столице и к их резкому сокращению в муниципалитетах области, попавших под перекройку границ. В целом в размещении поселков в Московской области прослеживается центр-периферийный градиент с обратным знаком: по мере удаления от столицы происходит рост числа поселков. В условиях острой конкуренции за земельные ресурсы дачная застройка проигрывает по своей прибыльности другим более «городским» функциям, прежде всего многоэтажной жилой застройке. Важным фактором служит и конфигурация границ Московской области, предопределяющая близость к Москве ряда территорий соседних областей, положение которых сравнимо со многими образованиями зоны дальних пригородов Подмосковья. По сути, они[60] представляют собой дальние пригороды столицы, формально расположенные за границами столичной области, а Заокский район Тульской области, Калининский и Конаковский (Кузнецовский) районы Тверской области с 1929 по 1935 г. даже входили в ее состав.

Уже отмечалось[61], что наиболее заметны влияние столиц и рост числа поселков там, где есть природные аттракторы, прежде всего реки, озера, водохранилища, которые притягивают к себе дачников, что приводит к появлению вдоль них зон концентрации садовых и дачных поселков. Привлекательность Конаковского и Калининского районов кроме Волги и множества других рек и озер усиливает Иваньковское водохранилище, а для Калининского района – и расположенный на его территории национальный парк «Завидово». В Заокском районе в роли маг-

[60] К их числу относятся Конаковский и Калининский районы Тверской области и Заокский район Тульской области, расположенные вдоль первого профиля, а также Боровский и Малоярославецкий районы Калужской области, Александровский район Владимирской области, городской округ Переславль-Залесский Ярославской области – по второму профилю.

[61] См. Главу 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам.

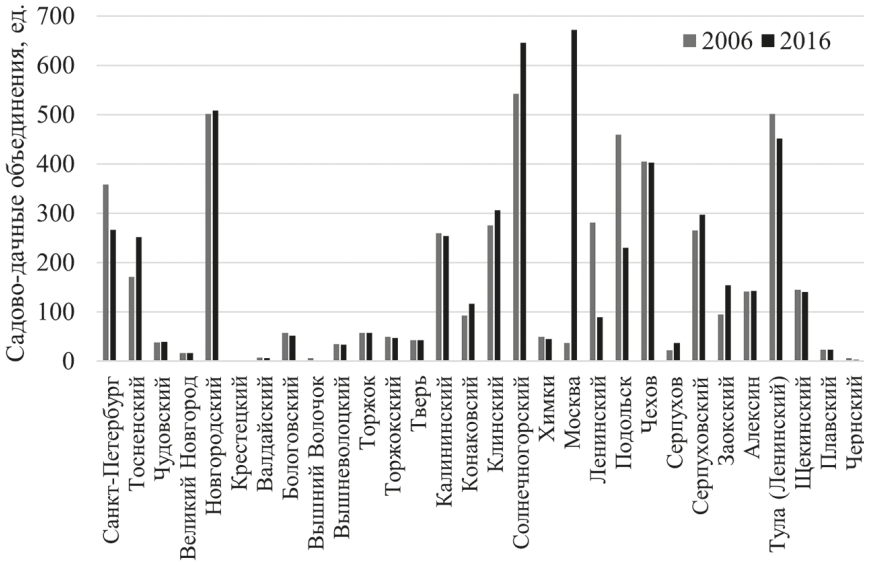

Рис. 4.1.19. Профиль 1. Динамика числа некоммерческих садово-дачных объединений, 2006–2016 гг., ед. *Источник*: (Махрова, 2020).

нита выступает Ока, в Переславле-Залесском – оз. Плещеево и одноименный национальный парк, в Ростовском районе – оз. Неро и множество рек. Из этих мест сложно ездить на работу в Москву каждый день, но для отдыха на даче в режиме выходных дней они очень востребованы, что при наличии территориальных

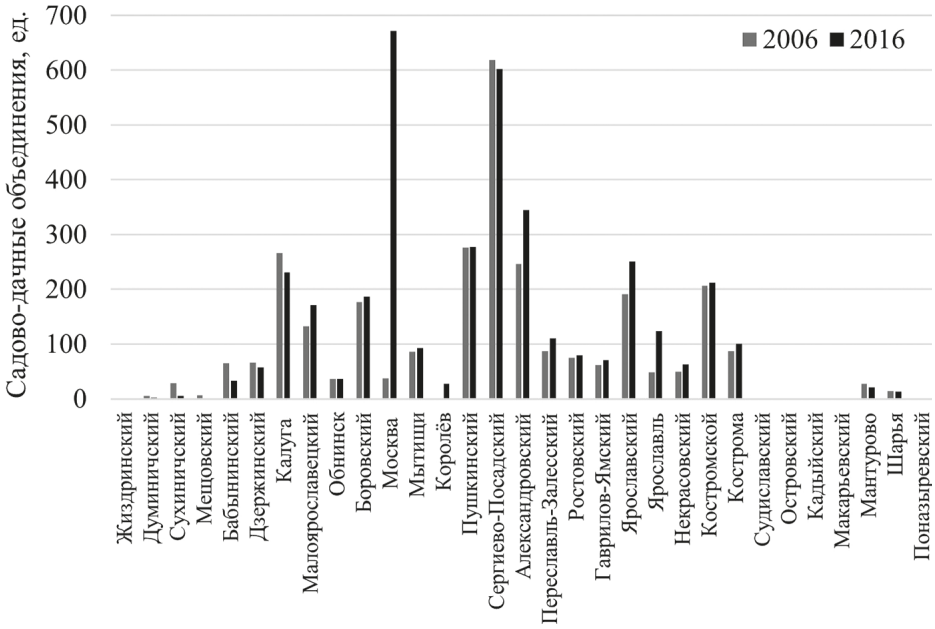

Рис. 4.1.20. Профиль 2. Динамика числа некоммерческих садово-дачных объединений, 2006–2016 гг., ед. *Источник*: (Махрова, 2020).

ресурсов привело к быстрому росту числа поселков, который происходил даже быстрее, чем в Московской области. Так, в Конаковском районе с 2006 по 2016 г. число садово-дачных объединений увеличилось с 93 до 116, а в Заокском районе – с 95 до 154.

В пригородах областных центров сеть дачного расселения (по обоим лучам) оказалась довольно устойчивой, хотя до показателей столичных пригородов им далеко. В Новгородском районе число поселков сократилось на 5%, в городском округе Тула, включая бывший Ленинский район, – на 10%, в Щекинском районе, входящем в Тульско-Новомосковскую агломерацию, – на 4%. Существенное увеличение числа объединений показал Ярославский район (31%).

Принципиально иная ситуация характерна для малых городов, вокруг которых сеть дачного расселения понесла максимальные потери. Увеличилось число территорий, в которых садово-дачные объединения отсутствуют. Одновременно более чем наполовину сократилось число садово-дачных поселков вокруг городов в окраинных районах Калужской и Тульской областей.

Разнонаправленная динамика сети дачного расселения, ее рост в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга, стабильность в окружении областных центров и свертывание вблизи автономно расположенных малых городов, отражают изменение приоритетов в расселении в постсоветский период и подтверждают стягивание населения в крупнейшие города при сжатии остальной освоенной территории.

Важным показателем служит количество используемых участков. Это, с одной стороны, позволяет понять степень их востребованности и потенциал развития или сжатия сети дачного расселения, а с другой, дать более точную оценку численности сезонного населения. По удельному весу освоенных дачных участков выделяется Москва с зоной ее ближних и средних пригородов, в которых, как и в столице, вне зависимости от того, на каком из двух анализируемых лучей они находятся, этот показатель превышает 90%. В Санкт-Петербурге, Твери и Ярославле также заброшено менее 10% дач, однако в их пригородах доля «ненужных» участков уже выше. При этом с удалением от главных центров происходит рост доли заброшенных участков (рис. 4.1.21, 4.1.22).

Это подтверждают и интервью с дачниками, особенно в малых городах. Молодежь не хочет огородничать, когда круглый год все овощи и фрукты есть в магазинах. Остались одни старики, но и им сложно что-то вырастить: нет воды для полива, поэтому нет и теплиц, а если что-то и вырастает, то нужно постоянно охранять или убирать едва созревший урожай. Причем в полупустых дачных поселках воруют не только овощи и фрукты, но и металл (опоры заборов, емкости для полива), и все, что может представлять хоть какую-то ценность, что делает бессмысленным владение такими дачами.

Сами дачи чаще всего представляют собой семейный актив, который используется разными поколениями совместно. Как показывают замеры, проведенные в ходе полевых обследований дачной местности, в среднем на даче в теплое время находится два человека (чаще пенсионеры или один из родителей с ребенком) (Махрова и др., 2016). Оценки численности сезонного населения только в садовых и дачных поселках (без учета многочисленных дачников в деревнях), выпол-

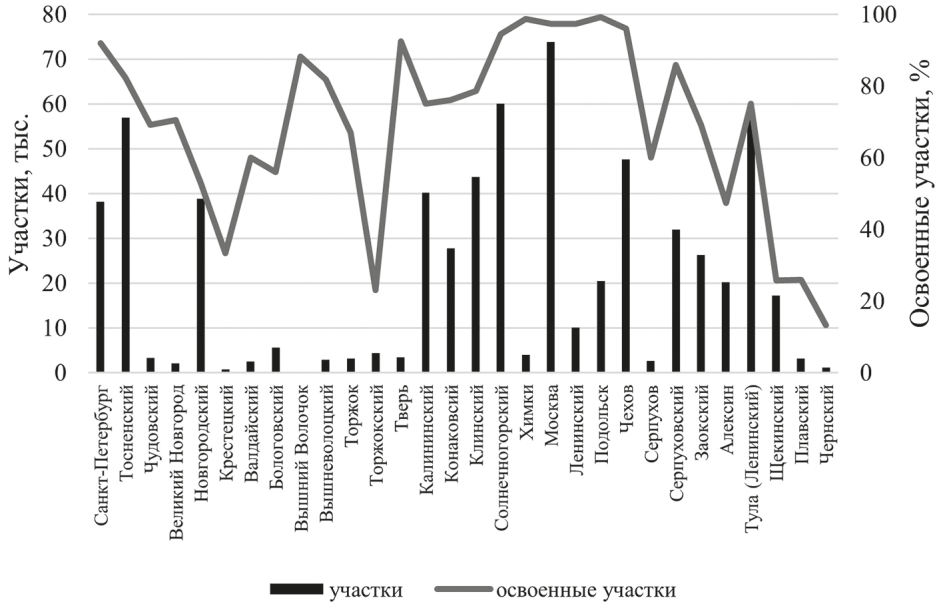

Рис. 4.1.21. Профиль 1. Общее число и доля освоенных участков в садовых, дачных и огороднических товариществах, 2016 г. *Источник*: (Махрова, 2020).

ненные исходя из этого допущения на основе числа используемых участков, еще нагляднее показывают основные места концентрации организованных дачников: агломерации Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров (рис. 4.1.23, 4.1.24).

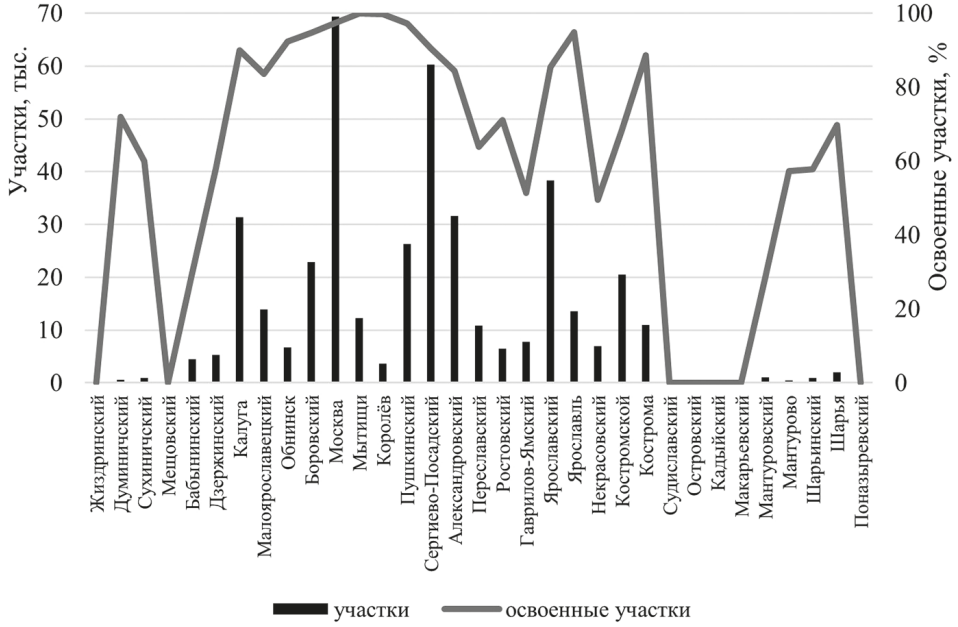

Рис. 4.1.22. Профиль 2. Общее число и доля освоенных участков в садовых, дачных и огороднических товариществах, 2016 г. *Источник*: (Махрова, 2020).

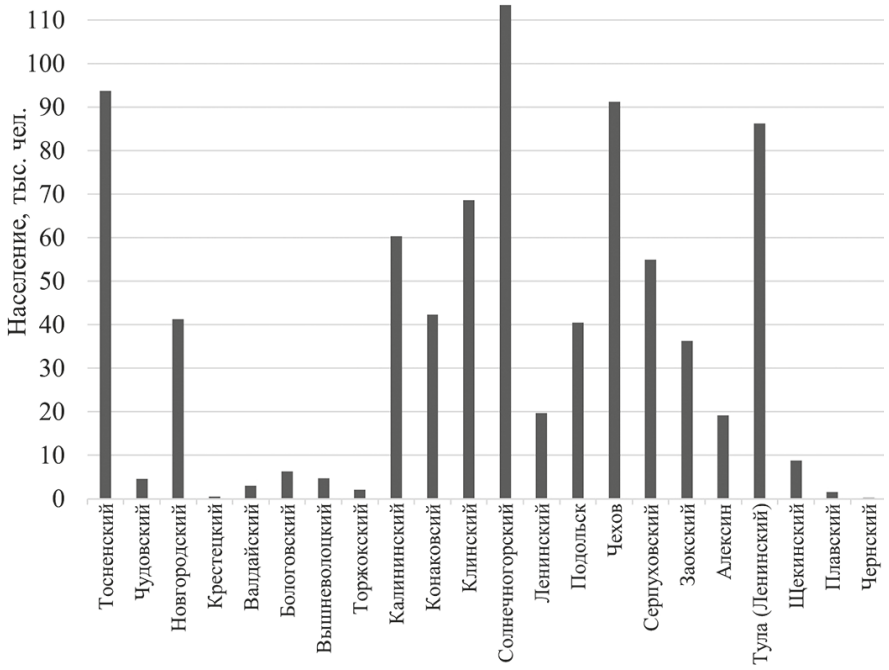

Рис. 4.1.23. Профиль 1. Оценка численности сезонного населения в садовых и дачных товариществах, 2016 г., тыс. чел. *Источник*: (Махрова, 2020).

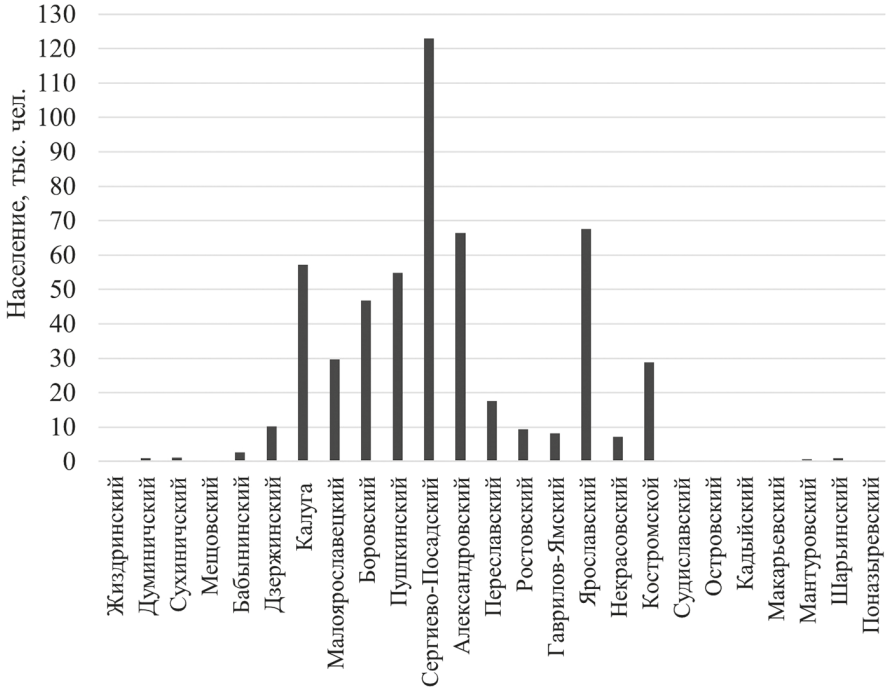

Рис. 4.1.24. Профиль 2. Оценка численности сезонного населения в садовых и дачных товариществах, 2016 г., тыс. чел. *Источник*: (Махрова, 2020).

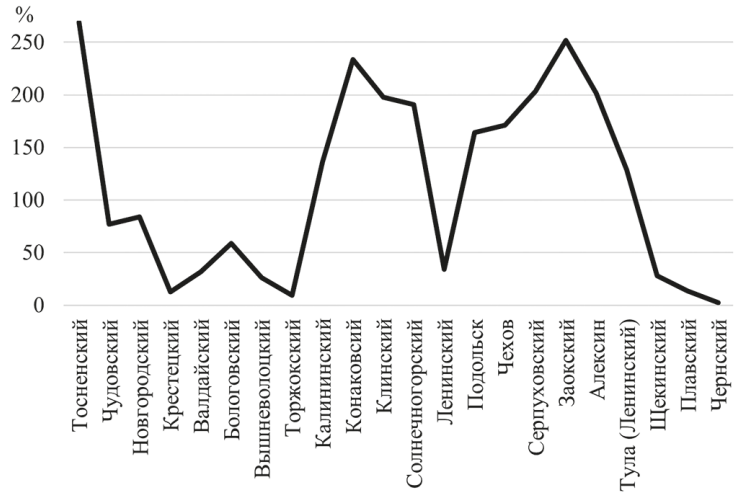

Рис. 4.1.25. Профиль 1. Отношение численности сезонного населения в садовых и дачных товариществах к сельскому населению, 2016 г., %. *Источник*: (Махрова, 2020).

Сезонное население в садовых и дачных поселках существенно увеличивает число жителей в сельской местности в пригородах агломераций. Особенно это проявляется в зоне дачного влияния Москвы и Санкт-Петербурга, где количество дачников равно или даже в несколько раз превышает численность сельского населения (рис. 4.1.25, 4.1.26). Такая пульсация системы расселения по сезонам года оказывает сильное влияние на всю жизнедеятельность этих территорий. Маркерами таких мест выступает, прежде всего, торговля: торговые центры, включая сетевые магазины, строительные рынки и магазины строительных материалов, давно ориентированные на дачников, оказываются в довольно неожиданных местах, если не знать, где сконцентрированы дачные поселки.

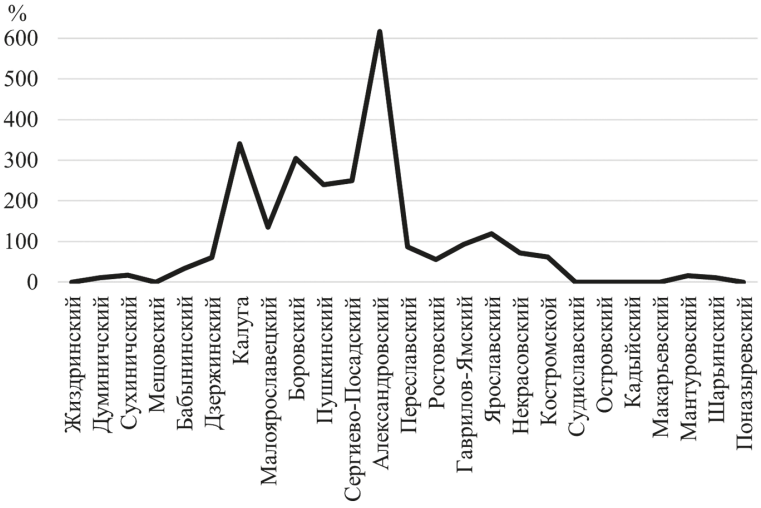

Рис. 4.1.26. Профиль 2. Отношение численности сезонного населения в садовых и дачных товариществах к сельскому населению, 2016 г., %. *Источник*: (Махрова, 2020).

* * *

Из анализа разнообразных показателей вдоль профилей видно, что экономически и социально активная территория в Центре России сжимается, как шагреневая кожа, к Москве, Санкт-Петербургу и областным центрам. Наглядным воплощением этого служат миграции населения – на постоянное место жительства и временные трудовые, – подталкиваемые отсутствием рабочих мест с достойной зарплатой в местах выхода. И хотя экономика частично восстанавливается, меняя свой профиль, ее фрагментированность, укрупнение и модернизация, в том числе в сельском хозяйстве, создают эффект сложности трудоустройства даже в районах депопуляции, стимулируя отъезд населения. Московский регион поглощает более 70% всей прибавки населения за счет межрегиональных миграций в муниципалитетах вдоль обоих профилей и 30–60% прибавки населения благодаря притоку международных мигрантов. Внутренние миграции направлены в региональные центры и их пригороды. И только международные миграции способны отчасти смягчить уменьшение населения за пределами городов и пригородов, да и то формально, так как работают мигранты часто не по месту временной регистрации.

В целом сравнение городов и районов вдоль обоих профилей наглядно показывает, насколько велики экономические контрасты между крупными и малыми городами, пригородной и периферийной сельской местностью. Потери наиболее активной части населения, особенно на периферии регионов, способствуют усилению экономической поляризации на муниципальном уровне. Кумулятивные экономические и миграционные эффекты пространственного неравенства «работают» независимо от каких-либо планов и программ, лишь усиливая внутренние контрасты (Krugman, 1991; De Haas, 2010).

В таких условиях многочисленные программы комплексного развития территорий без кардинальных институциональных и макроэкономических изменений становятся очередной иллюзией. Выгодность современных крупных модернизированных производств и сложности организации малого бизнеса, сокращение бюджетной сферы в результате муниципальных преобразований[62], в разы более низкие зарплаты за пределами крупнейших центров, отсутствие возможностей социального роста, современных бытовых удобств пролонгируют урбанизацию и дальнейшее опустошение глубинки. Миграционные потери в районах вокруг Московской области – это следствие не только внутреннего экономического спада, но часто и причина кризиса местной экономики (Нефедова, 2020). Все это приводит к постепенному и спонтанному выключению значительных территорий, даже не сильно удаленных от крупных центров, из активного социально-экономического развития, которое становится очаговым.

Для сезонного расселения в садово-дачных поселках характерны те же тенденции, что и для социально-экономических процессов. Обитаемые дачные поселки концентрируются в агломерациях Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров, а также в муниципалитетах, граничащих с пригородами, где есть природные аттракторы. В окружении автономно расположенных малых городов и поселков городского типа сеть садово-дачных товариществ сокращается. При этом вне агло-

[62] См. Главу 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы.

мераций подавляющая часть участков не используется. Анализ двух профилей в центре России подтверждает, что инфраструктурная необустроенность, не только сельских территорий, но и дачных поселков, обусловливает преобладание сезонного характера использования дач как дополнения к городским квартирам преимущественно в теплый сезон. Тенденции развития дачного расселения, включая динамику числа поселков и удельный вес используемых участков, также служат индикаторами процессов централизации и сжатия освоенного пространства.

Глава 4.2. Столичный регион: пример ускоренного развития

Московская агломерация, благодаря столичным функциям, – крупнейшая и наиболее развитая в стране. История возвышения Москвы, ее становление в качестве центра удельного княжества, потом – нового общерусского центра, ставшего столицей Русского государства, несмотря на лишение почти на два века статуса столицы в 1712 г., неразрывно связана с превращением в крупнейший город страны и формированием вокруг него агломерации. Предпосылки к этому начали складываться с трансформацией Москвы в один из центров мануфактурной промышленности, окруженный кустарными ремесленными промыслами[63]. Бурный рост фабрично-заводской промышленности привел к массовому строительству железных дорог, которые, дублируя основные тракты, усилили складывающуюся радиальную структуру, способствуя концентрации производства и населения вдоль транспортных линий. В это время возникают новые для «ситцевой» Московской губернии отрасли со специализацией на тяжелой промышленности, включая металлургию, и электроэнергетику (Махрова, Трифонов, 1990).

Возвращение статуса столицы в марте 1918 г. и ускоренные темпы индустриализации в годы первых пятилеток способствовали структурной перестройке экономики Москвы и подмосковных центров. Столичный статус Московской агломерации закрепил за ней роль одного из главных центров инноваций в стране, обусловив размещение здесь новых уникальных производств, которые в дальнейшем развивались в других регионах (авиационная и автомобильная промышленность, электрометаллургия, производство пластмасс, технических тканей, искусственных волокон и многое другое).

В 1950-е годы сразу после полного восстановления экономики, сильно пострадавшей в годы войны, началась очередная структурная перестройка, связанная с развитием научных функций. Она, как и в период индустриализации, вначале охватила ядро агломерации – Москву, а затем и Московскую область, где появились первые города – научные центры. Наука прикладного профиля активно внедрялась в сложившуюся структуру экономики индустриальных городов Подмосковья. В следующие десятилетия развитие получили отрасли, определяющие научно-технический прогресс, появились новые научно-производственные и научные центры, усилилась значимость непроизводственных отраслей (науки, образования, сферы услуг).

С развитием транспортной сети и ростом интенсивности сообщения к концу советского периода Московская агломерация охватила почти всю территорию Московской области, а также часть муниципалитетов соседних регионов. Однако вопрос о границах и составе ее ядра и пригородной зоны остается открытым и разными авторами трактуется по-разному (Лаппо, 1987, 1997; Перцик, Махрова, 1988; Симагин, 1997; Браде и др., 2003; Пчелинцев, 2004; Лола, 2005; и др.). Во многом это связано с изменением границ Московской области. В начале 1929 г. вместо упраздненной Московской губернии, существовавшей в разных границах с 1708 г., была образована Московская область (менее полугода в 1929 г. – Цен-

[63] См. Главу 3.1. Освоение, заселение и города в Центре России.

трально-промышленная область). В 1937 г. она была разделена на Московскую, Тульскую и Рязанскую области, а в 1957 г. часть ее территории была передана в Тульскую область. После этого существенных трансформаций внешних границ области не было, но продолжался процесс поглощения ее территории Москвой, которая каждые 20–25 лет удваивала свою площадь (Argenbright et al., 2020). Последнее масштабное изменение границ произошло в 2012 г., когда столица включила в свой состав не только отдельные участки, расположенные вблизи своих границ, но целый сектор области в юго-западном направлении вплоть до границ Калужской области.

Тем не менее, Московская агломерация чаще упрощенно рассматривается в составе Москвы и Московской области: расхождения между фактическими границами агломерации и Московской области незначительные. Кроме того, статистическая информация предоставляется в разрезе субъектов РФ и их муниципальных образований, что ограничивает возможность анализа состояния экономики и социальной сферы агломерации в ее реальных границах.

Среди комплексных работ, выполненных в советское время, можно отметить работы А.А. Минца (1961), а также ряд монографий (Экономико-географические…, 1985; Московский…, 1988; и др.). Исследований подобного рода по постсоветскому периоду меньше, большая их часть касается частных вопросов: расселения, субурбанизации, промышленности, рынка жилья, сельского хозяйства, миграции и др. (Махрова и др., 2012; Нефедова, 2017в; Мкртчян, 2019а, б; Куричев, Куричева, 2020; Горячко, 2021; и др.). Следует упомянуть также две коллективные монографии. В одной проанализированы результаты первого десятилетия рыночных реформ, когда экономика и социальная сфера Москвы и Московской области только стали выходить из тяжелого системного кризиса, связанного с переходом к рынку и развитием в условиях глобализации (Бабурин и др., 2003). В другой работе, которая появилась через 5 лет, акцент сделан на осмыслении сдвигов в размещении населения и экономики первой половины 2000-х годов, когда с началом восстановительного периода стали видны результаты адаптации к новым условиям (Махрова и др., 2008). В меньшей степени изучена новейшая история развития Московской агломерации за исключением нескольких исследований, но и в них акцент сделан на изменениях в связи с появлением Новой Москвы (Старая …, 2018; Argenbright et al., 2020).

Как и в предшествующие периоды, процесс диффузии инноваций, генерируемых столицей, прежде всего распространяется на ее ближнее окружение – в Московскую область, с чем связан феномен быстрого социально-экономического развития Подмосковья в XXI в. Это тесно переплетается с его аттрактивностью для населения: с 2000-х годов по миграционному приросту и вводу жилья Московская область вошла в число регионов-лидеров.

Современная Московская столичная агломерация – крупнейшая в России и Европе – концентрирует почти 14% населения страны, свыше четверти ВРП, более одной пятой розничного товарооборота, налоговых платежей и инвестиций в основной капитал[64] (табл. 4.2.1). Столица и столичная область, формально являясь

[64] В значительной степени это связано с концентрацией в Московской агломерации штаб-квартир крупных компаний.

Таблица 4.2.1. Доля Москвы и Московской области в РФ по ряду основных показателей, %

Показатель	Москва			Московская область			Московский регион		
	2001 г.	2010 г.	2019 г.	2001 г.	2010 г.	2019 г.	2001 г.	2010 г.	2019 г.
Численность населения	5,9*	7,44	8,59	4,4*	4,76	5,18	10,3*	12,20	13,77
Валовый региональный продукт	20,7	22,5	21,0**	3,4	4,8	4,9**	24,1	27,3	25,9**
Среднегодовая численность занятых	8,4	9,5	12,5	3,8	4,3	4,8	12,2	13,3	17,5
Инвестиции в основной капитал	11,8	6,9	14,8	3,4	3,8	5,4	15,2	10,7	20,2
Оборот розничной торговли	29,2	17,5	15,2	4,0	6,17	7,7	33,2	23,67	22,9
Ввод жилья	11,7	3,0	6,3	8,9	13,6	10,5	20,6	16,6	16,8
Поступление налоговых платежей и других доходов в бюджетную систему РФ	24,2	21,81	16,9	4,1	4,95	4,7	28,3	26,76	21,6

Примечание: * данные за 2002 г.; ** данные за 2018 г.
Составлено по: (Регионы ..., 2002, 2003, 2010, 2011, 2012, 2019, 2020).

двумя самостоятельными субъектами РФ, функционируют как единое социально-экономическое образование. Не только Москва оказывает сильное влияние на развитие своей пригородной зоны, но и развитие столицы стимулируется ее мощным окружением.

За годы рыночных реформ Москва, модернизировав свою экономику, сумела установить контроль над основными финансовыми и товарными потоками в стране. В 2019 г. статистика фиксировала в ней более одной пятой ВНП страны, 15% оборота ее розничной торговли и инвестиций. Также она генерировала около 17% поступлений налоговых платежей в бюджетную систему РФ. Московская область существенно отстает от столицы, хотя ее роль повышается (табл. 4.2.1).

История Москвы и ее влияние на соседние староосвоенные территории описывались в предыдущих главах, здесь рассмотрим в основном Московскую область (в сравнении с Москвой) как полигон для анализа новейших процессов социально-экономического развития.

Динамика социально-экономического развития Московской области в постсоветский период

Население и миграции. Московский регион – самое заселенное, урбанизированное и освоенное ядро страны. Здесь на территории менее 0,3% от площади РФ сосредоточено почти 14% населения и 7% городов. При этом даже Московская область, не имеющая собственного областного центра в традиционном понимании[65], входит в число 15 наиболее урбанизированных регионов: более 80%

[65] Москва, как самостоятельный субъект РФ, не может быть центром Московской области.

населения проживает в городских населенных пунктах. Среди других регионов она выделяется и числом крупных городских центров: людность 20 городов составляет более 100 тыс. жителей, в том числе в пяти из них она превышает 200 тыс. чел. (Балашиха, Подольск, Химки, Мытищи, Королёв). Повышенная людность многих городов Подмосковья обусловлена включением в их состав соседних городов и территорий в результате политики региональных властей по укрупнению муниципалитетов[66]. Так, только в последнее десятилетие были присоединены к Балашихе – Железнодорожный, к Подольску – Климовск, к Королёву – Юбилейный, к Кашире – Ожерелье.

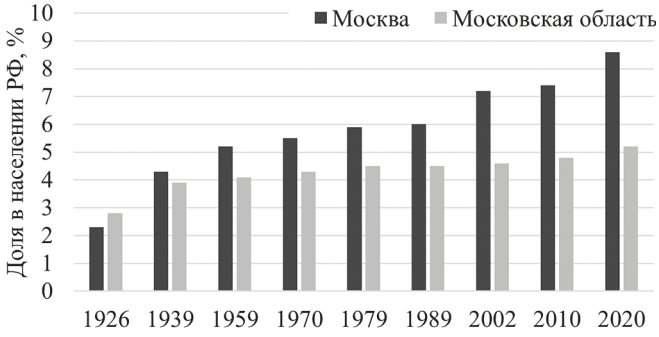

Рис. 4.2.1. Изменение доли Москвы и Московской области в численности населения России, %. *Примечание*: 1926, 1939 и 1959 гг. – наличное население, остальные годы – постоянное население. Данные приводятся в границах на соответствующую дату. *Составлено по*: (Москва …, 1985; Московская …, 1986; Итоги …, 2020; Регионы …, 2010; Численность …, 2020).

В сельской местности Подмосковья, которая остается заметным производителем животноводческой продукции[67], сельскохозяйственные функции вытесняются селитьбой и рекреацией. Это приводит к росту не только постоянного, но и сезонного населения, когда в летний выходной день население области за счет москвичей-дачников увеличивается на 3 млн чел. (Махрова и др., 2008). Масштабные сезонные дачные миграции дополняются переселением москвичей в города и коттеджные поселки ближайших пригородов, жилье в которых используется как единственное или второе постоянное жилье. По оценкам, более 300 тыс. москвичей постоянно живут за городом, но сохраняют при этом регистрацию в Москве, а более 1 млн жителей региона владеют зимними дачами, которые используются ими на постоянно-периодической основе (Махрова, Кириллов, 2015).

Москва и Московская область продолжают увеличивать не только свою людность, но и удельный вес в населении страны. Подмосковье по размерам своего демографического потенциала устойчиво занимает вторую позицию после столицы, однако на момент проведения первой переписи населения советского периода ситуация была противоположной (рис. 4.2.1). В 1930-е годы Москва, укрепив свой столичный статус, стала расти быстрее области за счет притока мигрантов и расширения границ, постепенно наращивая отрыв от области и по численности населения, и по доле в населении страны. Если в 1926 г. удельный вес Москвы в численности населения агломерации составлял 44,8%, то к 1989 г. она поднялась до 57,2%, а в 2020 г. составляла 62,2%, при том, что доли в общей численности населения страны и Москвы, и Московской области росли.

[66] См. Главу 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы.

[67] См. главы: 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства; 3.3. Поля и фермы: вид из космоса.

Таблица 4.2.2. Динамика распределения населения по поясам и секторам, 2010–2020 гг., %

Пояс	2010 г.	2020 г.	Сектор	2010 г.	2020 г.
1 пояс	33,4	37,4	Север	30,8	30,2
2 пояс	33,7	33,8	Восток	37,4	37,6
3 пояс	20,6	17,8	Юг	15,9	16,7
4 пояс	12,3	11,0	Запад	15,9	15,5
Всего	100,0	100,0	Всего	100,0	100,0

Составлено по расчетам автора на основе базы данных показателей муниципальных образований (в границах 2020 г.).

На фоне депопуляции областей Центральной России Московская выглядит вполне благополучно, хотя в течение 1990-х годов численность населения Подмосковья немного сократилась (на 0,2%). С 2000-х годов ситуация практически вернулась к последним десятилетиям советского периода (Заец и др., 1990): убыль населения области сменилась ростом, при этом продолжается начавшийся еще в советское время процесс его стягивания в муниципалитеты ближних к Москве поясов за счет более удаленных районов. В структуре секторов на фоне роста численности населения территориальные пропорции сохраняются, хотя увеличивается доля юга и незначительно востока при уменьшении веса запада и севера (табл. 4.2.2).

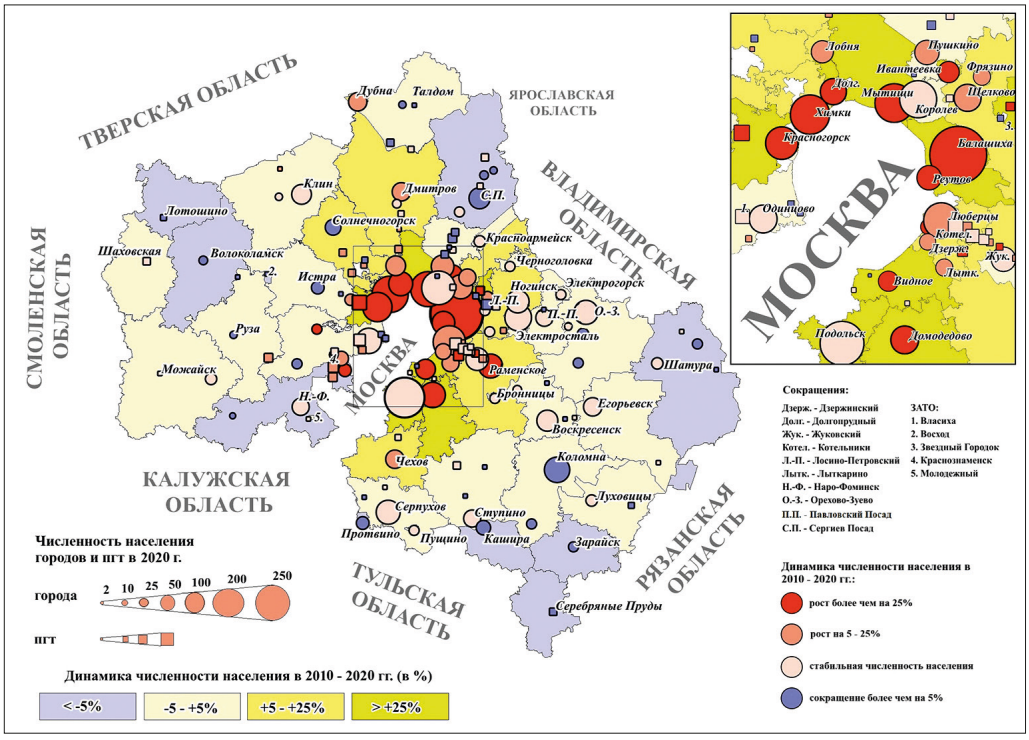

Рис. 4.2.2. Динамика численности населения с 2010 по 2020 г.
Примечание: карта выполнена Р.А. Бабкиным.

Несмотря на высокую плотность населения Московской области свойственна нарастающая неравномерность его распределения. Максимальный прирост численности населения характерен для муниципалитетов ближнего пояса удаленности (Видное (Ленинский), Балашиха, Котельники), а максимальная убыль – для более удаленных образований (Волоколамск, Зарайск, Кашира) (рис. 4.2.2).

Несмотря на снижение показателя естественной убыли населения, которое, как и по стране в целом, наблюдалось с 2000-х годов (в Москве с 2011 г. она сменилась приростом), динамика численности населения в Москве и Московской области определяется, в основном, миграцией населения. Оба субъекта РФ входят в первую тройку регионов ЦФО по значению коэффициента миграционного прироста. При этом Московская область – крупнейший центр притяжения мигрантов в России, который, начиная с 2003 г., доминирует над регионами страны по масштабам миграционного притока населения.

Традиционно основные потоки прибывающих в область мигрантов устремляются в ближайшее Подмосковье (рис. 4.2.3), что обусловлено близостью столичного рынка труда, транспортной доступностью столицы и более низкими ценами на жилье по сравнению с Москвой. С удалением от Москвы размеры миграционного прироста уменьшаются. При этом в последнее десятилетие в более удаленных поясах увеличивается число муниципалитетов, где преобладает миграционная убыль (в 2019 г. их стало 23 против 6 в 2010 г.).

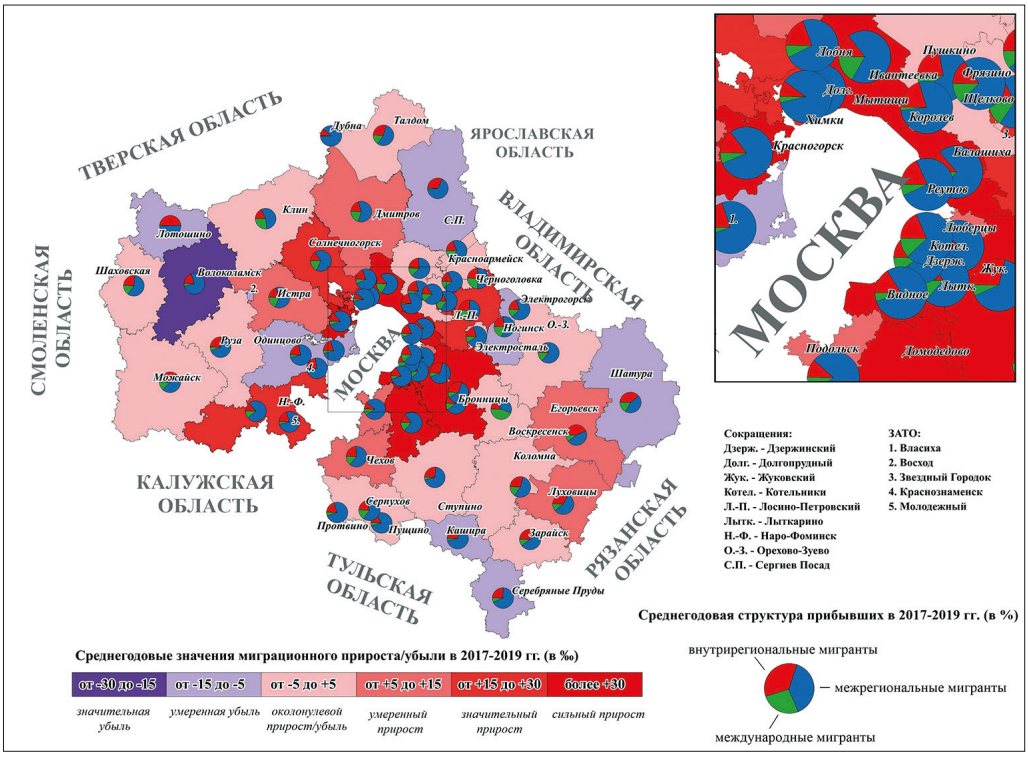

Рис. 4.2.3. Миграционное движение населения в муниципалитетах Московской области.
Примечание: карта выполнена Р.А. Бабкиным.

И в Москве, и в Московской области наибольшее значение имеет межрегиональная миграция. Ее доля наиболее высока в муниципалитетах первого пояса, где она превышает 80%. По мере удаления от столицы привлекательность территорий для мигрантов из других регионов снижается, а среди прибывающих повышается доля внутрирегиональных мигрантов.

Экономика. По объему валового регионального продукта Москва и Московская область не имеют себе равных в стране, в 4 раза превышая совокупный ВРП Санкт-Петербурга и Ленинградской области (эти два региона упрощенно могут рассматриваться как вторая по масштабам агломерация в стране). Москва среди всех субъектов РФ устойчиво занимает первую строчку, а Московская область с 2000-х годов находится на 3–4 месте, уступая кроме столицы Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам. При этом размер душевого ВРП в Москве ниже, чем в богатых нефтегазодобывающих регионах. Подмосковье замыкает первую двадцатку регионов, а значительная часть его населения (более одного миллиона трудовых маятниковых мигрантов едут в столицу) создает ВРП Москвы.

В кризисные 1990-е годы спад производства был сильнейшим – к 1997 г. в Москве сохранилось только 29%, а в Московской области – 32% объема ***промышленного производства*** уровня 1990 г. Наибольшие потери испытали обрабатывающие отрасли промышленности с высокой долей отраслей оборонного комплекса и наука. Но с 2003–2004 гг. промышленность и вся экономика агломерации стала обходить по темпам роста другие регионы Центральной России. После кризиса 2008 г. устойчивый рост в Московской области продолжился, что обусловливает сохранение ее повышенной доли в валовой добавленной стоимо-

Таблица 4.2.3. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, 2018 г., %

	Обрабатывающие производства	Строительство	Торговля и ремонт автотранспорта и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Деятельность в области информатизации и связи	Деятельность профессиональная, научная и техническая
Москва	16,2	3,4	28,6	7,1	9,6	6,5	8,2
Московская область	20,6	5,2	27,0	6,6	11,1	1,7	4,8
Санкт-Петербург	17,2	4,4	17,7	10,8	10,1	5,4	7,9
Ленинградская область	***31,3***	10,5	11,0	13,1	6,7	0,6	2,6
Российская Федерация	14,8	5,6	15,8	7,6	6,1	3,0	4,1

Составлено по: (Регионы …, 2020).

Рис. 4.2.4. Мытищи. Метровагонмаш*.

сти (ВДС): 20,6% в 2018 г. (табл. 4.2.3). При этом доля отчислений промышленности в региональный бюджет (23%) выше ее доли в ВДС и структуре занятости (более 5% каждая).

Существенные изменения произошли и в отраслевой структуре промышленности Московской области[68]. С 1997 по 2018 г. доля машиностроения снизилась с 32,7 до 19,6%, легкой промышленности – с 6,1 до 2,4% (Горячко, 2021). Спад промышленного производства наиболее сильно ударил по монофункциональным поселениям, где эти две отрасли были главными. В течение 1990-х годов текстильная промышленность как отрасль исчезла примерно в половине промышленных центров Московской области. Так, в Орехово-Зуеве был ликвидирован Ореховский комбинат, который объединял 12 предприятий, а в Ногинске – Глуховский комбинат, в структуре которого было 10 фабрик, литейно-механический завод и большое коммунальное хозяйство (Горячко, 2021). На смену этим гигантам советского времени пришли малые и средние предприятия по производству обуви, спецодежды, нетканых материалов и др. При этом корпуса старых предприятий, многие из которых представляют собой памятники промышленной архитектуры, используются под склады и для размещения разных мелких фирм, постепенно ветшая и разрушаясь. В то же время пищевая промышленность, ставшая безусловным лидером (почти 25% вместо прежних 17%), химическая, включая фармацевтику, промышленность строительных материалов, металлургия, деревообработка, ориентированные на региональный и внешний рынки сбыта, укрепили свои позиции (Горячко, 2021).

[68] Смена отраслевого классификатора ОКОНХ на ОКВЭД и ОКВЭД-2 затрудняет анализ изменений пропорций, которые теперь можно оценивать лишь косвенно.

* Все фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой.

Наиболее заметно снизилась роль промышленности в городах, примыкающих к Москве (Балашиха, Реутов, Химки), хотя отдельные предприятия, которые смогли занять свою нишу в рыночной экономике, чувствуют себя и здесь очень хорошо. К их числу относится АО «Метровагонмаш» в Мытищах, входящий в состав Трансмашхолдинга (рис. 4.2.4). Этот крупнейший в стране производитель вагонов метро, в отличие от большинства предприятий страны, сумел даже сохранить развитую социальную сферу (медсанчасть, три детских сада, две базы отдыха).

В первых двух поясах подмосковных пригородов в структуре промышленности увеличилась доля пищевой отрасли (Раменское, Ступино и Богородский округа) и промышленности строительных материалов (Мытищи, Домодедово), при этом новые предприятия, как правило, размещаются на новых площадках. Активно развивается фармацевтика, представленная как старыми советскими предприятиями, так и новыми (химико-фармацевтический комбинат «Акрихин» в Богородском округе, «Щелково Агрохим» и «Валента Фарм» в Щёлково, ФП «Оболенское» в Серпухове) (Горячко, 2021). Усилились позиции и металлургии в связи со строительством в 2015 г. Загорского трубного завода в г. Пересвет на северной окраине области с 1,5 тыс. занятых, что сопоставимо с численностью сотрудников ФКЦ «Научно-испытательный центр ракетно-космической промышленности», на площадке которого он простроен.

Значительное влияние на сдвиги в структуре и географии размещения промышленности оказала изменившаяся с 2000-х годов политика властей по развитию и возрождению предприятий оборонного комплекса, а также поддержка производственной и инновационной инфраструктуры. К 2019 г. на территории Московской области было создано 36 индустриальных парков, 13 технопарков, 3 промышленных кластера и 5 особых экономических зон (ОЭЗ), в которых появляются новые предприятия (Адамайтис, 2021). Один из крупнейших частных парков России с 42 компаниями-резидентами функционирует в Богородском округе. Десятки новых промышленных предприятий созданы в городском округе Ступино, в том числе и на площадках индустриальных парков «Ступино-1» и промышленного округа «Ступино Квадрат» с четырьмя промышленными парками. Все эти изменения в отраслевой структуре промышленности привели к существенному изменению ее территориальной структуры (рис. 4.2.5).

К числу муниципалитетов-лидеров относятся как округа с сохранившимися крупными конкурентноспособными предприятиями машиностроения и черной металлургии (Коломна, Подольск, Электросталь), так и округа, где при трансформации структуры промышленности доминируют новые средние и малые предприятия, в том числе в фармацевтике, IT-индустрии, пищевой промышленности и логистике (Горячко, 2021). Все эти изменения привели к тому, что промышленный крен на востоке области, характерный для советского времени, практически не прослеживается.

С переходом к рынку сложный период наступил в развитии ***науки*** – одной из ведущих отраслей специализации экономики Московской агломерации в советский период. В столице наука, как и промышленность, понесла огромные потери, не выдержав конкуренции со стороны других, более доходных видов деятельности. Многие научные институты изменили свой профиль, став офисно-деловыми

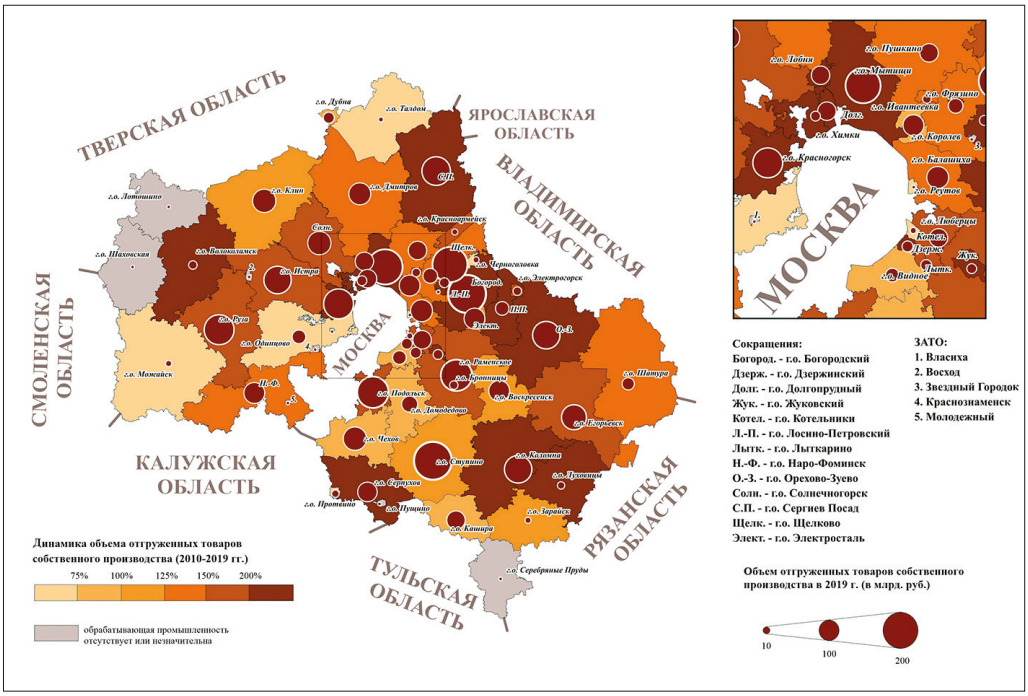

Рис. 4.2.5. Динамика объема отгруженной продукции обрабатывающих производств, 2010–2019 гг.
Примечание: карта выполнена Р.А. Бабкиным.

или многофункциональными центрами. Другие, формально сохранив прежнее название, «живут» за счет сдачи в аренду своих площадей коммерческим структурам, и лишь немногие центры, в числе которых получившие статус государственных научных центров, смогли выстоять.

В Подмосковье, где концентрируется большая часть наукоградов страны, положение научно-исследовательских институтов остается сложным, но сами города науки смогли адаптироваться к рынку за счет своего пристоличного положения и более образованного, молодого и активного населения. В большинстве из них произошла диверсификация отраслевой структуры экономики, что улучшило ситуацию на рынке труда, а Москва стала основным местом занятости для населения подмосковных наукоградов, особенно расположенных вблизи столицы. Ведущими научными центрами остаются городские округа Королёв, Дубна, Люберцы, Реутов, Фрязино, причем в структуре занятости особенно значима роль науки в Черноголовке, Пущино и Жуковском (Makhrova, 2021).

Потребительский бум в России, который как снежный ком стал нарастать с середины 2000-х годов, и модернизация образа жизни сильнее всего проявились в Москве и Московской области при более высоких доходах населения и развитом спросе на рыночные услуги. Это привело к опережающему росту сектора услуг и, прежде всего, ***торговли***.

Долгое время Подмосковье по развитости сектора услуг (особенно «верхних этажей») сильно уступало Москве: многие жители области пользовались торго-

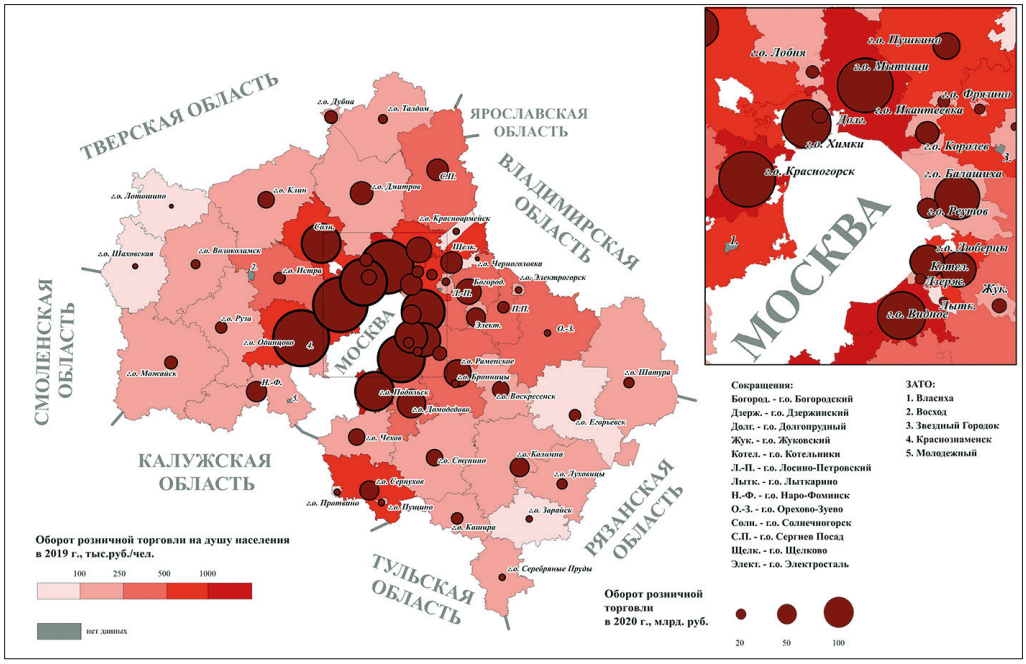

Рис. 4.2.6. Оборот розничной торговли в муниципалитетах Московской области в 2019–2020 гг., тыс. руб./чел. *Примечание*: карта выполнена Р.А. Бабкиным.

выми и другими учреждениями обслуживания, расположенными в столице. Однако в течение 2000-х годов с созданием на внешней границе МКАД крупных торгово-развлекательных комплексов (в 2002 г. появились первые МЕГА, АШАН, «Вэймарт») с большим набором магазинов различной специализации и развитой инфраструктурой ситуация стала меняться. Используя близость к Москве, эти моллы перехватывают потоки покупателей, превратив кольцевую автодорогу в еще одну торговую улицу, общую для Москвы и Подмосковья, где сегодня представлены крупные российские и иностранные сети.

В 2007 г. общий оборот розничной торговли в Московской области достиг почти трети, а к в 2019 г. – уже половины от уровня Москвы против 16,5% в 2004 г. Еще более показательным был рост душевого оборота: в 2007 г. он составил половину от уровня столицы против четверти в 2004 г., а в 2019 г. – почти 85%. Интересно отметить, что в 2019 г. по доле товаров, реализованных через интернет (4,9%), Подмосковье даже опережало Москву[69].

Наибольший оборот розничной торговли также характерен для муниципалитетов первого пояса удаленности (Одинцово, Красногорск, Мытищи, Химки, Подольск), а аутсайдеры – периферийные округа. В большинстве муниципалитетов наблюдается увеличение оборота розничной торговли, его рост происходит не только в первом, но и во втором поясе, т.е. торговля постепенно сдвигается от МКАД вглубь региона, но не уходит далеко от Москвы (рис. 4.2.6).

[69] Рынок торговой недвижимости городов Московского региона. https://content.knightfrank.com/research/1033/documents/ru/2016kfretailmarketreportmoscowregionrus-3705.pdf.

С удалением от столицы меняется формат торговли. В зоне до 10 км от МКАД сконцентрированы гипермаркеты и региональные торговые центры, в которых представлены практически все федеральные и международные операторы. На расстоянии от 10 до 25 км преобладают районные и внутрирайонные торговые центры с сетевыми дискаунтерами и локальными сетевыми операторами; эта зона привлекательна и для аутлетов. На бóльшем удалении добавляется большое количество обычных торговых объектов, активно развиваются локальные сети.

Логистика в Московской области, как и торговля, также обслуживает потребности всей агломерации, а значимость этого вида деятельности, ориентирующегося на самые емкие и платежеспособные рынки, постепенно растет. В 2019 г. ее доля (по ОКВЭД-2 логистика выделяется как «транспортировка и хранение») в структуре ВДС в Москве составляла 7,1%, а в Московской области – 6,6%. При этом ее роль в структуре инвестиций в основной капитал была еще выше: соответственно, 22,2 и 14,6%.

Активнее всего логистика развивается в зоне, примыкающей к МКАД (склады «последней мили») или вблизи нее за счет тяготения к Москве как наиболее емкому рынку сбыта. Это хорошо отражает стоимость аренды/покупки помещений. Кроме того, выделяются муниципалитеты, на территории которых расположены аэропорты (Химки, Домодедово, Жуковский), быстро обрастающие логистической инфраструктурой[70]. Для большинства окраинных муниципалитетов характерен относительно невысокий уровень развития транспортно-логистического комплекса, что помимо удаленности от Москвы, объясняется загруженностью ряда трасс и низким уровнем спроса со стороны промышленности на логистическую инфраструктуру. Стоить отметить, что в 2020 г., несмотря на замедление деловой активности в условиях пандемии, наблюдался беспрецедентный спрос на складскую недвижимость за счет электронной торговли (e-commerce), на которую пришлось 35% всех сделок. Судя по географии и профилю крупнейших объектов, планируемых к вводу в 2021 г., объем спроса и его структура сохранятся, что будет усиливать концентрацию логистики в зоне ближних и средних пригородов при ее сдвиге вглубь области на фоне заметной «специализации» муниципалитетов под разных пользователей, прежде всего, под торговлю и промышленность.

Сельское хозяйство Московской области, несмотря на потери, которые оно испытало в 1990-е годы наряду с промышленностью и наукой, продолжает сохранять лидирующие позиции среди окружающих ее областей, хотя доля агросектора в экономике остается сравнительно небольшой (1,7% в структуре ВДС и 2,7% в структуре занятых в Московской области). Кризис 1990-х годов полностью не был отыгран. На фоне стагнации общих объемов производства и даже появления новых отраслей и предприятий происходит ликвидация традиционных сельскохозяйственных кооперативов и сокращение рабочих мест.

Увеличение абсолютных и душевых показателей сельскохозяйственного производства наблюдается при удалении от Москвы, особенно выделяется периферия области с лучшими природными условиями на юго-востоке и западе. Четыре городских округа (Можайский, Зарайск, Луховицы и Серебряные Пруды) концен-

[70] Рынок складской недвижимости Москвы. 2020 г. https://content.knightfrank.com/research/596/documents/ru/rynok-skladskoy-nedvizhimosti-moskva-2020-7824.pdf.

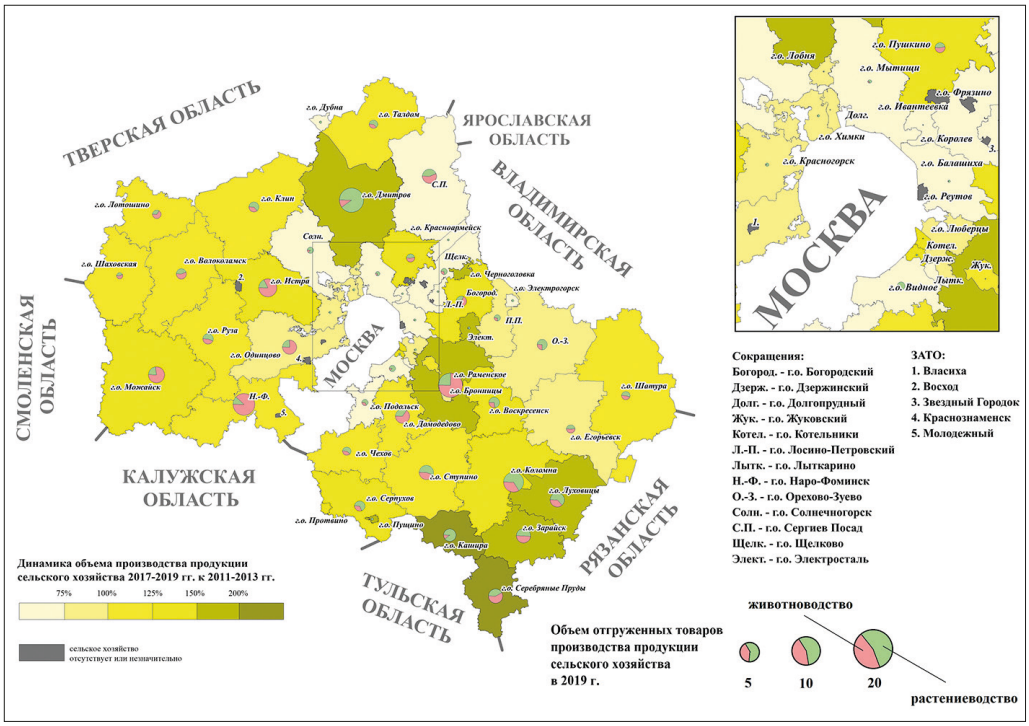

Рис. 4.2.7. Динамика и объем отгруженной продукции сельского хозяйства.
Примечание: карта выполнена Р.А. Бабкиным.

трируют около 40% всех сельхозугодий области. Однако по валовому производству продукции лидерами являются Дмитровский, Раменский и Наро-Фоминский городские округа (рис. 4.2.7). Как центры второго порядка выделяются городские округа Истра, Можайский и Сергиево-Посадский.

В целом в последние годы, несмотря на натиск застройки и рекреации горожан, сельское хозяйство в Московской области довольно стабильно, продолжая выделяться эффективностью производства продукции среди окружающих регионов. Здесь на 100 га посевных площадей в 2018 г. производилось в 2,3 раза больше валовой продукции, чем в среднем по России, и в 1,7 раза больше, чем в среднем по ЦФО, в состав которого входит целый ряд черноземных регионов, имеющих существенно лучшие условия для сельскохозяйственного производства.

По выращиванию овощей, в том числе тепличных, несмотря на снижение производства, область занимает 1-е место в России. Важнейшим центром остается Дмитровский ГО, во многом за счет предприятия «Дмитровские овощи», которое специализируется на овощах и картофеле в пойме Яхромы. За 10 лет благодаря ООО «Агрокультура Групп» утроились объемы производства в городском округе Кашира. Заметные позиции Московская область занимает по производству молока, опережая по продуктивности молочного стала среднероссийские значения на 60%.

Сочетание фактора близости к Москве и современных тенденций импортозамещения приводит к тому, что отраслевая структура сельского хозяйства Под-

московья в последние годы существенно трансформируется, все большую роль в ней играют наиболее интенсивные отрасли – растениеводство закрытого грунта и животноводство с круглогодичным стойловым содержанием скота, полной механизацией, сменой породного состава и т.д. Тем не менее, несмотря на высокую продуктивность, сельское хозяйство не выдерживает конкуренции за территориальные ресурсы. В условиях растущего спроса на землю со стороны жилья, торговли, логистики, промышленности происходит его неизбежное «выдавливание» из ближнего и среднего Подмосковья, где выживают лишь неземлеемкие, наиболее высокорентабельные агроиндустриальные предприятия. В результате усиливаются различия между стремительно урбанизирующимися ближними пригородами и сельскими районами окраин Московской области с более низкими заработками в сельском хозяйстве и более напряженной ситуацией на рынке труда (Makhrova, 2021).

И все же сельская местность почти всей Московской области – это не столько сельскохозяйственная, сколько дачно-рекреационная территория, отличающаяся максимальной плотностью дач самых разных типов[71].

Пространственная пульсация населения и дачники. Пульсация населения в столичной агломерации чрезвычайно велика благодаря постоянным перемещениям трудовых мигрантов и дачников, причем не только в границах Москвы и Московской области. Своего максимума (более 22 млн чел.) она достигает в будний зимний день, когда суммарная людность столицы и столичной области на 2 млн чел. превышает данные официальной статистики о численности населения. Особенно велики потоки между Москвой и областью. В летний выходной население в Московской области увеличивается на 3 млн чел. по сравнению с официальными данными, а Москва теряет почти 5 млн чел., в том числе благодаря выезду населения на дачи в другие регионы Центра (Махрова и др., 2012; Makhrova et al. 2021).

Для выявления пространственной пульсации населения в разные время суток и сезоны года использовались обезличенные данные сотовых операторов («Билайн», «Мегафон», «МТС», «Теле2») по локализации абонентов, которые позволяют оценить масштабы, интенсивность и особенности распространения и использования дачного жилья (Makhrova et al., 2021)[72]. При этом проводился крупномасштабный анализ в разрезе ячеек размером 500 × 500 м (Бабкин, 2020), что делает возможным учет дачников в сельской местности, живущих не только в садово-дачных поселках, но и в поселках, селах и деревнях[73].

Появление новых коттеджных поселков и трансформация жилья в старых садово-дачных товариществах способствовали формированию зон относительно комфортного проживания в загородных домах в качестве единственного или второго основного жилья. Такое использование можно назвать круглогодичной дачной субурбанизацией. Для определения ее масштабов сравнивалось население

[71] См. Главу 4.1. Путешествие по избранным маршрутам.

[72] Данные предоставлены Департаментом информационных технологий г. Москвы.

[73] К городской местности относилась территория с плотностью населения более 1000 чел./км^2 (Functional …, 2011; Dijkstra et al., 2019). В границы большинства городов в результате расширения их территории также могут быть вкраплены дачные поселки. Тем не менее, именно сельская местность служит основным местом миграций населения в загородные дома.

сельской местности в буднюю зимнюю ночь, когда большинство жителей находится в местах своего постоянного проживания, с населением в зимние выходные и в период новогодних праздников. Вместе с тем более трети всех дачников посещают свои дачи по выходным в теплый сезон (Махрова, Кириллов, 2015). Кроме летних выходных, которые традиционно рассматриваются как главный индикатор масштабов сезонной дачной субурбанизации, рассмотрены и майские праздники, когда происходит открытие массового дачного сезона.

В поясе ближайших пригородов (0–20 км от МКАД) к сельским территориям можно отнести только отдельные дачные и коттеджные поселения и редкие села, которые вкраплены в городской континуум, состоящий из почти слившихся протуберанцев Москвы и городов-спутников Московской области. Это обуславливает пространственную ритмику, не свойственную ни городу, ни типичной сельской местности. Зона до 10 км представляет собой продолжение Москвы, пульсация в ней выражена слабо. На удалении 10–20 км от МКАД проявляется ритм, свойственный круглогодичной дачной субурбанизации: максимум населения наблюдается в новогодние праздники (на 18% больше, чем в буднюю зимнюю ночь). Для пригородной зоны 20–40 км от МКАД характерно преимущественно сезонное проживание горожан. Однако, близость мегаполиса сохраняет повышенную

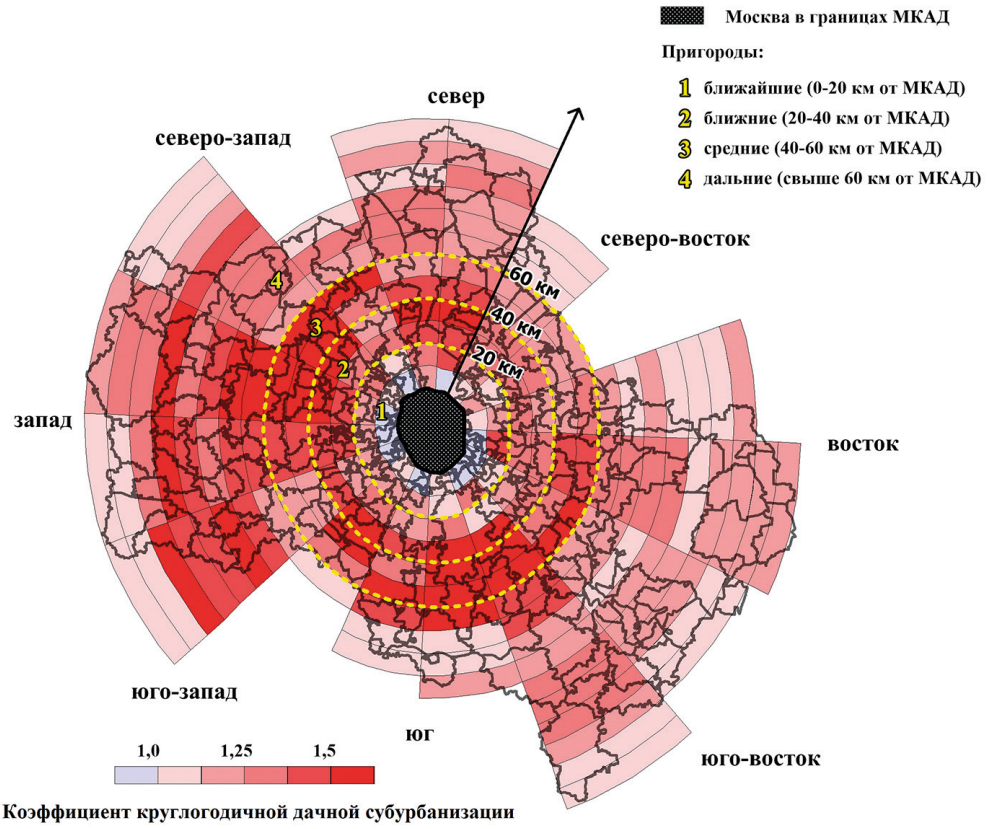

Рис. 4.2.8. Интенсивность всесезонной (зимне-летней) дачной субурбанизации.
Источник: (Makhrova et al., 2021).

привлекательность и круглогодично используемых дач, что проявляется в незначительной амплитуде колебаний. На расстоянии 40–60 км от МКАД формируется зона летней дачной субурбанизации с наибольшей популярностью майских праздников (увеличение населения в 1,4–1,8 раз) и меньшей – новогодних (в 1,2–1,3 раза). Далее на удалении 50–60 км доминируют классические дачные поселения с пиком численности населения в теплый сезон. В зоне дальних пригородов (более 60 км) амплитуда пульсации снижается, а прирост населения в новогодние праздники составляет лишь 15%. При этом сохраняется высокая популярность сезонного жилья в теплый сезон, когда численность населения в сельской местности увеличивается на 60%. Эти пропорции сохраняются практически до границ региона (140–150 км от МКАД). На этом фоне для окружения крупных подмосковных городов характерно очаговое круглогодичное использование дач.

В разрезе секторов картина сглажена сильнее: во всех секторах наблюдается рост ночного населения сельской местности в новогодние и особенно в майские праздники. Даже менее престижные юго-восток и восток области прибавляют по 35–40% в майские праздники и 15–20% в новогодние, а наиболее престижные западные направления – по 45–55% в мае и 22–30% на Новый год.

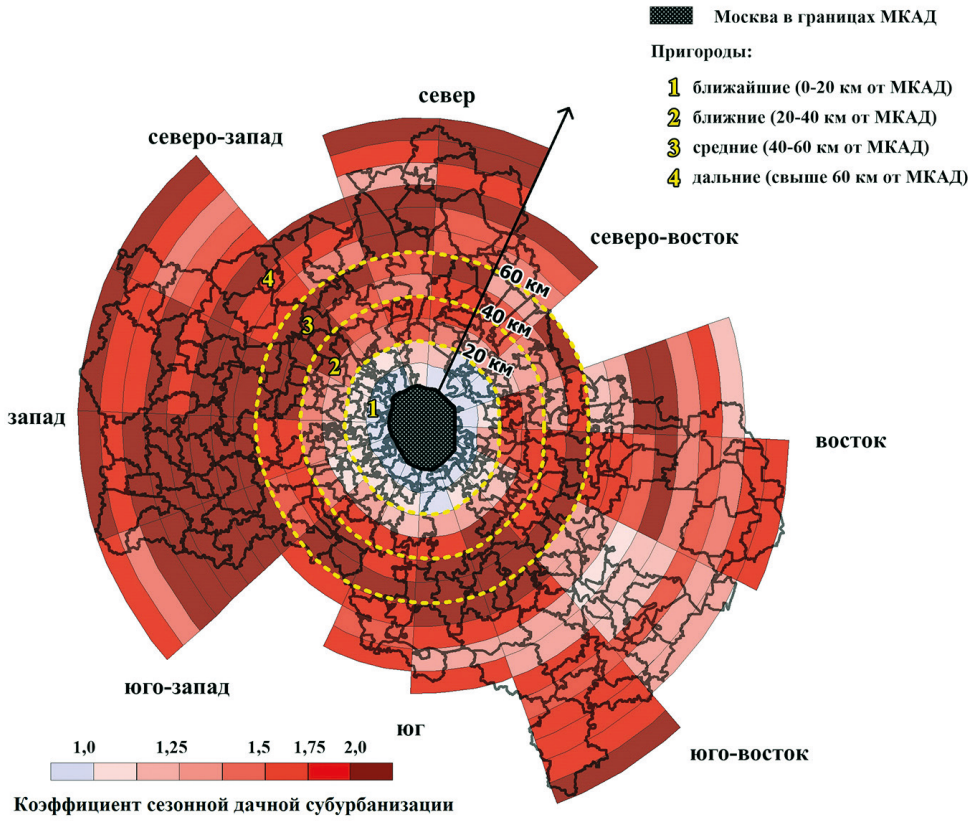

Рис. 4.2.9. Интенсивность сезонной (летней) дачной субурбанизации.
Источник: (Makhrova et al., 2021).

Отчетливее всего пространственные различия круглогодичной (рис. 4.2.8) и сезонной (рис. 4.2.9) дачной субурбанизации проявляются при совместном анализе секторной и поясной структуры. В пределах ближайшего к МКАД двадцатикилометрового пояса и в новогодние, и в майские праздники влияние Москвы сглаживает имеющиеся межсекторные различия. На удалении свыше 20 км различия между западными и восточными секторами усиливаются в новогоднюю ночь, а на расстоянии более 60–70 км «новогодняя» аттрактивность практически сходит на нет. В майские праздники амплитуды пульсаций на западе и юго-западе за сороковым километром от МКАД достигают 2,0–2,5. По другим направлениям такие значения встречаются лишь в отдельных местах, например, на берегу Оки на юго-востоке.

Ритмы пульсаций населения Москвы и Московской области показывают, что между ними происходит стирание расселенческих границ, приводящее к их взаимопроникновению. Важными становятся положение относительно центра столицы или МКАД, характер застройки (много- или малоэтажной), образ жизни и связанные с ними ритмы трудовых и дачных миграций.

Изменение локальных траекторий развития (на примере северо-восточного сектора Московской области)

Детальный анализ тенденций социально-экономического развития Московской области проведен на примере шести муниципалитетов ее северо-восточного сектора, пересекаемого федеральной трассой М8 на Ярославль и далее. Половина из них представлена городами (Королёв, Ивантеевка, Красноармейск), а в состав трех оставшихся городских округов входят как городские, так и сельские территории. Их разная удаленность, людность, функции и положение позволяют увидеть, как эти и другие факторы меняют внутрирегиональное пространство, делая его более поляризованным или однородным.

Королёв (до 1996 г. – Калининград) – самый большой по численности наукоград страны (224 тыс. жителей), становление и развитие которого связано с реализацией советской космической программы. С 1950-х годов здесь создавались НИИ, КБ и заводы, которые и в настоящее время продолжают быть ведущими градообразующими предприятиями: РРК «Энергия» (рис. 4.2.10), ЦНИИмаш с Центром управления полетами, КБхиммаш им. А.М. Исаева (филиал АО ГКНПЦ им. М.В. Хруничева), штаб-квартира корпорации «Тактическое ракетное вооружение», АО «НПО измерительной техники» в составе холдинга «Российские космические системы», ОАО «Композит». Современная экономика города диверсифицирована, но Королёв продолжает выделяться среди других муниципалитетов области удельным весом занятых в науке (более четверти), а о статусе «космической столицы» говорят названия улиц, площадей, памятников, монументов и даже торговых центров.

Территория Королёва соткана из ранее самостоятельных городов и поселков (Подлипки, Костино, Болшево, Первомайский, Текстильщик, Юбилейный и др.), поэтому его застройка представляет собой сплав эпох, хотя и с преобладанием многоэтажных домов советского и постсоветского периодов. Близость к Москве, развитая городская среда и хорошая транспортная доступность, улучшившаяся

Рис. 4.2.10. Королёв. РКК «Энергия».

Рис. 4.2.11. Мытищи. Оптовый продовольственный центр.

с запуском в 2008 г. скоростной электрички «Спутник» (23 мин от Ярославского вокзала), дополнены благоприятным природным окружением: на юге город граничит с национальным парком «Лосиный остров», а на севере и востоке – с дачными поселками. Все это привлекает и население, и застройщиков, приводя к росту людности и строительству новых жилых комплексов.

Население ***городского округа Мытищи*** сконцентрировано в городе Мытищи (245 из 273 тыс. жителей). С появлением железной дороги территория будущего города и его окружения становятся популярными дачными местами, а в конце XIX – начале XX вв. здесь строятся вагоностроительный завод, принадлежавший С.И. Мамонтову, и фабрика искусственного шелка «Вискоза». Промышленная и селитебная функции остаются ведущими и сегодня. В советский период промышленность была усилена целым рядом значимых предприятий, появились научные учреждения и опытные производства, связанные с ВПК, а дачники были вытеснены в местности, более удаленные от Москвы.

В настоящее время главным в структуре промышленности остается машиностроение («Метровагонмаш» (рис. 4.2.4), Мытищинский машиностроительный и Мытищинский приборостроительный заводы), хотя работают старые и новые предприятия других отраслей, в том числе химической и пищевой промышленности. Продолжают функционировать и различные НИИ и КБ. При этом для современных Мытищ, название которых происходит от мытной пошлины, взимавшейся с торговцев, шедших волоком из Яузы в Клязьму, вновь значимой стала торговля, в которой задействовано более 30% занятых (рис. 4.2.11). Примыкание города к МКАД стимулировало появление крупных торгово-развлекательных центров, рассчитанных не столько на местное население, сколько на жителей столицы.

С середины 2000-х годов, когда московский строительный бум из-за исчерпания свободных строительных площадок перетек в ближнее Подмосковье, началось ускоренное строительство жилья в Мытищах, как и в Королёве. Новые жилые комплексы эконом- и бизнес-класса, этажность и внешних вид которых не уступает московским, превратили эти города в спальные районы столицы, такие же, как и расположенные внутри МКАД (рис. 4.2.12).

В отличие от Королёва территория городского округа Мытищи в несколько раз превышает площадь самого города, и здесь нет дефицита территории под жи-

Рис. 4.2.12. Мытищи. Современные жилые комплексы.

лищное строительство, которое идет намного быстрее, что отражает и динамика численности населения (рост более 30% за последние десять лет против 4% в Королёве). Активной застройке и росту населения округа препятствует только сложная транспортная ситуация. Горожане давно мечтают о появлении метро, но продление Калужско-Рижской линии, как и новая ветка строящейся станции «Марьина Роща» пока только в планах.

Территория округа вдоль Осташковского шоссе и севернее основной застройки города благодаря близости к воде (Пироговское, Пястовское, Учинское и Пестовское водохранилища) и небольшим лесным массивам представляет собой зону размещения коттеджных и садово-дачных поселков, а также среднеэтажных жилых комплексов. На периферии Мытищинского округа благодаря действию особых режимов в санитарно-охранных зонах водохранилищ, которые используются и для водоснабжения Москвы, конкуренция за землю меньше. Здесь сохранились и традиционные функции, например, промысел по изготовлению расписных подносов из жести в деревне Жостово. Благодаря наличию спроса и поддержке государства Жостовская фабрика декоративной росписи расширила линейку выпускаемых изделий, при ней открыт магазин и действует музей (рис. 4.2.13). Однако намного лучше себя чувствует расположенный рядом жилой комплекс «Уютный», внешний вид которого подтверждает его название (рис. 4.2.14).

Рис. 4.2.13. Продукция Жостовской фабрики.

Рис. 4.2.14. Жилой комплекс «Уютный» в Жостове.

Визуально межгородское пространство ***Пушкинского округа*** мало чем отличается от периферии Мытищинского: такое же обилие рек (Клязьма, Воря, Уча и др.) и водоемов (Учинское, Пестовское и Пяловское водохранилища). Однако лесов становится больше (они занимают почти половину территории муниципалитета). Вместе с отсутствием крупных предприятий это предопределяет его благоприятную экологию, хотя близость к Москве (30 км от центра) способствовала тому, что к середине XIX в. село Пушкино стало фабричным центром.

Тем не менее, с конца XIX в. после проведения железной дороги территория развивалась и как дачная, а в середине 1930-х годов Пушкино считалось одним из лучших дачных мест в Подмосковье. И в настоящее время в черту города входит много стародачных поселков, которые он постепенно поглощал при расширении своей площади. Одно из последних таких поглощений произошло в 2003 г., когда в его состав вошли Заветы Ильича, Клязьма и Мамонтовка. Сегодня только в черте города размещено 7 дачных поселков, 6 садовых товариществ советского времени, а также 5 коттеджных поселков, а в городском округе – 277 дачных поселений.

Современный ***город Пушкино*** (108 тыс. жителей) выделяется рядом институтов и других структур, связанных с лесной наукой, включая Всероссийский НИИ лесоводства и механизации лесного хозяйства, хотя занятость в науке невелика – всего 2,3% в 2018 г. Намного выше занятость в логистике (17,4%), которая уже давно активно «осваивает» эту территорию (логистический парк «Пушкино», компания «Молком», логистический центр «Глобус», строится «PNK Парк Пушкино»), а также в обрабатывающей промышленности (16,8%), представленной предприятиями разных отраслей.

При этом и в самом городе, и в его окружении в 2000-х годах активно ведется жилищное строительство. Однако в отличии от Мытищ и Королёва здесь ниже этажность и плотность, сохраняются парковые участки. Симпатично выглядит центр города (Советская площадь) с фонтаном и памятником А.С. Пушкину и И.А. Крылову, которые о чем-то беседуют на фоне торгово-развлекательного центра «Победа» (рис. 4.2.15). Символом города остается водонапорная башня на привокзальной площади, построенная в самом начале XX в., хотя разместившаяся

Рис. 4.2.15. Пушкино. Памятник А.С. Пушкину и И.А. Крылову на Советской площади.

Рис. 4.2.16. Пушкино. Водонапорная башня (возможно, по проекту Л. Кекушева).

Рис. 4.2.17. Ивантеевка. Корпуса текстильной фабрики XIX в. в центре города.

Рис. 4.2.18. Красноармейск. Здания прядильно-ткацкой фабрики «КРАФТ».

перед ней автостанция со скопищем автобусов и маршруток, напоминает 1990-е годы (рис. 4.2.16).

Стремительно развивается селитебная функция и в ***Ивантеевке***, расположенной в 2 км от Пушкино. Ее население выросло за десятилетие на 40% и составляет сейчас 83 тыс. человек. Как фабричный центр она была известна еще с XVIII в., став к началу XX в. крупным промышленным селом. В советский период основу экономики составляли три текстильные фабрики, хотя появился и ряд других предприятий, включая селекционный лесной питомник и дендрарий. Однако уже в 2000 г. значимость крупнейших градообразующих предприятий резко упала, в настоящее время они практически не работают (рис. 4.2.17), Ивантеевка перестала быть центром текстильной промышленности, а ее промышленный комплекс образуют в основном малые и средние обрабатывающие предприятия.

Учитывая, что в конце 2020 г. Ивантеевка вошла в состав городского округа Пушкино, можно предложить, что в Московской области может появиться еще один «спальник» с почти 200-тысячным населением. Близость к Москве, удобное железнодорожное сообщение, развитая торговля и логистика, представленные многочисленными центрами как в самих этих городах, так и вдоль Ярославского шоссе, будут привлекать сюда мигрантов, способствуя сохранению значительных объемов жилищного строительства.

Несколько в стороне от Ярославского шоссе находится ***Красноармейск*** – типичный пример развития небольшого подмосковного города. Его появление, как и многих других поселений в Московской губернии, связано с фабричным строительством – появлением в 1834 г. Воскресенской бумагопрядильной фабрики. В предвоенный период к северу от нее начал работу Софринский артиллерийский полигон (позднее НИИ «Геодезия»), а в 1947 г. поселки при фабрике и полигоне были объединены в один город. После войны специализация на ВПК была усилена появлением на территории полигона новых предприятий оборонного значения по созданию боеприпасов и реактивного вооружения (Красноармейский НИИ механизации). Понятно, что в условиях рынка специализация на отраслях ВПК и текстильной промышленности оказалась крайне неблагоприятной. Красноармейская прядильно-ткацкая фабрика имени Красной Армии и Флота

(«КРАФТ»), от которой получил свое название вначале рабочий поселок, а потом и сам город, в 2014 г. была закрыта. Полигон благодаря госзаказу продолжает работу, все также занимая огромную территорию, которая во много раз больше площади самого города.

Благодаря небольшой удаленности от Москвы (37 км от МКАД), город держится на плаву. Появились новые небольшие предприятия пищевой промышленности и строительных материалов (правда на них в основном работают мигранты). Остается практически стабильной численность населения. Однако это не позволило сохранить ансамбль ткацкой фабрики и плотины при ней, большая часть объектов которого находится в полуразрушенном состоянии (рис. 4.2.18).

Сергиево-Посадский городской округ расположен на окраине Московской агломерации. По меркам подмосковных пригородов здесь заметно меньше плотность населения и экономической жизни, больше открытых пространств между населенными пунктами, появляются ухоженные поля и большие лесные массивы (рис. 4.2.19). При этом занятость в сельском и лесном хозяйстве находится на крайне низком уровне (1,2% в 2018 г.).

Тем не менее, численность населения округа сокращается, включая и его центр. ***Сергиев Посад***, в отличие от Пушкино, который превысил рубеж в 100 тыс. чел. с 2010 г., достиг его еще в середине 1970-х годов, но с 2021 г. перестал входить в число стотысячников, занимая 21 место в рейтинге людности подмосковных городов.

Сергиев Посад (в 1930–1991 гг. – Загорск) своим названием обязан Сергию Радонежскому – основателю Троице-Сергиевой лавры, с которой связаны возникновение и известность города. В настоящее время этот крупнейший мужской монастырь Русской православной церкви, входит в список Всемирного наследия, включает более 50 объектов, в том числе Московскую духовную академию и се-

Рис. 4.2.19. Поля и леса на территории Сергиево-Посадского округа.

Рис. 4.2.20. Сергиев Посад. Центральная часть города.

Рис. 4.2.21. Сергиев Посад. Электромеханический завод «Звезда».

минарию. Под обслуживание многочисленных паломников и туристов (магазины, лавки, рестораны, отели) «заточен» и несколько лубочный центр города, который входит в Золотое кольцо России (рис. 4.2.20). Сергиев Посад известен и историко-художественным музеем-заповедником с одним из крупнейших в стране собранием древнерусского искусства XIV–XIX вв., который был создан в 1920 г. на основе ценностей лавры.

При этом Сергиев Посад, как и положено городу с почти стотысячным населением, обладает диверсифицированной экономикой, включая развитую промышленность (машиностроение, химическая промышленность и связанная с ней наука, деревообработка, пищевая промышленность и др.). Среди знаковых предприятий советского времени можно выделить Загорский оптико-механический завод – детище первых пятилеток (основан в 1935 г.) и электромеханический завод «Звезда», который, начав с выпуска в 1941 г. пистолетов-пулеметов Шпагина, противотанковых и ручных гранат, с 1957 г. стал специализироваться на выпуске вычислительной техники специального назначения для системы противоракетной обороны страны (рис. 4.2.21). Оба предприятия тяжело пережили кризис, но сегодня именно оборонный заказ позволяет им держаться на плаву.

Сергиев Посад, как и весь округ, известен своими матрешками и деревянными игрушками: деревянный резной промысел возник в этих местах еще в XVII в. Считается, что первая русская матрешка была выточена именно здесь в 1890–1900 гг., в 1904 г. в городе была создана фабрика матрешек, продолжающая выпускать как традиционную загорскую матрешку, которая делается и расписывается вручную, так и неваляшки и деревянные куклы, одетые в костюмы народов России.

Не менее известна и богородская игрушка. Как и 300 лет назад ее «режут» вручную из липы на фабрике, которая была открыта в 1960 г. на базе издавна существующего кустарного промысла деревянных игрушек в селе Богородское (в 27 км к северу от Сергиева Посада). Как во многих центрах Подмосковья, советский период развития кардинально изменил это место из-за строительства с 1974 г. Загорской ГАЭС и рабочего поселка при ней. Ее последний шестой гидроагрегат был построен в 2000 г., в настоящее время возводится ГАЭС-2. Благодаря

Рис. 4.2.22. Загорская ГАЭС-2.

Рис. 4. 2.23. Пересвет. Жилой квартал.

ГАЭС современное Богородское – большой поселок с населением более 9 тыс. чел., большая часть которых живет в многоэтажных домах.

С нижним бассейном и водохранилищем Загорской ГАЭС-2 граничит Краснозаводский химический завод. Он основан на базе Троицкого стяжательного завода в 1915 г. для снабжения боеприпасами вначале царской, а затем и Красной армии. В 1940 г. поселок стал городом ***Краснозаводском***, а его расцвет пришелся на послевоенный период, когда при заводе появился техникум, конструкторское бюро, активно развивалось производство. Сегодня жизнь этого небольшого города с медленно уменьшающимся населением по-прежнему связана с химическим заводом, который хотя и тяжело, но пережил перестройку и реформы и остается ведущим в стране разработчиком и производителем патронов, фейерверков и пиротехнических изделий.

Водохранилище Загорской ГАЭС-2 (рис. 4.2.22) отделяет от Краснозаводска выделенный из его состава в 2000 г. ***Пересвет***. Свое название этот город получил в честь участника Куликовской битвы монаха-воина Пересвета, но его появление связано со строительством в 1948 г. испытательного центра ракетно-космической техники. В настоящее время Научно-испытательный центр ракетно-космической промышленности (НИЦ РКП ФКА) сохранил свою специализацию и входит в состав Федерального космического агентства (рис. 4.2.23).

Новый импульс город получил в 2009 г., когда был построен Изоляционный трубный завод, который специализируется на нанесении изоляционных покрытий на стальные трубы различного диаметра для ЖКХ и нефтегазового комплекса (входит в тройку крупнейших профильных производств страны). В 2015 г. рядом с этим предприятием появился Загорский трубный завод по выпуску труб для нефтегазовой отрасли, ставший одним из крупнейших игроков российского трубного рынка. С 2020 г. прорабатывается проект создания нового производства по выпуску бесшовных труб, который планируется осуществить в 2021–2023 гг. Появление целого металлургического комплекса может изменить облик этого небольшого городка с практически стабильной численностью населения (немногим более 13 тыс. чел.). Уже сегодня сайт Загорского трубного завода пестрит вакансиями и запросами людей из разных мест, а появление 1000 новых рабочих мест может вызвать приток населения и активизировать новое жилищное строительство.

* * *

В постсоветский период Московская область стала полигоном реализации новых моделей, стимулирующих рост экономики. При этом даже при высокой концентрации экономического и человеческого потенциала пространственные различия в ней весьма выражены.

В рыночных условиях диффузия роста и развития в пределах агломерации происходила по центр-периферийной модели от Москвы к удаленным и менее крупным городам Подмосковья. Тем не менее, из-за высокой инерционности систем расселения основные пропорции в расселении изменились незначительно. Как и в предыдущие периоды, районы с быстрорастущим населением – это территории массового жилищного строительства, расположенные вблизи МКАД. При этом функциональная нагрузка окраинных районов заметно изменилась.

Главной спецификой пригорода города-гиганта является ярко выраженное соперничество, доходящее до конфликтов, разнообразных пользователей территории. Особенно остро это проявляется в ближних пригородах, где селитебная функция в сочетании с торговлей и услугами становится основной и продолжает вытеснять производственные функции. Как следствие, промышленность и сельское хозяйство перемещаются в более удаленные пояса области, где они вступают в конфликт с плотным дачным освоением территории. Тем не менее утрата старых приближенных к Москве производственных функций часто сопровождается формированием новых центров промышленного производства.

Различия в функциональной трансформации дачного жилья также подчинены центр-периферийному градиенту. Благодаря возвратным миграциям населения происходит стирание границ между Москвой и Московской областью. Проживание относительно центра столицы или МКАД, время поездки, характер застройки, образ жизни становятся важнее столичного статуса жилья. Характерны и концентрические пояса с разными режимами использования дач (круглогодичными или сезонными), которые расширяются по наиболее популярным направлениям и сужаются в менее привлекательных секторах. Свое влияние также оказывает высокая концентрация в Подмосковье городских центров с собственными пригородными зонами. Все это формирует достаточно сложные и многоуровневые пространственно-временные структуры расселения.

Прекрасной иллюстрацией этих сдвигов стали муниципалитеты, расположенные по Ярославскому лучу. В зоне ближних и средних пригородов происходит рост населения и приток мигрантов (Мытищи, Королёв, Пушкино, Ивантеевка, Красноармейск), что ведет к усилению селитебных функций. Одновременно в них уменьшается значимость традиционных отраслей специализации, прежде всего промышленности и науки, вплоть до полной ликвидации, как, например, в Ивантеевке и Красноармейке, и вытеснение старых дач. Активно развиваются торговля и логистика. На периферии области – в Сергиево-Посадском городском округе – наоборот, дачное использование территории становится доминирующим, но при этом промышленность сохраняет свою значимость при ее структурной перестройке и появлении новых промышленных центров.

В целом изменение условий размещения наиболее мобильных отраслей экономики (торговли, логистики, модульного промышленного производства) приводит к формированию нового каркаса территории. Результатом трансформаций стало расширение ядра агломерации, что хорошо показывает пример Мытищ и Королёва, которые даже визуально сложно отличить от спальных районов на периферии Москвы. Одновременно идет перераспределение функциональной нагрузки между концентрическими зонами Московской области. При этом формирование отдельных новых экономических центров (прежде всего производственных) в окраинных зонах области не может переломить общий центр-периферийный принцип ее пространственной организации.

Глава 4.3. На северо-восток от столичного ядра

История славянской колонизации этих земель начинается примерно в X в., когда славянские племена, вытесняя и ассимилируя финно-угорские народы, занимали наиболее подходящие для ведения сельского хозяйства территории. Наилучшие условия оказались в районе Суздальского ополья с плодородными почвами, нехарактерными для зоны смешанных лесов. По периметру ополья возникли древние поселения, ставшие городами, в числе которых – Ростов, Суздаль, Переславль-Залесский и Владимир. После объединения земель и возвышения Москвы в Волжско-Окском междуречье формируется ранняя и густая сеть поселений, сводятся леса, распахиваются удобные для ведения сельского хозяйства земли. Бедность почв за пределами небольших очагов ополий делала земледелие рискованным, но зато удавались при значительном вложении ручного труда технические культуры: лен, пенька на продажу. Также торговали шерстью и кожами. От Москвы протягивались торговые пути, связывавшие столицу с другими городами, формировались транзитные коридоры, на которых возникали города и сельские центры народных промыслов.

На рубеже XIX–XX вв. доля сельских жителей составляла здесь 87–89%, а плотность населения, например, в Ярославской губернии, достигала 28 чел./км^2 (как в современном Краснодарском крае). За пределами плодородных ополий, котловин крупных озер и долин крупных рек с пойменными почвами, земля не могла прокормить столько населения, что способствовало развитию крестьянской промышленности и отходничества, а также способствовало предприимчивости сельских жителей, искавших различные неаграрные занятия (Аверкиева и др., 2021).

С увеличением поставок хлеба из южных регионов и усилением территориального разделения труда между южными и центральными районами на базе крестьянских кустарных занятий появляются промышленные производства. Одними из первых стали текстильные предприятия в треугольнике Москва – Ярославль – Ковров. К середине XIX в. за селом Иваново, которое оказалось в центре этого треугольника, окружающими его селами, уездными городами Шуей и Кинешмой, а также за юго-западной частью Костромской области закрепляется репутация текстильного края, производящего большую часть хлопчатобумажной продукции России. Екатерининский запрет на размещение энергоемких производств вблизи столиц способствовал появлению ареалов стекольных и фарфорово-фаянсовых предприятий: помимо полосы вдоль Санкт-Петербургского тракта возникло несколько кустов к востоку от Москвы, наиболее крупный – в Мещёре, с центром в городе Гусь-Хрустальный. По мере развития железнодорожного строительства в XIX в. в городах Центральной России стали возникать вагоно- и локомотивостроительные производства, машиностроение развивалось и в волжских городах, где строились суда. На базе сельского хозяйства вырастали первые, иногда довольно крупные перерабатывающие производства. Так, Ярославская губерния стала основным в Российской империи регионом производства крахмала на местном картофеле, что впоследствии превратило ее в один из первых центров отечественной химической индустрии.

Этот регион к северо-востоку от Московской области скрепляли не только общность географического положения, но периодически и административные меры. Так в 1918 г. была образована Иваново-Вознесенская губерния, в которую вошли юго-западная часть Костромской и север Владимирской областей. В 1929 г. создается Ивановская промышленная область, объединившая огромную территорию. И только с 1936 по 1944 г. из нее постепенно выделились сначала Ярославская, потом Костромская и Владимирская области.

В начале XX в. экономический рост северо-восточных староосвоенных регионов Центра базировался, с одной стороны, на выгодах географического положения (судоходная Волга, близость к Москве и плотная дорожная сеть), с другой – на изобилии рабочих рук, усилившемся благодаря демографическому переходу.

Советская модель промышленности была несовместима с самодеятельными промыслами и купеческими традициями предпринимательства. Отходничество было ликвидировано, капиталистых крестьян[74] – раскулачили, промыслы объединили в артели и тресты. Экономика после шоковых событий (национализация фабрик, бегство фабрикантов и массовые аресты инженеров), опираясь на дореволюционное промышленное наследие, пошла по пути утяжеления и укрупнения. При сохранении старых отраслей начали формироваться новые, ориентированные уже не столько на использование местных ресурсов и преимуществ положения, сколько на кооперацию с динамично развивающимся хозяйственным комплексом Москвы. Москва должна была сочетать в себе наиболее передовые отрасли промышленного производства, а в староосвоенных областях Центра строились вспомогательные заводы. В единых условиях плановой экономики началось напластование различных технологичных укладов: дореволюционные текстильные предприятия соседствовали с заводами электроники, на тот момент высокотехнологичными.

Похожая ситуация наблюдалась и в сельском хозяйстве. Формировалась колхозно-совхозная система с почти универсальным набором отраслей специализации при постоянном расширении доли зерновых культур. Правда, были исключения, например котловина оз. Неро в Ростовском районе, где колхозная система имела более сложную организацию в кооперации с традиционными здесь частными овощными хозяйствами (Саушкин, 1947, с. 174).

С 1970-х годов, несмотря на растущие затраты на поддержку сельского хозяйства, в этих регионах, как и во многих других нечерноземных областях за пределами Московской области, фиксируется уменьшение урожайности культур и продуктивности скота (Нефедова, 2013а, с. 61–62). Так, в Ярославской области объемы производства сельскохозяйственной продукции стали сокращаться на 2–6% каждую пятилетку (Народное ..., 1991, с. 174), обозначилось сжатие сельскохозяйственных угодий с 1,5 млн га в 1970 г. до 1,1 млн га в 1990 г.

Стремительная индустриализация и рост городов, особенно региональных центров, сочеталась с избирательным инфраструктурным наполнением сельской местности. Электричество не всегда подводили к небольшим деревням, дороги

[74] Капиталистые крестьяне – это, по сути, крестьяне-предприниматели, они могли быть как крепостными, так и свободными, например, выкупившимися на волю (Сметанин, 2005; Бессолицын, 2006, с. 85–89).

строились преимущественно к центральным усадьбам колхозов еще до начала кампании сселения неперспективных деревень. На этом фоне выдача паспортов сельским жителям усилила отток из сельской местности и рост городов, особенно крупных.

Таким образом, процессам сильной сельской депопуляции и поляризации освоенного пространства был дан старт еще в советское время, хотя его физическое сжатие тормозилось мощной поддержкой сельского хозяйства и жестким контролем за уменьшением посевных площадей и поголовья скота.

В постсоветский период поляризация усилилась из-за кризиса многих местообразующих предприятий и потерь населения малыми и средними городами. Региональные центры оказались в лучшем положении как благодаря диверсифицированной экономике и наличию более современных производств, так и за счет административного статуса. Тем не менее, траектории развития регионов старопромышленного центра различались.

Наиболее промышленные Ярославская, Ивановская и Владимирская области пошли после непродолжительного шока 1990-х годов по пути реиндустриализации, опираясь на сложившиеся традиции, навыки населения и преимущества близости к столице. Владимирская область в числе первых начала принимать предприятия пищевой промышленности, в том числе недалеко от границ с Московской областью, выносимые за пределы Москвы или новые, которые изначально планировалось построить вне столицы. Постепенно стали появляться новые предприятия и в традиционном для Владимирской области машиностроении, по-прежнему ориентированные на столичные потребности (коммунальная и бытовая техника, навигационные приборы и др.). В Ярославской области одновременно с модернизацией наиболее крупных производств (нефтехимических, химических, машиностроения) построены новые предприятия, ориентированные на столичные рынки (строительная техника, стройматериалы, фармацевтика). Наряду с реальным сектором развивается и третичная сфера, за счет возрастания роли различных го-

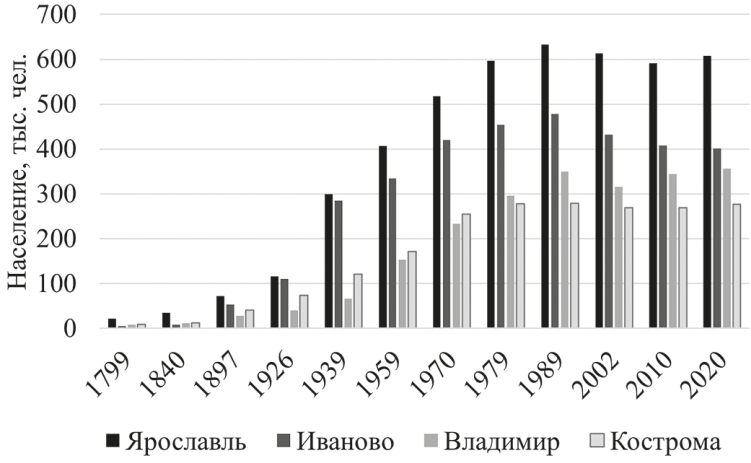

Рис. 4.3.1. Численность населения региональных центров, тыс. чел. *Составлено* по данным переписей населения.

сударственных услуг, размещения логистических центров, офисов телекоммуникационных корпораций, развития туристической инфраструктуры. Традиционное текстильное производство сильнее сдало в Костромской области, в то время как в Ивановской после уменьшения производства большинства видов продукции в последние годы началось усиление роли текстильной отрасли с учетом изменения рынка (трикотажное полотно, швейная фурнитура, дизайн одежды). Регион возвращает себе позиции если не ситцевого, то хотя бы трикотажного края.

Неравномерность всех этих процессов сказалась и на росте населения региональных столиц (рис. 4.3.1). Ярославль почти всегда главенствовал на этой территории. Только короткий период образования Иваново-Вознесенской губернии и мощной Ивановской промышленной области после установления советской власти позволили ее центру сделать рывок и почти сравняться с Ярославлем по численности населения. Однако в последующие годы Иваново безнадежно отставало, особенно в постсоветский период. Положение Владимира, наоборот, значительно улучшилось, с начала 2000-х годов наблюдается восстановительный рост населения благодаря близости к Москве.

Костромская область – исторически менее индустриальная – на фоне старопромышленного ядра немного теряется, имея куда более низкую плотность населения и разреженную сеть малых городов. Однако столица региона Кострома, как мощный текстильный центр, до 1970 г. опережала по численности населения Владимир и только в последние годы с упадком текстильной отрасли и машиностроения стала заметно отставать от соседних региональных столиц. Численность ее населения держится только благодаря внутрирегиональным миграциям костромичей из периферийных районов области, хотя сама Кострома отдает население

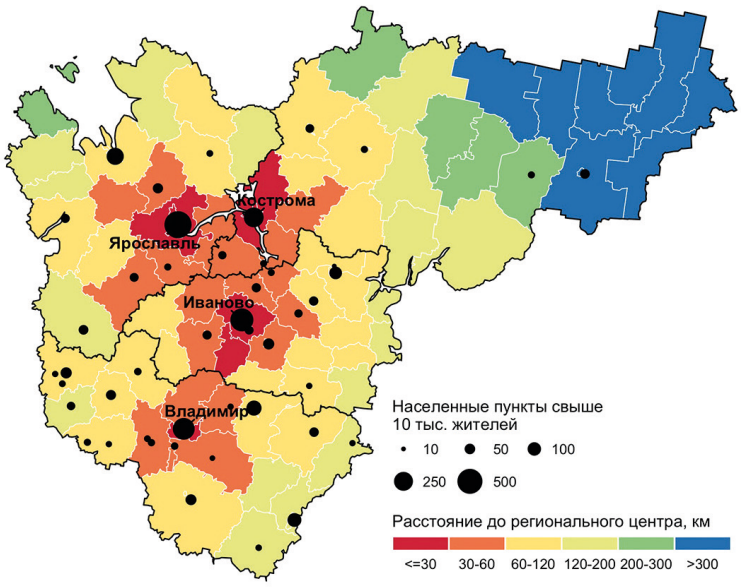

Рис. 4.3.2. Относительная сближенность центров регионов к северо-востоку от Московской области, 2017 г.

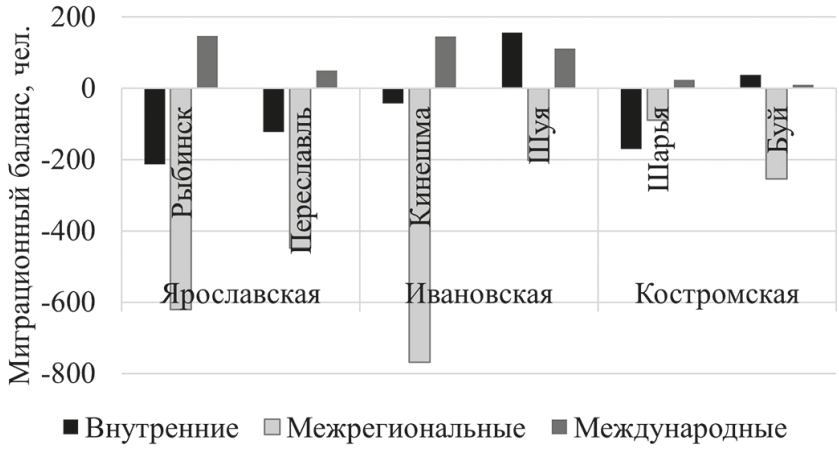

Рис. 4.3.3. Миграционный баланс вторых и третьих по численности населения (после региональных центров) городов Ярославской, Ивановской и Костромской областей в среднем за 2012–2017 гг., чел.

Москве и Ярославлю. Ее положение усугубляется удаленностью от Москвы, область все в большей степени существует за счет эксплуатации природных, прежде всего, лесных, ресурсов, а также некоторых уникальных производств[75].

Особенностью этой территории является также относительная сближенность центров регионов, формирование своеобразного «рассеянного центрального места» (Шупер, Эм, 2012) недалеко от границ с Московской областью. Это усугубляет степень периферизации удаленных муниципальных образования Ярославской, Ивановской, Владимирской и особенно Костромской областей (рис. 4.3.2).

Почти все вторые и третьи по численности населения города этих областей теряют жителей во внутрирегиональных миграциях в региональные центры, но особенно активно население уезжает за пределы областей, в основном в Московский столичный регион (рис. 4.3.3).

При нарастании межрегиональных контрастов эти староосвоенные области Центра России сочетают в себе, с одной стороны, процессы восстановительного роста экономики и модернизации/трансформации хозяйственного комплекса, а с другой стороны – процессы поляризации освоенного пространства (Аверкиева и др., 2021). Поляризация проявляется в опережающем росте региональных центров и их пригородов на фоне депопуляции малых и даже средних и больших городов и остальных сельских территорий и в усилении межрайонных контрастов. Более подробно это будет показано на примере Ярославской и Костромской областей.

Концентрация промышленности в крупных городах и пространственная поляризация сельского хозяйства способствовали резкому уменьшению официальных рабочих мест в малых городах и сельских районах, особенно после «оптимизации» сети социальной инфраструктуры. В 2017 г. доля занятых в организациях разного профиля, включая бюджетную сферу, в муниципальных районах составляла по данным Росстата от 30 до 50% населения в трудоспособном возрасте при

[75] См. Главу 4.6. От Костромы до областных окраин.

слабом развитии малого бизнеса. Это стимулировало усиление миграций населения на заработки в Москву и Московскую область, отчасти воспроизводя дореволюционное отходничество (Между домом …, 2016).

Наиболее проблемные регионы в этом секторе – Ивановская и Костромская области. Однако предлагаемые стратегии их развития построены по общероссийскому шаблону и малопригодны для решения конкретных региональных и муниципальных проблем.

Например, в Стратегии социально-экономического развития Ивановской области демографические проблемы названы одними из ключевых факторов риска развития региона (Батунова и др., 2021). В качестве одной из стратегических целей обозначен переход на нулевой уровень естественной убыли населения, улучшение его здоровья, значительное сокращение миграции в соседние регионы, социальная поддержка населения, хотя территориальная привязка обозначенных мероприятий отсутствует. Даже в документах территориального планирования, где демографический раздел является одним из основных, поскольку на него опирается инфраструктурное планирование, включая жилищный фонд (Батунова, 2017), прогнозируемая численность населения либо не обосновывается вовсе, либо основывается на предположениях «об эффективности» возможных мер со стороны властей по регулированию ситуации. Осознания того, что убыль населения требует учета разных приоритетов и возможностей конкретных территорий, как правило, недостаточно. Правительства ориентированы на реализацию «проактивных стратегий, целью которых должен стать кардинальный поворот тренда изменения численности населения, или хотя бы ее стабилизация» (Батунова и др., 2021).

Те же проблемы характерны и для Костромской области. В ее Стратегии социально-экономического развития до 2035 года в качестве слабых сторон и угроз развития признается объективное сокращение численности населения, в том числе из-за превышения смертности над рождаемостью и усиления оттока его трудоспособной части вследствие дифференциации уровня жизни, инфраструктурных ограничений и т.п.[76]. При этом проблемы видятся в усилении конкуренции соседних субъектов РФ и в недостаточности мер государственной поддержки. Однако в качестве приоритетов социально-экономической политики ставятся не торможение уменьшения населения, а сразу – увеличение его численности. При этом в области активно идет процесс создания городских и муниципальных округов, что ведет к резкому уменьшению социальной инфраструктуры (школ, объектов здравоохранения, культуры), усиливает отъезд населения[77]. А в Стратегии указано развитие социальной инфраструктуры, в том числе в сельских населенных пунктах. Создается впечатление, что авторы раздела о социально-экономической политике не читали предыдущие разделы Стратегии или писали перспективы по определенному шаблону. Недаром эти части Стратегии обычно мало отличаются в документах, создаваемых для разных регионов страны. В конце приводится

[76] Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/af4c2183143dc57efbab6cf3a14229b4/Strat_KO.pdf.

[77] См. Главу 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы, а также главы 4.6 и 4.7, посвященные Костромской области.

лишь перечень существующих и предполагаемых экономических объектов в Костромской области, которые не могут «автоматически» дать и прирост населения, и улучшение всех социальных показателей.

* * *

Несмотря на сохранение некоторых дореволюционных и советских отраслей специализации главными стимулами развития регионов северо-восточного сектора Центральной России и в советское время, и в последние годы служит диффузия инноваций и инвестиций из Москвы и ее огромный потребительский спрос. При этом столичный регион продолжает поглощать их население, что способствует противоречивым тенденциям современной трансформации этих территорий.

При постиндустриальном развитии Москвы для регионов к северо-востоку от столичного в последние годы характерно возобновление развития промышленности и размещение новых отраслей, что отчасти напоминает стремительный рост конца XIX в. Однако если в советские годы промышленность в большей степени обслуживала производственный комплекс Москвы, то сейчас многие предприятия поставляют продукцию и по всей России. При них, особенно если предприятия расположены в крупных городах, существуют научные центры, разрабатываются новые виды продукции.

Исторический подход позволяет в этой и следующих главах проследить влияние смены укладов на пространственную поляризацию регионов. При этом ее постсоветское усиление свидетельствует о том, что после советской унификации разные регионы, районы и города ищут свои экономические ниши, уходя от не всегда эффективных отраслей и адаптируясь к новым условиям.

В этих ближайших к Московской области регионах очень сильны контрасты между крупными и малыми городами, пригородной и периферийной сельской местностью, которые обозначились в XIX в., оформились в советское время и усилились в постсоветские годы при резкой трансформации экономических условий. Наличие рабочих мест и более качественная городская среда в крупнейших городах влекут за собой пролонгирование урбанизации и продолжение оттока населения на постоянное место жительства или на временные работы из малых городов и сельской местности в региональные центры или в Московскую агломерацию. Это зачастую блокирует предлагаемые в стратегиях проекты развития. Замедлить эти процессы можно только приданием большей самостоятельности низовым ячейкам, поддержкой в них ключевой социальной инфраструктуры с рабочими местами и любых форм среднего и малого бизнеса.

Глава 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов

Процессы пространственной поляризации можно показать на примере Ярославской области, где динамично развивается региональный центр – наиболее крупный город в окружении Москвы, и в то же время даже на такой сравнительно небольшой территории внутренние контрасты велики и усиливаются.

Концентрация рабочих мест в Ярославле и Рыбинске и бурная урбанизация XX в. способствовали тому, что 2/3 из 1,3 млн жителей области сосредоточились в настоящее время в двух главных городах. Однако если людность Ярославля, хотя и колеблется, но в целом сохраняется, благодаря внутрирегиональным, межрегиональным миграциям населения на постоянное место жительства, международным мигрантам и тысячам отходников[78], то Рыбинск относится к «сжимающимся» большим городам. С 1989 г. он потерял свыше четверти жителей из-за сокращения рабочих мест, в основном на машиностроительных предприятиях (рис. 4.4.1).

Активное промышленное развитие Ярославской области началось в XVIII в., хотя отдельные промыслы вдоль транспортного коридора Москва – Архангельск появлялись и ранее. В числе первых, как и по всему Верхневолжью, стала развиваться ткацкая промышленность. Она существовала еще с XVII в. в виде надомного ткачества и распределенной мануфактуры, а в 1722 г. по указу Петра I в Ярославле была основана Ярославская Большая мануфактура. Центры ткацкого производства были в Брейтове, Черкизове на северо-западе области, а также в Ярославском уезде, в селах Великое и Диево-Городище и в самом губернском центре. Во второй половине XIX в. происходило укрупнение и перестройка существовавших ткацких фабрик и строительство новых, в частности, нескольких фабрик, объединенных в советское время в комбинат «Красные ткачи» в одноименном поселке под Ярославлем, льняные мануфактуры «Рольма» (Ростов) и «Тульма» (Тутаев), Локаловская мануфактура в с. Гаврилов-Ям. Все предприятия за исключением тех, что находятся в региональном центре или его пригородах, уже прекратили свою деятельность.

Ярославская Большая мануфактура, называемая ныне «Красный Перекоп» (рис. 4.4.2, 4.4.3), поначалу работала на американском хлопке, затем – на среднеазиатском, к середине XIX в. значительно расширилась, выпуская разнообразные полотняные ткани, на ней тогда было занято более 11 тыс. человек. При фабрике, включавшей много корпусов, постепенно был создан и расширен в советские годы городской район с жильем для рабочих, домом культуры, школами и т.п. В 1990-е годы фабрика, как большинство текстильных предприятий, оказалась в сложной ситуации, в том числе и из-за отсутствия сырья из Средней Азии. Зарплаты были низкими, специалисты уходили, были и попытки рейдерского захвата комбината, занимающего вместе с подсобными помещениями значительную площадь города. Хотя масштабы производства сократились, выйти из кризиса удалось только к 2006 г. Еще в военные годы фабрика частично перешла на производство технических тканей, что и стало основой современного производства. Тем не менее заброшенность многих корпусов и складов, неухоженность бывших общежитий,

[78] См. Главу 4.1. Путешествие по избранным маршрутам.

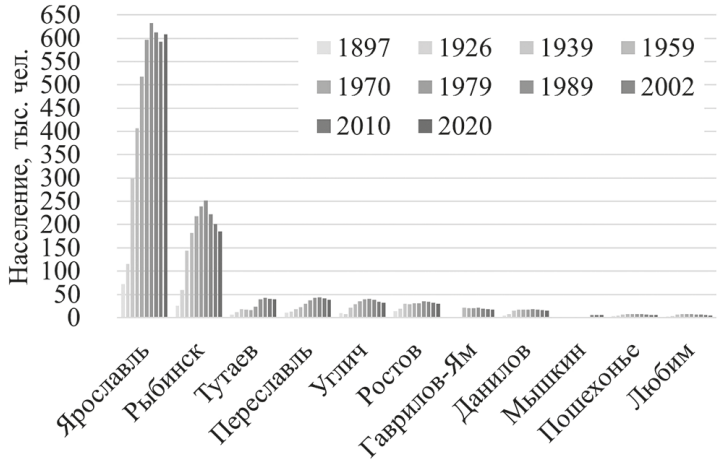

Рис. 4.4.1. Число жителей в современных городах Ярославской области с 1987 по 2020 г., тыс. чел. *Составлено* по материалам переписей населения и текущим данным Росстата.

переоборудованных под квартиры, смена состава населения создают эффект маргинальности всего фабричного района. Недаром именно здесь по примеру старых фабричных районов Европы и Москвы планируется переоборудование корпусов и использование их под офисы, мастерские, выставки, фестивали и гостевые дома, а также создание в этом районе технопарка, объединяющего образовательные, научные и промышленные центры.

Наряду с текстильным производством в области издавна развивались и другие. В окрестностях Ярославля сформировались центры обработки металла, ярославские крестьяне занимались обработкой дерева, в том числе производством деревянной посуды и ткацких станов. На северо-востоке области, особенно в Мологском уезде, было развито крестьянское судостроение. Ежегодно крестьяне спускали на воду 900 судов.

Рис. 4.4.2. Ярославль. Корпуса современной фабрики «Красный Перекоп».*

Рис. 4.4.3. Ярославль. Заброшенные фабричные склады и квартиры рабочих.

* Все фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой.

Стремительная индустриализация началась в области почти за полвека до советского времени. Появлялись различные купеческие и крестьянские производства, основанные на местных ресурсах (глина, песок, излишки сельскохозяйственного сырья) или выгодах географического положения, одновременно на Волге и важных транзитных дорогах. Так, в 1880-х годах в окрестностях Рыбинска строится изразцовый завод купца В.А. Аксёнова в с. Никольское и фарфоровый завод купца П.А. Никтина в с. Песочное. Вскоре его выкупил «король русского фарфора» Матвей Кузнецов и наладил производство широкого ассортимента изделий, в том числе пиал и «бухарских» чайников для Средней Азии, куда они доставлялись по Волге. Завод просуществовал до начала 2010-х годов.

На местные ресурсы опиралась и овощеконсервная промышленность Ростова и окрестностей, а также кофе-цикорная. Выращиванием цикория под Ростовом занимались еще с 1800-х годов, а к концу века там появилось около 20 цикорных фабрик. Напиток из цикория заменял крестьянам и небогатым мещанам дорогие импортные чай и кофе. Уже в советские годы на базе паровой цикорной фабрики А.П. Селиванова в Ростове был создан кофе-цикорный комбинат, постепенно к цикорию добавилось производство чайных и кофейных напитков, квасного концентрата.

В середине XIX в. на базе местного картофеля строились многочисленные крахмало-паточные заводы (при них в качестве вспомогательных были небольшие производства серной кислоты, скипидара), но к концу века все производство сосредоточилось на паточно-химическом заводе купца Н. Понизовкина. К тому времени Ярославская область лидировала по объемам выращивания картофеля и производства крахмала в России. Сейчас этих производств нет, а завод Понизовкина находится в состоянии живописных руин. Но традиции химической промышленности были прочно заложены в специализацию Ярославской области.

Выгоды географического положения способствовали появлению множества нехарактерных для этой местности отраслей. В 1879 г. в пос. Константиновском под Романовом-Борисоглебском (ныне – Тутаев) был построен первый из ныне действующих в России завод смазочных масел, сейчас он существует под названием ЯНПЗ имени Д.И. Менделеева. В Рыбинске, который стал важнейшим перевалочным пунктом на Волге и динамичным промышленным центром, развивалось складское хозяйство (здесь были и нефтяные склады братьев Нобелей), мукомолье. Купцы строили паровые мельницы, пивоваренные заводы, в том числе завод «Богемия» Ивана Дурдина, который действует и по сей день. В Ярославле в 1886 г. была построена крупная табачная фабрика Н.Ф. Дунаева, носившая название «Балканская звезда» и известная до настоящего времени (с 2011 г. входит в корпорацию Imperial Tobacco).

Незадолго до событий 1917 г. в Ярославле начинает строиться Ярославский автомобильный завод, что предопределило промышленную специализацию области в XX в. Изначально он выпускал небольшие грузовые автомобили, а со второй половины XX в. перешел на производство автомобильных дизельных двигателей. Сейчас завод входит в группу компаний «ГАЗ» и выпускает дизельные двигатели для автобусов и дизельные электростанции. В годы первых пятилеток в Ярославле на базе заводов по производству синтетического каучука и резино-асбестового

комбината появляется Ярославский шинный завод, который должен был снабжать шинами стремительно развивающееся автомобилестроение Москвы. Сейчас это крупное производство, входящее в холдинг «Кордиант». Автомобилестроение столицы обслуживал и укрупненный в советские годы лакокрасочный завод (выросший из купеческой свинцово-белильной фабрики середины XIX в.), который выпускал автомобильные эмали. Теперь АО «Русские краски» – одно из крупнейших в России по производству лакокрасочной продукции. К сожалению, завод непосредственно примыкает к уникальной церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи XVII в. (изображена на купюре в 1000 рублей), что приводит к постепенному разрушению прекрасного памятника архитектуры. Близкая специализация и у крупной компании «Луч», которая выпускает художественные краски и товары для творчества. Главным в химической отрасли является Ярославский нефтеперерабатывающий завод (рис. 4.4.4), построенный в 1960-х годах. Он входит в пятерку крупнейших НПЗ в России и является важным источником наполнения бюджета Ярославля и всей области наряду с предприятиями машиностроения и лакокрасочной отрасли.

В отличие от многих других промышленных городов Ярославль в постсоветский период усилил свою индустриальную специализацию благодаря новым автосборочным производствам (сборка строительной техники) и фармацевтической отрасли, разместившимся на окраине города, появились новые производства строительных материалов и уникальный завод по производству строительных 3D-принтеров.

Вторым промышленным центром остается Рыбинск. В советские годы на базе завода «Русский Рено» было налажено производство авиационных двигателей, позже к нему добавились различные турбины и оборудование для атомной промышленности. В настоящее время холдинг «Сатурн» в Рыбинске – один из ведущих в России по производству газотурбинных двигателей и их комплектующих. Кроме того, в городе действуют другие предприятия машиностроения: за-

Рис. 4.4.4. Нефтеперерабатывающий завод «Славнефть-ЯНОС» на южной окраине Ярославля.

воды по производству снегоходов, мотовездеходов, дорожных машин, несколько судостроительных компаний, крупный кабельный завод. Одновременно в городе расположено немало рядовых производств – пищевых, мебельных и др. Сверхиндустриальный Рыбинск особенно болезненно переживал постсоветский период, некоторые отрасли не смогли адаптироваться к новым условиям. К тому же современная модернизация большинства производств привела к стремительному сокращению рабочих мест.

Советская индустриализация охватила и малые города Ярославской области. Так, еще в первой половине XX в. появился завод точных технических камней, преобразованный в часовой завод в Угличе, фабрика кинопленки в Переславле-Залесском. В 1960–1970-х годах в Тутаеве строится завод дизельных двигателей, в Гаврилове-Яме – производство деталей для авиационных двигателей, в Ростове – оптико-механический завод по производству приборов ночного видения и т.д. Большинство этих предприятий функционирует, но их положение нестабильно, некоторые резко сократили персонал. В то же время в малых городах появляются и новые производства, как нетривиальные (например, два колокольных завода в Тутаеве), так и рядовые: производство строительных материалов, пищевая промышленность.

Современные тенденции внутренних миграций населения на постоянное место жительства показывают продолжающееся стягивание населения области в Ярославль, что объясняется гораздо большими возможностями заработков и самореализации в столице региона (рис. 4.4.5). Ярославль, в отличие от Рыбинска, остается также весьма привлекательным и для населения соседних регионов, в том числе для студентов (Кондакова, Старикова, 2018), и для международных мигрантов.

Малые города чаще теряют население и привлекают лишь выходцев из бывших советских республик (рис. 4.4.6). В лучшем положении оказались некоторые исторические центры на маршруте Золотого кольца (Ростов, Углич), в последние годы привлекавшие внутрирегиональных и международных мигрантов, тем не менее из-за естественной убыли все равно теряющие население.

Влияние изменения состояния градообразующих отраслей промышленности на небольшой город можно показать на примере Углича – одного из старейших городов в Центре России, первое упоминание которого в летописи относится к

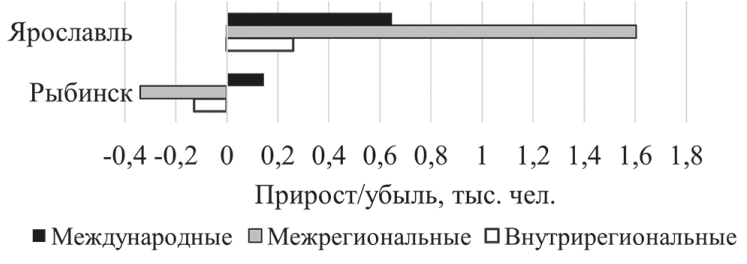

Рис. 4.4.5. Миграционный прирост/убыль населения в Ярославле и Рыбинске, в среднем за 2015–2017 гг., тыс. чел.

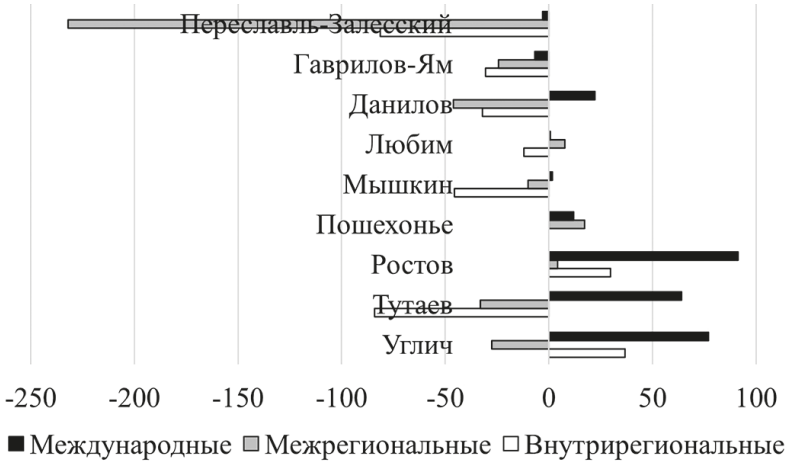

Рис. 4.4.6. Миграционный прирост/убыль населения в городах Ярославской области (без Ярославля и Рыбинска), в среднем за 2015–2017 гг., чел.

1149 г. Население Углича быстро росло в советское время, увеличившись с 7 тыс. чел. в 1926 г. до 40 тыс. чел. в 1989 г. Толчком к его развитию послужили создание Угличского водохранилища и Угличской ГЭС, а также проведение тупиковой железнодорожной ветки Калязин–Углич. В 1937 г. здесь был построен Завод точных технических камней, имеющий оборонное значение. Уже в годы Великой Отечественной войны численность его персонала достигала 1200 человек. В послевоенные годы он на базе деталей Пензенского часового завода стал выпускать часы «Звезда», численность занятых возросла до 3,5 тыс. человек. В 1959 г. добавились женские часы «Волга», а после полета В. Терешковой наиболее известной маркой стали часы «Чайка». В лучшие годы с заводом было связано (включая все вспомогательные производства, транспорт, собственные поликлинику, детские сады, дом культуры, подсобное сельское хозяйство) от 8 до 10 тыс. чел., то есть каждый второй житель города в трудоспособном возрасте. В 1990-х годах при развале производства мастера продолжали частично производить часы «на коленке», что испортило репутацию марки. Сейчас остатки производства акционировала группа частников, продолжающих заниматься изготовлением корпуса и сборкой (часто – на механизмах из Китая). Численность занятых сократилась до 100 человек. Корпуса завода частично заброшены (рис. 4.4.7), в других расположились около 30 небольших предприятий-арендаторов. В одном из корпусов обосновался торговый центр (рис. 4.4.8). Вся социальная сфера, а также обеспечение специального жилого района вокруг часового завода отошли к городу. То же самое произошло и со вторым крупным работодателем – механическим заводом.

К 2020 г. численность населения города упала до 32 тыс. жителей. При этом Углич, находящийся недалеко от Москвы на маршруте Золотого кольца России при обилии памятников, связанных с ключевыми событиями российской истории, остается известным туристическим центром. Однако его пример показывает, что в современных условиях туризм и обслуживающий его малый бизнес при упадке промышленности спасти экономику такого города не могут. Ежегодно через Уг-

Рис. 4.4.7. Углич. Корпуса часового завода.

Рис. 4.4.8. Углич. Торговый центр в главном корпусе часового завода.

Рис. 4.4.9. Углич. Круизные суда у причала.

Рис. 4.4.10. Углич. Туристы приехали.

лич в последние годы проходило 250 тыс. туристов (Угличский …, 2011). В сезон каждое утро пристают несколько пароходов, «выбрасывающих» на берег сотни человек, однако всего на несколько часов: обедают и ночуют туристы в основном на пароходах (рис. 4.4.9, 4.4.10). Это не дает существенного экономического эффекта, разве что купят небольшие сувениры. Недостаток средств заметен и по неухоженности жилых домов даже в центре города, и по состоянию городских дорог.

Ярославская область – одна из наиболее привлекательных для туристов. Наряду с Ярославлем, Угличем, Переславлем-Залесским, Ростовом, Тутаевым развиваются и другие центры их притяжения, например, единственная в области и одна из немногих в Центре России деревянная церковь – Св. Иоанна Богослова на р. Ишня в Ростовском районе (рис. 4.4.11). Вокруг нее появляется все больше дачных домов.

Близость к Москве служит не только преимуществом, но и в определенной мере недостатком, заставляющим искать нестандартные пути привлечения туристов. Например, обновленная гостиница в Переславле-Залесском в 150 км от Москвы даже в туристический сезон остается пустой, а группы организованных туристов, погуляв по городу, едут ночевать в Ростов, а чаще – в Ярославль, привлекающий их гораздо большим разнообразием услуг.

Рис. 4.4.11. Церковь Св. Иоанна Богослова (1687 г.) в Ростовском районе.

Тем не менее в области сохранились традиции если не меценатства, то инвестиций в культурное наследие, проявляющиеся и в нестандартных проектах. Так, один из ярославских предпринимателей осуществляет комплексную ревитализацию крупного села Вятского в Некрасовском районе, реставрируя исторические сельские дома, возрождая местные производства, создавая музеи и места размещения туристов. Ярославская предприимчивость, известная в прошлые века (Ярославский …, 2018), способствует формированию нескольких десятков частных музеев, рассредоточенных по городам и селам. Возрождаются утраченные в советские годы промыслы, например производство изразцов. Да и сама трасса М8 в пределах Ярославской области, особенно на участке от Переславля-Залесского до Ярославля отличается от других магистралей, расходящихся от границ Московской области, обилием магазинчиков, кафе, ресторанов, небольших оригинальных музеев.

Анализ эволюции сельского расселения в Ярославской области доказывает, что поляризация и сжатие – явления не пост- и даже не позднесоветского периодов. На протяжении истории уже были волны расширения и сокращения населенного пространства, а непрерывное сокращение числа населенных пунктов началось еще в первой половине XX в. (Аверкиева и др., 2021).

В Ярославской области исторически сформировалась дисперсная система расселения. Она состояла из отдельных ареалов и легко подвергалась «размыванию» при изменении социально-экономических условий. Активное освоение земельных угодий и рост числа деревень начались с XVI–XVII вв., однако для конца XVIII в. уже было характерно сокращение числа населенных пунктов на водоразделах и вдали от крупных дорог (Ярославская …, 1865). С середины XIX в. и до начала XX в. их число вновь увеличилось.

Для первых двух десятилетий советской власти вновь характерно резкое сокращение числа сельских населенных пунктов (на 15–20%), в том числе из-за разрушения церковно-приходской сети, которая выполняла функции опорной социальной инфраструктуры, а также в результате формирования центральных усадьб колхозов и совхозов (Аверкиева и др., 2021). Во второй половине XX в. происходило дальнейшее сокращение числа деревень, особенно на периферии области. Но появлялись и новые: рабочие поселки лесного и дорожного хозяйства. Часть из них к настоящему времени тоже исчезла, но самые крупные сохранились. Наиболее сильное сокращение сельского населения пришлось, как и во всей Централь-

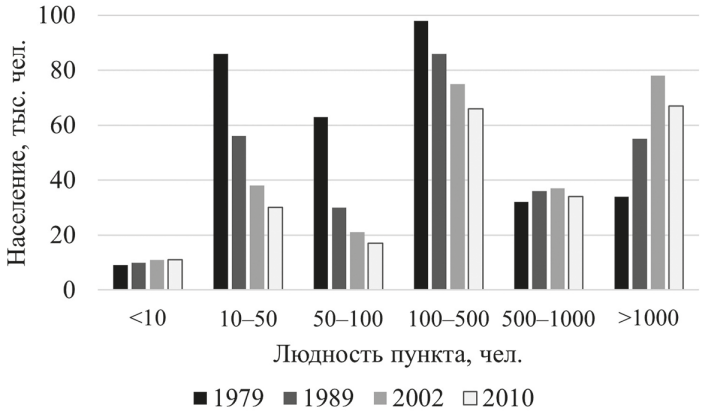

Рис. 4.4.12. Доля населенных пунктов разного размера в Ярославской области с 1979 по 2010 г., %.

ной России, на 1930–1960-е годы – время стремительной индустриализации, урбанизации, политических репрессий и войны. Но и в 1970–1980-х годах, несмотря на программу развития сельской местности Нечерноземья, численность сельского населения продолжала уменьшаться. Если в 1926 г. в Ярославской губернии (по территории она почти совпадает с современной Ярославской областью) жило свыше 1,14 млн сельских жителей, то в 1970 г. – 420 тыс., в 1989 г. – 270 тыс., а в настоящее время – 231 тыс. человек (почти в 5 раз меньше). Незначительный миграционный прирост в сельскую местность Ярославской области в последние годы обеспечивают международные мигранты, значительная часть которых работает в Московской области.

Сохранилось всего 35% от числа населенных пунктов, существовавших в середине XIX в. Полтора века назад в сельской местности на один двор приходилось в среднем 6–7 человек (редко до 10), а людность населенных пунктов колебалась от 50 до 250 человек. В настоящее время населенные пункты, где проживают менее 10 жителей, составляют 40–50%, более чем в 95% населенных пунктов зарегистрировано менее 50 человек. В 20% деревень не зарегистрировано ни одного постоянного жителя. Почти половина сельского населения сосредоточена в пунктах людностью 500 и более жителей, с центральными усадьбами сельхозпредприятий и агрохолдингов, где сохранился базовый набор социальной инфраструктуры (рис. 4.4.12).

Современная депопуляция сельской местности усугубляется процессами оптимизации социальной инфраструктуры, в первую очередь – школ. Именно закрытие школ, особенно начальных, стало триггером, запустившим процесс омертвления целых фрагментов расселенческой сети. Так, в Ярославской области за первое десятилетие XXI в. закрылось 30 школ, но количество исчезающих при этом населенных пунктов составляет пятикратную величину (Аверкиева и др., 2021).

Уже во второй половине XX в. во всех староосвоенных областях Центра России проявились сильные различия в динамике сельского населения между пригородом регионального центра и периферийными районами (Иоффе, 1990; Не-

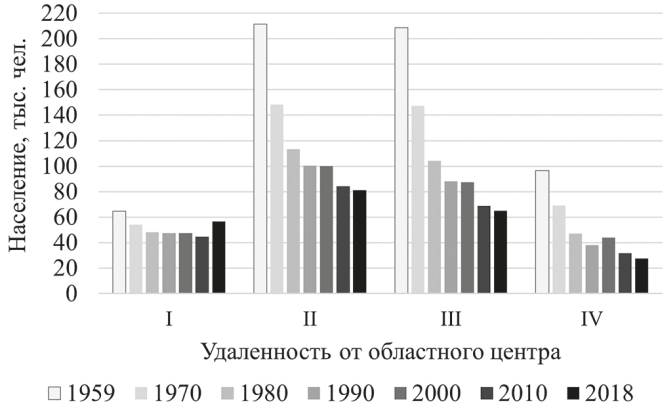

Рис. 4.4.13. Численность сельского населения в Ярославской области во второй половине XX – начале XXI вв. в муниципальных районах разной удаленности от областного центра, тыс. чел.
Примечание: I, пригород Ярославля (Ярославский район); II, полупригороды (районы-соседи второго порядка); III, полупериферия (районы-соседи 3 порядка); IV, периферия (остальные районы).
Составлено по (Демографические …, 1996) и данным Росстата.

федова, 2013а). Пригородно-периферийная организация сельской местности, как и в других областях Нечерноземья (Карачурина, Мкртчян, 2016; Мкртчян, 2019), воспроизводится в принципиально иных институциональных и экономических условиях. В Ярославской области все муниципальные районы за пределами пригорода Ярославля продолжают терять население, хотя и не такими темпами, как в советское время (рис. 4.4.13). Пригородный Ярославский район даже опережает областную столицу по приему внутрирегиональных мигрантов, продолжая стягивать население со всей области ближе к центру. В нем доля населения старше трудоспособного возраста составляла в 2018 г. 25%, на полупериферии она увеличивается до 35%, а на северной периферии области достигает 40% и более.

Взаимозависимость трансформации социальных и экономических пространственных структур в сельской местности была замечена Г.В. Иоффе (1990) еще в советское время. Подробные исследования в Ярославской области в начале 1990-х годов под эгидой Центра изучения Российских земель (Ярославская …, 1993) позволили выделить перспективные для того времени сельские районы, к которым были отнесены Центральный (от Рыбинска до Ростова), и полупериферийные (Переславский и Угличский районы). Проблемы внутренней и северной периферии уже в советское время были очевидны. В постсоветское время тенденции развития районов в целом соответствовали составленной 30 лет назад схеме, но все же отличия есть. Масштабы концентрации населения в Ярославле и его пригородах, как и столь резкое увеличение влияния Москвы сложно было предположить. Не очевидна тогда была и возможная степень пространственной концентрации в сельском хозяйстве.

Для сельского хозяйства, как и для других регионов Центра России, в постсоветское время характерно сильное пространственное сжатие при модернизации предприятий и появлении новых технологий. Так, в Ярославской области в 2018 г. осталось 40% от посевной площади 1990 г. (Регионы …, 1996, 2019). Традицион-

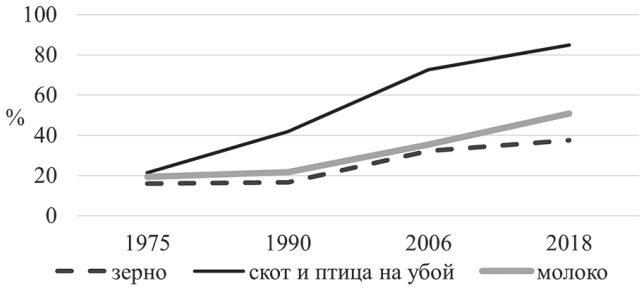

Рис. 4.4.14. Доля двух районов-лидеров Ярославской области в производстве сельскохозяйственной продукции с 1975 по 2018 г., %. *Составлено по*: (Народное …, 1991; Ярославия …, 2019).

ное для Нечерноземья льноводство сократилось многократно. Тем не менее при пятикратном уменьшении объемов зерна производство мяса выросло (Народное …, 1991; Ярославия …, 2019) в основном за счет новых животноводческих, в том числе птицеводческих, комплексов, которые частично ориентируются на привозные корма.

Некоторые районы благодаря привлечению инвестиций (в основном из Москвы) усиливают свои позиции. Это обостряет внутрирегиональные контрасты. Если в 1975 г. два района-лидера – Ярославский и Ростовский – производили 15% областного объема зерна, то в 2018 г. – 38%, хотя и в них осталось 40 и 25% производства 1975 г. (рис. 4.4.14). Но потери в остальных районах были гораздо сильнее. Животноводство сосредотачивается там, где повышен городской спрос: в пригородах Ярославля и Рыбинска производится более 80% мяса. В советское время животноводство было рассредоточено равномернее, и два лидера (Ярославский и Переславский районы) давали лишь 13% областного производства мяса. Доля двух районов-лидеров в производстве молока увеличилась с 10 до 51%.

В последние годы агрохолдинги базируются и в более удаленных районах. Помимо Ярославского пригорода в производстве молока лидирует Борисоглебский район, где на месте обанкротившегося племсовхоза «Красный Октябрь» в 2010 г. с помощью московских инвестиций был создан крупнейший в области агрохолдинг молочного направления «Вощажниково»[79] с поголовьем 8000 коров высокоудойной голштино-фризской породы. Коровы (полностью на искусственном осеменении) беспривязно содержатся в специальных просторных хорошо проветриваемых помещениях без выпаса, перемещаясь только в специальные доильные залы (рис. 4.4.15, 4.4.16). Агрохолдинг стал основным районообразующим предприятием и главным работодателем в Борисоглебском районе кроме бюджетной сферы, торговли в районном центре и Ростовского Борисоглебского монастыря, привлекающего паломников. Помимо того, что агрохолдинг дает работу части населения района (остальные ездят в Ярославль и Москву), он привлекает специ-

[79] Название села Вощажниково связано с тем, что население издревле занималось здесь пчеловодством на луговых травах (вощина – пчелиные соты из воска с ячейками для складывания меда). Село с XVIII до начала XX в. принадлежало графскому роду Шереметевых. Помимо производства меда и воска на продажу здесь были винокуренный, свечной, паточный заводы и бумажная фабрика.

Рис 4.4.15. Ферма беспривязного содержания скота в «Вощажниково».

Рис. 4.4.16. Доильный зал в «Вощажниково».

алистов из соседних регионов: Иванова, Костромы, Вологды. «Вощажниково» прибрал земли почти всех колхозов района (более 12 тыс. га) для выращивания многолетних трав и кукурузы на зелень, хотя зерно все равно покупает в южных регионах России. Корма производят на собственном кормовом заводе. Более 100 т молока ежедневно отправляется на заводы «Данон» и «Кампина» в Московской области, а также в соседний агрохолдинг «АгриВолга» в Угличском районе.

Молокозавод и мясокомбинат холдинга «АгриВолга» недалеко от Углича появились в 2013 г. также благодаря московским инвестициям как цеха для производства специальной органической продукции под маркой «Углече Поле»[80]. Для этого были приобретены и переоборудованы три фермы бывших колхозов района, где коровы ярославской и джерсейской пород дают около 15 т молока в день. Остальные советские предприятия района не выжили. Часть молока агрохолдинг получает с «Вощажниково», став одним из его арендаторов в последние годы. Круглосуточно 50 работников, приезжающих на корпоративном автобусе из Углича, посменно на новейшем оборудовании производят молоко, кефир, йогурт, творог, масло под маркой «Углече Поле» и поставляют по заявкам торговых фирм в Москву, Ярославль и Углич (рис. 4.4.17).

Мясокомбинат, на котором заняты еще 60 человек, производит говядину, баранину, свинину в упаковке, а также полуфабрикаты и колбасы (рис. 4.4.18). Забивается до 20 голов КРС и 50 голов мелкого рогатого скота в смену. КРС специальной абердино-ангусской мясной породы, способный переносить морозы, выпасается вместе с телятами недалеко от завода, перемещаясь из одного специального вольера, огороженного электропастухами, в другой. Овцы и свиньи содержатся в переоборудованных фермах бывших колхозов. Это позволило частично сохранить занятость сельского населения.

Роль природных предпосылок и инвестиций в постсоветское время заметно усилилась. Например, ЗАО «Белая Дача», поставляющее в Москву овощи и зелень (рис. 4.4.19), выкупило плодородные земли бывшего совхоза «Овощевод» рядом с оз. Неро, и его территория теперь выделяется ухоженностью на фоне зараста-

[80] Под названием Углече (Угличе) Поле город Углич впервые упомянут в Лаврентьевской летописи в начале 1149 г.

Рис. 4.4.17. Молокозавод АПК «АгриВолга», Угличский район.

Рис. 4.4.18. Мясокомбинат АПК «АгриВолга», Угличский район.

ющих лесом полей (рис. 4.4.20). Московские инвестиции помогают и традиционным местным предприятиям. Пример – ЗАО «Пореченский консервный завод», известный с дореволюционных времен.

Обследование рядовых сельскохозяйственных предприятий Ярославской области показало, что выжили и укрепились в последние 30 лет единицы, и большая их часть – вокруг Ярославля, хотя отдельные очаги возрождения наблюдаются и в других районах области. Роль личностных факторов руководителя бывшего колхоза или малого предприятия, а также фактор местоположения усилились. Угличский, Переславский и Ростовский районы отличаются повышенным числом малых производителей, которых стимулирует устойчивый спрос на молочную продукцию туристов и дачников. В Переславском районе из-за близости к Московской агломерации развиты и нестандартные виды деятельности (разведение оленей, страусов и др.). Отдельные фермерские хозяйства, в том числе с небольшими магазинчиками, организуют и горожане из Переславля-Залесского, Ростова или из Москвы. Это характерно и для других районов в окрестностях Московской агломерации (Пивовар и др., 2018).

Рис. 4.4.19. Поля агрохолдинга ЗАО «Белая Дача» в Ростовском районе.

Рис. 4.4.20. Распаханные очаги среди заброшенных земель в Ростовском районе.

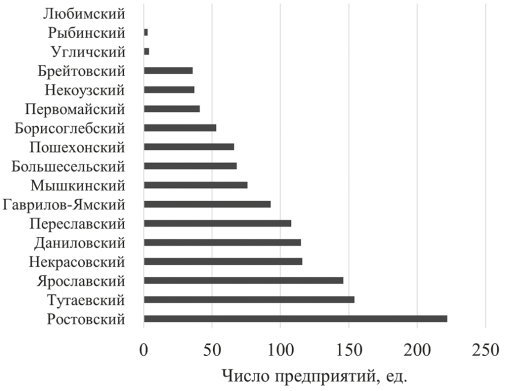

Рис. 4.4.21. Число микропредприятий, фермеров и индивидуальных предпринимателей в сельском хозяйстве, ед.

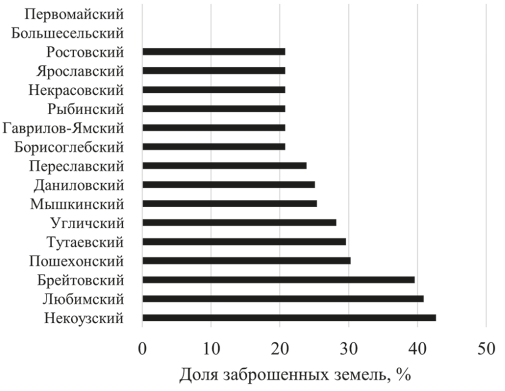

Рис. 4.4.22. Доля заброшенных земель в личных подсобных хозяйствах, %. *Составлено* по: (Всероссийская …, 2017).

Помимо всех перечисленных выше факторов важно историческое наследие. Больше всего микропредприятий, фермеров и личных подсобных хозяйств – в Ростовском районе вокруг оз. Неро (рис. 4.4.21). Там же меньше всего заброшенных огородов (рис. 4.4.22). Этот район с XVI в. был поставщиком овощей в Москву. В некоторых деревнях с начала XX в. сохранились дома весьма обеспеченных жителей. И даже в XX в. тут были совершенно особые колхозы, которые давали населению (редкий случай для советского времени) подряд на выращивание овощей на их личных немалых участках (Саушкин, 1947; Нефедова, 2013).

Стимулом для активного развития огородного хозяйства в Ростовском районе были почвы вокруг усыхающего оз. Неро, повышенное плодородие которых связано с запасами озерного сапропеля, частички которого во время весенних и летних паводков откладываются на заливаемых полях. Но население таяло здесь так же, как и в других районах. Зато те, кто остался, и даже дачники активно занимаются огородничеством, вдоль берега озера видны распаханные длинные гряды. Все, кто ездит по трассе Москва – Ярославль, знают, что вдоль нее в этом районе всегда стоят продавцы овощей, рыбы, ягод. Правда, сейчас все больше продают перекупщики, но у них есть продукция, народ здесь по-прежнему активен. А в конце XIX в. об этом районе писали так: «Земля вся покрыта огородами и представляет собой пример самого интенсивного хозяйства. Когда видишь перед собой эти поля огородов, то можешь думать, что находишься посреди самого усовершенствованного бельгийского «грядкового» сельского хозяйства» (Безобразов, 1885). Эти традиции, несмотря на все советские перипетии, сохранились, хотя, конечно, выражены не так ярко. Необходимо их поддерживать, но, к сожалению, этого не происходит.

Важным фактором частичного сохранения освоения служит увеличение в сельской местности и малых городах численности временного дачного населения, в том числе из Москвы. Сравнительно небольшое расстояние от столицы сделало Переславский (ныне городской округ Переславль-Залесский) и Угличский районы удаленными московскими пригородами. Например, администрация Переславско-

го района оценивает летнюю прибавку населения только в садовых товариществах в 13 тыс. чел. при 20 тыс. сельских жителей. При этом половина дачников – москвичи. Но даже вместе с дачниками современная плотность населения в сельской местности вдоль трассы Москва – Ярославль значительно ниже, чем в начале XX в., когда она составляла 25–30 чел./км^2. Число московских дачников в деревнях тоже велико, хотя точно и не известно. Массовость дач не только жителей области, но и москвичей в Ярославской области указывает на то, что при длительном количественном и качественном истощении богатейшего в прошлом человеческого капитала развитие здесь может базироваться не только на привычных отраслях экономики, но и на внедрении новых элементов, включая рекреационное ландшафтно-культурное и дачное природопользование.

* * *

Сравнительно небольшая по площади Ярославская область служит наглядным примером сложного сочетания специфики географического положения рядом с Московским регионом, накопленных традиций, активной советской индустриализации и современных направлений экономической трансформации, приводящих к усилению поляризации социально-экономического пространства. Ее пример показывает, что возрождение идет прежде всего в центре региона и в отдельных очагах, где наблюдается грамотное сочетание использования советского и досоветского наследия и модернизации, в том числе связанной с приходом новых инвестиций извне. В сельской местности очаги экономического развития могут быть удалены друг от друга на значительные расстояния, сохраняя при этом тесные связи не только по сбыту продукции, но и производственные. Так агрокомплекс «Вощажниково», снабжая Московский регион, часть молочной продукции отправляет в «АгриВолгу», а телят – в Брянскую область на «Мираторг». Это делает чрезвычайно важным развитие сети дорог, увеличение общей связности пространства.

При этом между отдельными очагами развития формируются территории хозяйственного и социального опустынивания и возвращения дикой природы, вполне соответствующие схеме поляризованной биосферы Б.Б. Родомана (1974, 2004) и, видимо, неизбежные при современных институтах, стимулирующих процессы социально-экономической поляризации пространства.

И все же, несмотря на укрупнение и стандартизацию производства, большую роль играют и конкретные личности, как руководители предприятий, так и местные жители. Это могут быть люди, опирающиеся на местные традиции, а также и те, кто изначально не был связан с регионом: директора школ, предприниматели, местные активисты. Сильная централизация бюджетной политики лишает местные власти возможностей более гибкой адаптации к изменению векторов социально-экономического развития при пульсирующем по сезонам года населении. Туристический и рекреационный потенциал здесь явно недоиспользуется.

Обилие типичных для области малых деревень можно рассматривать не как проблему, а как потенциал реосвоения территории горожанами, хотя бы для временного пребывания, учитывая близость к Московскому региону. Но для этого

как минимум нужна их доступность, а как максимум – необходимая бытовая и социальная инфраструктура, т.к. существующая уже перегружена, поскольку рассчитана только на местное население. Расширение дачной значимости этих территорий влечет за собой развитие своеобразной во многом теневой «дачной» экономики: сферы услуг, возможности занятости для местного населения и трудовых мигрантов, появление новых инициатив. Ведь приезжает хотя бы временно или сезонно образованное, часто обеспеченное активное городское население, что способствует также созданию новой социальной среды. Пространственно-временные параметры этой пульсации населения могут быть определены и показаны на картах, что и отражает следующая глава.

Глава 4.5. Мобильность населения во времени и пространстве: хроногеография и ночные спутниковые снимки

Прогресс в сфере транспорта и коммуникаций, появление новых типов занятости (Kulu et al., 2018), растущее разнообразие образов жизни (Zelinsky, Lee, 1998; Nadler, 2009; Weichhart, 2009; Halfacree, 2012) ведут к повышению роли в миграционном процессе возвратных видов пространственной мобильности, которые характеризуются частой сменой локаций в пространстве и тесной связью с фактором времени. В отличие от долговременных переселений, возвратная мобильность сложнее поддается статистическому учету, плохо укладывается в традиционные теоретические рамки, поэтому для ее анализа необходимо привлекать нестандартные методы и данные. В данном разделе на примере Ярославской области сделана попытка оценить эффективность и ограничения при решении указанной задачи пространственно-временного (хроногеографического) подхода.

Сопоставление видов пространственной мобильности: возможности хроногеографии

Концепция хроногеографии, предложенная Т. Хегерстрандом (Hägerstrand, 1970) более полувека назад, после «бума» работ некоторое время была на периферии научных исследований, но с начала XXI в. вновь завоевала внимание географов (Старикова, Трейвиш, 2017). Возрождение подхода связывают с развитием компьютерных технологий, появлением доступа к новым типам данных, таким как данные сотовых операторов о перемещениях абонентов, а также с новыми вызовами и угрозами, включая пандемию COVID-19 (Klapka et al., 2020). Хроногеография отлично описывает и современные миграционные процессы, в которых с ростом мобильности людей усиливаются территориальные разрывы между местами жительства, работы, учебы и отдыха.

Центральное понятие хроногеографии – *путь* – представляет собой визуализацию перемещения индивида в едином пространстве-времени. Как правило, эти перемещения имеют циклическую природу: в рамках дня, недели, сезонов года и пр. вплоть до периодов жизни (Ellegård, 2018). Особенность хроногеографического подхода – равное внимание к пространству и времени: даже если человек не меняет места пребывания, движение во времени продолжается. Главные события происходят, когда пути разных людей пересекаются в одном месте, формируя *деятельностные узлы* (Hägerstrand, 1970). Если пересечение целенаправленно (например, для производства промышленных товаров, проведения учебных или спортивных занятий и т.д.), возникает *проект* – деятельность, состоящая из определенной последовательности задач и предполагающая объединение в пространстве-времени людей, ресурсов, помещений и территорий (Ellegård, 2018). Таким образом, в рамках хроногеографии исследуется динамика функционирования человека и общества на определенных территориях и в точках пространства (Kwan, 1999).

В данном разделе на примере Ярославской области рассматриваются возможности хроногеографического подхода для изучения структуры внутри- и

межрегиональных миграционных потоков и связанной с ними поляризации социально-экономического пространства. Миграционные потоки, различные по направлениям и целям перемещений, представляют собой ассоциации индивидуальных пространственно-временных путей. Потоки сгущаются и образуют деятельностные узлы разного масштаба: ими могут быть предприятия и университеты, крупнейшие города, сельские поселения и другие ключевые точки, куда стремятся потоки комьютеров и отходников, студентов, дачников и мигрантов на постоянное место жительства. Хроногеографический подход вписывает в картину пространственной мобильности не только цели, масштабы и направления миграционных потоков, но и фактор времени. Одновременно уделяется внимание размещению и характеру деятельности людей; ведется учет как постоянного, так и временного населения.

В рамках пространственно-временного подхода показатели по разным видам пространственной мобильности приводятся к «общему знаменателю» – измеряются и сравниваются в человеко-часах, т.е. в виде *суммарной жизнедеятельности* местного и пришлого населения, живущего в разных ритмах в зависимости от вида деятельности, места проживания и т.д. В расчете на площадь это дает такой показатель как плотность жизнедеятельности *T* (подробнее см. в (Starikova, 2018)). Для возвратных видов мобильности его формула будет выглядеть как:

$$T = \frac{M_1 + D + U - M_2 - O \pm t}{S}, \text{ где}$$

T – плотность жизнедеятельности; M_1 – время, проведенное в данном месте трудовыми мигрантами; *D* – туристами; *U* – учащимися вузов; из этой суммы вычитаются человеко-часы, прожитые вне данной территории местными трудовыми мигрантами (M_2) и населением в отпуске или на отдыхе (*O*); *t* – человеко-часы по прочим видам возвратной пространственной мобильности.

В отечественных реалиях основной проблемой при расчете суммарной жизнедеятельности и ее плотности становятся изъяны и пробелы в необходимых статистических данных (особенно по возвратной мобильности). Для Ярославской области мы использовали данные Росстата за 2017 г. и результаты о дачниках, полученные в (Makhrova et al., 2017), и рассчитали вклад в плотность жизнедеятельности по районам/округам отдельно для возвратных видов мобильности и для переселений на постоянное место жительства (рис. 4.5.1).

Наибольшая плотность жизнедеятельности характерна для Ярославской агломерации в границах областного центра и окружающего его района: именно здесь сконцентрирована экономическая деятельность и сходятся все виды миграционных потоков. Помимо Ярославля и его пригородов, положительный (хотя и слабый) вклад долговременных миграций в плотность жизнедеятельности отмечается в Угличском и Борисоглебском районах (рис. 4.5.1а), которые привлекательны для мигрантов благодаря деятельности предприятий агрохолдинга «АгриВолга» и крупнейшего в регионе животноводческого комплекса «Вощажниково». Небольшой приток межрегиональных мигрантов в Борисоглебский район также связан с появлением общины единомышленников вокруг

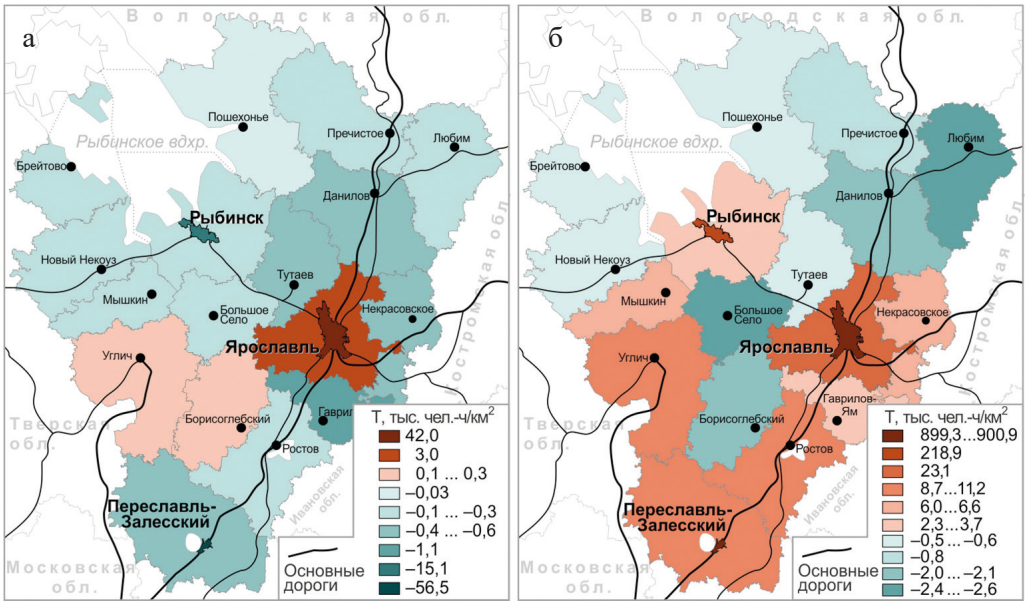

Рис. 4.5.1. Вклад переселенческой (а) и возвратных (б) видов пространственной мобильности в плотность жизнедеятельности на территории Ярославской области, 2017 г.

экспериментальной школы в селе Ивановском[81]. Для остальных районов области вклад долговременных миграций в плотность жизнедеятельности отрицательный либо слабо положительный. Таким образом создаются предпосылки для поляризации социально-экономического пространства области.

Рис. 4.5.2. Группировка районов и городских округов по вкладу различных видов мобильности населения в формирование миграционного «ландшафта».

Возвратная мобильность (рис. 4.5.1б) способствует смягчению контрастов: «оживают» районы вдоль главной транспортной артерии региона – автотрассы Москва – Ярославль – Архангельск («Холмогоры»), по которой в регион въезжает основной поток дачников, туристов и экскурсантов из Москвы. Благодаря дачниками заметно улучшается ситуация в Переславском районе[82], где в небольших сельских населенных пунктах сезонное население по численности в разы превышает по-

[81] Более подробно см.: https://riafan.ru/1157610-selo-v-yaroslavskoi-glubinke-vozrozhdaetsya-blagodarya-unikalnoi-shkole; http://www.sevkray.ru/news/5/21489/.

[82] С 1 января 2019 г. городской округ город Переславль-Залесский.

стоянное, а также в Гаврилов-Ямском и Некрасовском районах; туристы вносят ощутимый вклад в плотность жизнедеятельности в районах с давно сформированным туристическим образом – в г. Переславле-Залесском, Ростовском, Угличском, Мышкинском районах. Вклад туристов – особенно с ростом числа самостоятельных путешественников – становится чувствительным и на других территориях, например, в Гаврилов-Ямском районе число туристов и экскурсантов выросло в 2017 г. по сравнению с 2014 г. почти в три раза с 25 до 68 тыс. чел.

По сочетанию долговременных и возвратных видов пространственной мобильности районы и городские округа Ярославской области можно разделить на 4 группы (рис. 4.5.2).

Первая группа включает Ярославскую агломерацию, в которой концентрация населения и социально-экономической активности сопровождается повышенным вкладом переселенческой (внутрирегиональных, межрегиональных, международных переселений) и возвратных (трудовая маятниковая, учебная и пр.) видов мобильности в плотность жизнедеятельности. *Вторая группа* объединяет районы, примыкающие к Московской области, Ярославлю, а также Рыбинск и Рыбинский район: здесь миграционная убыль населения компенсируется благодаря возвратной мобильности, включая рекреационно-дачную, происходит сглаживание последствий поляризации. *Третья группа* – в основном периферийные районы, где убыль местного населения в ходе переселений, трудовой (отходничества) и учебной миграции не возмещается за счет притока новых жителей или возвратной мобильности, интенсивно идет процесс сжатия освоенного пространства. *Четвертая группа* включает только один район – Борисоглебский, специфика миграционных процессов в котором связана с негативным влиянием возвратной мобильности на фоне хоть и слабого положительного влияния переселенческой.

Сезонное население: что говорят ночные спутниковые снимки?

Россия занимает одно из первых мест в мире по масштабам дачных миграций: это особенно показательно на примере Москвы, где в летний период численность населения падает с 12 до 7 млн чел. (Трейвиш, 2014; Между домом …, 2016; Николаева, Русанов, 2020). Несмотря на масштабы феномена, он не находит места в официальной статистике. Единственный массовый доступный источник данных о дачах в России – оценки Росстата по количеству земельных участков в СНТ и ДНТ, публикуемые в рамках сельскохозяйственных переписей раз в десятилетие (последний – в 2016 г.). Но это лишь часть целостной картины, т.к. вторые дома горожан часто находятся в обычных деревнях, и по материалам полевых наблюдений известно, что численность сезонных жителей в них может в разы превышать число постоянных (Между домом …, 2016). В нескольких пионерных исследованиях (Gunko, Medvedev, 2016; Румянцев и др., 2019; Нефедова, Медведев, 2020) было предложено использовать для локализации дачных сообществ и оценки обитаемости населенных пунктов спутниковые снимки высокого разрешения[83], однако такие данные мало говорят о сезонной динамике числа дачников. Альтернативный подход – использование ночных спутниковых снимков, которые

[83] См. Главу 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам.

обладают меньшим разрешением, но дают представление о сезонных изменениях численности населения вне зависимости от статуса населенного пункта (дачные и садовые товарищества или обычные села и деревни), а также позволяют строить временные ряды и таким образом анализировать внутри- и межгодовую динамику (Sheludkov, Starikova, 2021). Метод строится на допущении, что значительный приток горожан в сельскую местность меняет интенсивность ночной освещенности сельских населенных пунктов. Отслеживая ее сезонные колебания, можно определить очаги концентрации дач, их появление и угасание в течение года. Такая работа проделана для Ярославской области с использованием данных в видимом диапазоне, полученных радиометром VIIRS на борту метеорологического спутника Suomi NPP (Liao et al., 2013) в период с 2015 по 2019 г.

Оригинальные данные представляют собой безоблачные композитные изображения с усредненными месячными значениями освещенности разрешением 15 сек. (Mills et al., 2013). У снимков есть три главных ограничения. Во-первых, длина светового дня делает недоступными данные для северных регионов в период с мая по июль. Во-вторых, интенсивность ночной освещенности зависит от отражательной способности поверхности (альбедо) (Levin, 2017), которая резко возрастает из-за снежного покрова, что делает некорректными прямые сравнения зимних и летних композитов. Поэтому все изображения были предварительно обработаны с использованием алгоритма, предложенного (Man et al., 2020): смоделировав взаимосвязь между сезонными изменениями значений освещенности и альбедо, мы использовали полученную модель для нормализации данных по эталонным значениям альбедо (подробно см. (Sheludkov, Starikova, 2021)).

Атмосферное рассеивание света, фоновые шумы и выбросы (экстремальные значения, связанные с промышленными предприятиями и теплицами) составляют третью группу ограничений. Все это потребовало определенной коррекции данных.

Чтобы выявить пространственные закономерности сезонной мобильности населения, мы извлекли из нормализованных и скорректированных композитов освещенные области и кодировали каждый пиксель в соответствии с месяцем года, в который была зафиксирована максимальная интенсивность его ночной освещенности. Для каждого района рассчитана доля пикселей по пиковым месяцам, а для городского округа Переславль-Залесский, на который пришлось наибольшее число августовских пикселей, также построен временной ряд суммарной ночной освещенности с января 2015 г. по декабрь 2019 г. Результаты верифицировались с использованием данных полевых исследований, проведенных на территории Ярославской области в 2019 г.

Результаты анализа показали явные сезонные различия ночной освещенности между городскими и сельскими территориями. Для городов и других крупных населенных пунктов наибольшие значения ночной освещенности фиксируются в зимний период, для сельских территорий свойственно большее разнообразие: некоторые деревни ярче освещены зимой, другие – летом или осенью (рис. 4.5.3а). Пригородные зоны крупных городов, таких, как Ярославль и Рыбинск, повторяют особенности самих городов, что, по-видимому, является следствием городской «засветки».

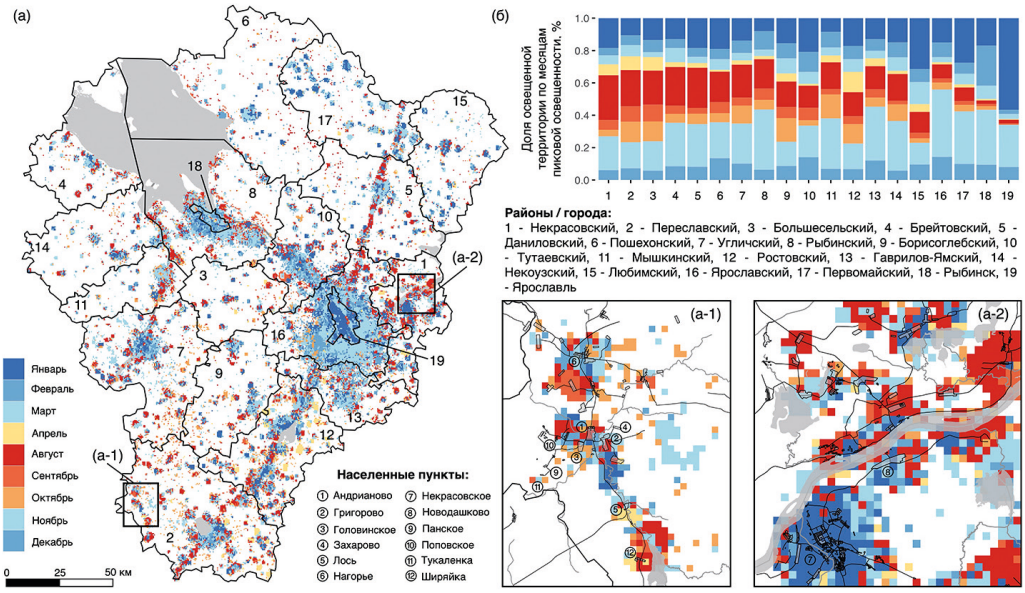

Рис. 4.5.3. Пространственно-временные особенности сезонной мобильности в Ярославской области: (а) месяц пиковой ночной освещенности в 2015–2019 гг.; (б) доля освещенной территории по месяцам пиковой освещенности в районах Ярославской области. *Примечание*: период с мая по июль исключен из анализа из-за отсутствия данных.

Локализация областей с пиком ночной освещенности в августе и сентябре (рис. 4.5.3а) согласуется с выводами, полученными в более ранних работах о дачной мобильности населения (Аверкиева, Нефедова, 2016; Между домом …, 2016; Nefedova, Pokrovsky, 2018; Нефедова, Медведев, 2020). Максимум ночной освещенности в летний сезон характерен для сельских населенных пунктов в южной, близкой к Москве, части Ярославской области. В районах севернее Ярославля ночная освещенность почти не увеличивается летом. Исключение составляют населенные пункты вдоль трассы Ярославль – Вологда. Сезонное население особенно тяготеет к живописным и историческим ландшафтам, например, к долинам Волги и ее притоков или историческим городам – Ростову, Угличу, Переславлю-Залесскому.

Среди районов наибольшая доля освещенной территории с пиками в августе и сентябре характерна для Некрасовского района и городского округа Переславль-Залесский (рис. 4.5.3а-1). Некрасовский район отличает живописное расположение на берегах Волги и близость к Ярославлю и Костроме. Полевые исследования в деревне Новодашково (рис. 4.5.3а-2) в 2019 г. (Махрова, Нефедова, 2021) показали, что из 270 домов только 32 обитаемы круглый год, остальные – принадлежат дачникам из Москвы, Ярославля и Санкт-Петербурга. В летние месяцы число жителей Новодашково увеличивается в 20 раз[84]. Зимой дачи пустуют из-за отсутствия газоснабжения и регулярного общественного транспортного сообщения с Ярославлем.

[84] См. Главу 4.9. Год COVIDa – миграционный разворот?

Рис. 4.5.4. Колхозные (а), деревенский и дачный (б) дома в Нагорьевском сельском поселении*.

Городской округ Переславль-Залесский единственный в Ярославской области непосредственно граничит с Московской областью. По оценкам администрации бывшего Нагорьевского поселения[85] (см. рис. 4.5.3а-1), в летний сезон людность поселения возрастает в 3 раза – с 5,3 до 16 тыс. чел. Владельцы дачных домов (рис. 4.5.4), как правило, жители Москвы и Московской области. Выбирая место для дачного дома, горожане предпочитают некрупные, но удобные с точки зрения транспортной доступности населенные пункты. Так, в с. Андрианово, где зарегистрировано 160 жителей, насчитывается всего 30 дачных домов в то время как в соседних более мелких поселениях значительно больше: в Григорово на 30 домов местных жителей приходится 81 дачный, в Головинском – 24 и 66, в пос. Лось – 26 и 53, в Захарово – 14 и 50. Дачные дома могут быть и в деревнях, которые официально необитаемы, как, например, деревни Панское и Тукаленка с 11 и 9 дачными домами соответственно, что подтверждается их освещенностью в летний период. Наличие в таких населенных пунктах сезонного населения показывает, как дачная мобильность сдерживает обезлюдение периферийных сельских территорий. По словам опрошенных местных жителей, благодаря дачникам «не пустуют дома» в деревнях, а жизнь на селе «с дачниками веселее, чем без них». Деревенские жители часто доброжелательно настроены по отношению к дачникам еще и потому, что многие из них – это бывшие местные жители, ранее переселившиеся в города.

Наряду с выраженными пиками ночной освещенности в августе, мы наблюдали общий тренд на рост освещенности городского округа Переславль-Залесский с 2015 по 2019 г. Этот рост отражает усиливающуюся популярность округа среди дачников и туристов из Москвы и также может быть интерпретирован, как отражение положительного влияния сезонной мобильности населения на общее благосостояние сельских территорий.

* * *

Разнообразие видов пространственной мобильности, разные временны́е циклы переселенческих и возвратно-циклических перемещений затрудняют исследование их сочетаний и вклад в развитие конкретных территорий. Тем не менее,

[85] Упразднено в 2018 г.

* Фотографии в главе сделаны А.В. Стариковой и Т.Г. Нефедовой.

именно сочетания миграционных потоков и их интенсивность могут служить индикатором развития городов и сельских районов. Примененный в этом разделе хроногеографический подход позволил увидеть картину реального распределения населения на территории Ярославской области. Несмотря на сохранение основных узлов активной жизнедеятельности в городах, наблюдается эффект выравнивания ситуации в сельских районах, прежде всего за счет дачной и туристической мобильности. Это согласуется с ситуацией в европейских странах, что говорит о некоторых общих тенденциях, несмотря на специфику России, связанную с повышенной поляризацией и запаздывающей реальной дезурбанизацией.

Анализ спутниковых снимков ночной освещенности открывает перспективы для исследования пространственных и временных особенностей сезонной мобильности населения. Предлагаемый метод картирования очагов концентрации дачных домов может быть применен в более широких географических рамках, с учетом социального и природного контекста. Использованные данные VIIRS имеют ряд ограничений, включая отсутствие информации для северных регионов в период с мая по июль, наличие фонового шума и «засветки» над крупными городами, и потому требуют значительной предварительной обработки по нормализации и коррекции данных. Полученные с помощью анализа ночной освещенности результаты по Ярославской области показывают, что на локальном уровне горожане выбирают для своего второго дома не крупные центральные поселения, а небольшие, удобные с точки зрения транспортной доступности деревни в живописных местах. Это подчеркивает важную роль дачной мобильности в сохранении сельских населенных пунктов и культурного ландшафта сельских территорий, исчезающих в результате поляризации социально-экономического пространства.

Глава 4.6. От Костромы до областных окраин

Костромская область[86] – пример наиболее удаленного на северо-восток от Москвы лесного региона Центра России (свыше 70% территории области покрыто лесами), самого малолюдного и экономически маломощного. Тем не менее, это территория со старинными городами (Галич, Солигалич, Нерехта, Чухлома впервые упоминаются в XIII–XIV вв., Буй, Кологрив, Макарьев – в XV–XVI вв.), монастырями, особой русской северной архитектурой.

Кострома, расположенная на западе области, первоначально росла на перевалке товаров, которые шли по Волге и ее притокам. Основанная между 1176 и 1212 г., она сыграла немалую роль в истории России как вотчина Романовых. После переноса столицы в Санкт-Петербург Кострома, расположенная в стороне от основных трасс, стала уступать Ярославлю. В середине XIX в. она имела лишь 14 тыс. жителей. Бурный рост ее населения характерен для XX в. (41 тыс. чел. в 1897 г., 278 тыс. чел. в 1989 г.). В постсоветское время город теряет жителей, подпитываясь только мигрантами из своего региона. Современная численность населения Костромы (277 тыс. жителей) – наименьшая среди столиц соседних регионов. Тем не менее прошлое губернского центра видно в старой части города (рис. 4.6.1). Средних городов (более 50 тыс. жителей) в области нет, только малые. Железная дорога пересекла область лишь в начале XX в.

Рис. 4.6.1. Кострома. Центральная площадь*.

[86] Исследования Костромской области проводились в Институте географии с 1990–2000-х гг. (Костромская …, 1994; Нефедова, 2006, 2013а; Люри и др., 2010; Аверкиева, Нефедова, 2016; и др.), но наиболее подробно отдельные районы области изучались автором в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов (Перспективы …, 2007; Северное …, 2010; Потенциал …, 2014; Ойкумена …, 2016).

* Все фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой.

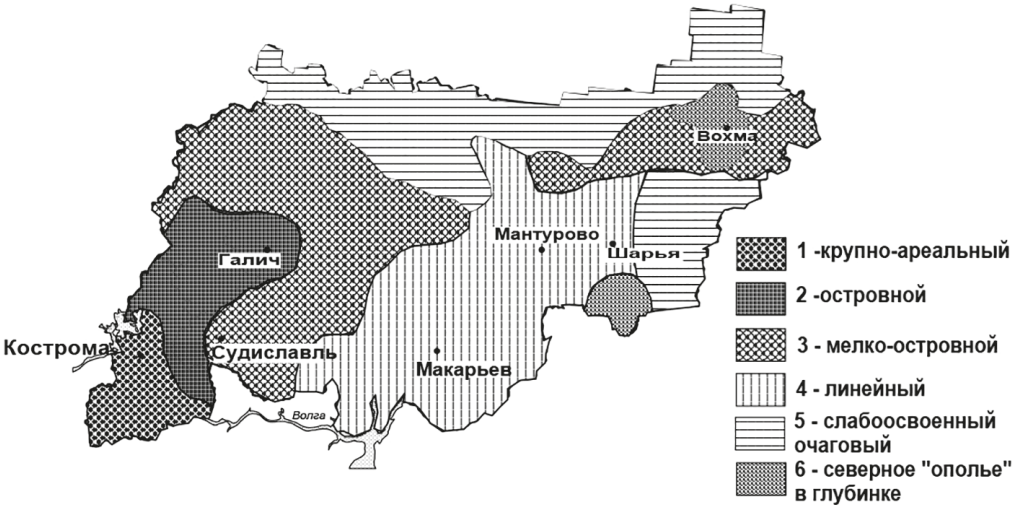

Рис. 4.6.2. Типы пространственной структуры землепользования Костромской области.

Вытянутая с запада на восток, Костромская область представляет собой как бы уменьшенную модель России с концентрацией населения в юго-западном углу вблизи Волги, где на 7% площади живет 60% населения. Можно выделить шесть типов освоения территории Костромской области с разной структурой заселения, которые последовательно сменяют друг друга при движении с юго-запада на восток и северо-восток (рис. 4.6.2). Помимо постепенного перехода от наиболее освоенных территорий вокруг Костромы к островному в полупригородах и на полупериферии для большей части области характерен линейный тип вдоль притоков

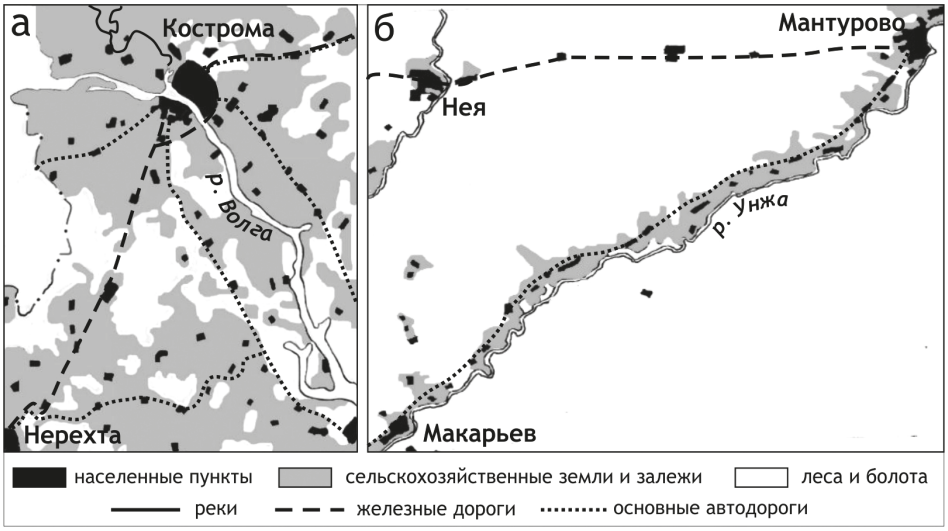

Рис. 4.6.3. Пространственная структура землепользования в юго-западном углу Костромской области вокруг Костромы (а) и в ее срединных и восточных районах (б).

Волги: Неи, Унжи и Ветлуги, служивших основными осями освоения и заселения области (рис. 4.6.3).

На северо-западе также осваивались берега больших озер среди лесов: здесь возникли Галич и Чухлома. В некоторых районах юго- и северо-востока подстилающие породы с лучше дренируемыми почвами способствовали формированию своеобразных «северных ополий», прежде более плотно заселенные, но ныне из-за удаленности от регионального центра быстро теряющие сельское население (рис. 4.6.2).

Лес – главный ресурс Костромской области. Его молевой сплав по притокам Волги был прекращен только в 1994 г. И по сей день лесной комплекс – одна из основных сфер занятости населения вне регионального центра. Несмотря на то, что леса Костромской области сильно пострадали от пожаров 1972 г., в структуре вывоза производимой в области продукции 60% составляет продукция лесопромышленного комплекса (Структура …, 2018). После закрытия советских леспромхозов и забрасывания лесовозных дорог и узкоколеек доступность лесов уменьшилась, заготовки сместились ближе к транспортным магистралям, вдоль которых леса сильно истощены (рис. 4.6.4). Многие относительно удаленные лесные поселки потеряли население. Тем не менее машины, груженные круглым лесом на трассе Кострома – Киров, и вагоны с лесом на станциях железной дороги – типичная картина в области (рис. 4.6.5). Первичная деревообработка поддерживает небольшие районные центры.

На Унже в начале XX в. в селе Мантурово был построен фанерный завод, вошедший в последние годы в холдинг НАО «СВЕЗА Мантурово». Есть фанерный завод того же холдинга «СВЕЗА Кострома» в региональном центре. Крупнейшее предприятие лесопромышленной отрасли, выросшее на иностранных инвестициях – ООО «Кроностар» на востоке региона в Шарье, производящее древесно-стружечные плиты. Это предприятие стимулировало развитие города, удаленного от Костромы на 350 км: среди прочих малых городов Шарья все больше берет на себя роль второго центра региона.

Промышленность области представлена также предприятиями, выпускающими торговое, холодильное и другое оборудование, двигатели, экскаваторы. Однако машиностроение, как и всюду в России, пережило сильный кризис. Исключение

Рис. 4.6.4. Лес на востоке Костромской области.

Рис. 4.6.5. Перевозка леса.

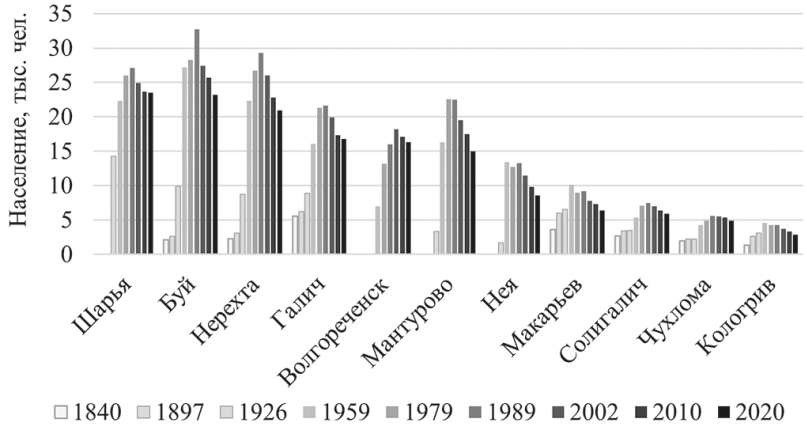

Рис. 4.6.6. Численность населения в малых городах Костромской области в 1840–2020 гг., тыс. чел.

составляют лишь предприятия, в которые пришел московский бизнес (например, завод автокранов в Галиче).

Разнообразие занятости характерно лишь для столицы региона, что привлекает в Кострому население из малых городов и деревень. Только малый город Волгореченск к югу от Костромы выделяется повышенным уровнем жизни благодаря размещению здесь крупных работодателей – Костромской ГРЭС и трубного завода, входящего в структуру «Газпрома». Вместе с Костромой они производят 2/3 всей промышленной продукции области. Большие надежды возлагали на город Буй, около которого в связи с предстоявшим сооружением атомной станции был возведен новый поселок для ее строителей и работников. Но после аварии на Чернобыльской АЭС проект был заморожен, а город начал терять население.

В 2010-х годах только в Костроме приток мигрантов перекрывал отток населения. Вместе с естественной убылью миграционные потери приводят к сокращению населения в большинстве городов области (рис. 4.6.6).

В Костромской области есть старые города, потерявшие свой статус. Например, Судиславль недалеко от Костромы – когда-то купеческий уездный центр, а ныне – поселок с 4,7 тыс. жителей (рис. 4.6.7). Или город Унжа (Старый Город), возникший, вероятно, в XII в. как опорный пункт для защиты от набегов татар, а потом – торговый центр. Сегодня это – село, в котором сохранилось только несколько полуразрушенных церквей.

В 20 км к югу от Унжи на высоком берегу реки возник монастырь, вокруг которого вырос город Макарьев, известный до XX в. лесными ярмарками. Сейчас в Макарьеве 6,4 тыс. жителей. Градообразующие предприятия (машиностроительный завод, молокозавод, льнозавод) закрылись. Население, как и в других малых городах области, ездит работать в Кострому, Ярославль, Москву, а дома в городе и окрестностях покупают московские дачники.

В начале XX в. из-за скудости почв в таежной зоне до 80% мужчин в деревнях было занято в промыслах – валяльном и лесном. Значительная часть крестьян работала на отходе в Ярославской и Московской губерниях, но были и оригиналь-

Рис. 4.6.7. Судиславль. Центральная площадь.

ные местные промыслы. В селе Красное-на-Волге к югу от Костромы (с 1957 г. – поселок) жители освоили поначалу производство серебряных риз для икон, а потом и украшений. Здесь в конце XIX в. открылась Школа технического рисования, которая в 1904 г. стала филиалом Строгановского училища. Сегодня поселок известен ювелирной техникой скани (ажурного плетения из тонкой серебряной или посеребренной проволоки), здесь работают пять крупных ювелирных предприятий и множество частных мастерских, расположена Областная государственная пробирная палата. Красное-на-Волге застроено большими домами на каменном цоколе и скорее напоминает город. В нем производится до четверти золотых и до трети серебряных украшений России. Кострома же выделяется количеством ювелирных магазинов, реализующих золотые и серебряные изделия.

В XX в. потери населения в сельской местности в результате депопуляции были особенно велики. К 2020 г. в области осталась треть населения по сравнению с 1959 г. Наибольший отток в города был в советские годы, но и за постсоветский период население уменьшилось на 30%. Перепись 2010 г. показала, что в области из 3490 сельских населенных пунктов постоянное население имеют только 66% (самый низкий показатель в России). Еще почти в трети деревень живет менее 10 человек, т.е. они тоже вскоре лишатся постоянных жителей. Тем не менее небольшие деревни в живописных местах по берегам рек в последние десятилетия, несмотря на удаленность от больших городов, стали очень привлекательны для дачников (в том числе из Москвы), приезжающих на летние месяцы.

Плотность сельского населения зависит от положения муниципальных районов относительно Костромы. В Костромском районе она составляет 21 чел./км^2, здесь повышена доля населения, живущего в крупных селах. В пригородном районе на 3,4% территории области живет четверть ее сельского населения. В полупригородах, то есть в соседних с Костромским районах, плотность сельского

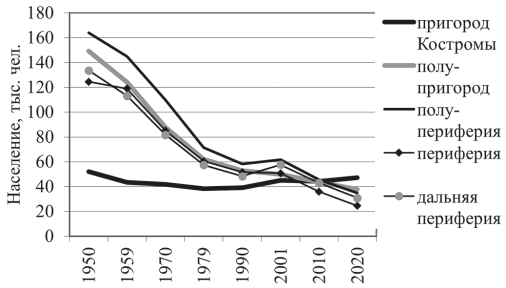

Рис. 4.6.8. Численность сельского населения с 1950 по 2020 г. по зонам удаленности от Костромы, тыс. чел.

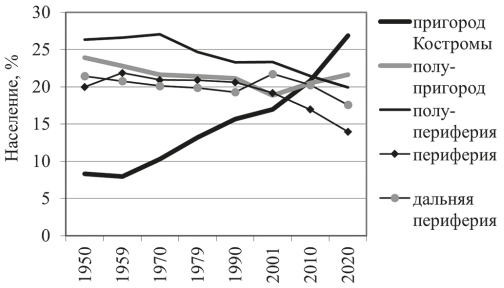

Рис. 4.6.9. Доля сельского населения с 1950 по 2020 г. по зонам удаленности от Костромы, %.

населения составляет 6–10 чел./км^2. В полупериферийных и периферийных районах – 2–5 чел./км^2, при этом только 20% населения живет в населенных пунктах размером более 100 человек. К периферии можно отнести около 70% территории области. Эти различия были видны и в начале XX в., и в советское время, но сейчас поляризация расселения заметно усилилась (рис. 4.6.8, 4.6.9).

Четверть продукции сельского хозяйства также производится в пригороде, а более половины – вместе с соседними с пригородом муниципалитетами. Сюда приходит и агробизнес. Сокращение посевной площади в пригороде было минимальным в отличие от других районов. На удаленных территориях и прежде распашка была невелика, а сегодня продолжает уменьшаться. Осталось менее 30% от уровня 1990 г.

Кострома до сих пор позиционирует себя как «льняная столица» России, хотя льнозаводы в небольших городах в XXI в. закрылись. В начале XX в. в Костроме производилось 22% льняных тканей страны, в том числе 40% тонких тканей. Максимальное число работников на Большой Костромской льняной мануфактуре достигало в 1930-х годах 12 тыс., в 2010-х осталось 150 чел. (Ойкумена …, 2016, с. 167–174). Однако уже к концу советского периода предприятия работали в основном на привозном сырье, в том числе из Белоруссии, Украины и Европы. Местный лен годился только на технические ткани.

Поголовье скота уже в позднесоветское время превышало возможности колхозов его содержать, кормов не хватало, надои молока были низкими, колхозы выживали только благодаря огромным дотациям государства (Нефедова, 2013). При прекращении дотаций поголовье особенно сильно сократилось в периферийных районах, где осталось 15% от уровня 1990 г. Развитие сельской местности Костромской области становится все более очаговым, что отражает и рост коэффициента вариации численности населения и посевных площадей (рис. 4.6.10). При этом контрастность распределения населения увеличивается сильнее и тянет за собой землепользование.

Даже при сжатии землепользования и снижении объемов сельскохозяйственного производства в отдельных немногочисленных очагах сельское хозяйство и пищевая промышленность развиваются. Агрохолдинг «Шуваловские колбасы» в пригороде Костромы сосредотачивает 69% областного поголовья свиней (Ана-

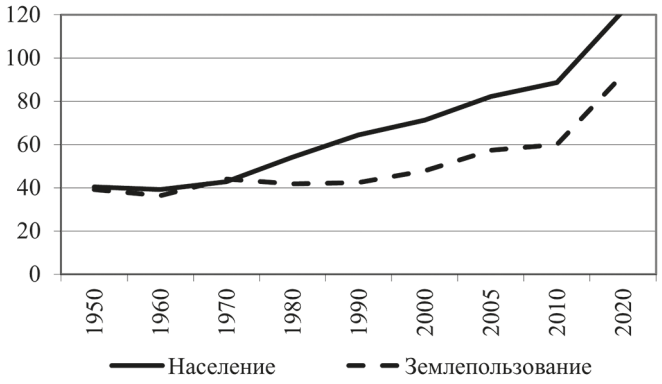

Рис. 4.6.10. Изменение коэффициента вариации численности населения и посевных площадей в зависимости от степени удаленности от Костромы.

литическая …, 2018). В ООО «Галловей Кострома» в Галичском районе содержится почти пятая часть мясного поголовья крупного рогатого скота. Брендом области стала молочная костромская порода коров с гладкой палевой окраской, выведенная в пригородном хозяйстве в Караваево и районированная для условий Нечерноземья с надоями 7 тыс. л от одной коровы в год. Однако из 30 молочных хозяйств области только 7 (в основном в пригороде и полупригороде) получают надои свыше 5–6 тыс. л. Известна Сырная биржа в Костроме. Там же расположен филиал «Danone-Юнимилк» – молочный комбинат «Костромской». Однако пищевая промышленность нуждается в стабильной сельскохозяйственной базе, которая при сильном упадке агропроизводства за пределами пригородного района ненадежна, если не включена в крупные холдинги.

С сельской местностью ассоциируются и культурные ландшафты. В Костроме есть музей деревянного зодчества, где представлены разные типы домов. Но похожие дома можно увидеть и вне музея, стоит только выехать из Костромы.

Костромская деревня, несмотря на лесистость области и очаговость освоения, рождает ощущение простора. Обрабатываемые прежде поля еще не успели покрыться высоким лесом и зарастают травами и молодняком. Это создает эффект экстразональных ландшафтов в зоне южной тайги.

Рис. 4.6.11. Костромская деревня весной.

Область находится на южной границе распространения северной деревянной архитектуры. Избы, потемневшие от времени, общей площадью 100–150 м^2 совмещают под одной крышей жилую часть с двумя печками и двор для скота с сеновалом наверху (рис. 4.6.11). Сохранились многие дома начала XX в., хотя их перебирали для замены сгнивших бревен. Северные избы так же просторны, как и природа вокруг. Но это сейчас так кажется, когда в них живут один или два человека. А когда-то в многопоколенных семьях было до 10 человек, так что спали и на печи, и на лавках, и на полатях.

В результате сокращения занятости в базовых отраслях промышленности и сельском хозяйстве в 1990-х годах произошла «вынужденная» терциаризация структуры занятости. С 2010-х годов число занятых в социальной сфере тоже начало стремительно уменьшаться в связи с объединением сельских поселений и сокращением сферы образования и здравоохранения. Муниципальные районы, испытавшие обе волны сокращения занятости, оказались в самых сложных условиях. «Оптимизация» бюджетной сферы, в которой в результате кризиса промышленности и сельского хозяйства было занято до 60–80% имеющих работу, лишь усилила отток населения.

Средняя зарплата в Костромской области меньше московской в 3 раза (Регионы …, 2020). Но и внутри области различия между районами велики и достигают двух с лишним раз. Как и в других регионах, максимальны они на предприятиях федеральных монополий (в Волгореченске), а также на некоторых предприятиях в Костроме. Также выделяется Красносельский район золотых и серебряных мастеров (даже по официальным зарплатам без учета теневого сектора). Он лидирует и по вводу в действие жилых домов, что отчасти связано и с его дачной привлекательностью на берегу Волги.

Отсутствие работы и низкие зарплаты способствуют распространению алкоголизма. Смертность от внешних причин на 20% выше среднероссийского уровня, в том числе от случайных отравлений алкоголем – более чем в 2,5 раза[87]. Все, кто хочет чего-то добиться, особенно молодежь, уезжают из сельской местности и малых городов.

Важным подспорьем в питании и заработках населения были и остаются ресурсы леса: грибы и ягоды. Около г. Макарьев в помещении бывшего льнозавода работает предприятие «Царь Берендей», принимающее дары леса у населения и поставляющее варенья, соленья и мороженные ягоды на городские рынки, в том числе московский. Однако большая часть сбыта лесной продукции нелегальна. Летом на трассе Кострома – Киров через каждые 2–5 км сидят местные жители с ведрами, полными ягод. В сезон приезжают перекупщики дикоросов у населения.

Перспективы Костромской области

Во время нашего обследования Костромской области в середине 2000-х годов проводились опросы представителей управленческого звена и населения (Нефедова, 2006). Важно было понять, как люди, имеющие и не имеющие отношение

[87] Портреты регионов. Костромская область. Независимый институт социальной политики. http://www.socpol.ru/atlas/portraits/kost.shtml.

к принятию решений, изнутри видят перспективы своих территорий. Их просили высказать свое мнение по поводу некоторых утверждений о том, что будет в данной местности через 10–15 лет (то есть к тому времени, когда написана эта книга) по пятибалльной системе: совершенно согласен (+2), согласен (+1), не знаю (0), скорее не согласен (–1), категорически не согласен (–2). Удалось опросить в четырех муниципальных районах 30 глав и специалистов администраций районов и сельсоветов, руководителей предприятий и попутно – в два раза больше простых жителей разных возрастов по случайной выборке. Опросы проводились дополнительно к подробным интервью. Несмотря на малую выборку, результаты получились показательными (табл. 4.6.1).

Таблица 4.6.1. Результаты анкетирования в разных районах Костромской области: отношение к утверждениям о будущем территории к 2020 г., средний балл

Утверждение	Муниципальный район							
	Костромской (пригород)		Судиславский (полупригород)		Мантуровский (периферия)		Шарьинский (дальняя периферия)	
	Управленцы	Население	Управленцы	Население	Управленцы	Население	Управленцы	Население
1. Утверждения о сельском хозяйстве								
Возродятся крупные агропредприятия	**0,3**	–0,6	**0,4**	–0,5	**0,0**	–0,8	**–0,7**	–0,8
Поголовье КРС увеличится	**–0,3**	–0,6	**0,9**	–0,5	**1,0**	0,3	**0,5**	0,5
Посевы зерновых восстановятся	**0,0**	–0,6	**–0,4**	–2,0	**–1,0**	–0,5	**–1,3**	–1,0
Появится много фермеров	**–0,9**	–1,0	**–0,5**	–1,0	**1,0**	–0,3	**0,1**	0
Останется только личное подсобное хозяйство	**–1,0**	0,4	**–1,1**	0,5	**–0,3**	0,3	**0,6**	–1
Без сельскохозяйственных предприятий поселения вымрут	**0,7**	1,6	**0,1**	1,5	**1,7**	0,5	**1,1**	1,5
2. Утверждения о частном бизнесе								
Усилится вырубка леса частниками	**–0,1**	1,6	**0,1**	0,0	**–0,7**	0,5	**–0,1**	1,5
Частники построят турбазы, пансионаты	**1,0**	0,4	**–0,1**	–0,5	**1,0**	–0,3	**–0,4**	0
Частники возьмут на работу местное население	**0,7**	1,6	**1,4**	1,5	**1,3**	0,8	**1,0**	0
Население расширит сбор и продажу грибов и ягод	**1,1**	1,0	**0,5**	1,5	**0,7**	1,5	**0,9**	2
3. Утверждения о дачниках								
Дачники спасут малые деревни от вымирания	**–1,3**	0,2	**–0,9**	–0,5	**0,3**	–0,3	**–1,3**	0,5
Население будет строить дома дачникам	**–0,6**	0,0	**–1,6**	–1,5	**–0,3**	–0,3	**–1,9**	0,5
Население будет продавать дачникам продукцию	0,4	1,2	**0,1**	1,5	**1,0**	1,3	**–0,4**	1

Дачники развращают местное население	**–1,0**	–0,2	**–1,4**	–0,5	**–1,7**	–1,8	**–0,4**	–2
4. Утверждения о более далеком будущем								
Молодежь в селе не задержать	–0,1	0,6	**1,1**	1,5	**0,0**	0,3	**1,3**	2
Алкоголизм возрастет	**1,0**	0,2	**0,1**	–0,5	**0,7**	0,3	**0,1**	0
Большая часть деревень вымрет	**0,3**	1,6	**0,9**	1,5	**–0,7**	0,3	**0,9**	1,5
Приток мигрантов с юга увеличится	**0,9**	–0,2	**–0,4**	0,0	**–1,3**	–0,8	**–0,3**	–1,5
Горожане начнут возвращаться в села	**–0,6**	–1,2	**–0,9**	–1,5	**0,0**	–0,3	**–0,1**	–1,5
Кроме райцентров деревни станут дачными	**0,0**	0,6	**–0,9**	–1,5	**0,0**	–0,8	**0,3**	1
Район покроется вековой тайгой	**–2,0**	–2,0	**–1,8**	–2,0	**–2,0**	–1,8	**–1,6**	–1

Источник: (Нефедова, 2006).

По результатам опроса видно, что население в общехозяйственных вопросах было настроено менее оптимистично, чем управленцы, и, наоборот, более склонно выдавать желаемое за действительное в вопросах, касающихся их собственной жизни и деятельности. Хотя их просили отвечать не как хотелось бы, а как с их точки зрения будет.

В пригороде и полупригороде почти все управленцы надеялись на возрождение сельскохозяйственных предприятий, в Мантуровском районе ответы сильно разошлись, а на дальней периферии в Шарьинском все указывали на бесперспективность сельского хозяйства. В периферийных районах отчасти надеялись только на животноводство и были согласны с тем, что пахотные земли будут заброшены. Чем дальше от города, тем меньше возражений, что сельское хозяйство останется только на подворьях. Надежд на фермеров не было уже тогда ни у кого.

На лесохозяйственные пути выживания указывало больше население, чем управленцы. В Костромском и Мантуровском районах, где привлекательны речные ландшафты, были надежды на пансионаты, турбазы. И все согласны, что население увеличит заготовку грибов и ягод, предполагая, что появится больше предприятий по их переработке. Увеличение числа городских дачников в большей степени ожидали на периферии, особенно в Мантуровском районе (именно там, на Унже, много москвичей). А на утверждение, что дачники спасут деревню от вымирания, реакция оказалась разной. Ни работа по ремонту и строительству, ни сдача сельских домов в аренду для отдыха горожан (как принято, например, в сельской местности стран Европы) не привлекает местных жителей. Преобладает аграрное, а не сервисное мышление, даже в связи с обслуживанием пришлого дачного населения. Тем не менее, большинство считало, что горожане, несмотря на иной образ жизни, готовность платить и переплачивать, не развращают местное население и не ускоряют его отток.

В реакции на утверждения, связанные с судьбой населения наблюдаются наибольшие противоречия. Все соглашались, что молодежь в селе уже не удержать,

но мало кто прямо признавал, что сельского населения при сохранении этих тенденций не останется. Хотя исчезновение большинства деревень прогнозировали почти все. Алкоголизм основным злом в большей степени считали управленцы, чем само население. Надежды на мигрантов с юга возлагали лишь в пригородах, а возвращение горожан в деревню не прогнозировал никто. Последнее утверждение анкеты – своеобразная шутка, и почти все среагировали на него резко отрицательно, т.е. с уходом человека из этой местности никто не согласен.

Региональные власти, тем не менее, мечтают о привлечении в Костромскую область крупного предприятия, которое бы помогло решить проблемы областного бюджета. Помимо несостоявшейся атомной станции в г. Буй была попытка использования и лесных ресурсов. В 1964 г. в г. Мантурово был построен завод гидролизного производства на отходах древесной промышленности, в том числе для нужд ВПК. В 1993 г. завод закрыли из-за устаревшей технологии, кризиса ВПК и по экологическим причинам. Идея возведения в области крупного целлюлозно-бумажного комбината в г. Нея возникла еще в 1980-х годах. Даже была разработана проектная документация, но ее положили «под сукно». Следующая попытка была в 2005 г. Но, просчитав ситуацию, инвестор отказался от вложений в дорогостоящий и долгоокупаемый проект с отсутствием преференций со стороны государства. Ситуация изменилась в 2006–2007 гг., когда Правительство РФ повысило пошлины на экспорт леса и ввело преференции для предприятий его глубокой переработки в России. Это стимулировало появление нового финского инвестора. Площадку для строительства перенесли в Мантурово, т.к. недалеко от него была восстановлена подстанция для Шарьинского завода древесных плит «Кроностар», обладающая большими ресурсами стабильного энергоснабжения. Однако выяснилось, что задачи спасения области, ради которых искали инвестора, новое соглашение не выполняло, поскольку предусматривало налоговые льготы до 2017 г. Строительство комбината привело бы к полному уничтожению хвойных лесов области. К тому же по проекту вся целлюлоза должна была бы вывозиться за границу, а дорогая бумага – по-прежнему Россией закупаться. Довольно быстро был найден российский инвестор. Гигантские масштабы предприятия и непрозрачность нового инвестора еще больше насторожили общественность, тем более что статус приоритетного инвестора позволял бы ему получать лес без аукционов. Экологическая экспертиза нового проекта отсутствовала, как и развернутое официальное обоснование его ресурсной обеспеченности. Расчеты специалистов показывали, что область не обеспечена достаточными ресурсами не только леса, но и воды даже при оборотном водоснабжении из сильно обмелевшей р. Унжи. Неясно, чем обернулся бы этот проект, если бы не разразившийся экономический кризис 2008–2009 гг.

* * *

Расположенная на стыке Центра, Севера и Предуралья Костромская область вбирает в себя их черты. За счет своей староосвоенной западной «ойкумены» она подсоединяется к ядру страны и Золотому туристическому кольцу России. А за-

волжская «Костромская Сибирь» остается природно-ресурсным резервом, хотя его доминанты до сих пор не вполне очевидны (Ойкумена …, 2016).

Потребность Костромской области в локомотивах роста объективно существует. Это будет и дальше толкать региональные власти на поиск новых проектов по использованию леса – ее главного ресурса. Однако кроме быстрого и беспощадного для природы пути выхода из депрессии, есть другой – постепенное превращение оставшихся незагрязненных участков в «лесной экологический рай» для жителей, дачников, туристов и инвесторов, заинтересованных в постоянной и бережной эксплуатации леса. Однако для этого варианта нужна более кропотливая работа по привлечению некрупных российских и зарубежных инвесторов и более рассредоточенного заполнения ими еще не занятых ниш небольшими проектами по переработке леса и его даров, по созданию и сохранению локальных очагов животноводства. Особенно это важно в районах, еще не подвергнувшихся загрязнению природной среды, в том числе вокруг заповедника «Кологривский лес» на востоке. Ведь достоинством области являются не только лесные ресурсы, но и действительно уникальная для Европейской России чистая природная среда.

Каковы возможности и ограничения такого развития рассмотрено в следующей главе на конкретном примере одного из поселений удаленного Мантуровского района, привлекательного для московских дачников, который уже сейчас испытывает влияние очаговой глобализации (Покровский, Нефедова, 2013).

Глава 4.7. В глубине пустеющей ойкумены: пример одного района

Рассмотрим более подробно, что происходило при расширении и последующем сжатии освоенных земель на локальном уровне – в периферийном районе Костромской области[88]. Мантуровский район – типичная глубинка между большими городами: от Костромы, Нижнего Новгорода и Кирова – 250–300 км, от Москвы – 550 км. Городской округ Мантурово, объединивший районный центр и сельские поселения, теряет население, особенно сельское. Его плотность – 2,3 чел./км^2 – одна из самых низких в области, и почти все население сосредоточено в узкой полосе вдоль р. Унжи (не считая специализированных лесных поселков)[89].

Расширение освоенного пространства

Колонизация русскими этих земель, заселенных финно-угорскими племенами, происходила со стороны Великого Новгорода. Позднее к новгородцам добавились переселенцы с территории Верхнего Поволжья, гонимые набегами монголо-татар. С 1450 г. все приунженские земли вошли в северо-восточную окраину Московского государства (Торопов, 2012, с. 8). Но заселение до покорения Казани в середине XVI в. шло медленно из-за постоянных набегов.

Земли здесь не очень плодородны. Место – лесное, много болот. Под пашни и луга приходилось расчищать лес. Земледелие долго оставалось экстенсивным и подвижным – подсечно-огневым. Деревни располагались у заливных лугов, поэтому они тянутся вдоль рек. Преобладали деревни-малодворки по 5–7 домохозяйств. Местные крестьяне были преимущественно черносошные: они обрабатывали казенные земли, платили оброк, но вынуждены были обеспечивать себя хлебом, которого не хватало. С присоединением Россией плодородных южных земель на эти территории хлеб стал поступать, но на его приобретение необходимы были деньги, а, значит, – промыслы. Главные заработки населения были связаны с лесом. По Унже плотами сплавляли древесину, шла активная торговля. Помимо леса, был валяльно-катальный и шерстобитный промыслы, а местные крестьяне практиковали отход в другие районы на «жгонку» (катать валенки).

Во второй половине XIX в., особенно после отмены крепостного права, на этой территории наблюдался «лесной бум» (Торопов, 1998, с. 45–47). Петербургские, московские и иностранные лесопромышленники возводили лесопилки. В 1906 г. через деревню Мантурово прошла железная дорога на Вятку (ныне Киров). В это время население Мантурово составляло всего 170 человек. Появление железнодорожной станции стимулировало переработку леса, а р. Унжа по объемам сплава занимала второе место в европейской части России. В 1915 г. был построен фанерный завод, который в 1930-х годах был одним из крупнейших в России и действует до сих пор. Статус города был приобретен Мантуровом только в 1958 г. Максимальная численность его населения была достигнута в 1979 г. – 22,5 тыс. чел. и с тех пор только убывает. Толчком к росту Мантурово послужило строитель-

[88] Полевые исследования проводились автором также в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов в 2007–2020 гг.

[89] См. рис. 4.6.3 в Главе 4.6. От Костромы до областных окраин.

ство крупнейшего в СССР биохимического завода, рядом с которым в городе с небольшими деревянными домами был построен новый район многоэтажек на 6 тыс. жителей. В начале 1990-х годов завод закрыли из-за невостребованности его продукции со стороны главного потребителя – ВПК и по экологическим причинам. В 2020 г. в Мантурово числилось 15 тыс. жителей. В нем продолжает работать сыродельный комбинат, построенный в 1960-х годах и в 2010-х годах вошедший в холдинг «Агропромышленная группа Боговарово» с главным офисом в Костроме. Холдинг объединяет сыроваренные заводы и пять лучших колхозов области. После закрытия хлебокомбината из пищевых производств остались несколько малых предприятий. В 2014 г. Мантурово получил статус моногорода, но привлечь инвестиции удалось только в производство минеральной воды. По-прежнему много пилорам с поставкой продукции не только на фанерный комбинат, но и в Шарью за 80 км на завод древесных плит «Кроностар». Безработица, хотя и не официальная, в нем велика, поэтому население ездит работать в Шарью, Кострому, Москву.

Даже на сравнительно небольшой территории выбранного нами района пути развития сельской местности в XX в. различались. К северо-востоку от Мантурово в междуречье Унжи и Межи земли лучше дренируемы и более плодородны. В начале XX в. они привлекли сотни хуторян, которые укрепились здесь в период НЭПа. Местные крестьяне особенно активно сопротивлялись коллективизации, а насильственное сселение хуторов на этой территории продолжалось до 1940-х годов. Земли к юго-западу от Мантурово, напротив, низкоплодородны, в начале XX в. среди жителей было развито отходничество. Его фактический запрет в советское время воспринимался очень тяжело. В XX в. в районе расширялись посевные площади, тем не менее это не приводило к заметному росту производства из-за низкой урожайности культур.

Сжатие освоенного пространства

Укрупнение колхозов началось в середине 1930-х годов. В послевоенные годы в Мантуровском районе все еще оставалось более 90 колхозов, но уже тогда была очевидна поляризация хозяйств. Все колхозы делились на три группы: сильные, средние и слабые, и нормы госпоставок для сильных хозяйств в два раза превышали нормы для слабых (Торопов, 1998, с. 116). К 1950 г. хозяйства объединили в 24 колхоза, а в 1960-х годах в районе осталось всего 10 хозяйств. Сейчас шансы выжить имеют три-четыре предприятия, из которых два являются подразделениями регионального агрохолдинга «Кострома-молоко».

Сельское население начало таять в Мантуровском районе сразу после революции, но особенно быстро после 1926 г. Плотно заселенная полоса к юго-западу от Мантурово между автодорогой Кострома–Киров и р. Унжей длиной около 40 км превратилась в отдельные населенные очаги (рис. 4.7.1). В 1907 г. вдоль это полосы во всех деревнях жило 7,8 тыс. чел., к 1990-м годам осталось 2,5 тыс. чел., в 2018 г. – 1,4 тыс. жителей (Нефедова и др., 2021).

Показать, как менялась жизнь в селах и деревнях можно на примере бывшего Угорского сельского поселения (ныне включенного, как и все остальные, в городской округ Мантурово). Оно расположено на берегу р. Унжи в 35 км к юго-за-

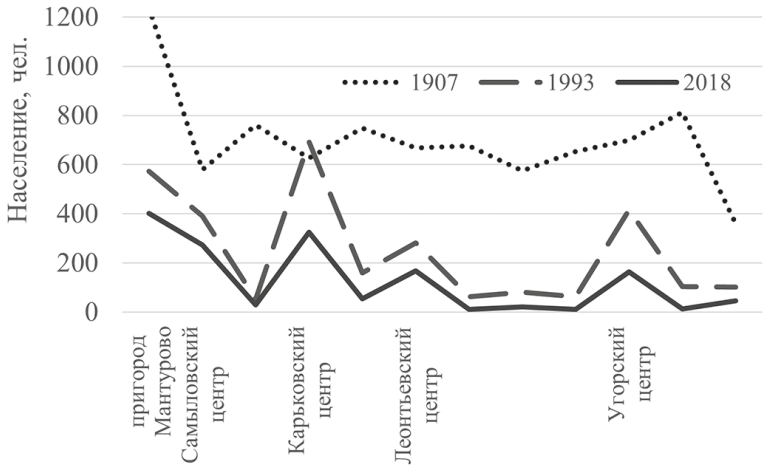

Рис. 4.7.1. Численность населения в начале и конце XX в. и начале XXI в. в деревнях в полосе расселения вдоль Унжи к юго-западу от Мантурово Костромской области в центрах сельских поселений (сельсоветов) и между ними, чел. *Расчеты* автора.

паду от города Мантурово. Недолгим послевоенным «расцветом» с 1959 по 1979 г. местное сельское хозяйство обязано председателю колхоза им. Ленина. Благодаря его усилиям кризис, начавшийся в некоторых других хозяйствах района гораздо раньше, здесь отсрочился. Но избежать его не удалось. Главным фактором была убыточность сельского хозяйства. Стадо в 2000 голов КРС требовало корма. При расширении пашни по программе развития Нечерноземья огромные средства шли на осушение, а урожайность не поднималась выше 7 ц/га. Из воспоминаний очевидцев: «Из полутора тысяч гектаров угорской пашни пока приведены в относительный порядок чуть более 200. Лишены они элементарной возможности вовремя заехать в поле и отсеяться в оптимальные сроки… Сколько прожил в Угорах – все слышал: торф, торф, торф… По двадцать с гаком тонн на гектар вывозят. С навозом это тридцать с лишним тысяч тонн. По объему гораздо больше, чем весь снятый урожай…» (Шакутин, 1985). Помимо пилорамы, в колхозе действовал цех, изготавливавший деревянные ящики под овощи и фрукты. Эта ниша оказалась востребованной, и ящики шли нарасхват, принося колхозу доход. Вместе с лесозаготовками это отчасти компенсировало убытки сельского хозяйства.

Тем не менее решить важную для сохранения жизнеспособности колхоза задачу – задержать и даже привлечь молодежь – не удалось. В начале 1980-х годов в колхозе работало 198 чел., а пенсионеров в сельсовете насчитывалось уже в 1,5 раза больше, в первый класс пошло всего 8 учеников. В середине 1990-х годов осталось 120 работников. Затем произошел перелом – большая часть из них по возрасту ушла на пенсию, а смены не было.

В 1990-х годах в колхозе оставалось еще 700 голов КРС, хотя скот резали, как только нужны были деньги. В начале 2000-х годов оставшиеся 200 голов КРС перевели в центр поселения – село Угоры. Сжатие посевных площадей также продолжалось. Сейчас более 150 га предприятию не осилить, хотя за ним числится около 2 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1300 га пашни. Силь-

Рис. 4.7.2. Уборка овса. Последние усилия колхоза среди наступающего леса.*

ным ударом по сельскому хозяйству стала также необходимость после принятия лесного кодекса в 2006 г. арендовать лесные участки, что финансово сильно подкосило хозяйство. Использование колхозных лесов и продажа леса, в том числе населению на дрова, выручала всегда.

Сейчас предприятие фактически превратилось в малое предприятие своего руководителя: он сам работает и на тракторе, и на комбайне при уборке, при нем несколько надежных работников, хотя числится около 20 чел. на случай экстраординарных работ (рис. 4.7.2). При низких надоях молока кредиты предприятию не положены, его долги растут, колхоз уже вступил в процедуру банкротства.

Картина «деаграризации» Угорского поселения справедливости ради должна быть дополнена более успешным примером. Соседний колхоз в бывшем Леонтьевском поселении приобрел агрохолдинг «Кострома-молоко» (с центром управления в Костроме): здесь построена новая ферма, обновлено поголовье – к характерной костромской породе добавлена более продуктивная голштинская. Надои в результате оказываются в 2–3 раза выше, чем в Угорах. Молоко сдают на переработку на Мантуровский завод. К северу от Мантурово колхоз также приобретен агрохолдингом и вписался в новые условия. Так что сельское хозяйство в Мантуровском районе не умерло, оно стало другим. В междуречье Унжи и Межи на более плодородных землях колхоз приобрел хозяин успешной пилорамы, совмещая сельское хозяйство с лесозаготовкой.

В современном селе Угоры зарегистрированы по месту жительства 140 чел. К селу тяготеют еще 10 деревень бывшего поселения. Лишь в двух из них официально числится более 20 чел., в остальных – менее 10, еще в двух не осталось никого. Около

* Фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой.

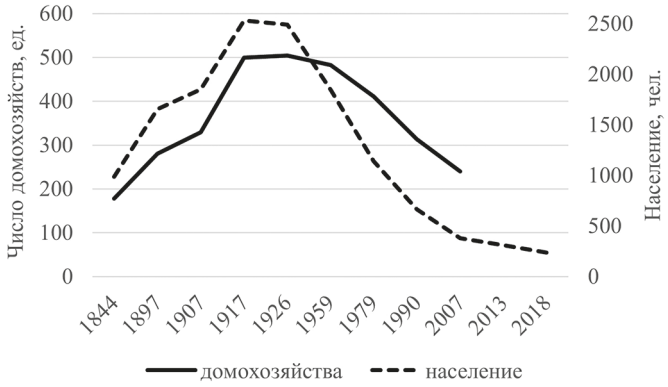

Рис. 4.7.3. Население (чел.) и число дворов (домохозяйств) (ед.) на территории бывшего Угорского сельского поселения, с 1844 по 2018 г.

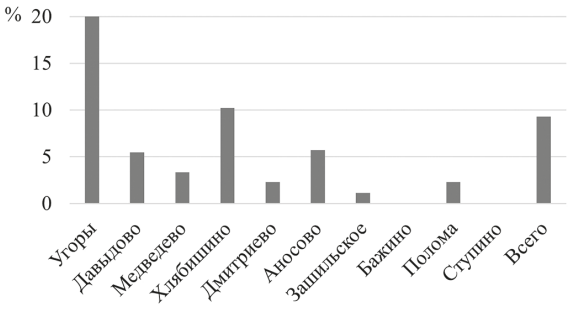

Рис. 4.7.4. Динамика населения в селах и деревнях бывшего Угорского сельского поселения, 2018 к 1917 г., %.

40 чел., хотя и прописаны здесь, месяцами и годами живут и работают в Костроме и других городах. Максимальная численность населения на этой территории была в 1926 г. и составляла 2,5 тыс. чел. (рис. 4.7.3). С тех пор оно неуклонно сокращается. При этом число дворов уменьшалось менее стремительно из-за «сжатия» семей с 5–6 до 2 чел. к 1990 г. и 1,2 чел. в среднем к 2020 г.

Рис. 4.7.5. Школа в бывшем купеческом особняке в селе Угоры (закрыта в 2018 г.).

Рис. 4.7.6. Автолавка приехала.

За век население уменьшилось в 10 раз и лишь в центре поселения – Угорах – в 5 раз (рис. 4.7.4). Угорскую школу в недавно отремонтированном старом купеческом каменном особняке закрыли в 2018 г. (рис. 4.7.5). Детей школьный автобус возит учиться за 20–30 км, объезжая все деревни в трех бывших поселениях с 7 до 9 утра и столько же времени вечером после того, как младшие классы дождутся окончания занятий у старшеклассников. Такой режим лишь ускорил отъезд единичных семей с маленькими детьми.

Несмотря на свертывание традиционных отраслей хозяйствования, неоднократные опросы домохозяйств в Угорском и соседнем Леонтьевском поселениях (опрошено 20% всех домохозяйств) показали, что четверть населения (в основном пенсионеры) считает, что жить по сравнению с советским временем они стали лучше: есть маленькая, но надежная пенсия, свои картошка, овощи, куры, в центре поселения – магазин (в год написания книги магазин закрылся, минимальный набор продуктов можно купить в почтовом отделении), в некоторые деревни раз в неделю приезжает автолавка (рис. 4.7.6). Еще четверть жителей считают, что в их жизни ничего не изменилось, а половина опрошенных констатируют ухудшение. Людей удручают не только отсутствие работы и мизерные зарплаты, но и общая деградация среды, которая затягивает и их самих: «был колхоз, коллектив, настрой на работу», «сейчас никому ничего не надо».

Колхоз был основным работодателем. При опросах местные жители как правило отвечали, что колхоз в деревне нужен. Еще одна сфера занятости – работа на лесозаготовках у частных компаний (около 10 чел. с колебаниями по годам). До последнего объединения поселений и образования городского округа 6 чел. было занято в сельсовете, и около 30 работали в бюджетной сфере (школа, детский сад, клуб, библиотека, фельдшерский пункт). Теперь большинство из них лишилось работы. Некоторые периодически ездят на заработки в Москву, Кострому или Ярославль. Как выживать тем, кому пока не положена пенсия по возрасту, не ясно.

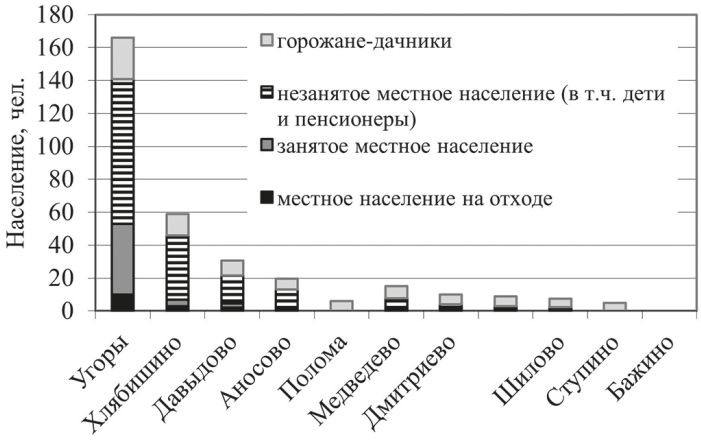

Рис. 4.7.7. Местное население по сферам занятости и горожане-дачники в бывшем Угорском сельском поселении, 2018 г., чел.

Рис. 4.7.8. Вид на р. Унжу и лесные дали.

Основными работодателями становятся городские дачники (Аверкиева, Нефедова, 2016; Между домом …, 2016), преимущественно из Москвы. Без помощи местных жителей дачникам не обойтись: покосы, ремонт и поддержание бревенчатых домов, ягоды, рыба – все это новые, но крайне необходимые виды заработка для местного населения. Доля дачников тем больше, чем меньше деревня (рис. 4.7.7). Их привлекают бескрайние просторы, река, леса, тишина, безлюдие малых полузаброшенных деревень (рис. 4.7.8).

Сами дачи в старых деревенских домах при больших участках сравнительно дешевы по меркам цен на землю и дома в пригородах. Однако в последние годы в связи с инфляцией и увеличением спроса наблюдается рост цен на недвижимость. Вместе с тем социальная среда таких дачных мест отличается сравнительной теплотой соседских связей, в том числе с местными жителями (рис. 4.7.9),

Рис. 4.7.9. Деревенские бабушки в гостях у дачников.

поскольку в депопулирующих, особенно малых, деревнях оставшиеся пожилые жители и дачники сильно зависят друг от друга. При этом повышенная мобильность горожан, часто имеющих машины, позволяет им общаться с дачниками из других деревень, разделенных расстояниями 10–20 км. Дачное отшельничество органически дополняет и компенсирует тяга к общению с себе подобными, формируя специфические дачные сети.

Наряду с дачниками есть горожане, переселившиеся в сельскую местность. Как правило, они сохраняют городскую регистрацию и порой сдают в аренду городскую квартиру. Чаще это люди раннего пенсионного возраста или творческих профессий (Ойкумена …, 2016, с. 212–216), но встречаются и единичные убежденные сторонники сельской жизни. Их связь с городом прочнее, чем у местных, благодаря городским знакомствам, включенности в интернет-сети и дачное сообщество. В результате обращение к архаике сочетается у них с применением новых методов и подходов к ведению хозяйства. Как показали исследования в других регионах, например, в удаленных районах Вологодской области (Аверкиева, 2017, 2021), именно такие «новые сельские жители» становятся реальной движущей силой в деревне, хотя многое зависит от расстояния до крупного города и истории формирования сообщества.

Взаимосвязь демографических изменений населения и сельского хозяйства

И все же без статистики не обойтись. История Угорского поселения напоминает историю многих сельских сообществ в нечерноземной глубинке и позволяет предположить, что существуют некоторые демографические рубежи, переход через которые в данных институциональных и экономических условиях связан с необратимыми изменениями в самом сельском сообществе и в его деятельности.

Эти рубежи определяются не только плотностью сельского населения, но находятся в неразрывной связи со степенью его депопуляции. Могут быть слабо населенные территории, имеющие перспективы развития. Могут быть территории, потерявшие значительную долю населения, но изначальная его плотность была так велика, что активная часть еще сохранилась. Но совместно сильная депопуляция и низкая плотность населения в муниципальном районе, как правило, служат яркими индикаторами состояния сельского сообщества и его хозяйства.

Исследования сельской депопуляции, проведенные в разных нечерноземных регионах России (Нефедова, 2013а), показывают, что первый рубеж изменения состояния сельского сообщества связан с сокращением населения на 50% и его средней плотностью 10 чел./км^2. Этот условный рубеж олицетворяет качественный переход в демографической структуре населения, поскольку уезжают в основном наиболее активные и молодые люди. Скорость роста доли нетрудоспособного населения по возрасту и в результате социальных патологий увеличивается. Освоенная территория уменьшается. Однако ее еще можно удержать путем больших финансовых вливаний, причем не только в производственную, но и в социально-бытовую сферу. Именно последнее при попытках «подъема Нечерноземья» в советское время было реализовано недостаточно, упор был сделан на техническое оснащение производства и жесткие методы руководства. Следующий рубеж – 25% былой численности населения при его средней плотности в районе менее 5 чел./км^2. Коллапс советской колхозной организации в этом случае неизбежен, не способны его предотвратить ни инвестиции в сельское хозяйство, ни административные меры. При этом даже в постсоветское время при ослаблении административного контроля частные хозяйства не появляются из-за истощения человеческого капитала в результате его длительного отрицательного социального отбора, связанного с отъездом наиболее активной части населения в города.

В Мантуровском районе рубеж плотности населения в 10 чел./км^2 пройден к 1950 г., но депопуляция тогда была еще не велика. Рубеж депопуляции в 50% район, как и многие другие, прошел в 1960-х годах (рис. 4.7.10). Именно тогда

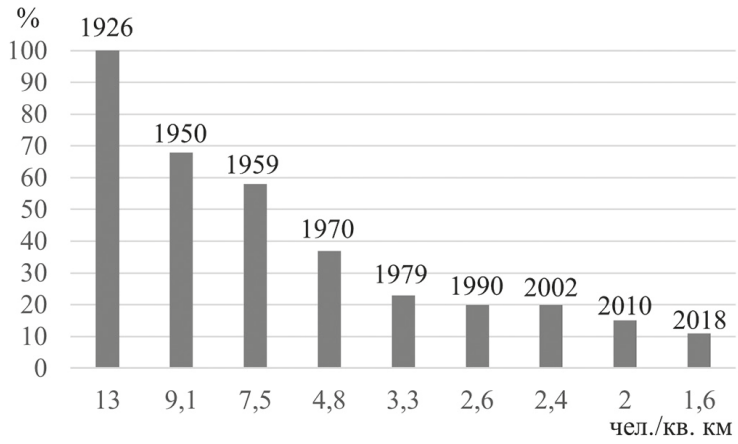

Рис. 4.7.10. Уровень депопуляции (% к 1926 г.) и плотность сельского населения (чел./км^2) в Мантуровском районе Костромской области.

начались серьезные проблемы сельского хозяйства Нечерноземья, осознанные правительством. Но решиться на серьезные изменения в специализации и хозяйственном механизме власть не могла. К 1980-м годам в таких районах уже была очевидна глубина депрессии.

В 1990-х годах к демографическим изменениям и несоответствующим современным требованиям социально-бытовым условиям жизни населения добавился общеэкономический кризис, который усилил искусственно сдерживаемый кризис сельского хозяйства и сельской местности. Выжили крупные предприятия в пригородах региональных центров и быстро стали деградировать многие предприятия на периферии регионов. К тому же глобализация, которая в 2000-х годах проникла почти в каждую деревню, лишь ускорила бегство молодежи из архаичного сельского сообщества.

Модели развития периферии

Пример одного из типичных периферийных нечерноземных районов позволяет тем не менее увидеть возможные модели развития сельской местности в условиях «социального и хозяйственного сжатия». Очаговость развития в таких районах, видимо, неизбежна, но она может спасти их от тотального забрасывания деревень. Это требует анализа ***моделей управляемого сжатия***. Таких моделей может быть несколько (Нефедова, 2013а), причем они не только не исключают друг друга, но имеют синергетический эффект.

Первая модель – частичное сохранение сельскохозяйственных предприятий. Главная тенденция последних лет – включение относительно успешных предприятий в локальные или региональные агропромышленные структуры. Могут выжить и отдельные предприятия, имеющие активных и влиятельных руководителей (роль личности очень важна), при условии модернизации производства и часто – совмещения сельского и лесного хозяйства, которое особенно характерно для регионов севернее Московской области (Ойкумена …, 2016; Аверкиева, 2017). Остальные предприятия, резко сократившие посевные площади и ничего не дающие на общероссийский рынок, по существу, мало отличаются от еле-еле сводящих концы с концами единичных фермеров. Вариативность сельскохозяйственных предприятий в таких районах велика. Более того, существуют примеры своеобразного симбиоза частных предпринимателей (в основном, горожан), инвестирующих не очень большие суммы в покупку скота, с сельскохозяйственными кооперативами (бывшими колхозами), предоставляющими помещения, технику и заготавливающими часть кормов на своих землях.

Вторая модель, связанная с мелкими хозяйствами, может быть направлена не только на самообеспечение сельских жителей и частично их родственников в городах базовыми продуктами, но и привести к усилению локальной товарности местного производства. Наиболее типично это для районов с не очень сильной сельской депопуляцией или районов, сумевших привлечь и задержать мигрантов, включая горожан. Однако малым производителям нужны доступные кредиты, возможность получить в аренду или в собственность заброшенные колхозами земли и, главное, поддержка организации сбыта продукции, в том числе через аналог

потребкооперации, расширение сети рынков, небольших частных магазинов и т.п. Засилье торговых сетей со стандартным набором продуктов, проникших даже в такие удаленные районные центры, как Мантурово, Макарьев и другие, осложняет сбыт продукции малых хозяйств. Пищевые предприятия также не работают с малыми партиями сырья.

Третья модель предполагает специальные усилия для стимулирования местных видов деятельности, опосредованно связанных с сельским хозяйством (*переработка агропродукции, пчеловодство и т.п.*) и с использованием природных ресурсов, прежде всего леса. В зоне тайги это чаще всего *лесозаготовки и первичная лесопереработка*. Здесь тоже наблюдается засилье крупных заготовителей, которые оттеснили малый и кооперативный бизнес, в том числе и благодаря новому лесному законодательству. С ними могут конкурировать только «черные лесорубы», работающие нелегально. Во многих районах, где население активно собирает грибы и ягоды, необходимо стимулирование их закупки и переработки для насыщения крупногородских рынков и ликвидации такого абсурдного явления, как китайские и итальянские грибы на прилавках крупных городов.

Четвертая модель – расширение рекреационно-туристического использования территорий при обслуживании туристов небольшими местными сельскими хозяйствами. Это не только места отдыха в привлекательных ландшафтах, но и создание небольших музеев, мастерских, организация праздников, привлекающих туристов и т.п. Однако при ее воплощении в удаленных районах, где требуется ночевка, необходима оценка множества ограничивающих факторов: степени уникальности и привлекательности данного природного или культурно-исторического места, наличие территорий-конкурентов, ближе и удобнее расположенных к крупным городам, обеспеченность инфраструктурой и ее стоимость, наличие трудового потенциала для высококачественного обслуживания отдыхающих (опыт создания баз отдыха в подобных районах заканчивается обычно завозом работников из городов или пригородов). В малых городах это может дать толчок развитию обслуживающей сферы, ярмарок и т.п. Однако и тут необходимо наличие лидеров или хотя бы небольшой группы активного населения.

К четвертой близка ***пятая модель*** – создание достопримечательных мест (Сельские …, 2013; Теоретические …, 2013; Нефедова, 2017б), воплощение которой возможно в малых городах и деревнях, расположенных в живописных местностях, имеющих ценные памятники истории и культуры. Их создание может быть инициировано снизу и закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровнях. Статус достопримечательного места не означает запрета традиционной сельско- и лесохозяйственной деятельности, но требует сохранения традиционного облика домов и ландшафтов хотя бы вокруг деревень, церквей и других памятников, стимулирует активность населения по сохранению (воссозданию) местного культурного наследия.

Шестая модель связана с собственно дачным реосвоением глубинки, не только сельской местности, но и малых городов. Роль дачного развития удаленных от больших городов деревень, а не только садовых и дачных поселков в пригородах, как правило, недооценивают, поскольку массовость такой сезонной дезурбанизации не фиксируется статистикой (Аверкиева, Нефедова, 2016). Многие горожане

проводят в купленных или наследных деревенских домах от нескольких недель до нескольких месяцев в году. Некоторые даже имеют *дальнюю дачу* в деревне в тихом безлюдном месте в дополнение к *ближней даче*, зажатой среди изгородей и коттеджей (Между домом …, 2016). Такие дачники не повсеместны, они тяготеют к наиболее живописными ландшафтам и небольшим деревням. Их роль велика в сохранении домов и даже целых деревень. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способствуют увеличению занятости трудоспособной части местного населения. Приток дачников стимулирует и развитие торговли в ближайших городах, хотя имеет негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Роль своеобразной теневой «дачной экономики»[90] не только в пригородах, но и в удаленных деревнях становится ключевой. К тому же, активные горожане, чаще интеллигенция, создают иную социальную среду в деревнях, активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения в деревнях без каких-либо специальных инвестиций. Именно горожане в удаленных районах обеспечивают доступ российской периферии к экономике знаний, ее приобщение к инновациям (Пилясов, 2009). Главным экономическим ограничителем дачного освоения периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора.

С ней связана ***седьмая модель***, нацеленная на компенсацию негативных последствий муниципальных преобразований[91]. Объединение сельских поселений, формирование городских и муниципальных округов с ликвидацией низовых ячеек организации местной жизни, закрытие школ, клубов и прочих учреждений социальной сферы, не должны вести к массовому сокращению рабочих мест. В отличие от крупных городов в сельской местности при больших российских расстояниях у людей нет выбора (кроме одного – уехать в город). Следовательно, такие преобразования должны предусматривать возможности появления других видов занятости, которые могут существовать *именно в данном конкретном месте.* Увидеть специфику каждого места из центра невозможно. Значит, необходимы институциональные изменения, предполагающие больше средств и полномочий в распоряжении этими средствами на региональном и муниципальном уровнях с целью поддержки разных форм малого бизнеса и прочих инициатив. И контролировать следовало бы не выполнение установок, спущенных из вышестоящих чиновничьих кабинетов, а количество потерянных и созданных рабочих мест. Это касается и производства местной продукции, и торговли, и образования, и многого другого. Тем более, что есть резервы в виде заброшенных земель, пустующих деревенских домов, общественных зданий и безработных местных жителей. Например, неиспользуемые и потому разрушающиеся масштабные школьные или клубные здания в деревнях можно отдать в частные руки, в том числе и горожанам, для организации там образовательных, реабилитационных, рекреационных, досуговых центров, музеев. Это даст рабочие места и может привлечь население. При закрытии школ в деревнях остаются учителя, которые будут рады любой работе по профилю и вполне могут научить оставшихся детей младших классов писать и считать (с периодической проверкой в школе), вести кружки и т.п. даже

[90] В дополнение к теневой городской «гаражной экономике» (Селеев, Павлов, 2016).

[91] См. Главу 2.5. Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы.

в специально-отведенной для этого благоустроенной части жилого дома. И это намного лучше, чем ежедневно мучить детей несколько часов в автобусе по непроезжим сельским дорогам. И такие опыты есть и весьма удачны, например, в депопулировавших русских селах Татарстана. Главное – дать свободу и финансовую поддержку местным инициативам, которые видны на муниципальном уровне, понимать, что только малый бизнес и малые дела, опирающиеся как на местных жителей, так и на пришлых, в том числе сезонных горожан в деревне, могут спасти эти территории от запустения.

Если же местного населения, кроме нетрудоспособных жителей, в сельской местности почти не осталось, возможна реализация ***восьмой модели*** специальной социальной поддержки местного населения. Ведь депопулировавшие деревни – это, по существу, дешевые и уже готовые дома престарелых, которые отчасти и продовольствием себя обеспечат. Но они требуют, как минимум, автолавок с продуктами, доступной медицинской помощи, регулярных автобусных маршрутов (а, следовательно, и проезжих дорог), доходящих до всех живых деревень. Эти мелкие, на первый взгляд, но чрезвычайно важные дела – прямая задача региональных и местных властей, хотя последние имеют все меньше финансовых возможностей. При создании подобных условий дети будут реже забирать стариков в города, чаще приезжать в деревни, ремонтировать дома с прицелом приехать сюда на отдых. Наличие местного населения делает привлекательными небольшие деревни и для горожан. Все это продлит их существование до, возможно, следующей волны освоения территории.

* * *

В удаленных от больших городов лесных районах к северо-востоку и северо-западу от Московской агломерации сельская жизнь базировалась на сочетании лесного и сельского хозяйства. Так было в начале XX в., это учитывалось и в советское время, хотя ставка делалась на крупные лесозаготовительные и сельскохозяйственные предприятия. Последние в подавляющем большинстве могли выживать только на больших дотациях государства. Это понимало и советское правительство, давая колхозам вспоможение в виде бесплатного выделения так называемых колхозных лесов. Резкое уменьшение дотаций в постсоветский период и переход на аренду лесов подорвали экономическую базу сельского хозяйства. В таких условиях значительная часть предприятий, кроме тех, которые были включены в новые агропромышленные структуры, не выжили. Тем не менее и сейчас для тех немногих самостоятельных предприятий, которые смогли вписаться в новые условия, сочетание сельского и лесного хозяйства остается ключевым, хотя многое зависит от степени депопуляции населения и личности руководителя.

Организация всей жизни в сельской местности вокруг колхозов в течение нескольких поколений, периодическая борьба с частниками и чиновниками отложились и на психологии жителей, большинство которых не готово к альтернативной занятости, если колхоза не стало. Но даже те энтузиасты, которые пытаются реализовать себя уже в новых условиях, наталкиваются на множество бюрократических препятствий и стремление чиновников все регламентировать из центра, не

представляя ситуации на местах. Отсутствие работы, мизерные зарплаты и архаика бытовых условий лишь усилили отток сельского населения и запустение больших территорий на общем фоне непрестижности сельскохозяйственного труда для молодежи и ее настроя на города.

Сжатие освоенного пространства в сельских удаленных районах неизбежно. Тем более необходимо понимание причин и этапов этого процесса и проработка разных моделей управляемого сжатия, включающих не только сельское и лесное хозяйство, но и дачно-рекреационное, историко-культурное, социальное развитие. Эти модели индивидуальны для каждой территории, они могут сочетаться друг с другом, поскольку тесно связаны с историческими традициями, степенью депопуляции населения, ресурсным, экономическим и экологическим потенциалом, транспортной доступностью территории. Тем более важна возможность вариативности принятия решений не из центра, а местными властями на локальном уровне, и необходимая для этого бюджетная обеспеченность.

Глава 4.8. Три города – три судьбы

Благодаря преобладавшим более века модернистским представлениям о прогрессе и росте ускоренное наращивание демографического, экономического и инновационного потенциалов стали универсальными критериями успешности и эффективности города. В основе современных концепций городского развития лежат идеи предпринимательского управления, конкурентоспособности и роста (см. например, (Stone, 1989; Turok, 2004)). Сейчас масштабные культурные и спортивные проекты, креативная экономика и постиндустриальный урбанизм стали символами новой жизни крупных городов, где концентрируются глобальный капитал и власть. Развитие же малых городов, за редким исключением, менее «захватывающее» и эффектное, в лучшем случае базируется на поддержании статуса-кво (Чирикова, Ледяев, 2017). Из-за этого они часто остаются на вторых ролях как для политиков, так и для исследователей. Вплоть до середины 2000-х годов отношение к малым городам как к «местам, которые не имеют значения» (Rodríguez-Pose, 2018), или «местам, которые провалили попытку стать <настоящими> городами» (Bell, Jayne, 2009), преобладало среди исследователей. Тем не менее большинство городов в России (Лаппо, 2012, Численность …, 2020) и в мире (Robinson, 2006) – малые. И хотя иногда они сближаются с крупными по траектории развития, они не являются их уменьшенными копиями (Norman, 2013), следуя собственной эволюционной логике.

Оптика, ориентированная на рост, менее актуальна для понимания трансформаций малых городов, где, как правило, отсутствует сверхбогатое население, динамичная экономическая среда, а также доступ к крупному частному капиталу и значимым государственным грантам. Трансформации здесь также происходят, однако на фоне крупных городов, а порой и собственных внутренних проблем выглядят не столь значительными и важными.

Не загоняя читателя в рамки упрощенных моделей и количественных замеров «успешности» и «эффективности», в данной главе приводятся примеры разных, но все же чем-то похожих путей развития малых городов староосвоенных регионов Европейской России. Городов, прошедших путь от коллапса социалистического порядка до новых или хорошо забытых старых форм и практик, которые возникают на его руинах. В основе аргументации главы лежат наблюдения, сделанные автором в ряде малых городов Костромской, Ярославской, Ивановской, Тульской, Новгородской областей в 2014–2020 гг. Конкретный эмпирический материал, использованный для написания главы, получен в ходе экспедиций 2018–2019 гг. в города Боровичи (Новгородская область), Ростов (Ярославская область) и Тейково (Ивановская область)[92].

Все три города входят в официальный список монопрофильных поселений[93]. Однако в советский период все города в той или иной мере служили подразде-

[92] Эмпирический материал получен в ходе глубинных интервью, невключенных наблюдений и цифровой этнографии – анализа постов в социальных сетях и городских онлайн-форумах, картирования акторов и взаимосвязей между инициативами.

[93] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов».

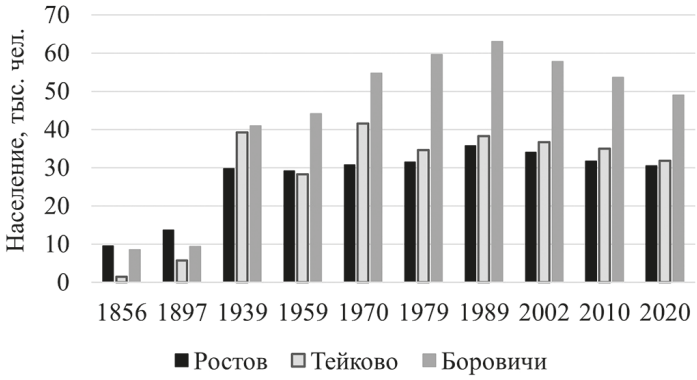

Рис. 4.8.1. Численность населения Ростова, Тейково и Боровичей с 1856 по 2020 г., тыс. чел. *Составлено* по данным переписей населения и текущего учета.

лениями государственной промышленной корпорации (Визгалов, 2015, с. 267). Ввиду этого, влияние промышленности, ее наследия и ее структурного кризиса на постсоветское развитие ощущается во всех малых городах, хотя в моногородах оно проявляет себя наиболее ярко. Выбранные три города нельзя отнести к самым кризисным, хотя все они теряют население (рис. 4.8.1). Ростов и Тейково не сильно удалены от региональных центров – на 50 и 35 км соответственно. Боровичи расположены от Новгорода гораздо дальше (185 км).

Рассмотрим сначала кратко города в северо-восточном секторе от Москвы (Ростов и Тейково), о котором много сказано в предыдущих главах. Далее, чтобы глубже раскрыть суть и причины происходящих процессов, остановимся на Боровичах, которые находятся в северо-западном секторе.

Ростов Великий (именно так он назван в летописи в 1151 г.) – один из древнейших русских городов и сегодня один из самых известных туристических центров, расположенных на маршруте Золотого кольца России, в 200 км от Москвы. От старопромышленного наследия мало что осталось. Фабрика «Рольма» (Ростовская льняная мануфактура), построенная в 1878 г. и долгое время остававшаяся крупнейшим предприятием города, обанкротилась в конце 1990-х годов. Сейчас часть ее помещений занимает торговый центр (рис. 4.8.2). От старых производств XIX в. в городе сохранилась пищевая промышленность. Так, наследником паровой цикорной фабрики А.П. Селиванова стал кофе-цикорный комбинат, паточного завода – ЗАО «АТРУС» (которому принадлежат также мясокомбинат, хлебозавод, завод «Русский квас», производство макаронных изделий и сеть магазинов). Историческим наследием является и гимназия имени А.Л. Кекина (купца – основателя фабрики «Рольма»). Он завещал весь свой капитал и имущество городу с условием устройства мужской гимназии, которая была открыта в 1907 г. и действует как гимназия до сих пор (рис. 4.8.3).

В списке моногородов Ростов оказался во многом благодаря промышленному предприятию «Ростовский оптико-механический завод» (построен в 1975 г.). Хотя он обеспечивает работой порядка 2 тыс. чел., его роль в городском развитии остается незначительной.

Рис. 4.8.2. Ростов. Торговый центр в здании фабрики «Рольма»*.

Рис. 4.8.3. Ростов. Гимназия имени А.Л. Кекина.

Настоящим «градообразующим предприятием» является государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» – архитектурный ансамбль бывшей резиденции архиереев Ростовской епархии второй половины XVII в., внесенный в список объектов культурного наследия федерального уровня (рис. 4.8.4). Однако разобщенность города и «Ростовского кремля» формировалась десятилетиями. «Кремль» получал значительную финансовую поддержку со стороны федерального правительства, а также от притока туристов, которые чаще прибывали на короткое время организованными группами без посещения самого города. В отличие от «Ростовского кремля» город постепенно терял свою привлекательность из-за дефицита бюджета и отсутствия поддержки местных инициатив, которые могли бы запустить комплексную трансформацию (рис. 4.8.5).

Ситуация начала меняться в 2010-е годы, по мере роста популярности самостоятельных путешествий. Новых туристов стал интересовать не только кремль, но и сам Ростов с его достопримечательностями. С ростом потока в городе стали развиваться туристические сервисы за пределами центрального ансамбля. Город выделяется множеством самых разных на любой вкус гостиниц и небольшими музеями, возникающими по инициативе местных предпринимателей. Однако кризис власти, вызванный постоянной сменой глав администраций, препятствует налаживанию эффективного диалога. Ввиду этого центральная часть города – это территория конфликта между разными акторами, в том числе и предпринимателями (Гунько и др., 2019).

Близость Ростова к региональной столице и удобство сообщения (Ростов и Ярославль связывает скоростной участок федеральной трассы М8) способствуют тому, что за товарами и значительной частью услуг жители города и района ездят в Ярославль. Кроме того велика доля маятниковых трудовых мигрантов, работающих в Ярославле. Это приводит к сокращению «центральных» функций Ростова и создает здесь «промывной» миграционный режим.

В отсутствие федеральных, региональных и муниципальных программ, направленных на поддержку развития города, инициаторами позитивных транс-

* Авторы фотографий в главе: А. Васильев, М. Гунько, Т. Нефедова, Г. Пивовар, А. Старикова, А. Шелудков.

Рис. 4.8.4. Ростовский кремль.

Рис. 4.8.5. Центральная улица Ростова.

формаций становятся предприниматели и местное сообщество. Пример – группа компаний «АТРУС», построившая благоустроенный многоэтажный микрорайон с коммерческим и социальным жильем, большими детскими игровыми площадками и зонами отдыха (рис. 4.8.6). Компания реализовала принцип государственно-частного партнерства, переселив жителей из домов в аварийном состоянии и выделив квартиры очередникам, имеющим право на получение помощи от государства. Этот микрорайон резко контрастирует с преобладающими индивидуальными домами (рис. 4.8.7), требующими ремонта улицами, неблагоустроенной набережной у кремля.

В городе развита и низовая активность граждан – институт уличкомов, целью которых является поддержание порядка в районах частной застройки и поиск механизмов улучшения благоустройства, в том числе в рамках ТСЖ. Они пытаются наладить диалог между жителями и городской администрацией по вопросам жилищно-коммунального хозяйства и транспортной инфраструктуры, хотя получается это далеко не всегда.

Исторически ***Тейково*** – центр текстильной промышленности. Ткацкая фабрика была основана здесь в конце XVIII в. Современный хлопчатобумажный комбинат остается градообразующим предприятием, на котором занято порядка 1 тыс.

Рис. 4.8.6. Ростов. Микрорайон АТРУС.

Рис. 4.8.7. Типичная улица Ростова.

Рис. 4.8.8. Тейково. Комплекс исторических зданий хлопчатобумажного комбината.

Рис. 4.8.9. Тейково. Заброшенный жилой дом в центре города.

чел. Комплекс заводских зданий (рис. 4.8.8) занимает значительную территорию в восточной части Тейково (хотя часть сооружений заброшена), однако предприятие почти не взаимодействует с городом.

Второй крупный работодатель в Тейково – соединение ракетных войск стратегического назначения. Военная часть расположена в черте города. Жилой фонд и инфраструктура района ракетчиков «Красные сосенки» в 2016–2017 гг. переданы на баланс города и считается его элитной частью. Район состоит из пяти- и шестиэтажных домов, что контрастирует с индивидуальной застройкой, в которой много ветхих и заброшенных зданий (рис. 4.8.9). Зарплаты военных выше средних по городу, что обеспечивает повышенную покупательную способность части населения и увеличивает доходы местного бюджета: «город, во многом, живет за счет военных» (из интервью в городской администрации).

Как и в ситуации с Ростовом, близость к региональному центру обуславливает развитую маятниковую миграцию и потерю городом «центральных» функций. Тейковчане постоянно сравнивают свой город с областным центром, который явно выигрывает по уровню комфортности городской среды и социальной обеспеченности. Несмотря на то, что в городе два торговых центра и один кинотеатр, люди ездят за услугами и товарами в Иваново: отчасти из-за более низкого уровня обслуживания на месте, отчасти по привычке.

Ощущение периферийности, несмотря на практически пригородное положение, усугубляется кризисом власти, что также роднит Тейково и Ростов. Из-за этого не складываются отношения между администрацией и местным бизнесом. Институты местного самоуправления представлены ТОСами, но без реальных ресурсов их деятельность ограничивается организацией субботников и чаепитий для ветеранов.

В итоге, несмотря на наличие нескольких потенциальных импульсов, нет единой повестки городского развития: хлопчатобумажный комбинат переживает не лучшие времена и решает свои проблемы, военные – в стороне, сил городских активистов мало, а администрация, которая должна всех сплотить, – в политическом кризисе.

Шансом на положительные сдвиги стал проект «Реновация парка «Красные Сосенки» и набережной реки Вязьма», который выиграл Всероссийский конкурс проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях в 2019 г. Однако исследования показали, что он не решает глубоких проблем, стоящих перед городским хозяйством. Город нуждается в расселении аварийных домов, ремонте изношенных сетей, рекультивации заброшенных промышленных зон, создании сети дорог с твердым покрытием, в постоянном освещении в районах малоэтажной застройки. На этом фоне целесообразность выделения 75 млн руб. на набережную, а также эффективность траты этих средств вызывает много вопросов среди населения.

Первое упоминание о ***Боровичах*** (Боровичском погосте) относится к концу XV в. В середине XVI в. о нем говорится как о торговом поселении, чье развитие неразрывно связано с водными перевозками. История Боровичей подробно описана в (Путешествие …, 2015, т. 2, с. 115–121), здесь напомним лишь ключевые моменты, важные для понимания современного состояния города. Значимым занятием жителей Боровичей и окрестностей в XVIII–XIX вв. было сопровождение судов по порогам р. Мсты, входившей в Вышневолоцкую водную систему перевозок, которая была заложена при Петре I. Работа местных лоцманов состояла в проводке судов по одному из сложнейших отрезков системы – участку длиной 30 км с 40 порогами. Ежегодно с началом судоходного периода в Боровичи прибывали крестьяне-отходники и разнорабочие. Населенный пункт разрастался, в нем развивались ремесла, промыслы и торговля, крепло купечество, хотя статус города Боровичи получили только в 1770 г.

Со второй половины XIX в. Боровичи претерпевают ряд изменений. После открытия Мариинской водной системы и с развитием железнодорожного транспорта, который удешевил, упростил и значительно ускорил перевозку товаров, Мста утратила значение важнейшей водной артерии. Последнее транзитное товарное судно прошло по Мстинским порогам в нач. 1890-х годов. На смену торгово-логистической специализации пришла промышленная. Развитие Боровичей как индустриального центра связано с производством огнеупорных кирпичей из местных глин для металлургической промышленности. В 1855 г. Эммануилом Нобелем было открыто первое предприятие по производству огнеупорных изделий в окрестностях Боровичей. В 1870-х годах открывается завод в самих Боровичах. Помимо огнеупоров, в 1910-х годах заработало предприятие по производству строительных материалов. В 1930-х годах развернулось строительство Боровичского гидроузла, в том числе с применением труда заключенных.

После Второй мировой войны Боровичи приобрели черты типичного моногорода. Боровичский комбинат огнеупоров (БКО) в статусе градообразующего предприятия превращался в «городскую индустриальную общину». Как и в других советских моногородах, комбинат определял не только экономическую, но и социальную, и культурную жизнь, а общие городско-заводские инфраструктуры

Рис. 4.8.10. Боровичи. Железнодорожный вокзал.

выражали эту связь в материальной форме. Роль других предприятий в формировании городской повестки была несравнима с БКО.

Как видно из этого краткого обзора, Боровичи менялись в течение своей истории в соответствии с глобальными, страновыми и локальными тенденциями – от торгового местечка на речном пути до советского моногорода. Его пестрый городской ландшафт сочетает в себе православные храмы, уникальные инфраструктурные объекты XIX–XX вв. (стальной арочный мост по проекту Н.А. Белелюбского через р. Мсту, деревянный железнодорожный вокзал (рис. 4.8.10)), конструктивистский дом напротив неоклассических «сталинок», типовые бетонные «панельки» – образцы массового домостроения.

Выстраивание жизни малого города вокруг его промышленного ядра было целенаправленной политикой советской власти. На смену уничтожавшимся православным храмам пришли заводы – храмы индустрии, чей рабочий ритм стал основой унифицированного жизнеустройства: «*…в основании общества лежало производство, господствовала трудовая мораль*» (Максимов, 2000, с. 95). Экономическая деятельность за пределами предприятий – будь то туризм или услуги – воспринималась как второстепенная для городского развития даже в исторических малых городах. Анна Цинг (Tsing, 2015) рассматривает такого рода отчуждение как процесс упрощения пространства жизнедеятельности, где только один актив и один вид взаимодействий имеют ценность, а все остальное – побочные продукты. В официальном советском дискурсе Боровичи были сведены лишь к центру с важным промышленным предприятием, вместо восприятия города как сложного напластования разных эпох и видов деятельности. При этом город не отделялся от завода, который функционировал как совместное благо, принадлежащее всем, а его руководителями были лишь администраторами общего советского имущества (Verdery, 2003).

Сейчас дистанция между городским и заводским в Боровичах очевидна. Граница между ними четко маркируется заборами, колючей проволокой, шлагбаумами и контрольно-пропускными пунктами вокруг БКО. Это больше не «наш комбинат», как говорят информанты. С приватизацией произошла дезинтеграция промышленной и городской частей, передача ряда так называемых «непроизводственных активов» городу с отстранением предприятия от решения сложных вопросов городского развития. Но именно эти «непроизводственные активы» и «непроизводственная деятельность» составляли ценность предприятия для города и его жителей – общая инфраструктура, обширные сети взаимопомощи, организация не только рабочего, но и жилого пространства. В этой системе комбинат был гораздо бóльшим, чем его производство. Капиталистическая приватизация свела его сущность к машине по производству прибыли, разрушая привычный социальный порядок. Было бы не верным не упомянуть, что БКО все же продолжает внедрять и поддерживать ряд непроизводственных активов в разных частях города – ледовая арена, гостиница и аквапарк, оказание финансовой поддержки дому культуры, выделение средств на городские проекты. На первый взгляд, эта деятельность может показаться продолжением социалистических практик. Однако при более внимательном рассмотрении видно, что целью является стремление при минимальных издержках завоевать лояльность работников и выиграть в конкурентной борьбе за человеческий капитал (Henry et al., 2016). Социально ориентированными такие объекты как аквапарк и ледовая арена назвать сложно. Не являясь ни необходимыми, ни коммерчески устойчивыми в нетуристическом городе, они создают дополнительные риски для местного бюджета, если предприятие по какой-либо причине откажется от их финансовой поддержки.

В интервью, взятых у жителей Боровичей, можно проследить нарратив социальной травмы, растянутой во времени. Она отличается от опыта жителей крупных городов, чей травматичный опыт связан непосредственно со временем сразу после радикальных рыночных реформ начала 1990-х годов. Здесь же процесс растянулся на 30 лет, став опытом нескольких поколений – будущее остается неясным, а социалистический период постоянно упоминается как время «до» (Morris, 2018). Эта травма отразилась в снижении ценности рабочих профессий, которые не только в Боровичах, но и во многих других малых индустриальных городах стали ассоциироваться с маргинальностью, особенно среди молодого поколения (Gunko, Medvedev, 2018). В этих условиях даже более или менее стабильная экономика и рынок труда, но основанные преимущественно на индустрии, перестают быть привлекательными для молодежи. Так в малых городах формируется культура миграции – устойчивая социальная установка, что успешным можно стать, только уехав в большой город, что только там есть возможности для карьерной и личностной самореализации благодаря концентрации власти и капитала.

Устойчивая и долговременная депопуляция (по сравнению с 1989 г. снижение составило 22%), недофинансирование городского хозяйства и сложные межбюджетные отношения, оптимизация инфраструктуры (Gunko et al., 2020) и прекарность, связанная с зависимостью от моноспециализации, становятся источником руинизации в Боровичах. Ее физические проявления – это заброшенные здания и сооружения, деградация инфраструктуры, а социальные – новые отношения и

смыслы, которые сообщество производит для обеспечения комфортной повседневности.

Хотя БКО все еще является работодателем для более чем 4 тыс. чел., дезинтеграция городской и заводской жизни и снижение значимости комбината в повседневной жизни Боровичей – закономерный исход постсоветской трансформации. На этом фоне в основе вновь формирующихся практик и инициатив лежит то, что старательно стиралось советской унификацией. А именно – многогранное историческое наследие, которое пересматривается и переоценивается в новых реалиях. В этом смысле малые города староосвоенных регионов выгодно отличаются от своих собратьев в регионах нового освоения.

Лидеры обновления в Боровичах – представители малого и среднего бизнеса (владельцы местных мебельных фабрик, предприятий пищевой промышленности и фабрики игрушек «Мякиши»), появившиеся в постсоциалистический период. Из-за отдаленности от крупнейших центров и автомагистрали Боровичи не стали туристическим центром. Однако эта же изолированность позволила городу сохранить аутентичный старокупеческий дух. Память о купцах-меценатах XIX–XX вв. в каком-то смысле стала вдохновением для современных предпринимателей.

Особенно к ней апеллировал в интервью владелец фабрики «Мякиши» Евгений Антонов. Начавшись как семейное дело по производству игрушек на дому, за годы своего существования «Мякиши» выросли в бренд федерального значения. С ростом компании росло и влияние семьи Антоновых в Боровичах. Одним из первых их проектов стало восстановление дома купца Митрофанова XIX в. с большим вниманием к деталям и уважением к истории. Заброшенное здание было восстановлено по старым чертежам в сотрудничестве с Музеем истории города Боровичи и Боровичского края, а проект был отмечен XIII Национальной премией «Культурное наследие» (рис. 4.8.11). Сейчас в его стенах функционирует два ресторана: демократичный семейный эко-ресторан «Антонио» и ресторан «Мост», где проводятся гастрономические и культурные встречи. Внутренний двор открыт для свободного посещения, здесь также проводятся общегородские мероприятия. Помимо этого, семья Антоновых участвует во в множестве других городских инициатив – от ремонта фасадов деревянных домов (проект «Домики») и озеленения улиц до организации спортивных марафонов и театральных представлений.

Рис. 4.8.11. Боровичи. Дом купца Митрофанова.

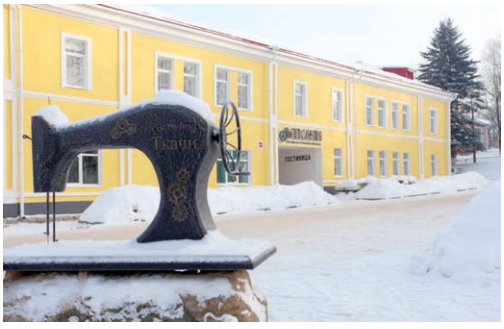

Рис. 4.8.12. Боровичи. Здание гостиницы «Ткачи» после реконструкции.

Бурная деятельность Антоновых не осталась незамеченной в предпринимательском сообществе Боровичей. Напротив дома купца Митрофанова находится отель «Ткачи» также в реконструированном из руин здании XIX в. (рис. 4.8.12) – это бизнес-проект другого городского предпринимателя. Хотя в сравнении с домом купца Митрофанова реконструкция здесь была менее кропотливая, так как авторы не преследовали целью сохранить исторический экстерьер. Оба здания и Музей истории города Боровичи и Боровичского края (отремонтированный при финансовой поддержке регионального правительства) создают ансамбль по краям небольшой площади в центре города. Ранее эта территории, состоящая из неухоженного парка и частично руинизированных зданий, была транзитной зоной. Несогласованные действия трех различных акторов привели к позитивному синергетическому эффекту – обновлению и «возвращению городу» деградирующей исторической территории, превратив ее в общественное пространство и место прогулок. Эта зона обновления была расширена до набережной Мсты через Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды «Малые города и исторические поселения». Реализуется проект по благоустройству набережной Октябрьской Революции в рамках Всероссийского конкурса проектов. Начата реконструкция трех традиционных деревянных домов XIX в. владельцем нескольких компаний пищевой промышленности. Проведена реконструкция бывшего пожарного депо при поддержке анонимного инвестора. Здание стало художественной резиденцией «Мстинской гончарни», которая производит керамические изделия ручной работы с использованием уникальных местных глин.

Таким образом, частные инициативы вызвали цепную реакцию изменений в небольшом сообществе. Более крупные инициативы были дополнены небольшими – детские и игровые площадки, художественные инсталляции. Администрация Боровичей стала посредником, создав коммуникационную платформу для предпринимателей, желающих реализовывать городские проекты. Логика этих новых действий далека от производственной дисциплины, грандиозных инфраструктур и в целом от нарративов о линейном прогрессе. Это производная предпринимательского духа, креативного переосмысления и личных талантов. Новая деятельность связана с созданием разных ценностей: персональных, социальных (инфраструктурные объекты), предпринимательских (увеличение ценности продукта, повышение лояльности работников), хотя четкую границу между ними провести сложно, скорее всего, мотивация в каждом из случаев смешанная (Гунько и др., 2019).

Описанные проекты выглядят гораздо более соразмерными и органичными для Боровичей, чем ледовая арена и аквапарк, построенные БКО. Сетевое распределение внутренних ресурсов и плюрализм мнений делает изменения более устойчивыми ввиду меньшей зависимости от одного источника. Но, в то же время, частные инициативы, в отличие от комплексного советского социального обеспечения, – это «штучный» продукт, направленный на определенные группы пользователей и часто (вос)производящий социальное неравенство, ограничивающий доступность среды для некоторых групп населения.

* * *

Данная глава – это история трех очень разных городов в староосвоенной части Европейской России, в которых сконцентрированы наслоения процессов разных эпох. Являются ли эти города типичными и можно ли генерализовать и экстраполировать выявленные в них тенденции? Ответ на эти вопросы состоит в том, что типичного малого города не существует. Индивидуальные особенности важны, так как они показывают, как локализуются глобальные и национальные тренды, иллюстрируя разнообразие их эффектов.

Тем не менее общего все же много. Абсолютизация промышленности в советское время во многих малых городах предопределила их кризис в постсоветский период, особенно сильный в моногородах. Когда основной вид деятельности в данном месте не может воспроизводиться в новых институциональных условиях, место теряет свое значение и впадает в структурный кризис, создаются пространства заброшенности. Дело не только и не столько в экономических затруднениях, но и в крушении всего социального порядка.

На фоне глобального сдвига от вторичного к третичному сектору экономики государство с переменным успехом продолжает паллиативную поддержку индустриальных центров через разные государственные программы и инициативы, направленные, в первую очередь, на предотвращения массовых протестов подобных событиям в Пикалево в 2008–2009 гг. (Crowley, 2016; Stuvøy, Shirobokova, 2021). Однако деиндустриализация образа жизни при сохраняющейся зависимости от единственной отрасли специализации города, недофинансирование и «оптимизация» городского хозяйства и инфраструктуры медленно отравляют жизнь в малых моногородах.

Несмотря на ярко выраженную иерархическую систему управления в России, было бы неправильно считать, что развитие российских городов и регионов полностью продиктовано центром. Местные инициативы обладают определенной автономией. Можно найти отдельные примеры независимого и творческого переосмысления городского развития и решения части локальных проблем на основе имеющихся ресурсов и механизмов (Гунько и др., 2019). Такие решения, однако, требуют глубокой вовлеченности со стороны местных политиков, представителей бизнеса и гражданского общества, которые смогут противостоять или творчески перенастроить существующие подходы к управлению «сверху вниз» и использовать имеющие средства для повышения качества жизни населения в малых городах, как это происходит в Боровичах. Гораздо менее продуктивная среда – та, в которой акторы имеют мало совпадающих интересов, а администрация как медиатор не способна установить сотрудничество. Это как раз случаи Ростова и Тейково, которые даже в условиях благоприятного географического положения и отсутствия реальных кризисных явлений в экономике не могут сформировать собственную повестку развития и использовать имеющиеся преимущества.

Безусловно, новые инициативы не обладают потенциалом для преодоления структурных проблем малых городов или залечивания травмы постсоветской дезинтеграции с уходом социальных гарантий, но они делают малые города более «живыми». Через логику теории малых дел они наглядно доказывают, что малые

города это не только «места, где ничего не происходит» (Gunko, Medvedev, 2018), но и места для новых возможностей, успешной реализации предпринимательских проектов и собственных амбиций. Но для того, чтобы считать это обновление, необходимо заглянуть за обманчивые цифры официальной статистики, которые дают лишь общие тренды. Пусть и ненадолго погрузиться в жизнь малого города вне индикаторов эффективности и предубеждений о том, какими они должны быть. До тех пор, пока исследователи ищут линейный рост и прогресс в малых городах, они неизбежно не замечают сложность ассамбляжей, определяющих их развитие, и множественные, на первый взгляд незначительные, позитивные изменения.

Негативные (снижение численности населения, дезинтеграция и структурный кризис) и позитивные (новые производства, обновленные инфраструктуры и общественные пространства) трансформации в малых городах староосвоенных районов Европейской России – это не только сугубо региональные последствия смены порядка, но и часть более широкой картины. На фоне постоянных обещаний развития и благополучия современный мир выглядит все более неравномерным и раздираемым внутренними противоречиями на всех масштабных уровнях (Saxer, Andersson, 2019). Города стали совокупностью сложных практик выживания и обновления. В этом контексте малые города – идеальные места для изучения эффектов внешних потрясений, значимости внутренних ресурсов, диалектического взаимодействия социальной структуры и агентности, в котором неожиданном образом проявляют себя наследие и инновации.

Глава 4.9. Год COVIDa – миграционный разворот?

Обычно в годы потрясений (войн, кризисов) часть населения покидает крупные города, растекаясь по пригородам и удаленным деревням и возвращаясь после окончания сложного периода. Так происходило не раз в XX в., в том числе во время экономического кризиса 1990-х годов. Однако после кризисных периодов процесс концентрации населения в главных городах и агломерациях восстанавливался (Карачурина, Мкртчян, 2016; Нефедова, Трейвиш, 2017; Мкртчян, 2018; Антонов, Махрова, 2019; и др.).

Особенность России состоит в том, что в ней исторически сложилась жизнь на два дома: зимой в городе, а летом – сначала в именьях, потом – на дачах (Между домом …, 2016). Дачи, которыми владеет около половины городского населения страны, решали не только проблемы отдыха, переключения, самореализации, воспитания детей (Трейвиш, 2014; Нефедова, 2015б), но и из-за сильного имущественного расслоения (Смирнов, 2017) – снабжения овощами и фруктами. При этом не требовалось продавать городскую квартиру, а если уж временно оставлять, то сдавать и зарабатывать на этом. Все это лишь тормозило реальную субурбанизацию и дезурбанизацию, реализуя потребность в близости к природе на дачах[94] и в поездках.

В 2020 г. горожане осознали и стали активно использовать еще одну функцию дач – убежища при вирусной эпидемии с возможностью свести к минимуму нежелательные контакты с людьми. О влиянии пандемии коронавируса на поведение людей и экономику уже написано немало. Прежде всего отмечалось увеличение барьерности границ (Герасименко, Герасименко, 2020). Введение запрета на выезд за границу и опасности поездок по России в поездах и самолетах резко усилили значимость отдыха в своем дачном доме. Увеличение бедности населения (Дружинин, 2020) вследствие свертывания бизнеса и потери многими работы неизбежно усилили сельскохозяйственную активность на дачах. Сама мобильность населения оказалась фактором риска (Каганский, 2020), что заставило население на более длительные сроки осесть на дачных участках. Уникальность современного кризиса связана с приостановкой и даже обвальным спадом деятельности сектора услуг, включая розничную торговлю и малый бизнес, от которого сильнее пострадали крупные центры (Зубаревич, Сафронов, 2020). Пострадали и промышленные предприятия вследствие резкого падения спроса. Это бумерангом сказалось и на других территориях, поставлявших трудовых мигрантов из регионов России в крупные агломерации. Ощущение опасности заболеть вкупе с резким спадом доходов и увеличением численности незанятого населения заставили многих весной и летом 2020 и 2021 гг. обратиться к дачному образу жизни и домашней экономике. Однако если летом 2020 г. в опустевших городах заболеваемость пошла на спад, то к лету 2021 г. новый штамм вируса дал старт третьей волне пандемии (рис. 4.9.1).

Тем более важно разобраться, насколько устойчивы были признаки деконцентрации населения весной и летом 2020 г., и какие специфические факторы стиму-

[94] См. подробнее Главу 2.4. Пространственная мобильность населения как ответ на социально-экономическую поляризацию.

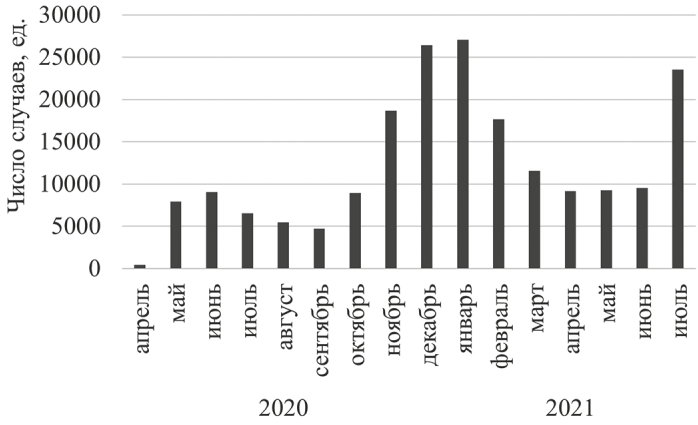

Рис. 4.9.1. Число случаев заражения инфекцией COVID-19 в начале каждого месяца в 2020 и 2021 гг., ед.

лируют и де-стимулируют российскую суб- и дезурбанизацию (Махрова, Нефедова, 2021).

Страны Северной Европы, где роль дач тоже велика (Second …, 2013, p. 165–201; Second …, 2015), реагировали на дачную экспансию горожан противоположным России образом (Николаева, Русанов, 2020; Hannonen, Pitkanen, 2021). Так, правительства Норвегии, Швеции, Финляндии еще весной 2020 г. объявили строгий запрет на перемещения за пределы города из-за опасений распространения вируса и неготовности медицины сельских районов к увеличению числа больных. Бывшие социалистические страны, наоборот, поощряли использование садовых товариществ для уменьшения скученности населения в городах. В России после передачи части полномочий по борьбе с пандемией регионам, власти некоторых из них, например, Владимирской области, закрывали доступ москвичей в наиболее дачные районы, примыкающие к границе с Московской областью. Летом 2021 г. с началом третьей волны региональные власти получили от центра больше организационных полномочий, но усталость населения от запретов и необходимость поддержки бизнеса ограничивали их реальные возможности.

Возможности реальной круглогодичной дезурбанизации в Центре России

Может ли опыт вынужденного более длительного пребывания на дачах повлиять на отношение людей к сельской местности и дать шанс малым городам, переведя их из временного сезонного убежища в место постоянного проживания за пределами крупных городов? Ученые давно задаются этими вопросами (Покровский, Нефедова, 2013; Алексеев, Воробьев, 2018; и др.), которые в годы пандемии стали особенно актуальными (Пилясов, 2020).

Попробуем в данной главе показать на примере северо-восточного сектора регионов Центра России реакцию дачников на пандемию в 2020 г. и возможность перерастания сезонной дачной в реальную суб- и дезурбанизацию населения (Махрова, Нефедова, 2021). Были рассмотрены на разных масштабных уровнях три типа территорий на разном удалении от Москвы: 1) в Московской области

(городские округа Королёв, Пушкинский и Сергиево-Посадский), 2) на юге и востоке Ярославской области (городской округ Переславль-Залесский и Некрасовский район) и 3) на востоке Костромской области (Мантуровский район). Все эти районы обследовались авторами лично летом 2018–2020 гг., а данные за ноябрь 2020 г. собирались методом телефонных опросов глав администраций и выборочно – дачников. Для изучения динамики спроса и предпочтений населения на дачные дома в период пандемии были использованы аналитические материалы компаний, работающих в сфере загородной недвижимости.

Массовые выезды из Москвы на дачи начались в 2020 г. гораздо раньше майских праздников и отмечались уже в марте после объявления правительством нерабочих локдаунов. С переводом детей на дистанционное обучение и части занятых на удаленную работу число дачников еще больше возросло. Это фиксировали и дорожные службы, и сотовые операторы. Летом 2020 г. количество людей, проводивших время на дачах, было выше, чем в предыдущие годы, и жили они за городом дольше.

Возрос и спрос на загородное жилье. Как показывают данные ЦИАН, в июне – середине июля 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года продажи загородного жилья возросли в 1,8 раз (рис. 4.9.2). При этом спрос на аренду, которая была не очень востребована в последние годы, увеличился еще существеннее – в 2,5 раза. Это привело к быстрому вымыванию наиболее дешевых предложений и к росту цен (Демидова, 2020).

Возможность проживания на дачах осложняется бытовыми и социальными условиями жизни за пределами городов. Одни из самых важных показателей, определяющих возможность постоянного проживания на даче, – доступ к дорогам с твердым покрытием и обеспеченность электричеством и сетевым газом (рис. 4.9.3). Анализ данных сельскохозяйственной переписи 2016 г. показывает, что далеко не все садовые и дачные товарищества, не говоря уже об удаленных деревнях, имеют доступ к дорогам с твердым покрытием. Во многих поселках, особенно на периферии областей, отсутствует электричество, а перебои со све-

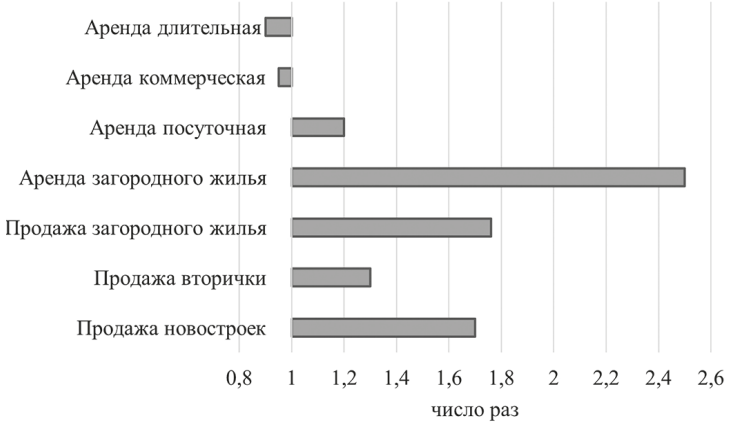

Рис. 4.9.2. Динамика спроса на отдельные сегменты рынка недвижимости, июнь – середина июля 2020 г. к тому же периоду 2019 г. *Составлено* по (Демидова, 2020).

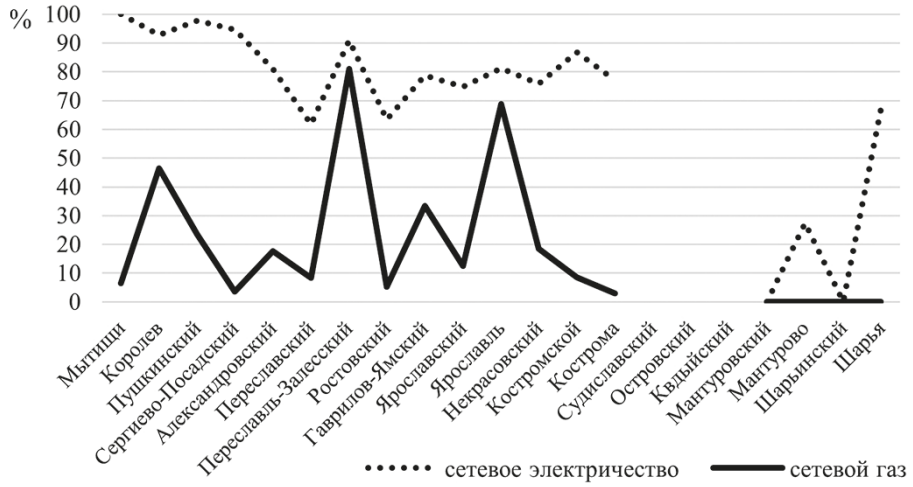

Рис. 4.9.3. Инфраструктурная обустроенность садовых и дачных товариществ бытовыми удобствами. *Примечание*: на территории Судиславского, Островского и Кадыйского муниципалитетов Костромской области нет садово-дачных поселков (Махрова, 2020). *Составлено* по данным ВСП-2016.

том характерны практически для всех товариществ, даже в Подмосковье. Только некоторые садовые и дачные поселки, расположенные на территории городов или в зоне ближних пригородов Москвы, подключены к сетевому газу, без которого отапливать дом дорого. Все это существенно сдерживает суб- и дезурбанизацию.

Московская область: COVID и изменение востребованности дач

Особенно велика роль дач в Московской области. Потенциальная селитебная емкость 11,4 тыс. садово-дачных поселков области с 1,4 млн участков составляет 3,6 млн чел., а с учетом других видов дачных владений превышает 4 млн чел. (Махрова и др., 2016; Махрова, Бабкин, 2018). После ввода режима самоизоляции в марте 2020 г. здесь особенно сильно вырос спрос на покупку или строительство загородного дома несмотря на то, что Московская область занимала летом 2020 г. 3 место по заболеваемости коронавирусом после Москвы и Санкт-Петербурга (рис. 4.9.4). По данным ЦИАН число просмотров объявлений о продаже домов в Московской области в марте увеличилось на четверть, в апреле – на 90% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Пик спроса был достигнут в мае, когда рост составил 2,8 раз, причем в отдельные дни активность была выше в четыре раза[95]. В июне после отмены режима самоизоляции спрос стал планомерно снижаться, составив за первые две недели 115% к уровню прошлого года.

Опрос аудитории ЦИАН показал, что пандемия повлияла на планы покупки загородной недвижимости почти у 40% респондентов. В качестве самых важных причин были выделены две, связанные с коронавирусом: лучшие условия жизни

[95] Махнем не глядя: можно ли поменять квартиру на коттедж без доплаты? https://www.cian.ru/stati-mahnem-ne-gljadja-mozhno-li-pomenjat-kvartiru-na-kottedzh-bez-doplaty-306791/ (дата обращения 01.11.2020).

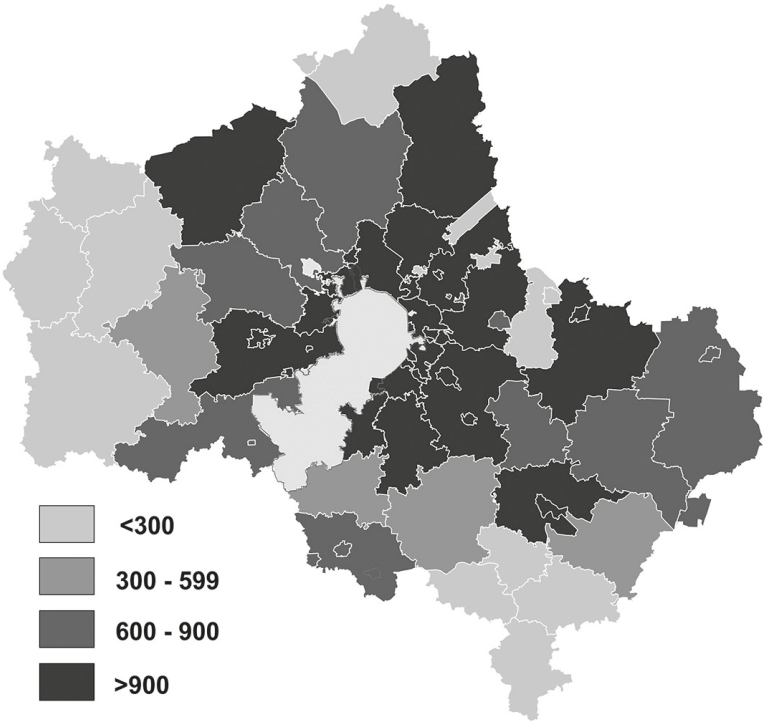

Рис. 4.9.4. Распространение инфекции COVID-19 по районам Московской области по данным на 12 июня 2020 г., число случаев заражения. *Составлено* по данным Министерства здравоохранения Московской области (covid.mz.mosreg.ru, дата обращения 25.09.2020).

за городом при изоляции (44%) и распространение удаленного режима работы (15%). Больше половины опрошенных загородная недвижимость интересует как основное жилье, но из них лишь около 40% предполагают жить в загородном доме постоянно. Остальные рассматривают его как второе постоянное жилье: четверть намерены ездить регулярно, а около 30% проводить большую часть времени (Судакова, 2020). Данные компаний, работающих на загородном рынке недвижимости, показывают, что подавляющее большинство (70–80%) хотят купить дом, таунхаус или коттедж, чтобы можно было сразу в нем жить. Однако из-за дефицита ликвидного предложения 70% покупателей вынуждены останавливать свой выбор на участках без подряда, что увеличило спрос на услуги строительных компаний в 2,5 раза, образовав очереди на несколько месяцев вперед (Судакова, 2020).

Благоприятные перспективы реальной субурбанизации москвичей связаны с высокой стоимостью московских квартир. По расчетам ЦИАН средняя стоимость двухкомнатной квартиры площадью 52 м^2 на вторичном рынке в спальном районе Москвы в среднем сопоставима со стоимостью благоустроенного коттеджа в области площадью до 200 м^2. Однако для покупки дома в ближнем Подмосковье этих денег не хватит. При покупке дома в среднем Подмосковье средств будет достаточно для приобретения и коттеджа, и, возможно, машины, а в удаленных

зонах Московской агломерации можно купить уже два дома. У жителей городов Московской области финансовые возможности для переезда в загородный дом скромнее. Денег от продажи квартиры им не хватит для покупки дома поблизости, а доплата составит уже от 1,5 до 6,5 млн руб.[96].

Одно дело – возможности, а другое – реальная готовность дачников к переезду за город. Рассмотрим ее на примере четырех муниципалитетов, расположенных вдоль Ярославского шоссе на разном удалении от Москвы, где уровень урбанизированности варьирует от 100% в Королёве до 77% в Сергиево-Посадском городском округе. Тем не менее в Королёве находится 26 садово-дачных товариществ, в Мытищах – 93. В менее урбанизированных Пушкинском и Сергиево-Посадском округах число дачных объединений увеличивается до 277 и 602 поселков, соответственно.

Мытищи и Королёв – два крупных города с населением более 200 тыс. чел. каждый, расположенные по разные стороны Ярославского шоссе[97]. Территория этих округов уже во второй половине XIX – начале XX в. стала популярным дачным местом, сохранив свою востребованность в этом качестве и в настоящее время, несмотря на наступление высотной застройки. Близость к Москве сочетается с природным окружением: Пироговский лесопарк, Лосиный остров, Клязьминское водохранилище, канал им. Москвы, р. Клязьма. Почти все дачные поселки, которые находятся непосредственно в границах городов Королёв и Мытищи, кроме транспортной доступности отличает обеспеченность социально-бытовой инфраструктурой, включая возможность подключения к сетевому газу. Многие из дачных поселков советского времени распались, а дачные дома стали обычными объектами городской недвижимости, хотя и используются как второе жилье москвичей, внешний вид которого определяется лишь предпочтениями и финансовыми возможностями их владельцев. Например, стародачный поселок Валентиновка – почти идеальное место для проживания на даче, расположенное всего в 7–8 км от МКАД, но удаленное от главной трассы. Рядом – р. Клязьма и Лосиный остров. Электричка от Ярославского вокзала идет примерно 45 мин. В «доковидный» период использование дач для постоянного проживания осложняли только давка в электричках в час-пик и пробки при въезде в Королёв. Многие из обитателей этих мест строили или совершенствовали свои дома, чтобы жить именно здесь на постоянно-периодической основе. В 2020 г. увеличилось как само время проживания на даче, захватывая раннюю весну и позднюю осень, так и число тех, кто живет постоянно или на два дома.

Примерно такая же ситуация характерна и для дач в черте городского округа ***Пушкино*** с населением более 100 тыс. чел. Его отличает только бóльшая удаленность от Москвы и, соответственно, худшая транспортная доступность. Так, в садовом товариществе «Завилово» в 30 км от МКАД также есть практически все условия для постоянного проживания: электричество, газ, летний водопровод, асфальтированный подъезд. Сетевого водопровода и канализации нет, но у мно-

[96] Махнем не глядя: можно ли поменять квартиру на коттедж без доплаты? https://www.cian.ru/stati-mahnem-ne-gljadja-mozhno-li-pomenjat-kvartiru-na-kottedzh-bez-doplaty-306791/ (дата обращения 01.11.2020).

[97] См. Главу 4.2. Столичный регион: пример ускоренного развития.

гих установлены автономные системы (колодцы или скважины и септики). Однако из-за высокой стоимости подключения (от 1 млн руб.) газифицирована лишь половина участков. Автобусного сообщения в этой части округа нет, до станции «Заветы Ильича» – 1,5–2 км, до центра Пушкино – 15 км, а до Москвы на электричке – 50 мин. В поселок приезжает автолавка и фермер, ближайший магазин расположен в 2 км, в окружении находятся сетевые магазины. Живущие на дачах постоянно водят/возят детей в местные или соседние детские сады и школы. Первичную поликлиническую и экстренную стационарную медицинскую помощь можно получить на месте, в сложных случаях нужно ехать в Москву. В теплый сезон используется большая часть дач (160 из 175 домовладений), в том числе на 35 участках живут постоянно; примерно столько же семей приезжает в выходные круглогодично. В 2020 г. жило больше и ранней весной, и поздней осенью: это хорошо видно по объему мусора, для вывоза которого пришлось заказывать дополнительные контейнеры. При этом число постоянно проживающих в ноябре 2020 г. увеличилось всего на 10 чел. Как и в Подмосковье в целом, в поселке был отмечен повышенный спрос на дачи, когда были проданы все участки, которые много лет не могли найти своих покупателей, а в аренду пустующие дачи сдали все желающие. Кроме москвичей среди покупателей были и жители Пушкино, причем эта тенденция характерна и для других крупных подмосковных городов, население которых пандемия подтолкнула к приобретению собственного дома на окраинах городов, позволяя сохранить привычное окружение, но жить в собственном доме с лужайкой. Как показали другие интервью и уже приведенные данные опроса ЦИАН, коронавирус сделал привлекательным приобретение загородных домов именно по своему лучу проживания.

Но и недалеко от Москвы можно увидеть дачные поселки с отсутствием коммуникаций, кроме электричества. Это характерно для поселков, расположенных на границах соседних муниципалитетов, как, например, в СНТ «Весна» и «Весна-2» в ***Щелковском округе*** на границе с Пушкинским. Оба округа покрыты сетью садово-дачных и коттеджных поселков, образующих «агломерации» дачной застройки (Щепеткова, 2018). Хитросплетения границ городских округов и населенных пунктов отражаются и на составе их владельцев, среди которых есть жители Королёва, Щёлково, Черноголовки, Фрязино, Софрино и Москвы, хотя первоначально участки давались именно фрязинцам. Поселки расположены примерно в 35 км от МКАД, рядом с малым бетонным кольцом и ЦКАД, но до Фрязино надо ехать на автобусе, а до станции железной дороги – 10 км. Ближайшие магазины только в 2 км. Вода на участках из скважин или колодцев, в каждом пятом доме – печное отопление. Поскольку земля выделялась на неудобьях, грунты не позволяют вкопать даже септики. Тем не менее на 2 из 65 участков живут круглый год. Еще 7 владельцев приезжают на дачи в выходные зимой. В 2020 г. летом активно использовались на 10% больше участков, чем в предыдущие годы. В ноябре еще жили на 4 дачах, хотя зимовать собирались в тех же двух домах. Перспектив газификации и подведения других коммуникаций нет, хотя совсем рядом коттеджный поселок со всеми удобствами. Таким образом, даже для ближнего Подмосковья характерна очаговость обустройства территории как преграда для реальной субурбанизации.

Дачи, расположенные в Московской области на большем удалении от Москвы,

имеют, как правило, худшие характеристики обустроенности, а многие – и транспортной доступности, что сказывается на их востребованности. Например, в СНТ «Дубининские дачи» в ***Сергиево-Посадском округе*** можно доехать за 1,5 часа на машине и на электричке, причем от остановки идти пешком 5 минут. Рядом несколько прудов, три магазина, рассчитанные на жителей села Дубининское и дачников нескольких СНТ. Однако из инфраструктуры есть только электричество, все остальное – индивидуальное, что сдерживает возможность круглогодичного проживания. Проблемы с инфраструктурой характерны и для других поселков, причем в некоторых добавляются проблемы с дорогами: на дачи вблизи деревни Спас-Торбеево того же района в дождливую погоду проехать на машине почти невозможно.

Готовность к дезурбанизации на примере среднеудаленных и дальних дач

Городской округ Переславль-Залесский Ярославской области примыкает к Московской области, а город Переславль-Залесский находится в 140 км от Москвы. Весь округ и даже его центр все больше становятся дачной зоной Москвы[98].

Число горожан, купивших дома в деревнях, примерно равно численности местных сельских жителей, хотя и меньше числа обитателей в летний сезон садовых и коттеджных поселков (рис. 4.9.5). Однако с окончанием дачного сезона ситуация меняется кардинально. Обычно остается около 5% горожан, имеющих дома в деревнях, и около 7% владельцев домов в садовых товариществах и коттеджных поселках (рис. 4.9.6). И даже стрессовая ситуация 2020 г. не изменила общую тенденцию, хотя число решивших переждать пандемию в середине ноября увеличилось в 2 раза. Главным препятствием остается бытовая необустроенность. Дороги, кроме главной магистрали Москва – Ярославль, в плохом состоянии. Газ подведен лишь к 30% населенных пунктов, в том числе к 17% деревень. Но из-за дороговизны подсоединения отдельных домов даже там, куда подведена «труба», газифицировано лишь к 10–15% домовладений. Сетевой водопровод есть лишь в центрах поселений и крупных коттеджных поселках. Местные власти жалуются, что ярославские власти из-за обилия московских дачников перестали рассматривать городской округ как только свою территорию, считая, что Москва сама должна принимать участие в его обустройстве.

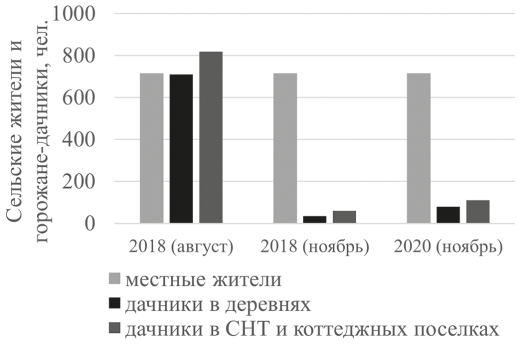

Рис. 4.9.5. Численность сельских жителей и горожан-дачников в разные сезоны года в 2018 и 2020 гг. на территории бывшей Веськовской администрации Переславского района, чел.
Источник: (Махрова, Нефедова, 2021).

Некрасовский район Ярославской области, *Новодашковское сельское поселение*. Эти дачи на берегу Волги (рис. 4.9.7), несмотря на удаленность от Москвы (320 км), напоминают подмосковные. Село Новодашково между Ярославлем и Костромой относитель-

[98] См. Главу 4.4. Ярославская область: нарастание внутренних контрастов.

Рис. 4.9.6. Дача под Переславлем-Залесским в Ярославской области*.

Рис. 4.9.7. Волга у села Новодашково в Ярославской области.

но крупное, в XIX в. – торгово-ремесленное. Рядом – небольшие деревни. Сейчас здесь сохранилось 270 обитаемых домов, хотя сельских жителей осталось 40 чел. Летом в выходные дни село заполнено дачниками, перекупившими сельские дома. К зиме оно пустеет, остаются преимущественно старики. В ноябре 2019 г. здесь еще жило 19 горожан, в основном одинокие пенсионеры и всего одна семья. Это 3% от дачного населения в выходные дни июля–августа. Кризис 2020 г. увеличил внесезонное пребывание горожан на даче в два раза до 40 чел., в том числе осталось несколько семей с малыми детьми, однако и они не были уверены, что смогут прожить всю зиму (рис. 4.9.8). До центра района – поселка городского типа Некрасовское с населением менее 6 тыс. чел. – 9,5 км, рейсового автобуса нет. Село газифицировано, однако трубу приватизировали местные бизнесмены. Подключение дома стоит 1,3 млн руб., поэтому газифицировано только 11 домов,

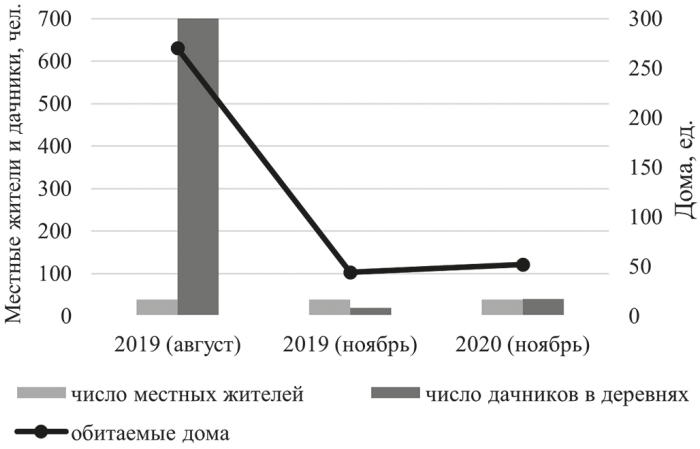

Рис. 4.9.8. Численность сельских жителей и горожан-дачников и число обитаемых домов в разные сезоны года в 2019 и 2020 гг. на территории Новодашковского поселения в Некрасовском районе Ярославской области. *Источник*: (Махрова, Нефедова, 2021).

* Все фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой.

так что о дезурбанизации говорить не приходится, в том числе из-за бытовых условий.

Мантуровский район Костромской области, *бывшее Угорское поселение* – самый удаленный. От Москвы до Мантурово – 550 км, от Костромы – 250 км[99]. Здесь в XX в. произошла очень сильная депопуляция, при этом часть населения периодически находится на трудовом отходе в Костроме, Ярославле и Москве. Зато деревни на высоком берегу реки очень популярны у московских дачников, которые владеют более 40% всех земельных участков поселения. Участки здесь большие (от 0,5 до 1 га), заборов, как правило, нет. Дачники, летом составляющие до 30% населения, – это в основном интеллигенция, которая может проводить в сохранившихся добротных крестьянских домах от 2 недель до 2–4 месяцев. С окончанием сезона горожане остаются зимовать лишь в 4–5 домах. Более того, пожилых местных жителей дети часто забирают в города, и деревни пустеют. Стрессовая ситуация 2020 г. увеличила численность горожан незначительно, а с окончанием сезона к ноябрю дачники оставались в 9 домах во всех деревнях. Социально-бытовые условия для дезурбанизации здесь еще более суровые. Отопление только дровяное, школу закрыли, интернет не надежен, до районного центра 35 км, до отделения почты в бывшем центре поселения Угоры с минимальным набором продуктов – 3–7 км. Даже наличие машины не всегда спасает, так как грунтовые дороги осенью и весной размывает, а зимой до малых деревень их не чистят.

* * *

Итак, сельская местность в 2020 г. все-таки стала реальным убежищем от стрессов, снимая социальное и психологическое напряжение при пандемии. Но коснулось это в основном дач. Однако при массовости и разнообразии дач их использование как постоянного, а не сезонного, жилья во многом зависит от расстояния от города и от обустройства территории.

Наиболее популярно как убежище Подмосковье, где дачная субурбанизация давно перерастает в постоянную, а пандемия COVID-19 только ускоряет процесс. Как и в окружении других крупнейших городов страны, здесь в 2020 г. наблюдалось увеличение спроса на загородную недвижимость, которая рассматривалась и как место изоляции на природе и как инвестиция в условиях слабеющего курса рубля и кризиса в экономике. Этому способствовало распространение удаленного режима работы и учебы. В Подмосковье, особенно ближнем, пандемия COVID-19 привела к увеличению длительности проживания и числа тех, кто живет постоянно на даче или использует ее как второй дом. Однако из-за высокой стоимости подключения даже в поселках на небольшом удалении от Москвы газифицирована лишь часть домовладений, что ограничивает их использование круглый год. Все это делает субурбанизацию ячеистой даже на небольшом удалении от Москвы, сохраняя ее сезонную форму.

Вне Московской области на более удаленных дачах для дезурбанизации горожан даже в такой сложный эпидемиологический период бытовые условия и воз-

[99] См. Главу 4.7. В глубине пустеющей ойкумены: пример одного района.

можности социальной и транспортной инфраструктуры недостаточны. Особенно это касается дач в небольших деревнях, откуда до магазина далеко, автолавка не приезжает, добраться до врача сложно, особенно одиноким людям. Да и дистанционная работа и учеба детей часто ограничены возможностями локального интернета. Тем не менее многое зависит от наличия лидера, способного организовать сообщество в садовых и дачных товариществах (Щепеткова, 2018). В деревнях лишь единичные энтузиасты-горожане готовы вписаться в местную жизнь. Чаще это пенсионеры. Мешает также отсутствие у местных властей возможностей поддерживать городское население, имеющее на их территории сельские дома (а часто и их нежелание), хотя бы для сохранения сети расселения и поиска новых путей развития территории.

ЧАСТЬ 5. УРАЛ И ЗАУРАЛЬЕ

Глава 5.1. Старые районы Урала

Урал в России, вслед за поэтом А.Т. Твардовским, привычно называют опорным краем державы, а еще – районом-кузницей, оружейным цехом. Его непростая история, в которой мощные взлеты чередуются со спадами и долгими депрессиями, продолжает интересовать отечественных и зарубежных авторов (Dukes, 2015; Новикова, 2018; и др.).

Как «срединный регион» России (Анимица, Глумов, 2007), Урал отличается и от центральных областей во главе с Москвой, и от восточных территорий. Его транзитное положение способствовало развитию торговли и экономики, но главную роль сыграло наличие природных ресурсов, вскормивших мощную промышленность. В системе расселения Урала важнейшее место занимают города: Челябинская и Свердловская области по их числу занимают 3-е и 4-е места в стране после Московской и Ленинградской. При этом для региона характерно присутствие множества моногородов и их сильная зависимость от предприятий черной и цветной металлургии.

Состав Уральского макрорегиона менялся: в разные периоды и в разных сочетаниях в него входили Пермская, Оренбургская, Уфимская, Вятская, Самарская, Казанская губернии. С начала 2000-х годов Уральский федеральный округ, как и экономический район, включает обширные части Западной Сибири.

В книге речь идет о территориях Северного, Среднего, Южного Урала и ближнего Зауралья в границах Свердловской, Челябинской, Курганской и южной части Тюменской областей. Эти староосвоенные регионы, занимая 28% площади

Таблица 5.1.1. Доля староосвоенных регионов Урала и Зауралья в Уральском федеральном округе и РФ, 2018 г., %

Область	Площадь	Население	ВРП	Инвестиции	Обрабатывающая промышленность	Розничная торговля	Сельское хозяйство
Доля в Уральском федеральном округе							
Свердловская	10,7	34,9	20,1	10,8	35,9	41,8	26,4
Челябинская	4,9	28,1	12,6	8,8	27,2	19,2	37,1
Курганская	3,9	6,8	1,9	0,9	1,9	4,2	11,0
Тюменская*	8,8	12,3	9,5	9,6	14,7	14,2	20,2
Доля в РФ							
Свердловская	1,1	2,9	2,9	0,1	4,4	3,6	1,6
Челябинская	0,5	2,4	1,8	0,2	3,3	1,6	2,2
Курганская	0,4	0,6	0,3	0,02	0,2	0,4	0,7
Тюменская*	0,9	1,0	1,4	0,2	1,8	1,2	1,2

Примечание: * без автономных округов. *Источник*: (Регионы …, 2019).

Уральского федерального округа, сосредотачивают 82% его населения, и 80% обрабатывающей промышленности (табл. 5.1.1). Доля староосвоенных районов в ВРП федерального округа – 44%, еще меньше (30%) доля в инвестициях, которые преимущественно идут в северные округа Тюменской области, освоение которых было более поздним.

Роль рассматриваемых староосвоенных регионов в России также существенна. Занимая всего 3% территории страны, они сосредотачивают 7% населения и производят 10% продукции обрабатывающей промышленности, в основном благодаря ключевым уральским областям – Свердловской и Челябинской.

Урал является одним из важных поставщиков металлов. Здесь сосредоточено 16% российских запасов железных руд. После упадка производства чугуна и стали в 1990-х годах экспортная ориентация металлургии в 2000-х годах сделала ее привлекательной для инвестиций крупного бизнеса и модернизации производства (рис. 5.1.1). Это привело к расслоению металлургических предприятий на включенные в крупные холдинги и оставшиеся «за бортом». На Урал также приходится более четверти производства цветных металлов в России. Здесь сконцентрированы активы крупнейших медеплавильных компаний. Урал – один из основных поставщиков титана для мировой аэрокосмической промышленности. Попутно с цветными металлами на Урале добывается до 20% российского серебра и 12% золота (Европейская …, т. 1, 2021). В Свердловской и Челябинской областях, концентрирующих две трети населения и обрабатывающей промышленности Уральского федерального округа, металлургия дает до 40% промышленной продукции. Эти области также являются и лидерами российского тяжелого машиностроения.

Н.В. Новикова (2018) выделяет четыре стадии развития уральского региона: протоиндустриализации (до 1860-х годов), индустриализации (до 1990-х годов), деиндустриализации (до 2000-х годов) и современной неоиндустриализации, связанной не столько с созданием новых заводов, сколько с ростом выпуска ряда типичных для Урала продуктов (рис. 5.1.1). При всех постиндустриальных сдвигах в экономике промышленные области Северного и Среднего Урала во многом остаются индустриальными по сравнению с Зауральем и другими регионами России. Машиностроение и металлургия, даже теряя занятых, вносят существенный

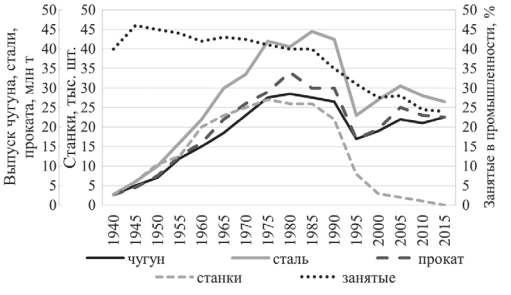

Рис. 5.1.1. Волны индустриализации (по объему продукции) и доля занятых в промышленности в общем числе занятых на Урале в 1940–2015 гг. *Составлено по* (Новикова, 2018).

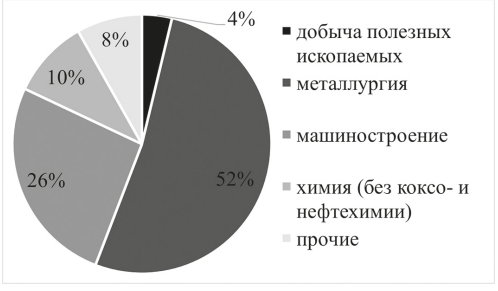

Рис. 5.1.2. Структура промышленного производства Свердловской области по ОКВЭД, 2018 г.

Таблица 5.1.2. Показатели на душу населения (тыс. руб.) и структура занятости населения (%) в рассматриваемых областях Урала на фоне Уральского федерального округа и РФ, 2018 г.

Территория	ВРП	Доходы населения	Зарплата	Доля занятых:		
				сельское хозяйство	промышленность	торговля
Свердловская	496	36,7	38,1	3,2	21,5	20,8
Челябинская	388	24,4	32,2	5,2	23,4	17,5
Курганская	241	20,3	28,2	9,4	18,1	15,6
Тюменская*	667	29,2	44,9	6,1	12,8	18,0
Уральский федеральный округ	865	35,0	47,8	4,0	22,0	17,0
РФ	510	33,2	43,7	6,9	15,7	19,1

Примечание: * без автономных округов. *Источник*: (Регионы …, 2019).

вклад в промышленное производство (рис. 5.1.2), и занятость в нем повышена как на российском фоне, так и на уральском (табл. 5.1.2).

Схема Н.В. Новиковой коррелирует с фазами урбанизации, быстрым ростом населения крупнейших городов в XX в. и продолжением после небольшой паузы в 1990-х годах роста региональных центров в XXI в. (Нефедова, Трейвиш, 2017). При обилии на Урале и в Зауралье малых и средних промышленных городов в советские годы, особенно в военные и послевоенные, наиболее быстро росли Челябинск и Свердловск, куда были эвакуированы производственные мощности из западных и центральных регионов страны. Однако в последние годы рост их населения обеспечивает не столько промышленность, сколько активное развитие третичной сферы: торговли, обслуживания, образования и др. (табл. 5.1.2, рис. 5.1.3). Курган и Тюмень заметно отставали в советские годы. И если отставание Кургана

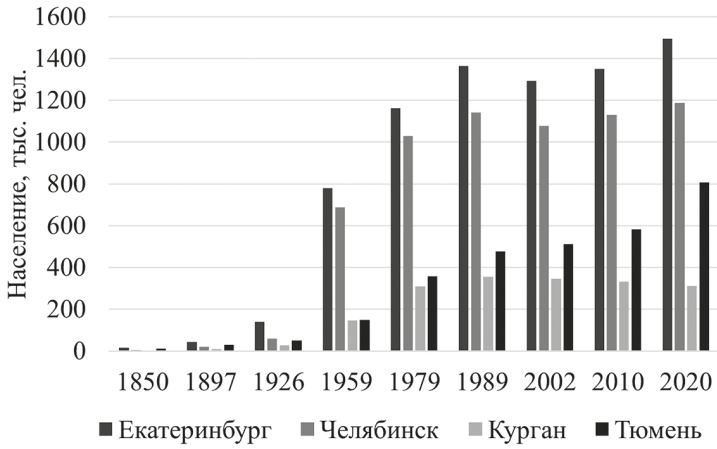

Рис. 5.1.3. Численность населения в региональных центрах староосвоенных регионов Уральского федерального округа, тыс. чел.

как центра более сельскохозяйственного региона в постсоветский период усилилось, то для Тюмени характерен рывок роста численности населения именно в последние годы. При этом функции межрегионального центра Урала все больше берет на себя Екатеринбург, а Зауралья – Тюмень.

* * *

При исследовании староосвоенных регионов Урала и Зауралья наша задача, как географов, так же, как и при исследовании Центра России, состояла в выявлении степени поляризации и фрагментации социально-экономического пространства, их причин, тенденций и последствий. Поляризация социально-экономического пространства с отрывом региональных центров от глубинки – общероссийский тренд и не только (Rampton, Maguire, 2011). Западная наука уделяла ему внимание как минимум со времен классических работ Дорин Мэсси о неравномерном пространственном развитии в связи с разным ходом аккумуляции капитала (Massey, 1984). Позже развернулось изучение вторичных процессов реиндустриализации и «перифералиализации» старопромышленных стран и регионов (Etzioni, 2013; Peripheralization ..., 2013; Kühn, 2015). У нас подобные работы, посвященные уральским регионам, появились недавно (Дегтярев, 2017; Путилова, 2018; и др.). В советское время даже вполне очевидные факты депрессии промышленных районов, в отличие от аграрных, как в научном, так и в прикладном аспекте, обычно игнорировались.

Ввиду обширности территории было выбрано несколько маршрутов исследования и описания староосвоенных территорий горнопромышленного Урала и ближнего Зауралья. Отдельно рассматривались города Северного Урала, более замкнутого и периферийного. Территория Среднего Урала показана по муниципальным образованиям и городам на основе статистики и полевых исследований вдоль профиля от Нижнего Тагила до Челябинска. Исследование более южных уральских и зауральских территорий от Челябинской области через Курганскую к южным районам Тюменской области также опирается на статистический и описательный методы с наглядными примерами современных процессов и проблем.

Глава 5.2. Северный Урал: поиск новой ниши

Территория севера Свердловской области – это окраина зоны относительно сплошного освоения на Урале, в некотором смысле она является пограничной. С одной стороны, это «еще» горнозаводской Урал – с наследием заводчиков XVIII в., с действующими крупными предприятиями тяжелой промышленности. С другой стороны, это уже часть Севера, по крайней мере, это наиболее северные районы Свердловской области и всего Уральского района, – с относительно суровыми по уральским меркам природными и климатическими условиями.

Полевые исследования, результаты которых освящены в данной главе, охватили территории шести городских округов со значительным преобладанием городского населения: в Карпинском – 100%, в Волчанском – 97%, в Серовском и Краснотурьинском – более 92%, и только в Ивдельском и Североуральском – 73 и 64%. Поэтому основное внимание уделялось рассмотрению городов, которые формируют обособленную систему за пределами компактной системы расселения Среднего Урала. Ближайший город с численностью населения свыше 100 тыс. чел. – Нижний Тагил – располагается в 200 км к югу от самого южного города района – Серова. Отчасти обособленность территории связана с особенностями исторического развития. Населенные пункты возникли, долгое время развивались и в настоящее время продолжают развиваться с опорой на добычу природных ресурсов, а также их переработку.

Обособленность во многом объясняет и внутреннюю целостность территории. По мере развития населенных пунктов между крупнейшими предприятиями устанавливались технологические и сырьевые связи, выстраивались производственные цепочки – от добычи сырья и производства вспомогательной продукции до выпуска готовых изделий. Со временем города территории становились крупнее, и связи между ними усложнялись. Помимо производственных связей, города оказались соединены трудовыми и культурно-бытовыми поездками населения. Обособленность и внутренняя целостность этой городской системы, которую исследователи называли Серовской, подчеркивались еще в 1970-е годы, а на базе компактного ядра территории существовали перспективы развития полноценной городской агломерации (Анимица, 1975).

История промышленного освоения Уральского Севера

К концу XVI в. территория севера Свердловской области была освоена слабо. Основным населением были племена манси, которые, в свою очередь, еще раньше постепенно были вытеснены русскими с территории Прикамья и Приуралья. Освоение Северного Урала русскими интенсифицировалось после строительства в 1595–1597 гг. Бабиновской дороги, которая вела от Соликамска к острогу Верхотурье. Вплоть до 1923 г. Верхотурье оставалось административным центром всего севера современной Свердловской области.

Начало собственно промышленному освоению рассматриваемой территории было положено в середине XVIII в. Уроженец Верхотурья купец и промышленник М.М. Походяшин в качестве сферы вложения капитала выбрал железоделательную отрасль, которая к тому времени уже полвека успешно развивалась на Среднем Ура-

Рис. 5.2.1. Соборы в стиле «походяшинского барокко» в Карпинске (слева) и Североуральске (справа)*.

ле. В 1758–1760 гг. был построен первый завод Походяшина – Петропавловский, – на основе которого впоследствии сформировался современный Североуральск (Бессонов, 2001). Чуть позже, до 1771 г., были построены также Николае-Павдинский и Богословский заводы, из последнего вырос современный Карпинск (рис. 5.2.1). Первоначально заводы Походяшина были железоделательными, однако открытие в 1760-х годах богатых медных рудников позволило переориентировать предприятия на более прибыльное медеплавильное производство. Одна группа медных рудников располагалась на севере, в районе Петропавловского завода, другая – в южной части района на берегу р. Турья. При Турьинских рудниках сформировалось поселение, которое впоследствии стало городом Краснотурьинском.

Весь горнозаводской промышленный район получил название и статус Богословского горного округа. После смерти М.М. Походяшина он был продан в казну, и к середине XIX в. пришел в запустение. Свою роль сыграли как истощение медных месторождений, так и увлечение золотодобычей с 1820-х годов (в том числе на севере территории вблизи современного г. Ивделя) в ущерб медеплавильному производству. К 1875 г. Турьинские медные рудники оказались выработанными, и медеплавильные заводы Богословского округа остановились.

В 1877 г. главным управляющим округом был назначен горный инженер А.А. Ауэрбах. Учитывая наличие дешевых водных путей до южных районов Сибири, Ауэрбах решил построить здесь металлургический завод, включившись в борьбу за

* Фотографии в главе сделаны К.В. Аверкиевой и Е.А. Денисовым.

государственный контракт на поставку рельсов для Транссибирской железной дороги (Ауэрбах, 1897). Завод был построен в 1893–1895 гг. и назван Надеждинским по имени владелицы Богословского горного округа. Одновременно был заложен и новый поселок – современный г. Серов.

Для обеспечения нового завода железорудным сырьем в окрестностях Надеждинского завода с 1894 г. началась разработка Богословского месторождения железных руд. Главной сырьевой базой завода был Ауэрбаховский рудник, который впоследствии составил основу Богословского рудоуправления. Усилиями Ауэрбаха еще до строительства Надеждинского завода, в 1887 г., в поселке Богословского завода (современный Карпинск) был построен химический завод по производству серной кислоты (видимо, на отходах медеплавильного производства), там же были построены стекольное, фосфорное и хромпиковое производства. Поселок Богословского завода в конце XIX в. стал административным центром Богословского горного округа, хотя новый Надеждинский завод развивался более быстрыми темпами. В годы Первой мировой войны на площадях Надеждинского завода было размещено оборудование эвакуированного из Риги машиностроительного завода братьев Клейн по производству двигателей и прокатного оборудования. Уже в 1930-е годы это производство выделилось в отдельное предприятие – Серовский механический завод.

В эти же годы на территории Уральского Севера начинает развиваться угольная промышленность. Впервые промышленная добыча бурого угля началась в 1900 г. на территории современного Волчанска, через 10 лет началась добыча в Богословске. Уголь и производимый на месте кокс поставлялись на металлургические заводы Богословского горного округа (Надеждинский, Богословский, Сосьвинский), а также для нужд железной дороги.

Изменению отраслевой и территориальной структуры промышленности способствовали геологические изыскания, проводимые на Северном Урале в 1920–1930-х годах. Так, были обнаружены месторождения бокситов в окрестностях бывшего Петропавловского завода, в целом известные ранее, но никого не интересовавшие в XIX в. Добыча бокситов на рудниках месторождения «Красная шапочка» началась в 1934 г. С постепенным ростом добычи на Североуральских бокситовых рудниках (СУБР) был основан постоянный поселок, названный Новой площадкой, затем – Субровским, который впоследствии соединился с поселком Петропавловским и образовал г. Североуральск. В 1940 г. было принято решение о строительстве алюминиевого завода недалеко от месторождения бокситов, в пос. Турьинские Рудники (после строительства завода преобразован в г. Краснотурьинск). Начало войны ускорило процесс строительства, сюда были эвакуированы специалисты и оборудование с Днепровского и Волховского алюминиевых и Тихвинского глиноземного заводов.

Параллельно с Богословским алюминиевым заводом (БАЗ) велось строительство и Богословской ТЭЦ (БТЭЦ) – источника энергии для алюминиевого и пара для глиноземного производств. Основным поставщиком угля на ТЭЦ был Богословский разрез. Как следствие, в начале 1941 г. из поселков Богословского и Угольного был образован г. Карпинск. В первый год войны в Карпинск из Сталино (ныне Донецк) был эвакуирован Сталинский государственный машинострои-

тельный завод, впоследствии – Карпинский машиностроительный завод. В эти же годы возобновилась добыча угля на Волчанском разрезе, при котором возникли два поселка, позже сформировавшие г. Волчанск.

Форсированная индустриализация Уральского Севера требовала большого числа рабочих рук, и эта территория в 1930-40-х годах стала крупным центром принудительных миграций. Сюда переселяли раскулаченных крестьян, немцев-трудармейцев, здесь действовали трудовые лагеря НКВД, в наследство от которых осталось несколько исправительных колоний, действующих до настоящего времени.

В послевоенные годы была введена в эксплуатацию Серовская ГРЭС. В 1958 г. был запущен Серовский завод ферросплавов. В Карпинске и Волчанске наряду с угледобычей стало развиваться машиностроение. В Ивделе была создана цепочка лесохимических производств. После начала освоения нефтегазовых ресурсов Западной Сибири по территории Северного Урала прошли магистральные газопроводы, было образовано несколько линейно-производственных управлений магистральных газопроводов: Краснотурьинское, Ивдельское и Карпинское.

С конца 1970-х годов начались первые проявления спада в промышленности региона. Первой из отраслей пострадала угольная промышленность. Наличие дешевого газа из Западной Сибири стало фактором сокращения потребностей в энергетическом буром угле. Да и сами угольные месторождения оказались в значительной степени выработанными. Пик добычи угля в Волчанске был зарегистрирован в 1961–1965 гг. (добыто 39 млн т угля), после чего начался устойчивый спад добычи, вызванный в том числе и технологическими причинами. С 1975 г. началась постепенная ликвидация лесозаготовительных предприятий на территории Ивделя.

В 1990-е годы промышленный кризис ударил по городам севера Свердловской области еще сильнее, к началу 2000-х годов окончательно прекратилась добыча угля в Карпинске, в 2019 г. – и в Волчанске. В тяжелом положении находились машиностроительные заводы Карпинска, из которых к настоящему времени действует только один. Практически полностью свернута и отброшена в теневой сектор лесная отрасль (сохранилось лишь начальные звенья – лесозаготовки и первичная обработка древесины) в Ивдельском районе. Были закрыты несколько добывающих предприятий по всему региону (рудник на Полуночном месторождении, Валенторский медный карьер, Турьинские медные рудники). Но разведка новых месторождений полезных ископаемых ведется регулярно, и в настоящее время идет расширение золотодобычи, в Краснотурьинске с 2020 г. строится новая обогатительная фабрика, которая будет обслуживать несколько месторождений Уральского Севера.

Современное положение городов

Все города севера Свердловской области теряют население (табл. 5.2.1). Максимальным население всей группы городов было в послевоенный период – как результат форсированной индустриализации с привлечением внешнего населения, в том числе при помощи принудительных миграций. Рост суммарной численности

Таблица 5.2.1. Численность населения городов Северного Урала по данным переписей населения 1926–2010 гг.

Город	Численность населения, тыс. чел.								Динамика численности населения, %	
	1926	1939	1959	1979	1989	2002	2010	2020**	1989 к 1959	2020 к 1989
Волчанск	0,1	н. д.	25	14,8	14,8	11	10	8,5	59	57
Ивдель	1,6	4,0*	22	15,9	19	19,3	17,8	15,4	86	81
Карпинск	5	19,8	49,5	36,7	37	31,2	29,1	25,9	75	70
Краснотурьинск	6	10	62,6	61	67,3	64,9	59,6	56,2	108	83
Североуральск	0,8	6,4	25,9	32,5	36,1	34,7	29,3	25,6	139	71
Серов	33,4	65	97,9	101,5	104,2	99,8	99,4	95,9	106	92
Всего	46,9	>105,2	283	262,5	278,4	260,9	245,2	227,5	98	82

Примечание: * без учета спецконтингента; ** по данным текущего учета населения. *Составлено по* данным переписей населения 1959, 1970, 1979 (http://webgeo.ru/index.php?r=33&page=1), 1989 (http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php) годов, материалам ВПН-2002, ВПН-2010, сайта Союза малых городов Российской Федерации (http://smgrf.ru/portfolio/volchansk/), а также (Анимица, 1975).

населения за 1926–1959 гг. был шестикратным. Сокращение суммарной численности городского населения наблюдается с рубежа 1950–60-х годов, в это время в городах региона наметились разнонаправленные демографические тенденции. В половине городов – Волчанске, Карпинске и Ивделе – численность населения достигла исторического максимума, после чего стала сокращаться. Сказались как достижение потолка развития угольной промышленности, так и демонтаж системы исправительно-трудовых лагерей, в результате чего часть принудительно привлеченного населения покинула Северный Урал. Напротив, в других трех городах – Серове, Краснотурьинске и Североуральске, – где развивалась промышленность, в 1959–1989 гг. людность возросла.

В постсоветский период население стали терять все города. Волчанск сжался почти вдвое, Карпинск и Североуральск потеряли по 30% жителей. Ивдель лишился 19% жителей, его людность поддерживают исправительные учреждения, но их становится все меньше. Медленнее всего теряют жителей наиболее крупные Краснотурьинск и Серов. Все города характеризуются отрицательными естественным и миграционным движением.

Долгое время все города (или поселения, им предшествовавшие) имели тесные промышленные связи и в силу небольших расстояний могли обмениваться кадрами. Рассматривалась даже возможность формирования двухцентровой агломерации (Анимица, 1975; Аверкиева и др., 2015), но сокращение людности и разрыв производственных цепочек не позволяют ожидать усиления межгородского взаимодействия. Ослабляться производственные связи начали еще в 1960-х годах, когда с разработкой новых месторождений в периферийных регионах СССР и России добыча полезных ископаемых на севере Свердловской области стала терять свои сравнительные преимущества. По потреблению некоторых видов сырья регион

стал зависимым от внешних поставок. Так, Серовская ГРЭС и Богословская ТЭЦ стали использовать в качестве топлива вместо местного волчанского угля природный газ из Западной Сибири и уголь из Экибастуза (Казахстан). Глиноземный (бывший алюминиевый) завод в Краснотурьинске постепенно увеличивает долю сырья с Тиманского месторождения (Республика Коми), ослабляется зависимость от поставок бокситов из соседнего Североуральска. Сократились и объемы добычи железной руды: если в 1980-х годах Богословское рудоуправление добывало по 4,5–5 млн т руды в год, то к настоящему времени объемы добычи сократились до 2–2,5 млн т, а основной потребитель – металлургический завод им. Серова – постепенно переходит на стальной лом и в целом сокращает объемы производства.

Принадлежность основных производственных активов различным холдинговым компаниям (табл. 5.2.2) также не способствует усилению межгородского взаимодействия, а тот факт, что все предприятия в городах Уральского Севера не представляют большого интереса для владельцев холдингов, позволяет прогнозировать дальнейший спад производства. В некоторых случаях от ликвидации предприятий собственников удерживает только угроза социальных взрывов.

Таблица 5.2.2. Производственные активы крупного бизнеса в городах севера Свердловской области

Компания	Производственные активы	Город присутствия*
Уральская горно-металлургическая компания (УГМК)	Металлургический завод им. Серова	**Серов**
	Богословское рудоуправление	Краснотурьинск (**п. Рудничный**)
	Северный медно-цинковый рудник	Ивдель
Русал	Североуральский бокситовый рудник	**Североуральск**
	Богословский алюминиевый завод	**Краснотурьинск**
	Богословская ТЭЦ	Краснотурьинск
Газпром трансгаз Югорск и ОГК-2 (материнская компания – Газпром)	Ивдельское ЛПУ МГ**	**Ивдель**
	Краснотурьинское ЛПУ МГ	Краснотурьинск
	Карпинское ЛПУ МГ	Карпинск
	Серовская ГРЭС	Серов (**п. Энергетиков, п. Серовской ГРЭС**)
Уралвагонзавод	Волчанский механический завод	**Волчанск**
	Швейная фабрика	Карпинск
Полиметалл	ЗАО «Золото Северного Урала»	Краснотурьинск (**п. Воронцовка**)
	ООО «Краснотурьинск-Полиметалл»	Краснотурьинск (**п. Воронцовка**)
Группа компаний ЧЭМК	Серовский завод ферросплавов	Серов, Ивдель (**п. Марсяты**)
–	Карпинский электромашиностроительный завод	**Карпинск**
Ростех	Серовский механический завод	Серов

Примечание: * полужирным отмечены населенные пункты, в которых компания является лидером по числу занятых; ** ЛПУ МГ – линейное производственное управление магистральных газопроводов.

За исключением Ивделя все города Уральского Севера включены в российский перечень монопрофильных поселений. Волчанск, Карпинск, Краснотурьинск и Североуральск отнесены к первой категории с наиболее сложным социально-экономическим положением, Серов – к третьей, куда входят моногорода со стабильной экономической ситуацией.

Само по себе включение в список монопрофильных поселений не гарантирует никакой государственной поддержки. Так, в ***Краснотурьинске*** реорганизация крупного Богословского алюминиевого завода повлекла за собой большое высвобождение кадров, а высокая протестная активность населения вызывала у региональных властей опасения нарастания социальной напряженности. В 2014 г. началось создание Богословского индустриального парка, который постепенно получил популярный в России статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Ставка делалась и на сотрудничество с корпорацией «Русал» (в том числе, на переработку красного шлама – отходов алюминиевого производства), которой принадлежит Богословский алюминиевый завод, и на (условно) центральное положение Краснотурьинска в системе городов севера области. К настоящему времени индустриальный парк смог привлечь всего 9 стабильно работающих резидентов, из них самые крупные – это российско-китайская компания «ЛесКом Развитие», специализирующаяся на выпуске деревянных палочек для мороженого, и сервисная компания по ремонту энергетического оборудования. Новая строящаяся обогатительная фабрика разместилась в стороне от индустриального парка, но пользуется льготами, предусмотренными статусом ТОСЭР.

Города Уральского Севера

Ивдель – самый удаленный от Серова с Краснотурьинском город и центр самого обширного городского округа на северной окраине области. Его промышленное развитие началось позже других, хотя он и принадлежит к территории старого освоения, поскольку еще в XIX в. в его окрестностях мыли золото и заготавливали лес для металлургического производства. В 1930-х годах он стал центром системы исправительных лагерей: заключенные валили лес и занимались строительством дорог. Система состояла из 15 лаготделений, включавших 47 лагпунктов, численность заключенных достигала 22 тыс. чел., а в послевоенные годы – до 30 тыс. чел. (Глуцкий, 2012). В наследство от Ивдельлага городу (и окружающим его рабочим поселкам) досталось несколько исправительных учреждений, которые стали основными работодателями помимо ЛПУ, которое обслуживает газопроводы из Уренгоя, Надыма и Ямбурга. В последнее время колонии закрывают одну за другой: слишком удаленная местность, износ всех фондов очень высокий, издержки на содержание заключенных большие, а выстроить тюремную экономику здесь практически невозможно – в лесной бизнес заключенных уже не пускают.

Среди городов Уральского Севера Ивдель – стабильный лидер по показателям миграционного оттока. Численность населения города и городского округа искусственно поддерживали заключенные, которых становится все меньше. Сейчас он получает небольшую подпитку из-за программы сселения входящих в городской округ поселков, но все равно город продолжает терять население. Городская эко-

Рис. 5.2.3. Ивдель. Центральная часть города.

номика ежегодно тает: деревообработки уже практически нет, давно уже закрыты и лесозаводы, и гидролизный завод, исправительные колонии ликвидируются, ЛПУ не требует много занятых.

Центральная часть Ивделя застроена пятиэтажными домами, которые в 2010-х годах прошли капитальный ремонт, эта часть города благоустроена и хорошо поддерживается (рис. 5.2.3). Состояние поселков, входящих в городскую черту и окружающих город – хуже, поскольку их перспективы неясны, а поддерживать старый жилой фонд из деревянных домов сложно. При этом местность, где расположен Ивдель, очень живописна. Город окружают кедровые леса, он вписан в сложный рельеф северной части Среднего Урала, из города уже видно зеленое «море» Западно-Сибирской равнины.

Североуральск входит в староосвоенное ядро Уральского Севера, он был основан первым из всей группы городов и неоднократно менял специализацию. Город имеет весьма импозантный центр (рис. 5.2.4). Его современным градообразующим предприятием является Севуралбокситруда (СУБР), которому принадлежат три шахты по добыче бокситов (рис. 5.2.5). Город истинно монопрофильный и откровенно проблемный: здесь худшие в области показатели заболеваемости ВИЧ, высокая доля инвалидов (производственный травматизм – частое явление на СУБРе, поскольку в шахтах нередки взрывы из-за сброса напряжения пластов) и затяжной политический кризис из-за частых смен градоначальников.

За постсоветский период город потерял почти 30% населения, и убыль продолжается. Попытки диверсификации экономики пока не приносят больших результатов. Наряду с СУБРом действуют несколько небольших заводов строительных материалов и малые предприятия легкой промышленности (кондитерское производство, пивзавод, швейная фабрика). Комплексный инвестиционный план, положенный каждому моногороду, предусматривал развитие туризма. Североуральск действительно имеет некоторый потенциал: великолепный Петропавловский храм (рис. 5.2.2), живописное положение около главного Уральского хребта, близость к горам, в том числе – к знаменитому Перевалу Дятлова и горе Денежкин

Рис. 5.2.4. Североуральск. Центр города и лиственничная аллея.

Рис. 5.2.5. Североуральск как город предприятия СУБР.

Камень. При наличии вложений можно было бы развивать горнолыжный и различные виды спортивного туризма, но удаленность города и отсутствие финансовых источников не позволяют этим планам реализоваться. Сам город имеет компактную структуру, центральная часть застроена в сталинском стиле, проложен живописный лиственничный бульвар. Жители говорят о том, что им жаль своего города, «он не из тех, откуда легко уехать и все досками заколотить». Но при нарастании кризиса на градообразующем предприятии город неизбежно продолжит терять население.

Волчанск – самый немноголюдный и самый территориально сложно устроенный город на севере Свердловской области. За пределами Уральского Севера он знаменит тем, что является самым маленьким в России городом, где действует трамвайная линия (рис. 5.2.6). Она соединяет две части города – Лесную Волчанку на северо-востоке и Волчанку на юго-западе, которые разделяет уже не действующий буроугльный разрез. Две части города отстоят друг от друга на 5,5 км, по автомобильной дороге это расстояние удлиняется до 7 км. Трамвай преодолевает этот путь долго, жители предпочитают перемещаться между частями города на маршрутках, которые ходят быстрее и чаще. Но трамвайную линию сохраняют как уникальный объект в надежде на туристов: краеведческий музей предлагает даже трамвайные экскурсии, но туристический поток совсем небольшой.

Рис. 5.2.6. Волчанский трамвай.

В годы расцвета всей группы городов Уральского Севера быстрее развивалась южная часть, где жили работники разреза и угольных шахт. В северной части был построен Волчанский механический завод (ВМЗ), который должен был принять высвободившихся после технического перевооружения разреза горняков. Сейчас ВМЗ стал градообра-

зующим, он входит в состав корпорации «Уралвагонзавод» и выпускает различные типы железнодорожных вагонов. Северная часть города при ВМЗ лучше благоустроена и поддерживается, она медленнее теряет жителей, здесь сосредоточена основная жизнь, хотя администрация все еще остается в южной.

Карпинск – город с самой изменчивой судьбой, переживший несколько волн подъемов и спадов (рис. 5.2.7). В свои лучшие 1960-е годы он насчитывал почти 50 тыс. чел., но к настоящему времени «сжался» вдвое. В 1930-х годах здесь был заложен крупный буроугольный разрез (рис. 5.2.8), в годы Великой Отечественной войны Карпинск принял несколько эвакуированных машиностроительных заводов, в послевоенные годы для выравнивания занятости была построена хлопкопрядильная фабрика на 3000 рабочих мест, где могли найти работу женщины сразу из нескольких городов Уральского Севера. В постсоветский период вся градообразующая база стала рушиться. Первой закрылась хлопкопрядильная фабрика, в начале 2000-х годов прекратилась добыча угля, одно за другим закрываются машиностроительные производства.

Небольшой ренессанс случился при прошлом мэре города, в начале 2010-х годов. Сейчас он занимает пост вице-губернатора Свердловской области. Работа городским главой пришлась на начало его политической карьеры, и он с большим рвением привлекал в бюджет города областные средства. Это позволило провести благоустройство общественных пространств, отремонтировать многоквартирные дома и вести активное строительство нового жилья для расселения ветхого и аварийного, перестроить детскую больницу, построить физкультурно-оздоровительный комплекс, ускорить газификацию индивидуальных домов. На фоне перманентного экономического спада все эти меры выглядели неожиданными, но вызывали большое одобрение жителей. Тем не менее город продолжает терять население.

Застройка Карпинска смешанная, есть и многоквартирные кирпичные дома, и коллективное жилье каркасно-засыпного типа, и обширный сектор индивидуальной застройки. Из-за кривых, вписанных в рельеф улиц с приземистыми срубами

Рис. 5.2.7. Карпинск. Центр города.

Рис. 5.2.8. Карпинск. Памятник ковшу на угольном разрезе.

Карпинск, пожалуй, больше других на севере Свердловской области похож на настоящий уральский город старого освоения. Иногда в город переезжают жители соседних Волчанска и Краснотурьинска, если им хочется сменить квартиру на дом, но не за городом, а в пределах городской черты. Вероятно, в случае освоения новых природных ресурсов (уже разрабатывались проекты добычи медьсодержащих руд, золота и оливинов недалеко от города) Карпинск получит новый импульс к развитию, и начнется новый виток промышленной спирали.

Краснотурьинск – второй по численности населения, но в некотором роде центральный город Уральского Севера (рис. 5.2.9). Казалось бы, главным в этой системе должен быть почти стотысячный Серов, но именно в Краснотурьинске расположился глава Северного управленческого округа Свердловской области, да и название крупного торгового центра «Столичный» является говорящим. Столичные амбиции кранотурьинцев опираются еще и на социально-этнический состав населения. В истории города большую роль сыграл Богословлаг, в котором было много немцев, и до сих пор в городе нередки немецкие фамилии и сохранился «немецкий культурный след». Среди узников также было много представителей творческой интеллигенции со всего Советского Союза.

Но одних амбиций и яркого прошлого города при Богословском алюминиевом заводе (рис. 5.2.10) не хватает для того, чтобы поддерживать устойчивое социально-экономическое положение. Как и в других городах Уральского Севера, пик последнего промышленного рывка пришелся на 1960-е годы, и с этого времени город постепенно теряет свои позиции и население. Наиболее болезненный удар Краснотурьинск испытал в 2014 г., когда было окончательно остановлено производство алюминия, цеха электролиза демонтированы и алюминиевый завод стал глиноземным, хотя и сохранил привычное всем название «БАЗ». Повышенное внимание к проблемам города со стороны федеральных властей, воплотившееся в создании Богословского индустриального парка со статусом ТОСЭР, по большому счету, только широкий жест, за которым не последовало никаких реальных перемен ни на рынке труда, ни в экономике города. Помимо БАЗ и индустриального парка в городе есть и другие производства: деревообработка, несколько добывающих компаний, в том числе специализирующихся на добыче золота, крупные градообслуживающие пищевые производства, ЛПУ «Газпрома», но нет привыч-

Рис. 5.2.9. Краснотурьинск. Центральная площадь.

Рис. 5.2.10. Краснотурьинск. Вид на Богословский алюминиевый завод со стороны пруда.

ной опоры, необходимой для стабильного функционирования некогда развитой городской среды и инфраструктуры.

Архитектурный облик Краснотурьинска очень гармоничен. Массовая застройка здесь началась в послевоенные годы, когда был пущен в эксплуатацию БАЗ. Его проектировали специалисты из Ленгипрогора, поэтому иногда Краснотурьинск называют «Уральским Ленинградом». От полукруглой центральной площади лучами расходятся главные улицы города. Вдоль главной улицы тянутся кварталы трех- и пятиэтажных домов «сталинского» стиля, она завершается выразительным зданием ДК БАЗ и городской благоустроенной набережной Краснотурьинского водохранилища. Здесь, в отличие от соседнего Карпинска, еще сохранилась одна трамвайная линия.

Серов является самым крупным и южным среди городов Уральского Севера. Несколько десятилетий он насчитывал свыше 100 тыс. жителей. Его экономическое положение считается наиболее стабильным на фоне других городов севера области благодаря двум крупным металлургическим предприятиям: заводу им. Серова и Серовскому ферросплавному заводу. Впрочем, это благополучие весьма условно. Заводы хотя и функционируют, но не входят в число перспективных и приоритетных у руководства холдингов. УГМК, которой принадлежит завод им. Серова, делает ставку на новый металлургический завод в Тюмени: специалистам из Серова предоставляется возможность переехать на новое производство. ЧЭМК, собственник ферросплавного завода, имеет более удобные активы в Челябинской области. Впрочем, благодаря большой людности и другим производствам (машиностроительному, пищевых продуктов, выпуску строительных материалов, деревообрабатывающему) экономика города держится на плаву.

Серов – своеобразные «ворота» Уральского Севера. Раньше Москву с Серовом связывал фирменный поезд «Северный Урал», теперь его маршрут продлен до ЯНАО, а Серов перестал быть конечным пунктом следования. От Серова расходятся несколько железнодорожных веток, одна соединяет города Уральского Севера и доходит до Ивделя, где соединяется с другой, прямой линией из Серова, которая ведет в Западную Сибирь. Еще одна ветка ведет в Сосьвинский городской

Рис. 5.2.11. Серов. Улица Ленина.

округ, известный крупными лесозаготовками и обилием исправительных учреждений. Сейчас большинство из них закрывается, поселки при них расселяются, и многие перебираются в Серов, что поддерживает его численность населения. При этом миграционного притока из других городов севера Свердловской области практически нет: городской рынок труда скудный, а качество городской среды уступает соседним городам.

В архитектуре Серова есть несколько доминант – ДК металлургов и давно закрытый ресторан «Урал» в непривычном для Уральского Севера стиле конструктивизма, трехкилометровая улица Ленина (рис. 5.2.11), в центральной части застроенная в «сталинском» стиле, как и ДК Железнодорожников и несколько жилых кварталов в восточной части города. Но в целом застройка города имеет хаотичный характер, сохранились многочисленные деревянные двухэтажные дома барачного типа, есть большие районы с индивидуальной застройкой, например, районы Металлургов, Самский и Советский, которые вместе занимают больше половины площади города.

* * *

Север Свердловской области – наиболее периферийная, но полноценная часть староосвоенного Урала. Промышленное развитие этой территории шло волнообразно, начиная с середины XVIII в. Черную металлургию сменяли выплавка меди и добыча золота, медеплавильное производство угасало, уступая место возрожденной черной металлургии, позже на первый план вновь возвращалась цветная металлургия, но уже в виде алюминиевого производства. Для обслуживания базовых производств возникало множество вспомогательных: заготовка леса, добыча руды и угля, производство электроэнергии, многочисленные градообслуживающие базы.

После стремительного рывка середины XX в. города Уральского Севера переживают сложный период. Черная металлургия функционирует по инерции, верхние этажи цветной металлургии демонтированы, остались только добыча руд цветных металлов и производство глинозема, добыча угля остановлена. Некогда лишь дополнявшие городские рынки труда машиностроительные предприятия, производство стройматериалов и деревообработка приобретают роль градообразующих, хотя сами находятся в шатком положении. Все города теряют население, некоторые – стремительно, где-то людность поддерживается за счет притока жителей из сельской местности и окрестных рабочих поселков, поскольку их экономическая база рушится еще быстрее, чем в городах.

Не очень понятно, что поможет сохранить громоздкую инфраструктуру североуральских городов и что поможет жителям этих мест дождаться новых импульсов к развитию. Но не стоит считать процессы необратимыми. За время своего развития эта территория уже неоднократно оказывалась в кризисном положении, но всегда находила новые ресурсы для развития.

Глава 5.3. Среднеуральский меридиан от Нижнего Тагила до Челябинска

В физико-географическом плане Средний Урал включает и Предуралье на юго-востоке Пермского края и северо-востоке Башкирии, но в данной главе рассмотрено среднегорье в Свердловской и Челябинской областях – своего рода ядро горнозаводской промышленности с двумя мощными организующими центрами. Территория исследования включала 29 муниципальных образований (городов, городских округов и муниципальных районов без ЗАТО) от Нижнего Тагила и Горноуральского городского округа через Екатеринбург и его окружение до Челябинска с пригородами (рис. 5.3.1) (Нефедова, Трейвиш, 2020).

В конце XVII – начале XVIII вв. обилие богатых руд, лесных и водных ресурсов способствовало появлению железоделательных заводов. На Среднем Урале они появились в Невьянске, Нижнем и Верхнем Тагиле, Первоуральске. Сами поселения, долго не имея статуса городов, назывались именно заводами (рис. 5.3.2).

Многие путешественники в XIX в. отмечали городской вид поселений-заводов. «Селения горных заводов как по наружному, так и по внутреннему виду, превосходят многие даже уездные города» (Мозель, 1864). «По берегам пруда сгруппировались в длинные правильные улицы заводские домики. Каменная церковь, заводская фабрика, несколько больших каменных домов в городском вкусе. Такой завод походил больше на небольшой уездный город» (Мамин-Сибиряк, 1958). В.П. Семенов-Тян-Шанский в книге «Город и деревня в Европейской России» выделял среди 46 поселений на этой части территории современной Свердловской области 29 заводов и 23 из них считал вопреки официальному статусу «истинными городами» по людности и торгово-промышленному обороту. В Челябинской области Семенов-Тян-Шанский выделял 12 заводов из 31 поселения, в том числе

Рис. 5.3.1. Территория исследования в Свердловской и Челябинской областях.

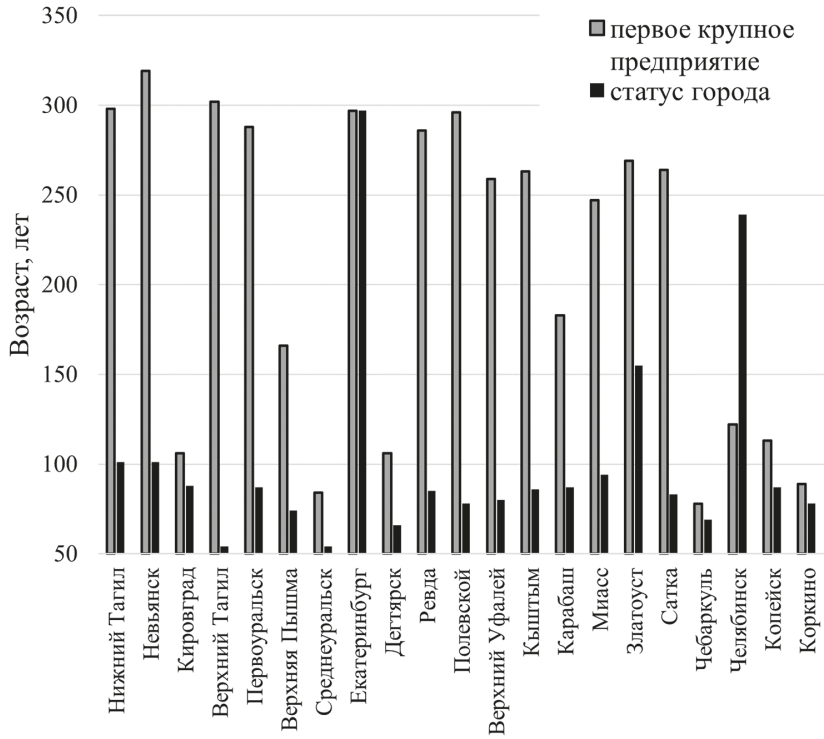

Рис. 5.3.2. Возраст среднеуральских городов к 2020 г.: число лет, прошедших с момента появления первого крупного промышленного предприятия и получения статуса города.

6 «истинных городов». Доля промышленности в торгово-промышленном обороте составляла там от 30 до 90% (Семенов-Тян-Шанский, 1910). В конце XX в. эта доля достигала 70–85% (Город …, 2001, с. 79–95, 493–533) за счет множества малых и средних городов.

Поляризация пространства на Среднем Урале

Связи между динамикой хозяйства и численностью населения изучались неоднократно (Егоров, 2016; Путилова, 2018). Контрасты современного размера городов вдоль рассматриваемого профиля показаны на рис. 5.3.3. Практически все города, кроме региональных столиц и их ближайших пригородов, теряют население.

Значительное влияние на динамику людности городов оказывают миграции населения. С ростом свободы личного выбора занятий и места жительства (Нордстрем, Риддерстрале, 2004) миграции стали важным индикатором общего состояния городов и других муниципальных образований.

На Среднем Урале наиболее привлекателен для всех мигрантов Екатеринбург (рис. 5.3.4). За счет притока населения из прочих городов и районов области он ежегодно получает 4,5 тыс. постоянных жителей и 4 тыс. – из других регионов и стран, обычно постсоветских. Челябинск весьма привлекателен для междуна-

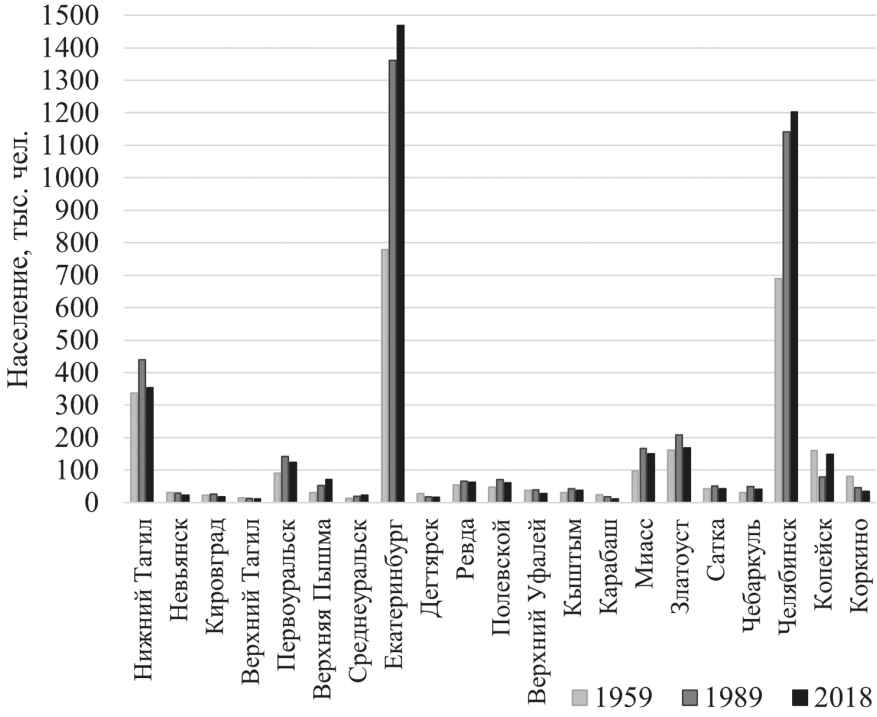

Рис. 5.3.3. Численность населения городов Среднего Урала от Нижнего Тагила до Челябинска с пригородами с 1959 по 2018 г., тыс. чел. *Источник*: данные переписей населения и Ростата.

родных мигрантов и жителей своей области. При этом сам он теряет население в пользу Екатеринбурга, Тюмени и центральных районов России.

Миграционный прирост на 10000 жителей (рис. 5.3.5) отражает притягательную силу не только центров, но и их пригородов. Вокруг Екатеринбурга относительный прирост, часто больший, чем у центра, имеют Верхняя Пышма, Среднеуральск, Ревда, Дегтярск, в Челябинской – Сосновский район и Копейский городской округ. Естественное движение следует в том же русле (рис. 5.3.5), усиливающем убыль населения на прочих территориях.

Поляризация пространства в целом подобна наблюдаемой в староосвоенном ядре России вокруг Москвы (Нефедова, 2020). Средний Урал отличается разве что тем, что отдельные города и районы с ценными ресурсами почти полностью контролируются крупным бизнесом или ВПК, влияющими даже на политическую ситуацию (Зубаревич, 2005). Отчасти это сглаживает центр-периферийные контрасты (Аверкиева и др., 2015). Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) имеет предприятия в разных регионах России, в том числе и в других районах Свердловской области. На данном профиле ее предприятия размещаются в Верхней Пышме и Ревде близ Екатеринбурга. В промышленную группу ЧТПЗ помимо Челябинского трубопрокатного входит Первоуральский новотрубный завод под Екатеринбургом. Там же, в Полевском – Северский трубный завод.

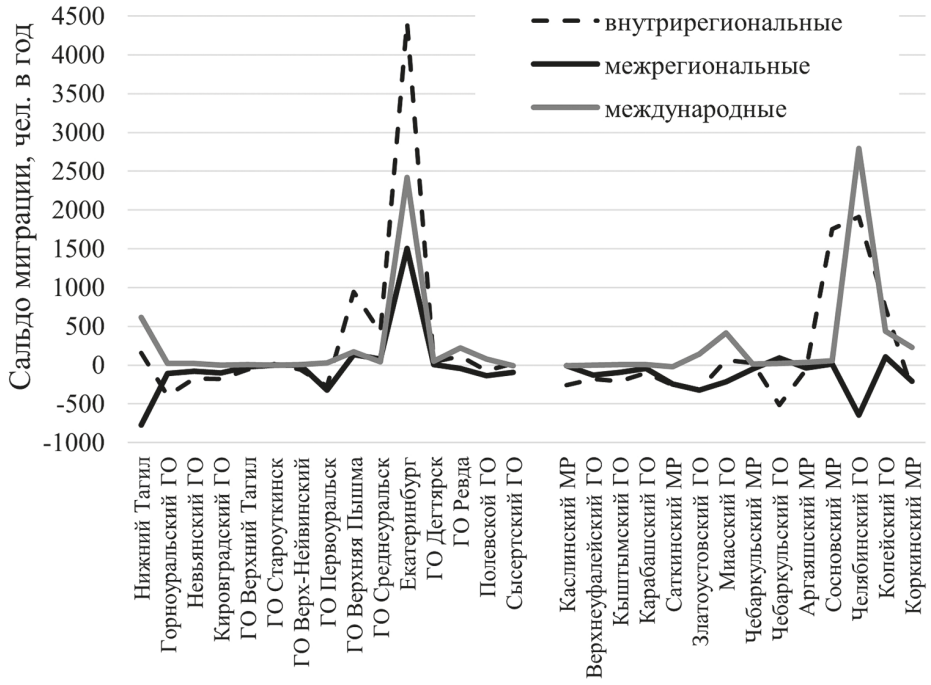

Рис. 5.3.4. Сальдо внутрирегиональных, межрегиональных и международных миграций в среднем за 2015–2017 гг., чел. в год. *Источник*: данные Росстата.

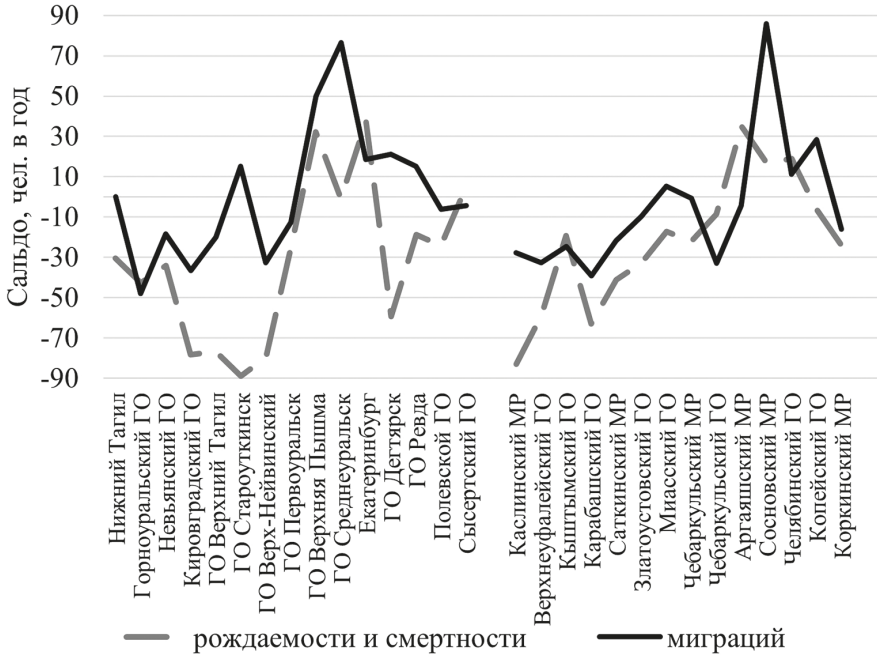

Рис. 5.3.5. Естественный и миграционный прирост (убыль) на 10000 жителей в муниципальных образованиях в среднем в 2015–2017 гг., чел. в год. *Источник*: данные Росстата.

Стальная группа «Мечел» – это предприятия в Челябинске и Чебаркуле в 70 км от него. Поэтому инвестиции получают прежде всего столицы регионов и их окружение (рис. 5.3.6), а различия по зарплате между ними и периферией достигают 2,5 раз (рис. 5.3.7).

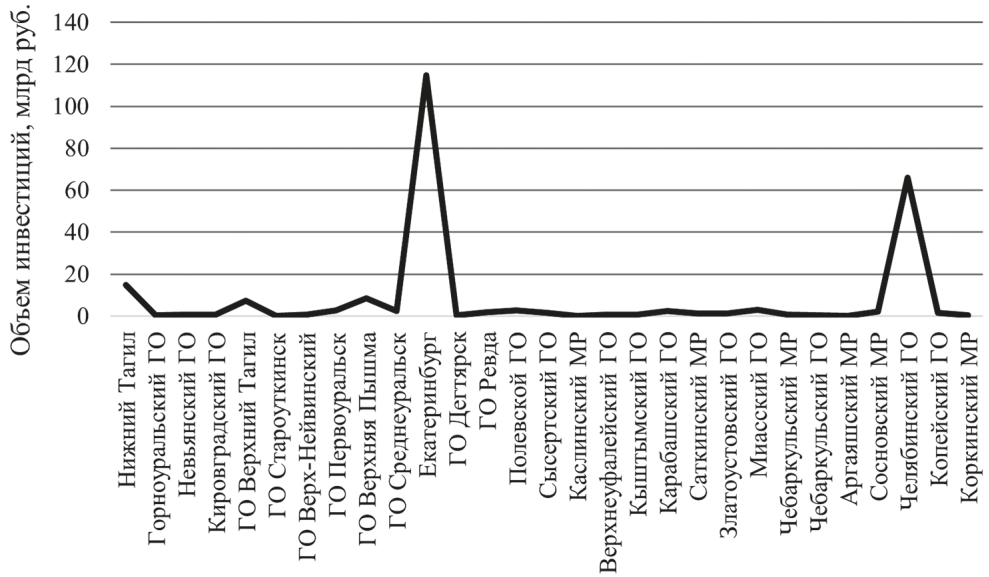

Рис. 5.3.6. Инвестиции организаций, находящихся на территории муниципального образования (без малого предпринимательства) в среднем за 2015–2017 гг., млрд руб. в год. *Источник*: данные Росстата.

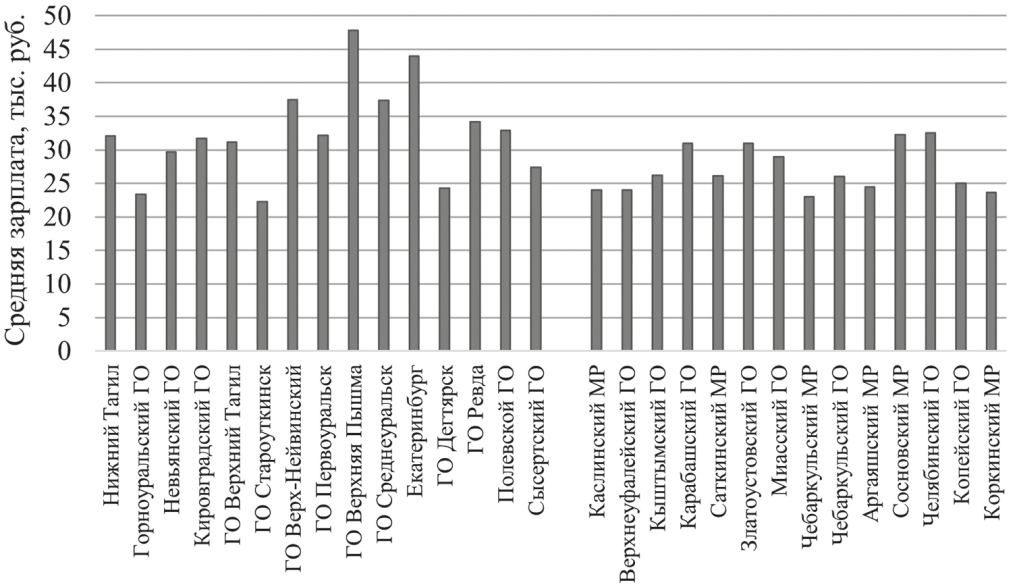

Рис. 5.3.7. Средняя зарплата в организациях, 2015–2017 гг., тыс. руб. *Источник*: данные Росстата.

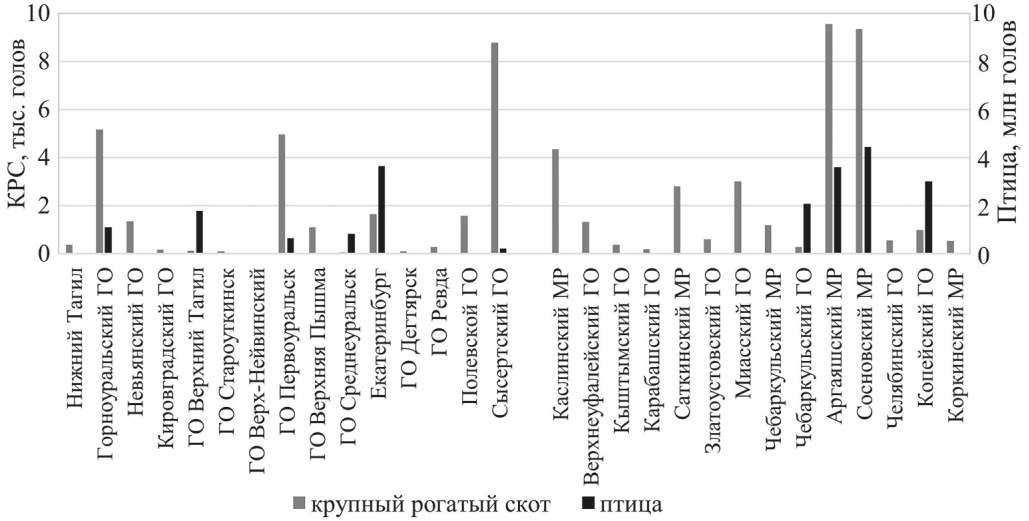

Рис. 5.3.8. Поголовье крупного рогатого скота (тыс. голов) и птицы (млн голов) в хозяйствах всех категорий, 2017 г. *Источник*: данные Росстата.

Проблемы сельской местности на Среднем Урале имеют свои особенности по сравнению со староосвоенными регионами Центра России. Здесь не было столь плотной мелкоселенной сети (рис. 3.5.8б), как в центральных регионах, потеря которой вместе с культурным наследием воспринимается очень болезненно. На Урале очаговое расселение базировалось на промышленно-торговом использовании ресурсов. Преобладали более редкие населенные пункты среднего размера. Они сейчас тоже теряют жителей, сеть мельчает, а население стягивается в крупные поселки (рис. 2.3.4б).

Это связано и с концентрацией сельскохозяйственного производства в отдельных среднегорных и предгорных ареалах. Посевные площади занимают на Среднем Урале лишь 2–6% территории районов и городских округов Свердловской области и 7–15% – Челябинской, увеличиваясь в пригородах (основные пахотные земли Челябинской области расположены южнее). В то же время животноводство, ориентированное на снабжение крупных центров, довольно развито, но фрагментарно (рис. 5.3.8): в окрестностях Нижнего Тагила, на полпути между ним и Екатеринбургом, на границе двух областей и в пригороде Челябинска.

Беглый анализ статистики позволяет перейти к краткому обзору и сравнению ярких примеров состояния местности на пространстве от Нижнего Тагила до Челябинска с учетом не только сухих цифр, но и фактов эволюции и современных проблем городов и окрестных территорий.

Примеры контрастов Среднего Урала на локальном уровне

В **Свердловской области** в очерченных нами рамках заметно различаются две группы старопромышленных ареалов: северная с Нижним Тагилом, Горнозаводским и Невьянским городскими округами и южная – Екатеринбург с окру-

жающими его небольшими по площади пригородными городскими округами. Рассмотрим наиболее типичные.

Нижний Тагил. Датой основания города считается 1722 г., когда на одном из двух заводов русского предпринимателя А. Демидова выплавили первый чугун из богатых железных руд (65% железа). Официально статус города Нижний Тагил получил лишь в 1919 г. Завод А. Демидова, основанный в 1725 г., остановили лишь в 1987 г. (рис. 5.3.9).

Главный работодатель с 1940 г. – Нижнетагильский металлургический комбинат (с 20 тыс. занятых из 120 тыс. на крупных и средних предприятиях города), который с 2008 г. вошел в российскую компанию ЕВРАЗ. Оплата труда из-за тяжелых условий – 57 тыс. руб. в месяц в 2019 г. Для сравнения: второй «кормилец» – «Уралвагонзавод» постройки 1930-х годов, также с 20 тыс. занятых, предлагает в среднем 36 тыс. руб., что близко к зарплатам в бюджетной сфере. В годы войны на базе эвакуированных предприятий здесь создали мощное производство танков, испытавшее сильный кризис в середине 1990-х годов и частично ожившее в последние годы благодаря финансированию гособоронзаказа. Важны для города «Уралхимпласт», Высокогорский ГОК, котельно-радиаторный и другие заводы.

Предприятия Нижнего Тагила работают, но население города уменьшается, в том числе и из-за сокращения числа рабочих мест. В 1989 г. второй центр области уступал первому в 3,1 раза, к 2020 г. отрыв Екатеринбурга достиг 4,3 раза (табл. 5.3.1). Кроме регионального центра жители Нижнего Тагила едут в Москву и Новосибирск, что видно по образовательным миграциям. Два своих вуза и 13 филиальных частично компенсируют отток горожан, собирая молодежь соседних

Рис. 5.3.9. Нижнетагильский железоделательный завод, основанный в 1725 г. (ныне музей истории горнозаводской техники), на фоне современного Нижнего Тагила.*

* Фотографии в главе сделаны Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.В. Стариковой.

Таблица 5.3.1. Численность населения рассматриваемых городов и городских округов Свердловской области с 1897 по 2019 г.

Город / городской округ (ГО)	1897 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Нижний Тагил	30,0	338,5	439,5	390,5	361,8	352,1
Невьянский ГО / Невьянск	… / 16,0	… / 30,9	… / 30,0	… / 26,6	42,7 / 24,6	40,6 / 22,9
ГО Верхняя Пышма / Верхняя Пышма	…	… / 30,3	… / 53,1	89,2 / 58,0	72,5 / 59,7	85,2 / 71,2
г. Екатеринбург	43,2	778,6	1364,6	1293,5	1349,8	1483,1
ГО Полевской / г. Полевской	…	… / 47,1	… / 70,6	74,1 / 66,8	71,2 / 64,2	69,0 / 61,3

Составлено по данным переписей населения и текущего учета.

Рис. 5.3.10. Драматический театр в центре Нижнего Тагила (слева) и набережная с отелем «Demidov» (справа).

муниципалитетов, большая часть которых старается закрепиться в городе, «оголяя» его окрестности (см. рис. 5.3.4).

Хотя центр и набережная пруда благоустроены, построены новые отели (рис. 5.3.10), Нижний Тагил – это промышленный город с плохой экологической обстановкой и удушающими выбросами в атмосферу по ночам. Ближайшие месторождения отработаны, руду еще с советского времени везут из Качканара. Проблему составляют горы шлаков вокруг города, откуда ветер несет загрязнения. У этих отходов богатый химический состав, но извлекать полезные компоненты дорого, а использовать шлаки, например, в строительстве, из-за токсичности нельзя. Известна и криминальность города, отчасти как наследие Тагиллага[100], сохранившегося в виде современных колоний строгого режима, исправительных колоний и колонии-поселения.

Невьянск. Эта вотчина Демидовых была основана на полпути из Нижнего Тагила в Екатеринбург в 1701 г. при чугуно- и железоплавильном заводах и, как Нижний Тагил, получила статус города в 1919 г. От заводов остались развалины, а горная

[100] Во время ремонта Драматического театра в Нижнем Тагиле было найдено «Послание потомкам»: «Эта надпись замурована 15 марта 1954 г. не под гром оркестров и шум толпы. Она расскажет потомству, что этот театр построен не силами комсомольских бригад, как будут потом утверждать летописи, а создан на крови и костях заключенных – рабов XX века. Привет грядущему поколению».

Рис. 5.3.11. Невьянск: наклонная башня и вид с нее на город.

промышленность в округе уцелела в виде двух артелей, чьи 1300 старателей намывают золота на 2,5 млрд руб. (Ежегодный …, 2019). Примерно столько же дает «Невьянский цементник» в городском округе. Былой расцвет Невьянска связан с известной высококачественной маркой чугуна «Старый соболь». О нем напоминает знаменитая наклонная башня 1722–1732 гг. (рис. 5.3.11), где даже полы чугунные. Машиностроение, работавшее на нужды Нижнего Тагила, и легкая промышленность, заместившие металлургию, не выдержали кризиса 1990-х годов. Численность населения и города, и городского округа уменьшается ежегодно на 100–200 чел. (табл. 5.3.1). Ста километров от Екатеринбурга по железной дороге достаточно для проявления контраста в уровне жизни и слишком много, чтобы Невьянск мог с выгодой пользоваться влиянием этого областного центра как его пригород.

Межгородское пространство по трассе Нижний Тагил – Екатеринбург представляет собой лесное (сосновое) «море» с участками обычно заброшенных сельскохозяйственных земель и островками огородов вокруг редких поселков.

Городской округ ***Верхняя Пышма*** – противоположный пример развивающегося ближайшего плотно населенного пригорода Екатеринбурга. Помимо города, он включает 21 поселок и сельские населенные пункты. Верхняя Пышма возникла в 1701 г. как транспортно-перевалочный пункт. Первый медный рудник появился в 1854 г., за ним – медеплавильный завод. В 1930-х годах построили новый медеэлектролитный завод, а статус города дали лишь в 1946 г. Здесь находится штаб-квартира УГМК – «медного» лидера России, объединившего более 40 предприятий в стране и за рубежом (рис. 5.3.12), и «Уралэлектромедь», головное предприятие УГМК с самыми прибыльными конечными стадиями производства. Помимо него еще три предприятия цветной металлургии определяют специализацию города. В 2000-х годах на базе филиала «Уралмаша» здесь было начато

Рис. 5.3.12. Верхняя Пышма – империя Уральской горно-металлургической компании (УГМК).

производство грузовых локомотивов. Есть в городе и корпоративный вуз – Технический университет УГМК, и даже музей военной техники под открытым небом. Город растет, в основном – за счет миграций. Появились районы многоэтажных домов. Фактически, Верхняя Пышма слилась с Екатеринбургом, куда прокладывают линию скоростного трамвая.

Екатеринбург рос как центр обширного горнозаводского округа, «государево око на Урале» и «окно в Азию». Его бурный взлет пришелся на период индустриализации. Да и теперь население растет за счет всех видов миграций и естественного прироста (см. рис. 5.3.4, 5.3.5, табл. 5.3.1). С его 1,5 млн жителей этот 4-й по размерам город России отстает от Новосибирска всего на 130 тыс. чел. и неявно борется с ним за звание третьей столицы страны.

Здесь ясно видны исторические слои промышленного освоения. С 1726 г. работает Верх-Исетский металлургический завод с большим прудом. Завод был вторым после давно закрытого Екатерининского, дату постройки которого (1723 г.) считают датой рождения Екатеринбурга, где тогда жили 4 тыс. чел., хотя статус уездного города Пермской губернии он получил в 1781 г. уже с 30 тыс. жителей. Более важной стала роль центра Уральской области в 1923–1934 гг. Заводы 1930-х годов (такие, как «Уралмаш», «Уралэлектротяжмаш») сделали Свердловск инженерно-техническим фокусом Урала и заодно – фокусом градостроения в стиле конструктивизма (рис. 5.3.13). Все же общая черта Екатеринбурга – разностильность облика (рис. 5.3.14). Досоветские и советские здания перемешаны с новейшими «стекляшками». Обширные заводские зоны разделяют жилые, делая городскую территорию ячеистой.

Несмотря на статус столицы региона и Уральского федерального округа в Екатеринбурге остается 220 крупных и средних предприятий. В советское время это был важный машиностроительный центр. Теперь сильно сжавшееся машиностроение дает четверть промышленной продукции, 1/5 – металлургия, до 1/10 – химические отрасли. Здесь расположены штаб-квартиры нескольких крупных

Рис. 5.3.13. Промышленное наследие конструктивизма в Екатеринбурге: Уральский завод тяжелого машиностроения («Уралмаш»).

Рис. 5.3.14. Совмещение разных эпох в центре Екатеринбурга.

корпораций России. Но главное, Екатеринбург – это уральский лидер постиндустриальной экономики с развитым финансовым и банковским секторами, центр оптовой и розничной торговли с обилием малого бизнеса, в том числе сервисного. По обеспеченности населения торговыми площадями его позиции в России – среди первых. Это один из крупнейших научных и образовательных центров страны. О Екатеринбурге можно писать (и написано) много, но не в формате этой главы.

Ландшафт к югу от города меняется. В пригороде Екатеринбурга, в Полевском и Сысертском городских округах активно сельское хозяйство, обширные поля перемежаются многочисленными садово-дачными поселками.

История города ***Полевской*** – типична. Железоделательный завод заработал в 1735 г. и имел сложную судьбу. Как и соседний Сысертский завод, он сначала был казенным. В 1757 г. оба стали частными, меняли хозяев, но продолжали развиваться. В конце XIX в. в Полевском поставили мартеновскую печь и стали делать тонкий прокат. После долгой остановки на рубеже веков и английской концессии сюда во время Великой Отечественной войны привезли оборудование Новомосковского жестекатального завода. Новый импульс развитию дало в 1960-х годах освоение нефтяных запасов Тюмени и огромная потребность в трубах. Тогда-то Северский завод в Полевском обрел свою специализацию (рис. 5.3.15). Спрос в стране и за рубежом помогла покрывать Трубная металлургическая компания – третья в мире по этому профилю. В Полевском находится и криолитовый завод, который обслуживает алюминиевое (теперь уже глиноземное) производство Каменска-Уральского. Правда, сейчас он в тяжелом состоянии. Эти два крупных предприятия делят город на две части с многоэтажным и коттеджным строительством, между которыми все еще располагается индивидуальная застройка со старыми деревенскими домами. При узком спектре занятий город с 2000 г. теряет население (табл. 5.3.1).

В Полевском городском округе стоит самый восточный знак границы между Европой и Азией, установленный в 1986 г. в честь 250-летия ее научного обоснования В.Н. Татищевым (рис. 5.3.16).

Рис. 5.3.15. Полевской. Северский трубный завод.

Рис. 5.3.16. Граница Европы и Азии на въезде в Полевской городской округ.

В **Челябинской области** в рамках маршрута можно выделить три группы городских округов и муниципальных районов: северную (примеры Верхнеуфалейского, Кыштымского и Карабашского городских округов), срединную вдоль железной дороги с запада на Челябинск (Миасский городской округ, Саткинский муниципальный район) и южную, расположенную на границе Южного Урала (Челябинск с некоторыми пригородами).

Верхний Уфалей на северо-западе области скорее тяготеет к Екатеринбургу (127 км по трассе), чем к Челябинску (177 км). Чугуноплавильный завод возник несколько позже екатеринбургских, в 1761 г. Постоянный переход из рук в руки ослабил прежде богатое предприятие, сведя его на нет. Но в начале XX в. здесь открыли месторождение никеля, а в 1933 г. заработал первый в СССР никелевый завод. До 2017 г. он был в России вторым после Норильского ГМК с 15% рынка, но обанкротился из-за неконкурентоспособности и долгов, был ускоренно законсервирован и подготовлен к продаже. Статус моногорода с 2014 г. помог мало. Безработица после закрытия завода достигала 12%, а муниципалитет конфликтовал с областной властью, пытаясь помешать распродаже активов. С 2017 г. город получил статус территории опережающего развития, ищет нового инвестора, в том числе для разработки отходов, содержащих ценные компоненты. Кругом – горы шлаков, население город покидает (табл. 5.3.2).

Кыштым в 50 км южнее – часть империи Демидовых с 1757 г. В XIX в. здесь добывали золото. В XX в. по плану ГОЭЛРО главным стал медеэлектролитный завод на богатых местных рудах, параллельно получавший селен, золото и серебро. Современный городской округ Кыштым – вотчина Русской медной компании (РМК) – третьего в России производителя меди после Норникеля и УГМК. Город производит приятное впечатление красивой набережной (рис. 5.3.17), новым универмагом «Демидовский» и усадьбой Демидовых (5.3.18), реставрируемой не одно десятилетие. Кыштым сохранил часть старого башкирского населения и мечеть. Большую его часть занимает одноэтажная деревянная застройка. Такого бегства, как из Верхнего Уфалея, нет, но население тоже убывает.

Рис. 5.3.17. Кыштым. Набережная и дом культуры (бывший Народный дом).

Рис. 5.3.18. Кыштым. Усадьба Демидовых (XIX в.) и памятник М.И. Калинину.

Таблица 5.3.2. Численность населения рассматриваемых городов, городских округов и муниципальных районов Челябинской области с 1897 по 2019 г.

Город, городской округ (ГО), муниципальный район (МР)	1897 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
Верхнеуфалейский ГО / Верхний Уфалей	… / …	… / 36,9	47,4 / 40,1	39,7 / 34,4	35,0 / 30,5	30,5 / 26,9
Кыштымский ГО / Кыштым	… / …	… / 34,3	… / 42,9	53,4 / 41,9	41,8 / 38,9	39,0 / 36,4
Карабашский ГО / Карабаш	… / …	… / 24,9	… / 17,0	16,3 / 15,9	13,4 / 13,1	11,1 / 10,9
Миасский ГО / Миасс	… / 16,1	… / 99,0	… / 167,8	172,1 / 158,4	166,5 / 151,7	166,5 / 151,3
Саткинский МР / Сатка	… / …	… / 43,1	96,5 / 50,7	92,2 / 49,7	86,2 / 45,2	78,8 / 41,3
Челябинск	20,0	689,0	1141,8	1077,2	1130,1	1200,7
Копейский ГО / Копейск	… / …	… / 160,7	… / 79,0	143,0 / 73,3	139,8 / 137,6	150,4 / 148,2
Коркинский МР / Коркино	… / …	… / 85,0	73,3 / 45,2	68,4 / 41,5	63,9 / 38,6	58,9 / 34,2

Составлено по данным переписей населения и текущего учета.

Карабаш, еще на 40 км южнее, – пример настоящей экологической катастрофы. История города началась с добычи россыпного золота, а в 1837 г. был построен первый медеплавильный завод, который не сохранился. Новый завод возник в 1910 г. и в первой половине XX в. давал до трети меди в стране. В 1939 г. здесь

Рис. 5.3.19. Карабаш. Отвалы при въезде в город.

Рис. 5.3.20. Облысевшие горы вокруг Карабаша.

жили 38 тыс. чел. После закрытия шахт к 1959 г. население уменьшилось до 25 тыс. жителей. Острые проблемы проявились с 1950–1970-х годов, когда в городе и рядом на склонах от выбросов свинца, серы, мышьяка, меди желтела и даже периодически вымирала растительность. В 1989 г. завод из-за этого остановили. В 1996 г. Минприроды РФ признал Карабаш зоной экологического бедствия. А в 1998 г. завод возобновил работу – так прибылен экспорт меди. В 2000-х годах АО «Карабашмедь» вошла в состав РМК. Город окружен огромными незарастающими отвалами породы (рис. 5.3.19, 5.3.20). Очистку выбросов улучшили, но в июне 2010 г. вся окрестная зелень снова увяла. В городе осталось 11 тыс. жителей, а в 9 окрестных поселках – почти никого. Похоже, областные власти сочли место безнадежно грязным, создав там в 2014 г. полигон для захоронения твердых коммунальных отходов из Златоуста, Миасса, Чебаркуля.

Миасс находится уже в 230 км от Екатеринбурга и в 100 км от Челябинска. В отличие от предыдущих городов-заводов это большой (151 тыс. жителей) город, почти не теряющий население (табл. 5.3.2), окруженный 28 поселками. Промышленность тоже возникла в XVIII в. вокруг медеплавильного завода. В XIX в. здесь добывали рудное и россыпное золото. В старой западной части города стоят богатые особняки купцов и золотопромышленников. Поездка за р. Миасс по более новым районам города напоминает экскурсию в музей истории архитектуры с довоенным, послевоенным, поздне- и постсоветским (11-этажные дома Северного района) «залами». Сегодня Миасс – город машиностроения и ВПК с ракетным комплексом. Половина трудоспособного населения занята на промышленных предприятиях. Один из главных работодателей – УралАЗ, выпускающий грузовики, испытывает трудности. Спасает его оборонный заказ. При множестве предприятий город тем не менее имеет статус монопрофильного. Местная администрация, определяя его как вполне самодостаточный, все же надеется на инвестиции со стороны и думает, как удержать молодежь, которая все чаще уезжает в Екатеринбург, Москву, Санкт-Петербург. Зато город популярен у иностранных мигрантов, ищущих работу. До Карабаша всего 50 км, но горные леса и озера между ними (рис. 5.3.21) позволяют жителям Миасса считать его экологическим раем. К городу примыкает Ильменский государственный заповедник. В округе 70 садовых товариществ и несколько коттеджных поселков.

Рис. 5.3.21. Озеро Тургояк к северу от Миасса.

Ландшафты этой части Уральских гор очень живописны. Величавые ели и пихты, редкие в иных местах, обилие озер, национальные парки, заповедники и заказники, зоны отдыха и развлечений привлекают туристов. Но это особая тема.

Сатка. Галс в горы на запад позволяет показать еще один тип старопромышленного малого города, поднявшегося на добыче неметаллических руд. Начинала Сатка, как многие, с железоделательного завода, ржавый остов которого стоит над прудом. В 1898 г. здесь нашли магнезит, с 1901 г. началась его добыча, вскоре

Рис. 5.3.22. Карагайский карьер в Сатке.

Рис. 5.3.23. Сатка. Квазисредневековый замок на острове заводского пруда.

достигшая 10% мировой[101]. Современный «Магнезит», производящий огнеупоры, принадлежит компании «Группа Магнезит», работающей в Нижне-Ангарске, Китае, Словакии. Главный «кормилец» Сатки – Карагайский карьер (рис. 5.3.22) глубиной 360 м. Помимо магнезита там добывается доломит для металлургии и строительных работ.

Сам город с 42 тыс. жителей разностильный и тоже теряющий население. Есть и одноэтажная застройка, и 3–4-этажные дома середины XX в., и многоэтажки, и ведомственный Дом культуры в сталинском стиле. Но главные его достопримечательности связаны с выдумкой «хозяина» комбината и города. На острове старого пруда воздвигнут импозантный квазисредневековый замок (рис. 5.3.23), набережные украшены скульптурами, на берегу создан развлекательный музейно-ресторанный комплекс «Сонькина лагуна». Приезжего встречает целая улица деревянных жилых домов, раскрашенных в яркие цвета по проекту московского института «Стрелка».

Минуя восточные предгорья, где леса сменяются распаханной лесостепью, закончим ряд примеров Челябинской агломерацией.

История ***Челябинска***, расположенного на природной границе с Южным Уралом и Зауральем, резко отличается от горнозаводской. Изначально это была крепость, заложенная в 1736 г. для защиты путей на восток. Права города она получила в 1781 г. Пограничное положение способствовало развитию торговли хлебом, чаем и другими продуктами, особенно в эпоху железных дорог. Первые предприятия появились лишь на рубеже XIX–XX вв. В годы индустриализации строятся тракторный, станкостроительный, ферросплавный и другие заводы. Месторождение железных руд здесь было известно еще с середины XVIII в. Но только во время Великой Отечественной войны было завершено строительство Челябинского металлургического завода, ставшего одним из крупнейших советских металлургических предприятий. Но главное – эвакуация в Челябинск во время войны около

[101] Комбинат «Магнезит»: Карагайский карьер // Рудники Урала. 2015. https://uralmines.ru/kombinat-magnezit-karagajskij-karer/ (дата обращения 06.09.2020).

Рис. 5.3.24. Челябинск. Металлургический комбинат «Мечел» в Металлургическом районе.

200 предприятий. На базе оборудования и кадров, вывезенных из Ленинграда и Харькова, тракторный завод обрел второе дыхание, став знаменитым ЧТЗ, обеспечивавшим армию танками. Челябинск был не только «Танкоградом», здесь делали и «Катюши». Несколько лагерей системы ГУЛАГ поставляли на предприятия города трудовые ресурсы.

Развитие собственно города пришлось на послевоенное время, когда вокруг заводов создавалась жилая застройка. И до сих пор Челябинск с его 1,2 млн жителей – это город заводов из семи районов, каждый из которых равен большому городу на 140–220 тыс. чел. вокруг предприятий-гигантов (рис. 5.3.24). Исключение составляет Центральный район, имеющий столичный облик.

Промышленность дает 38% валового продукта Челябинска, а в занятости преобладает третичный сектор. Многие заводы – лидеры отраслей: Челябинский металлургический комбинат компании «Мечел» (главный производитель нержавеющей стали), электрометаллургический (80% ферросплавов в России), цинковый (60% цинка), трубопрокатный, тракторный и др. Но экономически и по зарплатам Челябинск проигрывает Екатеринбургу и даже второму в области городу Магнитогорску (Дегтярев, 2017, с. 184). Вдобавок слабый контроль за выбросами привел к исчерпанию экологической емкости города[102].

Миграционная привлекательность тоже ниже, чем у Екатеринбурга. Горожане нередко уезжают в другие крупные центры или на юг России[103], а их место занимают мигранты из Челябинской области и стран СНГ (см. рис. 5.3.4). Их приток усиливает тот факт, что город с двумя госуниверситетами, несколькими отраслевыми вузами и более чем 70 тыс. студентов является крупным образовательным центром. Торговые корни Челябинска, его расположение, размер и статус способ-

[102] Экологические возможности Челябинска находятся на пределе // Российский инвестиционный форум в Сочи. 2017. https://tass.ru/obschestvo/4056224 (дата обращения 04.09.2020).
[103] Куда бегут челябинцы и почему возвращаются назад // Комсомольская правда, 19 ноября 2017 г. https://www.chel.kp.ru/daily/26759.5/3789839/ (дата обращения 04.09.2020).

ствуют развитию многих секторов третичной сферы. Но сами челябинцы зовут его «городом упущенных возможностей», отстающим от Москвы и даже от Екатеринбурга на десятилетия.

Челябинск окружен плотным кольцом садовых и коттеджных поселков. Его агломерация включает 12 населенных пунктов в четырех муниципальных районах, а также Копейский городской округ (Глазычев, Стародубровская, 2008). В пригороде и в самом городе развит агропромышленный комплекс, в том числе использующий потенциал южных черноземных районов области. Так, завод компании «Макфа» дает 30% российского выпуска макарон твердых сортов, в Сосновском районе находится крупный животноводческий комплекс. В Челябинске расположен крупнейший на Урале тепличный комплекс «Чурилово», а в Копейском городском округе – головное предприятие «Сигмы», производящей растительное масло (в том числе на экспорт).

Город ***Копейск*** почти слился с Челябинском, и тот готов был его поглотить. Но Копейск устоял. Он был центром угольных копей начала XX в. Их расцвет пришелся на 1950–1960-е годы. В середине XX в. Копейск был крупным центром размещения военнопленных и местом расположения исправительно-трудовых лагерей. До сих пор в городе действуют четыре исправительных колонии, которые являются крупными работодателями и дают около 3 тыс. рабочих мест. В годы Великой Отечественной войны в Копейск эвакуировали Горловский машиностроительный завод шахтного оборудования, который работает и сейчас и является основным производителем угольных и соляных комбайнов. Кроме него действуют предприятия оборонного комплекса, химической и фармацевтической отраслей, а угольная отрасль была свернута еще в конце советского периода из-за истощения запасов и высокой себестоимости добычи. С того же времени началось и сокращение численности населения (см. табл. 5.3.2). Включение в городскую черту Ко-

Рис. 5.3.25. Затопленные угольные карьеры Копейска.

пейска шести крупных поселков почти удвоило его размер, сейчас его людность составляет около 148 тыс. чел. Новое дыхание город получил благодаря соседству с Челябинском, став, по-существу, его спальным районом. Копейск – родина известной торговой сети «Красное & Белое». Здесь строятся современные многоэтажные здания, соседствующие с затопленными угольными шахтами и карьерами (рис. 5.3.25).

Несколько иная ситуация в соседнем городском округе ***Коркино***, где находился самый глубокий в Евразии угольный разрез (500 м глубиной). Добыча угля прекращена в 2017 г. по нерентабельности и из-за экологической ситуации, однако карьер, хотя и с меньшей интенсивностью, но продолжает выделять ядовитые газы. При отсутствии горных преград это усугубляет экологическую ситуацию в соседних поселениях и Челябинске, расположенном в 40 км к северу. Карьер передан РМК под отсыпку вскрыши и хвостохранилище для строящегося недалеко карьера Томинского ГОКа, глубиной 520 м, несмотря на протесты населения против нового строительства. Город, хотя и теряет население (с 85 тыс. жителей в 1959 г. до 34 тыс. жителей в 2019 г.), остается промышленным центром. Здесь работают заводы: стекольный, железобетонных изделий, кондитерская фабрика, построена фабрика «ЮжУралКартон» – крупнейшая на Урале.

* * *

Пространственные тенденции 2000-х годов в староосвоенных районах Среднего Урала в целом соответствуют современным общероссийским трендам концентрации экономики в местах с лучшими конкурентными преимуществами, включая наличие ресурсов, спроса на продукцию, инвестиций и т.д. Отсюда рост крупнейших центров и агломераций при деградации многих окружающих территорий. В этом отношении Урал мало отличается от Центральной России и других ее частей.

Специфика состоит в том, что главным мотором здесь стал крупный бизнес, контролирующий сырьевые предприятия и целые города в связи с повышенной долей в экономике природной ренты (Паппе, Галухина, 2009, с. 27) и продукции первого передела. В сложное постсоветское время усилилась роль промышленной специализации многих городов и районов, зависимых от состояния ключевых предприятий. Как всюду в России, выросла роль экспортных производств: металлургии и химии. В худшем положении оказались угледобыча и машиностроение, сменившее в некоторых городах исходную рудно-металлургическую специализацию. Исключение – города с предприятиями военно-промышленного комплекса, крупные центры с диверсифицированной экономикой и их пригороды.

Усиление миграционной поляризации пространства, помимо контрастов качества жизни и возможностей индивидуального роста, тесно связано с экономическими параметрами и контрастами в средних зарплатах. Наиболее привлекательны центры регионов с ближайшим окружением, особенно Екатеринбург. В Челябинск едут в основном жители области и международные мигранты.

Экспедиционное обследование отдельных муниципальных образований подтверждает вывод о взаимосвязи экономической, социальной и пространственной поляризации. Сложившаяся на Среднем Урале связка «завод–город» сохранилась.

Даже Челябинск и отчасти Екатеринбург – это конгломераты районов при крупных заводах.

За пределами областных центров города, как правило, «вытягивают» одно-два предприятия, что снижает устойчивость экономики. При изменении конъюнктуры рынка, появлении сильного конкурента ситуация может измениться кардинально и резко сузить коридор возможностей как для бизнеса, так и для города.

Главными факторами выживания стали: а) наличие успешного «хозяина» – крупной компании, продукция которой востребована на российском и мировом рынках (УГМК, РМК, «Группа Магнезит», трубные заводы и др.), б) интерес государства, прежде всего оборонно-промышленный, и в) положение вблизи центра региона (Нефедова, Трейвиш, 2020). Для тех монопрофильных городов и районов, где этих факторов нет, найти выход сложно, как показывает пример Верхнего Уфалея. Не помогают формальные статусы ни моногорода, ни территории опережающего развития.

Анализ разных примеров показывает, что при прочих равных условиях очень важны для развития и ощущения самобытности городов личные инициативы, как сверху (от представителей бизнеса, местной власти), так и снизу (от энтузиастов), и умение вовлечь в них население, что видно на примере Сатки.

Экологическая поляризация на Среднем Урале очень сильна. При множестве явных очагов экологического бедствия его, как и многие районы России, спасает пространство, в котором эти загрязненные очаги чередуются с обширными ареалами почти нетронутой природы. Многое зависит от наличия или отсутствия природных барьеров, плотности освоения и промышленной специализации.

Глава 5.4. Южный Урал и Зауралье: наследуемые и новые пути развития

В данной главе речь идет о регионе, который включает в себя лесостепные и подтаежные районы к востоку от Уральского хребта – юг Челябинской, Курганскую и юго-запад Тюменской областей (рис. 5.4.1). Русская колонизация территории началась с основания в 1586 г. Тюмени, то есть более четырехсот лет назад. Однако первое упоминание города на этом месте относится еще к XIV в. Но и это лишь малая часть истории региона, который, будучи контактной зоной оседлых и кочевых культур на границе леса и степи, несколько тысячелетий являлся полем интенсивного культурного обмена и ареной жизни разных, сменявших друг друга народов.

Существует три конкурирующих географических определения этой территории: Южный Урал, Юго-Западная Сибирь и Зауралье, что отражает, с одной стороны, пограничность положения на стыке крупных макрорегионов, а с другой стороны,

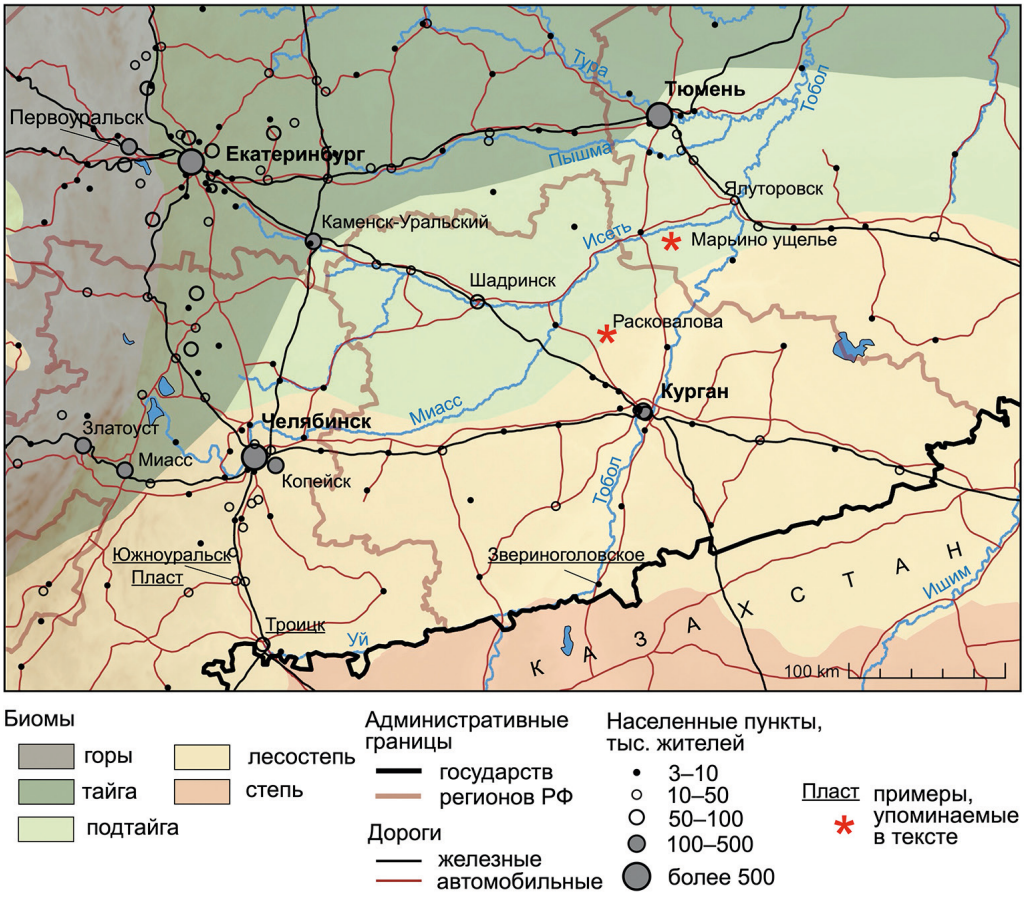

Рис. 5.4.1. Территория исследования.
Базовая карта: OpenStreetMap ©; Natural Earth; (Olson et al., 2001).

отсутствие устоявшихся границ историко-культурных районов. По С.В. Рассказову (2008), вплоть до административных реформ советского времени эти территории развивались в общем историко-географическом контексте и интеграционной логике.

Урал? Зауралье? Сибирь?

До революционных событий 1917 г. условная граница Сибири проходила по границе Пермской/Оренбургской и Тобольской губерний: к северо-западу от Кургана сохранилась деревня Расковалова, по одной из версий получившая такое название потому, что ссыльные пересекали здесь границу и потому могли снять кандалы. С 1923 по 1934 г. исследуемые районы входили в состав Уральской области, частью в Уральский, а частью в Западно-Сибирский экономические районы Госплана, а сегодня – в Уральский федеральный округ. С физико-географической точки зрения, восточная граница Уральской горной страны проходит по границе пенеплена (см. ниже), то есть не охватывает даже восток Челябинской области, не говоря уже о Курганской и Тюменской областях. Однако с точки зрения общественной географии, их отнесение к Уралу справедливо. В классической работе «Города Урала» Л.Е. Иофа (1951) отмечал, что помимо собственно территорий горнозаводского освоения, уральский экономический район становился благодаря кольцу городов вокруг него, которые связывали Урал с соседними макрорегионами – Европейской Россией, Центральной Азией и Сибирью. Среди таких городов – Тюмень и Троицк, а позднее – Курган. И сегодня все три региона являются частью уральской системы центральных мест с Екатеринбургом в качестве центра первого порядка (Важенин, 1997)[104].

Самое «молодое» определение региона – Зауралье. В исторической литературе это обширный регион, границы которого различны в зависимости от контекста работы. Например, Менщиков (2004) таким образом обозначает первый земледельческий район Сибири, ограниченный с севера р. Турой, на юге – р. Уй, а на востоке – Тоболом, что наиболее близко географическим рамкам исследуемой нами территории. Однако в современном общественно-политическом дискурсе понятие «Зауралье» чаще всего используется для обозначения лишь Курганской области. Область была собрана в середине XX в. из «кусочков» трех бывших губерний и нуждалась в собственном географической образе. Тенденция последнего времени – постепенное замещение по отношению к Курганской области «Зауралья» понятием «Южное Зауралье», что предполагает существование и «Северного Зауралья», к которому в таком случае следует отнести Тюменскую область с автономными округами, однако в самой Тюмени определение «Зауралье» почти не используется и доминирует самоидентификация с Сибирью.

Роль физико-географических условий в формировании системы расселения

Исследуемый регион представляет собой протяженную равнину на стыке физико-географических стран – Уральской горной и Западно-Сибирской низмен-

[104] См. также: Связи российских городов в поиске Яндекса // Исследования Яндекса. 2014. https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_regions_connection (дата обращения 13.04.2018).

Рис. 5.4.2. Характерные ландшафты на территории исследования: (а) Зауральский пенеплен к северу от Южноуральска; (б) лесостепь к югу от Кургана; (в) Марьино ущелье в Исетском районе Тюменской области; (г) р. Тура в историческом центре Тюмени*.

ной. Даже районы от Челябинска до Южноуральска, которые принято относить к Южному Уралу, фактически представляют собой приподнятую всхолмленную равнину – *Зауральский* пенеплен, образованный длительным механическим и химическим разрушением древних горных пород (рис. 5.4.2а). Неглубокое залегание полезных ископаемых и относительная легкость их добычи в последующем определили появление здесь шахт и рудников, однако при внешнем взгляде эти равнинные ландшафты сложно соотнести с классическими районами горнозаводского освоения.

Восточнее, в Курганской и Тюменской областях, всхолмленная равнина становится плоской: от горизонта до горизонта простирается слаборасчлененная, местами заболоченная лесостепь с широкими, но неглубокими речными долинами и мелкими озерами (рис. 5.4.2б). В таких условиях самый незначительный перепад высот – в несколько десятков или даже в несколько метров – делает место совершенно необычным, открывая возможности для обзора на многие километры вокруг. Яркий пример – Марьино ущелье – овраг глубиной 60–70 м, расчленяющий реликтовую террасу р. Исети на юго-западе Тюменской области (рис. 5.4.2в) и являющийся частью археологического комплекса Ингальской долины (рр. Боро-

* Фотографии в главе сделаны А.В. Стариковой и А.В. Шелудковым.

вая Ингала и Большая Ингала – притоки Исети). Первые археологические памятники на данной территории относятся еще к мезолиту (VIII–VII тысячелетия до н.э.). Здесь обнаружено более 170 курганов, 55 памятников имеет федеральный охранный статус; отсюда, в частности, берет свое начало знаменитая Сибирская коллекция скифского золота Петра I, хранящаяся в Эрмитаже.

Наиболее возвышенные участки, – например, высокие берега рек, – идеальные пункты для обороны и контроля транспортных путей в XVI–XVII вв., поэтому именно здесь расположились ключевые центры региона: Тюмень – на правом берегу Туры (рис. 5.4.2г), Шадринск – на Исети, Курган – на Тоболе, Ялуторовск – на Тоболе при впадении в него Исети и т.д. В лесостепной зоне (особенно по высоким берегам рек) расположены островные и ленточные сосновые боры и смешанные леса, что вкупе с другими преимуществами, делало эти места особенно привлекательными для заселения. Кроме того, в заболоченной местности, в лесостепной и степной зоне, возвышенности часто ассоциированы с более плодородными почвами.

Таким образом, физико-географические условия территории – особенности рельефа, гидрографической сети, почвенного и растительного покрова – во многом детерминировали исторические и современные формы расселения, положение ключевых центров и экономическую специализацию районов.

Генетические типы населенных пунктов

Каждая волна или импульс освоения создавали новые поселения, либо меняли специализацию старых, так что в современной сети расселения можно выделить населенные пункты нескольких генетических типов. Первоначально основу русского расселения составляли военно-административные центры и укрепленные поселения (остроги, крепости, а также слободы и монастыри), в том числе населенные пункты оборонительных линий, предназначенные для защиты от набегов кочевников. По мере того, как кочевые племена входили в состав Российской империи либо теснились к югу, происходило постепенное сельскохозяйственное освоение территории (Менщиков, 2004). В зоне лесостепи оно носило преимущественно крупноселенный характер, сохраняя приуроченность к рекам. Крестьянские миграции в Сибирь носили промывной характер: переселенцы из европейской части России часто сначала оседали на территории Зауралья, а уже позже сами или их потомки мигрировали дальше на восток. Вместе с собой переселенцы несли языковые и иные культурные особенности регионов исхода, что обнаруживается, например, в местных топонимах: так, в Курганской области можно обнаружить топонимы, ассоциирующиеся с Русским Севером (рабочий поселок Каргаполье, село Белозерское и пр.).

Находясь в контактной зоне Европейской России, Урала, Сибири и Центральной Азии, узловые точки региона принимали на себя торгово-транспортные функции. Яркий пример – город Троицк, где около полутораста лет действовал меновый двор и одна из крупнейших в стране ярмарок. Но это не особенный случай, а лишь один в ряду подобных: собственные ярмарки и торжки, где происходил обмен между кочевниками, русскими, татарскими и бухарскими купцами, суще-

ствовали практически во всех крупных селах и городах региона. Тюмень некоторое время была промежуточным звеном в торговле чаем из Китая в Европу; во второй половине XIX в. город стал центром Сибирского пароходства и перевалочным пунктом для крестьянских переселенцев, хлынувших в Сибирь после отмены крепостного права в 1861 г. С постройкой в 1892 г. Транссиба роль главных ворот Сибири отошла Челябинску и Кургану (ветка между Тюменью и Омском построена только в 1913 г.). Железная дорога также открыла для местных товаров европейские рынки. Особенно выиграла маслодельная промышленность, в которой были заняты десятки тысяч людей. Курган в 1907 г. стал центром Союза сибирских маслодельных артелей, а сибирское масло до Первой мировой войны было одним из главных экспортных товаров Российской империи[105].

Советская эпоха порвала со старыми торговыми связями, но дала новые импульсы развития сети расселения, в первую очередь, связанные с индустриализацией и ускоренной урбанизацией. Статус городов получили объединенные и новые поселки при шахтах на Южном Урале, например, Пласт, Коркино и Еманжелинск (табл. 5.4.1). Соседство с растущими промышленными центрами – Челябинском и Магнитогорском – обусловило развитие энергетической промышленности в Увельском районе (Южноуральск) и Троицке (подробнее см. ниже). Дополнительный толчок индустриализации в регионе дала эвакуация предприятий во время Великой Отечественной войны из европейской части России, в том числе в районные центры, часть из которых в итоге получила статус городов: в Катайск был перебазирован насосный завод из Мелитополя, в Шумиху – машиностроительное предприятие из Запорожья, в Щучьем на базе предприятий из Брянска и Прилук заработал завод противопожарного оборудования и т.д. Градообразующее предприятие Шадринска – автоагрегатный завод[106] – создано на основе московских автозавода им. Сталина (переименован в Завод имени Лихачева) и карбюраторного завода. В Кургане возник мощный кластер предприятий оборонной промышленности. Развитие Тюмени с начала 1960-х годов определялось размещением поддерживающих отраслей для освоения северных нефтегазовых провинций.

Индустриализация сельского хозяйства и освоение целинных земель сопровождались созданием новых совхозных поселков, как правило, на междуречьях. На индустриальных основах заработали предприятия пищевой промышленности, например, жировой комбинат в Троицке, молочные комбинаты в Шадринске и Ялуторовске, крупные птицефабрики в пригородах Тюмени и Челябинска.

В итоге преобразований советского периода часть населенных пунктов сменила экономическую специализацию полностью, а до некоторых новые импульсы не дошли вовсе, что было связано с доминировавшей административной логикой территориально-отраслевого развития: установившиеся в середине XX в. административные границы регионов резко очерчивали и границы экономических районов, а значит, – и приоритеты отраслевого развития (см. ниже пример Звериногловского). В начале века в регионе было всего 7 городов, их доля в общей

[105] См., например: Коломийцов Н.П. Масло. Торговля России маслом в связи с вопросом о снабжении маслом армии и населения. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. С. 14–15.

[106] С 2009 г. в составе Уральской горно-металлургической компании (УГМК).

Таблица 5.4.1. Численность населения (тыс. чел.) и год получения городского статуса

Город	1897	1926	1959	1989	2018	Год получения статуса
Челябинск	20,0	59,0	689,0	1141,8	1202,4	1781
Тюмень	29,5	50,3	150,2	476,9	768,4	1586
Курган	10,3	28,0	145,7	355,5	318,0	1782
Шадринск	11,7	19,2	56,1	86,7	75,3	1738
Троицк	23,3	30,0	76,3	90,1	73,9	1784
Ялуторовск	3,3	5,7	20,2	36,8	40,0	1782
Южноуральск			22,4	41,3	37,7	1963
Коркино			85,0	45,2	34,7	1942
Еманжелинск			33,6	31,2	28,7	1951
Заводоуковск			8,7	25,8	26,0	1960
Пласт			25,9	18,9	17,5	1940
Шумиха			19,4	22,0	17,3	1944
Куртамыш	3,7	5,7	12,3	19,2	16,6	1956
Далматово*	0,6	5,5	11,0	17,5	12,6	1781
Катайск	1,2	2,0	11,8	16,8	12,6	1944
Петухово			13,0	14,6	10,2	1944
Щучье			10,3	11,1	9,7	1945
Макушино			13,7	10,5	7,8	1963

Примечание: город в 1781–1797 гг. и с 1947 г. *Составлено* по данным переписей населения.

численности населения региона не превышала 8%[107]. К концу советской эпохи городов стало уже 18, но лишь 3 смогли перешагнуть отметку в 100 тыс. жителей, при этом 6 крупнейших городов – это старые центры расселения, получившие городской статус не позднее XVIII в. Большинство новых советских городов сохранили характер монопрофильных поселков, некоторые из них уже в советский период стали терять население (см. табл. 5.4.1).

Постсоветская эпоха еще сильнее выдвинула на первый план крупные города, где на фоне упадка индустриального производства быстро развивалась третичная сфера. Главный бенефициар этого процесса в настоящее время – Тюмень, которая с середины 2000-х годов является центром межрегиональных миграций в Зауралье и сегодня представляет собой самый быстрорастущий город с населением более полумиллиона человек в России.

При разнообразии генетических типов населенных пунктов наибольший интерес представляют города и села, которые возникли при схожих условиях, однако затем траектории их развития разошлись, так что в современном социально-экономическом пространстве они представляют разные полюсы, что особенно заметно по современной миграционной динамике: с одной стороны, на анализируемой территории оказываются немногочисленные районы и городские округа с положительным сальдо миграции (Тюмень с пригородной зоной, пригороды Челябинска и Кургана, Южноуральск), с другой – остальные территории, в разной степени подверженные миграционному оттоку.

[107] В границах Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии, Шадринского уезда Пермской губернии, Тюменского, Ялуторовского и Курганского округов Тобольской губернии.

Ниже в качестве примера мы рассмотрим две пары населенных пунктов со сходными условиями возникновения и разными траекториями развития: 1) важные исторические центры Троицк (город, Челябинская область) и Звериноголовское (село, Курганская область) – оба возникли в середине XVIII в. как крепости на Уйской пограничной линии; 2) молодые промышленные моногорода Пласт и Южноуральск (Челябинская область) – в физическом пространстве их разделяет не более 40 км (см. рис. 5.4.1), но для них характерны совершенно разные социально-экономический статус и динамика.

Троицк и Звериноголовское

Троицк заложен в 1743 г. как головная крепость в центральной части Уйской укрепленной линии (рис. 5.4.3) для защиты поселений Исетской провинции от набегов киргиз-кайсаков. Однако изначально это был не просто форпост на опасном пограничном рубеже: крепость разместилась на пересечении традиционных караванных путей из Азии, что определило ее важнейшую экономическую роль в организации торговли с иностранными купцами как восточного дублера Оренбурга – главного на тот момент центра торговли Российской империи со Средней Азией. Уже на следующий год после закладки крепости был официально открыт меновый торг с кочевниками из Киргизской степи и Туркестана, а уже через семь лет стала проводиться ежегодная ярмарка – перевалочный пункт для европейских и азиатских товаров. В XIX – начале XX вв. ярмарка получила специализацию на торговле скотом и другими товарами животноводства, занимая по торговому обороту на Урале и в смежных районах третье место после Ирбитской и Крестово-Ивановской (Шадринский уезд) (Россия …, 1914, с. 342–343). С развитием ярмарочной торговли уже в 1784 г. Троицк получил статус города. Здесь появилась влиятельная, образованная и богатая прослойка купцов и предпринимателей, которые в середине XIX – начале XX вв. активно участвовали в жизни города и формировании его социально-экономической среды. Об их богатстве свидетельствуют сохранившиеся здания торговых рядов, магазинов, купеческие особняки, гостиница, театр и т.д. (рис. 5.4.3, 5.4.4).

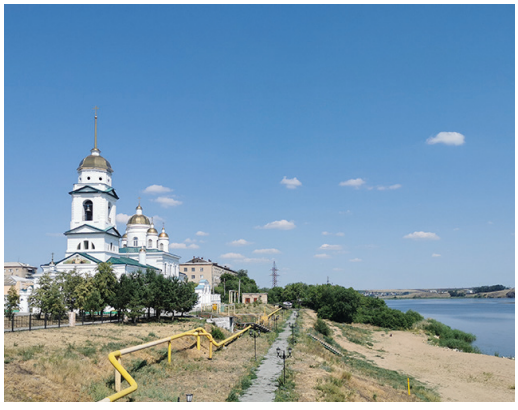

Рис. 5.4.3. Троицк. Свято-Троицкий собор (1754 г.) на берегу р. Уй в центре исторической крепости (слева) и биржевая гостиница купца Башкирова (1909 г.) (справа).

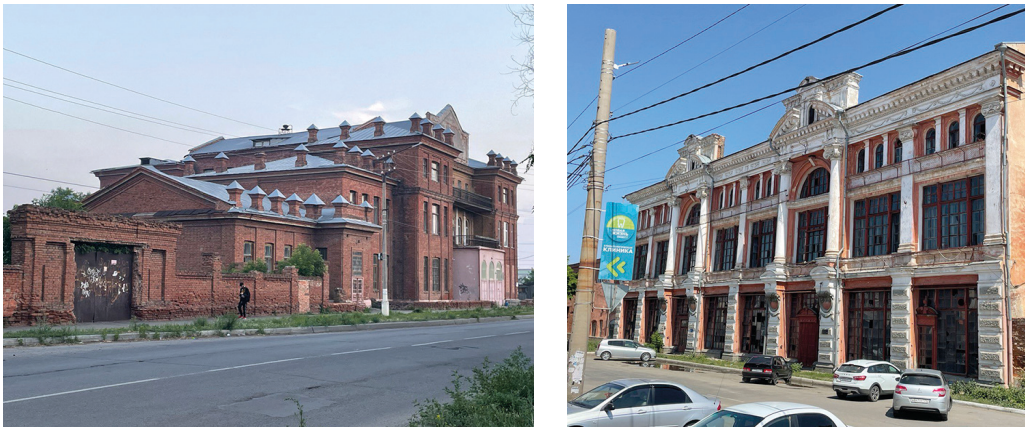

Рис. 5.4.4. Троицк. Здание, предназначавшееся для драматического театра (нач. XX в.) (слева), и торговый пассаж братьев Яушевых (1911 г.) (справа).

На рубеже XIX–XX вв. город стал известным в империи центром мусульманского образования. В 1912 г. открыта построенная на частные средства железнодорожная линия Челябинск – Троицк, затем продленная до Костаная (ныне – Казахстан), что должно было обеспечить вывоз местной сельскохозяйственной продукции на рынок европейской части страны и за рубеж.

Таким образом, исторически основу городской экономики составляла торговля и промышленность на базе переработки местного сельскохозяйственного сырья (салотопенная, кожевенная, маслобойная, мукомольная). В советский период эта специализация сохранялась: градообразующим предприятием стал жировой комбинат (крупнейший в регионе), действовали мукомольные производства, молокозавод, кондитерская фабрика, завод пивобезалкогольных напитков, крупные элеваторы. В послевоенные годы на базе эвакуированного из Москвы предприятия вырос электромеханический завод (часть цехов размещалась в здании пассажа братьев Яушевых, см. рис. 5.4.4). В 1960 г. для повышения энергообеспеченности предприятий Магнитогорска и Челябинска, в Троицке строится ГРЭС. Топливом для нее служил уголь из Экибастуза. К концу советской эпохи город достиг максимального размера – свыше 90 тыс. жителей.

В постсоветский период большинство из пищевых предприятий перестали существовать, не выдержав последствий приватизации и финансово-экономических кризисов, но сохранились ГРЭС, электромеханический завод и появилось новое крупное предприятие строительных материалов. В сфере услуг играют важную роль обслуживание военных объектов на пограничном пункте пропуска с Казахстаном и нелегальный бизнес (контрабанда алкоголя и т.д.). Город потерял 8% от численности населения: на начало 2020 г. в нем проживало 73,4 тыс. чел.

Помимо индустриальных отраслей, потенциал для развития Троицка создает сфера культурно-познавательного туризма: город может рассматриваться как архитектурный музей под открытым небом – здесь сохранились историческая сетка улиц и застройка XIX – начала XX вв., при этом первоначальные функции многих объектов не изменились, яркий пример – гостиница Башкирова в стиле модерн,

но также купеческие лавки и др. При этом город находится всего в часе езды на скоростном поезде от Челябинска, идет реконструкция центра, создаются новые общественные пространства для молодежи, которой в Троицке много за счет нескольких учебных заведений, включая действующее с 2018 г. медресе Расулия.

Звериноголовское (рис. 5.4.5) было конечным звеном на северо-востоке Уйской укрепленной линии. Возведение крепости, а также окружающих ее редутов и форпостов началось в 1752 г. на правом берегу Тобола, то есть почти через 10 лет после закладки Троицка. Крепость сохраняла военно-стратегическое значение на протяжении почти ста лет, а после упразднения пограничной линии осталась крупной казачьей станицей на пути из Омска в Челябинск и на границе четырех административных образований (Тургайской и Акмолинской областей и Пермской и Тобольской губерний). К концу XIX в. важное место в местной экономике, как и в Троицке, заняла ярмарочная торговля скотом, сопоставимая с Троицкой ярмаркой по оборотам, с той лишь разницей, что Троицк занял нишу международной торговли, а Звериноголовское – межрегиональной: сюда приезжали скотопромышленники из Челябинска, Кургана, Шадринска, Екатеринбурга и других городов. Как и в Троицке, сильное влияние имело мусульманское купечество (рис. 5.4.5), хотя основное население составляли казаки и их семьи. Меньшую, но важную роль играли лесозаготовки в сосновых борах и вывоз древесины. Торгово-промышленные круги Екатеринбурга и Шадринска инициировали изыскания для строительства железнодорожной линии из Екатеринбурга через Шадринск в Звериноголовское, но реализации проекта помешала Первая мировая война, лишив поселение одного из важных факторов последующего развития.

В советское время село получило статус районного центра. Рабочие места обеспечивали зерносовхоз, промкомбинат со специализацией на деревообработке, сыродельный завод и пищекомбинат. Максимум людности пришелся на середину века: по переписи 1959 г. в Звериноголовском проживало 6,3 тыс. чел. Однако после этого – весь советский и постсоветский период – численность населения только сокращалась, достигнув к 2020 г. 3,4 тыс. чел. Главная причина современной убыли – отток жителей, который провоцируют сжимающийся рынок труда, низкие зарплаты, инфраструктурная необустроенность, слабая транспортная доступность

Рис. 5.4.5. Звериноголовское. Центральная часть (слева); аптека в здании купеческой лавки-склада (конец XIX – начало XX вв.) (справа).

с региональным центром и т.д. Основные предприятия прекратили существование в начале 2000-х годов. Сегодня главные места приложения труда – бюджетная сфера, служба по контракту в пограничных войсках, санаторий «Сосновая роща» в соседнем поселке Искра и хозяйства местных фермеров. Для значительной части мужского населения основной источник заработка – вахта на Тюменском Севере. Важную роль для местных жителей играют собственные огороды и заготовка сена в пойме Тобола (в том числе на продажу в соседний Казахстан).

При схожих условиях возникновения и близком демографическом потенциале (3,1 и 1,8 тыс. чел. в 1856 г.) эволюция Троицка и Звериноголовского пошла разными путями. До Троицка вовремя дошли важные импульсы развития досоветского периода, в том числе открытие железнодорожного сообщения с Челябинском, и советской индустриализации (строительство Троицкой ГРЭС, модернизация дореволюционных предприятий, размещение производств, эвакуированных из центральной части страны, и др.). Несмотря на сжатие рынка труда в 1990-е и 2000-е годы, сохранился ряд ключевых предприятий. Кроме того, благодаря железнодорожному сообщению с Челябинском у населения существует возможность работать в региональном центре. Звериноголовское этих импульсов не получило и вместе с другими южными районами и городами Курганской области, удаленными от регионального центра, постепенно приобрело периферийный статус, теряя демографический и производственный потенциал. Современные попытки привести в село крупного инвестора – компанию «Далур» – не вызывают энтузиазма у местных жителей, так как планируемая добыча урана предполагает привлечение только квалифицированных работников и вызывает опасения в связи с возможным повышением радиационного фона после начала разработки месторождения.

Южноуральск и Пласт

Южноуральск – один из самых молодых городов в рассматриваемом регионе. Он возник как поселок при строительстве Южноуральской ГРЭС (рис. 5.4.6а) в 1948 г. и всего через 15 лет получил городской статус. Выбор места под строительство ГРЭС обусловили три фактора: близость к потребителю – промышленным предприятиям Челябинска, наличие запасов бурого угля к северу от будущего города и доступ к источнику воды для организации водозабора (для этого на р. Увельке создано водохранилище). Помимо градообразующего предприятия действует целый ряд профильных производств: арматурно-изоляторный завод (ведущее в своей отрасли предприятие России, крупнейший производитель стеклянных изоляторов), завод энергостроительных конструкций, несколько предприятий по выпуску электротехнической продукции и др. Кроме профильных есть и другие предприятия (молочный завод и др.), развита сфера услуг (включая торговлю и малый бизнес). Население города в 2020 г. составило 37,5 тыс. жителей: несмотря на постепенное сокращение вследствие естественной убыли и оттока в другие регионы, город является одним из наиболее привлекательных для мигрантов внутри своей области и для переселенцев из стран СНГ.

Территория ***Пласта*** и его окрестностей известна с середины XIX в. как район отечественной «золотой лихорадки» – Русская Калифорния или Русская Бразилия.

Рис. 5.4.6. Южноуральск. ГРЭС (слева) и мурал-репродукция (справа).

По инициативе предприимчивых уральских купцов и при участии французского, бельгийского и английского капитала здесь возникли отдельные золотые прииски. В 1929 г. разрозненные поселки старателей был объединены со статусом рабочего поселка, а в 1940 г. – города с названием в честь Большого золотоносного пласта, на котором он стоит. Однако уже с 1960-х годов город постепенно теряет население, сократившись к 2020 г. в размерах до 17,2 тыс. чел.: небольшой миграционный приток, направленный сюда из стран СНГ, не может компенсировать массовый отъезд жителей в Челябинск, отчасти – в Южноуральск, и за пределы региона.

Таким образом, при похожих стартовых позициях (наличие крупного градообразующего предприятии, способного играть роль «хозяина» в городе и даже примерно равный демографический потенциал – 22,4 тыс. чел. в Южноуральске и 25,9 тыс. чел. в Пласте в 1959 г.) у данной пары городов разные итоги развития и современные перспективы. Можно выделить как минимум три фактора, которые определили расхождение траекторий их развития: экономико-географическое положение, роль градообразующего предприятия в экономике и социальной сфере города и качество городской среды.

Южноуральск – крупный субцентр региона, транспортный узел на пути из Челябинска в Троицк и Магнитогорск, сохранивший советскую энергетическую специализацию в виде ГРЭС с многочисленными профильными предприятиями – ведущими в своей сфере в России и ближнем зарубежье, часто монополистами по выпуску отдельных видов продукции и ориентированными на экспорт. Город характеризуют развитые сфера услуг, коммунальная и транспортная инфраструктура. Важный аргумент в пользу Южноуральска – качество городской среды. При участии городской администрации и предприятий города реализуются программы благоустройства и строительства жилья. В центральной части ведется реновация общественных пространств, в историческом центре – бывшем поселке при ГРЭС – комплексно отремонтированы кварталы 1950-х годов. В городское пространство наряду с традиционными элементами благоустройства включены яркие, нестандартные объекты в виде муралов-репродукций (рис. 5.4.6) произведений известных европейских художников, например, «Джоконда» Леонардо да Винчи, «Поцелуй» Густава Климта и «Девочка на шаре» Пабло Пикассо, а также современных российских авторов, выполненных по заказу местной администрации челябинскими художниками.

Рис. 5.4.7. Пласт. Центральная шахта ЮГК (слева); Октябрьская улица (справа).

Несмотря на рано приобретенный статус города, пространство Пласта до сих пор не единое – в районах, родившихся из поселков при шахтах, доминирует частный сектор, разделенный производственными территориями, пустырями и лесными массивами. Центр города «растянут» вдоль главной Октябрьской улицы, где сконцентрированы основные культурные и социальные объекты (рис. 5.4.7). Градообразующее предприятие «Южуралзолото Группа Компаний» (ЮГК) – лидер уральской золотодобычи и одна из крупнейших компаний в этой сфере в стране, однако бизнес во многом «живет» отдельно от города. ЮГК предпочитает привлекать на работу вахтовиков из других регионов, так как местный кадровый потенциал во многом растерян в 1990-е годы. С истощением запасов руды предприятие переходит на новые методы и стандарты добычи, требующие еще более высокой квалификации работников при сокращении их общего числа. Кроме того, ЮГК один из «лидеров» в Челябинской области по травматизму и количеству смертей на производстве, поэтому не все готовы браться за работу здесь. В городском ландшафте присутствие золотодобычи обозначено по-европейски благоустроенной территорией при шахте Центральная (рис. 5.4.7) и наличием несоразмерного городу пятизвездочного отеля для командировочных ЮГК. Кроме градообразующего предприятия рабочие места дают только бюджетные учреждения.

* * *

Регионы Южного Урала и Зауралья пережили несколько волн и импульсов освоения, которые при общей устойчивости географических структур значительно отклоняли развитие отдельных населенных пунктов и районов в ту или иную сторону. Рассмотренные примеры показывают, как результаты развития в прошлом (выгоды экономико-географического положения и наличия железнодорожного сообщения, экономическая специализация, административно-территориальное деление, архитектурно-историческое наследие) влияют на современное состояние городов и районов. В то же время они раскрывают значение современных факторов, таких, как участие крупных предприятий в жизни населенных пунктов, качество городской среды и умение администраторов использовать унаследованные ресурсы для развития территории.

ЧАСТЬ 6. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО СТАРООСВОЕННЫХ РАЙОНОВ[108]

Глава 6.1. Методы анализа и типологии муниципальных образований

Н.Н. Баранский (1960), рассуждая о географическом мышлении, выделял два его признака: 1) это мышление, привязанное к территории, и 2) мышление комплексное, не замыкающееся в рамках одного «элемента» или «отрасли». Один из научных методов, которые соединяют два этих принципа, – географическая типология, то есть выделение в пространстве территорий, сходных по своим свойствам.

Географическая типология раскрывает пространственное разнообразие развития общества, которое объективно и во многом связано с социально-экономическим неравенством. В процессе урбанизации города стягивают ресурсы окружающих территорий. Благодаря такой концентрации создаются возможности развития как самих центров – их экономики, человеческого капитала, так и периферии, на которую транслируются инновации и финансы (Зубаревич, 2012б). Таким образом, центрально-периферийная модель пространственного развития (Friedmann, 1966; Грицай и др., 1981) неизбежна в любой стране. Однако при определенной степени концентрации человеческих и финансовых ресурсов в ограниченном числе центров и при слишком больших размерах обитаемой периферии, слабо поддерживаемой городами, пространственное неравенство может стать проблемой – тормозом для развития не только удаленных территорий, но и региона в целом. Значимую роль в этом процессе играют общественные и государственные институты, которые могут провоцировать периферизацию городов и сельских районов, либо, напротив, смягчать пространственное неравенство (Kühn, 2015; Lang, 2015). В России с ее огромной территорией и крайне неравномерной плотностью населения, разнообразными природными условиями и редкой сетью больших городов пространственная поляризация выражена очень ярко, а сверхцентрализация власти в последние годы, в том числе связанная с перераспределительной бюджетной политикой, укрупнением муниципальных образований и понижением статуса населенных пунктов, вносит дополнительный вклад в поляризацию социального пространства (Глезер, 2013; Зубаревич, 2014).

Проблемам неравенства развития посвящено много специальных исследований как в нашей стране, так и за рубежом[109]. В российских социально-экономических исследованиях наиболее распространено мелкомасштабное типологическое районирование на уровне субъектов федерации, что отражает лишь самые общие различия, затушевывая принципиальное «устройство» тех или иных регионов. При этом наибольшие пространственные контрасты наблюдаются именно на внутрирегиональном уровне.

Целый ряд отечественных (Александрова, Гришина, 2005; Буфетова, 2009; Нефедова, Трейвиш, 2010; Балаш, 2013; Лаппо, 2012; Зубаревич, Сафронов, 2014;

[108] Все карты в Части 6 выполнены А.В. Шелудковым.

[109] См., например, доклад: Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики. The World Bank, The World Bank Group, 2018.

Коломак, 2014; Карачурина, Мкртчян, 2016; и др.) и зарубежных (Combes et al., 2011; Crowley, 2016; Stuvøy, Shirobokova, 2021) работ анализирует контрасты в развитии городов, проводя параллели между уровнем урбанизации, размерами городов и состоянием их экономик. Есть опыты и подходы к культурному типологическому и индивидуальному районированию, развиваемые, например, А. Геттнером (1909), В. Стрелецким (2002) и др.

Методы сельскохозяйственного типологического районирования разработаны классиками еще в начале XX в. (Студенский, 1929; Челинцев, 1929; и др.), опробованы на материале СССР в его середине (Саушкин, 1947; Ракитников, 1970, 1979) и на рубеже веков (Атлас …, 2009; и др.). Для выявления пространственных типов агропроизводства В.А. Пуляркин (Липец и др., 1999) выделял три группы признаков любого сельскохозяйственного районирования: 1) факторы, влияющие на пространственную дифференциацию отрасли, 2) структура аграрной продукции и 3) экономические результаты производства. Подобные производственные подходы продолжают развиваться (Фаринюк, 2015; Егоров, 2020, с. 143). Типология сельской местности должна включать в себя, кроме производственных и организационно-технических признаков, много других, несельскохозяйственных: плотность сельского населения, его структуру, инфраструктурное обустройство сельских территорий и т.п., хотя производственные характеристики (продуктивность, соотношение разных укладов и т.п.) и состояние сельской местности взаимосвязаны. Это уже ближе к комплексной типологии местности за пределами городов. В этой области также достаточно опыта (Вострецова, 2007; Костяев, Бойцов, 2007; и др.). Типология с учетом пространственной организации есть и в Стратегии устойчивого развития сельских территорий России на период до 2030 года[110]. Попытки выделения типов сельской местности предпринимались в разных масштабах (Нефедова, 2003, с. 360–377; Шелудков и др., 2016; Нефедова, Мкртчян, 2017). Комплексная региональная и внутрирегиональная экономико-социо-экологическая типологизация сельских территорий проводилась Институтом экономики сельского хозяйства (ФНЦ ВНИИЭСХ) в 2020 г.[111] в рамках программы «Комплексное развитие сельских территорий»[112].

Есть опыт и комплексного подхода к типологии муниципальных образований России с учетом их населенности и специализации (Ромашина, 2019), хотя при использовании данного подхода на территорию всей страны слишком большая дробность результатов затрудняет понимание причинных связей.

Главной особенностью многих типологий на региональном и муниципальном уровне является то, что при использовании множества статистических показателей, они опираются на метод их ранжирования, в то время как типы территорий – это, прежде всего, определенное сочетание признаков разной размерности и разного качества.

---

[110] Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство сельского хозяйства РФ. М.: ФГБНУ Росинформагротех, 2015. 76 с.

[111] См.: Разработка методических рекомендаций по определению типологии сельских территорий Российской Федерации // Отчет о научно-исследовательской работе. ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 2020.

[112] Программа «Комплексного развития сельских территорий» утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696.

Развитие староосвоенных районов осложняется тем, что весомую роль в нем играют не только современные тенденции, но и историческое наследие в виде географических структур и эффектов, накопленных в течение предыдущих десятилетий и даже столетий. Многие советские средние и малые города создавались на базе одного-двух предприятий, без перспектив диверсификации городского развития[113], а колхозно-совхозная организация сельского хозяйства проходила без комплексного развития сельских территорий. Переход к рыночной экономике в постсоветское время стимулировал пространственную трансформацию производства, оставив многие монофункциональные населенные пункты без градо- и местообразующих предприятий. Сельское хозяйство активно модернизировалось и развивалось в тех районах, где возможна более высокая прибыль и есть повышенный спрос[114]. Это заметно повлияло на усиление пространственной поляризации не только сельского хозяйства, но и сельской местности, сформировав гораздо более контрастные типы сельских территорий, чем в советское время.

Мы стремились создать типологию староосвоенных районов, которая учитывала бы современное пространственное неравенство на меж- и внутрирегиональном уровнях, а также исторические траектории развития районов – их прошлую и настоящую экономическую специализацию, особенности расселения, демографические характеристики населения и географическое положение. Цель создания типологии – выявить характерные сочетания природно-социо-экономических характеристик районов и городов, которые, в свою очередь, отражают текущие и исторически сложившиеся преимущества и ограничения их развития.

Типология охватывала весь ареал староосвоенных районов Срединной России от западных границ до Урала и Южного Зауралья, включая как ключевые районы исследования, подробно описанные в книге, так и регионы эпизодического исследования (см. рис. 1 во Введении).

Для этой работы собрана статистическая база[115], основу которой составила информация из базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики (Росстата)[116]. С 2008 г. статистика в России представляется не в административном, а в муниципальном разрезе (Глезер, 2013). Главные сложности работы с ней: 1) подвижность муниципальных границ, в частности, в связи с волной укрупнения муниципальных образований и преобразования муниципальных районов в городские/муниципальные округа, что нарушает временные статистические ряды; 2) несопоставимость единиц учета, т.к. одновременно представлены городские округа, которые включают в себя либо только город, либо город и окружающие сельские территории; муниципальные районы вместе с административными центрами и без них; муниципальные округа – аналоги городских округов, в которых более трети населения – сельское.

---

[113] См. Главу 4.8. Три города – три судьбы.

[114] См. главы: 2.3. Старые и новые сельские тренды; 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства.

[115] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621439 «Староосвоенные районы Европейской России и Урала» / Нефедова Т.Г., Старикова А.В., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. Институт географии РАН, 2021.

[116] https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb3eKg/munst.htm.

Таблица 6.1.1. Характеристика выборки муниципальных образований по доле и численности сельского и городского населения (без учета Москвы и Санкт-Петербурга)

N	Выборка	Доля городского населения, %	Минимальная численность населения, тыс. чел.	Максимальная численность населения, тыс. чел.	Количество муниципальных образований	Совокупная численность населения, млн чел.	Совокупная площадь, тыс. км^2
1	Крупные и большие города	≥80	100,6	1477,7	83	29,49	61,2
2	Средние и малые города	≥80	1,9	99,7	156	6,9	131,7
3	Сельско-городские районы	≥33,33 и <80	4,1	342	530	18,3	1287,9
4	Сельские районы	<33,33	3,2	117,9	407	9,2	1052,5
Не учтены		–	–	–	14	–	–
Всего		–	–	–	1190	63,95	2536,5

Чтобы восстановить временные ряды, на этапе предобработки данных все показатели были ретроспективно пересчитаны в границах муниципальных образований на 1 января 2021 г. В итоговый набор данных, таким образом, вошла информация по 1190 территориальным единицам в 37 регионах Европейской России и Урала (табл. 6.1.1). Не учитывались закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), по которым отсутствуют статистические данные.

Для выделения типов районов были выбраны группы показателей, отражающих текущее социально-экономическое состояние территорий в пяти сферах:

– расселение (плотность населения за пределами административных центров, доля населенных пунктов без населения);

– социально-демографическая сфера (естественный и миграционный прирост населения);

– доходы и занятость (средняя месячная заработная плата, доля занятых в организациях);

– сельское хозяйство (доля посевных площадей в площади района, плотность поголовья скота в разных категориях хозяйств);

– инфраструктура (плотность автодорог, доля негазифицированных населенных пунктов).

В качестве факторов или предпосылок пространственной дифференциации районов анализировалось распределение: 1) природных условий жизни и деятельности населения, в первую очередь, количества тепла и влаги; 2) влияние городов на основании данных о степени удаленности муниципалитетов от региональных столиц и размеров административных центров. Таким образом, учитывались и зональные, и азональные характеристики районов.

На первом этапе работы была построена серия мелкомасштабных карт с охватом всей исследуемой территории – по индивидуальным показателям. Такие кар-

ты позволяют увидеть структуру географического пространства, то есть различия между муниципальными образованиями и регионами, которые часто имеют унаследованный характер и формируют характерные широтные и меридиональные градиенты. На втором этапе выявлялись типичные сочетания разных показателей в пределах одной группы. На третьем этапе анализировались связи между показателями социально-экономического состояния районов/городов и географическими предпосылками их развития. Нас интересовало, насколько сильно природные условия и центр-периферийные характеристики определяют траектории развития районов/городов, различается ли сила этого влияния от региона к региону и от района к району внутри регионов в зависимости от местных условий и особенностей.

Столь сложная, с одной стороны, и дробная, с другой, типология невозможна только на основе статистических показателей. Она требует глубокого понимания процессов, происходящих на разных территориях. Методика, применяемая в данной книге, опиралась, помимо статистики и литературных источников, на обширный полевой опыт авторов и подробное изучение рассмотренных в предыдущих главах ключевых регионов.

Глава 6.2. Основные факторы пространственной дифференциации

Даже на сравнительно небольшой анализируемой территории европейской части России и Урала можно наблюдать значительные различия в характере ***природных условий жизни и деятельности человека***. Исследуемые районы представляют собой преимущественно равнинные территории (кроме горного Урала) с выраженной широтной зональностью, охватывая основные природные зоны от тайги до степей (рис. 6.2.1). Общий северо-южный градиент нарушается в западной части переносом воздушных масс, сформировавшихся над Атлантикой, а на востоке – Уральскими горами.

Наложение широтного и меридионального градиентов создает характерный рисунок тепло- и влагообеспеченности (рис. 6.2.2). Сумма активных температур характеризует количество тепла, получаемого поверхностью в период вегетации культурных растений. Благоприятное сочетание тепла и увлажнения характерно лишь для Центрального Черноземья и южных окраин Брянской и Рязанской областей Центра России. К холодным районам с повышенным увлажнением можно отнести 38% площади рассматриваемой территории (0,97 млн км^2). Юго-восточные районы, в частности, в Предуралье и за Уралом испытывают дефицит влаги, но в целом в границах региона исследования нет особенно засушливых территорий, поэтому в дальнейшем при анализе природных предпосылок мы учитывали только температурные показатели, как наиболее важные для развития сельского хозяйства.

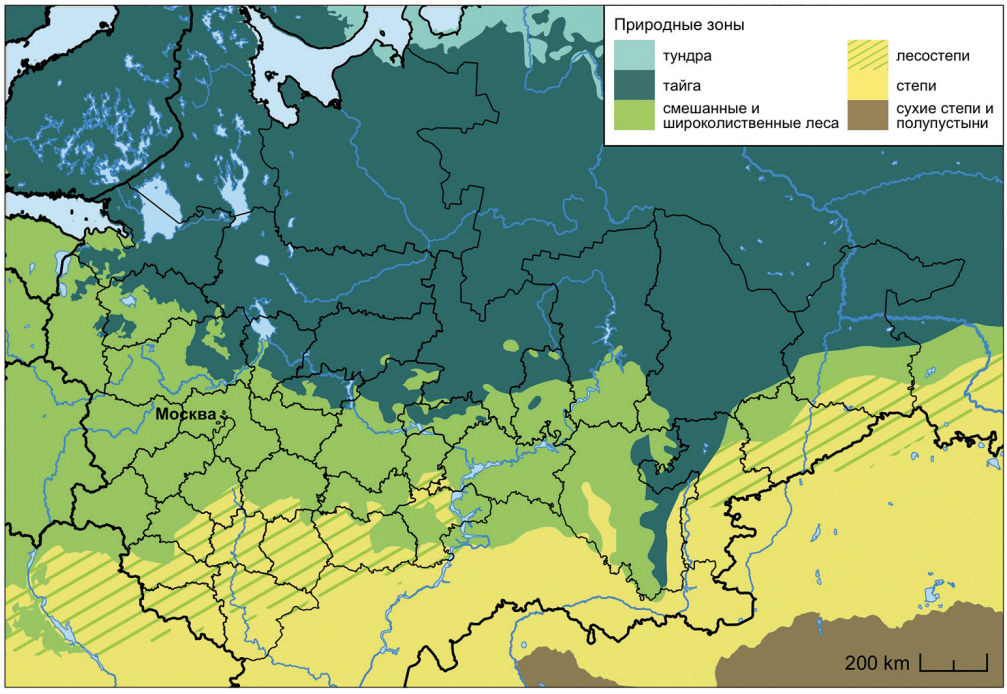

Рис. 6.2.1. Природное зонирование территории исследования. *Примечание*: границы природных зон показаны по (Olson et al., 2001).

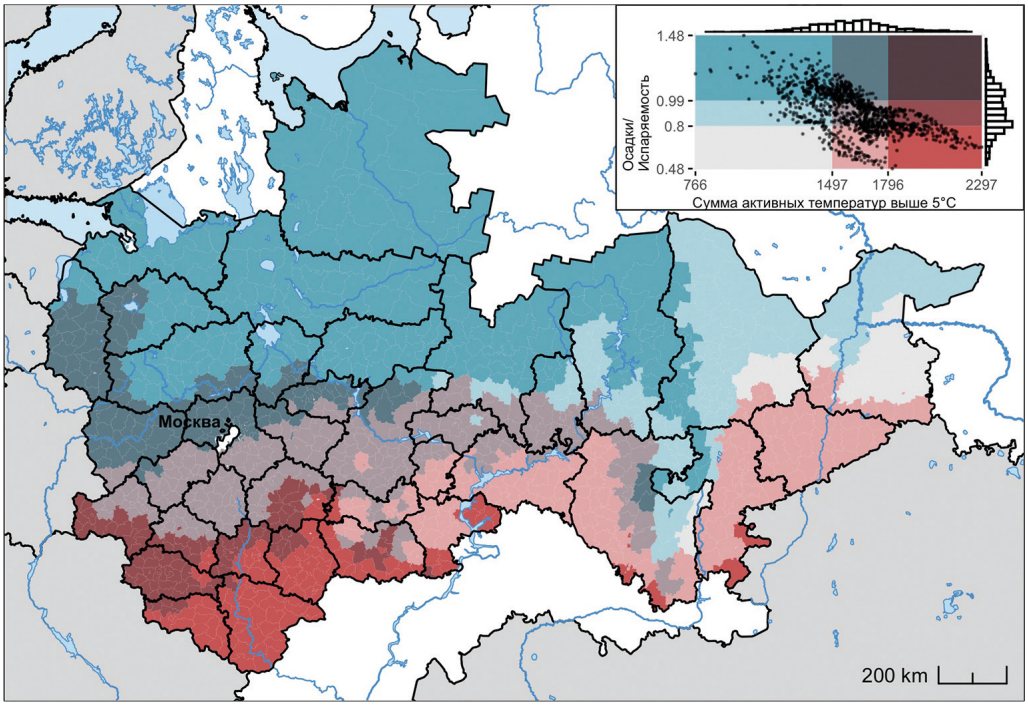

Рис. 6.2.2. Типы районов и округов по соотношению увлажнения (годовая сумма осадков / годовое потенциальное испарение) и суммы активных температур выше 5°C (среднее за 1979–2013 гг.). *Примечание*: границы между классами определены методом естественных интервалов (методом Дженкса). *Рассчитано* на основе (Karger et al., 2017).

Исторически природные факторы обуславливали степень сельскохозяйственного освоения территории, плотность сельского населения и другие особенности расселения[117]. Они также сыграли весомую роль в трансформации аграрного землепользования в постсоветский период[118] и во многом определяют современное состояние сельскохозяйственной отрасли.

Влияние городов на окружающие территории. Границы между регионами чаще всего проводятся по культурно-историческим областям и по зонам влияния крупных городов. В России, особенно в ее центральной части, на Урале и на юге Сибири исторически доминирует второй тип: города возникали как опорные пункты колонизации обширных территорий[119], а позднее роль крупнейших городов в развитии страны и ее отдельных регионов усилили преимущества административного статуса, концентрация промышленности в советский период и ускоренное развитие третичного сектора в постсоветское время. В итоге современные российские регионы – это чаще всего моноцентричные образования с одним крупным городом, который является не только административным центром, но и главным транспортным узлом, центром экономической жизни, образования и

[117] См. Главу 2.3. Старые и новые сельские тренды.
[118] См. Главу 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства.
[119] См. Главу 1.2. Пульс освоения: расширение и сжатие.

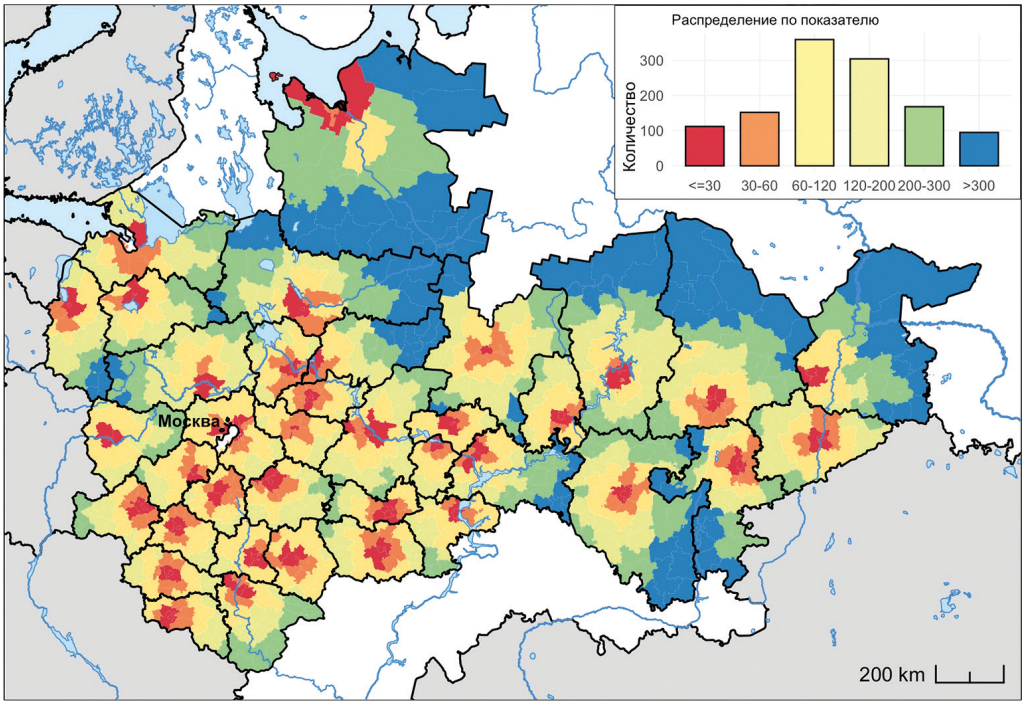

Рис. 6.2.3. Расстояние до регионального центра, км. *Рассчитано* как расстояние от административного центра района/округа по автомобильным дорогам по данным Яндекс.Карты.

культуры (Лаппо, 2019). На региональные столицы ориентированы основные внутренние миграционные потоки (Мкртчян, 2018), а степень экономической успешности окружающих районов во многом зависит от их близости к центру (Нефедова, 2003, с. 290–305, 2013, с. 166–180).

Районы в пределах 60 км от регионального центра можно обозначить как его ближние и дальние пригороды (рис. 6.2.3). Они испытывают существенное влияние главного города в виде повышенной плотности населения, густоты транспортной сети, инвестиций и возможности трудовых миграций. Наибольшую же территорию занимает полупериферия (от 60 до 120 км) и периферия, в том числе дальняя (более 200 км от центра).

Важную роль в формировании центр-периферийной структуры региона играют размер и эксцентриситет региональной столицы, то есть отклонение ее расположения от географического центра региона. В Центральной России с ее более плотным размещением крупных городов доля пригородов и полупериферии в площади регионов выше, а расстояние до самих удаленных от региональной столицы районов реже превышает 200 км (рис. 6.2.3) по сравнению с северными и более восточными регионами. При эксцентричном положении региональных столиц, в частности при сдвинутых друг к другу или к Москве центрах, формируется поле рассеянных центральных мест (Шупер, Эм, 2012), характерное, например, для стыка Ярославской, Костромской и Ивановской областей. При этом активная зона как бы растягивается за счет слияния пригородов, но значительно расширяется

периферия регионов[120]. Формируются «медвежьи углы»: стык Костромской, Вологодской, Кировской и Архангельской областей; север Пермской и Свердловской областей. При наличии, кроме регионального центра, другого, относительно удаленного большого города создается два полюса, хотя и неравноценных (Псков–Великие Луки, Вологда–Череповец и др.). На севере и востоке исследуемого ареала, где сеть крупных городов реже и также заметен эксцентриситет (например, приморский Архангельск или ориентированная в сторону Урала Тюмень), региональные окраины отстоят от центров на 300 км и более.

Главное в пригородах и отчасти в полупригородах – более активная экономическая среда, тесно связанная с самим городом. Однако следует оговориться, что такой утилитарный подход к выявлению пригородов и периферии неоднозначен. Размеры пригородов зависят от людности региональных центров: чем они крупнее, тем шире и мощнее пригородная зона. С другой стороны, центры часто перехватывают многие социальные функции пригородов и полупригородов, население предпочитает ездить в главный город, тем самым ослабляя города в пригородной зоне – проявляется эффект «агломерационной тени» (Burger et al., 2015). И все же, периферия часто характеризуется не только удаленностью, но и определенным набором признаков депопуляции и экономической деградации. Однако и здесь многое зависит от того, в каких природных условиях находятся те или иные периферийные районы, а также от их этнического состава (Нефедова, 2013а, с. 180–188). По мере концентрации населения в крупных городах и их пригородах, периферизация удаленных территорий усиливается.

Фактором, отчасти сглаживающими эффект удаленности от регионального центра, служит размер административных центров районов и округов, особенно если это города с населением свыше 100 тыс. жителей или их людность приближается к этому рубежу. Такие города формируют четко выраженную собственную пригородную зону. Важно и социально-экономическое состояние самого города. Расчеты в целом по России показывают, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия (Нефедова, Трейвиш, 2010; Гунько, Глезер, 2015). Кроме того, в сравнительно более выгодном положении оказываются районы и округа на периферии своих регионов, но примыкающие к Московской области, особенно по направлению основных транспортных путей, ведущих из Москвы: например, городской округ город Переславль-Залесский в Ярославской области или Жуковский и Боровский районы в Калужской.

Если попытаться совместить три фактора – размер административного центра, удаленность по отношению к региональной столице, а также близость к Москве и Московскому столичному региону (рис. 6.2.4) – доля периферии на исследуемой территории остается все равно очень велика – более 80%, а доля ее жителей почти достигает трети – 20,8 млн чел. (табл. 6.2.1).

В группу с наилучшими предпосылками мы включили крупнейшие (более 0,5 млн жителей) региональные столицы и их пригороды, а также округа и районы – соседи первого и второго порядка Москвы. Единственный город с числом жителей

[120] См. Главу 4.3. На северо-восток от столичного ядра.

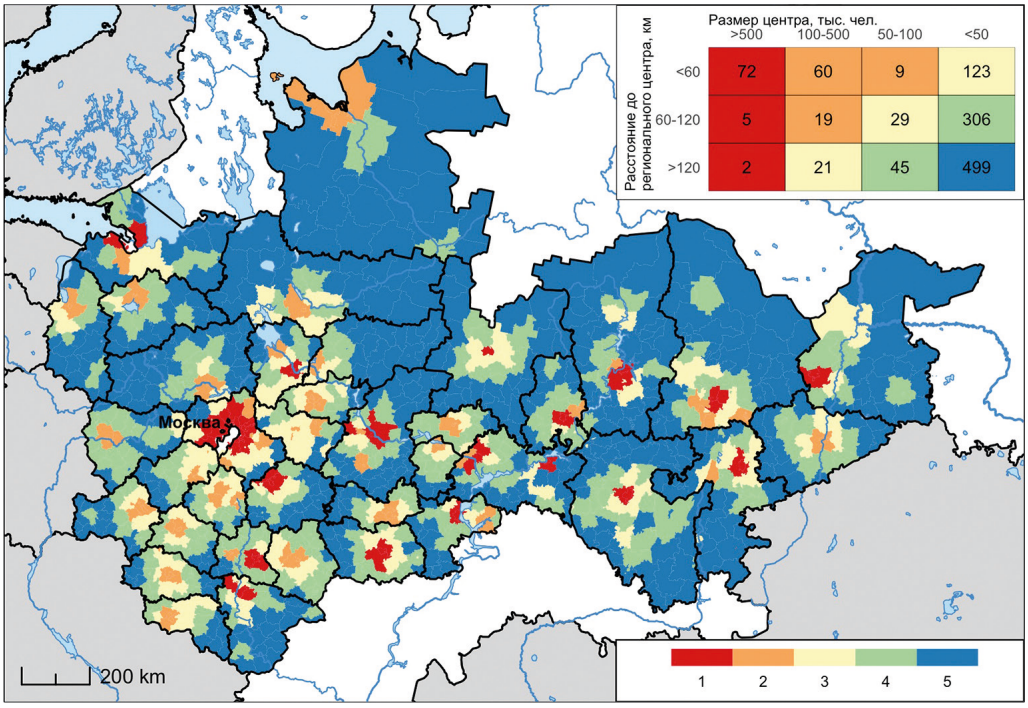

Рис. 6.2.4. Типы округов и районов по центр-периферийным предпосылкам развития с учетом размера центра, расстояния до региональной столицы и расстояния до Москвы и Московского столичного региона по шкале от 1 (лучшие) до 5 (худшие). *Примечание*: за размер центра бралась: для районов и округов в пределах 30 км от региональной столицы – размер столицы; для районов и округов первого и второго порядка вокруг Москвы – размер Москвы; в остальных случаях – размер административного центра.

свыше полумиллиона, который не является региональным центром, – Набережные Челны в Татарстане. Далее идут региональные центры менее 500 тыс. жителей и их ближние пригороды, а также крупные (от 100 до 500 тыс. жителей) города на удалении от региональных центров до 120 км. Среднюю оценку имеют районы во главе с большими городами на периферии регионов, например, Березники в Пермском крае или Тобольск в Тюменской области, средние и малые города на полупериферии и в дальней пригородной зоне соответственно. В четвертую группу попали районы и округа во главе со средними городами на периферии (Котласс в Архангельской области, Боровичи в Тверской области и др.) и с малыми городами на полупериферии. Наконец, пятую, самую многочисленную группу муниципальных образований характеризует удаленность от регионального центра свыше 120 км и отсутствие крупных и средних городов.

Россия, по замечанию А.И. Трейвиша (2003), представляет собой архипелаг немногих важных центров в океане городской и сельской периферии. Сравнительно редкая сеть больших городов даже в Центре России приводит к тому, что за пределами существенного влияния крупных городов здесь живут 3,7 млн чел. (21,1% населения) (табл. 6.2.1). На Урале периферийные районы занимают 85% площади, а доля их жителей в совокупной численности населе-

Таблица 6.2.1. Доля в территории, численность и доля в населении муниципальных образований в соответствии с центр-периферийными предпосылками развития

	1 (лучшие)	2	3	4	5 (худшие)
Доля в территории, %					
Весь макрорегион	2,8	4,5	10,5	22,8	59,4
Центр	5,1	7	17,7	27,7	42,4
Урал	2,1	2,4	10,5	17,4	67,6
Численность (млн чел.) и доля (%) в населении					
Весь макрорегион	20,7 (32,3)	12,5 (19,6)	10 (15,6)	10,2 (15,9)	10,6 (16,5)
Центр	6,1 (35,2)	4,6 (26,6)	3 (17,1)	2,1 (11,8)	1,6 (9,3)
Урал	3,9 (39,1)	1 (10,4)	1,7 (17,1)	1,4 (14,4)	1,9 (19,1)

ния составляет 33,5%, что близко к значению по всей исследуемой староосвоенной территории.

В географическом анализе важно учитывать не только размеры городов, но и их функциональную роль – доминирующие отрасли экономики и занятости, разнообразие функций и т.д., но поскольку данные официальной статистики не дают необходимой информации, мы рассматривали функциональные свойства городов только для ключевых регионов (Центр и Урал), в том числе на основе полевых материалов.

Сочетание природных и центр-периферийных предпосылок развития. Климатические условия заметно сглаживают негативные предпосылки периферийного положения в южных районах и, напротив, усиливают их на севере и востоке (рис. 6.2.5, табл. 6.2.2), формируя разные типы территорий по сочетанию этих предпосылок. В центрально-черноземных и в переходных к ним регионах Центра даже в удаленных от городов районах формируются относительно благоприятные условия для жизни и деятельности людей. Севернее Московской области недостаточная теплообеспеченность, в том числе для сельского хозяйства, переувлажненность, холодные длинные зимы лишь усиливают недостатки удаленного от больших городов (глубинного) положения районов, особенно если их возглавляют малые и средние города. В Поволжье (кроме республик) и на Урале из-за крупных размеров регионов и более редкой сети городов районы с благоприятным сочетанием природных и центр-периферийных предпосылок представлены только отдельными очагами и не формируют сплошных ареалов. Для крупнейших городов, их пригородов и районов вокруг Москвы значение температурного фактора минимально, поэтому они вынесены в отдельную 1 группу. Тем не менее, лишь в 11% муниципальных образований рассматриваемого ареала пригородное и полупригородное положение отчасти компенсирует недостатки природного окружения.

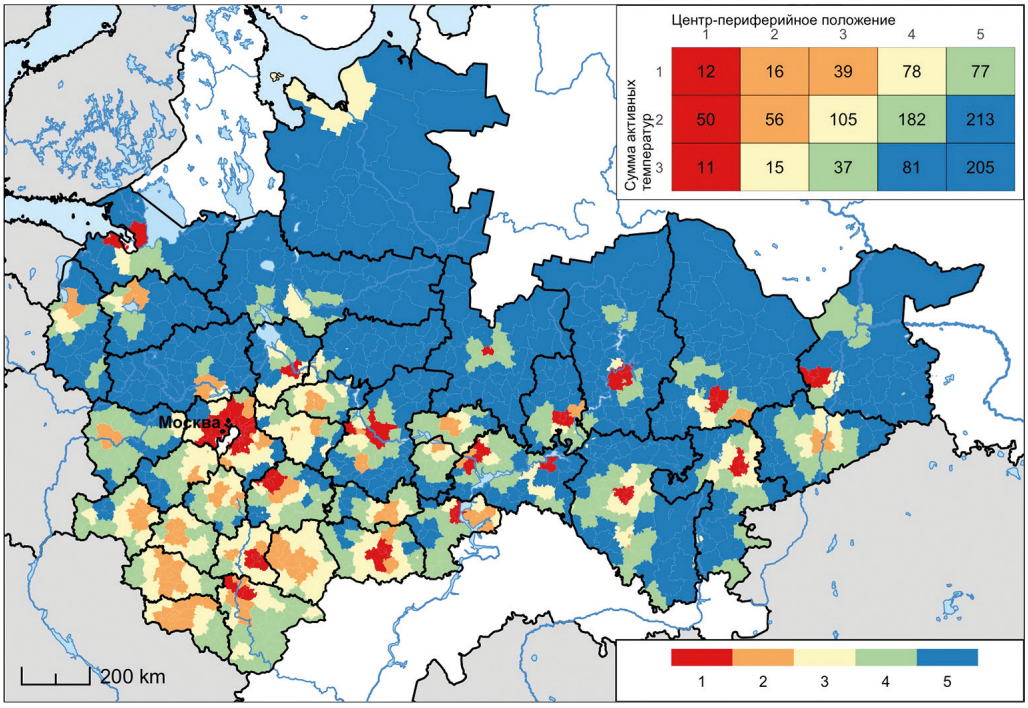

Рис. 6.2.5. Типы округов и районов по сочетанию центр-периферийных и природных предпосылок развития по шкале от 1 (лучшие) до 5 (худшие).

Таблица 6.2.2. Доля в территории, численность и доля в населении типов муниципальных образований с разным сочетанием центр-периферийных и природных предпосылок развития

	1 (лучшие)	2	3	4	5 (худшие)
Доля в территории, %					
Весь макрорегион	2,8	4,6	10,8	18,3	63,5
Центр	5,1	7	17,2	21,9	48,8
Урал	2,1	1,2	5,5	15,7	75,5
Численность (млн чел.) и доля (%) в населении					
Весь макрорегион	20,7 (32,3)	12,4 (19,4)	9,6 (15,1)	9,8 (15,4)	11,3 (17,6)
Центр	6,1 (35,2)	4,4 (25,2)	3,2 (18,4)	1,8 (10,1)	1,9 (10,7)
Урал	3,9 (39,1)	0,6 (5,9)	1,3 (12,5)	1,6 (16,2)	2,6 (26,2)

Глава 6.3. Диагностика социально-экономического состояния городов и районов

Расселение

Плотность населения за пределами административных центров показывает накопленный результат совокупного влияния природных условий и городов, формируя перепады в заселенности территории в 5–10 и более раз и во многом определяя качество человеческого потенциала, с которым тесно связано социально-экономическое развитие территорий. Плотность населения выше 5 чел./км^2 маркирует районы основной полосы расселения от границы на западе до предгорий Урала на востоке (рис. 6.3.1), однако уже заметно поредевшей до отдельных лучей и очагов на севере и западе от Москвы под влиянием естественной убыли населения и долговременных миграций в крупные города. Особенно заметен спад плотности населения на стыке областей – Смоленской и Калужской, Тверской и Смоленской, Тверской и Ярославской и пр., в отдельных районах на периферии Рязанской, Нижегородской, Пензенской областей и в Мордовии, что отражает негативное влияние периферийного положения внутри регионов. Наиболее благополучная ситуация характерна для Центрального Черноземья и национальных республик от Волги до Урала: в первом случае сказываются благополучные условия

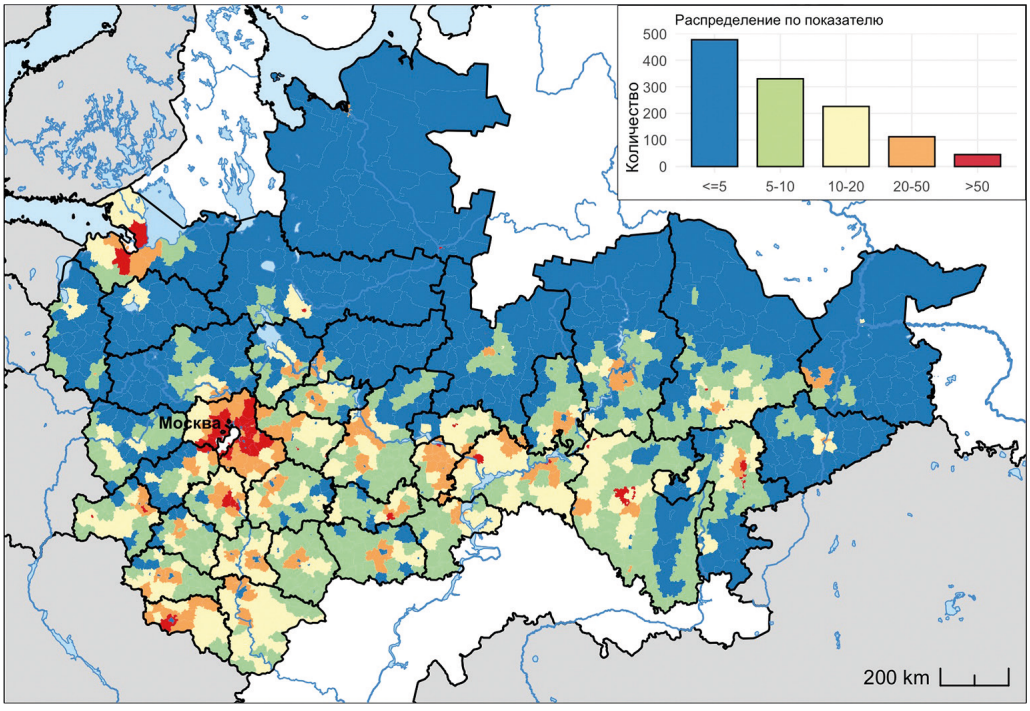

Рис. 6.3.1. Плотность населения за пределами административного центра, 2021 г., чел./км^2.
Рассчитано на основе набора данных «Населенные пункты России: численность населения и географические координаты» (http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/).

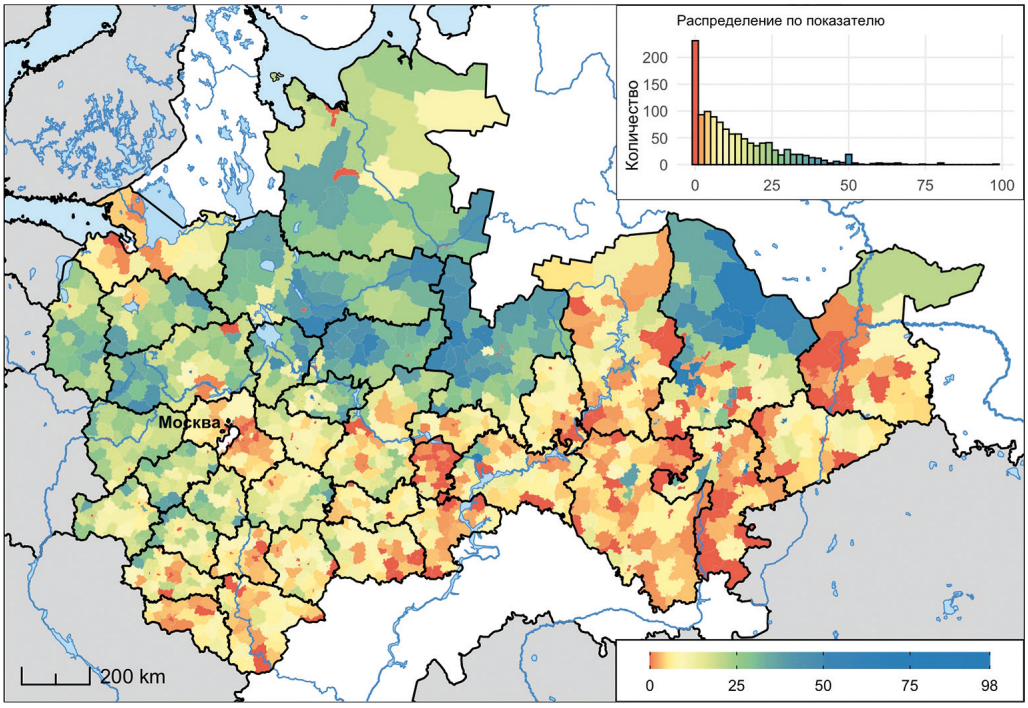

Рис. 6.3.2. Доля населенных пунктов без населения, 2021 г., %. *Рассчитано* на основе набора данных «Населенные пункты России: численность населения и географические координаты» (http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/).

для развития сельского хозяйства, во втором – более высокие темпы естественного прироста населения (см. ниже). На Урале ареалы более плотного расселения сформированы в районах горнозаводского освоения, а также по долинам Тобола и его притоков. При сравнении с более освоенной центральной европейской частью следует учесть, что для сельскохозяйственных районов в Зауралье, как и в северных районах Европейской России, исторически не было характерно столь же плотное сельское расселение и заметнее проявлялась приуроченность населенных пунктов к рекам и сухопутным трактам.

Результаты вековой депопуляции сельской местности, наложенные на особенности расселения, отражены на карте (рис. 6.3.2), где показана доля населенных пунктов без постоянного населения. Территории севернее Московской области с исторически доминировавшим мелкоселенным расселением испытали наибольший обвал сети населенных пунктов, так что во многих районах до 50% населенных пунктов не имеет постоянных жителей, а в отдельных районах – до 75%. На крупноселенном юге, включая юг Урала, сеть населенных пунктов пострадала значительно меньше.

Социально-демографическое состояние

Из двух компонентов динамики численности населения – естественного и миграционного прироста – показатели естественного прироста более стабильны и

во многом отражают исторические особенности территории: особенности расселения, время прохождения демографического перехода, региональные различия в степени урбанизированности, особенности половозрастной структуры населения, в том числе связанные с долговременными эффектами миграций прошлых лет.

По показателю ***естественного прироста*** староосвоенные районы Европейской России и Урала можно разделить на два макротипа (рис. 6.3.3): 1) условный Запад, включающий в себя регионы Центра, Черноземья и Северо-Запада, которые, за исключением ближайших к Москве районов, преимущественно теряют население; 2) условный Восток, который составляют национальные республики Поволжья и регионы Урала, где потери в результате превышения смертности над рождаемостью не так сильны, а на отдельных территориях наблюдается естественный прирост. Отчасти это связано с более крупными сельскими населенными пунктами и с повышенной долей молодежи, в том числе и в сельской местности. Особенно это касается республик, где сельские сообщества при более поздней урбанизации еще не разрушены до такой степени, как в русских обезлюдевших селах (Нефедова, 2013а, с. 186). Кроме того, внутри каждого региона выделяются более «теплые» пятна, ассоциированные со столицами и их пригородами, где больше пришлого молодого населения. Разница лишь в том, что на Западе центры лишь теряют меньше, а на Востоке – растут. Среди городов максимальный естественный прирост наблюдается в Тюмени, Набережных Челнах, Казани, Чебоксарах, Уфе и других, а также в их пригородах.

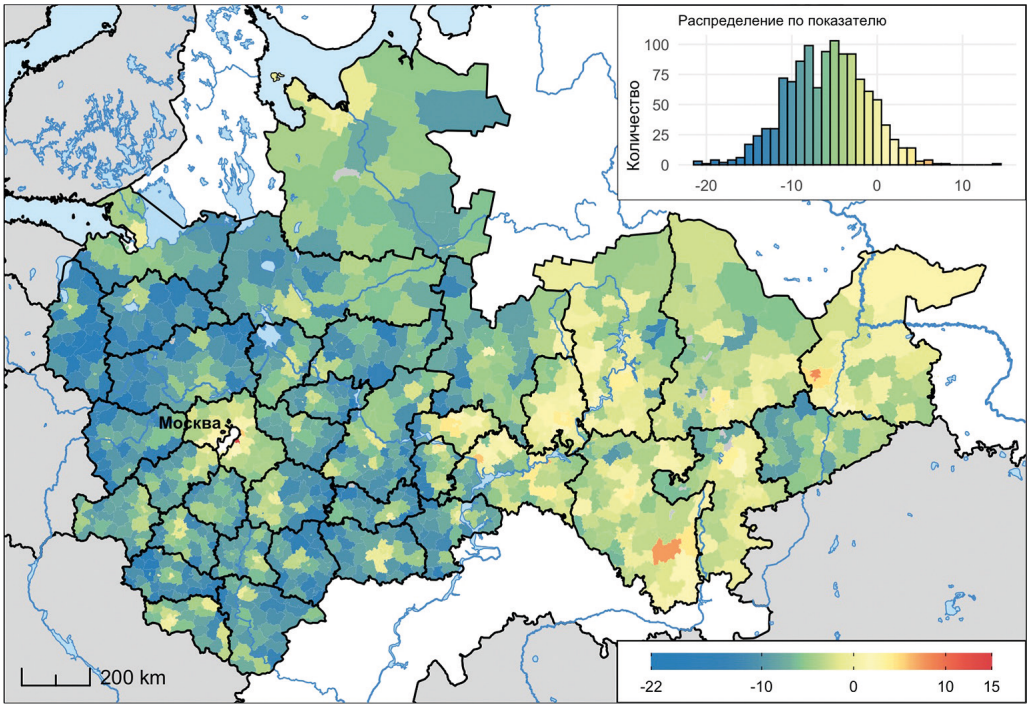

Рис. 6.3.3. Коэффициент естественного прироста, среднее за 2015–2017 гг., промилле.

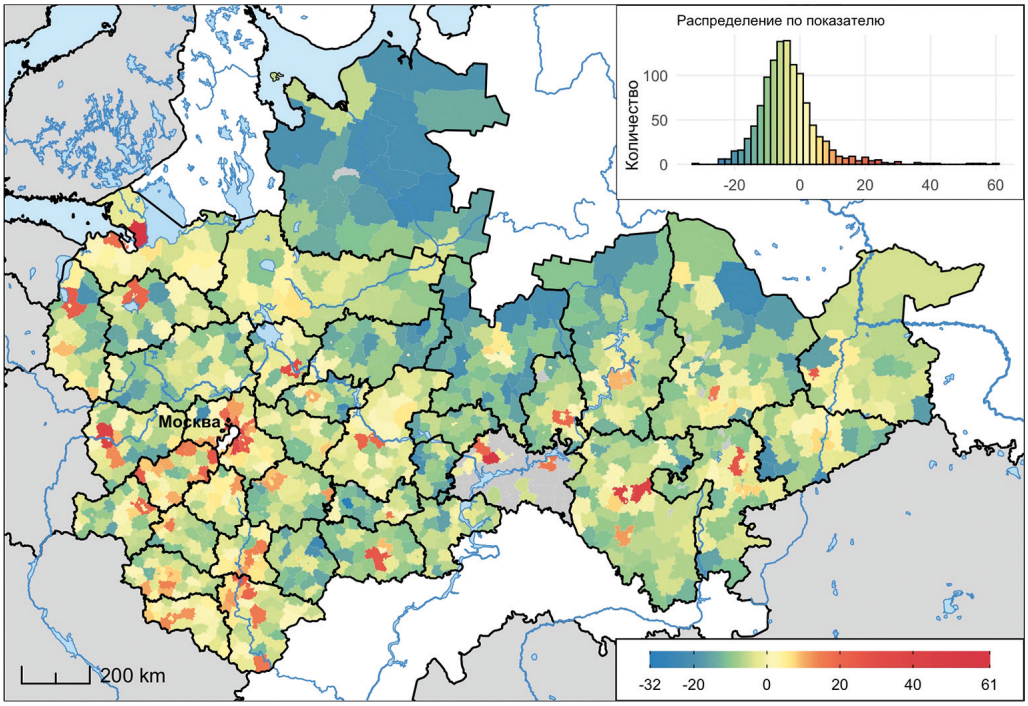

Рис. 6.3.4. Коэффициент миграционного прироста, среднее за 2015–2017 гг., промилле.

Миграции населения более чутко реагируют на изменение текущего социально-экономического контекста, и в целом для показателя ***миграционного прироста*** характерна более сильная по сравнению с естественным приростом волатильность. В отличие от естественного прироста, в миграционном приросте наиболее весомую роль играют внутрирегиональные различия (рис. 6.3.4). Наиболее привлекательны для мигрантов региональные центры и их пригороды, при этом в некоторых районах Центра и Черноземья миграционный прирост перекрывает негативные эффекты естественной убыли населения. Региональные столицы чаще притягивают молодежь, прежде всего с периферии, а пригороды – как население трудоспособного возраста из более удаленных районов, в том числе благодаря оседанию в них трудовых мигрантов, так и пожилых частично за счет дезурбанизации. Но в целом можно говорить о продолжающемся центростремительном тренде миграций (Мкртчян, 2018).

По сочетанию естественного и миграционного прироста (рис. 6.3.5) наибольшая внутрирегиональная дифференциация характерна для западной половины рассматриваемого региона. Здесь в пригородах и на периферии регионов формируются совершенно разные типы по сочетанию этих показателей. Самая сложная ситуация в периферийных районах на северо-западе между Москвой и Санкт-Петербургом (Тверская, Новгородская, Псковская области), на северо-востоке от Москвы (в Ивановской, Костромской и Кировской областях), а также в Тамбовской области и Мордовии. Здесь ежегодные потери в численности населения в результате совокупного влияния естественной убыли и миграционного отто-

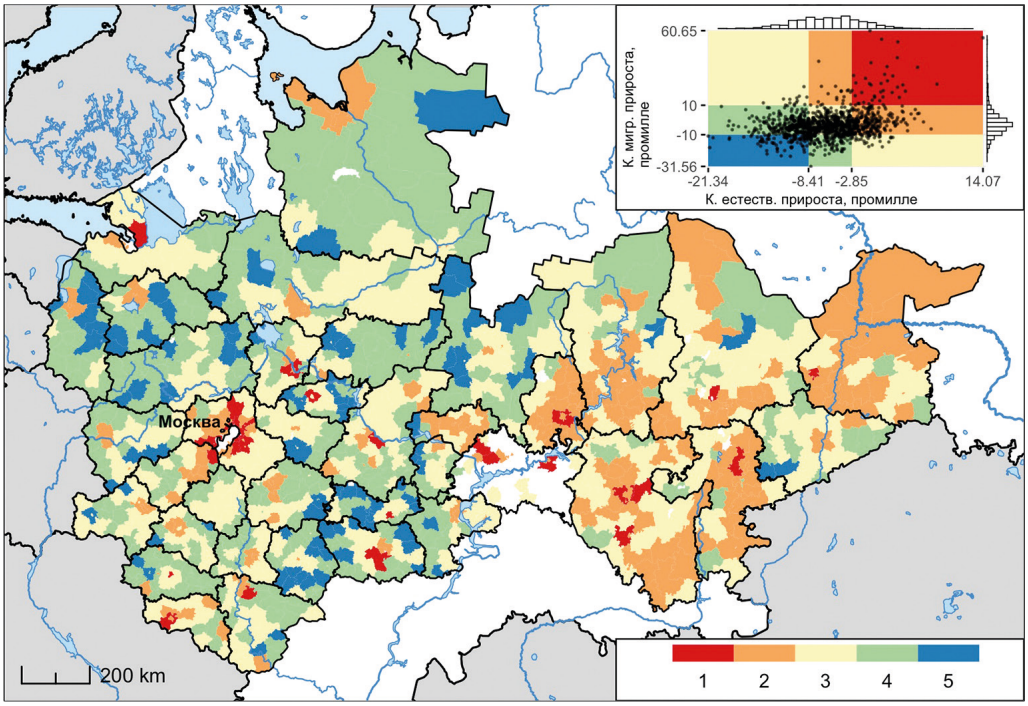

Рис. 6.3.5. Типы районов и округов по сочетанию естественного и миграционного прироста по шкале от 1 (лучшие) до 5 (худшие), среднее за 2015–2017 гг., промилле. *Примечание*: границы между классами для естественного прироста выделены методом естественных интервалов (методом Дженкса), для миграционного прироста в силу волатильности значений выделен средний класс колебаний около 0 от –10 до +10 на 1000 жителей.

ка превышают 18 чел. на 1000 жителей. Наилучшие показатели характерны лишь для ближайших пригородов Москвы и некоторых крупных городов. Восточнее Казани преобладают оценки средние или выше средних. Здесь сочетание естественного и миграционного прироста типично практически для всех региональных столиц, их пригородов и даже некоторых сельских территорий с повышенной долей нерусского населения.

Доходы и занятость

Набор показателей развития экономики лимитируется ограниченным набором данных Росстата по муниципальным образованиям (особенно по промышленности) и их неполным охватом территории. Для типологии были выбраны два доступных показателя: отношение среднесписочной численности работников организаций к численности населения в трудоспособном возрасте, говорящий о наличии рабочих мест и тем самым косвенно об активности экономики (рис. 6.3.6), и среднемесячная зарплата работников организаций (рис. 6.3.7). В южных регионах пониженная занятость в организациях отчасти компенсируется большей активностью населения в малом и среднем бизнесе, в том числе сельскохозяйственном, что слабо улавливается статистикой. А оплата труда по официальным

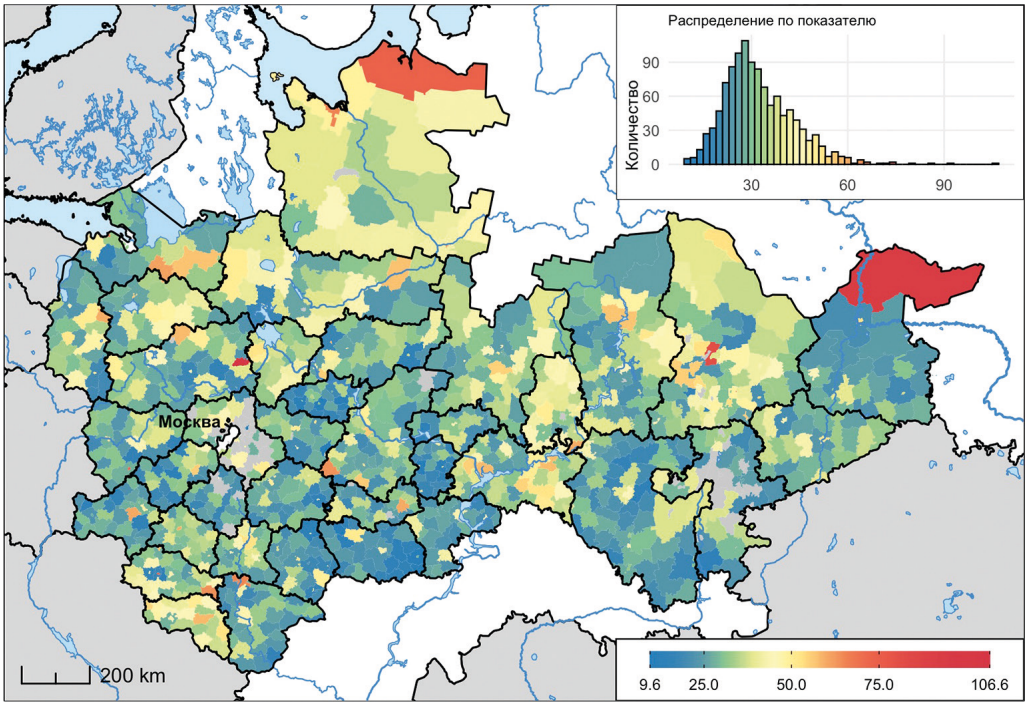

Рис. 6.3.6. Отношение среднесписочной численности работников организаций к численности населения в трудоспособном возрасте, 2017 г., %.

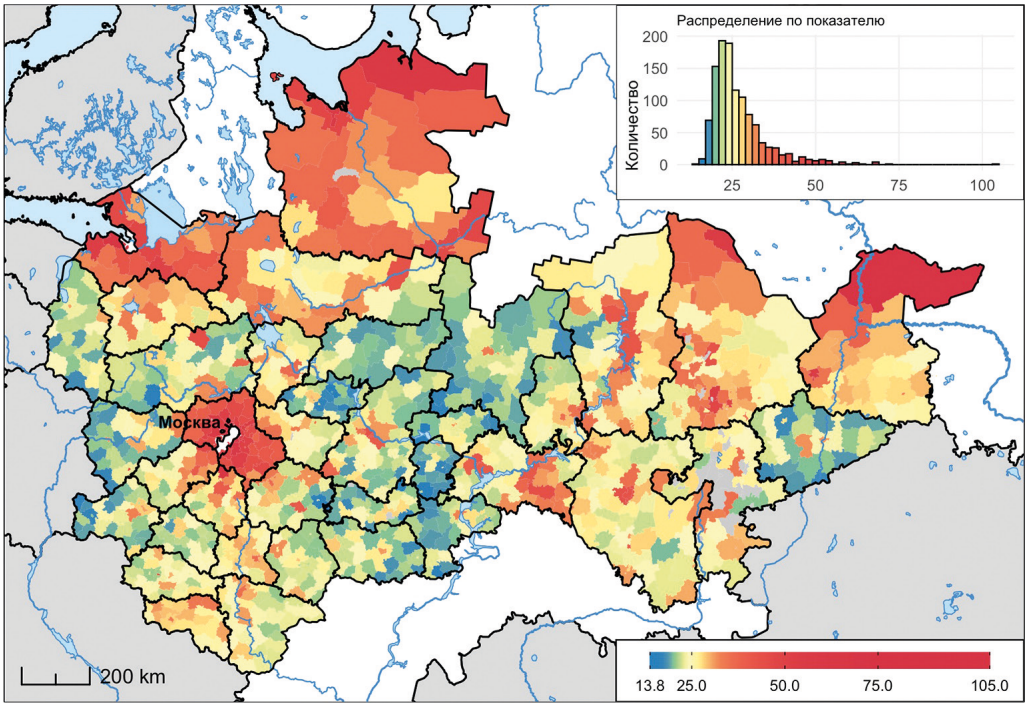

Рис. 6.3.7. Среднемесячная заработная плата работников организаций, 2017 г., тыс. руб.

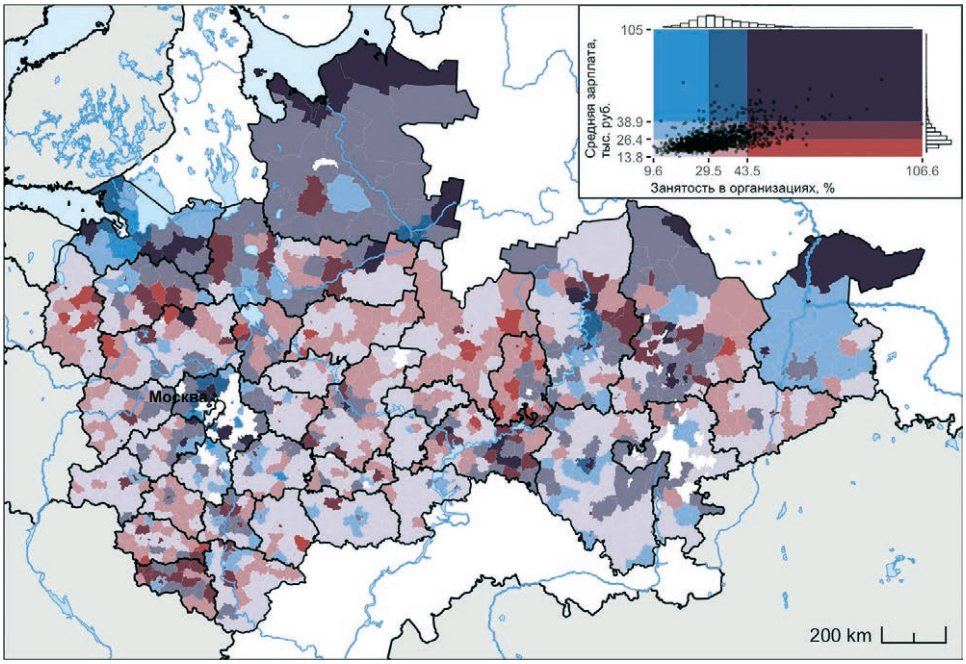

Рис. 6.3.8. Типы районов и округов по сочетанию отношения занятых в организациях к численности населения в трудоспособном возрасте (2017 г., %) и средней заработной платы работников организаций (2017 г., тыс. руб.). *Примечание*: границы между классами проведены методом естественных интервалов (методом Дженкса).

данным значительно выше в Московской и Ленинградской областях и на территориях, к ним примыкающих, в Татарстане, некоторых районах Башкирии, в Тюменской области. Она также повышена в региональных центрах и их пригородах.

По ***сочетанию показателей*** занятости в организациях и среднемесячной заработной платы (рис. 6.3.8) четко выявляется тип северных и уральских горнопромышленных регионов[121] с более благоприятным сочетанием обоих показателей, где базируются крупные бизнес-корпорации, а также Белгородская область с ее металлургией и нефтяные восточные районы Татарстана. Совсем иной тип – крупнейшие центры и их пригороды с диверсифицированной экономикой и развитой третичной сферой: Московская область, некоторые районы Ленинградской области, пригороды Екатеринбурга и Тюмени. Для огромной территории, в основном сельских районов с малыми и средними городами (что отражают и графики на рис. 6.3.8) характерно сочетание низкой (до 30%) занятости трудоспособного населения с низкой (до 26 тыс. руб.) оплатой труда, что и стимулирует население к отъезду в крупные центры или ближе к ним. Из общей картины выбивается Тюменская область, где в большинстве сельских районов сохраняется средний уровень заработной платы, хотя и при низкой занятости. В целом в исследуемом ареале повторяется картина, характерная для всей России, где экономику «вытягивают» добывающие отрасли и крупные центры (Вызовы …, 2020).

[121] См главы: 5.2. Северный Урал: поиск новой ниши; 5.3. Среднеуральский меридиан от Нижнего Тагила до Челябинска.

Сельское хозяйство

Специфика современного сельского хозяйства в староосвоенных регионах в результате рыночной трансформации в России весьма подробно рассматривалась в предыдущих главах[122]. Карта (рис. 6.3.9) наглядно отражает сдвиг землепользования в районы с более благоприятными природными условиями и формирование двух макротипов сельскохозяйственных районов: 1) района мелкоконтурного земледелия в Нечерноземье, очаги которого все больше сжимаются при наступлении лесов, и 2) района крупноплощадного земледелия в черноземных и субчерноземных регионах.

Неоднократно подчеркивалась и многоукладность современного российского сельского хозяйства, в котором одновременно действуют крупные индустриальные холдинги, сельскохозяйственные организации – наследники бывших колхозов и совхозов, фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства населения. Эта особенность находит отражение и в статистике Росстата, сохраняющей разделение основных показателей между хозяйствами разной формы. Между тем, лишь в немногих регионах и районах действительно можно наблюдать развитую многоукладную аграрную экономику. Как правило, разные формы организации производства (уклады) разнесены в пространстве – и в масштабе всей староосвоенной территории Европейской России и Урала, и даже внутри регионов, формируя разные типы институциональной и пространственной организации сельских территорий. Эта особенность заметно проявляется на примере плотности поголовья крупного рогатого скота (рис. 6.3.10). Так, крупнейшие по поголовью КРС организации расположены в центральных и черноземных регионах, где к югу от Москвы они сочетаются с фермерскими хозяйствами. Это тип сельских территорий с преобладанием производства крупными модернизированными животноводческими предприятиями, но со сравнительно слабым развитием мелких хозяйств населения, особенно в нечерноземных регионах, в том числе из-за сильного истощения человеческого капитала в сельской местности.

Из ста крупнейших в России птицеводческих и свиноводческих хозяйств 72 находится на исследуемой территории (рис. 6.3.11). Они формируют треугольник, обращенный острым углом к Москве и с широким основанием в южных районах. Особенно выделяется кластер в Белгородской области. На Урале крупный животноводческий кластер расположен в Челябинской области.

В более засушливых районах от Воронежской области до Ульяновской характерен ярко выраженный симбиоз коллективного и личного подсобного хозяйства (см. рис 6.3.10), при котором частный скот становится важным средством выживания населения, но только при условии помощи коллективных предприятий или фермеров с кормами (Нефедова, 2013а, с. 128–148). Самая высокая плотность скота в хозяйствах населения наблюдается в более восточных регионах исследуемого ареала, особенно в республиках, которые лучше сохранили человеческий капитал в сельской местности (см. рис. 6.3.5) и сельские традиции.

Особняком стоят некоторые республики, в которых успешно сочетаются разные, даже полярные, уклады, прежде всего, Татарстан. Здесь была сделана ставка

[122] См. главы: 2.3. Старые и новые сельские тренды; 3.2. Контрасты сельского расселения и хозяйства.

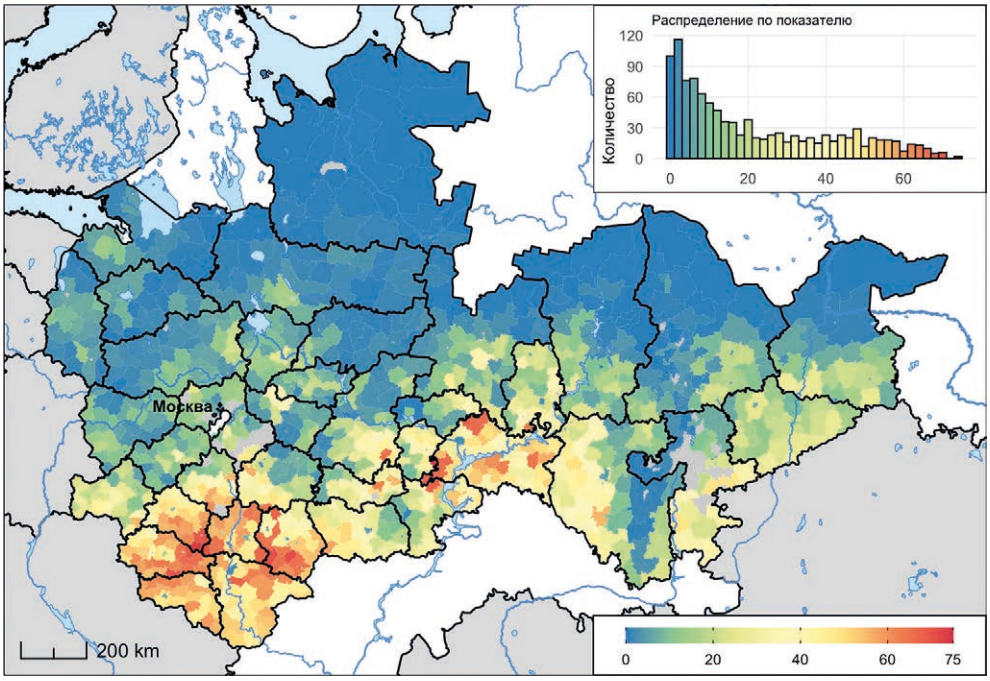

Рис. 6.3.9. Доля посевных площадей в площади района/округа, 2017 г., %.

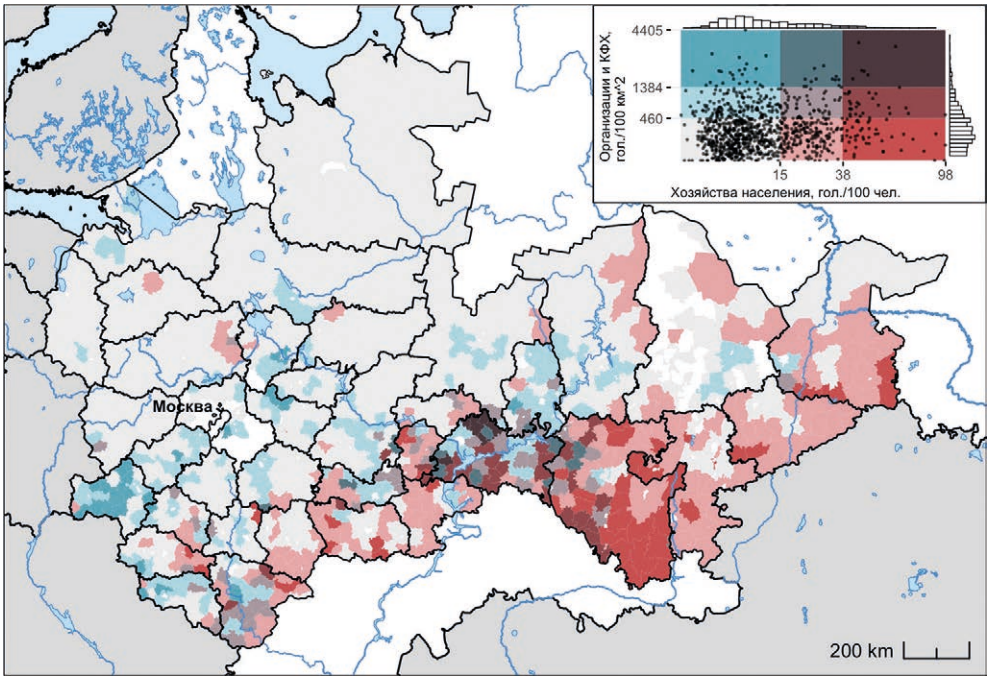

Рис. 6.3.10. Типы районов и округов по соотношению плотности поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения (голов/100 чел. сельского населения) и в сельскохозяйственных организациях/фермерских хозяйствах (голов/100 км^2). *Примечание*: границы между классами проведены методом естественных интервалов (методом Дженкса); шкалы на графике трансформированы.

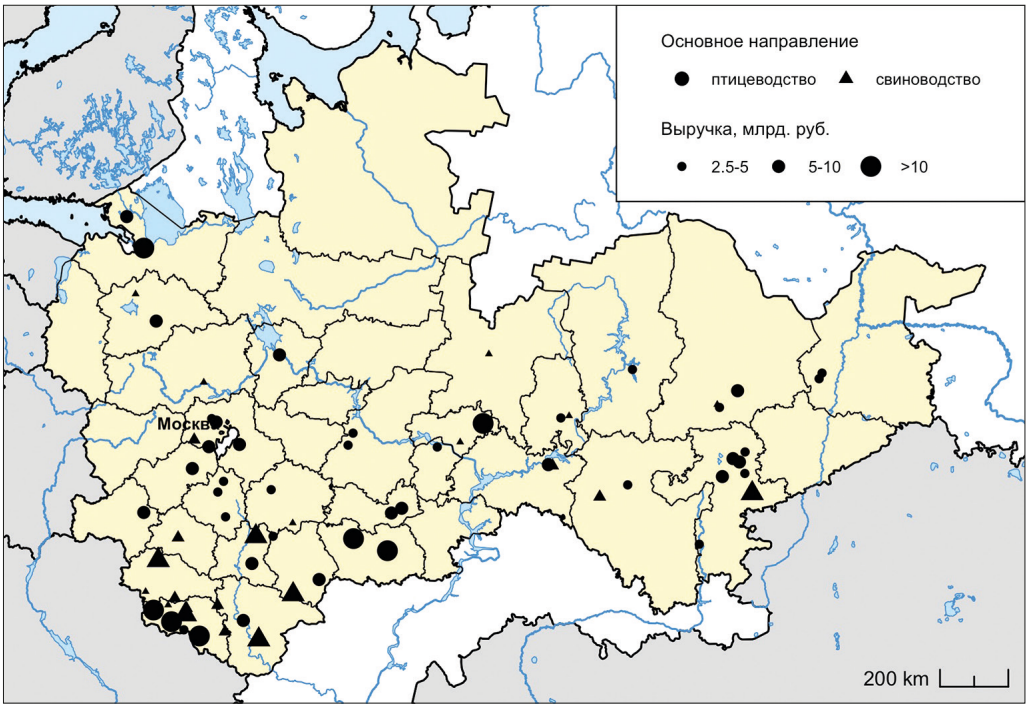

Рис. 6.3.11. Крупнейшие птицеводческие и свиноводческие хозяйства по объемам годовой выручки, среднее за 2017–2018 гг. *Примечание*: в выборку вошли предприятия с основным видом деятельности по ОКВЭД: 01.46 – разведение свиней; 01.47 – разведение сельскохозяйственной птицы. *Составлено* на основе данных Росстата по финансовой отчетности предприятий и организаций за 2018 г. (https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-7708234640bdboo2018).

на крупные агрохолдинги (Нефедова, 2013б), однако районы с повышенной долей коренного нерусского населения характеризуются также повышенным поголовьем скота в личных подсобных хозяйствах (см. рис. 6.3.10).

Развитие инфраструктуры

Наиболее комплексным показателем инфраструктурного обустройства территории служит плотность автодорог, дающая общее представление об освоенности территории и тесно связанная с расселением (рис. 6.3.12). Поляризация пространства по этому показателю с учетом разных типов дорог даже в центре России велика и достигает 10 и более раз. Если учесть, что за пределы зоны удаленности в 5 км от дороги с твердым покрытием трудно добираться пешком или по грунтовому бездорожью, то за пределами Московской области и пригородов областных центров малодоступность стала существенным ограничителем, тормозящим развитие районов.

Если распределение плотности дорожной сети сдвинуто в сторону низких значений, то уровень газификации населенных пунктов наиболее поляризован (рис. 6.3.13). Повышенный уровень газификации характерен для центрально-чер-

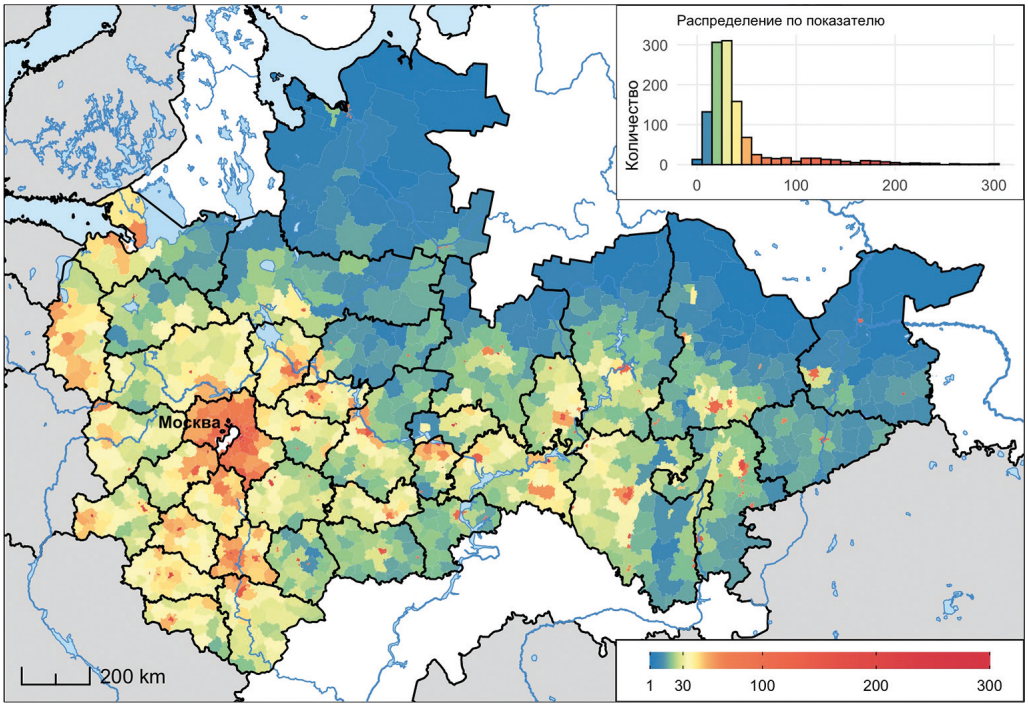

Рис. 6.3.12. Плотность автодорог, 2021 г., км/10 км^2. *Рассчитано* на основе данных OpenStreetMap (учтены дороги классов: trunk, primary, secondary, tertiary, unclassified; полевые дороги исключены; не учитывалось качество покрытия).

ноземных регионов, особенно для Белгородской области, а также Татарстана, Башкортостана и Чувашии. Добиться таких результатов другим руководителям регионов не удалось несмотря на то, что через них идут газопроводы, снабжающие Европу российским газом. Даже на периферии Московской области уровень газификации понижен, не говоря уже о регионах, расположенных к северу от нее, где не газифицировано более 75% населенных пунктов. При этом подведение «трубы» к поселению вовсе не означает газификацию всех жилых помещений из-за дороговизны подключения к домам, неподъемной для бедного населения. Исследование регионов Нечерноземья показывает, что даже если «труба» подведена к селу, реально обеспечены газом от 10 до 25% жилых или дачных домов.

Распределение районов и округов по сочетанию инфраструктурных показателей (рис. 6.3.14) похоже на распределение по плотности населения (см. рис. 6.3.1), но есть несколько характерных различий, указывающих на то, как не совпадают уровни инфраструктурной насыщенности с современной и исторической освоенностью некоторых территорий. Например, исторически унаследованная плотная дорожная сеть на северо-западе, особенно в Псковской области, контрастирует с низкой в результате депопуляции населения его плотностью (менее 5 чел./км^2). Наоборот, более плотно населенные пригородные районы в соседней Ленинградской области характеризуются относительно невысокой инфраструктурной насыщенностью.

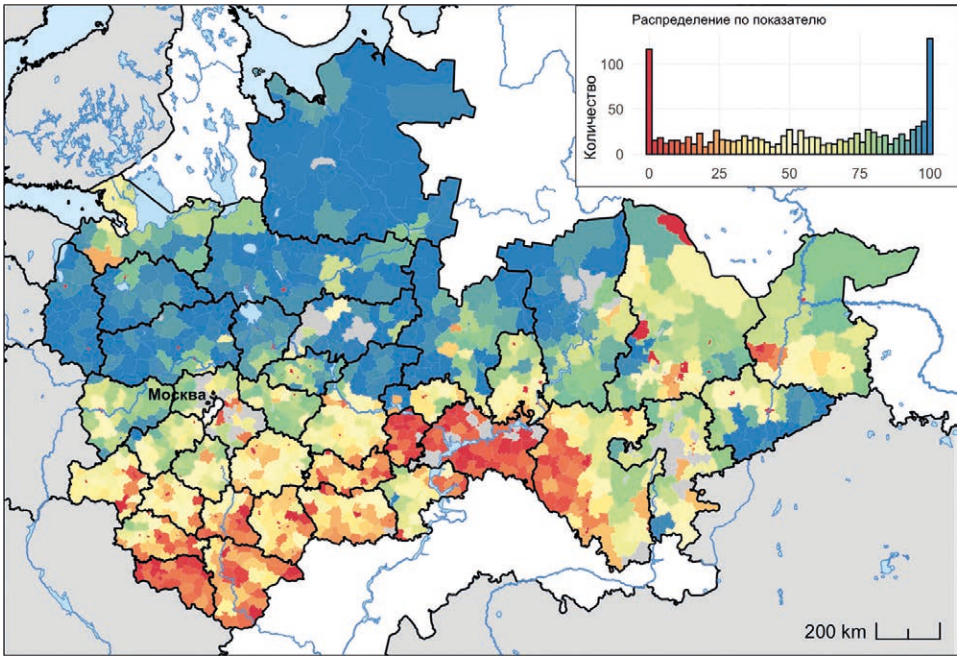

Рис. 6.3.13. Доля негазифицированных населенных пунктов, 2017 г., %. *Рассчитано* на основе данных Росстата, набора данных «Населенные пункты России: численность населения и географические координаты» (http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/) и карты газификации РФ (https://gazprommap.ru).

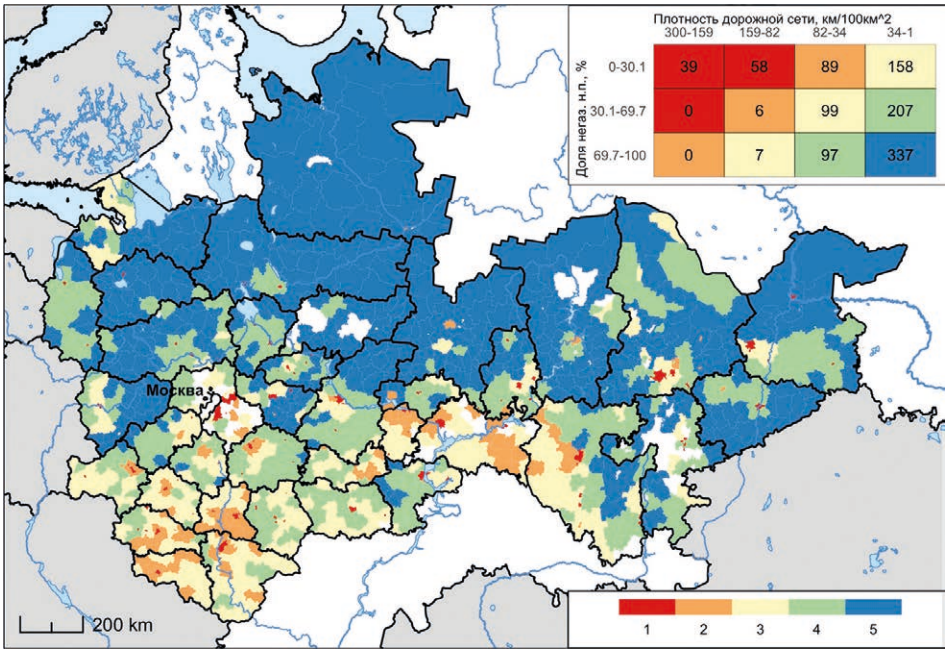

Рис. 6.3.14. Типы районов и округов по сочетанию инфраструктурных показателей: плотности дорожной сети и доли негазифицированных населенных пунктов. *Примечание*: границы между классами проведены методом естественных интервалов (методом Дженкса).

Глава 6.4. Все ли объясняют природные и центр-периферийные различия?

При анализе связей между предпосылками развития и показателями современного состояния территорий следует учитывать два ограничения. Во-первых, во многих случаях мы имеем дело с накопленными эффектами, усиливающимися под воздействием положительных обратных связей – кумулятивной каузацией (Myrdal, 1957). Например, крупный населенный пункт стягивает население с окружающих территорий, тем самым он становится еще крупнее и усиливает стимулы для миграции извне. В свою очередь в районах исхода снижается численность и качество рабочей силы, что подрывает местное производство и способствует перемещению экономической активности в более населенные места. Среди мигрантов, как правило, высока доля молодых людей (Мкртчян, 2013; Kashnitsky, 2020); долговременный миграционный отток деформирует половозрастную структуру населения: в регионах оттока растет доля жителей в старших возрастных группах, в районах притока – доля более молодого населения, что в свою очередь влияет на темпы естественного прироста. Ни один из российских регионов, терявших в последние десятилетия существования СССР население, не смог переломить отрицательную тенденцию и после распада страны (Бородина, 2017). Напротив, те регионы, которые сегодня демонстрируют рост населения, показывали его и в советский период.

Второе ограничение – межрегиональные различия, которые делают прямые сопоставления азональных показателей некорректными. Например, центр-периферийные градиенты развития могут быть одинаково характерны для Смоленской и Белгородской областей, но периферийные районы в Белгородской области в силу местных институциональных или природных особенностей все равно могут показывать лучшие показатели в сельском хозяйстве или демографической ситуации, чем пригородные районы в Смоленской. Для таких межрегиональных сравнений необходимо либо проводить агрегацию данных по сравниваемым группам, либо каким-то образом учитывать («контролировать») межрегиональные различия.

Влияние зональных природных условий наиболее очевидно для развития сельского хозяйства (рис. 6.4.1). Причем для растениеводства оптимум суммы активных температур находится в районе 2000°С, после чего наблюдается небольшое снижение доли посевных площадей из-за нарастающей засушливости климата. В животноводстве зависимость от климатических условий выражена слабее, вмешиваются азональные факторы, в том числе спрос на продукцию (рис. 6.4.2). Для агрохолдингов важнее расстояние до крупных центров и их транспортная доступность. Поэтому они располагаются и в более северных регионах, часто имея при этом подразделения на юге для выращивания кормов. Там, где сохранилось трудоспособное сельское население, роль личных подсобных хозяйств повышена, в том числе на периферии, что говорит о том, что во многих случаях это – вынужденная стратегия жизни на селе в условиях недоступности городского рынка труда.

На примере Центра видно, что показатели уровня заработной платы в организациях снижаются в окружающих Московский регион областях, как по мере

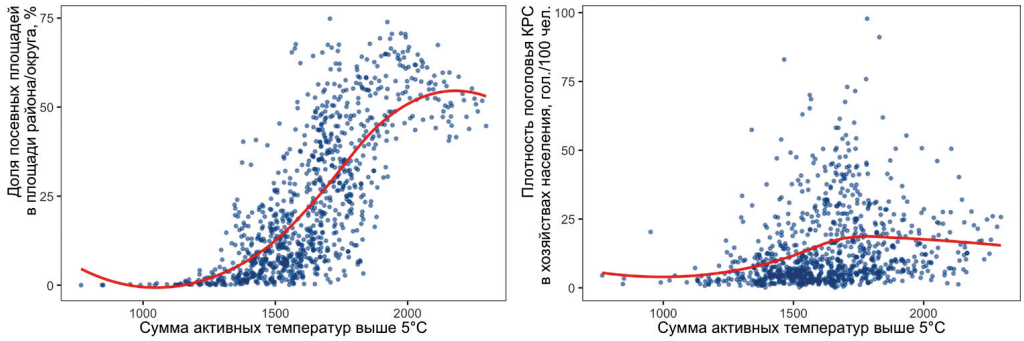

Рис. 6.4.1. Влияние зональных климатических характеристик на развитие сельского хозяйства. *Примечание*: учитывались округа и районы с долей сельского населения выше 1/3.

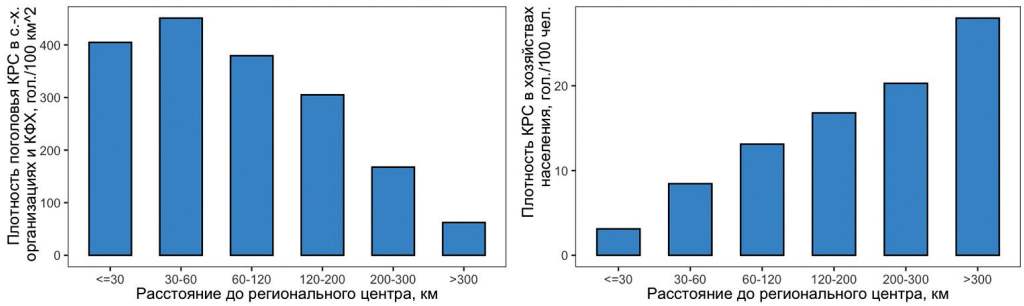

Рис. 6.4.2. Влияние центр-периферийного положения на плотность поголовья КРС в товарном секторе (слева) и в хозяйствах населения (справа). *Рассчитано* по всей выборке для районов и округов с долей сельского населения выше 1/3.

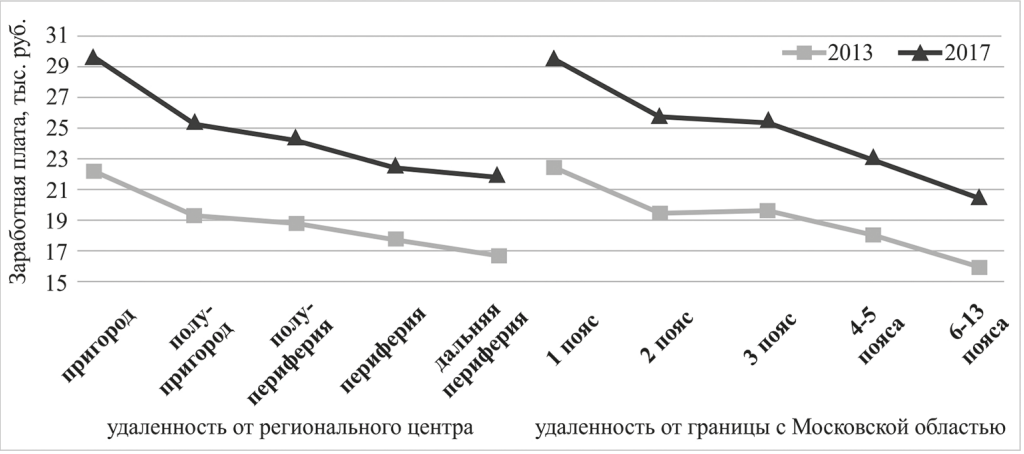

Рис. 6.4.3. Уменьшение средней заработной платы в организациях в муниципальных образованиях, окружающих Московский столичный регион, по мере удаления от центров регионов (слева) и от границ с Московской областью (справа), 2013 и 2017 гг., тыс. руб.
Источник: (Нефедова, Старикова, 2020).

удаления от региональных центров, так и при удалении от границ Московской области (рис. 6.4.3).

Среди набора исследуемых характеристик показатель миграционного прироста можно рассматривать как индикатор общего текущего социально-экономического положения – показатель привлекательности города/района для жизни. А плотность населения за пределами административного центра отражает долговременные тенденции в развитии территории и накопленные эффекты. В обоих случаях проявляется сильная связь с природными и центр-периферийными факторами развития (рис. 6.4.4). Тем не менее, и внутри групп районов/округов, как с лучшими условиями, так и с худшими, значения распределены неоднородно: вмешиваются локальные факторы и региональные особенности, которые отклоняют траекторию развития территорий от общего вектора.

Чтобы понять, насколько хорошо природные и центр-периферийные факторы объясняют накопленные результаты развития (плотность населения) и текущее состояние районов/округов (миграционный прирост), а также существуют ли заметные межрегиональные различия в их влиянии, мы использовали такой метод статистического анализа, как географически взвешенная регрессия. Суть метода состоит в том, что вместо одной глобальной модели для каждого наблюдения в выборке строится собственная – локальная модель, причем так, что наибольший вклад в ее результаты дают соседние наблюдения, а вес прочих наблюдений уменьшается по мере удаления. Таким образом, для каждой территории мы получаем оценку того, насколько сильно ее состояние объясняется независимыми переменными в сопоставлении с окружающими территориями (так называемый локальный коэффициент детерминации). В качестве радиуса, после которого вес наблюдений падает, выбрана дистанция в 300 км. Общий вид модели можно записать следующим образом:

$$y = \beta 0 + \beta 1 CenterSize + \beta 2 DistanceToCapital + \beta 3 GDD,$$

где y – объясняемая величина (плотность населения или миграционный прирост); β – коэффициенты, которые определяют наклон регрессионной прямой; *CenterSize*

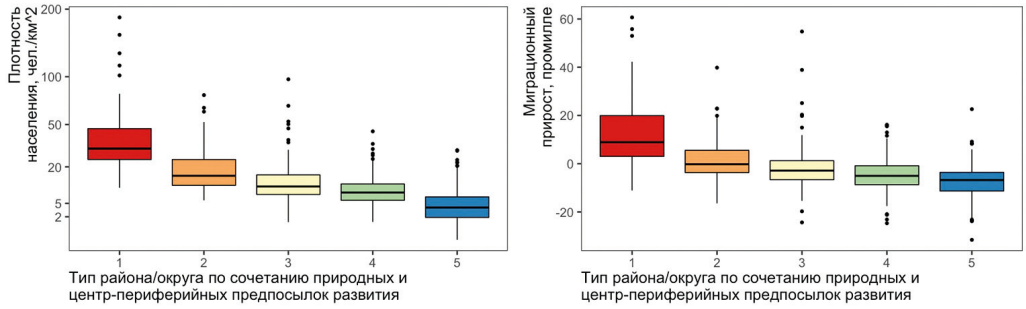

Рис. 6.4.4. Распределение значений плотности населения вне административных центров (2021 г.) и коэффициента миграционного прироста (среднее за 2015–2017 гг.) среди районов/округов в соответствии с центр-периферийными и природными предпосылками развития. *Обозначения*: средняя линия – медиана; верхняя и нижняя «крышки» ящика – третий и первый квартили соответственно; концы линий – границы статистически значимой выборки; отдельные точки – выбросы. *Примечание*: для плотности населения учитывались только районы и округа с долей сельского населения выше 1/3.

– размер центра; *DistanceToCapital* – расстояние до региональной столицы; *GDD* – сумма активных температур выше 5 °С.

Для *плотности населения* вне административных центров глобальный коэффициент детерминации составил 0,57; это означает, что в целом по исследуемой территории центр-периферийные и природные предпосылки объясняют 57% различий между территориями в плотности населения. Разброс в значениях локального коэффициента детерминации: от 0,37 до 0,66 (рис. 6.4.5). Лучше всего модель работает по отношению к Нечерноземью, где раньше других макрорегионов проявились эффекты урбанизации, связанной с ней сельско-городской миграцией и демографическим переходом, а также по отношению к территориям за Уралом, где в силу небольшого числа крупных городов и несплошной освоенности территории резче и глубже проявляются центр-периферийные контрасты. Объяснительная сила модели падает в центрально-черноземных районах, видимо, недоучитывая значение благоприятных природных условий, в Верхнем Поволжье и в Предуралье, но особенно сильно – в Среднем Поволжье, где в силу этнических особенностей и запаздывающей урбанизации сельско-городские контрасты мягче.

Для *миграционного прироста* глобальный коэффициент детерминации составил 0,33; разброс в значениях локального коэффициента детерминации: от 0,16 до 0,43 (рис. 6.4.6). Как и в случае с плотностью населения, лучшие результаты модель показала по отношению к Нечерноземью; более слабые – для централь-

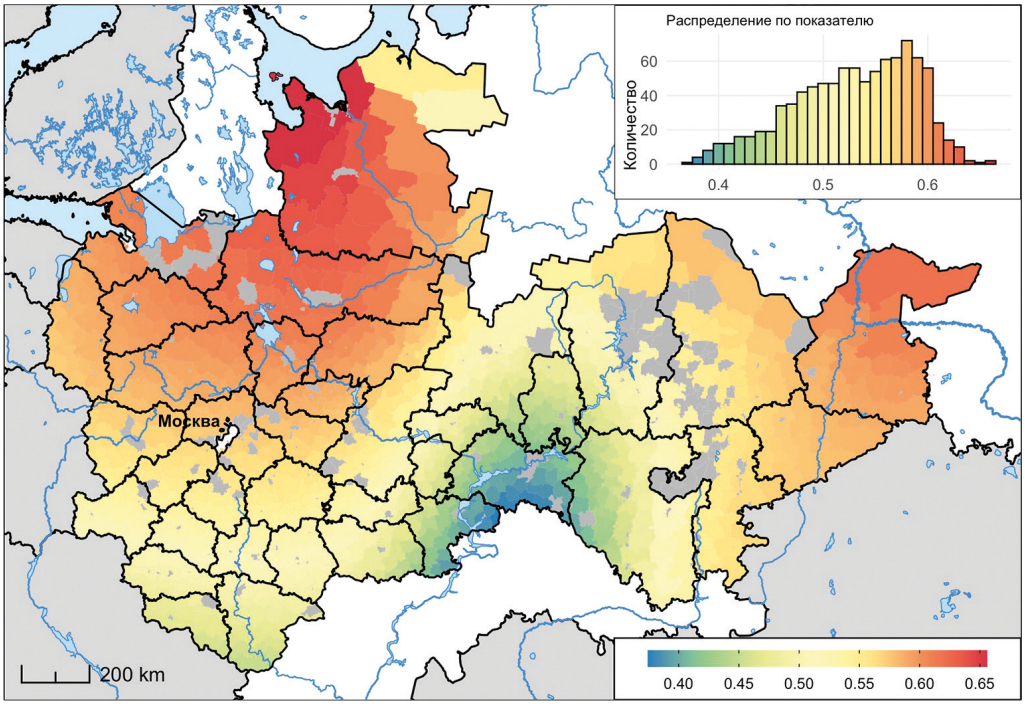

Рис. 6.4.5. Локальный коэффициент детерминации для модели, описывающей связь плотности населения вне административных центров с центр-периферийными и природными предпосылками развития. *Примечание*: учитывались районы и округа с долей сельского населения выше 1/3.

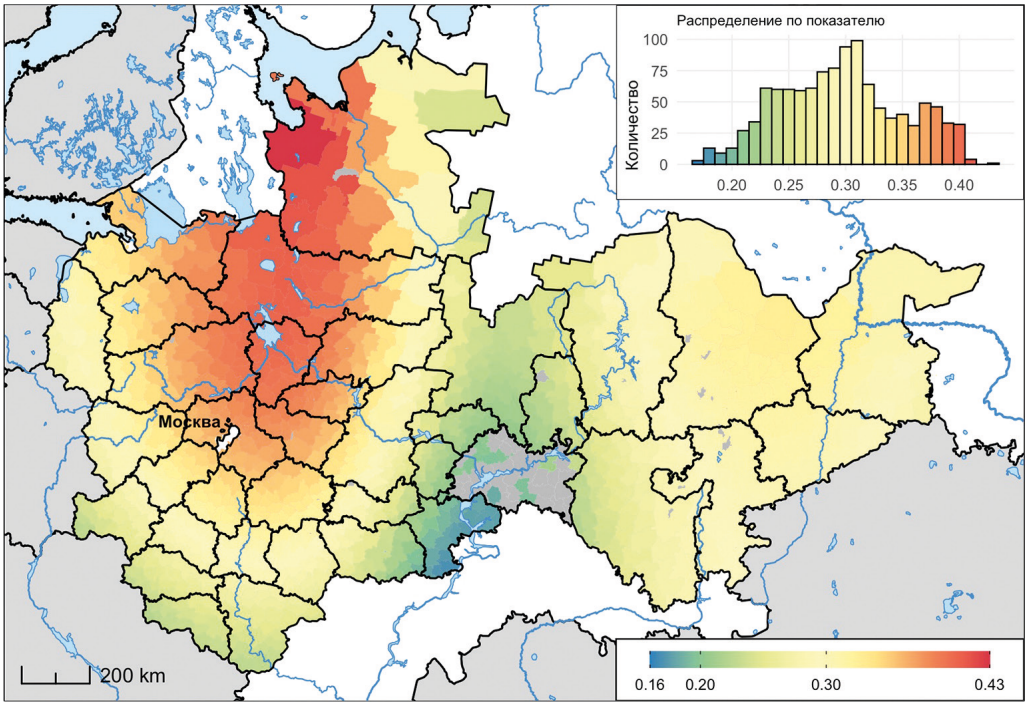

Рис. 6.4.6. Локальный коэффициент детерминации для модели, описывающей связь миграционного прироста населения с центр-периферийными и природными предпосылками развития.

но-черноземных районов, особенно для самых южных, и для Урала; наконец, самая слабая объяснительная сила – в Среднем Поволжье. Такие результаты еще раз подчеркивают значение локальных и региональных типологических особенностей, рассмотренных выше, таких, как этнический фактор, особенности расселения или экономическая специализация, но они также отражают, насколько сильно современное развитие зависит от прошлого. Нечерноземье, где расселение долгое время сжималось в сторону центров, не может выйти из колеи центр-периферийного развития и сегодня, в то время как регионы в Поволжье и на Урале, не отягощенные историческим грузом сельской депопуляции, развиваются по более сложным, обусловленным локальными особенностями траекториям.

* * *

В этой части сделана попытка превратить сложную пространственную мозаику развития староосвоенных районов Европейской России и Урала в несколько типологических картин, которые описывают географические предпосылки развития и современное социально-экономическое состояние районов и городов на основе сочетания их признаков. В зависимости от масштаба можно выделить разные факторы, обуславливающие различия: 1) природные зональные различия, которые непосредственно влияют на сельское хозяйство и сельское расселение, на условия жизни населения, в том числе опосредовано через инфраструктурное

обустройство; 2) макрорегиональные различия – между староосвоенным Центром, центрально-черноземными районами, Поволжьем и Уралом, связанные с различиями в исторических судьбах и множеством локальных особенностей – расселения, этнического состава, экономической специализации и пр.; 3) внутрирегиональные градиенты, которые обусловлены естественной неравномерностью развития в разных типах местностей, в том числе под влиянием крупных городов. При их наложении исследуемая территория распадается на полярные области. С одной стороны находятся крупные центры и их пригороды, которые притягивают молодое и активное население. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, это Воронеж, Ярославль, Казань, Тюмень и Екатеринбург, а также более плотно населенные сельские районы в Черноземье и в Поволжье, еще не истощенные длительной депопуляцией, сохраняющие разноукладное сельское хозяйство. На другом полюсе – удаленные от крупных городов и потерявшие значительную часть молодого и трудоспособного населения нечерноземные районы, которым сложно выбраться из колеи социальной и часто экономической депрессии.

Плохое состояние дорог (кроме федеральных трасс), необустроенность населенных пунктов и распад сельской социальной инфраструктуры в результате кампании объединения поселений и создания городских округов лишь усиливают деградацию нежизнеспособных поселений на периферии и полупериферии регионов, стимулируя отток населения, а уменьшение населения отбивает у властей стимулы обустройства местности. Необустроенность многих староосвоенных районов России – это не результат какой-то особой бедности страны. С одной стороны, это связано с бытовой непритязательностью и терпением населения, с другой, – с обширными пространствами и системой приоритетов властей, для которых насущные нужды населения остаются на последнем месте.

Тормозит социальное опустынивание только дачное реосвоение территорий[123]. Однако и дачники в садовых и дачных товариществах тяготеют скорее к пригородам и полупригородам. Только развернувшаяся в последние десятилетия покупка горожанами домов в умирающих деревнях, как дач для летнего отдыха, пока сдерживает процесс социального опустынивания глубинки. Но без элементарного обустройства при нарастающих последствиях объединения сельских поселений огромные староосвоенные территории могут превратиться лишь в экологический резерв. На данном этапе речь идет не столько об эволюции, сколько об инволюции таких районов, связанной, в том числе и с социально-демографическими ограничениями.

Анализ предпосылок и результатов развития муниципальных образований показывает, что эндогенные факторы организации пространства России весьма устойчивы и, несмотря на существенные трансформации в постсоветское время, играют порой более важную роль, чем политические (капитализм или социализм), экономические (рынок или плановое хозяйство) и институциональные изменения (Нефедова, 2008б).

При сильных природных, социальных, экономических пространственных различиях развитие муниципальных образований связано с определенным набором возможностей и ограничений. Главные риски можно свести к следующим:

[123] См. Главу 3.4. Деревни и дачи по статистике и космическим снимкам.

– географические и инфраструктурные:

1) исторически сложившаяся затянутость освоения в районы с менее благоприятными природными условиями;

2) редкая сеть больших городов, обусловившая пригородно-периферийную организацию пространства внутри регионов;

3) необустроенность территории, особенно в Нечерноземье;

– демографические и социальные:

4) накопленные итоги депопуляции населения в сельской местности и в небольших городах;

5) незавершенная урбанизация и продолжение отъезда населения в крупные города;

6) проблемы занятости и более высокий уровень бедности населения в сельской местности и в малых городах по сравнению с большими городами;

7) усиление возвратной трудовой мобильности населения как ступени для переезда в крупные центры и ближе к ним;

– экономические и институциональные:

8) изменение структуры экономики в постсоветское время и сокращение занятости;

9) концентрация финансовых ресурсов в крупных центрах, неблагоприятные институциональные условия для развития малого и среднего бизнеса;

10) централизация бюджетной политики, лишающая регионы, муниципальные районы и города свободы распоряжения средствами.

Пространственное развитие весьма инерционно. Оно связано с наличием тех или иных природных ресурсов, человеческим потенциалом, имеющим в рассматриваемых регионах ярко выраженное центр-периферийное распределение, состоянием инфраструктуры. Поэтому выбор направлений, стимулирующих развитие, на муниципальном уровне ограничен. Найти «индивидуальный путь» развития в московских кабинетах невозможно. Поэтому необходимо больше простора местным инициативам и больше финансовых возможностей региональным и муниципальным властям.

Заключение

Вопреки декларациям и стратегиям пространственного развития при существующих институтах в России происходит сжатие и поляризация освоенного пространства. Около 60% населения страны живет на 5% ее территории. Сжатие стимулируется концентрацией экономической деятельности и социальных благ внутри страны по направлению с востока на запад и с севера на юг, а также с периферии в крупные центры и пригороды, при сохранении на остальной территории лишь отдельных очагов. Наличие этих пространственных градиентов развития во многом объективно и связано с историей и характером освоения обширной страны, разнообразием ее природных условий, с повышенной ролью крупных городов и их разреженным по сравнению со многими западными странами расположением. Однако далеко не всегда можно оправдать размеры и последствия сложившихся контрастов.

Предпосылки и результаты развития староосвоенных районов в значительной степени связаны с четырьмя видами пространственных различий, которые можно изучать в разных масштабах: 1) природно-зональными, влияющими на условия жизни людей, сельское расселение, а также на некоторые отрасли, в том числе на сельское и лесное хозяйство; 2) макрорегиональными между староосвоенным Центром, центрально-черноземными районами, Поволжьем и Уралом, связанными с различиями в их исторических судьбах; 3) межрегиональными, обусловленными экономической специализацией, этническим составом населения, степенью урбанизированности и другими особенностями; 4) внутрирегиональными градиентами, связанными с неравномерностью развития под влиянием крупных городов. Это позволило выделить разные типы районов по социально-демографическим и некоторым экономическим характеристикам, по инфраструктурному обустройству территории и лишний раз продемонстрировало, что эндогенные факторы организации пространства России, такие как природные предпосылки, исторические особенности расселения, различия между пригородами и периферией регионов, весьма устойчивы. Они часто играли и играют более важную роль, чем политические, экономические и институциональные изменения.

При всей важности проблем развития северных и восточных регионов России, самой вездесущей и социально значимой, затрагивающей больше всего людей, остается центр-периферийная проблема староосвоенных территорий. Перепад многих экономических показателей и условий жизни на малой дистанции бывает головокружительным. В постсоветский период экономическая поляризация усилила контрасты не только между центрами регионов и сельской глубинкой, но и между большими и малыми городами, между центрами муниципалитетов и сельскими ареалами. Многие проблемы северных и восточных окраин России, связанные с доступностью, условиями жизни, оттоком населения и др., можно увидеть и в Ивановской, и в Смоленской, и во многих других староосвоенных областях.

Пожалуй, неправ был Лев Толстой: не только счастливые счастливы одинаково, но и несчастливые бывают несчастны похожим образом. Но «кому на Руси жить хорошо?» На самом деле поляризация и сжатие пространства неприятны для обеих сторон, центральной и периферийной, хотя для второй все же болез-

неннее. Результатом территориальной поляризации староосвоенных районов за долгий период стало «уплотнение» пространства по мере приближения к Москве и другим крупным центрам. Стягивание к ним человеческого и экономического потенциала рано или поздно неизбежно вызывает разного рода перегрузки и связанные с ними конфликты. Это движение к центрам стало вызовом устойчивому развитию не только данной части России, но и всей страны.

Несмотря на отдельные попытки бизнеса расширять свою деятельность за счет экспансии за пределы крупных городов и их пригородов, на данном этапе речь на периферии регионов идет не столько об эволюции, сколько об инволюции, связанной, прежде всего, с сильной депопуляцией и истощением человеческого капитала. Поэтому выбор направлений, стимулирующих развитие и модернизацию таких районов на муниципальном уровне, ограничен и вариативен. Увидеть шансы и зачатки успешного развития каждого района из центра невозможно. Социально-экономическая поляризация староосвоенных районов связана и со спецификой современных российских институтов, которые, возможно, сами того не желая, эту поляризацию усиливают. Преобразование муниципальной структуры в последние десятилетия в отрыве от естественных предпосылок организации пространства и исторически сложившегося расселения усиливает процессы поляризации, способствуя лишь более централизованному и далекому от нужд населения управлению. Для большинства районов первостепенен недостаток средств и полномочий местных властей при современной бюджетной политике. Угроза обвинений в «нецелевом расходовании средств» при попытках решить самые насущные и порой неожиданные проблемы убивает инициативу на местном уровне и стимулирует активных людей к отъезду.

При территориальной концентрации промышленного производства многие староосвоенные районы все же остаются индустриальными, хотя меняют отраслевой профиль, а восстановительный рост производства наблюдается чаще в региональных центрах. К обновлению промышленности в них добавляется развитие сферы услуг. Налицо возврат к стадии урбанизации, когда крупные центры еще активнее «вытягивают» население из сельской местности, депрессивных малых и средних городов.

В сельском хозяйстве происходят те же процессы усиления неравномерности развития регионов и их частей. Между тем, в отличие от советского, современное сельское хозяйство России – активно развивающийся и модернизирующийся сектор экономики. Его кризис и реформирование в постсоветское время способствовали концентрации производства в новых крупных агропромышленных структурах и сжатию среднего звена предприятий. Эта институционально-технологическая модернизация позволила повысить производительность труда и продуктивность, в значительной степени решить проблемы продовольственного обеспечения городов, но резко усилила пространственные контрасты. Сельское хозяйство стало в староосвоенных районах выборочно-очаговым при неразвитости малых товарных, в том числе фермерских, хозяйств, которые больше тяготеют к южным регионам. Это привело к подрыву экономической базы многих сельских поселений Центральной России, резкому сокращению занятости, сжатию землепользования и сокращению поголовья скота за пределами агрохолдингов. Новые

корпуса крупных предприятий, особенно в Нечерноземье, часто соседствуют с заброшенными фермами и полями, зарастающими лесом.

На периферии регионов крах промышленных или сельскохозяйственных местообразующих отраслей часто становится и крахом сервисного сектора – ему некого обслуживать или он не по карману потерявшим работу жителям. Социальную деградацию таких «несчастных» мест можно назвать воронкой депрессии, которая усиливает депопуляцию. И даже подпитка большинства староосвоенных районов Европейской России в начале 1990-х годов репатриантами из бывших советских республик и переселенцами из северных регионов страны если и помогла, то ненадолго.

Мы, исследователи, показываем лишь ход процессов и их возможные варианты с плюсами и минусами. Мы видим, что смена волн освоения, главных секторов экономики, а также стадий урбанизации в целом снижала устойчивость расселения, хотя и влияла на динамику его численности в разных районах по-разному. Помешать этому трудно в силу мощи процессов, подобных климатическим и тектоническим. Но является ли устойчивость территориальных структур благом, а изменчивость – злом? Однозначный ответ вряд ли возможен. Для неравновесных систем «застыть» – значит, скорее, деградировать. Здесь важнее темпы сдвигов и возможности экономики и населения к ним адаптироваться.

Главная ценность стабильного расселения связана с его ролью аккумулятора культуры, обеспечивающего преемственность развития. Ведь староосвоенные районы России обладают уникальным культурным наследием, которое оставили прежние более широкие волны освоения. Сейчас в условиях поляризации и сжатия активного пространства многие объекты наследия, не попавшие в официальные списки, на пустеющей периферии забрасываются и руинируются. Их сохранение представляет собой проблему и в центрах с их ближайшими пригородами, где они находятся под угрозой из-за мощного натиска бизнеса под влиянием сиюминутных интересов. Примерно также обстоит дело и с природными ландшафтами.

В крупных агломерациях среди уплотненной застройки людям остро не хватает природы, а на периферии, где ее много – остро не хватает людей. Для чего? Разве дикой природе нужны люди? Многие схемы социально-экологической поляризации построены на разделении используемой населенной территории и неиспользуемой природной – экологического резерва без или с минимумом населения. Так сложилось на огромных пространствах Сибири. Но в староосвоенных весьма доступных районах (даже при плохих дорогах) ситуация не столь проста. Без социального контроля природные ресурсы сплошь и рядом эксплуатируются хищнически, что показывают примеры опустевших районов Костромской, Тверской, Вологодской и других областей. Леса нещадно вырубаются, периодически горят, а бывшие поля и леса зарастают сорной малоценной растительностью. Это часто оборачивается не экологическим раем, а разрухой, появлением диких и опасных ландшафтов.

Наиболее явно многие указанные контрасты проявились в староосвоенных регионах Центра России. И в советское время при строгих формальных ограничениях рост Москвы и городов Московской области трудно было сдерживать. Тем более это трудно сегодня, когда из двух сторон влияния Московского столичного

региона на окружение – выкачивания человеческих и финансовых ресурсов и распространения от центра к периферии инноваций и стимулов развития – явно преобладает первая. То же самое происходит практически во всех регионах под влиянием их центров. Изменение уровня освоенности в последние годы примерно соответствует той схеме, по которой она раньше расширялась, только движение идет в обратную сторону, сжимаясь к городам. При этом наиболее крупные города не формируют равномерной сети полюсов роста, часто смещены к границам своих регионов, приближены друг к другу или к Московской области. В результате зоны оттока населения в Центре России весьма обширны, что усиливает экономические и социальные эффекты пространственного неравенства. Миграционные потери – это и следствие, и причина кризиса местной экономики. Столицы регионов благодаря развитию транспорта и связи «сближаются» с Москвой и друг с другом, расширяя свои пригороды. Но расширяется и деградирующая глубинка. Иначе говоря, поляризация пространства приводит к тому, что тают промежуточные переходные зоны: полупригородные и полупериферийные.

Тем не менее, в последние годы наметились и перемены. Агропромышленные комплексы в староосвоенных районах Центра в некоторых случаях размещаются и в более удаленных ареалах с лучшими природными условиями (в опольях Нечерноземья или в переходной к Черноземью полосе) при условии хорошей транспортной доступности. Применение методов исследования, основанных на дешифрировании космических снимков, позволило увидеть реальные процессы изменения землепользования и состояние современных животноводческих ферм в регионах Центра России в сравнении с советским временем. Выборочное восстановление животноводства и сельскохозяйственного землепользования в отдельных ареалах дает шанс некоторым районам, хотя редко ведет к развитию сельской местности в целом. Новые модернизированные предприятия обычно «не укорены» в сельской местности, имея «головку управления» в городах. Им требуется незначительное число работников повышенной квалификации, а на подсобных работах они часто используют иностранных мигрантов.

Тот факт, что сложившееся центр-периферийное устройство расселения и экономики воспроизводится в принципиально иных институциональных и экономических условиях, свидетельствует о неких инвариантах организации российского пространства, о наезженности и глубине той исторической колеи, выбиться из которой никак не удается. Тем не менее, если не остановить, то хотя бы затормозить отток населения и мобильных ресурсов развития в крупные города возможно. Необходима поддержка любых форм среднего и малого бизнеса, тем более что при истощении человеческого капитала в малых городах и сельской местности энтузиастов, готовых к предпринимательской деятельности, – единицы. Требуется сохранение транспортной и социальной инфраструктуры, особенно там, где еще осталось местное население и куда стремятся городские дачники.

Муниципальную реформу с ее волнами лишь отчасти определяет местная демография, чаще – фискальная политика. Один из главных результатов – централизация во всех ее аспектах – особенно болезненна для низовых муниципальных структур, то есть уровня, ближайшего к гражданам. Укрупнение муниципальных образований и отказ от поселений снижает потенциал их развития и ослабляет

связь местной власти с населением, затрудняя людям доступ ко всем видам услуг. Особенно это касается депопулировавших территорий. Но и на плотно заселенных территориях нарушаются сложившиеся локальные системы расселения, а новые центры муниципальных образований в силу своей слабости вряд ли способны формировать вокруг себя новые системы. В итоге нарушается преемственность территориального развития и управления, нарастает административный хаос, подрубаются «корни» местного самоуправления.

В России всегда на слуху и активно обсуждаются проблемы Крайнего Севера и Востока страны, ведь там, в отличие от старых районов, есть ресурсы для нового освоения. Хотя слово «отличие» надо ставить в кавычки. Разве ресурсы – это только нефть, газ, алмазы, золото? А земля, среднерусские ландшафты, их природа и артефакты исторического наследия и, главное, люди никому не нужны? Нужны, в том числе миллионам горожан-дачников и туристам из мегаполисов. И хотя это в основном сезонное население, но чем дальше от городов оно проникает (зоны покупки дачных домов в деревнях распространяются на 100–500 км от Москвы), тем ему больше необходимы хотя бы немногие постоянные жители. За этой волной рекреационно-дачного освоения покидаемых постоянным населением деревень пошли бы и экономика, и новое население, если бы не отсутствие необходимых условий: современных дорог, газа, надежного интернета и т.п. В любом случае углублять поляризацию пространства, развивая немногие центры за счет периферии, опасно. Важно преодолеть ее восприятие как набора пустых или пустеющих заведомо неперспективных территорий.

Не востребованных никаким населением или бизнесом мест в Центре России нет. Более того, фактов вторичного освоения, казалось бы, почти опустевшей периферии, достаточно. Значит, что-то сдерживает сжатие, и среди этих сдерживающих сил выделяется не ежедневная, но регулярно-возвратная мобильность населения, трудовая, дачная, семейно-родственная. Жизнь на два дома помогает людям (семьям) справляться с текущими проблемами и последствиями нарастающей социально-экономической поляризации. Неудобство это доставляет разве что властям, теряющим ясное представление о подопечном и подконтрольном населении.

Каким бы способом мы ни пытались определить реальное население в сельской местности, получалось, что и в пригородах, и во многих районах периферии в дачный сезон и в праздники оно увеличивается в разы. Это создает параллельную, не учитываемую статистикой и не показанную на картах сеть пульсирующего расселения. Эта сеть стимулирует создание неформальных рабочих мест для российских граждан и иностранных трудовых мигрантов, а также развитие малого бизнеса как в садовых и дачных поселках, так и в малых городах и деревнях. Можно говорить о специфической дачной экономике, закрепляющей в деревнях работоспособное население. С другой стороны, именно дачная традиция тормозит у нас дезурбанизацию западного образца, скрывая еженедельный, сезонный или менее ритмичный контрпроцесс. При этом, как показали опросы местного и дачного населения в разных регионах, именно городские дачники, живущие в летний сезон в деревнях, больше всего заинтересованы в сохранении местных традиций и памятников природы и культуры.

Несмотря на то, что драйвером развития, полигоном реализации новых моделей, стимулирующих рост экономики, долгие годы была Московская агломерация, в ней самой ярко выражены пространственные различия. Здешние районы с быстрорастущим населением – это территории массового жилищного строительства непосредственно за МКАД. Для ближних пригородов характерна конкуренция разных землепользователей, доходящая до конфликтов. Как следствие, промышленность и сельское хозяйство, теснимые городским жильем и торгово-развлекательными и логистическими центрами, перемещаются в более удаленные зоны агломерации, но там они тоже вступают в конфликт с дачным освоением территории.

В областях к северо-востоку от Московской, выбранных для детального, в том числе полевого обследования, в последние годы характерно возобновление развития промышленности и размещение новых отраслей. Однако если в советские годы промышленность чаще обслуживала производственный комплекс Москвы, то сейчас многие предприятия приобретают общероссийское значение и ищут свои экономические ниши. Здесь особенно сильны контрасты между крупными и малыми городами, пригородной и периферийной сельской местностью, которые обозначились в XIX в., оформились в советское время и усилились в постсоветские годы при резкой трансформации экономических условий. Пример Ярославской области подтверждает важность учета накопленных традиций и результатов советской индустриализации. Тем не менее и в ней развитие характерно прежде всего для центра региона и отдельных очагов, в том числе для сельского хозяйства, куда приходят новые инвестиции, обычно из Москвы. Между ними даже в такой сравнительно небольшой области, примыкающей к столичному региону, формируются ареалы хозяйственного и социального опустынивания. Еще нагляднее процессы поляризации проявляются в Костромской области, расположенной на стыке Центра, Севера и Приволжья. Ее юго-западная окраина служит продолжением старо-текстильного ядра страны со сравнительно ранней урбанизацией. А обширное Заволжье – своего рода «Костромская Сибирь» – остается природно-ресурсной зоной, в основном с лесопромышленным комплексом. Он и поддерживает экономику при кризисе большинства советских предприятий. История одного срединного района области и нескольких сельских поселений показывает нежизнеспособность советской модели сельского хозяйства в таких регионах при катастрофических потерях населения. При этом существуют некоторые перспективы симбиоза очагового сельского хозяйства с лесным, а также с дачным использованием горожанами, в том числе москвичами, еще крепких бревенчатых деревенских домов. Поэтому необходимо управление хозяйственным сжатием территории с диверсификацией видов ее использования и поощрением не только крупных игроков, но и любых производителей и любых постоянных или временных поселенцев. Именно эти «малые» повседневные дела в таких районах становятся не менее важными, чем крупные проекты. Не только пригороды, но и удаленные районы оказались убежищем для скученного в городах населения, выехавшего на дачи в период пандемии COVID-19. Тем не менее, массовую круглогодичную дезурбанизацию, за исключением пригородов Москвы, это не подтолкнуло. И главным ограничителем остаются те же проблемы, усиленные сокращением социально-хозяйственной инфраструктуры на периферии регионов.

Малые города со следами нескольких исторических эпох тоже наглядно демонстрируют, как по-разному локализуются национальные и региональные тренды. Погружение в жизнь трех городов показало, что советский индустриальный крен в их развитии предопределил современный структурный кризис при потере или сокращении влияния на жизнь города градообразующего предприятия. При невозможности предотвратить структурный и экономический кризис, все большее значение в оживлении городской жизни приобретают местные инициативы, опирающиеся на восстановление и использование исторического наследия, которое стиралось советской унификацией. Есть примеры независимого и творческого переосмысления городского развития на основе совпадения интересов местных властей, представителей бизнеса и гражданского общества.

Именно исследование локальных территорий позволило увидеть, что реально стоит за цифрами официальной статистики. И в городах, и в сельской местности значительную роль играют конкретные личности: не только руководители муниципальных образований и предприятий, но и местные жители.

Промышленное освоение Урала началось позднее и тоже шло волнообразно: разные исторические пласты то сменяли друг друга, то как бы возвращались со следующей волной. Но при этом даже при длительных кризисах следы прежних волн не растворялись бесследно. Черную металлургию сменяла выплавка меди и добыча золота, которые угасали, уступая место возрожденной черной металлургии, позже на первый план вновь выходили цветные металлы. Отличие староосвоенных районов Урала от Центра состоит именно в том, что они опирались на богатейшие рудные ресурсы. Это обусловило повышенную долю в экономике добычи сырья и продукции его первого передела. В результате главным мотором здесь стал крупный сырьевой бизнес, работающий на экспорт. Крупные корпорации контролируют города и целые районы.

Север Свердловской области после стремительного рывка середины XX в. переживает сложный период. Черная металлургия функционирует скорее по инерции, верхние этажи цветной – демонтированы. Машиностроение, деревообработка и другие отрасли, некогда дополнявшие рынки труда, приобретают роль градообразующих, хотя сами находятся в сложном положении. Рассмотрение отдельных городов Северного Урала показало, что они уже не раз находили новые ресурсы для выхода из кризиса, но пока не понятно, что поможет им дождаться новых импульсов развития.

Тенденции в районах Среднего Урала в целом соответствуют постсоветским трендам концентрации экономики в местах с лучшими конкурентными преимуществами. Отсюда рост крупнейших центров и агломераций Екатеринбурга и Челябинска при потерях населения на многих окружающих территориях. В этом отношении Средний Урал мало отличается от Центральной России, а Екатеринбург выполняет роль Москвы в уменьшенном варианте, являясь межрегиональным центром, стягивающим мигрантов не только со своей области, но и из Челябинска, Перми и т.д. Анализ истории развития и современных проблем отдельных городов вдоль профиля от Нижнего Тагила до Челябинска и территорий между ними показал, что роль промышленной специализации и зависимость многих мест от состояния ключевых предприятий металлургии и химии, принадлежащих

крупным компаниям, усилилась. Как и в других регионах в худшем положении находятся угледобыча и машиностроение. Исключение – города с предприятиями оборонно-промышленного комплекса. На фоне экономической поляризации экологические контрасты на Урале сильнее, чем в Центре. При множестве явных очагов экологического бедствия регион спасает мозаичность горных ландшафтов, где эти загрязненные очаги чередуются с обширными ареалами почти чистой и живописной природы.

К юго-востоку от Челябинска контактная зона оседлых и кочевых культур на границе леса и степи несколько тысячелетий являлась полем интенсивного культурного обмена и ареной жизни разных, сменявших друг друга народов. Для этой преимущественно равнинной территории существует и несколько конкурирующих названий: Южный Урал, Южное Зауралье, Юго-Западная Сибирь. Эта территория также пережила несколько волн освоения, которые при общей устойчивости географических структур значительно отклоняли развитие отдельных населенных пунктов и районов в ту или иную сторону. Первые оборонительные поселения сменяли специализацию на сельскохозяйственную, совмещенную с торгово-транспортными функциями. Советская индустриализация развивала шахтную добычу, дополненную эвакуацией сюда заводов во время войны. В 2000-х годах при росте крупнейших центров эта территория, расположенная между Челябинском и Тюменью, оказалась в невыгодных условиях развития. Однако приведенные примеры городов и районов показывают, как локальное экономико-географическое положение, экономическая специализация, архитектурно-историческое наследие влияют на их современное состояние. Как и в других староосвоенных районах большое значение имеют такие факторы, как участие крупных предприятий в жизни населенных пунктов, качество городской среды и умение администраторов использовать унаследованные ресурсы для развития территории.

И в Центре, и на Урале, как и в других староосвоенных регионах, власти, как правило, «делают ставку» на крупных производителей, пытаясь одним махом решить проблемы экономики и бюджета региона. Но наиболее острые проблемы с занятостью, социальной сферой, инфраструктурным обустройством возникают на муниципальном уровне, в том числе на периферии регионов. Попытка систематизировать различия и выявить факторы на них влияющие привела авторов к географической типологии муниципальных образований от западных границ через Центр до Урала и ближнего Зауралья включительно. Типология нацелена на выявление специфических сочетаний разных характеристик муниципальных образований, которые в свою очередь отражают текущие и исторически сложившиеся преимущества и ограничения их развития. Основой ее послужила диагностика социально-экономического состояния муниципальных образований (демографического с учетом миграционной привлекательности, экономического, инфраструктурного) и анализ факторов, на него влияющих: природных предпосылок жизни и деятельности населения и географического положения (удаленность от регионального центра и его размер, наличие других больших городов). Составленная в разрезе муниципальных образований серия карт показывает, что роль больших городов и зоны их влияния на окружающие территории зависят не только от размера города, но и от других факторов, таких как особенности природных условий,

исторические особенности расселения и этнический состав населения, степень урбанизированности региона и его экономическая специализация.

Как известно, новое – еще не синоним хорошего, а старое не обязательно означает плохое. Староосвоенные районы с их наследием и нередко со второй, третьей, четвертой по счету молодостью по-своему подтверждают эту истину. Их нужно знать, понимать и – не побоимся этого слова – уважать больше, чем новые районы, хотя бы самые перспективные.

Литература

Аверкиева К.В. Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 86–106.

Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фадеев А.М. Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 4. С. 24–38.

Аверкиева К.В., Даньшин А.И., Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Стратегические вызовы развития сельского хозяйства России // Региональные исследования. 2016. № 4 (54). С. 56–67.

Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.

Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г., Кондакова Т.Ю. Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области // Мир России. 2021. № 1. С. 49–66.

Адамайтис С.А. Роль индустриальных парков и технопарков в социально-экономическом развитии российских регионов // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 86–96. doi 10.5922/1994-5280-2021-2-8.

Александрова А., Гришина Е. Неравномерность развития муниципальных образований // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 97–105.

Алексеев А.И. Многоликая деревня: население и территория. М.: Мысль, 1990.

Алексеев А.И., Воробьев М.И. Сколько сельских жителей в России зимой? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 2. С. 104–106.

Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменения сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 66–76.

Анимица Е.Г. Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 304 с.

Анимица Е.Г., Глумов А.А. Срединный регион: теория, методология, анализ. Изд. 2-е. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2007. 296 с.

Антонов Е.В. Динамика занятости и состояния рынков труда регионов России в 2010–2017 гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о Земле. 2019. Т. 64. № 4. С. 559–574.

Антонов Е.В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. 2020. Т. 2. № 68. С. 88–100.

Антонов А.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения надагломерационного уровня в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 31–45. doi 10.31857/S2587-55662019431-45

Атлас. Климат и жизнедеятельность населения России / ред. А.Н. Золотокрылин, В.В. Виноградова, О.Б. Глезер. М: Институт географии РАН, 2020. 68 с.

Атлас социально-экономического развития России. М.: ФГУП ПКО Картография, 2009. 216 с.

Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897.

Бабкин Р.А. Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2020. № 4. С. 116–121.

Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003. 184 с.

Балаш О.С. Моделирование темпов роста численности населения городов России: пространственный аспект // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 6. С. 142–146.

Балаш В.А., Балаш О.С., Харламов А.В. Особенности построения географически взвешенной регрессии для моделирования рынка недвижимости // Вестн. Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2008. № 5 (24). С. 125–127.

Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. 2-е изд. М.: Географгиз, 1960.

Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Н.Н. Баранский. Научные принципы географии. Избранные труды. М.: Мысль, 1980. С. 18–52.

Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.

Батунова Е.Ю. Учет депопуляционных процессов в документах территориального планирования городов юга России // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 64–72.

Батунова Е.Ю., Гунько М.С., Медведев А.А. Неуправляемое пространство: планирование и политика в условиях депопуляции в Ивановской области // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о Земле. 2021. Т. 66. № 3. С. 1–28.

Безобразов В.П. Народное хозяйство России: Московская (центральная) промышленная область. Т. 2. СПб., 1885.

Бердяев Н. Судьба России (опыты по психологии войны и национальности). М.: Изд-е Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 240 с.

Бессолицын А.А., Кузьмичев А.Д. Экономическая история России: очерки развития предпринимательства. М: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006.

Бессонов М.С. Родословие верхотурского купца и заводчика М.М. Походяшина // Человек и общество в информационном измерении: материалы регион. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности науч. отд. ЦНБ УрО РАН. Екатеринбург, 2001. С. 159–164.

Бородина Т.Л. Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 47–61.

Браде И., Бурдак И., Рудольф Р. Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов Европы // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. 280 с.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгаузъ-Эфронъ, 1897. С. 472–475.

Буланов К.А., Денисов П.В., Лупян Е.А., Мартьянов А.С., Середа И.И., Трошко К.А., Толпин В.А., Барталев С.А., Хвостиков С.А. Блок работы с данными дистанционного зондирования Земли Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2019. Т. 16. № 3. С. 171–182.

Буфетова А.Н. Динамика распределения размеров нестоличных городов России в постсоветский период // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 948–961.

Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа в России: мифы и реальность. 2013. http://dom-hors.ru/issue/pep/2013-1/bukhvald.pdf.

Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект исследования. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 338–382.

Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 60 с.

Вейнберг Б.П. Положение центра поверхности России от начала княжества Московского до настоящего времени. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 гг. // Изв. ИРГО. 1915. T.LI. Вып. VI. С. 365–408.

Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.

Визгалов Д.В. Пусть города живут. М.: «Спектр», 2015.

Вострецова Т.В. Типология сельских территорий: методика и возможности применения // Рыночная интеграция в агропродовольственном секторе: тенденции, проблемы, государственное регулирование. Никоновские чтения. М.: ВИАПИ, 2007. С. 275–277.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Предварительные итоги. М.: ФСГС, 2011.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. 1111 с.

Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.

Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах / сост. С.С. Артоболевский, С.А. Тархов / ред. С.А. Тархов. М.: ИГАН СССР, 1988. 146 с.

Герасименко Т.И., Герасименко А.С. Некоторые географические аспекты пандемии коронавируса // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 9. С. 124–126.

Геттнер А. Европейская Россия. (Антропогеографический этюд). М.: Изд. журнала «Землеведение», 1909.

Глазычев В., Стародубровская И., и др. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. 278 с.

Глезер О.Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 224–244.

Глезер О.Б. Непрекращающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014–2015 гг. // Россия 2016: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво / Под рук. А. Дюбьена. М.: Обсерво, 2016. С. 373–386.

Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 51–64.

Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Муниципальное и административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М., 2011. С. 241–264.

Глезер О.Б., Вайнберг Э.И. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 (79). С. 21–38.

Глобальный климат и почвенный покров России. Опустынивание и деградация земель, институциональные, инфраструктурные, технологические меры адаптации (сельское и лесное хозяйство). Национальный доклад. Т. 2. М.: МБА, 2019.

Глуцкий И. Ивдельлагу исполнилось 75 лет // Областная газета. 2012. https://www.oblgazeta.ru/society/2116/ (дата обращения 09.12.2021).

Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И, 2001. 558 с.

Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества // Сост и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. 402 с.

Горячко М.Д. Промышленные функции городских округов Московской области на современном этапе // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. А.Г. Махрова. М.: изд-во МГУ, 2021. С. 270–292.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

Грачева Р.Г. Шелудков А.В. Органическое сельское хозяйство России в мировом контексте: развитие, приоритеты и возможные социально-экологические эффекты // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. № 6. С. 675–686.

Грицай О.В., Иоффе Г.А., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.

Гунько М.С. Взаимосвязи малых городов и сельских районов в Центральной России. Автореф. дис. … канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2015.

Гунько М.С., Глезер О.Б. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970−2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76.

Гунько М.С., Пивовар Г.А., Аверкиева К.В. Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 5. С. 18–31.

Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е изд. переработанное. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.

Данилов В.П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. 1974. №094б. С. 46–88.

Дегтярев П.Я. Экономика деградации. Челябинск: Край Ра, 2017. 320 с.

Демидова Т. «Не успеваем продавать!». Где в России ажиотажный спрос на недвижимость. https://www.cian.ru/stati-ne-uspevaem-prodavat-gde-v-rossii-azhiotazhnyj-spros-na-nedvizhimost-308049/ (дата обращения 10.11.2020).

Демографические процессы в Ярославской области за 60 лет. Ярославль: Ярославский областной комитет гос. статистики, 1996.

Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: история географических идей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 672 с.

Дружинин А.Г. Общественно-географические метаморфозы в «зеркале» пандемии COVID-19 // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 9. С. 129–131.

Егоров В.В. Дорога Урала в XXI век и проблема «человеческого капитала» // Урал – XXI век: регион опережающего развития. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. С. 19–24.

Егоров Д.О. Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 32–45.

Егорова Е.В. Заселенность территории и эффективность использования земельных ресурсов сельских муниципальных образований // Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр». 2018. Выпуск № 4 (21). С. 111–117.

Ежегодный отчет главы Невьянского городского округа о результатах его деятельности, деятельности администрации Невьянского ГО и иных подведомственных главе органов местного самоуправления. 2019. http://nevyansk66.ru/economy/ (дата обращения 06.09.2020).

Заец Е.С., Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Новейшие тенденции расселения в Московском столичном регионе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1990. № 6. С. 24–31.

Зайончковская Ж.А. Некоторые направления эволюции расселения // Региональное планирование и управление: Достижения и перспективы. 1985. Вып. 52. № 5. С. 112–125.

Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Земельный фонд. Земельный фонд РСФСР. Приложение к статистическому бюллетеню ЦСУ РСФСР, 19 (171). М., 1961. 46 с.

Земельный фонд. Земельный фонд РСФСР на 1 ноября 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 98 с.

Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы: аналит. доклад / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. 102 с.

Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

Зубаревич *Н.В.* Выход из кризиса: региональная проекция // Вопросы экономики. 2012а. № 4. С. 67–83.

Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012б. № 6 (57). С. 6–19.

Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сельской сети услуг в регионах // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 3. С. 26–38.

Зубаревич Н.В. Бедность в российских регионах в 2000−2017 гг.: факторы и динамика // Население и экономика. 2019. № 3 (1). С. 63–74.

Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 100–110.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 4–17. doi 10.5922/1994-5280-2020-2-1

Зубаревич Н.В., Трейвиш А.И. Традиции и новации в современной российской регионалистике (интегратор знания или информационный мусоровоз?) // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. М.: ИГРАН, МАРС, 2001. С. 14–21.

Иофа Л.Е. Города Урала. Ч. 1: Феодальный период. М., 1951. 423 с.

Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990. 164 с.

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.

Итоги выборочного обследования рабочей силы. М.: ФСГС, 2019, 2020.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

Каганский В.Л. Пандемия коронавируса. Тестирование антропосферы // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 9. С. 138–140.

Калугина З.И. Парадоксы Аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2001.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993.

Ковалев С.А. Сельское расселение. Географическое исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. М., 1980. 287 с.

Коломак Е.А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 82–90.

Кондакова Т.Ю., Старикова А.В. Учебная миграция в вузы Ярославской области и Баварии (сравнительный анализ) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С. 197–207.

Короленко С.А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях // Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб., 1892. С. 80–81.

Костромская область // Ваш выбор. 1994.

Костяев А.И., Бойцов А.С. Типологический подход к исследованию устойчивости развития сельских территорий // Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. Никоновские чтения. М.: ВИАПИ, 2007. С. 343–345.

Кузьминов И.Ф., Нефедова Т.Г. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Социально-экономическая география. Вестн. ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. С. 76–91.

Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет развития и новые возможности. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 392 с.

Кузнецова О.В. Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 4. С. 75–104.

Кузнецова О.В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм=Federalism: Теория. Практика. История. 2020. № 2. С. 20–38.

Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Куприна К.А. Куприн – мой отец // А.И. Куприн. Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 323–438.

Куричев Н.К., Куричева Е.К. Пространственная структура жилищного строительства в Московской агломерации: радиально-секторальная дифференциация // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 1. С. 74–95.

Курцев А.Н. Ротационный характер отходничества крестьян на рубеже XIX–XX веков // Научные ведомости. Курский гос. ун-т. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 94–97.

Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.

Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 236 с.

Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997.

Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый Хронограф, 2012.

Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. №. 4. С. 3–23.

Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М., 2004.

Лексин В.Н., Лексин И.В., Чучелина Н.Н. Качество государственного и муниципального управления и административная реформа. М.: Боброва Э., 2006.

Ленин В.И. (под псевд. Ильин В.). Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. СПб.: Изд-во М.И. Водовозовой, 1899.

Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б. География мирового хозяйства. М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1999. 400 с.

Лола А.М. Основы градоведения и теории города (в российской интерпретации). М.: Комкнига, 2005. 324 с.

Лухманов Д.Н. Эволюция сельского расселения // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. С. 225–272.

Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.

Максимов Б.И. Трудовые организации как субъекты общественной жизни: динамика изменений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3 (2). С. 92–108.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Сестры. Очерк из жизни Среднего Урала. М.: «Правда», 1958.

Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.

Махрова А.Г. Сезонное дачное расселение как индикатор контрастов пространственного развития // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 40–55. doi 10.5922/1994-5280-2020-3-4

Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 68–78.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация населения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г. Сможет ли пандемия Covid-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2021. № 4. С. 104–115.

Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 340 с.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 2012. № 517–518. http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema02.php (дата обращения 23.07.2021).

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та Сер. 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.

Махрова А.Г., Трифонов А.А. Некоторые черты развития урбанизационных процессов в Московском регионе // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 9. 1990.

Медведев А.А., Гунько М.С. Выявление признаков наличного населения по материалам дистанционного зондирования // Изв. высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016. № 6. С. 85–91.

Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Постсоветская трансформация животноводства в Центральной России по данным статистики, космическим снимкам и наблюдениям авторов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 2. С. 176–194.

Медведев А.А., Тельнова Н.О., Кудиков А.В. Дистанционный высокодетальный мониторинг динамики зарастания заброшенных сельскохозяйственных земель лесной растительностью // Вопросы лесной науки. 2019. Т. 2. № 3. С. 1–12.

Между домом и… домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый Хронограф, 2016. 504 с. http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf.

Менделеев Д.И. К познанию России. СПб.: издание А.С. Суворина, 1906. 157 с.

Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. 200 с.

Минц А.А. Подмосковье. М.: Географическая литература, 1961. 303 с.

Минц А.А. Прогнозная гипотеза развития народного хозяйства европейской части СССР // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974. С. 20–54.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. 1. Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 1999. 547 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32.

Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. Социальная политика: экспертизы, рекомендации. Обзоры. 2009. № 11. С. 149–164.

Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.

Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.

Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.

Мкртчян Н.В. Миграции в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019а. № 1 (3). С. 39–52. doi 10.3897/popecon.3.e34780

Мкртчян Н.В. Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрироссийской миграции // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019б. Т. 17. С. 252–268.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Подробные исследования Пермской губернии в двух томах. 1864. 457 с.

Моисеенко В.М. Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 47–56.

Московский столичный регион: взаимодействие структурных элементов. М.: Московский филиал Геогр. Об-ва СССР, 1983. 124 с.

Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. Опыт географических исследований. Вопросы географии. Т. 131. М.: Мысль, 1988. 320 с.

Народное хозяйство РСФСР. Народное хозяйство РСФСР в 1987 году. Статистический сборник. М.: Госкомстат РСФСР, 1988. 591 с.

Народное хозяйство Ярославской области в 1990 г. Ярославль: Госкостат РСФСР, Ярославское управление статистики, 1991.

Наумов А.С. Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земляных ресурсов // Вест. РУДН. Сер. Экономика. 2014. № 3. С. 63–74.

Национальный рейтинг трезвости регионов. 2019, 2020. http://www.trezvros.ru/calendar/953 (дата обращения 12.12.2021).

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 404 с.

Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области и России / Российский северный вектор. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006. С. 10–53.

Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008а. С. 98–120.

Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008б. № 5. С. 14–31.

Нефедова Т.Г. Сжатие освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: ИГ РАН, МАРС, 2010. С. 128–145.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013а. 456 с.

Нефедова Т.Г. Достижения и провалы сельского Татарстана // География. 2013б. № 5 (952). С. 7–13.

Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015а. № 3. С. 41–56.

Нефедова Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп Weekly. 2015б. № 657–658. http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf (дата обращения 23.10.2020).

Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2017а. № 5. С. 7–18.

Нефедова Т.Г. Горожане-дачники в деревне и сохранение традиционных культурных ландшафтов в сельской местности // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. М.: Институт географии РАН, 2017б. С. 382–398.

Нефедова Т.Г. Сельское хозяйство и сельская местность Московской области до и после образования Новой Москвы // Региональные исследования. 2017в. № 4 (58). С. 71–80.

Нефедова Т.Г. Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 111–133.

Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56.

Нефедова Т.Г. Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два «разреза»-профиля // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 18–38.

Нефедова Т.Г., Баскин Л.М., Покровский Н.Е. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 132–143.

Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. Т. 84. № 5. С. 645–659.

Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 58–67.

Нефедова Т.Г., Николаева У.Г. Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия // Население и экономика. 2019. № 3 (1). С. 95–111.

Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство России, или зачем нужна корова. М.: Новое издательство, 2006. 318 с.

Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 25–38.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Кризисное и межкризисное развитие современной России в разных географических масштабах // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 4. С. 7–16.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами: специфика территориальных сдвигов // Региональные исследования. 2013. № 4 (42). С. 31–44.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. №2 (56). С. 12–23.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 31–53.

Николаева У.Г., Русанов А.В. Самоизоляция на даче: Нельзя? Можно? Нужно? // Население и экономика. 2020. № 4 (2). С. 182–198.

Никонов А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.

Новикова Н.В. Новая индустриализация в экономическом пространстве макрорегиона: теория и методология исследования: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2018. 46 с.

Нордстрем К., Риддерстрале Й. Караоке-капитализм: менеджмент для человечества. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 325 с.

Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 268 с.

Овчинцева Л.А. Человеческий потенциал и развитие инфраструктуры сельских территорий / Научно-методические основы устойчивого развития сельских территорий. Вып. 41. М., 2015. С. 110–130.

Ойкумена Ближнего Севера России / ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2016. 262 с.

О производстве и использовании национального дохода (чистой продукции) по Российской Федерации. М.: Гос. комитет по статистике РФ, 1991. 33 с.

Паппе Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес. Первые 15 лет. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 422 с.

Перспективы Российского Севера: очаговая экономика и социальная структура / Ред. Н.Е. Покровский. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007. 378 с.

Перцик Е.Н., Махрова А.Г. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Вопросы географии. Сб. 130. 1988. С. 56–63.

Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.

Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С., Гусаков Т.Ю., Дельва К.И., Корюхин Д.М. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 2. С. 102–104.

Пивоваров Ю.Л. Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Ин-т географии РАН, 1995. С. 17–23.

Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009. 542 с.

Пилясов А.Н. Арктикой стала вся Россия: как жить без агломерационного эффекта? (пять уроков Арктики) // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 9. С. 147–150.

Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Региональная экономика и пространственное развитие // Регион: экономика и социология. 2015. № 4 (88). С. 285–302.

Планирование размещения производительных сил: Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. I. Планирование размещения производительных сил в период построения основ, упрочения и развития социализма / Можин В.П. и др. М.: Экономика, 1985. 304 с.

Плюснин Ю.М, Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 373 с.

*Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «*Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–35.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. 492 с.

Пространственно-временной анализ систем расселения Московского столичного региона. М.: Академия наук СССР, Польская академия наук. 1988. 204 с.

Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. В 2-х кн. / ред. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Аверкиева К.В. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.

Путилова Е.С. Влияние деиндустриализации на социальную структуру населения и человеческий капитал старопромышленных городов уральского экономического района // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 6. С. 94–99.

Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.

Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). М.: Мысль, 1970.

Ракитников А.Н. Территориальная дифференциация сельского хозяйства и сельскохозяйственное районирование // Итоги науки и техники: География СССР. Т. 14. М.: Всесоюзный институт научно-технической информации, 1979.

Рассказов С.В. Историко-географические особенности заселения и хозяйственного освоения Юго-Запада Западно-Сибирской равнины // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. №. 3. С. 63–73.

Регионы России. М.: Росстат, 1996, 1999, 2002, 2003, 2010, 2011, 2012, 2019, 2020.

Рогачев С.В. Пределы Центральной России в восприятии русских литераторов // Российские литераторы, окружающая природа и географическое общество. Вопросы географии. 2020. № 151. С. 15–111.

Родоман Б.Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974. С. 150–162.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 129–130.

Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. М.: Ин-т географии РАН, 2004. С. 82–85.

Родоман Б.Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка – модели и методы изучения. М.: Ин-т географии РАН; Эслан, 2012. С. 41–48.

Родоман Б.Б., Сигалов М.Р. Центральная Россия. География, история, культура. М.: Гелиос АРВ, 2007. 504 с.

Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42–53.

Российская глубинка – модели и методы изучения. М.: Эслан, 2012. 464 с.

Россия и страны мира. Стат. Сборник. М.: ФСГС, 2018.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5: Урал и Приуралье [Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии] / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. 669 с.

Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2019. № 1. С. 29–27.

Рыбников А.А. Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1928.

Рыбников А.А. Перенаселение и борьба с ним // Экономическая география: хрестоматия / Ред. Н.Н. Баранского. Т. II. СССР. М.: Изд-во ком. Ун-та им. Я.М. Свердлова, 1929. С. 60–111.

Савченко А.Б., Трейвиш А.И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 3. С. 90–102.

Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947.

Северное село: традиции и инновации / ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.

Селеев С., Павлов А. Гаражники. Издание фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». М.: Страна Оз, 2016. 160 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М.Е. Кулешовой. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. 220 с.

Семенов-Тян-Шанский П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. ИРГО. 1892. Т. 28. С. 349–369.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб.: Типогр. Киршбаума, 1910. 212 с.

Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / С.С. Артоболевский, Л.М. Сминцеров (ред.). М.: Эслан, 2010. 428 с.

Симагин Ю.А. Современный этап субурбанизации в Московском регионе. М.: НИЦ «Геовектор», 1997.

Сметанин С.И. История предпринимательства в России: Курс лекций. М.: Логос, 2005.

Смирнов С.Н. Региональные факторы социального неравенства и его следствия: Пример современной России // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. № 2. Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты. М., 2017. С. 46–66.

Смирнягин Л.В. Инерция движения в территориальной структуре США и судьба старопромышленных районов // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: Институт географии АН СССР. 1988. С. 38–45.

Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 7–19.

Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Европейская Россия и Урал. В 2-х кн. Кн. 1. Общий обзор / отв. ред. В.М. Котляков, О.Б. Глезер. М.: Паулсен, 2020. (в печати).

Социально-экономическая география в России / под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. РГО. Владивосток: Дальнаука, 2016. 326 с.

Среднерусский регион: проблемы и перспективы (АО РАУ-Корпорация, КЕПС РАН). М.: Инф.-аналит. агенство «Обозреватель», 1995. 140 с.

Старая и Новая Москва: тенденции и проблемы развития. М.: РГО, 2018. 338 с.

Старикова А.В., Трейвиш А.И. Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 13–22.

Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития / ред. В.Н. Стрелецкого. М.: ИП Матушкина, 2019. 306 с.

Статистический ежегодник России. 1914 г. Издание ЦСК МВД. Пг., 1915. Отдел I. Приводится по изданию: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/ (дата обращения 09.12.2021).

Стрелецкий В.Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России // Вестн. исторической географии. 1999. № 1. С. 31–54.

Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.

Структура промышленности Костромской области. Официальный сайт Администрации Костромской области. 2018. http://investkostroma.ru/kostromskaya-oblast/promyshlennost/struktura-promyshlennosti-kostromskoy-oblasti (дата обращения 09.12.2021).

Студенский Г.А. К вопросу об организационных планах с.-х. предприятий. Самара: «Красный октябрь» Самполиграфтреста, 1929.

Судакова Ю. Спрос на «загородку» не спадает. У строителей очереди на месяцы. https://www.cian.ru/stati-spros-na-zagorodku-ne-spadaet-u-stroitelej-ocheredi-na-mesjatsy-306891/ (дата обращения 05.11.2020).

Тархов С.А. Изменения авиатранспортной связности городов России в 1990–2015 гг. // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2018. № 4. С. 5–26.

Теоретические и практические проблемы сохранения культурного и природного наследия. Материалы междунар. конф. / Сост. и ред. Ю. Веденин, Т. Семенова. М.: Институт Наследия, 2013. 360 с.

Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов / Г.А. Приваловская, С.А. Тархов, А.И. Трейвиш и др. М.: Наука, 1995. 181 с.

Ткаченко А.А., Смирнов И.П., Смирнова А.А. Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5: География. 2019. № 2. С. 78–85.

Торопов С.Н. Мантурово. Страницы истории. Мантурово, 1998.

Торопов С.Н. История православных приходов Мантуровской земли. Кострома: ДиАр, 2012. 352 с.

Трейвиш А.И. Устойчивость расселения и способы ее географического исследования // Эволюция расселения в СССР. Ч. 2. М.: Академия наук СССР, 1989. С. 21–43.

Трейвиш А.И. Россия: население и пространство // Демоскоп Weekly. 2003. № 95–96. http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema01.php (дата обращения 09.12.2021).

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 369 с.

Трейвиш А.И. Население регионов Российской Федерации современного состава в 1897 году: методы и результаты оценки // Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском кон-

тинууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Ставрополь – Фрайбург, 2011. С. 132–141.

Трейвиш А.И. Центральная Россия и Московский регион: вершина в социальном «кратере» // География и экология в школе XXI века. 2013. № 3. С. 3–24.

Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.

Трейвиш А.И. Мобильность и развитие общества в пульсирующем пространстве // География мирового развития. Вып. 3 / Ред. Л.М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 16–38.

Трейвиш А.И. Европейская Россия в хозяйстве страны и основные черты ее экономической географии // Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Европейская Россия и Урал. В 2-х кн. Кн. 1. Общий обзор / отв. ред. В.М. Котляков, О.Б. Глезер. М.: Паулсен, 2020. (в печати).

Трейвиш А.И. Исторический опыт модернизации российского общества и пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 12–50.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и в России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные аспекты. 2021. С. 49–72.

Тяжелая индустрия. Список предприятий НКТП, нанесенных на карты Европейской и Азиатской частей СССР. М.: Всесоюзный картографический трест, 1936. 43 с.

Угличский речной порт. 2011. http://www.portofuglich.ru/article.sdf/company/index.

Узун В.Я. «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 года // Мониторинг. 2017. № 21 (59). С. 14–21.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

Фаринюк Ю.Т., Егорова Е.В. Типология регионов Нечерноземной зоны России по уровню развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве 2015. № 1 (22). С. 35–38.

Фет А. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.

Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.

Хауке М.О. Пригородная зона большого города. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. 170 с.

Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017.

Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы РСФСР // Экономическая география. Т. 2: СССР / Под ред. Н.Н. Баранского. М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1929.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Федеральная служба государственной статистики, 2000, 2001, 2006, 2012, 2015, 2018, 2019, 2020, 2021.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. Научные доклады РАНХиГС. № 4 (19). М.: Изд. дом «Дело», 2019. 96 с.

Шакутин Ю. Письма из Угор // Возвращение к земле. Верхне-Волжское книжное издательство. Ярославль, 1985.

Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть. М.: Страна Оз, 2016. 184 с.

Швецов А.Н. Государственный патернализм или региональная свобода? // Федерализм. 2016. № 2. С. 109–122.

Шупер В.А., Эм П.П. Расширение Москвы: альтернатива с точки зрения теории центральных мест // Российская глубинка: модели и методы ее изучения. М.: Институт географии РАН, 2012. С. 124–135.

Щепеткова И.О. Территориальная организация садово-дачных образований в пригородах Перми // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 4. С. 46–54.

Щербакова Е. Миграции в России, итоги первого полугодия 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 827–828. http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0827/index.php (дата обращения 14.04.2020).

Экономическая география. Т. 2. СССР / Ред. Н.Н. Баранского. М.: Изд-во коммунистич. ун-та им. Свердлова, 1929. 829 с.

Экономико-географические проблемы развития столичных регионов. Новосибирск: изд-во СО АН СССР, 1985. 143 с.

Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2-е. СПб., 1881.

Ярославия – города и районы области за 2018 год. Ярославль: Терр. орган федер. службы гос. статистики по Ярославской обл., 2019.

Ярославская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел; обработан Старшим Редактором Артемьевым. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1865. 380 с.

Ярославская область // Ваш Выбор. Центр изучения российских земель, 1993.

Ярославский характер / Смирнов Я.Е., Ермолин Е.А.; под общ. ред. Горошникова В.В. 2-е изд., испр. и доп. Рыбинск: Медиарост, 2018. 108 с.

Alcantara C., Kuemmerle T., Baumann M., Bragina E.V., Griffiths P., Hostert P., Knorn J., Müller D., Prishchepov A.V., Schierhorn F. Mapping the extent of abandoned farmland in Central and Eastern Europe using MODIS time series satellite data // Environmental Research Letters. 2013. Vol. 8. № 3.

Argenbright R. Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion // The Geographical Review. 2013. № 103 (1). P. 20–36.

Argenbright R., Bityukova V.R., Kirillov P.L., Makhrova A.G., Nefedova T.G. Directed suburbanization in a changing context: "New Moscow" today // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Issue 3. P. 211–239. doi 10.1080/15387216.2019.1707700

Bartalev S., Plotnikov D., Loupian E. Mapping of arable land in Russia using multi-year time series of MODIS data and the LAGMA classification technique // Remote Sensing Letters. 2016. Vol. 7. Issue 3. P. 269–278.

Bell D., Jayne M. Small cities? Towards a research agenda // International Journal of Urban and Regional Research. 2009. № 33 (3). P. 683–699.

Burger M.J. et al. Borrowed size, agglomeration shadows and cultural amenities in North-West Europe // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. №. 6. P. 1090–1109.

Combes P.-P., Lafourcade M., Thise J.-F., Toutain J.-C. The Rise and Fall of Spatial Inequalities in France: A long-run perspective. 2008. ffhalshs-00586214f

Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. № 32 (5). P. 397–422.

De Haas H. Migration and development: A theoretical perspective // International Migration Review. 2010. Vol. 44. № 1. P. 227–264.

Dijkstra L., Poelman H., Veneri P. The EU-OECD definition of a functional urban area. OECD Regional Development Working Papers, 2019. https://doi.org/10.1787/d58cb34d-en.

Dukes P. A history of the Urals: Russia's crucible from early empire to the post-soviet era. London: Bloomsbury, 2015.

Ellegård K. Thinking Time Geography: Concepts, Methods and Applications. London, Routledge, 2018.

Etzioni A. The Reindustrialization of the United States // Euler Hermes Economic Outlook. Special Report. № 1187. N.Y., 2013. http://www.eulerhermes.us/ reindus-trialization.pdf.

Fielding A.J. Migration and Urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical Journal. 1989. Vol. 155. № 1. P. 60–69.

Friedmann J. Regional Development Policy. A Case Study of Venezuela. Cambridge: Mass. Inst. Tech. Press, 1966.

Functional urban areas by country. 2011. https://www.oecd.org/regional/regional-statistics/functional-urban-areas.htm (дата обращения 01.09.2021).

Geyer H.S., Kontuly T. A Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review. 1993. Vol. 15. № 2. P. 157–177.

Gibbs J. The Evolution of Population // Econ. Geography. 1963. Vol. 39. № 2. P. 119–129.

Gunko M., Medvedev A. “Seasonal suburbanization” in Moscow oblast: Challenges of household waste management // Geographia Polonica. 2016. № 89 (4). P. 473–484. https://doi.org/10.7163/GPol.0069.

Gunko M., Medvedev A. Dull place or green idyll: local identity and migration intentions of small city youth // Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie. 2018. № 109 (5). P. 661–676.

Gunko M., Sheludkov A., Novkunskaya A. Demographic and services-related dimensions of urban shrinkage in Russian small cities // CIST2020 proceedings: Population, temps, territoires. Paris, 2020. P. 269–272.

Hägerstrand T. What About People in Regional Science? // Papers of the Regional Science Association. 1970. No. 24. P. 7–21.

Halfacree K. Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities // Population, space and place. 2012. № 18 (2). P. 209–224.

Hall C.M., Muller D.K. (ed.). The Routledge Handbook of Second Home tourism and Mobilites. Routledge. London and New York. 2018. 365 p.

Hannonen O., Pitkänen K. Second home mobility in Finland during the pandemic period // Тезисы доклада на Апрельской конференции ВШЭ, секция «Социология», 22 апреля 2021.

Hansen M.C., Potapov P.V., Moore R., Hancher M., Turubanova S.A., Tyukavina A., Thau D., Stehman S.V., Goetz S.J., Loveland T.R. et al. High-Resolution Global Maps of 21st-Century Forest Cover Change // Science. 2013. Vol. 342. № 6160. P. 850–853.

Harris Ch. Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970.

Henry L.A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M. Corporate social responsibility and the oil industry in the Russian Arctic: Global norms and neo-paternalism // Europe-Asia Studies. 2016. № 68 (8). P. 1340–1368.

Kamp J. Weighing up reuse of Soviet croplands // Nature. 2014. № 505. P. 483.

Karger D.N., Conrad O., Böhner J., Kawohl T., Kreft H., Soria-Auza R.W., Zimmermann N.E., Linder H.P., Kessler M. Data from: Climatologies at high resolution for the earth’s land surface areas // Dryad Digital Repository. 2017. doi.org/10.5061/dryad.kd1d4

Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. 2020. Vol. 85. № 1. P. 173–185.

Klapka P., Ellegard K., Frantál B. What about Time-Geography in the post-Covid-19 era? // Moravian Geographical Reports. 2020. No. 28 (4). P. 238–247.

Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. № 3. P. 483–499.

Kühn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. № 2. P. 367–378.

Kulu H., Lundholm E., Malmberg G. Is spatial mobility on the rise or in decline? An order-specific analysis of the migration of young adults in Sweden // Population Studies. 2018. № 72. P. 323–337.

Kwan M.-P. Gender, the Home–Work Link, and Spacetime Patterns of Non-Employment Activities // Economic geography. 1999. No. 75. P. 370–394.

Lang T., Henn S., Ehrlich K., Sgibnev W. Understanding new Geographies of Central and Eastern Europe. Socio-Spatial Polarization and Peripheralization in a Rapidly Changing Region. London: Palgrave, 2015.

Lesiv M., Schepaschenko D., Moltchanova E., Bun R., Dürauer M., Prishchepov A., Schierhorn F., Estel S., Kuemmerle T., Alcantara C., Concepcion P.C. et al. Spatial distribution of arable and abandoned land across former Soviet Union countries // Scientific Data. 2018. № 5. https://doi.org/10.1038/sdata.2018.56.

Levin N. The impact of seasonal changes on observed nighttime brightness from 2014 to 2015 monthly VIIRS DNB composites // Remote Sensing of Environment. 2017. № 193. P. 150–164. https://doi.org/10.1016/j.rse.2017.03.003.

Li S., Li X. Global understanding of farmland abandonment: a review and prospects // J. Geogr. Sci. 2017. № 27. P. 1123–1150. https://doi.org/10.1007/s11442-017-1426-0.

Liao L.B., Weiss S., Mills S., Hauss B. Suomi NPP VIIRS day-night band on-orbit performance: VIIRS DAY-NIGHT BAND PERFORMANCE // Journal of Geophysical Research: Atmospheres. 2013. № 118 (22). P. 12705–12718. https://doi.org/10.1002/2013JD020475.

Makhrova A.G. The Seasonal Dacha Settlement Pattern as an Indicator of Spatial Development Contrasts // Regional Research of Russia. 2021. V. 11. № 2. P. 199–211.

Makhrova A., Kirillov P., Bochkarev A. Work Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data // Regional Research of Russia. 2017. No. 7 (1). P. 36–44. doi 10.1134/S2079970517010051.

Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L., Kazakov E.E. Moscow Dachas: Will the Second Home Become the First? // Regional Research of Russia. 2021. V. 11. № 4. P. 517–530.

Man D.C., Tsubasa H., Fukui H. Normalization of VIIRS DNB images for improved estimation of socio-economic indicators // International Journal of Digital Earth. 2020. https://doi.org/10.1080/17538947.2020.1849438

Massey D. Spatial Divisions of Labor: Social Structures and the Geography of Production. N.Y.: Methuen, 1984. 339 p.

Mills S., Weiss S., Liang C. VIIRS day/night band (DNB) stray light characterization and correction (J.J. Butler, X. (Jack) Xiong, & X. Gu, Eds.; p. 88661P). 2013. https://doi.org/10.1117/12.2023107

Morris J. Hauntology and the trauma of social change: deindustrializing communities in Mumbai and provincial Russia // City and Community. 2018. № 30 (1). https://doi.org/10.1111/ciso.12147

Myrdal G. Economic Theory and Under-Developed Regions. London: G. Duckworth, 1957. 167 p.

Nadler R. Multilocality: An Emerging Concept between the Terms of Mobility and Migration. 2009. 10.13140/RG.2.1.1289.9927

Nefedova T.G., Pokrovsky N.E. Terra incognita of the Russian near North: Counter-urbanization in today's Russia and the formation of dacha communities // European Countryside. 2018. № 10 (4). P. 673–692. https://doi.org/10.2478/euco-2018-0037

Norman J.R. Small Cities USA: growth, diversity, and inequality. New Brunswick, London: Rutgers Univ. Press, 2013.

Okun A.M. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1975. 124 p.

Olson D.M., Dinerstein E., Wikramanayake E.D., Burgess N.D., Powell G.V.N., Underwood E.C., D'Amico J.A., Itoua I., Strand H.E., Morrison J.C., Loucks C.J., Allnutt T.F., Ricketts T.H., Kura Y., Lamoreux J.F., Wettengel W.W., Hedao P., Kassem K.R. Terrestrial ecoregions of the world: a new map of life on Earth // Bioscience. 2001. № 51 (11). P. 933–938.

Paudel B., Wu X., Zhang Y., Rai R., Liu L., Zhang B., Khanal N., Koirala H., Nepal P. Farmland abandonment and its determinants in the different ecological villages of the Koshi River Basin, Central Himalayas: Synergy of high-resolution remote sensing and social surveys // Environmental Research. 2020. 188. 109711. https://doi.org/10.1016/j.envres.2020.109711

Peripheralization: The making of spatial dependencies and social injustice / Fischer-Tahir A., Naumann M. (eds). Wiesbaden: Springer, 2013. 320 p.

Poletaev D.V. Adaptation and Integration of Labour Migrants from the EAEU in Russia on the Example of Migrants from Kyrgyzstan // Population and Economics. 2020. No. 4 (1). P. 20–37. doi 10.3897/popecon.4.e50747

Potapov P.V., Turubanova S.A., Tyukavina A., Krylov A.M., McCarty J.L., Radeloff V.C., Hansen M.C. Eastern Europe's forest cover dynamics from 1985 to 2012 quantified from the full Landsat archive // Remote Sensing of Environment. 2014. doi:10.1016/j.rse.2014.11.027

Rampton V., Maguire M. Russia on edge: Centre and periphery in contemporary Russian culture // Studies in East European Thought. 2011. Vol. 68. No. 2. P. 87–94.

Richardson H.W. Polarization Reversal in Developing Countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. № 45. P. 67–85.

Robinson J. Ordinary cities: Between modernity and development. London: Routledge, 2006.

Rodríguez-Pose A. The Revenge of the places that don't matter (and what to do about it) // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. № 11. P. 189–209.

Rogers E.M. Diffusion of innovations. N.Y.: Macmillan, 1962. 367 p.

Saxer M., Andersson R. The return of remoteness: insecurity, isolation, and connectivity in the new world disorder // Social Anthropology. 2019. № 27 (2). P. 140–155.

Schepaschenko D., McCallum I., Shvidenko A., Fritz S., Kraxner F. and Obersteiner M. A new hybrid land cover dataset for Russia: a methodology for integrating statistics, remote sensing

and in situ information // Journal of Land Use Science. 2011. Vol. 6. Issue 4. P. 245–259. doi 10.1080/1747423X.2010.511681.

Scott J.C. Seeing like a state: how certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1998. 445 p.

Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (Ed.). Farnham: Ashgate Publishers, 2013. 331 p.

Second home tourism in Finland. Reports of the Finnish Environment Institute. 2015. 96 p.

Sheludkov A., Starikova A. Night-time lights satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast) // Regional Science Policy and Practice. 2021. https://doi.org/10.1111/rsp3.12441

Shi T., Li X., Xin L., Xu X. The spatial distribution of farmland abandonment and its influential factors at the township level: a case study in the mountainous area of China // Land Use Pol. 2018. № 70. P. 510–520. https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.10.039.

Starikova A.V. Population Mobility in Bavaria: Spatio-Temporal Features and Migration Flows in the Early 21st Century // EUROPA XXI. 2018. No. 34. P. 59–78. doi 10.7163/Eu21.2018.34.4

Stone C. Regime politics. Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

Stuvøy K., Shirobokova I. Multiscalar entanglements in the post-socialist city: monotown restructuring, spatial re-ordering and urban inequality in Russia // Eurasian Geography and Economics. 2021. https://doi.org/10.1080/15387216.2021.1944246

Taylor J.R., Lovell S.T. Mapping public and private spaces of urban agriculture in Chicago through the analysis of high-resolution aerial images in Google Earth // Landsc. Urban Plan. 2012. № 108. 57e70. http://dx.doi.org/10.1016/j.landurbplan.2012.08.001.

Tsing A.L. The mushroom at the end of the world. On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2015.

Turok I. Cities, regions and competitiveness // Regional Studies. 2004. № 38 (9). P. 1069–1083.

Verdery K. The vanishing hectare. Property and value in post-socialist Transylvania. Itaca & London: Cornell Univ. Press, 2003.

Weichhart P. Multilokalität – Konzepte, Theoriebezüge und Forschungsfragen // Informationen zur Raumentwicklung. 2009. Heft 1/2. P. 1–14.

Yemtsov R. Quo Vadis: Inequality and Poverty Dynamics across Russian Regions // Working Paper / The World Bank. Washington D.C., 2003.

Zelinsky W. The hypothesis of mobility transition // Geographical Review. 1971. V. 61. № 2. P. 219–249.

Zelinsky W., Lee B. Heterolocalism: an alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities // International Journal of Population Geography. 1998. № 4. P. 281–298.

Zhang Y., Li X., Song W. Determinants of cropland abandonment at the parcel, household and village levels in mountain areas of China: a multi-level analysis // Land Use Pol. 2014. № 41. P. 186–192. https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.05.011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкиева Ксения Васильевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
k_averkieva@igras.ru

Глезер Ольга Борисовна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
olga.glezer@yandex.ru

Гунько Мария Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
msgunko@igras.ru

Денисов Евгений Александрович, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
denisov@igras.ru

Махрова Алла Георгиевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник института географии РАН
almah@mail.ru

Медведев Андрей Александрович, кандидат географических наук, заведующий отделом картографии Института географии РАН
a.a.medvedeff@gmail.com

Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН
trene12@igras.ru

Старикова Александра Вячеславовна, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
a.v.starikova@igras.ru

Трейвиш Андрей Ильич, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН
trene12@yandex.ru

Шелудков Александр Владимирович, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
a.v.sheludkov@igras.ru

Аверкиева К.В., Глезер О.Б., Гунько М.С., Денисов Е.А.,
Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г., Старикова А.В.,
Трейвиш А.И., Шелудков А.В.

Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.

Отпечатно в ООО «Галлея-Принт»
Москва, 5-я Кабельная ул., д. 2Б.
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз.